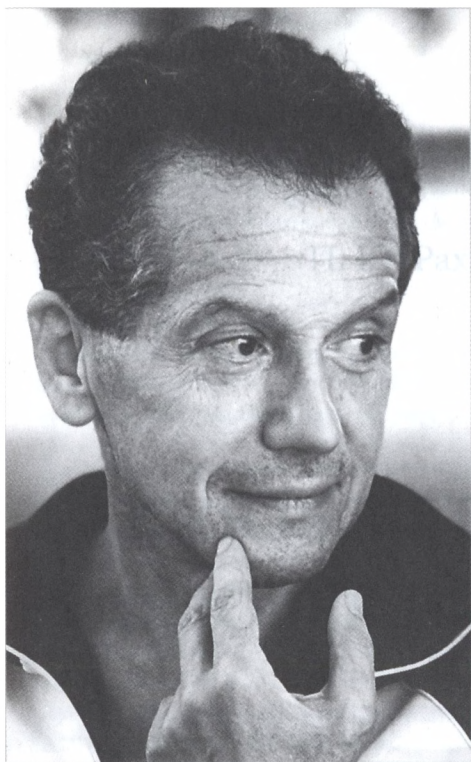


П. Ю. Рахшмир КНЯЗЬ МЕТТЕРНИХ: ЧЕЛОВЕК И ПОЛИТИК

П. Ю. Рахшмир



КНЯЗЬ МЕТТЕРНИХ:  
ЧЕЛОВЕК И ПОЛИТИК



**Павел Юхимович Рахшир**  
родился 18 июля 1935 г. на Украине, в городе Каменец-Подольском Хмельницкой области.

В 1958 г. окончил историческое отделение историко-филологического факультета Пермского государственного университета (ПГУ). В 1975 г. защитил докторскую диссертацию и получил степень доктора исторических наук. Является ведущим преподавателем историко-политологического факультета ПГУ, читает основные курсы по новейшей истории стран Запада, истории политической мысли, философии политики. Им разработаны нашедшие признание в отечественной и зарубежной научной среде типологии фашизма и консерватизма, раскрыты общие и особенные черты западно-европейской, американской и российской консервативной традиции, политические и ценностные предпосылки консенсуса между консерваторами и либералами.

Автор более 150 научных публикаций. В 1989–1991 гг. был членом экспертного совета ВАК СССР по всеобщей истории. С 1995 г. возглавляет центр исследований по консерватизму при ПГУ, который регулярно проводит международные конференции по проблемам консерватизма. В 1997 г. награжден орденом Почета.



П. Ю. Рахшмир

# **КНЯЗЬ МЕТТЕРНИХ: ЧЕЛОВЕК И ПОЛИТИК**

Издательский дом «Коммерсантъ» в Перми»  
Пермь 2005

*Большое спасибо генеральному директору управляющей компании  
«Российский индустриальный альянс» Юрию Борисовцу  
за понимание научных проблем и истории политики.*

Рецензенты: д-р ист. наук профессор Московского государственного института международных отношений (Университет МИД РФ) М. М. Наринский; кафедра всеобщей истории Пермского государственного педагогического университета.

**Рахшмир П. Ю.**

**Р 27** Князь Меттерних: человек и политик. — Пермь: «Коммерсантъ» в Перми, 2005. — 408 с.

**ISBN 5-88345-087-3**

Почти четыре десятилетия австрийский канцлер князь К.-В.-Л. Меттерних (1773–1859) являлся одним из главных действующих лиц на европейской политической сцене. Он был «главным режиссером» знаменитого Венского конгресса 1815 г. Его называли «первым министром Европы». О времени с 1815 по 1848 г. до сих пор говорят как об эпохе Меттерниха. К самым интересным эпизодам биографии князя относятся его не поддающиеся однозначной оценке отношения с Наполеоном. Драматическими коллизиями насыщены и его отношения с российскими императорами Александром I и Николаем I. С Россией князя связывала не только политика, но и любовь. Внучка Бирона, жена Багратиона, сестра Бенкендорфа — таков букет героинь российских романов любвеобильного князя.

Книга полезна для историков-специалистов; адресована широкому кругу читателей, интересующихся европейской историей.

**ББК 63. 6(0)6**

## ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Павел Юхимович Рахшмир — ученый, чьи труды известны и в России, и за рубежом. Автор более 150 научных работ, создатель и научный руководитель центра по исследованиям консерватизма при Пермском государственном университете — он является одним из крупнейших специалистов по проблематике идейно-политических течений. Не случайно за консультациями к профессору Рахшмиру регулярно приезжают аспиранты из Великобритании, Германии, Финляндии, США и других зарубежных стран.

При всей своей академичности работы П. Ю. Рахшмира написаны живым языком и легко могут быть восприняты даже не специалистами в области исторической или политической науки. Автор, по его собственному определению, использует историко-биографический подход. Любой открывший книгу Павла Рахшмира имеет возможность не просто получить информацию, но, по сути, погрузиться в историческую среду, словно становясь свидетелем жизненных перипетий деятелей прошлого. Благодаря глубочайшим историческим познаниям автора читатель может разглядеть многие обстоятельства, в действительности предопределявшие поступки и мысли великих людей. В конечном счете, как считает профессор Рахшмир, историко-биографический подход помогает проникнуть в глубинные индивидуально-психологические пласты бесконечного мира политической мысли.

В таком ключе написана и книга П. Ю. Рахшмира «Князь Меттерних: человек и политик». Особая ценность монографии заключается в том, что автор проводит глубокие аналогии между историческим прошлым и современным состоянием политико-философской мысли. В результате книга способна пролить свет на многие широко обсуждаемые современные международные политические и правовые проблемы, такие как европейская интеграция, борьба за мировое лидерство и многие другие.

Выход в свет книги, выполненной на высоком профессиональном и интеллектуальном уровне, это всегда событие. В данном случае — событие, выходя-

щее за рамки одного региона и даже одной страны. В этом смысле «Князь Меттерних» может быть оценен как своеобразная презентация интеллектуального потенциала Пермского края, подтверждение его статуса как научного и культурного центра. Мы также искренне убеждены в том, что эта книга станет украшением любой библиотеки и будет по достоинству оценена профессионалами. Кроме того, данное издание будет способствовать пробуждению интереса многих пермяков, в особенности молодежи, к истории, политике, к знанию в широком смысле этого слова.

За помощь и содействие при подготовке книги к изданию мы благодарим **Арсения Павлова, Елену Андрееву, Сергея Булдашова, Михаила Давыдова, Сергея Казакова, Игоря Кириянова, Юлию Кормилину, Сергея Корнейчука, Александра Костарева, Екатерину Набатову, Вячеслава Овчинникова, Илью Поносова, Марину Старкову, Ларису Студеникину, Антона Субботина, Дмитрия Торбеева, Любовь Фадееву, Дмитрия Чечкина.**

Мы благодарим представителей пермского бизнеса, всерьез относящихся к интеллектуальному потенциалу Прикамья и умеющих оценить подлинные достижения пермской научной мысли. Вот их имена: **Максим Бакшинский, Владимир Нелюбин, Алексей Чернов, Всеволод Бельтюков.**

Мы также выражаем особую благодарность администрации Пермской области и лично вице-губернатору **Валерию Сухих**, советнику губернатора **Николаю Яшину** и начальнику управления внутренней политики **Сергею Неганову.**

**Издательский дом «Коммерсантъ» в Перми»**

## ВВЕДЕНИЕ. ЧЕЛОВЕК, ДАВШИЙ ИМЯ ЭПОХЕ

### I

Князю Клеменсу Венцелю Лотару Меттерниху принадлежит видное место в европейской истории. Немногие дипломаты и государственные деятели удаивались такой чести, чтобы с их именем связывали целую эпоху. Среди этих избранников истории и австрийский канцлер. В течение почти 39 лет он стоял у руля внешней политики Австрийской империи. Его называли дирижером «концерта европейских держав», «первым министром Европы» и т. п. «Веком» или «эрой Меттерниха» многие историки и публицисты именовали эпоху с 1815 по 1848 г., между «веком Наполеона» и Бисмарка.

Каждый крупный политический деятель вступает в особые отношения с тем временем, которое с ним ассоциируется. Одни ускоряют ключевые тенденции времени, другие, наоборот, тормозят их. Далеко не всегда то и другое свершается продуманно, с сознательной целью. Но это не относится к Меттерниху. Характерной чертой его политики было четко артикулированное стремление противостоять напору времени, сохранить существующее положение вещей в Австрийской империи и в Европе. Есть достаточно оснований считать его идеальным воплощением классического консерватора, не упуская при этом из виду, что индивидуальное, единичное на практике всегда богаче, многообразнее типологизирующей мысленной конструкции.

Сама жизнь Меттерниха — это целая полоса европейской истории, охватывающая без малого столетие (1773–1859 гг.). В той или иной мере он творил историю и стремился ее осмыслить. «Я отношусь к людям, которым была дарована редкая судьба: я жил в поворотное время всемирной истории и пережил его»<sup>1</sup>, — писал князь в своем политическом завещании. «Я делал историю, — продолжал он, — и поэтому у меня не находилось времени для того, чтобы ее писать»<sup>2</sup>. Действительно, решение этой, последней задачи он предоставил другим. Но, будучи человеком, «охочим до пера», канцлер неоднократно и порой довольно пространно излагал свое видение истории и свое понимание политики. В его обширном письменном наследии прослеживаются элементы и философии истории, и философии политики.

«Меттернихиана», или, благозвучнее, «Клеменсиана», стала складываться еще при жизни князя. О нем писали услужливые апологеты, не молчали и многочисленные враги. За более чем полтора столетия отложился солидный исто-



риографический массив, анализ которого потребовал бы написания специальной монографии. Интересно, что эволюция «Клеменсианы» во многом отражает характер ее героя. В ней практически нет каких-то заметных всплесков (даже юбилейных), историографический процесс протекает сравнительно ровно, в ритме, соответствующем темпераменту князя.

Некоторое оживление отмечалось в связи с проблемами мирного урегулирования после двух мировых войн и попытками создания некоего устойчивого миропорядка. Тогда неизбежно возникали ассоциации и параллели с Венским конгрессом. Вспоминают о Меттернихе и в наши дни, когда мировое общество пытается найти альтернативную модель ушедшей в прошлое двухполюсной системе международных отношений.

Жизнь и деятельность Меттерниха привлекала таких выдающихся историков XIX в., как О. Лоренц, Г. Трейчке, Г. Зибель, А. Сорель. Многие из авторитетных исследователей, особенно в области международных отношений, не обошли Меттерниха своим вниманием и в XX столетии. Из множества посвященных ему произведений выделяется монументальный труд известного австрийского историка Генриха фон Србика, увидевший свет вскоре после Первой мировой войны (1925 г.). По масштабности подхода и многообразию поднятых проблем ему до сих пор нет равных.

При всей научной добросовестности Г. фон Србик не избежал искуса апологетики. Конечно, речь идет не о примитивном восхвалении героя исследования, замалчивании не красящих его деяний и черт характера. Просто, следуя известному принципу Леопольда фон Ранке о необходимости симпатии историка к объекту исследования, Г. фон Србик часто заходит слишком далеко в этом направлении.

Главным оппонентом Г. фон Србика выступил другой австрийский историк Виктор Библь, чью позицию с абсолютной ясностью выражает название его книги «Меттерних. Демон Австрии» (1936 г.).

Между этими двумя полюсами, обозначенными фигурами Г. фон Србика и В. Библи, располагается основной набор ценностных суждений, хотя встречаются и такие, которые по своей крайности превосходят отмеченные пределы.

В целом резко критически настроенных по отношению к Меттерниху авторов гораздо больше, чем тех, кто воспринимает его с той или иной степенью благожелательности. На него обрушивались революционеры и радикалы, либералы и всякого толка националисты. Его имя стало символом махровой реакции и иммобилизма. Образ князя (кстати, во многом с его собственной подачи) ассоциировался с пауком, ткущим из венской канцелярии свою сеть, опутывающую всю Европу. Своими делами и словами, своим поведением Меттерних давал немало поводов для таких характеристик, как «салонный Адонис», «великая посредственность», «блестящий дипломат, но заурядный политик», «острый диагност, но плохой лекарь» и т. д. Называли его и «Мефистофелем», и «самым ненавидимым человеком в Европе».

Однако уже Первая мировая война и ее последствия побудили некоторых

аналитиков по-иному взглянуть на канцлера и его соратников по кабинетной дипломатии. «Его забота о мире в Европе, его отказ воспринимать крикливые требования националистов, — по словам видного британского историка Э. Л. Вудворда, — в значительной мере могут компенсировать его односторонность и некоторые из его ошибок»<sup>3</sup>. В книге другого английского автора, А. Сесилия, появившейся за несколько лет до Второй мировой войны, подчеркивалось, что «система Меттерниха покоилась на эффективном сотрудничестве великих европейских держав», и вообще «ни один другой государственный деятель нового времени не обладал в такой мере чувством Европы»<sup>4</sup>.

Не могло не всплыть имя Меттерниха и в связи с европейской интеграцией после Второй мировой войны. Учесть меттерниховский опыт предлагал, в частности, консервативный американский историк и литератор П. Вирек. Он убеждал в необходимости подходить к деятельности австрийского канцлера без предрассудков. Совсем не нужно обелять князя, однако следует «извлечь из его политического опыта то, что все еще представляет ценность»<sup>5</sup>. Это, по мнению Вирека, тем более важно, что Меттерних был «единственным практическим политиком, обладавшим даром философского обобщения»<sup>6</sup>. Опыт двух мировых войн, во многом спровоцированных столь ненавистным для канцлера национализмом, свидетельствует, на взгляд Вирека, о том, что Меттерних ближе западной культуре, чем его враги, такие как карбонарии или барон фон Штейн<sup>7</sup>.

Высокую оценку мирному урегулированию в постнаполеоновской Европе дал и только начинавший свою политическую карьеру Г. Киссинджер. В этом он видел заслугу Меттерниха. К несчастью для австрийского канцлера, отметил Киссинджер, «история второй половины XIX в. была написана его врагами, предавшими анафеме его принципы и политику, а его достижения приписали противоречивой смеси хитрости, удачи, посредственности и некомпетентности противников, не объясняя, каким образом такой человек ухитрился наложить отпечаток на свое время»<sup>8</sup>.

И хотя пророчества князя, любившего сравнивать себя с Нострадамусом, сбывались не так уж часто, одно из них, пусть и не в полной мере, стало осуществляться. Не один раз Меттерних говорил о том, что историкам потребуется по меньшей мере столетие, чтобы понять и оценить по достоинству его историческую роль. Действительно, с течением времени стали стираться ситуационные моменты деятельности канцлера, рельефнее вырисовываются, если так можно сказать, структурные элементы его подхода к политической проблематике. На фоне ужасающего опыта XX в., с его мировыми войнами, Освенцимом и Гулагом, тоталитарными вождями, полицейский режим Меттерниха может показаться чуть ли не идиллией и образцом правового государства, а сам князь — гуманистом или, по крайней мере, строгим блюстителем правовых норм.

Конечно, в «Клеменсиане» все еще доминирует традиционный, преимущественно негативный взгляд на ее героя, но все же ощущаются некоторые подвижки по направлению к Србику. Свидетельством тому может служить, в

частности, увлекательная книга американки Дороти Макгиган «Меттерних и герцогиня» (1975 г.), посвященная самому бурному роману в жизни князя. Любимая история Меттерниха и герцогини Саган удачно вписана в обширный контекст европейской истории и базируется на богатейшем источниковом материале из архивов Чехословакии, Австрии, Франции и Великобритании. Благодаря общению с потомками персонажей своей книги, прежде всего с князем Паулем и княгиней Татьяной Меттернихами (княгиня — урожденная Васильчикова), князьями Людвигом Аладаром и Йозефом Виндишгрецами, графиней Элен Медем и некоторыми другими Д. Макгиган смогла непосредственно соприкоснуться с семейными традициями, получить уникальную информацию, познакомиться с редкими иконографическими материалами, часть которых воспроизведена в иллюстрациях к ее книге.

У Д. Макгиган австрийский канцлер при всех своих недостатках предстает истинным европейцем, для которого высшей ценностью является мир. Он совсем не похож на созданный его противниками образ крайнего реакционера. Д. Макгиган приводит слова Меттерниха, сказанные им в июне 1836 г. ее соотечественнику, американскому ученому Дж. Тикнору: «Я умерен во всем, и я стремлюсь быть более умеренным... Но меня очень часто не понимают. Меня считают великим абсолютистом в политике. Но я не таков. Это верно, что я не люблю демократии; демократия — везде и всегда принцип, влекущий за собой разложение; в ней заключена тенденция к разделению людей, ослаблению общественных уз. Это не соответствует моему характеру. Мой характер и мои привычки конструктивны»<sup>9</sup>.

Весьма сбалансированный и тщательно выписанный портрет Меттерниха дает известный французский историк, глубокий знаток европейской истории XIX в. Гийом де Бертье де Совиньи. Его жизнеописание князя (1986 г.) — итог многолетних исследований — отличается редкостной объективностью и обилием архивных источников. Ему удалось в значительной мере преодолеть определенную ограниченность интерпретаций Меттерниха и его политики, которая характерна для различных национальных школ европейской историографии и разных течений исторической мысли. Можно сказать, что к «первому министру Европы» французский историк подходит с широких, подлинно европейских позиций.

В его глазах Меттерних «совсем не похож на страшилище традиционной либеральной мифологии, на смесь из Люцифера и Макиавелли, Торквемады и фанфарона». Скептически относится французский историк и к автопортрету князя как «непогрешимого оракула, гения, парящего над слабыми человеческими существами, поборника Истины и Права (скалы порядка)»<sup>10</sup>.

В реальности, убежден Г. де Бертье де Совиньи, все обстоит гораздо прозаичнее. Меттерних представлял собою «человека доброй воли и здравого смысла, великолепно осведомленного о личностях политиков и политических проблемах своего времени, искушенного во всех тонкостях дипломатического манипулирования, в гораздо меньшей степени доктринера и в значительно

большей мере оппортуниста и реалиста, чем это может показаться на первый взгляд»<sup>11</sup>. В конечном счете герой книги французского ученого «остаётся, несомненно, масштабной исторической фигурой, поскольку в нём воплощалась тенденция политической мысли и практики его времени»<sup>12</sup>.

Во многом сближается с Г. фон Србиком автор одной из последних биографий Меттерниха, специалист в этом жанре, британец Десмонд Сьюард. Его книга увидела свет в 1991 г., когда Европа стала обретать новый, посттоталитарный облик. «Возникновение в 1990-х гг. объединенной Европы, наряду с распадом российской империи, в Центральной и Восточной Европе придает актуальность наследию Меттерниха»<sup>13</sup>, — утверждает Сьюард. По его мнению, «меттерниховская формула легитимности (за вычетом династического элемента) и традиции могла бы оказаться полезной в Центральной Европе, где, как и в Европе после 1815 г., любые не обеспеченные мирными переговорами изменения границ 1945 г. чреваты ужасными последствиями»<sup>14</sup>. К сожалению, подобные опасения британского историка оправдались. Легитимность, по Меттерниху, как подчеркивает Сьюард вслед за Киссинджером, — результат принятия, а не навязывания. Что же касается традиции, то в основе ее, на взгляд князя, национализм сугубо культурный, а не расистский<sup>15</sup>. Либералы же были врагами Меттерниха потому, что либерализм означал для него революцию и войну. «Великими врагами» князя были также «шовинистический национализм» и «мессианский социализм». В то время, когда Европа движется к единству, «стоит вспомнить о ненависти Меттерниха к войне и шовинизму, его вере в старую христианскую Европу и об его дипломатическом гении»<sup>16</sup>.

Проблематика, связанная с внешнеполитической стратегией Меттерниха, стала одним из стержневых элементов вызвавшей громкий резонанс книги Г. Киссинджера «Дипломатия» (1994 г.). Самого автора иногда называли учеником или последователем австрийского канцлера. Нетрудно обнаружить родство между киссинджеровской концепцией разрядки и меттерниховским эквилибром. Если в ранее упоминавшейся книге Киссинджера речь шла о сравнительно коротком периоде воссоздания европейского мира после наполеоновских войн, то теперь автор, успевший побывать главой внешнеполитического ведомства США, рассматривает проблемы формирования мирового порядка в глобальном ракурсе: от времен кардинала Ришелье до наших дней.

Среди творцов различных моделей миропорядка Меттерниху отводится существенная роль. При этом теорию и практику «европейского концерта» Киссинджер не привязывает исключительно к «веку Меттерниха». Он отмечает присущие ей универсальные черты, говорит и о соавторах австрийского канцлера. «Сила и справедливость гармонично дополняли друг друга. Установившееся равновесие уменьшало возможности применения силы; одинаковое представление о справедливости уменьшало желание ее применить»<sup>17</sup>, — так выглядят, по Киссинджеру, наиболее общие принципы этой системы.

Интересно отмеченное им сходство между Меттернихом и президентом Ву-

дро Вильсоном. Австрийский канцлер оказался предшественником американского президента «в том смысле, что он верил, будто бы единая для всех концепция справедливости является предпосылкой сохранения международного порядка. Хотя, конечно, его представление о справедливости было диаметрально противоположно тому, которого придерживался Вильсон...»<sup>18</sup>. Если американский президент «считал, что демократии миролюбивы и разумны в силу самой своей природы, то Меттерних называл их опасными и непредсказуемыми. Видя страдания, в которые республиканская Франция ввергла Европу, Меттерних отождествлял мир с легитимным правлением. Он ожидал, что коронованные главы древних династий если и не удержат мир, то, по крайней мере, сохранят фундамент международных отношений. Таким образом, легитимность становилась цементом, скрепляющим здание международного порядка»<sup>19</sup>.

## II

**Ч**то касается отечественной историографии относительно Меттерниха, то она гораздо представительнее в период до 1917 г. Это вполне понятно, если учесть, какую роль играла тогда Австрийская, а затем Австро-Венгерская империя, рухнувшая почти одновременно с Российской. В последнее время австрийский канцлер фигурировал преимущественно в контексте дипломатической истории или в биографических трудах о таких его современниках, как Наполеон, Талейран, Дизраэли, написанных Е. В. Тарле, А. З. Манфредом, Ю. В. Борисовым, В. Г. Трухановским.

Имя Меттерниха в дореволюционной России было, как говорится, на слуху и обычно сопровождалось каким-либо ругательным эпитетом. Чаще всего о Меттернихе речь шла в многочисленных трудах, посвященных истории царствований Александра I и Николая I, а также международным отношениям, особенно «восточному вопросу».

Биографии Меттерниха были написаны знаменитым российским литературным критиком Д. И. Писаревым (1861 г.) и публицистом Х. Г. Инсаровым (1905 г.); этим псевдонимом пользовался видный деятель болгарского и российского социал-демократического движения Х. Г. Раковский. К разряду специальных работ о князе можно отнести и книгу В. К. Надлера «Меттерних и европейская реакция» (1882 г.). Но, пожалуй, наиболее глубокое в отечественной историографии исследование о Меттернихе вышло из-под пера ученого широчайшего диапазона, можно сказать, одного из зачинателей российской политической науки, А. Д. Градовского. Его эссе, озаглавленное «Система Меттерниха», базировалось на проницательном анализе только что появившихся в 1880–1883 гг. семи (из восьми) томов документального, мемуарного и эпистолярного наследия князя.

Важно отметить, что и демократ Д. И. Писарев, и вполне благонамеренные, даже официозные авторы сходятся в резко негативных оценках личности ав-

стрийского канцлера и его политики. В глазах Писарева Меттерних выглядел ничтожеством уже в силу того, что пытался противостоять прогрессу: «Гениальные люди не становятся в оппозицию требованиям времени, потому что они в состоянии всецело понять эти требования и вынести их на своих плечах»<sup>20</sup>. «Ум его не выходил из пределов мелкой изворотливости», — утверждал российский автор. «Наш дипломат, — пишет он далее о Меттернихе, — оказывается великим человеком на малые дела; он умеет подольщаться к отдельным личностям, но не умеет приобретать доверие и любовь целого народа»<sup>21</sup>.

Правда, к другому корифею дипломатии того же времени, Талейрану, Писарев относится еще суровее: «Талейран еще более Меттерниха пуст и мелочен и еще менее Меттерниха способен от отдельных фактов возвышаться до общих идей»<sup>22</sup>. Для Писарева австрийский канцлер — типичный и отнюдь не худший представитель мира династической кабинетной дипломатии, которому российский демократ выносит жесткий и безапелляционный приговор: «Сходство тогдашних государственных людей с князем Меттернихом заключалось в том, что большая часть из них разделяла все его недостатки, не обладая мелкой изворотливостью и изобретательностью. Никто из тогдашних дипломатов не был специально приготовлен к своему делу; все они поступали на свои места или по праву рождения или по придворным заслугам; все они держались на своих высоких местах закулисными средствами, не имеющими ничего общего с государственной мудростью»<sup>23</sup>. Австрийский же канцлер «душой и телом принадлежал к их лагерю, стоял с ними под одним знаменем и обнаруживал при этом такую проницательность, догадливость и усердную предусмотрительность, которою не могли не дорожить все остальные деятели. О великих народных и человеческих интересах никто из них и не думал»<sup>24</sup>.

Однако последующая история дала достаточно примеров того, что радетели за «народные» интересы на дипломатическом поприще оказываются для народов (своих и чужих) неизмеримо опаснее, чем поборники династической дипломатии. Кроме того, поклонник тургеневского Базарова явно не учел, что степень подготовки к дипломатической деятельности у аристократов, даже любителей, была весьма высока благодаря домашнему воспитанию, традициям, знанию языков, врожденной светскости. Стоит вспомнить и об университетском образовании, причем весьма качественном, и у Меттерниха, и у Талейрана.

В сравнении с язвительно-критическим произведением Д. И. Писарева биография Меттерниха, написанная Х. Г. Раковским, выдержана в более объективных тонах, хотя ее герою выносится аналогичный вердикт. Место князя в серии «Жизнь замечательных людей», по мнению Раковского, неоспоримо: «Очевидно, что нельзя назвать обыкновенным человеком государственного деятеля, сумевшего в течение тридцати восьми лет не только поддерживать влияние такого шаткого государства, как Австрия, но и сделаться фактическим руководителем политики всей Европы»<sup>25</sup>. Отмечены и сильные стороны личности Меттерниха, помогавшие ему в политической деятельности: «Сюда прежде всего относится его проницательность. Он отлично понимал людей. Он не мог

оценивать их деятельности с точки зрения прогресса, в который не верил, но проникал в их намерения и побуждения»<sup>26</sup>. Правда, в конечном счете Меттерних изображен проводником близорукой политики, сводившейся к девизу французской аристократии XVIII в.: «После нас — хоть потоп». «Целью политики в течение всей жизни, — писал Раковский о князе, — он ставил сохранение внешнего спокойствия, а что это могло повести к гибели Австрии, такое соображение не входило в его расчеты. Он воображал, что мира хватит на его век; а после его смерти — хоть потоп!»<sup>27</sup>.

В изображении российских историков официального толка Меттерних представлял личность, в которой причудливым образом соединялись пустота, тщеславие и коварство. Особый упор делался на то обстоятельство, что австрийцу удавалось одурманить честных и благородных российских императоров, использовать их в собственных корыстных интересах. «Меттерних думал спасти погибший, по его мнению, мир мелочными интригами, болтовней и обычной своей сутливостью»<sup>28</sup>, — писал В. К. Надлер. Выдвинул он и традиционное обвинение: «как бессовестно эксплуатировал Меттерних благородного, но слабого Александра для своих австрийских целей»<sup>29</sup>.

Глубже и интереснее интерпретация Меттерниха, предложенная А. Д. Градовским. Он не отказывает князю ни в государственном разуме, ни в политическом искусстве, ни в наличии последовательного политического курса: «Князь Меттерних был человек весьма пронизательный, и многие его замечания являются поистине пророческими; он был последователен, поскольку это зависело от него; он был настойчив, поскольку ему позволяли средства»<sup>30</sup>. Время, писал российский ученый о Меттернихе, «было над ним бессильно. Совершались революции, падали династии, новые учения овладевали умами, новые потребности и стремления возникали со всех сторон — он оставался верен себе»<sup>31</sup>.

В порхающем по салонам грансеньоре Градовский сумел распознать незаурядного государственного мужа с собственной политической философией. Он даже вступил по этому поводу в полемику с Надлером: «Документы, обнародованные теперь, показывают, что Меттерних вовсе не был таким "легкомысленным и ленивым" человеком, каким его обыкновенно выставляли. В этом отношении мы не можем согласиться с г. Надлером, отдавая полную честь его прекрасному труду»<sup>32</sup>.

Главную слабость политической философии Меттерниха и его «системы» Градовский видит в жесткой дихотомии. Для князя существуют только силы разрушения и сохранения, соответственно зла и добра, причем "зло" представлялось ему самому неизбежным. Канцлеру приходилось тратить силы исключительно на то, чтобы оттянуть неотвратимый крах. Деятельность такого рода, считал Градовский, «очевидно должна была привести к "пустоте", так как в ней не было ничего творческого и жизненного. Более плодотворною была бы, вероятно, деятельность, направленная к сочетанию исторических начал государств с новыми потребностями, разумными и законными, иначе говоря, к обновлению государственного устройства»<sup>33</sup>. Вполне естественно предположить,

«что между "сохранением" и "разрушением" есть нечто третье, очень важное, в истории и в жизни, но всегда как-то ускользающее от политиков, подобных Меттерниху»<sup>34</sup>.

Между тем мировоззренческая и стратегическая дихотомия соседствовала у Меттерниха с умеренностью, отвращением к крайностям как в жизни, так и в дипломатической практике. В письме своему ближайшему соратнику Ф. Генцу князь даже говорил о своей «повседневной борьбе против ультра всякого рода»<sup>35</sup>. Конечно, Меттерних преувеличивал; порой он сам склонялся к позиции ультра. Однако в целом жесткость его стратегических установок почти всегда смягчалась тактической гибкостью.

Суть консервативной стратегии князя наиболее адекватно понимали российские политические мыслители консервативного склада К. Н. Леонтьев и Н. Я. Данилевский. Оба были, каждый на свой лад, поборниками славянского единства, которому так последовательно противился австрийский канцлер. Так, Леонтьев высоко оценивал меттерниховский подход к греческому освободительному движению. «Изо всех видных деятелей 20-х годов, — подчеркивал российский мыслитель, — только один Меттерних понял истинный исторический дух греческого восстания. Он один только "чуял", что в сущности это движение — все та же всемирная *эгалитарная* революция, несмотря на религиозное знамя, которым оно прикрывалось»<sup>36</sup>. Даже если он, будучи австрийским министром, «боялся, что потрясая и ослабляя Турцию, это движение греков слишком усилит (со временем) Россию, то такого рода частное политическое соображение чисто австрийского рода ничуть не уменьшает силы его общеисторической прозорливости. *Плоды национально-греческого движения оказались общедемократическими европейскими плодами*»<sup>37</sup>.

На взгляд Леонтьева, «Меттерних понимал яснее других тайный дух и будущее значение этой национальной инзуррекции (т. е. восстания. — П. Р.) лишь потому, что он был защитником и представителем интересов *самого не племенного в мире государства*»<sup>38</sup>. Его разум и инстинкт были особенно обострены, так как движения, подобные греческому, таили смертельную опасность для многонациональной (многоплеменной, по Леонтьеву) австрийской империи, где титульная нация составляла явное меньшинство. Имперский образ мыслей Леонтьева помогал ему лучше понимать проблемы, с которыми сталкивался канцлер Австрийской империи.

Особенно глубоким постижением специфики политического курса Меттерниха выделяется Н. Я. Данилевский. Российский культур-философ полемизирует с фактически общепринятой оценкой австрийского канцлера: «Обыкновенно Меттерниху отказывают в высших способностях государственного человека, утверждая за ним не более как славу ловкого дипломата, как за каким-нибудь Кауницем или Талейраном, на том основании, что будто бы он не умел оценить духа времени, не понимал силы идей и потому вступил с ними в неравную борьбу, окончившуюся после 33-летнего торжества совершенным распадом его системы еще при жизни его и чуть ли не гибелью Австрии»<sup>39</sup>.



Далее Данилевский говорит, что не стал бы оспаривать распространенную точку зрения, если бы Меттерних следовал принципам своей системы, будучи правителем Англии, Франции, Пруссии, России, Италии, фактически любого государства, кроме Австрии. Все дело в том, убежден Данилевский, что Австрия «могла сохранить свое существование единственно под условием недеятельного сна. Что среди XIX века умел он (Меттерних. — П. Р.) длить этот сон целую треть столетия, — доказывает, что он понимал и дух времени, и силу идей; ибо без понимания своего врага не мог бы он так долго и так успешно с ним бороться»<sup>40</sup>. Меттерних, по словам русского мыслителя, «не централист, не дуалист, не федералист. Он, как бы это выразить, — опиумист, что ли, — усыпитель, который вполне сознает, что Австрии предостоят только две альтернативы: или спать непробудным сном, быть погруженной в летаргию, или распасться и сгинуť с лица земли»<sup>41</sup>.

Меттерних противопоставляется императору Иосифу II, который «своими либеральными реформами неосторожно вносит дух жизни туда, где ему нет места». Канцлеру же императора Франца I «удается на время заморить или, по крайней мере, усыпить крепкою летаргией эту неосторожно пробужденную жизнь»<sup>42</sup>. Данилевскому Меттерних напоминает «доктора, имеющего дело с неизлечимым недугом и делающего чуда искусства, чтобы продлить жизнь своего пациента»<sup>43</sup>.

Примерно сто лет спустя весьма схожее суждение можно найти в ранней книге Г. Киссинджера. Действительно, Меттерниху было не под силу преодолеть такие ключевые тенденции времени, как либерализм и национализм, но благодаря выдающемуся дипломатическому мастерству он мог отсрочить неизбежное. Возможно, политику австрийского канцлера «следовало бы мерить не постигшей его в конце концов неудачей, а продолжительностью времени, на которое ему удалось отсрочить поражение»<sup>44</sup>.

Из этого вытекает, что методы Меттерниха были адекватны стоявшей перед ним глобальной задаче. Ею было прежде всего сохранение большой многонациональной империи. Можно, конечно, упрекать канцлера, что он избегал сколько-нибудь серьезного реформирования Австрийской империи. Но неизбежно встает вопрос, а выдержала бы она испытание глубокой реформой?

Князь отнюдь не был Дон Кихотом легитимизма, как его нередко называли с легкой руки известного австрийского литератора А. Грильпарцера. Трудно сказать, была ли известна эта характеристика Ф. М. Достоевскому. Во всяком случае он ощущал изначальную противоположность между реальным и вымышленным персонажами. Интуитивно он судил вернее, чем непосредственно наблюдавший князя австрийский поэт. Один из разделов «Дневника писателя» озаглавлен Достоевским по принципу антитезы «Меттернихи и Дон-Кихоты»<sup>45</sup>. Первые ассоциировались с прозаическим холодным расчетом, а вторые — с бескорыстной безоглядностью, возвышенными намерениями.

Да, князь бросал вызов времени. «Я люблю все, что противостоит напору времени»<sup>46</sup>, — не без кокетства писал Меттерних. Но ему совсем не подходит

роль романтического героя. В его борьбе со временем отсутствовали возвышенный трагизм и героика. Ему, как замечает Киссинджер, «недоставало духу преодолеть тупик, возникающий при исторических кризисах, и способности глянуть на пропасть не с отстраненностью ученого, а как на вызов, который необходимо преодолеть или погибнуть»<sup>47</sup>.

Меттерних так и оставался грансеньором, в конце концов уступившим «силе вещей». Говоря об интеллектуальных дарованиях Меттерниха, о широте его познаний, способности к обобщению и умении ценить детали, такой крупный государственный деятель и историк, как Франсуа Гизо, отказывал своему австрийскому коллеге в одном: «Свойством, которого ему явно не хватало, было мужество, я имею в виду смелость инициативы и предприимчивость». «Он, — продолжал Гизо, — не находил радости в борьбе и страх перед опасностью у него сильнее, нежели стремление к успеху, достигаемому такой ценой»<sup>48</sup>. Приводя это высказывание французского государственного деятеля, Г. фон Србик соглашается с ним. «У этой "чудесной природы", — говорит он о своем герое, — всегда отсутствовало величие: политическая страсть, железная энергия, созидающая нечто новое творческая сила»<sup>49</sup>.

Хотя кое-кто из авторов склонен демонизировать Меттерниха, но все же большинство писавших о нем делают упор на прозаичности его природы, сибаритстве, гипертрофированном самомнении. Слова Д. И. Писарева звучат едва ли не упреком: «В личности Меттерниха нет того мрачного величия, которое можно заметить в исторических фигурах Людовика XI французского, Филиппа II испанского, Генриха VIII английского, нашего Ивана IV»<sup>50</sup>. С точки зрения российского демократа, «Меттерних был мелок в своих человеческих чувствах настолько же, насколько он был мелок и близорук в своих политических идеях и административных соображениях»<sup>51</sup>.

С мнением Гизо и Србика в основном совпадают выводы Г. де Бертье де Совиньи: «Меттерних, бесспорно, крупная историческая фигура... Но вряд ли его можно назвать великим человеком»<sup>52</sup>. В общем Меттерних «слишком благоразумен, чтобы быть истинно гениальным»<sup>53</sup>. Его нельзя отнести и к разряду загадочных личностей: «Нет никакой "тайны Меттерниха"»<sup>54</sup>.

И на самом деле, ему были чужды сильные страсти, он не испытывал никакого внутреннего разлада. Даже такой расположенный к нему биограф, как Г. фон Србик, признавал, что князю была свойственна прямо-таки гротескная вера в собственную непогрешимость. Он даже не ощущал того, что нередко выглядел смешным из-за непомерного самомнения.

У Меттерниха был счастливый характер не только потому, что он не вступал в противоречие с самим собой. Важно и другое. Будучи пессимистом по большому, стратегическому счету (присущий консерватизму исторический пессимизм), он в повседневной жизни не терял оптимизма, отличался жизнелюбием, способностью наслаждаться всеми житейскими радостями. Преувеличенное представление о собственной значимости, несокрушимый апломб, неспособность признавать собственные ошибки все же не мешали ему

быть любезным и обходительным, располагать к себе людей самого разного типа.

Было бы ошибкой поддаться внешнему впечатлению и считать его человеком поверхностным, недооценивать его интеллектуальный потенциал. Канцлер, несомненно, обладал задатками ученого; он отличался солидными познаниями во многих областях науки. Меттерних мог на равных общаться со светилами естественных наук и медицины. Его постоянно интересовали новейшие научные открытия.

В «Библиотеке» князя уже в 1820 году насчитывалось 15 тысяч томов. У него были основания утверждать: «Моя Библиотека содержит в себе весь мир»<sup>55</sup>. К концу жизни князя количество книг в его Библиотеке удвоилось. Жена правнука канцлера княгиня Татьяна Меттерних могла непосредственно познакомиться с печатляющим наследием знаменитого предка, сконцентрированным в музее замка Кёнигсварт. «Его терпение и работоспособность, — пишет о прадеде своего мужа княгиня, — были, по-видимому, столь же ошеломляющими, как и широта и многосторонность его интересов. В музее содержалась Библиотека с тридцатью тысячами великолепно переплетенных книг, многие снабжены замечаниями, сделанными его рукой, и книги эти касаются любой из мыслимых областей знаний, включая естествознание, историю и археологию»<sup>56</sup>. О его образе жизни, не боясь преувеличения, можно сказать: ни дня без строчки, ни дня без книги. Ему было о чем разговаривать и с Гете, и с Бальзаком.

Этому довольно прозаическому и прагматичному человеку была не чужда сентиментальность, которая особенно проявилась в его отношении к музыке. Она доставляла князю наслаждение, родственное чувственному, нередко вызывая слезы. Меттерних сам любил музицировать в качестве исполнителя и дирижера в любительских концертах. Явное предпочтение он отдавал итальянским композиторам. Немецкая музыка, в том числе бетховенская, не вызывала у него отклика, казалась ему грубоватой. Особенно он ценил искусство пения, и его сердце было безоговорочно отдано бельканто. У канцлера находилось время, чтобы поддерживать контакты с некоторыми композиторами. Одно из последних его писем (11 апреля 1859 г.) было адресовано его любимому Дж. Россини. «Мир нуждается в гармонии», — писал князь. «Вы не имеете права молчать»<sup>57</sup>, — убеждал он оставившего творческую деятельность музыканта и приглашал его в гости в Йоханнисберг. В салоне Меттерниха давали концерты Паганини, Лист, Гальберг. Находившегося в изгнании старого князя навещал «король вальса» И. Штраус. С человеческой точки зрения Меттерних ставил артистов выше ученых: «Хотя с головой у них бывает не все в порядке, зато у них доброе сердце. Что же касается ученых, то у них дело обстоит наоборот»<sup>58</sup>.

При всей многогранности его личности Меттерних интересен прежде всего как дипломат, политический деятель. Довольно быстро политика поглотила его, стала его жизнью. Вряд ли можно согласиться даже с таким авторитетным ученым, как Г. фон Србик, по мнению которого, Меттерниху был присущ внутренний дуализм: между государственным деятелем и частным человеком. У

него не было такого неутолимого честолюбия, как у Наполеона, такой железной воли, как у Бисмарка. В отличие от «самых великих людей», чья жизнь заполнена общественной деятельностью, Меттерних, как подчеркивал Србик, любил предаваться наслаждениям или находить удовольствие в семейном кругу. «Эти две половины его жизни никогда полностью не смыкались»<sup>59</sup>, — заключает Србик.

Действительно, Меттерних — дитя утонченной аристократической среды, своего рода оранжерейное растение. Все это так. Тем не менее работал он по 15 часов в сутки. Наверное, ничто, кроме музыки, не могло отвлечь его от политики. Лучшим свидетельством тому является бесхитростный дневник его третьей жены, Мелани; и эта молодая женщина, чтобы быть рядом с мужем, сразу же с головой погрузилась в политический водоворот. Так что и семейная жизнь Меттерниха была неотделима от политики. Исключением можно считать, пожалуй, лишь очень кратковременный второй брак.

Сомнительно, чтобы политика поглощала Меттерниха меньше, чем Бисмарка. Дело скорее в том, что они принадлежали к разным эпохам, каждая из которых предъявляла к государственным мужам свои специфические требования. В соответствии с духом времени собственно дипломат в Меттернихе брал верх над политиком. По определению германского историка П. Родена, он принадлежал к «совершенному типу классического дипломата»<sup>60</sup>. В отличие от Бисмарка, он мог игнорировать такие факторы, как буржуазия и массы. Или, во всяком случае, не слишком считаться с ними. Главным для него было расположение государя. Причем его деятельность выглядела не только служением государю и империи, но и своего рода таинством, священнодействием, недоступным пониманию непосвященных. Дипломат такого типа является «до такой степени дипломатом», что это становится его второй натурой, в результате чего внешнеполитические подходы и нормы он переносит и на внутриполитические дела, трактуя их как международные проблемы.

Этот тип был обречен на исчезновение под натиском «века масс». Роден находит прочувствованные слова для своеобразной эпитафии по Меттерниху: «Иногда природа еще раз с удивительной щедростью наделяет красотой обреченный на вымирание вид, так и "мировой дух" вознаграждал последнего представителя классической дипломатии за то, что он до конца держался на посту, указанном ему происхождением и судьбой. Ему досталась награда, в которой отказывали "только дипломатам" до и после Меттерниха: веку дали его имя»<sup>61</sup>.

<sup>1</sup> Aus Metternich's Nachgelassenen Papieren (в дальнейшем NP). Wien, 1883. Bd. 7. S. 641.

<sup>2</sup> Ibidem.

<sup>3</sup> Woodward E. L. Three studies in European conservatism. L., 1929. P. 107.

<sup>4</sup> Cecil A. Metternich. L., 1943. P. 31, 32. (1-е изд. 1933).

<sup>5</sup> Viereck P. Conservatism revisited. N. Y., 1962. P. 22. (1-е изд. 1949).

<sup>6</sup> Ibid. P. 31.

<sup>7</sup> Ibid. P. 79.

<sup>8</sup> Kissinger H. A. A World restored. N. Y., 1964. P. 319.

<sup>9</sup> McGuigan D. G. Metternich and the Duchess. N. Y., 1975. P. 512–513.

<sup>10</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Metternich. P., 1986. P. 496.

- <sup>11</sup> Ibidem.
- <sup>12</sup> Ibidem.
- <sup>13</sup> Seward D. Metternich. The First European. N. Y., 1991. P. 270.
- <sup>14</sup> Ibid. P. 271.
- <sup>15</sup> Ibid. P. 271-272.
- <sup>16</sup> Ibid. P. 272.
- <sup>17</sup> Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 67.
- <sup>18</sup> Там же.
- <sup>19</sup> Там же. С. 72.
- <sup>20</sup> Писарев Д. И. Полн. собр. соч. : В 6-ти т. СПб., 1909. Т. 1. С. 582.
- <sup>21</sup> Там же.
- <sup>22</sup> Там же.
- <sup>23</sup> Там же. С. 588.
- <sup>24</sup> Там же.
- <sup>25</sup> Ришелье. Мирабо. Наполеон. Меттерних. Гарибальди. СПб., 1996. С. 257.
- <sup>26</sup> Там же. С. 265.
- <sup>27</sup> Там же. С. 362.
- <sup>28</sup> Надлер В. К. Меттерних и Европейская реакция. Харьков, 1882. С. 212.
- <sup>29</sup> Там же. С. 189.
- <sup>30</sup> Градовский А. Д. Соб. соч. СПб., 1899. Т. 3. С. 547.
- <sup>31</sup> Там же.
- <sup>32</sup> Там же. С. 557.
- <sup>33</sup> Там же. С. 568.
- <sup>34</sup> Там же. С. 613.
- <sup>35</sup> Maximen des Fürsten Metternich. Herausgegeben von Breycha-Vauthier A. Graz; Wien; Köln, 1964. S. 78.
- <sup>36</sup> Леонтьев К. Восток, Россия и славянство // Собр. соч. М., 1912. Т. 6. С. 211.
- <sup>37</sup> Там же. С. 215-216.
- <sup>38</sup> Там же. С. 211.
- <sup>39</sup> Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 341.
- <sup>40</sup> Там же. С. 341-342.
- <sup>41</sup> Там же. С. 339.
- <sup>42</sup> Там же.
- <sup>43</sup> Там же. С. 342.
- <sup>44</sup> Kissinger H. A. Op. cit. P. 174.
- <sup>45</sup> Достоевский Ф. М. Искания и размышления. М., 1983. С. 370-371.
- <sup>46</sup> NP. Bd. 3. S. 336.
- <sup>47</sup> Kissinger H. A. Op. cit. P. 332.
- <sup>48</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. Metternich. München, 1925. Bd. I. S. 316.
- <sup>49</sup> Ibidem.
- <sup>50</sup> Писарев Д. И. Указ. соч. С. 589.
- <sup>51</sup> Там же. С. 595.
- <sup>52</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 496.
- <sup>53</sup> Ibid. P. 497.
- <sup>54</sup> Ibid. P. 493.
- <sup>55</sup> NP. Bd. 4. S. 538.
- <sup>56</sup> Меттерних Т. Женщина с пятью паспортами. СПб., 1999. С. 166.
- <sup>57</sup> NP. Bd. 8. S. 609.
- <sup>58</sup> Lettres du prince de Metternich a la comtesse de Lieven. P., 1909. P. 235.
- <sup>59</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 263.
- <sup>60</sup> Rohden P. R. Die Klassische Diplomatie. Von Kaunitz bis Metternich. Leipzig, 1939. S. 261.
- <sup>61</sup> Ibidem.

## ГЛАВА I. ВЫБОР СУДЬБЫ

### I

Есть разные варианты начала биографического повествования. Можно попытаться сразу же заинтересовать читателя, создать вокруг книги ореол некой загадочности или начать с какого-то драматического эпизода, дающего ключ к психологии персонажа, его судьбе. Но в нашем случае, кажется, лучше бесхитростно и традиционно идти непосредственно от того, что принято именовать анкетными данными: дата и место рождения, происхождение, семейные связи. Они объясняют многие черты характера, выбор жизненного пути, особенности карьеры нашего героя.

Хотя в жизни главного действующего лица книги было достаточно драматических ситуаций, резких поворотов, но все же прозаическое начало явно доминировало над романтическим. Это отнюдь не означает, что жизнь его была скучной и неинтересной; в ней было практически все, что может заинтересовать самого искушенного читателя. «История моей жизни, — говорил князь Меттерних, — не роман. Впрочем, и роман тоже». Ему же принадлежит высказывание, с которым нельзя не согласиться: «Моя биография может быть неблагоприятна для меня, но не должна быть скучна. Особенно те годы, в которые я разыгрывал шахматную партию с Наполеоном»<sup>1</sup>.

Когда 15 мая 1773 г. в семье графа Франца Георга Карла Меттерниха Виннебурга-Бейльштейна родился сын-первенец, вряд ли его родители могли помышлять даже в самых смелых предположениях о предстоящей ему карьере. Правда, не исключено, что где-то в глубинах подсознания его честолюбивой матери графини Беатрикс возникали неопределенные туманные мечты о блестящем будущем сына. Через сорок с лишним лет она даже припомнила некое знамение, предвещавшее будто бы ее сыну великое будущее. «Гроза в момент твоего крещения, — писала она сыну в феврале 1814 г., — была признаком того, что ты предназначен для величайших дел»<sup>2</sup>.

Действительно, сын Франца Георга и Беатрикс взлетел чрезвычайно высоко, но для этого ему не пришлось обламывать крылья о сословные перегородки, выбиваясь из сил, карабкаться по ступенькам иерархической лестницы. Многое ему было дано от рождения. Фамилия Меттернихов-Виннебургов была занесена в «Золотую книгу» европейской знати. Истоки рода терялись в незапамятном прошлом. Не без доли самоиронии, но и не без явной сословной гордости Меттернихи хранили легенду о происхождении своей фамилии. По

одной из версий, еще в эпоху Карла Великого, когда император оказался в трудном положении — вернулись к язычеству саксы, всюду восстания, мятежи, — он вспомнил о маркграфе Меттере. Тот не прибыл вовремя на выручку императору. Кто-то из окружающих предположил, что и он переметнулся к врагам, на что Карл будто бы убежденно воскликнул: «Metter — nicht!» И действительно, граф опоздал по уважительной причине: сражался с язычниками, сокрушая их идолов. Так и появилась фамилия Metternich. Другая версия относилась к временам германского короля Генриха Птицелова и тоже подчеркивала верность рода сюзерену<sup>3</sup>.

Достоверные сведения о семействе Меттернихов-Виннебургов относятся к XVI в.<sup>4</sup>, когда в период Реформации они сделали выбор в пользу католицизма и связали свою судьбу с династией Габсбургов. Один из ранних Меттернихов — Генрих — участвовал в сражении при Белой горе (1620 г.), где войска императора Фердинанда разбили чешских повстанцев. Наградой ему стало владение Кёнигсварт (Кинжварт) в Западной Чехии. Но носивший титул рейнграфа Меттерних предпочел оставаться в Рейнланде. Его брат Лотар стал архиепископом Трира, князем-электором Священной Римской империи, т. е. обладал правом участвовать в выборах императора. О Кёнигсварте Меттернихи вспомнили через полтора столетия, когда им пришлось бежать с берегов Рейна под напором Французской революции. В 1679 г. один из Меттернихов, Карл-Генрих, получил сан архиепископа Майнца и тоже был князем-электором.

В конце XVII в. Меттернихи обосновались в Кобленце. Здесь и родился Клеменс Венцель Лотар Меттерних — будущий государственный канцлер Австрийской империи. Первые два имени он получил от крестного отца, покровителя семейства Трирского архиепископа Клеменса Венцеля, а третье — тоже по имени Трирского епископа, своего предка. В Рейнланде прошли его детство и юность. Даже будучи первым после императора человеком в Австрийской империи, он ощущал себя больше рейнландцем, чем австрийцем. В одном из писем Доротее Ливен (1819 г.) он сравнивает Вену с любовницей, которая выматывает все силы, и на чью любовь не хочется отвечать. «Рейн течет в моих жилах», — так в элегическом тоне писал сей государственный муж в конце своей жизни. Нигде не чувствовал он себя лучше, чем в своем рейнском княжеском домене Йоханнисберге, пожалованном ему императором Францем I.

Рейнланд — западная окраина империи Габсбургов — представлял собой своеобразный уголок Европы, где скрещивались разные политические и культурные влияния, сплав партикуляризма и космополитизма, потому что локальная рейнская специфика — это, в сущности, европейский дух, который был сильнее и германского, и имперского. Сама Габсбургская империя, песястра, многонациональная, прививала знати аристократический космополитизм. Собственно австрийские, венгерские, чешские, рейнские, бельгийские аристократы составляли господствующий слой империи. Не случайно Талейран называл Австрию «европейской палатой пэров». Конечно, аристократический космополитизм не ограничивался пределами Габсбургской империи. Вы-

ходцы из знати чувствовали себя как дома практически при любом дворе. Их общим языком был французский. Это облегчало их миграцию, карьеру, особенно дипломатическую. При многих европейских дворах было принято считать, что дипломатическая служба — удел иностранцев, которые лучше знают границу, имеют там широкий круг связей. Достаточно взглянуть на высший эшелон дипломатического корпуса России начала XIX в. Уже гораздо позднее, в начале своей дипломатической карьеры, Бисмарк жаловался, что ему, коренному пруссаку, трудно было пробиться через плотный ряд непруссаков.

Хотя Меттерних не раз кокетливо уверял, что на стезю дипломатии он был втянут скорее по стечению обстоятельств, чем по влечению души, его жизненный маршрут во многом был предопределен средой, воспитанием, а внешние обстоятельства послужили своего рода катализатором. Его отец в 1768 г. был назначен послом архиепископа при Венском дворе. Осторожный и флегматичный Франц Георг не дал втянуть себя в борьбу придворных группировок и даже снискал расположение могущественного канцлера В. А. Кауница (1711–1794 гг.). Флегматичность не мешала Францу Георгу быть весьма галантным кавалером и пользоваться успехом у дам. Он по праву считался знатоком придворного этикета, церемониала и всегда упорно добивался пунктуального соблюдения всех формальностей.

Благоволение Кауница способствовало его браку с графиней Марией Беатрикс Алоизией Кагенегг (1771 г.), семейству которой покровительствовала императрица Мария Терезия. От отца Клеменс унаследовал крепкое здоровье, а от матери изысканную аристократическую красоту. Интеллектуально графиня Беатрикс значительно превосходила своего мужа. Она отличалась остроумием, изяществом стиля, великолепно писала по-французски. Лучше было не попадаться на ее острый язычок. Она использовала венские связи, чтобы содействовать карьере не очень энергичного мужа. В этом ей помогла дружба с незнатным, но влиятельным чиновником И. Г. Лейкамом, от которого зависели назначения по дипломатическому ведомству. Ее связывали дружеские отношения с сыном Кауница и особенно его невесткой. Позднее это обстоятельство окажется судьбоносным для Клеменса.

Пока же в 1773 г., в том самом, когда родился будущий канцлер, его отец получил назначение имперским министром в Трире, Кельне и Майнце, а одновременно стал представителем Трирского архиепископа-электора Клеменса Венцеля в Вене. В 1778 г. его функции имперского представителя были распространены и на Вестфалию. Он прочно обосновался в Рейнланде. Отношения его с женой, видимо, складывались непросто. Перед Клеменсом в 1771 г. родилась дочь Полина, через год после сына-первенца появился его брат Иосиф, «добрый Пепе», чья жизнь прошла совершенно незаметно. Родив в 1777 г. быстро умершего Луи, Беатрикс больше не рожала, хотя частые роды в те времена были обычным делом. Скорее всего, она разочаровалась в муже, человеке инертном и ограниченном. В Вене он нередко бывал предметом насмешек. Будущий соперник Клеменса граф И. Ф. Штадион называл его отца в письме к



императору Иосифу II (1785 г.) болтливым занудой. В 1791 г. Франц Георг был назначен полномочным министром в австрийских Нидерландах. Штатгальтерская чета, герцог Саксен-Тешенский Альберт и эрцгерцогиня Мария Кристина, просила императора Леопольда II — брата эрцгерцогини — направлять депеши непосредственно им, так как имперский министр не удосуживался передавать их вовремя. Не справлялся он и с дипломатической перепиской, будучи, в отличие от сына, не в ладу с пером.

Поскольку муж не оправдал ее ожиданий, Беатрикс посвятила себя старшему сыну. «Мать — друг всей моей жизни»<sup>5</sup>, — признавался Меттерних уже в зрелом возрасте. Для нее он — возможность реализовать неосуществившиеся честолюбивые мечтания. Внешне и духовно Клеменс был сыном своей матери. С детства он привык ощущать себя красавчиком, у него рано формируются задатки будущего салонного льва. Клеменс блестяще владел искусством нравиться, умел очаровывать, и притом не только дам. Силу его обаяния испытывали многие даже поначалу неприязненно настроенные к нему люди.

От матери Клеменс унаследовал склонность и дар (у нее нераскрывшийся) к интриге, умение облекать свои мысли в изысканную форму. Ей он во многом обязан пониманием тонкостей светской жизни, роли женщин и в свете, и в политике. Что касается последнего, то Беатрикс могла показать это на свежем примере императора Иосифа II (1741–1790 гг.), который в последние годы жизни много часов провел в кружке из пяти избранных венских великосветских красавиц. Биографы Меттерниха в этой связи часто приводят и совет из письма Франца Георга сыну, чтобы тот не пренебрегал в салонах пожилыми дамами, уделял им внимание, был любезен с ними. Но швейцарский историк Э. Корти справедливо полагает, что Франц Георг давал этот совет со слов жены<sup>6</sup>. Вместе с искусством нравиться мать развила в нем умение приспосабливаться к разным обстоятельствам. «Если вы находитесь в Германии, восхищайтесь германской музыкой, во Франции — французской»<sup>7</sup> — советовала она ему. Беатрикс переписывалась с сыном на французском языке, помогая ему оттачивать стиль. Клеменс настолько преуспел в этом, что отец забеспокоился, не скажется ли это негативно на его владении немецким языком. «Необходимо, — наставлял он сына, — чисто говорить и писать на родном языке. И чтобы пользоваться им, я буду вести нашу переписку по-немецки»<sup>8</sup>. Не менее важно и другое. В отличие от многих отпрысков аристократических семейств, о которых поглощенные светской жизнью родители просто-напросто забывали, передоверив их попечению кормилиц и гувернеров, Клеменс вырос окруженный материнским теплом и заботой. Этим объясняется, видимо, его ровный характер, доброжелательное отношение к окружающим и, самое главное, то, что его соратник и друг Генц назвал «талантом к счастью». Он умел наслаждаться большими и малыми радостями жизни, почестями, роскошью, любовью многих женщин, музыкой, произведениями искусства, интересной беседой, избегая по мере возможностей драматических коллизий, нервных потрясений. Ему были чужды страстные порывы, глубокие чувства; их заменили сентиментальность,

чувствительность. Слезы легко и часто выступали у него на глазах, чтобы мгновенно высохнуть. Наверное, это облегченное восприятие жизни — одна из важнейших причин его долголетия.

Клеменс получил весьма приличное домашнее образование. Его отец, ма-сон, вольный каменщик, придерживался широких взглядов на воспитание и прибег к услугам аббата-католика и профессионального педагога-протестанта. Тогда были в моде педагогические методы Базедова-Кампе. Учитель младших Меттернихов Симон был не просто последователем, но и родственником Кампе. Будучи поклонником Руссо, он познакомил воспитанника с идеями Просвещения. Хотя до восприятия Руссо юный Клеменс не дошел, но Вольтер на всю жизнь оставался его любимым автором. Элементы вольтерьянского просвещенческого рационализма навсегда вошли в его мировоззрение. Хотя веры в бога он не утратил, но религиозные проблемы сами по себе мало его занимали. Базедовский метод воспитания предполагал особое внимание к физическому воспитанию, и Клеменс научился хорошо плавать, ездить верхом, фехтовать. Все это позволило ему долго сохранять осанку и элегантный вид.

В предреволюционном 1788 году Клеменса отправили в Страсбургский университет. Выбор был не случаен. Он в известной мере свидетельствовал о том, что юношу решили готовить к дипломатической карьере. Школа профессора К. В. Коха, специалиста по международному праву, пользовалась известностью за пределами Страсбурга. Здесь же работал крупный историк Шлёцер. Среди учеников Коха такие фигуры, как Галейран, будущий баварский министр иностранных дел граф Монжеля, Бенжамен Констан. В университете французский дух преобладал над германским. Интернационален был и состав студентов. Естественно, что эльзасцы и рейнландцы составляли большинство, но учились здесь и французы, и англичане, и швейцарцы, и даже русские. У молодого Меттерниха учеба органично сочеталась с насыщенной светской жизнью и постепенно превращалась как бы в приложение к ней. Тем более что учение давалось ему легко. Благодаря связям матери Клеменс был рекомендован князю Максимилиану фон Цвайбрюккену, будущему королю Баварии, чей салон стал для студента-аристократа вторым домом. «Баварский король, — вспоминал много лет спустя Меттерних, — был мне как отец»<sup>9</sup>. Клеменса настолько захватила светская салонная круговерть, что соученики вывели «формулу Меттерниха» из трех «F» (fin, faux, fanfaron — утонченный, фальшивый, хвастливый). И все же университетские годы не прошли для него впустую. Пусть и играючи, но он приобрел определенный запас познаний о праве, истории, естественных науках.

Но в безмятежную, сладкую жизнь рейнландской аристократии врываются раскаты революционного грома. Первую попытку революционного выступления в Страсбурге князь Максимилиан («по совместительству» командир драгунского полка) сумел отбить. Однако угроза нарастала. Правда, сначала она выявилась дома. На сторону революции переходит воспитатель и учитель Клеменса Симон, который перевел на немецкий язык Декларацию прав человека и гражданина. Позже в описании Меттерниха революционность Симона приобретает грандиозные масштабы, это, видимо, делалось для того, чтобы эффектнее выглядело его последующее отречение, когда бывший монтаньяр становится убежденным роялистом, воспитателем детей герцога Шартрского. Сам Клеменс не мог понять тех соотечественников, соучеников и преподавателей, которые восхищались Французской революцией. Для него понятия революция и якобинство были по сути тождественны. «Учение якобинцев и апелляции к народным страстям вызывали во мне отвращение, которое усиливалось с годами и опытом»<sup>10</sup>, — писал он в зрелые годы. В дальнейшем последовательное отрицание революции становится лейтмотивом его жизни.

Как только следующая революционная волна подступает к Страсбургу, Клеменс оставляет университет и отправляется во Франкфурт, где предстояла коронация императора Леопольда II, унаследовавшего имперский престол от своего брата Иосифа II. При содействии отца молодой Меттерних был избран церемониймейстером католической фракции вестфальских графов. 30 сентября 1790 г. начались торжества, сама же коронация состоялась 9 октября. Знарок ритуала Франц Георг постарался на славу. Леопольд II оценил его рвение и скрупулезность, назначив его имперским уполномоченным в Австрийские Нидерланды и также пожаловав 40 тыс. флоринов, что оказалось кстати для расточительного Франца Георга. Был замечен и изящный красавец Клеменс. Состоялось его знакомство с эрцгерцогом Францем, наследником престола, который был старше Клеменса на 5 лет.

Меттерних-младший уже не вернулся в Страсбург, а продолжил учебу в университете соседнего Майнца. Хотя это заведение было поменьше и победнее, но там имелась большая по тем временам Библиотека (50 тыс. томов), преподавали интересные профессора. Среди них известный путешественник, спутник капитана Кука, Георг Форстер. В Майнце у Клеменса зародился интерес к естественным наукам. Но самое сильное духовное влияние оказал на него профессор Н. Фогт, преподававший историю германского имперского права. У него Меттерних почерпнул идею, которая стала основополагающей для его собственной политической философии, — идею равновесия, или эквилибра, как в космологическом, так и в политическом плане. В знак признательности учителю он распорядился захоронить его прах (1836 г.) в своем любимом владении, у стены Йоханнисбергской церкви.

В Майнце Меттерних проходит еще одну школу, общаясь с французскими

аристократами-эмигрантами. Но тогда он не столько черпает у них какие-то идеи, сколько совершенствует собственные манеры и стиль. Тогда же он пережил первую юношескую любовь, предметом которой стала совсем еще юная графиня Констанс де Ла Форс. Он познакомился с ней в Брюсселе, сопровождая своего отца. Это светлое юношеское чувство Клеменс сохранял удивительно долго. Едва прибыв в Париж в 1806 г. в качестве посла, он сразу же предпринял попытку разыскать Констанс. Идеино-политические уроки французских эмигрантов он смог оценить несколько позднее. «Из школы радикализма (имея в виду якобинство. — П. Р.), — писал престарелый канцлер, — я попал в школу эмигрантов и научился ценить середину между крайностями»<sup>11</sup>.

В Брюсселе, где Франц Георг выполнял миссию имперского министра, Клеменс приобщается к политике. По сути дела, он становится секретарем и ординарцем отца. Революционное время ставит такие проблемы, перед которыми поднаторевший главным образом в вопросах этикета и церемониала Меттерних-старший просто пасует. Он не знает, что противопоставить натиску революции. Умный и осторожный Леопольд II не рвется воевать с революционной Францией. Как и его брат Иосиф II, трон которого он только что унаследовал, Леопольд II был весьма просвещенным монархом. Его настольной книгой был знаменитый труд Монтескье «О духе законов», и подобно брату он испытывал влияние Руссо. «Я полагаю, что суверен, даже наследственный, является только делегатом народа»<sup>12</sup>, — писал он 25 января 1790 г. сестре Марии Кристине, которая была так недовольна деятельностью Франца Георга. Отвергая жесткий централизм, присущий политике Иосифа II, отказавшись от крутых методов осуществления реформ, Леопольд II не свернул, однако, с реформаторского пути предшественника. В отличие от своих собратьев в Майнце и Трире, он не распахнул ворота Вены перед французскими эмигрантами. Еще в качестве Великого герцога Тосканского он с симпатией воспринял начальную фазу Французской революции, приветствовал созыв Генеральных штатов, пророчил великое будущее обновленной Франции. Не питал он особых родственных чувств и к сестре Марии Антуанетте, да и видел он ее в последний раз в 1765 г. Свою сестру и ее мужа Людовика XVI Леопольд II считал людьми безответственными. Дожили он до 10 августа 1792 г. или до якобинской диктатуры, отношение его к революции, бесспорно, изменилось бы, но он успел умереть раньше.

Правда, в июле 1791 г. Леопольд II подписал декларацию собравшихся в Падуе государей, протестовавших против ограничения свободы Людовика XVI. Затем последовала встреча с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом II в Пильнице, где рассматривались возможные меры против революционной Франции. Тем временем жирондисты, задававшие тон в Национальном собрании, потребовали от Трирского курфюрста распустили военные формирования эмигрантов, главной базой которых стала родина Клеменса — Кобленц. Это усилило военную партию в Вене, и император 7 февраля 1792 г. заключил договор с Пруссией о совместных действиях против Франции. Неожиданная смерть Леопольда II 1 марта 1792 г. полностью развязала руки воинственной

реакции. Но революционная Франция упредила австрийцев, объявив 20 апреля войну королю Венгрии и Богемии, наследнику Леопольда II Францу, не успевшему к тому времени короноваться императором Священной Римской империи.

Еще не пришли в себя от коронации 1790 г., как потребовалась новая. Если предшествующая свершалась в предгрозовой ситуации, то коронация 1792 г. проходила уже в условиях войны. По странному стечению обстоятельств она совпала с годовщиной падения Бастилии. От прошлой коронации сохранились сценарий, реквизит, многие актеры. Однако режиссер спектакля 1790 г. Франц Георг не мог оставить Брюссель, где ситуация предельно накалилась. Зато Меттерних-младший сыграл более заметную роль и с большим блеском. Всем участникам торжеств запомнилась великолепная пара, открывавшая праздничный бал. Кавалером был Клеменс, а его дамой — юная принцесса Луиза Мекленбургская, будущая прусская королева. Изяществом и элегантностью они напоминали рисунки на майсенском фарфоре. Но, несмотря на юность, они олицетворяли не будущее, а уходящее прошлое. Это была последняя коронация императора Священной Римской империи, но большинство участников празднеств не отдавали себе отчета в том, что привычный для них мир, который станут называть «старым порядком», безвозвратно уходит в прошлое. Конечно, и в тот момент веселье омрачалось угрозами, исходившими из революционного Парижа, но старый мир еще верил в свои силы, аристократия надеялась сохранить свои привилегии, свой стиль жизни.

К неполным двадцати годам Клеменс успел вкусить от прелестей *ancien régime*, века рококо. Подобно своему старшему коллеге Талейрану, он вполне мог бы сказать: «Кто не жил до 1789 года, тот не знает, что такое настоящая жизнь». На основе наследия предков и собственного, пусть пока еще скудного жизненного опыта у Клеменса сформировалась психология грансеньора, убежденного, что привилегии и блага гарантированы ему в силу его происхождения. Его мир — дворы, салоны. Правила игры, принятые в этом мире, стали его жизненными принципами, определили образ жизни, манеру поведения. «Человек, знающий двор, всегда владеет своим лицом, взглядом, жестами; он скрытен и непроницаем, умеет таить недоброжелательство, улыбаться врагам, держать в узде свой нрав, прятать страсти, думать одно, а говорить другое и поступать наперекор собственным чувствам. Это утонченное притворство не что иное, как обыкновенное двуличие»<sup>13</sup>, — натурой для этого портрета вельможи, сделанного пером знаменитого Лабрюйера, вполне мог быть и Меттерних.

Что касается политики, то для грансеньора она неотделима от светской жизни, а потому и светские интриги — от интриг политических. Его отношение к политике — как к игре, пусть сложной, изощренной, чреватой самыми серьезными последствиями, но все-таки игре, после которой можно сменить колоду или смешать на доске фигуры и начать новую партию. Все это органично вписывалось в систему династической кабинетной дипломатии, корифеем которой сравнительно быстро стал Клеменс.

14 июля 1792 г. еще не могли знать, что коронуется последний император Священной Римской империи, что через 14 лет ему придется из Франца II стать Францем I, первым императором Австрии. Францу предстояло царствовать 43 года, причем значительную часть отведенного ему историей срока его первым министром будет изящный юноша, «кавалер роз», открывший бал во Франкфурте. Именно это обстоятельство побуждает уделить внимание довольно зауядной личности, всегда предпочитавшей держаться в тени.

Франц II был одним из 16 детей Леопольда II — старшим из его сыновей. На него пал выбор дяди, императора Иосифа II, не имевшего прямого наследника. Детство Франца прошло во Флоренции, так как его отец до смерти брата носил титул великого герцога Тосканского. Иосиф II следил за воспитанием наследника. Его воспитателем был назначен граф Коллоредо. Наследник, мягко говоря, не вызывал восторга у дяди, который находил его слишком апатичным и вялым. На вопрос императора Иосифа II, радуется ли что-нибудь его воспитанника, Коллоредо отвечал: «Он принимает все с каким-то подчеркнутым равнодушием». «К кому он питает доверие?» — допытывался император. «Это трудно сказать, он очень боязлив»<sup>14</sup>, — таков был ответ воспитателя. Для своего возраста юный Франц обладал довольно солидными теоретическими и практическими познаниями, но, по словам того же графа Коллоредо, был подобен машине, которая пишет под диктовку, «никаких собственных мыслей, никакого собственного стиля ни в писании, ни в речи»<sup>15</sup>. Будучи предоставлен сам себе, он мог часами смотреть в окно без какой-либо видимости интереса, без эмоциональных проявлений.

Холодный, подозрительный, робкий, опасющийся смелых решений и перемен, Франц воплощал в себе классический тип консерватора-традиционалиста, отвергающего любые изменения и тем более реформы, цепляющегося за существующее положение вещей. Если его отец видел во Французской революции движение, вызванное глубокими объективными причинами, то Франц усматривал в ней всего лишь покушение на троны и алтари, заговор неких темных сил. Реформы своего дяди он расценивал как угрозу устоям Габсбургской империи. Его девизом стали слова: «ничего не изменять». Отвечая на петицию о политических реформах, он говорил: «Я должен сказать нет, так как всякая уступка всегда опасна. Поскольку человек по природе своей ненасытен, он будет требовать все больше и больше. Дайте ему руку, и он потребует плечо; дайте ему плечо, он потребует все тело. Я не хотел бы жертвовать своей головой»<sup>16</sup>.

Вместе с тем последний император Священной Римской империи был человеком трудолюбивым, нравственным в житейско-бытовом смысле, ревнителем правовых норм. По 14 часов в день он обычно отсиживал за столом, перебирая ворох бумаг. Его внимание привлекали частности, детали; ими была перегружена и его превосходная память. Главное же, существенное, чаще всего ускользало от него. Его стиль правления и поведения носил ярко выраженный патриархальный характер. По верному замечанию Србика, Франц рассматривал империю как «собственное поместье, которым он мог неограниченно править подобно владельцу майората»<sup>17</sup>.

Семья занимала видное место в его жизни. Он самым серьезным образом относился к семейным обязанностям, отвергая всякую фривольность. Супружеский же долг выполнял настолько добросовестно, что похоронил трех жен. А всего он вступал в брак четыре раза. К моменту коронации он был женат уже вторично, так как к этому времени успела умереть его первая супруга, принцесса Елизавета Вюртембергская, сестра жены российского самодержца Павла I. Вторым браком он женился на принцессе Марии Терезе Неаполитанской, которой пришлось рожать 12 раз за неполные 17 лет супружеской жизни.

Франц любил цветы, музыку, семейные радости, но тяготился светской жизнью. Зная несколько языков, он любил тем не менее говорить на венском диалекте, что приводило в восторг непритязательных, добродушных венцев. С возрастом он станет и внешне больше похож на заурядного буржуа. Эта заурядность в сочетании с патриархальностью сделают Франца весьма популярным среди венских обывателей, называвших его «добрым кайзером Францем».

Дистанция, отделявшая Меттерниха от Франца, была в то время еще велика, но франкфуртская коронация не могла не оставить след в цепкой памяти императора.

Семейство Меттернихов, как и всю аристократическую Европу, ожидали не легкие испытания. Французские аристократы-эмигранты уверяли собравшихся во Франкфурте собратьев, что санкюлотский сброд просто разбежится при одном только виде австрийских и прусских войск. Но первые битвы при Вальми и Жемаппе рассеяли эти иллюзии. Если собственно австрийская знать еще могла быть спокойна за свои владения, то рейнландцы ощутили непосредственно на себе последствия поражений феодально-абсолютистского воинства. В октябре 1792 г. французы заняли Майнц, затем Трир и Кобленц. Правда, военное счастье было переменчиво, нидерландско-бельгийские и рейнские города переходили из рук в руки. Франц Георг и его сын несколько раз бежали из Брюсселя и возвращались вновь. Прежняя беспечная жизнь ушла безвозвратно.

В Брюсселе Клеменс помогал отцу в его не очень удачной деятельности по укреплению имперской власти в Австрийских Нидерландах. Выполняя поручения отца, он курсирует между Брюсселем и армией. Под впечатлением казни Марии Антуанетты молодой Меттерних берется за перо. «Возвращением к армии» было положено начало его огромному рукописному наследию. В нем был призыв к мести безбожным цареубийцам, поднявшим руку на королеву, дочь императрицы Марии Терезии: «Кровь вашей бессмертной Терезии, австрийская кровь пролилась на эшафоте!.. Мужественные защитники вашего законного монарха, не успокаивайтесь, пока не выполните призыв»<sup>18</sup>.

В следующем, 1794 г. он пишет еще один документ с довольно длинным названием: «О необходимости всеобщего вооружения народа на границе с Францией». В нем чувствуется стремление извлечь опыт из военных неудач старорежимных армий. «Две кампании показывают, чего можно ожидать от войска, столкнувшегося со всем вооруженным народом»<sup>19</sup>, — назидательным тоном пишет Клеменс. Он обрушивается на старых дипломатов, которые виде-

ли в войне и революции детскую игру, а теперь боятся вооружать народ, так как оружие в руках черни якобы создает угрозу. Но нужно отличать народ от черни. Чернь — это те, кому нечего терять, тогда как народ — это собственники. «Европе угрожает варварство!» — патетически восклицает юный Меттерних. Спасти ее могут только мужественные отцы семейств и собственники. Подобные мотивы появятся у Меттерниха вновь во время войны 1809 года, но ненадолго. Его представление о народе патриархальное; народная масса — это подданные, а не граждане. В сущности, он не так уж далеко ушел от критикуемых им дипломатов старой школы.

Между тем дела Франца Георга в Брюсселе принимают дурной оборот не только под давлением революционной Франции, но также из-за перемен в Вене. Там главой внешнеполитического ведомства вместо покровительствовавшего Меттерниху-старшему графа Ф. Кобенцля становится Ф. Тугут. Бельгийский департамент возглавил другой видный дипломат — граф И. Траутсмандорф. За неудачный для Австрии второй раздел Польши Тугут рассчитывал получить компенсацию на Западе. Отсюда и более жесткая по сравнению с линией Франца Георга политика внутри Бельгии, нажим на бельгийское сословное представительство. Траутсмандорф так откровенно третировал Франца Георга, что штатгальтер, брат императора эрцгерцог Карл, удивлялся долготерпению Меттерниха-отца. Только отнюдь не дружеские отношения между Тугутом и Траутсмандорфом удерживали Франца Георга от отставки. Но удар следовал за ударом. Политика уступок, избранная Францем Георгом, не примирила бельгийское сословное представительство с Австрией. Разочаровывающей оказалась поездка Франца II по Нидерландам. Самое же главное — серия поражений, понесенных войсками коалиции от революционных французов, в чем, собственно, австрийский имперский уполномоченный был не виноват, но попался под горячую руку. Ему был учинен жестокий разнос. От него потребовали строгого соблюдения инструкций, ни малейшего своеволия. Но тем временем французские войска одержали победу при Флерюсе (26 июня 1794 г.). Австрийцы отступают, имперская администрация бежит. Франц Георг оказывается в Дюссельдорфе без средств, без места, без влиятельного покровительства в Вене.

Однако Клеменс он успел вовремя, еще в начале 1794 г., отправить в безопасную Англию. Молодой Меттерних сопровождал генерального казначея нидерландского правительства виконта Десандруэна, отправившегося в туманный Альбион за займом. Если верить мемуарам Меттерниха, то в Англии его встретили с распростертыми объятиями в высших политических и светских кругах. Питт, Фокс, Берк, Шеридан, Грей — таков неполный список знаменитостей, с которыми он встречался. По его словам, он был допущен в интимный кружок принца Уэльского, будущего короля Георга IV, и даже в деликатной форме выразил свое неодобрительное отношение к поведению принца, причем тот 30 лет спустя, будучи уже монархом, сказал ему при встрече: «Вы были тогда совершенно правы»<sup>20</sup>. Не исключено, что у Меттерниха и его английских знакомых случились вполне объяснимые подвиги памяти. Скорее всего пер-



вый вояж в Англию воспринимался в свете впечатлений от второго вояжа — 1814 г., когда Меттерних прибыл уже в качестве известного европейского политика и сумел добиться серьезных политических и особенно светских успехов.

Во время своего первого юношеского путешествия Клеменс с любопытством посещал заседания британского парламента, особенно привлекало его слушание дела У. Гастингса, бывшего губернатора Бенгалии. «Я пытался ориентироваться в парламентском механизме, — писал он в мемуарах, — и это принесло мне впоследствии немалую пользу»<sup>21</sup>. Во всяком случае вплоть до 1848 г., когда Англия стала убежищем для свергнутого революцией канцлера, ни одного сколько-нибудь доброго слова по адресу британского парламента им сказано не было.

Чувствуя, видимо, что его описание собственных светских успехов в Англии выглядит не совсем правдоподобно, Меттерних выдвигает такую версию, объясняющую, почему перед двадцатилетним безвестным юнцом широко раскрывались в Лондоне все двери: там, оказывается, стало известно, что его прочат на пост имперского министра в Гаагу. Учитывая отношение к Меттернихам в тот момент в Вене, это соображение кажется совсем необидительным. Но так или иначе путешествие в Англию Клеменс мог считать удачей. Оно избавило его от многих неприятностей и трудностей, которые пришлось бы пережить, будь он в это время на континенте.

Не без труда Клеменс добрался до Дюссельдорфа, где в полном отчаянии пребывал его отец. Нельзя было вернуться ни в Брюссель, ни в Рейнланд. Даже родной Кобленц был занят французами. Меттернихи лишились владений с 6200 душ крестьян, с доходом 50 тыс. флоринов в год. Оставалось лишь искать спасения в Вене. Тем более что в Богемии у Меттернихов было обретенное в начале минувшего столетия имение Кёнигсварт.

### III

**Д**ля разоренных рейнландцев, несмотря на довольно высокий аристократический статус, было непросто проникнуть в спаянное специфическим кастовым духом венское общество. Лихтенштейны, Штаремберги, Ауэрсперги, Лобковицы, Коллоредо, Клари свысока взирали на беглецов с берегов Рейна. Кроме того, Франц Георг находился в опале у императора. Рассчитывать на бывших покровителей не приходилось, Кауниц умирает как раз в 1794 г., Кобенцль оттеснен, Тугут отвернулся, а враги — Коллоредо, Траутмансдорф — в силе. Эрцгерцогиня Мария Кристина и ее муж Альберт не могут простить Францу Георгу, что он отступил в Бельгии от централизаторской политики Иосифа II, пошел на расширение прерогатив сословного представительства. И уж совсем оскорбительным было предложение, сделанное Францу Георгу в Вене: за 30 тыс. в бумажных ассигнациях отказаться от государственной службы.

Наступает черед действовать графине Беатрикс. Она уже поставила крест на

карьере незадачливого супруга и сейчас все свои усилия, весь незаурядный дар к интриге использует ради любимого сына. Удачный брак — вот что может разом решить все проблемы и для Клеменса, и для семейства. Правда, ранее уже велись переговоры насчет помолвки Клеменса с дочерью знаменитого князя де Линя, непревзойденного остроуслова, желанного гостя в салонах всех европейских столиц. Выходец из Бельгии, он сам, наверное, затруднился бы в определении своей национальной принадлежности, в такой мере он был «гражданином мира», мира аристократического. Теперь же де Линь находился в положении, аналогичном положению семейства Меттернихов, так как значительная часть его владений тоже была занята французами. Поэтому обе стороны полюбовно разошлись, прекратив матримониальные переговоры.

Но Беатрикс быстро высмотрела другую блестящую партию для своего сына. Одним из немногих домов Вены, где она нашла дружеский прием, был дом князя Эрнста Кауница, сына знаменитого канцлера. Жена князя была подругой детства графини Беатрикс. У Кауницев была единственная дочь Элеонора, девушка двумя годами младше Клеменса. Она не отличалась красотой, но должна была унаследовать приличное состояние, а родство с Кауницами открывало путь в труднодоступное венское высшее общество. На Элеонору имела виды для своего сына влиятельная княгиня Палффи (урожденная графиня Коллоредо). К этому варианту брака дочери склонялся и князь Эрнст. Но Беатрикс сумела ввести к Кауницам красавца-сына, который не оставил никаких надежд возможным соперникам.

Элеонора, или, как ее называли на венский лад, Лорель, влюбилась без памяти в чужака с Рейна. Она не могла прожить и дня без встречи с ним. Когда Клеменсу приходилось ненадолго уезжать из Вены, между ними шел ежедневный обмен письмами. Из своих чувств она не делала тайны, и они были настолько сильны, что Клеменс невольно поддавался их воздействию. Временами ему казалось, что он на самом деле увлечен Лорель, которая просто похорошела от счастья. Позднее в письме графине Ливен Меттерних напишет: «Мне не хотелось вступать в брак, но мой отец желал этого; и я сделал так, как ему хотелось»<sup>22</sup>. В переписке с Ливен он сформулировал свой принципиальный подход к браку: «Женятся для того, чтобы иметь детей, а не удовлетворять сердечные чаяния»<sup>23</sup>.

Смерть матери Лорель, княгини Кауниц, благосклонно относившейся к Меттернихам, осложнила ситуацию. Отец был склонен отдать предпочтение Палффи. Но у маленькой, хрупкой, болезненной Лорель оказался сильный характер, и отцу пришлось уступить. Он дал согласие на брак и выделил ей ренту в 17 тыс. гульденов ежегодно. Не смутила Лорель и неприязнь венского общества к ее избраннику. В июле 1795 г. Клеменс был приглашен в летнюю резиденцию Кауницев, название которой через десять лет войдет во всемирную историю — Аустерлиц. Здесь же состоялась свадьба. Брачный контракт был подписан 26 сентября, но была поставлена дата «27», воскресенье; так требовалось по приметам. Надо признать, что примета оправдалась; брак, несмотря на

постоянные измены мужа, оказался в общем счастливым. Отцу Лорель не хотелось расставаться с единственной и любимой дочерью, поэтому он поставил зятю условие: отказ от дипломатической службы, предполагавшей длительные отлучки из Вены. Клеменсу не оставалось ничего другого, как принять его, хотя само по себе родство с Кауницами прямо-таки подталкивало на дипломатическую стезю.

С именем князя Венцеля Антона Кауница (1711–1794 гг.) связана целая эпоха в дипломатии. В 1756 г. в значительной мере по его инициативе был подписан австро-французский союзный договор, решительно изменявший расстановку сил в Европе, положивший конец вековой борьбе между династиями Габсбургов и Бурбонов. Имена Кауница и его французского коллеги герцога Шуазеля стали символами австро-французского альянса, закрепленного браком между дочерью Марии Терезии Марией Антуанеттой и будущим королем Людовиком XVI. Целью Кауница было обеспечить Австрии преобладание в германских делах и вернуть захваченную Фридрихом II Силезию. В дипломатии Меттерниха обнаружится немало преемственности с дипломатией Кауница. Ссылками на его авторитет Меттерних будет часто подкреплять свою политическую практику. Тень Кауница сопровождала почти всю дипломатическую карьеру Меттерниха. Это была спасительная тень, взывая к которой можно было оправдывать собственную политику. В политической деятельности обоих канцлеров много поразительных совпадений, которые, однако, не должны закрывать и существенных различий.

Первые два года после брака Клеменс оттачивал дипломатическое искусство, завоевывая признание неприступных венских салонов. Его покровительницей стала княгиня Э. Лихтенштейн, заменившая Лорель мать, одна из пяти граций, окружавших Иосифа II. Клеменс сумел завоевать ее расположение, следуя, видимо, знаменитому совету, что не следует пренебрегать пожилыми дамами. Запрет тестя тяготил его, хотя он и уверял окружающих, что хочет посвятить себя наукам, занимается медициной, ботаникой, геологией, физикой, подумывает о путешествии в Америку. Все же Клеменс не может избавиться от ощущения какой-то неприкаянности, в которой не хочется сознаваться даже самому себе. Его все раздражает, особенно родственники по линии Кауницев, продолжающие смотреть на Клеменса свысока. Светлый момент — рождение дочери Марии (17 января 1797 г.), самого близкого ему существа. Честолюбивому рейнландцу хотелось доказать спесивым австрийцам, особенно всем этим кузнам Кауницам, что он может стать фигурой не меньшего масштаба, чем их прославленный дед. Смерть князя Э. Кауница весной 1797 г. освободила его от невольного обета, открыла возможность для дипломатической карьеры.

Реализовать ее, правда, было непросто. Но вот политический маятник качнулся от Тугута к Кобенцлю. Тот подписал трудный для империи мир с Бонапартом в Кампо-Формио (17 октября 1797 г.). Чтобы договориться о практическом выполнении всех пунктов документа, потребовался специальный конгресс в вюртембергском городке Раштатте. Его открытие пришлось на декабрь.

Для австрийцев было важно затянуть выполнение неприятных условий, чтобы, подлечив раны, вновь искусить судьбу на полях сражений. Неповоротливый, педантичный, упрямый Франц Георг как нельзя лучше подходил для такой работы. Его, благодаря протекции Кобенцля, и направили полномочным представителем и имперским послом. Фактически же основные нити переговоров были в руках самого Кобенцля, который в Раштатте выступал в роли представителя императора Франца II как короля венгерского и богемского.

Франц Георг берет с собой сына сначала в качестве личного секретаря. Через год Клеменсу удалось получить официальный статус полномочного представителя католической фракции вестфальских графов (как и на коронациях). Конечно, это было далеко от его амбиций, но все же начало положено.

Французскую сторону должен был возглавить Бонапарт, но ему было не до словопрений, шла подготовка к египетскому походу. Клеменс с огромным интересом ждал встречи с человеком, о котором говорила вся Европа. В редком из его писем нет упоминания о прославленном молодом генерале, но ожидание оказалось напрасным.

Для Меттернихов самым близким был вопрос о компенсации за рейнские земли, потерянные по кампоформийскому договору, ибо здесь были затронуты их личные интересы. Строгий блюститель традиционного этикета Франц Георг стремился навязать его французам. Для него серьезнейшее значение имело количество шагов вперед и назад на церемонии встречи делегаций. Он озабочен тем, как повесить портрет императора Франца, чтобы никто не ухитрился оказаться к нему спиной. Его церемониальные ухищрения вызывали постоянные насмешки у представителей Французской республики, но Франц Георг упрямо гнул свою линию.

Французские делегаты, представлявшие совершенно иной мир, были объектом острейшего любопытства для младшего Меттерниха. «Великий боже! Как изменилась эта нация», — писал Клеменс, изумленный и даже возмущенный одеванием тех, кто раньше был законодателем изощренной моды, образцом изящества и элегантности. Нечищенные башмаки, широкие синие штаны, цветные рубашки, шейные платки, длинные невымытые волосы из-под огромных уродливых шляп — все это вызывало презрение, смешанное со страхом. Все же постоянное общение в известной мере растопило лед. Клеменс начал находить у французов и положительные черты. Особенно хорошо отзывался об одном из них — Трейяре. Единственный из французов, с кем ему удалось найти в Раштатте общий язык, был этот адъютант генерала Бонапарта. Переговоры приняли затяжной характер, у обеих сторон было ощущение неизбежности новой войны. Что касается компенсации за утраченные владения, то французы предложили ее за счет секуляризации церковных земель.

Учитывая, что главной задачей переговоров было затягивание времени, Меттернихи хорошо с ней справлялись. Они с головой погрузились в разного рода развлечения: балы, театр, разумеется и актрисы, карты, главным образом азартное «тридцать одно». Причем сын осторожен, флегматичный отец азарт-

нее, проигрывает иногда крупные суммы. Впоследствии Клеменсу придется оплачивать его долги, но уже не раштаттские. В Раштатт приезжали актеры парижских театров «Одеон» и «Опера». Домой Клеменс пишет письма, наполненные жалобами на трудности раштаттского бытия, на одиночество, но когда Лорель порывается приехать к нему, всегда находит аргументы против. Сам же ненадолго приезжал в Вену, где Лорель родила мальчика, названного Францем. У нее обнаружилась тяжелая болезнь легких, поэтому сын, как, впрочем, и все остальные дети, очень слаб. Прожил он совсем недолго.

Жене Клеменс пишет из Раштатта о скучных балах с дамами, которым за полвека, но умалчивает о веселых ночных ужинах с дамами помоложе. Сообщает он и о музыкальных вечерах, на которых выступает любительский оркестр. Сам Клеменс, как и многие аристократы того времени, достаточно музыкально образован. Начинаящий дипломат дирижирует оркестром, исполняющим концерты и симфонии. В его письмах начинает звучать мотив, который со временем станет еще сильнее: там, где находится он, конечно же, решаются судьбы Европы. В противоречие с собственными уничижительными суждениями о конгрессе он все же утверждает, что именно в Раштатте дело идет о мире для всей Европы<sup>24</sup>.

Франц Георг и Клеменс настолько увлеклись в Раштатте прелестями холостой жизни, что стали героями скандального фарса «Двое Клингсбергов», где в манере Плавта были представлены амурные приключения отца и сына, в которых нетрудно было распознать Меттернихов. Особенно колоритно была выписана роль любвеобильного отца. Авторство принадлежало начинающему драматургу А. Коцебу, тому самому, который перейдет на службу абсолютизму, станет российским агентом и через два десятилетия падет от кинжала германского студента Занда. Его смерть даст уже всемогущему тогда канцлеру Меттерниху повод для решительного наступления против либералов и радикалов.

Переговоры в Раштатте, как и следовало ожидать, зашли в тупик. Франц Георг был отозван в Вену; 2 марта 1799 г. он простился с французскими представителями, а 12 марта Франция объявила австрийцам войну, так как те пропустили в Италию русские войска. Хотя Клеменс задержался на некоторое время, но все же его уже не было в Раштатте, когда австрийские гусары расправились с французскими дипломатами, возвращавшимися в свою страну (28 апреля 1799 г.): из трех послов двое были зарублены саблями насмерть, третий чудом остался жив. При всей ненависти к республике и революции для Клеменса столь грубое попрание международно-правовых норм было неприемлемо.

Участие в раштаттском конгрессе не принесло ему дипломатических лавров, а скорее подмочило репутацию. Клеменс снова не у дел. Излюбленным стал для него салон графини Ромбек, сестры Кобенцля. Хотя на страницах своих мемуаров Меттерних уверяет, что ему хотелось уйти в частную жизнь, что дипломатическая служба не очень его привлекала, он тем не менее постоянно наготове, выжидает подходящий момент для возвращения в мир политики. Он осмысливает опыт Раштатта, анализирует имперскую внешнюю политику,

в целом европейскую ситуацию. Критически подойти к себе самому было противно его натуре, зато он не жалел сарказма по адресу «великих политиков» в Вене. Это не мешает ему, как на биржу труда, навещать барона Тугуту, от которого зависели тогда назначения по внешнеполитическому ведомству. Занятие это было пустое, так как Тугут не собирался призывать его на службу. У читателей мемуаров Меттерних хотел создать впечатление, что он находился как бы в личном резерве императора, в ожидании сигнала от Франца, который помнил о нем и ждал подходящего случая, чтобы доверить серьезное дело.

Как бы то ни было, после возвращения из Раштатта Клеменс переживает какой-то внутренний переворот, обретает зрелость в подходе к проблемам международной политики. В известной мере тому способствовало очередное поражение Габсбургской империи в войне с Францией, приведшее к Люневильскому миру (9 февраля 1801 г.), гораздо более тяжелому, чем Кампоформийский. К Франции отошел весь левый берег Рейна, она получила Бельгию и Люксембург, фактически вытеснила австрийцев с Апеннинского полуострова. Особенно болезненно была воспринята потеря Тосканы, родового гнезда императора Франца. Под вопросом оказался статус Австрии как великой державы.

Главную ошибку австрийской политики Меттерних видел в том, что после смерти Кауница она утратила последовательность. Это не означало, что он был сторонником возврата к союзу с Францией. Более того, он критиковал Тугуту за попытку облегчить участь Австрии посредством сближения с Бонапартом. Исключительно австрийской политике Тугута, Коллоредо, Кобенцля Меттерних думает противопоставить политику европейскую. Только в таком широком европейском контексте при восстановлении дореволюционной системы государств Австрия сможет возродиться как великая держава. Всплывают идеи профессора Фогта о равновесии сил. В Меттернихе начинает просыпаться систематик, пытающийся внести порядок в многообразие и хаос. Пока на его мыслях отпечаток незавершенности. Как и те, кого он критикует, Клеменс не может нащупать стратегический курс, сулящий успех. Впрочем, от начинающего дипломата этого никто и не требовал.

Наконец Клеменсу представился шанс. Благоволивший ему Кобенцль, с которым они провели немало времени вместе в Раштатте, опять сменил Тугуту. В своих мемуарах Меттерних изображал дело таким образом, что только призыв кайзера Франца к его патриотизму побудил молодого человека вернуться на дипломатическое поприще. Ему были предложены на выбор три поста: богемского министра при германском рейхстаге, посланника в Копенгагене или в Дрездене.

Выбор Клеменса пал на саксонскую столицу. В Дрездене он видел плацдарм, с которого можно было в дальнейшем двинуться в Берлин или Петербург. Но есть и иная, менее лестная для Меттерниха версия, объясняющая, почему он попал в Дрезден. Могущественный тогда граф Франц Коллоредо, которого в светских кругах из-за его сильного влияния на императора Франца II называли Францем I, решил, что молодой Меттерних, даже оказавшись неспособным (после Раштатта его репутация была невысока), не причинит в Дрездене боль-

шого вреда<sup>25</sup>. Между назначением и отъездом к месту службы прошло восемь месяцев. В это время Меттерних еще более энергично штудировал европейскую политику. Зримым плодом его занятий стали инструкции, составленные им для самого себя. В них уже угадываются черты будущего «зрелого» Меттерниха, чьи инструкции объемом, стилем, теоретическими и историческими экскурсами напоминали диссертации. Первая из них датирована 2 ноября 1801 г.

В результате Французской революции, писал Меттерних, мир изменился сильнее, чем в результате великих войн XVIII в. (имеются в виду Северная война, войны за испанское и австрийское наследство). Он видит угрозы Австрии буквально со всех сторон. Его пугает чрезмерное увеличение Пруссии вследствие разделов Польши, не говоря уже о возросшем могуществе Франции. Серьезную опасность представляет и Россия с ее огромными пространствами и богатствами. Меттерних даже сожалеет об исчезновении Польши с политической карты Европы, благодаря существованию которой Австрия избегала непосредственного соприкосновения с Россией. Разделы Польши он объясняет слепотой Пруссии и российской экспансией, создавая тем впечатление, что Австрию вопреки ее воле втянули в это дело. Исторический обзор в инструкции завершается выводом о том, «как далеко еще до состояния европейского равновесия, всеобщего покоя»<sup>26</sup>. Он полагает: для того чтобы вернуть Австрии статус державы первого ранга, «наша нынешняя политика обязывает к выбору совершенно новых целенаправленных связей»<sup>27</sup>. Свежеиспеченный посланник пока скромно воздерживается от конкретизации своего вывода. Самым естественным ему представляется союз с Англией, к России и Пруссии отношение более настороженное.

Основной целью пребывания в Дрездене Меттерних считал ослабление влияния прусского двора. Пруссия вместе с протестантскими государствами располагала во Франкфуртском рейхстаге многими голосами, поэтому требовалось противостоять прусскому давлению на Саксонию, где была сильна католическая церковь, помешать втягиванию этого королевства в прусскую орбиту. Меттерних осуждает Базельский мир 1795 г., который позволил Пруссии остаться в стороне от войн с Францией, подорвавших позиции Австрии в Европе. В инструкции проявляется и такая черта Меттерниха, как умение увидеть нечто позитивное, утешительное даже в самых неприятных обстоятельствах. Так, в потере имперских владений по Рейну имелись, на его взгляд, такие плюсы, как консолидация имперской территории, ставшей более компактной, отсутствие непосредственного соприкосновения с Францией на Западе.

Дрезден, подчеркивал Меттерних, является важным наблюдательным пунктом, особенно за берлинским двором. Основное внимание он предполагал сосредоточить на раскрытии тайных пружин прусской политики. Большие возможности открывались в Дрездене и относительно русского двора: кроме дипломатов здесь проживали представители российской аристократии, от которых можно было почерпнуть ценную информацию. Здесь действовало множество французских агентов, чье подрывное влияние необходимо ограничить. Такой круг обязанностей наметил себе новый посланник.

Вместе с семейством 4 ноября 1801 г. Меттерних прибывает в столицу Саксонии. Дрезден тогда казался оазисом старого режима, своего рода музеем, в котором законсервировали галантный стиль жизни середины XVIII в. Брат и наследник саксонского монарха был женат на сестре Франца II, поэтому австрийскому посланнику был уготован теплый прием. Кроме того, Фридрих Август Саксонский был племянником трирского архиепископа Клеменса Венцеля, в честь которого Меттерних получил два из трех своих имен.

Украшением дрезденских салонов были прекрасные дамы, среди которых было немало славянских — польских и русских красавиц. Здесь, вдали от злобных всевидящих венских мегер, от бдительного полицейского надзора, Меттерних почувствовал свободу. Прежде всего он стал своим человеком в салоне княгини Изабеллы Чарторыйской, матери близкого друга царя Александра I князя Адама. Российский дипломат граф Ф. Головкин отмечал особую тягу Меттерниха к загадочным и романтическим славянкам.

Из яркого букета дрезденских дам внимание Клеменса сразу же привлекла княгиня Екатерина Павловна Багратион (1783–1857), жена выдающегося российского военачальника. Муж был намного старше ее, часто находился в войсках; она же предпочитала привольную светскую жизнь за рубежом. По отцу княгиня находилась в родстве, хотя и отдаленном, с царской семьей. Граф Павел Мартынович Скавронский, ее отец, приходился внуком родному брату императрицы Екатерины I. От своего отца Мартына Карловича он унаследовал огромные богатства. Прославился же граф П. М. Скавронский своей меломанией. Сама Екатерина II приложила руку к сочинению комической оперы, где высмеивалась безумная страсть графа к итальянской музыке. По материнской линии Е. П. Багратион состояла в родстве со светлейшим князем Г. А. Потемкиным, будучи дочерью одной из его любимых племянниц. Славянская негасимая страсть сочеталась в ней, по словам современников, с андалузской обворожительностью. Зная свою красоту, она любила смелые декольте, за что ее звали «обнаженным ангелом». Их скоропалительный роман проходил у всех на глазах, и только Лорель делала вид, что ничего не замечает. Когда не видеть стало просто невозможно, она утешилась мыслью о неотразимости ее любимого Клеменса. «Я просто не могу себе представить, — говорила она, — как смогла бы устоять против него какая-нибудь женщина»<sup>28</sup>.

Зримым результатом связи Меттерниха с Багратион явилась родившаяся в 1802 году дочь, названная весьма откровенно Клементиной. Много лет спустя сын Клеменса Виктор (он тоже родился в Дрездене в 1803 году), впервые увидев Клементину на балу, был просто потрясен ее сходством с его родной сестрой — Леонтиной.

В Дрездене тогда же находилась и героиня будущего, самого бурного романа Меттерниха, герцогиня Вильгельмина Саган — одна из четырех дочерей герцогини Доротеи Курляндской. Это были внучки знаменитого российского вре-



менщика Бирона. Жизнь каждой из них — сюжет для авантюрного романа. Их еще сравнительно молодая мать станет любовницей Талейрана, а сестра Вильгельмины Доротея — будущая герцогиня Дино — сначала невесткой, а затем и последней подругой того же Талейрана. Но тогда, в Дрездене, пути Клеменса и Вильгельмины не пересеклись. Меттерних позже недоумевал, как это он не заметил Вильгельмину, сразу же не оценил ее.

Не только яркая красота Е. Багратион привлекла к ней австрийского посланника. Наряду с красотой, элегантностью он искал в женщинах интересных собеседниц, с которыми можно было бы обсудить светские и политические новости, впрочем, в те времена трудно было отличить одни от других. Кроме того, его дрезденская возлюбленная была весьма осведомленной особой, для нее не было тайн в российской политике. От нее австрийский дипломат мог получать ценнейшие сведения. Скорее всего, и она тоже видела в любовнике источник полезной для ее государя информации. Вообще светские дамы играли немаловажную роль в династической кабинетной дипломатии. Сбор информации, распространение слухов, даже разведывательные функции — все это органично совмещалось с повседневной великосветской рутинной. После Дрездена роман между Меттернихом и Багратион принял вялотекущий характер. Встречались и переписывались они от случая к случаю.

Среди аккредитованных в Дрездене дипломатов незаурядной фигурой был английский посланник Эллиот. Англичанин уже успел покуролесить в Берлине и Копенгагене и завершал в Дрездене свою карьеру, не слишком утруждая себя служебными обязанностями. «Дело не покажется вам трудным, — поучал он молодого австрийского коллегу, — если я открою вам мою тайну: если мне удастся узнать что-то, представляющее интерес для моего правительства, я сообщаю это; если же ничего не удалось узнать, я придумываю собственные новости, а затем опровергаю их со следующим курьером. Вы можете убедиться, что я никогда не испытываю недостатка в материале для моей корреспонденции»<sup>29</sup>. «Эта шутка, — отмечал Меттерних, — была полностью в духе м-ра Эллиота. Между тем не так уж редко можно было встретить дипломатическую корреспонденцию, сфабрикованную по подобному рецепту»<sup>30</sup>. Сам же Клеменс подходил к подобным делам с исключительной серьезностью. Поглощенный светскими развлечениями, легкомысленный на вид, молодой дипломат на редкость педантично и аккуратно исполнял свои обязанности. Его депеши поступали всегда своевременно, содержали важные сведения, носили аналитический характер. Повседневный труд стал для него нормой. Никакая усталость не могла помешать ему каждодневно усаживаться за письменный стол. В нем уживались одновременно и светский повеса, и педантичный службист. Вряд ли репутация фата была всего лишь маской холодного, расчетливого, тщательно взвешивающего каждый шаг дипломата. В Меттернихе причудливо совмещалось и то и другое, причем в молодости фатовство в некоторых ситуациях могло преобладать над трезвым расчетом. Иначе он и не был бы грансеньором. Правда, постарев, Меттерних

настолько войдет в роль моралиста, что может показаться, будто приключения былых дней происходили не с ним.

Хотя английский дипломат произвел на Клеменса столь сильное впечатление своей экстравагантностью, гораздо большее значение имели для его последующей карьеры другие дрезденские знакомства. Здесь он познакомился с российским поверенным в делах Карлом Нессельроде, с которым ему предстояло иметь дело в течение нескольких десятилетий. Он сблизился с главой французского посольства герцогом А. де Ларошфуко, чьи рекомендации сыграют немаловажную роль при назначении его послом в столицу Франции.

Но, пожалуй, самой важной в перспективе из всех его дрезденских знакомств была встреча с Ф. Генцем (1764–1832 гг.), который станет ближайшим помощником австрийского канцлера, генератором идей, человеком, от общения с которым Клеменс будет получать мощные интеллектуальные импульсы. Генц был выходцем из семейства прусского чиновника, учился в Кенигсбергском университете. Правда, лекциям Канта порой предпочитал сомнительные развлечения. Поначалу он восторженно встретил Французскую революцию, решил защитить ее от нападков англичанина Э. Берка, родоначальника современного консерватизма. Но в процессе чтения берковских «Размышлений о революции во Франции» Генц настолько проникся идеями, которые собирался критиковать, что обратился в убежденного врага революции. Перевод Берка на немецкий язык принес ему определенную известность. В обширном предисловии к книге Берка Генц обнаружил талант публициста, который поставил на службу монархической реакции. Его блестящее перо никак нельзя было назвать неподкупным. Несмотря на скромное происхождение, Генц любил жить широко, обрел замашки грансеньера. У него было множество интимных связей, его постоянно притягивал карточный стол, поэтому всегда нужны были деньги, и немалые. Он не погнушался написать статью, оправдывавшую расправу с французскими дипломатами в Раштатте. Ее одобрил сам император Франц II, а Генц получил ценный подарок. С 1792 г. он становится добровольным английским агентом, правда, вознаграждение получал нерегулярно<sup>31</sup>. Не случайно его знакомство с Меттернихом состоялось на приеме у английского посланника Эллиота. Вскоре Генц перешел на австрийскую службу, получил звание государственного советника и 4000 флоринов «в знак признания его исключительных познаний и рвения, выказанного в деле защиты правительства, добрых нравов и общественного порядка»<sup>32</sup>. Можно представить, какую реакцию вызвали у циника Генца такие «формулировки», особенно слова о «добрых нравах».

Кроме общих вкусов и пристрастий, эпикурейского отношения к жизни, Генца и Меттерниха сближало сходство взглядов на европейскую политику. Если у Меттерниха они имели еще довольно туманное очертание, то у Генца обрели четкую и даже изящную литературную форму. Как раз в 1801 г. вышла в свет его книга «О политическом положении Европы до и после Французской революции». В ней проводилась мысль, что все беды Европы происходили от небывалого преобладания одной из европейских держав — Франции. Это разру-

шило равновесие, «истинную федеративную систему». Пока это равновесие сохранялось, народы континента пользовались благами мира. В описании Генца двадцать лет, предшествовавших Французской революции, выглядели периодом мира и процветания, временем, когда «просвещенный, милосердный образ мыслей завладел в большинстве европейских стран массой народа»<sup>33</sup>. Мудрые государственные деятели видели недостатки тогдашней федеративной системы и разумно, не торопясь, работали над улучшением «общественного устройства Европы». Но Французская революция и развязанные ею войны разрушили благотворную систему. Единственный путь к спасению Европы — восстановить ее. Решение этой задачи и стало сокровенной целью Меттерниха.

В отличие от Раштатта, в Дрездене Клеменс зарекомендовал себя с лучшей стороны. «Граф Меттерних молод, но достаточно ловок, — написал о нем Тугуту граф Коллоредо в июле 1803 г. — Нужно посмотреть, как он покажет себя в Берлине. В Дрездене мы довольны им, но не мадам Меттерних»<sup>34</sup>. Действительно, Лорель, которая к тому же родила в Дрездене сына, питала отвращение к светской суете, не подходила на роль блестящей хозяйки салона. Давало о себе знать и ее слабое здоровье. Тем не менее она отнюдь не была простушкой, и в кульминационные моменты дипломатической карьеры мужа она окажется верной и умелой помощницей.

Император Франц, наконец-то, проявил благосклонность к Меттерниху-отцу. В качестве компенсации за потерянные рейнские владения ему был пожалован Охсенхаузен, расположенный по соседству с Вюртембергом. Новое владение было возведено в статус имперского княжества, и в 1803 г. граф Франц Георг стал князем, что еще более усилило в нем сословную спесь.

21 ноября 1803 г. чета Меттернихов прибыла в Берлин, где Клеменс сменил направляемого послом в Петербург графа И. Ф. Штадиона. Тот по праву слыл непримиримым противником Наполеона. Было очевидно, что в Петербурге он включится в подготовку очередной войны против Франции. С Меттернихом дело обстояло сложнее. Своим назначением он был обязан Кобенцлю и Коллоредо, лидерам группировки, предпочитавшей осторожный курс на умиротворение Наполеона, который из революционного генерала и первого консула превратился в 1804 г. в императора французов. Вена не отреагировала сколько-нибудь серьезно на расстрел герцога Энгийенского. И только после новых захватов Наполеона в Италии сторонники пусть худого, но все-таки мира с грозной империей начинают менять позицию. Вместе с ними и Меттерних.

Важный импульс в деле формирования очередной коалиции исходил от российского императора Александра I, порвавшего с Наполеоном после расправы над герцогом Энгийенским, членом дома Бурбонов. Теперь перед Меттернихом встала непростая задача. Необходимо было втянуть Пруссию в ряды формирующейся третьей антинаполеоновской коалиции. Против Франции объединялись Англия, Россия, Австрия, Турция, несколько средних и малых государств. Союзники были способны выставить свыше полумиллиона солдат. Присоединение Пруссии с ее многочисленной (свыше 150 тыс.) армией,

высоко котиравшейся тогда в Европе, обещало обеспечить решающее превосходство.

Дебют Клеменса в Берлине облегчался его хорошими отношениями с королем и королевой. Он был знаком с ними со времен франкфуртской коронации. Королева Луиза — та партнерша, с которой он открывал торжественный бал в июле 1792 г. Сейчас он преисполнен восхищения ее красотой. Попробовал было и на ней свои чары, но романтическая королева хранила верность супругу. Кроме того, все ее помыслы направлены на то, чтобы дать отпор корсиканскому чудовищу.

После галантного и фривольного Дрездена Клеменс томится в Берлине от скуки. В пуританской прусской столице мало светских развлечений, в дипломатическом корпусе нет ярких фигур, интересных собеседников. Особенно тяготит отсутствие увлекательного женского общества. Появлялась эпизодически Вильгельмина Саган, но Клеменс не реагировал на ее авансы. Его больше привлекала жена военного атташе и флигель-адъютанта российского царя княгиня Е. Долгорукая. Заезжала в Берлин и знаменитая писательница мадам де Сталь. Она пыталась очаровать Меттерниха, но тому в женщине, кроме интеллекта, была нужна и красота.

Однако после заключения российско-австрийского договора 1804 г. Меттерниху уже некогда скучать. Он становится активным сторонником военного решения. Он прекрасно понимает, что поставленной перед ним цели можно достигнуть только с помощью России. Причем именно Россия должна сыграть главную роль в деле вовлечения Пруссии в коалицию. Меттерних налаживает взаимодействие с российскими дипломатами. Посланник Алопеус в знак доверия читает ему свои депеши<sup>35</sup>, тесное сотрудничество устанавливается у него с Долгоруким. Когда осенью 1805 г. войска Наполеона двинулись на юг Германии, царь попытался воздействовать на своего друга короля Фридриха Вильгельма III посредством писем. К рыцарскому духу короля взывает и королева. Энергичным сторонником войны был кумир молодежи принц Луи Фердинанд. Забавно читать в мемуарах Меттерниха слова о том, что принц при всех своих несомненных достоинствах тяготел к дурному обществу, которого автор мемуаров всегда избегал. Видимо, сказывалась появившаяся у зрелого Меттерниха морализаторская тенденция, а также и неизжитая ревность, поскольку у принца была влюблена Вильгельмина.

Из страха перед Наполеоном и под давлением России, Австрии, прусских антинаполеоновских сил Фридрих Вильгельм III проявил исключительную изворотливость. Наконец он согласился перейти от простого нейтралитета к вооруженному. Конечно, русским и австрийцам этого мало. Меттерних заявил прусскому министру Гарденбергу, что таким путем не спасти Европу. Пройдет 6–7 лет, и Меттерних именно вооруженный нейтралитет будет рекламировать как эффективнейшее средство против Наполеона.

Меттерних был за то, чтобы Россия припугнула прусского короля, хотя после это отрицал. В конце концов союзникам помог сам Наполеон, который, не

посчитавшись с нейтралитетом, нарушил границу Пруссии. Король тогда согласился открыть границу и для русских. Пока пруссаки колебались, Наполеон успел разгромить австрийцев под Ульмом (19 октября 1805 г.) и занять Вену. Теперь вступление Пруссии в войну, с точки зрения Меттерниха, должно стать компенсацией за Ульм.

В Берлин прибывает Александр I. Первая встреча Меттерниха с царем. Им еще придется часто встречаться, их отношения будут развиваться самым причудливым образом: братские объятия, разрывы, вызов на дуэль, холодное равнодушие. Первый получасовой разговор. У Клеменса такое ощущение, что он знаком с царем уже много лет. Сам «любезный соблазнитель», Меттерних поддался очарованию молодого российского монарха.

Прусский король прижат к стене. Меттерних пишет, что без царя, без его решимости, благородной самоотверженности, когда он, не считаясь с угрозой собственному достоинству, как простой участник включился в переговоры, результат не был бы достигнут<sup>36</sup>. Но Клеменс, естественно, не преминул заметить, что русские участники переговоров воздали должное и ему за твердость и последовательность<sup>37</sup>.

5 ноября в Потсдаме был заключен договор трех монархов: прусского, российского и австрийского. Театральный церемониал при подписании договора соответствовал романтическому складу характеров Александра I и Фридриха Вильгельма III. Они торжественно поклялись в верности друг другу перед гробницей Фридриха II, кстати, весьма цинично относившегося к клятвам и договорам. Романтизм не помешал, однако, прусскому королю потребовать у союзников права Пруссии на оккупацию Ганновера, что создавало для коалиции серьезную проблему, поскольку это было родовое владение династии, царившей в Англии.

Александр I отправился в главную квартиру третьего партнера — императора Франца II, навстречу Аустерлицу. Под впечатлением жестокого поражения русско-австрийских войск под деревней, входившей во владения Кауницев, там, где была его свадьба, Меттерних назвал 2 декабря 1805 г. более тяжелым днем, чем 14 июля 1789 г.: «Мир потерян, Европа сожжена, а из пепла возникает новый порядок вещей или, скорее, старый порядок способствует успеху нового»<sup>38</sup>. Символично и то, что Наполеон после победы ночевал в замке Кауницев, в комнате Меттерниха.

Прусский министр иностранных дел Гаугвиц ухитрился найти лазейку в Потсдамском договоре. С ультиматумом в одном кармане и с поздравлениями на случай победы — в другом, он отправился вслед за Наполеоном, выжидая, чем закончится битва. Победителю он вместо ультиматума угодливо вручил поздравления. Обмануть этим Наполеона, конечно, не удалось, а позора досталось изрядно. Разбитая при Ульме и Аустерлице, Австрия не могла продолжать войну. В Пресбурге (Братислава) начались переговоры о мире. Коллоредо и Кобенцлю пришлось уйти с политической авансцены, выдвинулся вперед И. Ф. Штадион. Меттерних пребывал в крайне удрученном состоянии. Пораже-

ние Австрии сплеталось с его личной неудачей: он не смог выполнить свою миссию в Берлине. «Я постарел на тридцать лет, — писал он Генцу, — ибо последние три года эквивалентны тридцати годам любого другого века»<sup>39</sup>. Кайзер Франц II все же отметил старания Меттерниха в Берлине. Он был награжден большим крестом ордена Святого Стефана. Свою неудачу Клеменс объяснял главным образом предательством Гаугвица. Теперь он старался заручиться поддержкой нового главы дипломатического ведомства графа И. Ф. Штадиона. В связи с его выдвижением вакантным стало престижное место посла в Петербурге, и на него прочат Меттерниха. Однако вместо российской столицы он неожиданно для себя попал в Париж.

<sup>1</sup> Aus Metternich's Nachgelassenen Papieren (в дальнейшем NP). Wien, 1881. Bd. 3. S. 332.

<sup>2</sup> Цит. по: Corti E. C. Metternich und Frauen. Zürich; Wien, 1948. Bd. 1. S. 431.

<sup>3</sup> Tritsch W. Metternich. Glanz und Versagen. Berlin, 1934. S. 39–40; Grunwald C. de. La vie de Metternich. Paris, 1939. P. 18–19.

<sup>4</sup> См.: Regesten des Archive der Herrschaft Winneburg-Befeilstein im Gesamtarchiv der Fürsten von Metternich im Staatlichen Zentralarchiv zu Prag Veröffentlichungen der Landesarchivverwaltung Rheinland-Pfalz. Koblenz, 1989. Bd. 53.

<sup>5</sup> NP. Bd. 4. S. 419.

<sup>6</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 19.

<sup>7</sup> Grunwald C. de. Op. cit. P. 21.

<sup>8</sup> Fink H. Metternich. Staatsman, Spieler, Kavalier. München, 1989. S. 15.

<sup>9</sup> NP. Bd. 4. S. 112.

<sup>10</sup> Ibid. Bd. 1. S. 10.

<sup>11</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. Metternich. München, 1925. Bd. 1. S. 71.

<sup>12</sup> Цит. по: Mikoletzky H. L. Österreich — das entscheidende 19. Jahrhundert. Wien, 1972. S. 12.

<sup>13</sup> Лабрюйер Ж. де. Характеры, или нравы, нынешнего века. М.; Л., 1964. С. 160.

<sup>14</sup> Цит. по: Bibl V. Kaiser Franz. Leipzig; Wien, 1938. S. 13.

<sup>15</sup> Ibid. S. 15.

<sup>16</sup> Epstein K. Die Ursünge des Konservatismus in Deutschland. Frankfurt a. M.; Berlin, 1973. S. 499.

<sup>17</sup> Srbik H. R. Op. cit. S. 446.

<sup>18</sup> NP. Bd. 1. S. 339.

<sup>19</sup> Ibid. S. 344.

<sup>20</sup> Ibid. S. 19.

<sup>21</sup> Ibidem.

<sup>22</sup> Letters de prince de Metternich a la comtesse de Lieven. Paris, 1909. P. 42.

<sup>23</sup> Ibid. P. 177.

<sup>24</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 56.

<sup>25</sup> Ibid. S. 68.

<sup>26</sup> NP. Bd. 2. S. 9.

<sup>27</sup> Ibid. S. 10.

<sup>28</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 76.

<sup>29</sup> NP. Bd. 1. S. 38.

<sup>30</sup> Ibidem.

<sup>31</sup> Baxa J. Friedrich Gentz. Wien, 1965. S. 40–41.

<sup>32</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Metternich. Paris, 1986. P. 62.

<sup>33</sup> Gentz F. Von dem politischen Zustande von Europa vor und nach der Französischen Revolution. Berlin, 1801. S. 189, 191–192.

<sup>34</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 79.

<sup>35</sup> NP. Bd. 2. S. 25.

<sup>36</sup> Ibid. Bd. 2. S. 75.

<sup>37</sup> Ibid. S. 76.

<sup>38</sup> Srbik H. R. Op. cit. P. 111.

<sup>39</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 72.

## ГЛАВА II. ПАРИЖСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Сравнительно короткий период долгой жизни Меттерниха, связанный с его пребыванием в Париже в качестве посла (с августа 1806 г. по июнь 1809 г.), был совершенно уникален с точки зрения формирования его как политика, не дипломата, но именно политического деятеля, государственного мужа. Ни Берлин, ни тем более Дрезден не могли дать опыта большой европейской политики. На дипломатии прусского и саксонского дворов, конечно, в разной степени, но все же лежал отпечаток провинциальности. Нести службу в Париже — это значит находиться в эпицентре европейской, да и вообще мировой политики. Здесь предстояла встреча с Наполеоном, человеком, чьи дарования дипломата и государственного деятеля не уступали его полководческому гению. В Париже зарубежных послов «поджидал» сам Ш. М. Талейран — крупнейший дипломат нового времени.

При всей своей самоуверенности Клеменс испытал серьезные сомнения, когда перед ним открылась перспектива отправиться послом во французскую столицу. Позже он признавался, что охотнее поехал бы в Петербург. Царь Александр I произвел на него в Берлине самое лучшее впечатление. У него сложились хорошие отношения с российскими дипломатами и в Дрездене, и в Берлине. Даже страх перед русскими морозами отступал на второй план при мысли о тех испытаниях, которые подстерегали его в Париже. Конечно, двор наполеоновской империи будоражил его воображение, интриговал своей новизной, неизведанностью. Но по своему характеру он предпочел бы знакомое, испытанное. Кроме того, в Париже ему предстояло представлять только что разгромленную и разграбленную страну. Он сам признавал: «Задача представлять во Франции Австрию непосредственно после Пресбургского мира была сопряжена с такой суммой трудностей, что я был озабочен, смогу ли справиться с ними?». Но задним числом Меттерних утверждал, что отправился в Париж с намерением изучить сильные и слабые стороны Наполеона, чтобы эффективнее бороться против него.

История с назначением Клеменса австрийским послом во Франции довольно запутанная, но все же она дает возможность представить, от какого причудливого сочетания факторов зависела в те времена дипломатическая карьера, как вертели колесики механизма династической кабинетной дипломатии. Это позднее Меттерних представил дело таким образом, что все его проблемы сводились к выбору, куда ехать — в Петербург или Париж. Ему пришлось пережить, хотя и недолгий, но неприятный период неопределенности. Ведь берлинская миссия кончилась для него неудачно. В Париж граф Штадион намере-

вался послать Кобенцля. Новый австрийский министр помышлял о новой войне с Францией, на серьезное долгосрочное соглашение с ней он не рассчитывал. Кобенцль, типичный дипломат старой школы, пользовавшийся репутацией франкофила, если бы и не добился от французов каких-то поблажек, то во всяком случае мог бы тянуть время, необходимое для регенерации австрийской военной мощи. Однако Наполеон достаточно хорошо знал Кобенцля (он вел с ним переговоры еще в Кампо-Формио) и отклонил его кандидатуру.

Император французов потребовал, чтобы в Париж был послан кто-нибудь из семейства Кауница, «истинно австрийского дома, издавна связанного с французской системой». В этом явно ощущалось влияние наполеоновского министра иностранных дел Талейрана, сторонника франко-австрийского сближения в духе традиции Шуазеля и Кауница. Первоначально он имел в виду князя Алоиза Венцеля Кауница, бывшего посла в Неаполе. Впрочем фигурировали и такие имена представителей австрийских домов, как князь Лихтенштейн и князь Шварценберг. Имя Меттерниха еще не произнесено. Есть основания полагать, что оно было подсказано французскими коллегами Клеменса по Дрездену и Берлину. Бывший посланник в Саксонии Ларошфуко занимал тогда пост французского посла в Вене, а приятель по Берлину Лафоре был доверенным Талейрана. Не исключено, что вмешательство Ларошфуко было инспирировано самой четой Меттернихов. И все же Париж манил сильнее, чем пугал. Это был большой скачок в дипломатической карьере назло всем «добрым родственникам» из семейства Кауницев, которые пытались помешать назначению Клеменса, но безуспешно. Он не скрывал своего удовлетворения, что благодаря назначению в Париж ему удалось перепрыгнуть всех своих бывших сотоварищей по дипломатическому корпусу.

Наряду с честолюбием Меттерниха привлекали в Париж и более приземленные материальные причины. На его расточительном отце уже висел долг в 700 тыс. гульденов с годовыми платежами в 35 тыс. Кроме того, в результате войны Франц Георг лишился совсем недавно полученного Охсенхаузена. Клеменс добился 90 тыс. гульденов посольского жалования в год. Ему помогло то обстоятельство, что скуповатый Кобенцль в бытность свою послом не устраивал роскошных приемов, приличествующих представителю великой державы. Французы были этим недовольны, и это давало повод требовать более солидного содержания. Меттерних втайне надеялся, что в силу своего положения в Париже ему удастся добиться возвращения Охсенхаузена или, по крайней мере, компенсации за него.

Финансовые и прочие проблемы задерживали Меттерниха в Вене. Не торопил его и Штадион. Но оказалось, что проволочки на руку французам. Посол Австрии в июльские дни 1806 г. был бы лишь помехой для Наполеона. Он завершил реализацию своего германского плана. Наряду с Австрией и Пруссией Наполеон создавал как бы «третью Германию» в виде Рейнского союза из 16 западногерманских государств, провозгласив себя его протектором. В своей германской политике император французов опирался главным образом на сред-



ние государства, чувствовавшие себя неуютно между Австрией и Пруссией. К ним были присоединены многочисленные мелкие владения, от княжеских до рыцарских, в том числе и меттерниховский Охсенхаузен, включенный в состав Вюртемберга. Кстати, Меттерних впоследствии позаимствует наполеоновский опыт, противопоставляя Пруссии союз со средними и малыми государствами.

Конечно, в процессе создания Рейнского союза не обошлось без выкручивания рук; какие-то государства выигрывали, а какие-то проигрывали от вступления в него. Недовольные по традиции могли апеллировать к представителю Австрии, пусть даже без шансов на реальную помощь. 10 июля 1806 г. Наполеон направил Францу II ультиматум с требованием отказаться от титула императора Священной Римской империи германской нации. В Вене заторопились, и Меттерниху было предложено ускорить отъезд в Париж. Однако 12 июля Наполеон распорядился не пропускать во Францию австрийских и русских дипломатов. Конечно, это плохо вязалось с дипломатическими нормами, но Наполеон никогда не был формалистом. 23 июля Меттерниха и российского дипломатического представителя Убри задержали в Страсбурге. Меттерних был достаточно благоразумен, чтобы не поднимать шума. Он с удовольствием гуляет по Страсбургу, где множество памятных мест, связанных с его юностью. Наконец 29 июля он получил разрешение и на другой день отправился в Париж.

Там его ожидали трудные проблемы. Прежде всего надо было удержать Францию в рамках пресбургских условий и, если удастся, смягчить их, особенно по Адриатике. Сложность положения австрийского посла усугублялась тем, что Штадион рассматривал мирный период в отношениях с Францией как антракт, за которым вновь последует война, поэтому главное — выжидать, воздерживаться от сколько-нибудь серьезного улучшения отношений с Францией. Определенные авансы французам, по мнению Штадиона, имеют смысл лишь с целью воздействия на Россию, чтобы поднять в ее глазах пошатнувшийся престиж и вес Австрии, притормозить российскую экспансию в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. К моменту прибытия в Париж Меттерних, как и его шеф, не видит возможности для принципиального улучшения отношений с Францией и тем более для союза с ней.

5 августа Меттерних был чрезвычайно любезно принят Талейраном, который извинился за неудобства, причиненные послу в Страсбурге. Первую аудиенцию Наполеон назначил Меттерниху на 10 августа, ровно через месяц после подписания смертного приговора Священной Римской империи, а 6 августа 54-й за всю ее историю император, Франц II, стал первым императором Австрии; из Франца II он таким образом превратился во Франца I. Это обстоятельство создало определенные процедурные трудности. Клеменс показал себя достойным сыном своего отца, педантичного ревнителя всех тонкостей дипломатического этикета. Проблема заключалась в следующем: должен ли он быть аккредитован как посол Священной Римской империи или как посол австрийской империи. Меттерних настаивал на первом варианте. Талейран, с которым он согласовывал этот вопрос, не стал возражать. Но главный церемониймей-

стер Сегюр вечером 9 августа передал Меттерниху, что Наполеон примет его в качестве посла Австрийской империи. Хотя Клеменс и начал было возражать, но доводить дело до скандала все же не решился. В конечном итоге сошлись на том, что он будет принят как посол Австрийской империи, оставив за собой право, если потребуется, вручить новые верительные грамоты. Он был очень доволен своим поведением в этом эпизоде.

На другой день его ожидал в Тюильри теплый прием. Впервые Клеменс испытал на себе чары человека, которого он заочно ненавидел. Двойственное отношение к Наполеону отразилось и в описании самого приема. Меттерних, которого потом нередко обвиняли в пристрастии к императору французов, описывая это событие в весьма торжественных тонах, вдруг как бы спохватывается и старается ослабить впечатление, произведенное Наполеоном. Он отмечает у него черты выскочки (*parvenu*). Однако некоторые историки оспаривают достоверность описанных Меттернихом деталей, в частности тот факт, что на дипломатическом приеме Наполеон был в военной форме и с треуголкой на голове.

Дружелюбие Наполеона, возможно, было обусловлено стараниями Ларошфуко, который советовал не отождествлять позицию Меттерниха с непримиримой антифранцузской линией Штадиона. Наполеон во время разговора резко обрушился на австрийского министра иностранных дел, вспомнил о союзе 1756 г. 2 сентября последовала частная аудиенция, как раз тогда и произнес Клеменс свою, можно сказать, хрестоматийную фразу. «Вы слишком молоды, Меттерних, чтобы представлять одну из старейших империй», — сказал Наполеон. «Сир, мне столько же лет, сколько было Вашему Величеству при Аустерлице», — ответил австрийский посол. Трудно было устоять перед такой изысканной лестью. Слова Меттерниха тотчас же стали известны всему Парижу. «Его Величество весьма доволен графом Меттернихом и очень хорошо его принял»<sup>2</sup>, — писал Талейран Ларошфуко, видимо, отдавая ему должное за рекомендации, которые тот дал Клеменсу. В Вене тоже довольны свои послом. Там опасались, что Наполеон не остановится на создании Рейнского союза в том виде, в каком он был провозглашен. В Баварии, Бадене, Вюртемберге государи были не прочь с помощью Франции продолжить военные действия, отвоевать у Австрии новые территории. Прием, оказанный Меттерниху, несколько успокоил и австрийцев. Штадион поздравил посла с хорошим началом.

Вскоре, однако, намечается различие в позициях Меттерниха и его шефа графа Штадиона. Оба согласны в том, что признание французской гегемонии в Западной Европе неизбежно. Меттерних говорит о ненасытных амбициях Наполеона, о нелепости его системы универсального господства, противоречащей принципу равновесия сил, эквilibра. Но гибкий ум молодого посла все же не может примириться с безысходностью ситуации. В отличие от своего министра Меттерних приходит к выводу, что Австрийская империя может существовать с наполеоновской системой. Наполеона необходимо убедить в этом определенными уступками, которые должны быть не плодами страха, а проявлением доброй воли. Учитывая психологию *parvenu*, Меттерних надеял-

ся, что Наполеона удастся в какой-то мере умиротворить вводом его в круг старых династий. В этих его размышлениях уже можно уловить зачатки идеи «австрийского брака».

Пока же он надеялся отделаться меньшим. В частности, он предлагал обмен орденами между Австрией и Францией. Его мало смущало то обстоятельство, что корсиканец может стать рыцарем ордена Золотого руна. Меттерних рекомендует Вене отказаться от антинаполеоновской пропаганды. Зная о проавстрийских симпатиях Талейрана, он пытается завязать с ним широкую дискуссию об основах отношений между двумя державами. Мэтр дипломатии искусно ускользал от главного, предпочитая говорить о частностях, но во время аудиенции 2 сентября Талейран сам завел разговор о принципах. За несколько дней до этого Наполеон во время прощальной аудиенции австрийскому генералу Винценту, который играл видную роль в переговорах о мире, снова вспомнил о союзе 1756 г. Хотя 2 сентября речь о союзе Шуазель-Кауниц не заходила, однако Талейран сказал, что начинается новая эра в истории отношений двух государств. Следует забыть недавнее прошлое, Наполеон не против того, чтобы вступить в тесные отношения с Австрией. Весьма довольный таким оборотом дел, Меттерних тем не менее проявил осторожность: «великие империи, как и обычные люди, должны в своих отношениях друг с другом проходить неизбежные промежуточные стадии, чтобы не бросаться из одной крайности в другую»<sup>3</sup>. Хотя дальше разговоров дело не пошло, пробный шар, однако, был запущен. Меттерних готов погрузиться в разработку конкретных деталей. Однако для Штадиона австро-французский союз был принципиально неприемлем.

Дипломатия Меттерниха вступила в противоречие, пока еще трудно уловимое, с инструкциями из Вены. Инструкции сковывают его инициативу. Между тем он только почувствовал вкус к большой европейской политике. Его же ориентировали, что Австрии сейчас не до того, дай Бог, как-то продержаться. Упрямое сопротивление без хитроумных маневров. Штадион отклонил даже идею обмена орденами. И на такой основе в инструкции предлагалось работать Меттерниху! «Я надеюсь, — писал Штадион, — что Вы найдете на этой базе возможность для действительного сближения между нами и двором Тюильри, сохраняя одновременно ту степень осмотрительности, которая должна быть основой любых политических отношений»<sup>4</sup>. В последних словах нетрудно уловить предостережение не в меру инициативному послу.

Клеменс попал в щекотливое положение. По инструкции ему следовало бы вести себя осторожно, уклончиво, а Талейран неоднократно ставил вопрос о перспективах франко-австрийского союза. Причем проверкой на искренность должна была стать проблема Каттаро. В этот порт на Адриатике австрийцы пропустили русских, и теперь французы предлагали австрийцам изгнать из него бывших союзников. За это Талейран обещал вернуть Браунау, удерживаемый Францией в качестве залога. Тогда Меттерних в соответствии с инструкциями характеризовал позицию Австрии как чистый и простой нейтралитет.

В ответ на это Талейран замечает, что такая австрийская позиция Франции ничего не дает, более того, она позволяет Австрии примкнуть в подходящий момент к той стороне, которая возьмет верх. Меттерних тоже прекрасно понимает, что французы предлагают союз, чтобы вывести Австрию из игры в канун новой войны. Идее союза он противопоставляет тактику «мелких шагов». Все же, на его взгляд, было бы неразумно отвергать с порога интересное предложение, позволяющее завязать серьезные переговоры. Если Наполеон считал, что важно завязать сражение, а затем его полководческий гений подскажет наилучшее продолжение, то Меттерних весьма небезуспешно руководствовался аналогичным принципом в своей дипломатической практике. Главное — завязать переговоры, а дальше остается уповать на дипломатическое искусство.

Высшим дипломатическим «пилотажем» Меттерних как раз и овладевал в Париже, усваивая уроки такого признанного мэтра дипломатии, как Талейран. Однако он не был робким учеником, который почтительно внимает своему профессору. Как уже говорилось, Клеменс с юных лет отличался апломбом, чрезвычайной самоуверенностью. И теперь, когда с разбитой и униженной Австрией мало считаются враги и недавние союзники, ее посол горделиво заявляет: «Я несу на моих плечах весь мир». Так он писал своему отцу 16 сентября 1807 г. Эти слова прочно войдут в его обиход, их часто можно встретить в его многочисленных писаниях.

В разгар переговоров Меттерниха с Талейраном вспыхнула война между Францией и 4-й антинаполеоновской коалицией. Переговоры французов с Россией зашли в тупик. Александр I заключил тайный военный союз с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III, который 1 октября 1806 г., набравшись духу, потребовал от Наполеона отвести войска за Рейн. Меттерних видел бессмысленность прусской политики и не сомневался в победе Наполеона. Однако императору французов и его министру иностранных дел пришлось отправиться к театру военных действий. Чтобы не терять контактов с ними, Меттерних готов сопровождать их и на войне. Но Штадион не дал санкции на это, ограничив ему свободу маневра. Первый раунд переговоров с Талейраном закончился безрезультатно. После отъезда Наполеона и Талейрана дипломатическая жизнь в Париже заглохла, наступили своего рода каникулы. До возвращения Наполеона Меттерних, по его собственным словам, был «парижским отшельником».

## II

**Н**а самом же деле он с головой погрузился в светскую жизнь Парижа. Двор Наполеона открывал массу возможностей для светских удовольствий, которые так ценил Меттерних. В отличие от чопорного, проникнутого кастовым духом габсбургского двора с его всесильными жрицами из престарелых княгинь, в Сен Клу и Тюильри собирались главным образом лю-

ди его поколения. Большинство из них совсем недавно обрели титулы и богатство, сражаясь под знаменами генерала Бонапарта, а затем императора Наполеона. Наполеоновскому двору придавало особый шик сочетание энергии и жизнелюбия нуворишей и парвеню с изысканным шармом аристократов старого режима, которых император стал охотно принимать к себе на службу. «Наполеон, — писал известный французский историк А. Сорель, — поступает в этом случае с этими роялистами, как поступил Генрих IV после своей мессы с бывшими членами Лиги и иезуитами»<sup>5</sup>. Может быть, особое очарование двору империи придавало его стремление как можно полнее прожить именно сегодняшний день, так как прочной уверенности насчет завтрашнего не было. Весь его блеск, все его великолепие зависели от одного человека, склонного постоянно искушать судьбу.

Не удивительно, что блистательный салонный лев, эlegantный, красивый, аристократичный, стал звездой парижского общества. В описании своего апологета Г. фон Србика Меттерних времен парижского посольства предстает едва ли не трагической фигурой, человеком, поглощенным одной лишь величественной целью — свергнуть ненавистного деспота: «В постоянном общении с поработителем Европы, находясь под неусыпным надзором со стороны императора, его придворных и его полиции, он учился трудному искусству полного самообладания, сокрытия мыслей под холодной сдержанностью или под угодливо улыбающимся видом, с «одним смеющимся, а другим плачущим глазом», с любезной болтовней и со смертельной враждой на сердце»<sup>6</sup>. Бесспорно, отмеченный Србиком мотив и звучал в сознании австрийского посла, влиял на его поступки и поведение, но не следует забывать, что Меттерних был еще сравнительно молодым человеком, подверженным если не страстям, то увлечениям, склонным эпикурейски предаваться радостям жизни.

Хотя дипломат в конечном счете брал в нем верх над эпикурейцем, но было бы ошибкой видеть в нем лишь лазутчика в стане врага. Да и отношение его к Наполеону никак не укладывается в черно-белую схему. Автор самого обстоятельного исследования о Меттернихе, Г. фон Србик опять недооценивает того обстоятельства, что его герой менялся во времени, что молодой Меттерних при всей своей осторожности и осмотрительности все же не утратил эмоциональности, импульсивности. Чтобы увидеть разницу между ранним и зрелым Меттернихом, достаточно взглянуть на два его портрета, созданные Жераром и Лоуренсом. На первом (1806 г.) — романтического вида молодой человек с легкой блуждающей улыбкой, слегка рассеянным взглядом; на другом (1819 г.) — почтенный государственный муж с тонкой, чуть насмешливой улыбкой, отражающей чувство собственного превосходства, непоколебимой уверенности в себе, своей исторической миссии. С портретом Жерара совпадает «зарисовка» Нессельроде, сделанная им с натуры весной 1806 г.: «Я еще не убежден, что Меттерних соответствует уровню того места, которое ему прочат, хотя он достаточно умен, духовности в нем даже больше, чем у трех четвертей венских превосходителей, он более чем любезен, когда того хочет,

внешне красив, почти всегда влюблен, очень часто рассеян, что столь же опасно в дипломатии, как и в любви»<sup>7</sup>.

И в парижские салоны Клемена приводило отнюдь не только стремление получить ценную информацию для своей дипломатической игры. Любовные интересы влекли его не меньше. Как трудно провести грань между политикой и светской суетой, так же сложно провести грань между дипломатией и любовью в жизни молодого Меттерниха. Он великолепно вписывался в молодой двор наполеоновской империи. Прекрасные дамы сразу же проявили к нему большой интерес, началось соперничество из-за «красавца Клемана». Сам же он (тоже интересный штрих к портрету) попытался разыскать свою первую любовь Констанс де Камон. Потом произойдет их встреча, но связь времен уже не восстановить.

Наибольший резонанс и немаловажные политические последствия были вызваны двумя его парижскими романами, в которых, кстати, тоже нашла отражение двойственность его натуры. Героиней одного из них являлась сестра Наполеона, жена маршала Иоахима Мюрата (Великий герцог Бергский, затем король Неаполитанский) Каролина, а другого — жена друга юности Наполеона, генерала Жюно (герцог д'Абрантес), Лаура. Две женщины, две корсиканки смертельно ненавидели друг друга. Для этого имелось множество причин. Каролина, в частности, находилась в любовной связи с Жюно, тогда занимавшим пост военного губернатора Парижа.

Сестра Наполеона претендовала на роль первой дамы империи, политические амбиции у нее преобладали над женскими. Много сходного у нее в характере с Меттернихом, и оба стоили друг друга. Не чуждая страстей, Каролина тем не менее мыслила вполне трезво, беспокоилась о будущем. Она понимала, что благополучие семейства Бонапартов зиждется лишь на силе и могуществе Наполеона, а он не вечен. К тому же он не может остановиться. Война следует за войной. Чем все это кончится, неизвестно, а ей нужны определенные гарантии. Это приводит ее к контактам с Талейраном и Фуше, которые тоже обеспокоены ненасытностью императора. Вместе они представляют собой что-то вроде партии умеренных или даже «пацифистов». Талейран нарисовал такой портрет своей сообщницы: «Голова Кромвеля на плечах красивой женщины»<sup>8</sup>.

После молниеносного разгрома Пруссии при Иене и Ауэрштедте (14 октября 1806 г.) военные действия приняли затяжной характер. Ожесточенное сражение между французскими и русскими войсками при Прейсиш-Эйлау (8 февраля 1807 г.) не выявило преимуществ ни одной из сторон. Распространялись всякого рода слухи. Не исключалась возможность гибели Наполеона. Энергичная Каролина в таком случае рассчитывала вместе с мужем претендовать на наследие брата. Полагают, что именно такими соображениями объяснялась ее связь с генералом Жюно: ведь в его руках были ключи от Парижа. Лаура Жюно, герцогиня д'Абрантес, в своих знаменитых мемуарах писала о «деятельном честолюбии» своей соперницы Каролины Мюрата. Конечно, отмечает герцогиня, она не могла прямо просить парижского губернатора, чтобы он

объявил императором ее мужа. Не могла она и спросить прямо у Жюно: «Сделаешь ли ты государем моего мужа, если император падет в битве? Но она говорила ему многое, в чем ясен был смысл, что когда настанет минута, он ни в чем не сможет отказать ей. Замысел самый коварный, какой только я знаю!»<sup>9</sup>.

В эту сложную интригу был легко втянут и австрийский посол. «Красавец Клеман» представлял один из старейших домов Европы, пусть одряхлевший, побитый, но укорененный в истории. Признание Австрии в «день X» значило бы очень много с точки зрения легитимации при переменах на французском троне. Для Меттерниха Каролина тоже была не просто красивой женщиной. И не только из тщеславия привлекала его сестра императора, хотя этот мотив не следует исключать. Его самолюбию льстил тот факт, что он мог носить браслет из ее волос. Каролина, женщина политическая, служила, естественно, источником ценнейшей информации. Можно сказать, что их политический интерес друг к другу был взаимным. Наполеон сквозь пальцы спотрел на эту связь сестры. Ему приписывают слова, сказанные Каролине по данному поводу: «Забавляйтесь с этим вертопрахом, он нам еще пригодится». Вскоре, однако, Лаура Жюно берет реванш у Каролины. Клеменс легко поддался ее очарованию. Если в первой связи было больше политики, то во второй — чувства. Агентам Фуше нелегко было поспевать за неутомимым австрийским послом, порхавшим между возлюбленными и салонами. Из наиболее часто посещаемых им салонов стоит отметить салон мадам де Суза, бывшей графини Флао, бывшей любовницы Талейрана. Ее сын был молодым, делавшим эффектную карьеру офицером, любовником падчерицы Наполеона Гортензии Богарне. Через много лет он станет французским послом в Вене, а его мать сравнительно скоро — источником серьезных неприятностей для Клеменса.

Наконец в Париже появилась Лорель с детьми. Ей пришлось преодолеть очень сложный маршрут из Дрездена до Парижа через боевые порядки прусских и французских войск. Не без гордости за свою жену Клеменс говорил, что мадам Меттерних обнаружила незаурядные способности и вполне могла бы командовать войсками. Меттернихи обосновались в доме по соседству с дворцом, служившим резиденцией австрийскому послу времен Кауница графу Мерси. Меттерних хотел бы устраивать эффектные приемы, но Лорель и в Париже не могла играть роль хозяйки салона. У нее не было для этого ни внешних данных, ни духовных потребностей, ни тщеславия. Кроме того, у нее ухудшается состояние здоровья.

Зато Клеменс получил полную свободу, которую использовал достаточно широко, что не мешало ему, как и в Дрездене, и в Берлине, скрупулезно выполнять свои прямые служебные обязанности. Курьеры преодолевали путь между Веной и Парижем туда и обратно за 12 дней. Из Парижа они регулярно увозили в австрийскую столицу обстоятельные доклады с серьезной и весьма оперативной информацией. Иногда объем депеш, отправленных с одним курьером, достигал 200 исписанных с двух сторон листов. Работу свою он делал со вкусом, она стала для него внутренней потребностью, интеллектуальным удовольствием. «Ни дня без строчки», — эти слова как будто бы о нем.

Победа Наполеона над Пруссией побудила Меттерниха еще серьезнее относиться к идее австро-французского союза. Только на этом пути казалось возможным сохранить целостность Габсбургской империи и блокировать угрозу франко-русского союза. Наполеон и Талейран не раз искушали Австрию перспективой союза. Делать это Талейрану было тем проще, что он искренне (если эти слова можно использовать по отношению к нему) желал франко-австрийского сближения, видя в нем ключ к равновесию и покою в Европе. В беседе с австрийским генералом и дипломатом Винцентом вскоре после разгрома Пруссии Наполеон жаловался, что вынужденная война отвлекла его от создания с участием Австрии барьера против России. В начале марта 1807 г. в промежутке между Прейсши-Эйлау и Фридландом Наполеон писал Талейрану: «Покоя в Европе не будет, пока Франция и Австрия или Франция и Россия не станут действовать совместно. Я неоднократно предлагал это Австрии, предложение остается в силе... Результатом из всего этого должна быть система либо между Францией и Австрией, либо между Францией и Россией»<sup>10</sup>.

Характерно, что мысли Меттерниха развивались в этом же направлении. 8 февраля он отправил в Вену свои соображения о переориентации австрийской политики. Однако от Штадиона ответа так и не последовало. Тем самым он давал понять послу, что тот берет на себя слишком много, вмешиваясь в формирование австрийской политики в целом. Но как только забрезжила перспектива посредничества Австрии между Францией и Россией, Штадион затребовал Меттерниха в Вену. Он понимал, что вряд ли кто сможет лучше Меттерниха выполнить такого рода задачу, тем более что и в Петербурге, и в Париже он был *persona grata*. Но отъезд посла в столь напряженное время мог быть истолкован и как недружественный акт. Талейран не дал разрешения на отъезд. Раздраженный Наполеон тоже был против, усматривая в этом происки ненавистного ему Штадиона.

Большая дипломатическая игра развернулась после Тильзитского свидания (25 июня 1807 г.) Наполеона и Александра I. Даже Штадион забеспокоился по поводу возможности франко-русского союза. Через месяц после Тильзита Меттерних вновь в послании Штадиону дает анализ общеевропейской политической ситуации. Европа, отмечает он, находится в состоянии усталости и деморализации. Тильзит больше в пользу России, чем Франции, которая фактически жертвует державой (то есть Австрией), способной служить противовесом России. Пруссия опустилась до уровня державы третьего ранга. Австрия должна накапливать силы. «300 тысяч солдат позволят ей сыграть первую роль в Европе в момент всеобщей анархии, которая неизбежно наступит вслед за эпохой великих узурпаций»<sup>11</sup>. Здесь уже просвечивают контуры той стратегии, которой Меттерних будет придерживаться вплоть до 1815 г.

Прежде чем вести переговоры о возможном союзе с Францией, нужно было, наконец, подвести черту под войной, подписать конвенцию, где были бы урегулированы вопросы, оставшиеся открытыми по Пресбургскому миру. Во время первой официальной встречи с Меттернихом после Тильзита и послед-



ней в качестве министра иностранных дел Талейран 7 августа 1807 г. небрежно сказал о «маленькой конвенции», которую надо подписать, чтобы развязать руки. 9 августа Талейрана заменил бесцветный, но всецело преданный Наполеону Шампаньи. На фоне Талейрана он выглядел в глазах Меттерниха «жалким министром». Но хватка у него была весьма жесткая. Нессельроде приводит такое высказывание Талейрана: «Единственное различие между Шампаньи и мною в том, что если император прикажет ему отрезать кому-нибудь голову, он сделает это в течение часа, а я протяну месяц, прежде чем выполню приказ»<sup>12</sup>. Меттерних начал переговоры, еще не имея инструкций. Он изготовился к схватке, прикинул, по каким вопросам можно завязать борьбу, на какие территориальные уступки можно пойти. Но проект документа, который Клеменс получил из Фонтенбло, где расположился Наполеон, своей жесткостью превосходил самые мрачные предположения посла.

Меттерних не мог взять на себя ответственность за принятие этого документа и прервал переговоры, чтобы выиграть какое-то время и получить необходимые инструкции и полномочия. Практически ничего не дали аррьергардные бои, которые он завязывал по отдельным пунктам конвенции. Добился он лишь того, что французская сторона согласилась вычеркнуть слово «все» в предложении «Все трудности, возникшие из Пресбургского договора, устранены» из преамбулы документа<sup>13</sup>. Предварительным условием ратификации конвенции Наполеон выдвинул признание его братьев королями Голландии, Неаполя и Вестфалии. Переговоры стоили Меттерниху многих сил, нервов, здоровья. Он жаловался Штадиону на крайнюю усталость. По возвращении из Фонтенбло он даже не мог писать в течение 20 часов, так как глаза утратили способность ясно видеть. Тот факт, что он столько времени не мог взяться за любимое дело, пожалуй, самое убедительное свидетельство его угнетенного состояния. Естественно, он пытался оправдаться за уступки тем, что «отсрочка могла бы только создать шансы для новых жертв без какой-либо надежды на лучшее»<sup>14</sup>. «Линия, проведенная на карте собственноручно императором, — признает Меттерних, — была барьером, о который разбивались все мои усилия»<sup>15</sup>. Затягивать подписание конвенции Меттерних не стал и ради возвращения Браунау, оккупированного французами. Эту крепость охотно заняла бы союзница Франции Бавария. И все же Клеменс верен себе: «Я вышел из дела гораздо лучше, чем сам рискнул бы надеяться»<sup>16</sup>. Хотя Штадион слегка посетовал, что посол часто действовал без формальных полномочий, но одобрил достигнутые им результаты. 10 ноября 1807 г. Франция и Австрия обменялись ратификационными документами. Шампаньи передал Меттерниху комплименты Наполеона за его заслуги в достижении «совершеннейшей гармонии» между Австрией и Францией, а кроме того, и табакерку в 30 тыс. франков. Штадиону пришлось после этого позаботиться насчет подарка для Шампаньи.

Теперь Меттерних мог сосредоточиться на проблеме австро-французского союза. Штадион, по всей видимости, решил предоставить ему большую свободу рук. Во-первых, у него оставались опасения по поводу франко-русского

сближения, а во-вторых, активность Меттерниха должна была послужить прикрытием для подготовки очередной войны против Наполеона. Пусть Меттерних флиртует с французами, а тем временем можно будет укрепить военные и финансовые позиции австрийской империи. Зондаж Меттерниха у Шампаньи насчет перспектив союза, однако, не дал обнадеживающих результатов. Казалось, Наполеон утратил всякий интерес к Австрии. Это настораживало Меттерниха, он стал мучиться кошмаром русско-французского альянса. Но в ноябре 1807 г. в игру неожиданно для австрийского посла вступает Талейран.

Мотивы сближения Талейрана с Австрией основательно раскрыты в исследованиях Е. В. Тарле и Ю. В. Борисова. Читатель может ознакомиться и с изданными на русском языке мемуарами выдающегося дипломата. Здесь речь пойдет лишь о линии взаимоотношений Меттерних — Талейран. Интересно, что контакт с Австрией Талейран завязывает первоначально не через Меттерниха, а через упоминавшегося уже генерала Винцента. Посредником был доверенный Талейрана баденский посланник Э. Дальберг. Французский министр (а Талейран тогда еще занимал этот пост) дал понять, что всегда был другом Австрии, пытался придать наполеоновской политике более умеренный характер. В Вене Штадион отнесся к талейрановскому зондажу с явным недоверием. Но после Тильзита он решил использовать внезапно открывшуюся возможность. Меттерниху было указано войти в контакт с Дальбергом. К тому же секретарь парижского посольства Флоре, очень близкий Меттерниху, еще раньше установил отношения с Дальбергом. Но тот не вызывал доверия у осторожного Меттерниха. Посол скептически воспринял донесение Винцента. Однако его депеша от 12 ноября 1807 г., отправленная после долгой беседы с самим Талейраном, свидетельствовала о том, что Меттерних всерьез воспринял очередной поворот в жизни своего французского коллеги. Два грансеньора хорошо понимали друг друга.

Меттерних смог убедиться, что Талейран побуждаем не только личными корыстными соображениями и готовит себе запасную позицию на случай непредсказуемого будущего. С подобными побуждениями сочетались у него и принципы, весьма родственные меттерниховским. Еще их сближал и страх перед «русской системой» и стремление восстановить европейское равновесие. Не стоит преувеличивать, но и не следует забывать того обстоятельства, что оба в юности прошли курс у теоретика равновесия Коха в Страсбургском университете. Оба надеялись, что в постнаполеоновское время австро-французский альянс станет барьером на пути продвижения России в Европу. Тильзит, говорил Талейран Меттерниху, «не перейдет, как кое-кто ожидает, в систему; он поставил вас в наилучшую позицию, потому что каждая сторона нуждается в вас, чтобы контролировать другую, и если вы поведете себя умно, в соответствии с духом момента, который ни вы, ни кто-либо другой не в состоянии изменить, то вы выйдете в конечном счете из великой борьбы с большей славой, чем любая другая держава»<sup>17</sup>.

В рассуждении Талейрана нетрудно увидеть четкие очертания той стратегии,

которая проглядывала в более раннем анализе у самого Меттерниха, стратегии, которой австрийский дипломат, правда не всегда последовательно, будет придерживаться вплоть до падения Наполеона. Хотя в ней и был заложен сильный антинаполеоновский заряд, но было бы упрощением видеть только эту сторону. В той же, если не в большей мере эта стратегия нацелена против возможного преобладания в Европе могущественной Российской империи. Отсюда неоднозначность мотивов в политике Меттерниха. Репутация убежденного противника Наполеона позднее побудила его спрямить задним числом свой собственный политический курс, придать ему последовательную антинаполеоновскую направленность. Этой задаче подчинена и публикация документов, осуществленная под непосредственным наблюдением его сына. Меттерних предстает в роли рока Наполеона. В немалой мере под влиянием этих источников Г. фон Србик рисует образ Меттерниха как непримиримого, принципиального врага Наполеона. Вполне естественно, что такой Меттерних не мог относиться серьезно к идее австро-французского союза, а лишь «морочил» этой идеей Наполеона<sup>18</sup>.

Подобная версия выглядит не очень убедительно уже хотя бы потому, что Наполеон был дипломатом не меньшего калибра, чем полководцем; все козыри были у него на руках, и не австрийский посол морочил ему голову, а он играл с ним как кошка с мышью. Не учитывает в должной мере эта версия и диалектики отношения Меттерниха к Наполеону и его империи. Причем диалектика эта складывается как раз в парижские годы. Прибыл Меттерних во Францию ярким ненавистником узурпатора, но то, что он увидел в наполеоновском государстве, поколебало его предубеждения. Дело заключалось не только и не столько в личном обаянии императора французов. Тем более что общение с ним тогда было редким и чаще всего официальным.

Гораздо сильнее на него повлияла сама империя — плод деятельности Наполеона — законодателя и правителя. По словам Меттерниха, Наполеон был законодателем и администратором по инстинкту<sup>19</sup>. Посол не мог сдержат восхищения эффективностью наполеоновской системы, бесперебойным и точным функционированием ее механизмов, он воздал должное ее полицейскому аппарату, а также разведке и контрразведке. Его наблюдения парижской поры отразились на всех его проектах административно-управленческих реформ, в его подходе к проблемам национальностей в империи Габсбургов.

Он извлек уроки из наполеоновских методов обработки общественного мнения. В пренебрежении ими Меттерних усматривал грубую ошибку монархических правительств, которых ничему не научила Французская революция. «Общественное мнение, — писал он в послании Штадиону, — самое могущественное средство, которое подобно религии проникает в самые глухие места, где административные меры бессильны; презирать общественное мнение столь же опасно, как и презирать моральные принципы»<sup>20</sup>. Самым же эффективным средством воздействия на общественное мнение, как показывает французский опыт, является пресса. Меттерних ссылаясь на слова Наполеона, что полдюжины продажных писак могут навести страха не меньше, чем трехсоттысячная армия<sup>21</sup>.

От него не ускользнула, однако, принципиальная слабость могущественной и стройной системы. Стоит ее творцу потерпеть поражение или погибнуть, и она рухнет. Ей недоставало укорененности в исторической почве, какой обладали старые династии.

Наполеон перестает быть для Меттерниха воплощением революции. Более того, по его собственным словам, он понял, что «этот человек сам стал дамбой против анархистских теорий во Франции и в тех странах, на которые легла его железная рука»<sup>22</sup>. Он приводит также сказанные ему Наполеоном слова: «В молодости я был революционером из-за невежества и амбиции. В разумном возрасте я, следуя советам и собственному инстинкту, раздавил революцию»<sup>23</sup>.

Меттерниху были в общем чужды ультрароялистские предубеждения. Если сразу после провозглашения империи он был склонен рассматривать ее как прикрытые принципа народного суверенитета, то теперь воочию убедился, что единственным носителем суверенитета являлся сам император. Реальный политик тогда явно доминировал в нем над доктринером и поэтому мощь наполеоновской империи в сочетании с ее контрреволюционным характером была в его глазах достаточной ее легитимацией. Теперь уже Меттерних полагал, что революционная анархия может стать следствием развала наполеоновской империи. Наполеон для него — не революционер, а нарушитель европейского равновесия. Следовательно, и борьба против него — это прежде всего борьба за восстановление баланса сил, нарушенного гипертрофированной мощью наполеоновской Франции. Но как раз такой подход, практически лишенный идеологических предрассудков, открывал и возможности сотрудничества с Наполеоном при тех или иных колебаниях баланса сил.

### III

**Х**арактерные черты формирующегося дипломатического стиля Меттерниха отчетливо проявились в эпизоде разрыва Австрией дипломатических отношений с Англией. Проблема возникла после того, как англичане напали на датский флот и подвергли варварской бомбардировке Копенгаген в ответ на мероприятия Наполеона, связанные с Континентальной блокадой. На дипломатическом приеме 15 октября 1807 г. Наполеон разыграл очередной приступ гнева и угрожающе заявил, что не потерпит присутствия где-нибудь в Европе ни одного британского дипломата. Меттерних убеждает Штадиона, что нужно выполнить требование Наполеона о разрыве отношений с Англией. Император французов не остановится ни перед чем ради изоляции Англии. Еще не оправившейся от поражения Австрии нельзя рисковать своей независимостью и целостностью. Сейчас лучше склониться пред Наполеоном, чтобы «дождаться дня, когда можно будет бросить на чашу весов чудовищное средство, которое провидение даст в руки его величества. Этот день придет! Такая держава, как наша, должна пережить одного-единственного человека»<sup>24</sup>.

Наверное, Клеменс был искренен, когда сочинял это послание, но в то же время чувствуется, что оно написано с учетом взглядов и психологии адресата. Штадион, скрепя сердце, согласился с аргументами своего парижского посла, ведь они соответствовали образу мыслей самого министра, готовившего войну против Наполеона. Он с облегчением позволил Меттерниху взять дело разрыва с Англией в собственные руки. Клеменс же увидел в нем интересные дипломатические возможности как для Австрии, так и для себя лично. Привлекательной выглядела идея австрийского посредничества между главными антагонистами: Францией и Англией. Меттерних надеялся убедить французов апробировать ее прежде, чем Австрия порвет отношения с Англией. Это подняло бы престиж и политический вес Австрии в Европе, да и сам Меттерних сразу мог стать значительной фигурой в европейской дипломатии. Следовательно, для него в отличие от Штадиона дело не сводилось только к выжиданию удобного момента, чтобы отомстить французам за былые унижения. Меттерних видел определенные перспективы и при существующем положении вещей.

Штадион дал ему относительную свободу рук, так как в идее посредничества его привлекала возможность оттянуть разрыв с Англией. Из таких же соображений исходил и австрийский посол в Лондоне граф Л. Штаремберг, без особого желания подключившийся к игре Меттерниха. Все же он убедил англичан хотя бы рассмотреть мирные предложения Франции. Одновременно Штаремберг обратился к Меттерниху с тем, чтобы тот побудил Наполеона выдвинуть приемлемые для Англии условия. Меттерних в еще большей мере берет игру на себя, испросив у Штадиона полномочия на тот случай, если потребует действовать энергично, без непосредственного согласования с Веной.

Игру поддержал и Наполеон; он ничего не имел против того, чтобы выглядеть миролюбивым в глазах уставших от его войн французов, небезразлично было ему и общественное мнение Европы. Клеменс в мечтах уже видел себя миротворцем европейского масштаба и, увлеченный идеей посредничества, явно переоценил серьезность мирных намерений Наполеона. Это обстоятельство как раз и подчеркивает неоднозначность, диалектику парижской дипломатии Клеменса. В письме Штарембергу, которое было доставлено в Англию судом-парламентаром вместе с ответом Наполеона на английскую ноту, Меттерних уверял коллегу, что Франция имеет самые серьезные намерения. В случае отрицательного ответа английского правительства австрийский посол должен был затребовать паспорта. Штадион в Вене намного реалистичнее оценивал намерения Парижа. Наполеон и Шампаньи не форсировали события, чтобы поддержать определенные иллюзии насчет своего миролюбия. Но британский министр Дж. Каннинг решительно прервал игру с посредничеством, заявив, что будет вести переговоры с австрийским послом без непосредственного контакта, только письменно. Штарембергу оставалось лишь затребовать паспорта, и 18 января 1808 г. он покинул Лондон.

Несмотря на провал посреднических усилий, Меттерних доволен собой: «Я — центр связей между дворами Вены, Франции и Англии, и если эта роль,

трудность которой по достоинству может оценить только тот, кто был здесь, не привела к великой цели — всеобщему мирному порядку, однако, я все же имел счастье послужить тому, чтобы установить с первым из тех двух дворов такие отношения, каких не было со времени уничтожения старой системы государств»<sup>25</sup>.

Ответственность же за неудачу Меттерних постарался свалить на Штаремберга, который будто бы действовал вопреки его советам, нарушал его инструкции, пытался играть роль не посредника, а арбитра. Не исключено, что Меттерних так усиленно критиковал Штаремберга, чтобы устранить потенциального соперника, который по всем данным мог претендовать на роль министра иностранных дел, а Клеменс в глубине души предназначил ее для себя. В своем донесении он приводит замечание Наполеона о Штаремберге на полях составленной тем ноты: «Вот человек, который никогда не был бы моим послом»<sup>26</sup>. Между Меттернихом и прибывшим из Лондона Штарембергом развернулась ожесточенная полемика. Причем Меттерних настаивал на искренности мирных намерений Наполеона. Штадиону пришлось вмешаться в свару послов. Объектом критики Меттерниха стал и другой видный австрийский дипломат, посол в Петербурге — Мервельдт. На жену Мервельдта пожаловался Меттерниху Наполеон. Ведь эта дама во время одного из обедов в Петербурге отказалась подать руку послу Наполеона Савари, замешанному в деле герцога Энгиенского, хотя демонстративно подала ее послу Англии<sup>27</sup>. С самоиронией Меттерних назвал себя «общественным обвинителем дипломатического корпуса».

После Тильзита Меттерниха неотступно мучит кошмар франко-русского альянса. «Мы должны более всего опасаться, — пишет он 12 ноября 1807 г., — полного сближения между двумя соседствующими с нами державами». Глубокую тревогу вызвали у него слухи о намерении Наполеона развестись с Жозефиной и просить руки одной из сестер царя. Клеменс очень тесно сближается с российским послом в Париже графом П. А. Толстым, непримиримым противником Наполеона. Австрийский посол пустил в ход все свое обаяние, а самое главное — сумел убедить Толстого в том, что сам тоже является врагом императора. С Толстым Меттерних познакомился еще в Берлине. В Париже советником российского посольства оказался старый знакомец Клеменса Нессельроде. Взаимопонимание было достигнуто быстро. Российские дипломаты считали Меттерниха своим союзником, а он был крайне озабочен тем, чтобы помешать русско-французскому сближению. С этой точки зрения Толстой был для него, можно сказать, идеальной фигурой. Меттерних был хорошим психологом. Вот одно из типичных его заявлений российскому послу: «Европа, или скорее остатки Европы, находятся по одну сторону, а император Наполеон — по другую. Он приласкает Вас сегодня, чтобы обмануть. Завтра он проделает это с нами; мы должны будем вдвоем бороться против его подлых и опустошительных проектов; открытая борьба, к несчастью, велась слишком плохо; наши позиции теперь побуждают к тому, чтобы ограничи-

ваться обороной принципов, всегда формировавших базу вашего и нашего существования»<sup>28</sup>.

Будучи человеком военным, а не дипломатом, Толстой не очень скрывал свои истинные взгляды и настроения, поэтому у него сразу же возникли сложности в отношениях с Наполеоном и Шампаньи. Толстой и Нессельроде были частыми гостями в австрийском посольстве, где чувствовали себя весьма уютно. Вскоре к Меттерниху и Толстому присоединился Талейран.

Часто близкие отношения Меттерниха с Толстым рассматриваются как свидетельство антинаполеоновской политики венского посла. В известной мере это так и было. Однако не менее важным для Меттерниха было торможение русско-французских отношений. Обхаживал Толстого он не столько ради союза с Россией, сколько ради того, чтобы вбить клин между Россией и Францией. Особенно насаждает Клеменс на Толстого с конца ноября 1807 г., когда поползли слухи о матриониальных намерениях императора французоз. Толстой уверяет Меттерниха, что Наполеон не получит руки великой княжны<sup>29</sup>. Но дружеские заверения российского посла не смогли развеять опасений Меттерниха. К тому же Наполеон искусно их поддерживает.

Тревожили Меттерниха и русско-французские переговоры о судьбе Турции и ее владений. Они проходили в Петербурге, и Толстой имел о них скудную информацию. Как раз в это время посол Меттерних втягивается в омут так называемого «восточного вопроса», который испортит столько крови канцлеру Меттерниху. Еще в Тильзите, масштабно разделив сферы влияния между Францией и Россией, Наполеон дал согласие на присоединение к России Дунайских княжеств Молдавии и Валахии, манил воображение царя Константинополем. В то же время Наполеон ободрял турок не уступать России. Раздел Турции между Францией и Россией был одной из главных приманок Наполеона для царя, хотя он предпочел бы сохранить Турецкую империю. Наполеон добился проведения в Париже русско-турецких переговоров при посредничестве Франции, которые начались на рубеже 1807–1808 гг.

Меттерних, естественно, не мог упустить такой великолепной возможности, так как в сохранении Турции Австрия была заинтересована еще больше, чем Франция. Продвижение же России в Восточную Европу рассматривалось как серьезная угроза Габсбургской империи, среди подданных которой немалую часть составляли славяне. Меттерних постарался наладить хорошие отношения с турецким послом Мухибом-эфенди, а тот вскоре дал понять Толстому, что питает доверие к австрийскому послу. Поскольку Меттерних был близок с обоими участниками переговоров, проходивших во французской столице, то имел исчерпывающую информацию. Он хотел бы вклиниться в них, взять на себя посреднические функции. Встрешенный чрезмерной, на его взгляд, активностью посла, Штадион охлаждает его пыл.

Между тем переговоры в Париже все более превращались в фарс. Меттерниху стало очевидно, что Наполеон заинтересован в их затягивании. Это вызвало неудовольствие царя, ухудшало климат русско-французских отношений.

В середине января Талейран сообщил Меттерниху, что Наполеон ради сохранения союза с Россией готов на раздел Турции. Если вы пойдете против течения, предостерегал он, «вы будете раздавлены, если вы останетесь пассивными, то опуститесь до уровня державы второго ранга»<sup>30</sup>.

Таким образом, нужно принять участие в разделе, чтобы получить свою долю. Затем последовала беседа с Наполеоном, который доверительно говорил, что он в принципе за сохранение Турции и не хотел бы видеть русских в Константинополе, но испытывает сильное давление с их стороны. Поэтому Австрия и Франция нуждаются друг в друге. Император произнес тираду против России, отметив, что русским недостает цивилизованности, стабильности во взглядах и принципах. Беседа была довольно долгой, собеседники свыше пятидесяти раз пересекали императорский кабинет<sup>31</sup>.

Меттерних немедленно запросил Вену об австрийских требованиях на случай раздела Турции. Скрыв от своего приятеля Толстого разговор с Наполеоном, Клеменс закинул удочку насчет совместных действий с Россией в турецком вопросе. Он хотел двойных гарантий, чтобы обеспечить Австрии в случае раздела Турции добычу посolidнее. Поддался искушению и Штадион, очертивший довольно широкую сферу австрийских интересов: турецкая Хорватия, Босния, Сербия и Болгария с северным побережьем Эгейского моря, от Салоник до Марицы<sup>32</sup>. Хотя у Меттерниха и возникли подозрения, не является ли план раздела турецкого наследства маневром Наполеона, но он все же попался в ловушку. Он был слишком озабочен тем, чтобы нейтрализовать франко-русский альянс, а Наполеон сумел сыграть на этом и усилить взаимные подозрения между Веной и Петербургом.

Какое серьезное значение придавал Меттерних франко-русским отношениям, свидетельствует его поведение в связи с Эрфуртским свиданием Наполеона и Александра I. Он стремится во что бы то ни стало попасть туда. Меттерних просит у Наполеона разрешения сопровождать его в Эрфурт, мобилизует на помощь Талейрана. Тот активно поддерживает австрийского посла. «Мы не можем быть праздными наблюдателями»<sup>33</sup>, — бьет тревогу Клеменс. Наконец Штадион разрешил ему поездку, но французская сторона в очень вежливой форме отклонила просьбу венского посла. Наполеон мотивировал отказ тем, что в Эрфурт не разрешено ехать ни одному из послов, кроме российского, так как царя будет сопровождать французский посол Коленкур. Шампаньи утешил Меттерниха тем, что в его страстном желании сопровождать Наполеона в Эрфурт император видит «новое доказательство доброго духа, который Вас воодушевляет»<sup>34</sup>. Меттерниху были даны заверения, что в Эрфурте не будут приняты какие-то шаги, направленные против Австрии.

Отчаявшись попасть в Эрфурт сам, Меттерних рекомендует отправить туда представителем императора Франца I генерала Винцента. У Клеменса прорезаются замашки министра, он действует так, как будто уже стал канцлером. Он сам составляет инструкции для Винцента, высылает их Штадиону вместе с посольскими депешами. Известной компенсацией Меттерниху послужило то, что



представительство интересов Австрии в Эрфурте тайно взял на себя Талеяран. Еще одной удачей оказалась давняя близость Талеярана с Винцентом. По возвращении в Вену генерал подтвердил переход Талеярана в оппозицию, еще более тем укрепив Штадиона в его воинственном настроении.

#### IV

С весны 1808 г. начинается самый сложный и даже драматический период парижской жизни Меттерниха. Неудачи Наполеона в Испании пробудили надежды его противников. Придерживавшийся осторожного выживания Штадион решает форсировать подготовку к войне. Масла в огонь подлила депеша Меттерниха от 30 марта 1808 г. Сам посол не рассчитывал на такой эффект. Поскольку Меттерних писал депеши часто, непосредственно по горячим следам событий, то в них порой отражались его сиюминутные настроения и впечатления. При всем самообладании он был человеком импульсивным, не лишенным воображения. Не могла не проявиться диалектика или, лучше сказать, двойственность его личной политической позиции. Поэтому в его дипломатическом документальном наследии можно найти аргументы для противоположных, полярных интерпретаций.

Под впечатлением грубых, противоправных действий Наполеона, бесцеремонно убравшего с пути испанских Бурбонов, Меттерних изложил Штадиону свои умозаключения, в соответствии с которыми от императора французов следует ожидать все новых и новых агрессивных акций, так как он не потерпит существования независимых от него монархий. Затем последовали донесения от 13 и 15 апреля, их лейтмотив был созвучен предшествующему: участь Испании должны будут разделить другие европейские монархии, в том числе и Габсбургская, которая «в конце концов будет раздроблена и разделена между креатурами и генералами»<sup>35</sup>.

Даже бесстрастный флегматик Франц не остался равнодушным к донесению посла и твердо стал на сторону Штадиона. К «военной партии» примкнул и осторожный эрцгерцог Карл. Едва ли сам Клеменс рассчитывал на такой эффект. «Военную партию» укрепила молодая императрица Мария Людовика из рода д'Эсте, ставшая в январе 1808 г. третьей супругой Франца I.

Вопрос о роли Меттерниха в развязывании войны 1809 г. остается одним из наиболее спорных в его политической биографии. Интересно, что два главных антагониста Г. фон Србик и В. Библь на этот счет придерживаются одинакового взгляда, хотя и расходятся в аргументации. Србик готов признать, что его герой допустил «роковые ошибки»: «недооценил военную мощь Наполеона, понадеялся на народную войну (к ней он призывал еще юношей в 1794 г.), на Россию. Поэтому его "страстные" памятные записки и депеши подталкивали на "несчастную", но "славную" войну 1809 г.»<sup>36</sup>. Вопреки многочисленным недругам Меттерниха, упрекавшим его в холодной бесстрастности, пренебрежении

национальными интересами, Србик придает ему привлекательные, романтические черты. Пусть в молодости он и совершал ошибки, но повинуюсь благородным побуждениям.

В. Библь охотно соглашается со своим маститым оппонентом насчет «роковых ошибок», но их подоплеку трактует совершенно иначе. Действительно, Меттерних, как уверен Библь, относится к главным творцам войны, но главным образом из легкомыслия, угодливости<sup>37</sup>. Кроме того, он поддался внушению Талейрана и Фуше, уверявших, что дни императора сочтены, а затем своими подстрекательскими донесениями во многом способствовал тому, что венский кабинет опрометчиво начал поход 1809 г.<sup>38</sup>

Сам же Меттерних стремился предстать в ореоле непримиримого борца против деспота Европы. «Новая вспышка войны не только в природе вещей, но и представляет собой для нашей империи абсолютное условие ее существования. Этот вопрос был решен в моей душе. Дело заключалось главным образом в выборе момента и обоснованном оперативном плане»<sup>39</sup>, — так писал он много лет спустя в своих мемуарах.

В реальности все обстояло много сложнее. Меттерних сам был напуган резонансом своих посланий. Штадион от них в совершеннейшем восторге: «Ваши донесения — золото и воспринимаются здесь как золото. Впервые я питаю надежду, что узнаю то, что нужно знать, хочу того, чего должно хотеть»<sup>40</sup>. «Я боюсь, — обеспокоенно пишет Меттерних в ответ Штадиону, — что меня неверно поняли и моими иеремиадами я добился эффекта, противоположного тому, какого хотел. Я хочу мира с Францией, потому что мы в нем безусловно нуждаемся»<sup>41</sup>. Меттерних не видит для Австрии шансов на победу в новой войне против Наполеона. Германский историк М. Ботценхарт убедительно, на наш взгляд, доказал, что Меттерних весной 1808 г. не был сторонником войны с Францией, и вплоть до конца года его позиция принципиально отличалась от курса Штадиона. В сущности, как это ни парадоксально, Меттерних хотел вести спор с Наполеоном, оставаясь в хороших отношениях с ним. Он прибегает к излюбленному дипломатическому приему, аналогичному уступающей защите в фехтовании или принципу дзю-до. Нужно влиять на планы и действия Наполеона, модифицировать их, принимая в них участие. Тем более что время и история на стороне традиционных династий, а не императора французов, чья система не переживет его самого.

В Австрии вовсю шла подготовка к войне, Штадион с головой ушел в военные дела, поэтому Меттерних шесть недель не получал известий из Вены. Он нервничает. Им вновь овладевает возмущение, когда стало известно, что Наполеон устроил в Байонне ловушку для испанского короля Фердинанда VII. Теперь его корона должна перейти к Жозефу Бонапарту. Однако свойственное Клеменсу благоразумие перевешивает негодование: «Провоцировать войну против Франции было бы безумием; следовательно, ее нужно избегать, но этого можно достигнуть при условии, что мы станем сильными»<sup>42</sup>. У Австрии, по мнению Меттерниха, в одиночку, без помощи России, нет никаких шансов. Во-

обще необходимо больше полагаться на «нашу политическую мудрость, чем на военные средства». Реалистические суждения Меттерниха вызывали недовольство, его упрекали в симпатиях к Наполеону. Ему даже приходилось оправдываться: «У меня нет ни малейшего пристрастия к человеку, о котором я могу судить лучше, чем большинство современников»<sup>43</sup>. Но «военная партия» во главе со Штадионом и императрицей Марией Людовиковой закусила удила. Из донесений Меттерниха его шеф воспринимал только то, что свидетельствовало в пользу сделанного им выбора. Австрийскому послу остается только одно — как-то смягчить реакцию Парижа на активные военные приготовления Вены. Чтобы сохранить почву под ногами, он просит Штадиона пойти хотя бы на некоторые уступки — расследовать французские протесты по поводу захода в Триест английских судов под американским флагом, инцидента с французским консулом в этом же городе. Меттерних рекомендует признать Жозефа Бонапарта королем Испании.

Вена не реагирует на его просьбы, и в австро-французских отношениях явно назревает кризис. С апреля 1808 г. он вступает в острую фазу. Париж делает запрос по поводу крупномасштабных военных приготовлений Австрии. Учитывая методы Наполеона, Меттерних не исключал превентивной войны для того, чтобы уничтожить австрийскую армию заблаговременно, до ее полного снаряжения и развертывания. Чтобы успокоить Наполеона, он предлагает Штадиону отказаться от мероприятий по формированию ландвера, то есть вспомогательных сил типа народного ополчения или национальной гвардии. С присущей ему самонадеянностью он полагает, что сможет снять тревогу Наполеона при личной встрече. Поэтому он просит у Штадиона разрешения на поездку в главную квартиру Наполеона, воюющего в Испании, но не находит поддержки.

Желанная встреча с императором французов состоялась только 15 августа 1808 г. в Сен Клу, на большом дипломатическом приеме, и проходила она по сценарию Наполеона, который был и главным действующим лицом. «Он хотел говорить со мной, — писал в отчете австрийский посол, — но не один на один, а он хотел сделать это перед лицом всей Европы»<sup>44</sup>.

В отсутствие папского нунция Меттерних стоял первым среди собравшихся дипломатов. Справа от него находился российский посол, слева — нидерландский, остальные образовали круг. Сначала Наполеон осведомился о здоровье семьи, сказал австрийскому послу еще несколько дежурных фраз. Затем он вступил в разговор с Толстым и вдруг резко повернулся в сторону Меттерниха, буквально выстрелив в него вопросом: «Не чрезмерно ли вооружается Австрия?» Далее на голову Клеменса обрушились упреки, сопровождаемые угрозами. Перечень провинностей Австрии был достаточно велик. Однако вскоре Наполеон обуздал свой темперамент или, точнее сказать, рассчитанный гнев и разговор перешел в нормальную тональность и продолжался около часа.

В мемуарах Меттерних изображает беседу с Наполеоном как свою дипломатическую победу. Поток обвинений с его стороны он-де противопоставил аб-

солютную выдержку и «оружие иронии». «После ухода Наполеона, — писал он, — коллеги бросились поздравлять и благодарить меня за то, что я дал урок императору»<sup>45</sup>. А после Шампаньи передал Меттерниху слова Наполеона, что его упреки были адресованы не лично послу, а императору Францу. Французский историк, глубокий знаток жизни Меттерниха и дипломатической истории первой половины XIX в. Г. Бертье де Совиньи, считает более достоверной ту версию беседы, согласно которой Меттерних вообще не проронил ни слова в ответ на обвинения Наполеона, чтобы не раздражать того еще больше<sup>46</sup>. Если это было так, то весьма иронический оттенок приобретают хвастливые слова Меттерниха: «Я знал язык, на котором следует разговаривать с Наполеоном»<sup>47</sup>. Характерно, что в отчете о встрече с императором французов Меттерних не только придерживается спокойного тона, а даже склонен снизить драматический накал беседы. Он не хотел еще больше провоцировать Вену.

Совсем спокойно проходила состоявшаяся через десять дней частная аудиенция у Наполеона. Император предостерегал, что австрийские вооружения могут спровоцировать Францию на какой-нибудь неосторожный шаг. Испанские же события не должны беспокоить венский двор, так как Бурбоны — его личные враги, а к Лотарингскому дому (так еще именовали Габсбургов) он питает доверие. Дальнейшие переговоры Наполеон передоверил Талейрану. Тот дал знать Меттерниху, что императору было бы приятно принять из рук Франца I орден Золотого руна. Был упомянут в этой связи и маршал Бертье. Не забыл Талейран и о себе. Вообще положительное решение вопроса об обмене орденами могло бы ослабить напряженность. У Меттерниха не было никаких принципиальных возражений, все эти символы монархии он готов был использовать как разменную монету в большой дипломатической игре. Обмен орденами, признание Жозефа Бонапарта испанским королем, это такого рода уступки, на его взгляд, на которые можно пойти ради сохранения мира.

В конце августа 1808 г. Меттерних настроен оптимистически: «Гордиев узел можно разрубить без труда»<sup>48</sup>. Он явно доволен собой и в своей, мягко говоря, не очень скромной манере пишет отцу (3 сентября 1808 г.), что слухи о войне, которые ходили по Европе, «благодаря моим усилиям превратились в ничто; мы не только имеем мир с Францией, но и самые лучшие отношения с ней, которые обеспечили нам Бог, храбрые испанцы, мое собственное мужество и твердое поведение»<sup>49</sup>.

Но восторг Клеменса был преждевременным. Его усилия не вписывались в стратегию Штадиона и К°. Даже те незначительные уступки, на которые Меттерних считал нужным пойти ради умиротворения Наполеона, Штадион находил неприемлемыми, и фактически министр дезавуировал своего посла. Назрела необходимость поездки в Вену, где Клеменс не был более двух лет. Наполеона не было в Париже, и Шампаньи дал послу разрешение на поездку в Вену.

12 ноября Меттерних прибывает в Вену. Его немедленно принимают сначала Штадион, затем Франц. Ему сразу же становится ясно, насколько далеко

зашла Австрия в своих военных приготовлениях. По сути дела, корабли были уже сожжены, мирная альтернатива практически не принималась в расчет. Штабировый весьма оптимистически расценивал перспективы новой войны с великим полководцем. Надежды вселяло настроение народа. Наполеону теперь должна была противостоять не только армия, но и нация.

От Меттерниха ждали консультации по трем основным вопросам: 1) внутреннее положение Франции, 2) возможности сближения между Австрией и Россией, 3) влияние войны в Испании на военную мощь Наполеона. В результате из-под его энергичного пера вышли три памятные записки, на основании которых ряд историков склонен считать его одним из главных подстрекателей и зачинщиков войны. Но, как верно замечает М. Ботценхарт, ни в одной из этих записок Меттерних не отвечает на вопросы о том, начинать ли войну и когда это лучше сделать.

Работая над памятными записками, Меттерних опирался во многом на сведения, полученные в ходе общения с Талейраном и Фуше. Существенную роль играли и его личные наблюдения. В связи с первым вопросом он отмечает изменения в настроении французов, в их отношении к Наполеону. Император, по мнению Меттерниха, «уже не отец своего народа, а глава армии». Поэтому предполагаемая война будет не войной французской нации, а скорее войной армии<sup>50</sup>. Но Клеменс, как обычно, осторожен, он предупреждает, что нельзя строить расчеты на настроениях французского народа, тем более что он еще достаточно лоялен к своему правителю.

Другое дело антинаполеоновская оппозиция, прежде всего в лице Талейрана и Фуше. Всплывает в этой связи и любовница Клеменса Каролина Мюрат. Талейран сказал Меттерниху, что привлек на свою сторону Коленкура. Их цель — «консолидировать новый порядок вещей на их родине, обратить взоры императора вовнутрь страны, работать над всеобщим миром»<sup>51</sup>. В Эрфурте Талейран обратился к царю как к спасителю Европы. Толстой подтвердил все сказанное Талейраном. После двух десятков встреч с Талейраном у них сложился общий подход: «Дело Наполеона перестало быть делом Франции, Европа может быть спасена только тесным союзом между Австрией и Россией»<sup>52</sup>. В Эрфурте Талейран как раз и работал в этом направлении, стараясь отдалить царя от Наполеона, но Меттерних не питает иллюзий, будто австро-русский союз — дело сегодняшнего или даже завтрашнего дня.

Понимая, что «оппозиция», олицетворенная Талейраном и Фуше, выглядит не очень привлекательно, особенно с моральной точки зрения, Меттерних подчеркивает: «Эти союзники — не ничтожные люди и низкие интриганы, а люди, которые могут представлять нацию и претендовать на нашу поддержку»<sup>53</sup>. Полного доверия к таким союзникам не было, но и обойтись без них нельзя. «Такие люди, как Талейран, подобны острым инструментам, с которыми опасно играть; но большие раны требуют сильных лекарств, и человек, который вынужден их лечить, не должен бояться использовать тот инструмент, который режет лучше всех»<sup>54</sup>.

Из анализа войны в Испании Меттерних делает не очень ободряющие выводы. Хотя гений Наполеона дает осечки, сталкиваясь с национальной войной, тем не менее завоевание Испании неизбежно. Несмотря на то что силы Наполеона отвлечены на Пиренейский полуостров, Австрия может рассчитывать лишь на то, что ее силы будут примерно равны французским в начальный период войны.

Напрасно искать во всех трех записках призыва к войне. Если же вспомнить о «роковых ошибках», отмеченных Србиком, то можно признать таковой расчет на нейтралитет России. Однако прилагательное «роковая» было бы преувеличением, так как участие России в войне 1809 г. на стороне Наполеона носило в основном символический характер. Воздействие записок определялось тем, что читавшие их люди уже были настроены на войну и искали в подготовленных Меттернихом документах лишь аргументы в пользу своего решения.

Самое интересное в этом эпизоде политической биографии Меттерниха заключается в следующем: после довольно реалистического анализа ситуации, несмотря на все оговорки и предостережения, несмотря на чувство опасности, неуверенности в исходе грядущей борьбы, он переходит на сторону «партии войны». Опять, причем с исключительной рельефностью, обнаруживается главное свойство его натуры — оппортунизм. Вряд ли бы повел он себя так, не будь на стороне Штадиона и императрицы Марии Людовики самого императора Франца. Идти же против столь сильного течения было не в принципах Клеменса. Конечно, в его позиции до приезда домой были моменты, сближавшие его с воинственными венцами, но их перевешивала осторожность, основанная на трезвом расчете. Любивший кичиться твердостью принципов, Меттерних дрогнул перед угрозой монаршей немилости, а присоединившись к военной партии, он, естественно, и в ней хотел играть отнюдь не последнюю роль. Как это ни парадоксально, его с опозданием обретенная воинственность объяснялась конформистскими, оппортунистическими соображениями. Оправдаться перед самим собой ему было не так уж трудно: что можно поделать против «хода вещей»?

Войну австрийцы планировали на март 1809 г. Меттерних вернулся в Париж в начале января, даже не получив обычных письменных инструкций. Его пребывание во французской столице должно было служить прикрытием, правда весьма прозрачным, для завершающихся военных приготовлений. В Париже его ждал на сей раз холодный прием. Ситуацию обострили полученные Наполеоном сведения об интригах Талейрана и все более открытом вооружении Австрии. Император буквально примчался из Вальядолида в Париж и 28 января устроил знаменитую сцену разноса Талейрана. На другой день тот вступил в прямое сотрудничество с Австрией, потребовав у Меттерниха немедленно 100 тыс. франков. Австрийский посол тотчас же запросил у Штадиона в свое распоряжение 300–400 тыс. франков. Министр согласился, но предупредил, что нужно быть экономнее. Расходы оправдались быстро. 27 февраля в Вену кружным путем через Дрезден с российскими курьерами были отправлены данные о рейнской и испанской армиях Наполеона. 17 марта вновь с курьером нового

российского посла князя А. Б. Куракина Меттерних послал в Вену ценные сведения о передвижениях войск<sup>55</sup>.

Меттерниху приходится нелегко. Наполеон демонстрирует свою холодность, общество, ранее принимавшее австрийского посла с распростертыми объятиями, теперь следует примеру императора. На приеме 2 февраля Наполеон ограничился лишь вопросом о здоровье графини Меттерних. Клеменс и Лорель — единственные из дипломатического корпуса, кого не пригласили на стрельбы гвардейской артиллерии. В беседе с русскими дипломатами Румянцевым и Куракиным Наполеон заявил, что австрийцам следовало бы дать взбучку. Российский министр иностранных дел граф Н. П. Румянцев попытался было взять на себя роль посредника, но вскоре понял, что война неизбежна<sup>56</sup>. Шампаньи в беседе с Меттернихом напоминает тому об Ульме. Личные интересы семьи Меттернихов были болезненно задеты декретом Наполеона от 24 апреля 1809 г., по которому бывшие имперские графы и князья, чьи владения вошли в состав Рейнского союза, лишались прав на них, если находились на австрийской гражданской или военной службе. Таким образом, Меттернихи теряли права на княжество Охсенхаузен, включенное в состав Вюртембергского королевства.

Воинственность Клеменса растет. «Мы сильны как никогда, — утверждал он в одной из последних своих парижских депеш, — 1809 год — либо последний год старой эры, либо первый год новой»<sup>57</sup>. Однако он не исключает очередного разгрома. Если Наполеон добьется быстрой победы, он станет сувереном Европы, а Австрия будет вычеркнута из списка великих держав<sup>58</sup>.

Едва австрийский посол собрал чемоданы, как французские власти запретили ему отъезд из-за того, что в Вене в качестве военнопленного был задержан военный атташе французского посольства. Французский посол уже успел уехать, и в Вене опасались за безопасность своего посла, демонстрируя тем самым, по словам Меттерниха, непонимание духа и поведения Наполеона<sup>59</sup>. Всем французам, кроме Шампаньи, запрещалось общение с австрийским послом.

14 апреля австрийские войска начали военные действия на территории Баварии. Ответ Наполеона был решительным и эффективным. Хотя австрийцы во главе с эрцгерцогом Карлом, безусловно талантливым полководцем, сражались как никогда храбро и умело, Наполеон нанес им целую серию поражений и в начале мая вторично, как и в 1805 г., занял Вену. На сей раз это не сломило австрийцев, и эрцгерцог Карл сумел нанести французам серьезный удар в тяжелом сражении при Асперне (21–22 мая). Успех был, видимо, для него неожиданностью, и он не смог воспользоваться его плодами, за что всю жизнь подвергался критике. Особенно рьяным критиком полководца был Клеменс, любивший порассуждать на военные темы. Сам же он 25 мая был вывезен из Парижа в карете с эскортом из жандармов для обмена на арестованного французского дипломата. Семейство же Меттерниха (Лорель и дети) с разрешения Наполеона остались на время войны в Париже. Характерный штрих о нравах и обычаях того времени, которое современники считали ужасным и жестоким.

По прибытии в Вену «военнопленный» был размещен во дворце князя Эстерхази. Он узнал, что и его отец Франц Георг попал в число заложников, взятых французами на срок до выплаты наложенной на Австрию контрибуции. Через маршала Бертье Меттерних обратился к Наполеону. Заложников, которых собирались увезти во Францию, оставили в Вене. Самому же Клеменсу военный губернатор предписал перебраться из Вены в пригород. Там, в доме матери, по соседству с резиденцией Наполеона, Меттерних ожидал размена. После нескольких неудачных попыток (французы и австрийцы не могли одновременно прибыть в назначенное место) 1 июля обмен Меттерниха на французского дипломата Додэна наконец состоялся. 3 июля Клеменс прибыл к своему императору, вместе с которым через день наблюдал за ходом решающего для всей кампании сражения под Ваграмом.

Несмотря на упорное сопротивление, австрийцы были разбиты. Определенные шансы на затягивание войны у них оставались, но император и его окружение, за исключением, пожалуй, императрицы Марии Людовики, сохранившей мужество, оказались в состоянии прострации. Клеменс и здесь верен себе: «Монархия была бы победоносной, — писал он 18 июля матери, — если бы я прибыл в нашу главную квартиру на восемь или четырнадцать дней раньше». Задержка с разменом на господина Додэна, «возможно, привела монархию к гибели»<sup>60</sup>. После жестокого сражения при Цнайме (Зноймо) 10–11 июля эрцгерцог Карл без санкции Франца начал переговоры о перемирии. Хотя тот и осуждал действия брата, но в душе почувствовал облегчение. Мария Людовика не могла с этим примириться, она с возмущением писала: «Это меня не удивило, так как я знаю мелкую душонку Карла»<sup>61</sup>. Лучший австрийский полководец и благородный солдат не заслуживал, однако, столь уничижительной оценки. С чисто военной точки зрения у него были достаточные основания для перемирия. Видимо, сказывался также и комплекс, сложившийся за долгие годы неудачной борьбы с Наполеоном.

Ваграм решил не только исход кампании, но и участь главных действующих лиц проигравшей стороны: Штадиона и эрцгерцога Карла. Перед Меттернихом же открылась дверь в госканцелярию.

---

<sup>1</sup> NP. Bd. 1. S. 54.

<sup>2</sup> Цит. по: Botzenhart M. Metternichs Pariser Botschafterzeit. München, 1967. S. 59.

<sup>3</sup> Ibidem.

<sup>4</sup> Ibid. S. 62.

<sup>5</sup> Сорель А. Европа и Французская революция. Спб., 1908. Т. 7. С. 392.

<sup>6</sup> Srbik H. R. Op. cit. S. 114.

<sup>7</sup> Lettres et Papiers du chancelier Comte de Nesselrode. Paris, 1904. T. 2. P. 132.

<sup>8</sup> Grunwald C. de. Op. cit. P. 47.

<sup>9</sup> Записки герцогини Абрантес. М., 1836. Т. IX. С. 314–315.

<sup>10</sup> Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 114.

<sup>11</sup> NP. Bd. 2. S. 122–123.

<sup>12</sup> Lettres et Papiers du chancelier Comte de Nesselrode. T. 2. P. 65.

<sup>13</sup> Botzenhart M. Op. cit. S. 136.

<sup>14</sup> NP. Bd. 2. S. 124.

<sup>15</sup> Ibid. S. 127.



- <sup>16</sup> Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 140.  
<sup>17</sup> NP. Bd. 2. S. 155.  
<sup>18</sup> Srbik H. R. Op. cit. S. 117.  
<sup>19</sup> NP. Bd. 1. S. 278.  
<sup>20</sup> Ibid. Bd. 2. S. 192.  
<sup>21</sup> Ibid. S. 193.  
<sup>22</sup> NP. Bd. 1. S. 97.  
<sup>23</sup> Ibid. S. 286–287.  
<sup>24</sup> Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 163.  
<sup>25</sup> Ibid. S. 176.  
<sup>26</sup> Ibid. S. 177.  
<sup>27</sup> NP. Bd. 2. S. 161.  
<sup>28</sup> Ibid. S. 140.  
<sup>29</sup> Ibid. S. 146.  
<sup>30</sup> Ibid. S. 159–160.  
<sup>31</sup> Ibid. S. 164.  
<sup>32</sup> Botzenhart M. Op. cit. S. 203.  
<sup>33</sup> NP. Bd. 2. S. 229.  
<sup>34</sup> Ibid. S. 231.  
<sup>35</sup> Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 217.  
<sup>36</sup> Srbik H. R. Op. cit. S. 117–118.  
<sup>37</sup> Bibl V. Metternich: Der Dämon Österreichs. Wien, 1936. S. 57–58.  
<sup>38</sup> Bibl V. Metternich in neuer Beleuchtung. Wien, 1928. S. 78.  
<sup>39</sup> NP. Bd. 1. S. 68.  
<sup>40</sup> Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 218.  
<sup>41</sup> Ibidem.  
<sup>42</sup> NP. Bd. 2. S. 189.  
<sup>43</sup> Ibid. S. 178.  
<sup>44</sup> Ibid. S. 200.  
<sup>45</sup> Ibid. Bd. 1. S. 67.  
<sup>46</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 97–98.  
<sup>47</sup> Botzenhart M. Op. cit. S. 238.  
<sup>48</sup> Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 249.  
<sup>49</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. Bd. 1. S. 130.  
<sup>50</sup> NP. Bd. 2. S. 248–249.  
<sup>51</sup> Ibid. S. 250.  
<sup>52</sup> Ibid. S. 255.  
<sup>53</sup> Ibidem.  
<sup>54</sup> Ibid. S. 243.  
<sup>55</sup> Botzenhart M. Op. cit. S. 290.  
<sup>56</sup> NP. Bd. 2. S. 273.  
<sup>57</sup> Ibid. S. 297.  
<sup>58</sup> Ibid. S. 298.  
<sup>59</sup> NP. Bd. 1. S. 71.  
<sup>60</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 169–170.  
<sup>61</sup> Ibid. S. 173.

## ГЛАВА III. «...СЧАСТЛИВАЯ АВСТРИЯ, ЗАКЛЮЧАЙ БРАКИ»

### I

После Ваграмской битвы главный поборник войны граф И. Ф. Штадион взял на себя ответственность за поражение и попросил об отставке. Если верить Меттерниху, Штадион уже накануне сражения выглядел совершенно подавленным. Он относился к людям «живой созидательной силы и светлого разума, которые легко поддаются впечатлениям момента. Люди этой категории склонны всегда к крайностям: для них нет никаких переходов, а так как последнее заложено в природе вещей, то они предвосхищают события, вместо того чтобы подождать и потом работать спокойно»<sup>1</sup>. Меттерниховская характеристика Штадиона, конечно, интересна, но важнее другое. Штадион будто бы сказал Клеменсу, что политика, которую тот предлагал, была более пригодна, нежели та, которой он следовал. Говорил это Штадион или нет, не столь уж существенно; важнее другое — вольно или невольно Меттерних признал, что его политика отличалась от воинственного курса Штадиона.

По версии Меттерниха, уже утром 8 июля 1809 г. император вызвал его к себе и принял со словами: «Граф Штадион просил об отставке; я предлагаю вам его место в департаменте внешнеполитических дел»<sup>2</sup>. В ответ Меттерних будто бы предложил, чтобы назначение было условным, поскольку выглядело несвоевременным, и он еще не чувствовал себя «созревшим» для такой ответственной роли. «Я менее опасаясь людей, которые сомневаются в своих способностях, чем тех, кто считает, что может все», — сказал ему ободряюще Франц. Далее Меттерних пишет, что пытался отговорить Штадиона, но тот был тверд в своем решении. В конце концов договорились не объявлять об отставке Штадиона до конца войны. Груз ответственности, утверждает Меттерних, он принял только из чувства долга. «Свободный, как и всю мою жизнь, от малейшего честолюбия, я чувствовал только тяжесть цепей, которые должны были лишить меня всякой личной свободы»<sup>3</sup>, — уверял он будущих читателей автобиографии.

В действительности эта история выглядела несколько иначе. Клеменс великопечно использовал благоприятную возможность, которая представилась ему в ходе совместного путешествия с Францем из Цнайма в Коморно. Они были вдвоем в карете, и Меттерних мог пустить в ход все свое незаурядное мастерство обольстителя, основанное на умении распознавать особенности психологии людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. Любопытны с этой точ-

ки зрения написанные им портреты Наполеона и Александра I. Без этой способности сыграть на тех или иных струнах души своих друзей и врагов Меттерних не стал бы мастером политической интриги. Правда, самомнение, склонность к шаблону порой вводили его в заблуждение, а некоторые политические деятели, не укладывавшиеся в рамки его привычных представлений, так и остались для него неразгаданными.

Своего же императора он изучил досконально и, несмотря на разительное несовпадение характеров, стиля жизни, сумел подобрать к нему ключи. Не исключено, что именно их совместная поездка во многом предопределила выбор Франца I. Меттерних быстро научился не только предугадывать мысли и желания своего кайзера, но и при необходимости облекать их в изящную форму. Более того, Меттерних овладел такой манерой ведения дел, при которой многие его собственные решения выглядели как бы исходящими от императора. Сам Франц очень не любил отягощать себя принятием решений. У него был образ мыслей добросовестного чиновника средней руки. Не может не удивлять сближение этих двух, на первый взгляд, столь разных людей: фривольного грансеньера и добропорядочного бюргера с императорской короной. Дело не только в умении Меттерниха улавливать нюансы настроения своего августейшего повелителя, не только в том, что он разгружал его от массы неприятных и непосильных обязанностей; в Меттернихе с повадками грансеньера парадоксальным образом уживались педантизм и морализаторство. С возрастом эти свойства усиливались. Если изначально в этом еще сказывалось и стремление попасть в ногу с Францем, угодить ему, то постепенно это проявлялось как органичная часть его натуры.

Скорее всего, затяжка с назначением Меттерниха на пост главы внешнеполитического ведомства объясняется не его деликатностью по отношению к Штадиону, а колебаниями Франца. Есть достаточно сведений о том, что Меттерних не очень церемонился с предшественником. Так, Ф. Генц в своем дневнике возмущается тем, как легко Меттерних переступил через Штадиона: «Я никогда не прощу Меттерниху безразличия и легкости, с какой он отнесся к уходу Штадиона, и поистине шокирующей уверенности, с какой он взялся за столь ужасающую задачу, как управление делами в такой момент»<sup>4</sup>. Возникло затруднение, как именовать Меттерниха: уже не посол, но еще и не канцлер. Франц I находит выход, возведя его в ранг государственного министра.

Помог Меттерниху и Наполеон. Ему нужен был подходящий министр иностранных дел в Австрии. В Меттернихе он такового тогда не видел: ведь бывший посол в конце концов примкнул к «военной партии» и обрел, пусть не совсем заслуженно, репутацию одного из зачинщиков войны. Всплывали фамилии представителей старой сановой гвардии: графа Цинцендорфа, барона Тугута. Но первый был слишком уж дряхлым, а второй не рискнул вновь взвалить на себя тяжкое бремя поражения. Между тем Шампаньи и австрийский дипломатический представитель в ставке Наполеона граф Бубна склоняли императора в пользу Меттерниха. Бубна, в частности, старался очистить

Клеменса от подозрений в подстрекательстве к войне. По сравнению со Штадионом Клеменс был для Наполеона меньшим злом, именно от этого своего ненавистника он стремился избавиться в первую очередь.

Австро-французские переговоры о мире шли крайне напряженно. Наполеон опасался затяжной войны, которая могла бы приобрести национально-освободительный характер, как в Испании. Ему нужно было как можно скорее кончить дело и в то же время сурово наказать австрийцев. Чтобы сразу же ошеломить их, Наполеон потребовал отречения Франца I и угрожал расколоть Австрийскую империю на три части: Богемию, Венгрию и собственно Австрию. Слава Богу, габсбургских принцев было в избытке. Ультимативное требование Наполеона: либо отречение и сохранение статус-кво, либо тяжелые территориальные потери.

Местом переговоров стал Альтенбург, куда Меттерних прибыл вместе с князем И. Лихтенштейном, сменившим опального эрцгерцога Карла на посту главнокомандующего. И в этот момент Наполеон опять-таки невольно оказал Меттерниху большую услугу. Император французов заявил, что не намерен вести переговоры с Меттернихом, этим «жонглером от дипломатии», а предпочитает, как солдат с солдатом, иметь дело с князем Лихтенштейном. Наполеон не без основания опасался, что Меттерних попытается затянуть переговоры, а императору нужно было поскорее развязать себе руки. Таким образом будущий министр иностранных дел был избавлен от неприятной необходимости ставить свою подпись под крайне суровым для Австрии Шёнбруннским миром (14 октября 1809 г.). Австрийская империя теряла почти 1/3 территории и 3,5 млн подданных, должна была выплатить 85 млн флоринов контрибуции, ее армия ограничивалась 150 тыс. солдат. Франц I особенно тяжело переживал потерю Тироля в пользу наполеоновской союзницы Баварии.

«Я несу мир вместе с моей головой, император по своей доброй воле может распорядиться с тем, и другим», — сказал по возвращении из Альтенбурга несчастный Лихтенштейн. Нетрудно предугадать реакцию Меттерниха: «Во время переговоров в Альтенбурге я легко мог бы добиться лучшего»<sup>5</sup>, — это из письма к Лорель, в котором он, вопреки собственной версии о том, что Штадион добровольно ушел в отставку, пишет, что тот любой ценой хотел удержать свой пост. Несколько позднее в разговоре с Наполеоном Клеменс вновь затронет эту тему: «Я уверен, что никогда не заключил бы такого мира, как этот последний». И Наполеон, по словам Меттерниха, согласился с ним и сказал, что ему довелось вести переговоры со слабыми дипломатами<sup>6</sup>.

В правящих кругах Австрии разгорелись упорные дебаты между партиями «войны» и «мира». Меттерних колебался вместе с Францем и не сразу стал апостолом партии мира. Как велико было у него смятение мыслей и чувств, свидетельствует любопытный фантазмагорический план, относящийся к августу 1809 г. Речь шла о том, чтобы идеей восстановления Польши перехватить поляков у Наполеона. Ради этого Австрия и Пруссия должны были отказаться от польских владений, собственно даже не от самих владений, а от права на них,

так как Наполеон лишил Пруссию польских земель, а Австрия потеряла свою часть Галиции, полученную Россией за символическое участие в войне 1809 г. на стороне Франции. Франц I отослал этот план Штадиону, тот его, естественно, не принял, справедливо усомнившись в том, что поляки отойдут от Наполеона. Пугать этим Россию тоже не было смысла. На предложение Меттерниха Франц наложил такую резолюцию: «Сохранить в научных целях»<sup>7</sup>.

Постоянные колебания Меттерниха, угодливость вызывали презрение у его будущего помощника «верного Гуделиста», самого опытного чиновника госканцелярии. Тот рассказывал Генцу, что на совете у кайзера 7 октября 1809 г. (за день до официального назначения канцлером) Меттерних вел себя «совершенно непоследовательно, говоря о мире и войне в соответствии с тем, откуда дует ветер»<sup>8</sup>. Но именно это в немалой мере обеспечило ему возделенный пост.

Назначение Меттерниха вызвало в Вене негативную реакцию. Она объяснялась не только тем, что рейнского графа все еще воспринимали здесь как чужака. Многие сочувствовали Штадиону. Меттерниха считали, и не без оснований, интриганом, сумевшим охмурить императора. В венских салонах возникла версия о том, что, воспользовавшись минутной слабостью «доброго кайзера», Меттерних вырвал у него обещание насчет госканцелярии. Самые верные в ближайшем будущем сотрудники Меттерниха сожалели об уходе Штадиона, а в его преемнике видели самонадеянного интригана. 12 октября Генц пишет в дневнике о разговоре с Гуделистом: «Он настолько расстроен, что раскрыл мне всю свою душу. Он не может простить графу Штадиону его уход особенно потому, что тот оставил нас Меттерниху, о котором он говорил с презрением и яростью, удивившими меня, несмотря на все то, что я знал»<sup>9</sup>. Гуделист был скандализован той манерой, в какой Меттерних говорил о предшественнике, и полон тяжких сомнений насчет его возможностей в качестве главы австрийской внешней политики.

Во Франции назначение Меттерниха было встречено прохладно. Наполеон хорошо помнил, что тот водил кампанию с Галейраном и Фуше. Тем не менее по сравнению со Штадионом это был все-таки лучший вариант.

Вместе с Клеменсом радость разделяла только Элеонора. Ее муж стал преемником ее великого деда. Едва появившись в госканцелярии, новый канцлер потребовал, чтобы она обрела такой же вид, какой был при Каунице.

Теперь ему предстояло доказать всей Европе, что ноша, которую он сам постарался взвалить на себя, по силам ему, еще молодому 36-летнему человеку, в послужном списке которого больше было амурных, чем дипломатических дел. Врагов и недоброжелателей насчитывалось у него гораздо больше, чем друзей. Сказывалась естественная зависть к его стремительной карьере. Многих отталкивало его высокомерие, едва смягченное снисходительной любезностью Грансенёра. Его двусмысленное поведение в сложных, требовавших решительного выбора ситуациях создало ему репутацию двуличного, ненадежного человека. Хотя круг его знакомств весьма широк, но искренними друзьями он так и не обзавелся.

Начинать новому министру пришлось при самой неблагоприятной внешней и внутренней обстановке. Можно сказать, что он принял дела разоренной компании. Если не весь мир, как он любил говорить, то во всяком случае весь Габсбургский рейх лег на его плечи. «При чудовишной ответственности, оказавшейся тогда на мне, — писал он в автобиографии, — я находил только две точки опоры: непоколебимую силу характера императора Франца и мою собственную совесть»<sup>10</sup>. Впрочем, и та и другая опоры были явно ненадежны: император вполне мог пожертвовать в трудный момент министром, что же касается совести, то она могла служить Клеменсу опорой главным образом благодаря исключительной гибкости и растяжимости.

Возможностей выбора политической стратегии у Клеменса было немного: «Социальные вопросы отодвигались на второй план, все внимание было направлено на сохранение того ядра, которое после неудачных походов оставалось еще Австрийской империей»<sup>11</sup>. Многие авторы, и прежде всего Г. фон Србик, склонны свести к этому всю политическую стратегию Меттерниха с 1809 по 1813 г. На практике все обстояло сложнее. Бесспорно, подобный расчет занимал видное место в планах нового канцлера. Вместе с тем он был сторонником тактического сотрудничества с наполеоновской Францией, и сотрудничество это зашло так далеко, что грань между стратегией и тактикой оказалась размытой.

Символично, что Меттерних затеял перестройку интерьера и организационной структуры госканцелярии по образцу своего знаменитого родича. За этой внешней стороной дела нетрудно разглядеть черты, напоминающие курс Кауница с его ориентацией на альянс с Францией. «Нашей безопасности, — писал Меттерних Францу еще до вступления в должность, — мы должны теперь искать только в сближении с достигшей триумфа французской системой». Конечно, были и сомнения в связи с тем, насколько органично удастся вписаться во французскую систему. Перспективной ему казалась такая линия: «С первого же дня мира мы должны ограничить нашу систему исключительно лавированием, уступчивостью, лестью. Так мы сможем продлить наше существование до дня всеобщего распада»<sup>12</sup>.

Для него не было сомнений в том, что наполеоновская империя на европейском континенте уже перешла пределы возможного. Моя совесть, писал он в автобиографической записке, — «указала мне направление, которому я должен был следовать, чтобы не становиться на пути естественного развития и получить для Австрии шансы, которые могла дать первая из всех сил, сила вещей...»<sup>13</sup>. Тем самым Меттерних хотел бы создать впечатление, что он повиновался всего лишь «силе вещей» (одно из любимых выражений Клеменса), ожидая благоприятного момента, чтобы выступить в качестве спасителя своей страны. Меттерниху импонировало представление о нем как хитроумном и тонком политике, сумевшем искусно переиграть в многолетней затяжной борьбе грозного корсиканца. Это придавало образу австрийского канцлера нечто демоническое, мефистофелевское, но в то же время служило и индულ-

генцией: ведь все, даже весьма неприглядные его поступки получали оправдание в «великой цели», которой были подчинены все его помыслы и деяния.

Между тем если канцлер и был в чем-то последователен, то в своей непоследовательности, постоянных колебаниях, которые и прежде сопутствовали его дипломатической практике. Но тогда он был хотя и не пешкой, но все же легкой фигурой на дипломатической шахматной доске. Теперь же он, можно сказать, вышел в ферзи, его возможности в определении стратегии неизмеримо возросли; и его колебания вызывали изрядные волны в политической жизни Европы.

Историкам известны слова кардинала Мазарини: «Когда полагают, что австрийскому дому пришел конец, он всегда извлекает из кармана какое-нибудь чудо». Такими чудесами обычно являлись «австрийские браки», посредством которых Габсбурги опутали всю Европу. Чадолобивый австрийский дом не испытывал недостатка в эрцгерцогах и эрцгерцогинях. «Пока другие воюют, ты, счастливая Австрия, заключаешь браки», — гласила старинная поговорка. При совсем невоинственном Франце Австрия довоевалась до того, что возникла самая настоятельная потребность в очередном чуде, и в роли чудесника намеревался выступить сам канцлер.

## II

По мысли Меттерниха, очередным чудом должен был стать австрийский брак Наполеона. Идея не была оригинальной, и Меттерних не мог бы здесь претендовать на приоритет, но его ведущая роль в ее реализации неоспорима. Потом, после падения Наполеона, он пытался откреститься от ставшей сомнительной чести главного творца брака, который вызвал у современников ассоциации со знаменитой легендой о чудовище Минотавре, в жертву которому приносили красивых девушек. В изложении самого Клеменса история брака выглядит крайне запутанной; навязывается мысль, что инициатива исходила от французов. Разбитой же Австрии ничего не оставалось, как поступиться эрцгерцогиней для спасения страны.

На самом же деле дочь императора была козырной картой Меттерниха в его сложной дипломатической игре. Разыгрывая ее, он рассчитывал достичь сразу нескольких целей — и тактических, и стратегических. Сам по себе династический союз выходил за рамки краткосрочных, сиюминутных расчетов. Эрцгерцогиня оказывалась фактором в системе европейского эквilibра. Брак Наполеона с ней не только создавал предпосылки для австро-французского альянса, но и блокировал кошмарную, на взгляд Меттерниха, перспективу франкорусского союза, возникшую в связи с намерением Наполеона получить в жены российскую великую княжну. Это последнее обстоятельство особенно бросалось в глаза. Прусский дипломат писал своему королю: «Принципиальный мотив, который побудил венский двор на заключение брака между императором

Наполеоном и австрийской эрцгерцогиней, — боязнь его брака с русской великой княжной»<sup>14</sup>.

Во времена, когда дипломатия еще в значительной мере сохраняла династический характер, матримониальные проблемы приобретали первостепенное политическое значение, брачные союзы становились внешним проявлением союзов политических. То, что в мире простых людей именовалось сводничеством, в мире большой политики было законной частью дипломатии.

Для того чтобы создать династию Бонапартов, Наполеону нужен был наследник. Поскольку его брак с Жозефиной Богарне, в принципе счастливый, оказался бездетным, то встал вопрос о разводе. Слухи о таком повороте дел начали распространяться еще с 1807 г. Причем очень активную роль в этом играла Каролина Мюрат, яростная ненавистница Жозефины и всего клана Богарне. Многие владетельные дома были бы счастливы удостоиться родства с Наполеоном. Некоторые из Бонапартов уже успели породниться со старыми династиями. Однако самому Наполеону нужен был брачный союз не только с древней, но и достаточно могущественной династией, которая после его смерти могла бы служить опорой его наследнику. Поэтому выбор был невелик.

Логическим следствием Тильзита и Эрфурта мог стать российский вариант брака Наполеона. Однако матримониальные намерения императора французов не нашли благоприятного отклика в России, и отнюдь не православие русской великой княжны Анны Павловны, к которой сватался Наполеон, не ее юность были главными препятствиями к породнению Бонапарта с Романовыми. Тесный и долгосрочный союз с Наполеоном не вписывался в политическую стратегию Александра I, да и выскочка-корсиканец был неприемлем в качестве родственника, нельзя было не считаться и с негативным отношением к такому браку в обществе<sup>15</sup>.

Но царь не желал раздражать Наполеона немедленным отказом и повел свою игру весьма тонко. Меттерних, всерьез опасавшийся франко-русского союза, с тревогой следил за ходом событий. Очевидно, подходя к царю со своей меркой, он недооценивал кастовый барьер, разделявший российского самодержца, потомка Рюриковичей, и бывшего поручика Бонапарта. Для Клеменса, при всем его снобизме грансенъора, реальная политическая мощь была фактором, перевешивавшим аристократические предубеждения. Кроме того, за годы пребывания в Париже он сумел оценить величие личности Наполеона. Балансу сил Меттерних отдавал предпочтение перед легитимностью. Легитимацией Наполеона в его глазах было удушение им революции, создание могущественной империи. Поэтому он смотрел на императора французов иначе, чем царь, и многие другие представители аристократическо-династической Европы. Это был рационалистический подход в духе реальной политики, одобренный изрядной долей цинизма.

Бесполезно искать того, кто первым подал идею австрийского брака, претендентов на роль инициатора было много. Она, как говорится, уже витала в воздухе после поражения при Ваграме (хотя и есть свидетельства ее более ран-



него происхождения). Меттерних стал готовить к этой мысли своего императора. Претендентам на руку эрцгерцогини Марии Луизы Франческо Моденскому (брату императрицы Марии Людовики) и наследному принцу Баварии было отказано. Согласия самой Марии Луизы, естественно, никто не спрашивал. Не посчитались и с мнением ее приемной матери Марии Людовики. В объяснения также особенно не вдавались. Правда, зондаж баварского кронпринца в конце июля 1809 г. вынудил Меттерниха приоткрыть карты несколько раньше, чем ему того хотелось. Состоялся долгий, обстоятельный разговор с Францем, в котором и обсуждалось «дело величайшего значения».

После этого Меттерних отправился в Альтенбург, где встретился с Шампаньи. Князь Лихтенштейн не годился для переговоров по столь деликатному вопросу. Тем более что он не скрывал своего отрицательного отношения к идее отдать выскочке-солдату дочь императора<sup>16</sup>. По дороге в Альтенбург Меттерних имел доверительную беседу с влиятельным французским дипломатом графом Нарбонном (он станет послом в Вене в период крушения наполеоновской империи) на этот же предмет. В Альтенбурге Меттерних ежедневно обедал с Шампаньи, и хотя их переговоры шли не так уж гладко, тема о браке, очевидно, тоже обсуждалась. С отъездом Клеменса партнером Шампаньи стал искусный дипломат граф Бубна, понимавший все с полуслова. Наполеон запустил и пробный шар в виде идеи брака между дочерью Люсьена Бонапарта с кронпринцем Австрии Фердинандом. Наполеона (как, впрочем, позднее и Романовых) совсем не смущало, что Фердинанд был неполноценным умственно и физически. По-видимому, разговоры об этом браке должны были послужить прикрытием зондажа насчет невесты для самого Наполеона.

Из области слухов, предположений, мало к чему обязывающих светских бесед дело переходит на солидную основу после утверждения Меттерниха в доме на Бальхауштрассе, в госканцелярии. Уже то обстоятельство, что в Париж на смену самому новоиспеченному канцлеру был отправлен князь К. Шварценберг, представитель одного из самых авторитетных аристократических родов Австрии, а в Петербург — граф Сен-Жюльен, свидетельствовало о явном предпочтении Парижу. Правда, Меттерних хотел бы видеть там испытанного в дипломатических баталиях генерала Винцента, но против этого была «русская партия» в Вене, а канцлер был еще не так силен, чтобы настоять на своем. Не был уверен он и в том, какой прием будет оказан в Париже Шварценбергу. На всякий случай князя снабдили личным посланием императора Франца I Наполеону, чтобы избежать унизительной задержки с приемом.

Хлопоты оказались излишними, австрийский посол был принят быстро и радушно. Послание Франца за ненадобностью было предано огню. Шварценберг был просто нарахват: приемы, прогулки, охота. Опытнейший помощник Флоре и Элеонора, которая вместе с детьми спокойно пережила войну в Париже, опекают Шварценберга, скорее солдата, чем дипломата. Именно Флоре подбросил французам идею брака еще во время мирных переговоров.

Элеонора оказалась главной помощницей мужа в столь ответственном и

тонком деле. Выполнять сложную миссию ей было тем проще, что она искренне восхищалась Наполеоном. Император французов чувствовал это и доверял ей. Она окружена теплым вниманием императорского двора. На приеме 21 ноября 1809 г. Шампанья интересуется у Флоре здоровьем потомства кайзера Франца и особенно его дочери: «Не правда ли, что единственная, у кого крепкое здоровье, кто никогда не болел — это эрцгерцогиня Мария Луиза, о которой еще говорят, что она хорошо воспитана»<sup>17</sup>. Это означало, что в Париже серьезно восприняли сигналы из Вены.

Было бы наивно полагать, что император Наполеон попадает в сеть, расставленную коварным и ловким австрийцем. Конечно, он предпочел бы русскую великую княжну, переговоры французского посла Коленкура насчет руки Анны Павловны вошли в решающую фазу. Однако интуиция подсказывала Наполеону, что следует ожидать отказа. Предстать же перед всей Европой в роли незадачливого жениха императору французов было бы неприятно. Эрцгерцогине в его матримониальной кампании предназначалась роль резервного варианта. Наполеон не хотел форсировать событий, пока не прояснится окончательно ситуация в Петербурге, но к тому моменту все должно было быть наготове.

В конце 1809 г. в Вену с неофициальной миссией прибыл граф Лаборд, вновь поднявший тему о браке дочери Л. Бонапарта с кем-либо из эрцгерцогов, и походя затронул главную брачную проблему. Меттерних повел себя как опытный коммерсант: не стал проявлять эмоций, не очень обнадеживал собеседника, ссылаясь на несговорчивость императора Франца I. Француза такая игра не обманула, да и торопить ход событий не было смысла. В конце концов Меттерних дал понять Лаборду, что готов идти ему навстречу. Светско-дипломатический механизм пришел в движение. Однако в этом случае Меттерних не хотел полагаться только на «естественный ход вещей».

Особенно старалась парижская команда, но, чтобы развязать ей руки, нужно было заручиться полной поддержкой кайзера. Меттерниху удалось добиться этого довольно легко. Впрочем, первые реальные шаги он сделал даже без санкции Франца, не желая терять времени. «Эта идея моя, — говорил министр, — и хотя я не зондировал намерения императора на этот счет, но я уверен, что они будут благоприятны по отношению к делу... которое я рассматриваю как истинное счастье для нас и как славу для моего министерства»<sup>18</sup>. «Я считаю это дело самым великим из всех, которые могли бы в этот момент владеть вниманием Европы», — писал он Лорель в Париж. «Император в этом деле без предрассудков», — отмечает он далее. — И вообще, «наши принцессы не приучены выбирать себе супругов по влечению сердца»<sup>19</sup>.

«Император, наш августейший господин, — пишет Клеменс своему послу в Париже Шварценбергу, — во всех случаях доказывал, что благо государства — первейший из законов». Далее следуют сугубо деловые указания: «Постарайтесь уточнить, насколько это возможно, вопрос о выгодах, которые Франция может предложить Австрии, исходя из перспективы семейного альянса»<sup>20</sup>. 14 февраля 1810 г. Меттерних пишет Шварценбергу, что согласие Марии Луи-

зы получено: «Она чувствует всю тяжесть жертвы, но ее дочерняя любовь побуждает отбросить все второстепенные соображения, и ее согласие можно рассматривать как вполне надежное... такое положение дел позволяет нам теперь спокойно ожидать официального предложения суверена из Франции»<sup>21</sup>.

Насчет спокойствия Клеменс преувеличивал. Пока не было отказа из Петербурга, кошки скребли у него на душе. И на этот раз Наполеон добился своего, заставив Меттерниха нервно суетиться. Последний шлет письма-инструкции Шварценбергу и Лорель, руководит каждым их шагом. Прочие дела министерства отступают на второй план. Шварценбергу не хватает решительности и ловкости. Лаборд, продолжающий играть свою посредническую роль, жалуется Элеоноре на медлительность, нерасторопность Шварценберга. Основная тяжесть ложится на слабые плечи мадам Меттерних.

В Париже идея австрийского брака привела к обострению распри между кланами Бонапартов и Богарне. Разведенная императрица Жозефина, ее дети — принц Евгений, вице-король Италии, и королева Голландии Гортензия — за австрийское решение. Элеонора получает приглашение во дворец Жозефины. Там ее ждет самый теплый прием, и она в восторге, особенно от галантного красавца Евгения Богарне. Между внучкой Кауница и семейством Жозефины заключен союз.

Не скупится на знаки расположения и Наполеон. На приемах Элеонору приглашают к его столу, она входит в избранный круг приближенных. Не отличавшаяся здоровьем Элеонора во всей этой суете страшно похудела. Наполеон с дружеской солдатской бесцеремонностью сказал ей: «Графиня, как мы постарели, похудели, подурнели». Та с обезоруживающей искренностью рассмеялась в ответ. Затем Наполеон воздал ей должное: «В вас больше духа, чем у всех этих светских дураков»<sup>22</sup>. Следуя указаниям мужа, Лорель не забывала периодически напоминать императору об Охсенхаузене, на котором все еще лежал секвестр.

Столь основательно разрабатываемая операция неожиданно оказалась под ударом, нанесенным сестрой Наполеона Каролиной Мюрат, неаполитанской королевой. Скорее всего, она была не только против австрийского брака, но против брака своего брата вообще, так как рождение наследника перечеркнуло бы ее честолюбивые замыслы. И Каролина стала раскручивать интригу, изрядно помотавшую нервы ее бывшему любовнику.

С помощью известной светской интриганки мадам де Суза, бывшей любовницы Талейрана, Каролине удалось проникнуть в тайну своей соперницы Лауры Жюно, герцогини д'Абрантес. Клеменса подвело пристрастие к эпистолярному жанру, даже после отъезда из Парижа он продолжал писать Лауре. Посредником был надежный человек, но некоторые из писем были перехвачены, так как удалось подкупить горничную. Она же выдала тайну своей госпожи, указав, где та хранит письма от Меттерниха.

Далее события развивались по канонам любовных романов того времени. 13 января 1810 г. состоялся бал-маскарад у итальянского посла графа Мар-

скальки. Во время кадрили Каролина Мюрат приблизилась к Жюно и шепнула: «Твоя жена обманывает тебя и ее сообщник — Меттерних». Когда генерал потребовал доказательств, ему было предложено открыть секретер Лауры. Разъяренный Жюно вытащил жену прямо с бала, буквально бросил ее в карету, причем с такой силой, что полетели стекла. Все это сопровождалось ругательствами и проклятиями. Дома, когда был вскрыт секретер, в его ящике действительно лежал пакет с письмами, перевязанный розовой лентой, локон белокурых волос, альбом с рисунками и стихами, то есть полный набор улики, которые трудно было опровергнуть бедной Лауре.

Ей изрядно досталось от грубого и психически неуравновешенного мужа. На другой день он написал Меттерниху вызов на дуэль до смерти одного из участников и отослал его Лорель. В ожидании ее Жюно устроил Лауре еще одну ужасную сцену. Он давно уже находился в состоянии нервного истощения после неудач на Пиренейском полуострове, а несколько лет спустя вообще лишился рассудка. Войдя в транс, он сам себе нанес несколько ран в живот, стал истекать кровью. В этот момент раздался стук в дверь и появилась графиня Меттерних. Она пришла в ужас при виде разъяренного Жюно и залитой кровью комнаты. Генерал дал ей для опознания письма мужа. Смертельно напуганная графиня все же оказалась на высоте. Конечно, она не могла не узнать руку Клеменса, тем не менее внешне спокойно заявила Жюно: «Вы ошибаетесь, господин герцог, это не почерк моего мужа»<sup>23</sup>. Полностью овладев собой, она сказала ему: «Вы годитесь на роль Отелло»<sup>24</sup>. Лорель уже давно свыклась с неверностью мужа, а сейчас главное — не допустить, чтобы сорвалось «великое дело».

Каролина позаботилась, чтобы слухи о происшествии распространились по всему Парижу. Скандал, по расчету неаполитанской королевы, должен был помешать реализации проекта австрийского брака, лишить Меттерниха, по крайней мере на ближайшее будущее, возможности появиться в Париже. Однако Наполеон срочно принял меры. Жюно было приказано вернуться к войскам. Элеонора по-прежнему пользовалась благосклонностью императора и удостоилась его похвалы за мужественное поведение: «Вы добрая маленькая женщина, сумевшая избавить меня от больших проблем из-за этого грубияна Жюно»<sup>25</sup>. В письмах она еще и успокаивает напуганного супруга, ссылаясь на слова Наполеона, что вся эта история служит будто бы опровержению слухов о связи Меттерниха с его сестрой. Поскольку в Париже видели, каково отношение императора к скандалу, то быстро прикусили языки. Опомнившийся от испуга Меттерних в назидательном тоне пишет жене: «Твое письмо от 26 января с описанием одной из сцен разоблачает людей 1792 и 1793 гг. Как бы высоко не поднялся тот же Жюно, он, как был, так и остался кровопийцей»<sup>26</sup>.

После такого патетического пассажа Клеменс переходит к щекогловому вопросу о своей собственной роли в этом деле. При его хваленном самообладании ему было не так уж сложно солгать, глядя собеседнику прямо в глаза, а в данном случае задача предельно облегчилась: не будет же он краснеть перед листом бу-

маги, а в искусстве владения пером мало кто мог с ним сравниться. Взывая к доброму сердцу и светлому разуму жены, Клеменс уверяет ее, что корреспонденция, адресованная Лауре от его имени, — фальшивка. Он только однажды отправлял ей письмо, но не через посредника, а почтой. Через десяток лет в письме графине Д. Ливен Меттерних выдвигает иную версию. Оказывается, письма были не его, а Лаура назвала его имя, чтобы скрыть настоящего любовника<sup>27</sup>.

В письме жене в связи со скандалом Меттерних даже в большей мере, чем обычно, подчеркивает свою преданность семейному союзу, обращается к ее чувствам: «Люби меня, так как я служу и буду служить всю жизнь тебе. В жизни бывают очень тяжелые минуты; я всегда стараюсь преодолеть их с помощью небес, моей совести и сознания покоя и мира, которыми наполнены мой дом и моя добрая маленькая семья»<sup>28</sup>. И надо признать, что он не кривил душой, был совершенно искренен, говоря о привязанности к Лорель и к семье.

Супруги дружно трудились над «величайшим в мире делом». «Сегодня, мой дорогой друг, — писал Меттерних жене, — ты играешь роль в европейской дипломатии»<sup>29</sup>. В конце января напряжение достигает апогея. Наполеон держится подобно сфинксу, успешно вынуждая австрийцев раскрывать свои карты. Есть основания полагать, что французы были детально осведомлены о замыслах австрийской стороны и благодаря шпионажу<sup>30</sup>. Австрийскому послу Шварценбергу не удастся проникнуть в тонкости дипломатической игры, он склонен преувеличивать шансы на франко-русский брак. Ему неизвестно содержание депеш, полученных из Петербурга от Коленкура. А они оставляли Наполеону мало надежд.

Тогда он решил упредить русских, чтобы не оказаться в смешной роли отвергнутого претендента. 28 января императорская родня и высшие сановники империи собрались в Тюильри, чтобы обсудить перспективы брака Наполеона. Мало кто из присутствующих, за исключением хитреца Талейрана, догадывался, в чем суть дела. Наполеону нужно было создать впечатление, что он — хозяин положения, что только от него зависит, какой избрать вариант — русский или австрийский. Сам император к тому времени фактически уже сделал свой выбор. Лаборду было поручено сообщить Шварценбергу, чтобы тот держал под рукой курьера в полной готовности, так как в любой момент может возникнуть необходимость послать его в Вену.

6 февраля Наполеон читает полученный из Петербурга опять-таки уклончивый ответ. Больше ждать император не намерен. Срочно потребовался Шварценберг. Его не нашли, так как австрийский посол развлекался охотой. Еще не успел он снять охотничий костюм, как у него появился Евгений Богарне с предложением, а точнее сказать, с требованием немедленно подписать брачный контракт. Хотя у посла не было необходимых полномочий, он подписал документ, прекрасно понимая, что ничем не рискует.

Наполеон взял игру на себя и действовал с такой же решительностью и быстротой, как на полях сражений. По двум причинам фактор времени обретал для него серьезное значение. Прежде всего нужно было убедить Европу, что он

выбрал австриячку еще до того, как получил завуалированный отказ из Петербурга. Благодаря ускоренному ходу событий можно было также помешать австрийцам завязать переговоры с целью добиться тех или иных уступок.

Шампаньи было приказано поставить на депеше, отправленной в Петербург Коленкуру, вчерашнее число — 5 февраля, потому что депеша от Коленкура была доставлена 6 февраля. Контракт подписали прямо в австрийском посольстве. Франц I был шокирован такой спешкой, но приходилось это сносить. Некстати вмешалась императрица Мария Людовика, вступившаяся еще раз за своего брата Франческо. Францу и Меттерниху совсем не до нее. Не стоило больших усилий уломать и саму Марию Луизу. Конечно, ей было страшно вато идти в жены человеку, которого еще недавно называли в ее кругу чудовищем, узурпатором и т. п. Однако девятнадцатилетнюю эрцгерцогиню манили Париж, блеск и слава Французской империи. Иначе же пришлось бы стать супругой мелкодержавного итальянского принца, прозябать в каком-то захолустье. Мария Луиза не обладала красотой своей двоюродной бабки Марии Антуанетты. Меттерних сдержанно отзывался о ее внешности: «Лицо ее скорее некрасивое, чем привлекательное, но очень хорошая фигура и, если выправить осанку, сделать хорошую прическу и т. п., она будет выглядеть совсем неплохо»<sup>31</sup>. Деликатную миссию убеждения эрцгерцогини Меттерних, видимо, тоже взял на себя. Чтобы подчеркнуть свои заслуги в этом деле, Клеменс по обыкновению во много раз преувеличил трудности, которые пришлось преодолевать. «Я сообщил сегодня Шварценбергу, что мы располагаем согласием эрцгерцогини; это были едва ли не самые трудные переговоры из тех, что мне когда-либо приходилось вести, но, благодаря Богу, они полностью удались. И я уверен, что они могли удалиться только мне, и потребовали всех моих сил»<sup>32</sup>, — писал он Лорель 14 февраля.

В быстро раскрутившемся деле возникла заминка, когда император Франц потребовал от французского посла графа Отто документы, удостоверяющие расторжение брака Наполеона с Жозефиной. Ему было недостаточно устного заверения. Вмешался Меттерних и моментально рассеял сомнения своего кайзера и венских церковников. Последние ссылались на то, что папа, коронуя Жозефину императрицей, тем самым освятил ее гражданский брак. Потребовалось все дипломатическое искусство Меттерниха, чтобы уладить дело. Клеменс и его отец получили от французского посла соответствующие документы, но не без оснований опасались, что Франц и венский архиепископ могут счесть их недостаточно убедительными, поэтому они уверяли, что документ есть, он надежен, однако его по ошибке отослали из Вены в Париж, а время не терпит. «Я был то адвокатом, то теологом, я ссылался на все французские законы, я вел бракоразводный процесс и выиграл его вопреки архиепископу и глупости нашего нового французского посла»<sup>33</sup>, — похвалялся Клеменс в письме Лорель.

Все подчиняется железной воле Наполеона. Он расписывает весь план кампании, им лично составлен жесткий график, намечены маршруты движения курьеров из Парижа в Вену и из Вены в Париж, сроки проведения брачных це-

ремоний. Всем участникам «компаний», в том числе и Меттерниху, оставалось лишь повиноваться. Впрочем, он полон воодушевления, поглощен приготовлениями к свадьбе. Денег для этого в разоренной стране не жалеют. На приданое, драгоценные украшения израсходовали свыше миллиона гульденов. Меттерних просит жену позаботиться о туалетах Марии Луизы. Он изучает акты о помолвке Марии Антуанетты, чтобы новый австрийский брак был не менее великолепен.

Темп, предложенный Наполеоном, Меттерних принял еще по одной причине. В различных источниках разбросаны свидетельства его страха перед возможностью русского брака со всеми вытекающими последствиями. Вряд ли он был искренен, когда уверял прусского посла в Вене графа Финкенштейна в том, что если бы австрийцы промедлили хотя бы три дня с подписанием брачного контракта, то их опередил бы граф Чернышев, который будто бы привез согласие царя на брак его сестры с Бонапартом<sup>34</sup>. В данном случае Меттерних прежде всего стремится оправдать свое поведение, но аргументация все же отражает мучившее его опасение.

В спешке было допущено немало оплошностей, начиная с того, что Наполеона представлял на брачной церемонии маршал Бертье, среди титулов которого был и такой, как князь Ваграмский, кончая тем, что забыли снять мерку для обручальных колец.

«Граф Меттерних просто пьян от радости»<sup>35</sup>, — отмечает в своем дневнике Генц. «Великое дело, — пишет Клеменс жене, — идет к концу»<sup>36</sup>. Не забывает он при этом воздать хвалу самому себе: «Я рискованно заверить, что с времен нашего деда никому не удавалось поставить себя так»<sup>37</sup>.

Хотя с некоторыми незначительными отклонениями график, намеченный Наполеоном, в принципе соблюдался. 11 марта прошла церемония этого брака, где жениха поочередно заменяли Бертье и эрцгерцог Карл. «Брак означает революцию в головах австрийцев, даже тех, кто раньше был против. Имена Кауница и Шуазеля у всех на устах»<sup>38</sup>, — сообщал французский посол граф Отто. Простой народ Австрии воспринял брак намного лучше, чем аристократия. Если в глазах знати брак выглядел мезальянсом, то уставший от непрерывных войн народ надеялся на мирное будущее. Довольны были и деловые люди. Курс акций на венской бирже подскочил с 385 до 500 пунктов. Не только Австрия, но и вся Европа ожидала мира.

13 марта Мария Луиза выехала во Францию из того же самого пункта, что и Мария Антуанетта почти четыре десятка лет тому назад. Так же, как и тогда, встреча супругов происходила в Компьене. В австрийской свите ведущая роль принадлежала творцу этого брака графу Меттерниху. Прибыв в Париж, он встретился с женой, которая по праву могла разделить с ним лавры. Они не виделись почти год. Их разлучила война 1809 г., а соединил франко-австрийский брачный союз. Как заметил граф Клари, потребовалось такое чрезвычайное событие, как этот брак, чтобы господин и госпожа Меттерних смогли наконец встретиться друг с другом.

Прежде чем отправиться в Париж, Меттерних провел с помощью жены тщательную разведку: не повредит ли ему скандал, недавно учиненный Жюно? На что он получил заверения, что в столице Франции его ждет хороший прием. Действительно, император французов при встрече с ним столь любезен и очарователен, как мог быть только он один. Большими Крестами ордена Почетного легиона были награждены главные участники только что свершившегося дела — Меттерних и Шварценберг. Эрцгерцог Карл, вместе с Бертье замещавший Наполеона во время брачной церемонии, был удостоен Большого ордена Почетного легиона.

Клеменс увлеченно закружился в привычной светской карусели. Почти на всех балах он танцует с Каролиной Мюрат. В глазах света, прекрасно помнившего об их связи и совсем еще свежей истории с Жюно, это выглядело весьма пикантно, если не сказать скандально. Мария Луиза запишет в своем дневнике о человеке, которому обязана браком: «омерзительный фат»<sup>39</sup>. Но пройдет время, и ее отношение к нему полностью изменится.

Венчание происходило 2 апреля с невиданным великолепием. Шествие двинулось из Сен Клу в Лувр, где в тронном зале состоялся прием. Возбужденный атмосферой феерического празднества, преисполненный гордостью за ту роль, которую он сыграл в этом событии, Клеменс подошел с бокалом вина к открытому окну и, обращаясь к многотысячной толпе любопытствующих парижан, провозгласил тост за здоровье Римского короля. Такой титул был предназначен первенцу императора Наполеона. Трудно усматривать в этом хитрую игру или просто низкопробную лесть. Скорее всего, это был искренний порыв. Внук кайзера, которому, правда, еще предстояло родиться, должен был унаследовать самую могущественную империю мира. От этого вполне могла закружиться голова австрийского министра. Но потом этот несчастный принц станет для Меттерниха живым укором, напоминанием о несбывшихся замыслах, о его неблагоприятных поступках. Как и все неприятное, он постарается вычеркнуть его из своей жизни.

Медовый месяц во франко-австрийских отношениях с тревогой воспринимали в России и Пруссии. Российского посла в Париже принимали холодно, а австрийский стал «семейным послом». Меттерних с умилением описывает Францу семейную идиллию Наполеона и Марии Луизы. Праздник сменялся праздником. Австрийцы не хотели оставаться в долгу. 30 мая князь Шварценберг устроил грандиозное торжество в австрийском посольстве.

По случайному совпадению именно в этот же день 30 мая 1770 г. праздновали свадьбу Марии Антуанетты с будущим королем Людовиком XVI. Само по себе не очень приятное предзнаменование. Но мало того, как и тогда, случился пожар. Причиной его явилась свеча, упавшая на занавес из легкого газа. Пламя мгновенно перебросилось на деревянную отделку танцевального зала. Наполеон с Марией Луизой находились в центре круга, образованного танцующими. Как и на поле боя, император обнаружил исключительное самообладание. Он вывел императрицу в сад. Оттуда ее увезли в карете так быстро, что она даже



не успела испугаться. Погибла в пламени пожара свояченица посла княгиня Полина Шварценберг. Каролину Мюрат, чей наряд уже был охвачен огнем, спас великий герцог Вюртембергский, Меттерних вывел из зала королеву Вестфалии. Среди пострадавших оказалась и первая любовь Клеменса — Констанс де Камон де Ла Форс. Досталось и российскому послу князю А. Б. Куракину. У него выгорели волосы, была обожжена голова, ожог на левой руке был так силен, что кожу можно было снять как перчатку. В довершение всего у него пропали бриллианты на 20 тыс. франков<sup>40</sup>. Жертв могло оказаться намного больше, если бы не энергичные и умелые действия Наполеона. Его воля, четкие распоряжения внесли элементы порядка в сумятицу. Вскоре распространилось известие о беременности императрицы, и ликование по этому поводу вытеснило воспоминание о печально завершившемся празднике.

### III

**М**еттерних, естественно, прибыл в Париж не только для развлечений. Его главная задача, как и прежде, заключалась в том, чтобы умили-вить победителя, попытаться смягчить тяжкие условия мира, на сей раз Шёнбруннского, выторговать у зятя кайзера уступки для «папы Франсуа» (так не без иронии именовал Наполеон своего тестя, который был всего лишь на год старше его). От Наполеона хотели получить обратно Триест — даже при условии, что там останется французский гарнизон, Фиуме, Порто-Ре, т. е. вернуть хотя бы часть Адриатики (или Иллирии). Надеялись на более благоприятные условия торгового договора.

На сей раз Наполеон не стал форсировать ход событий, будучи уверен, что Австрия у него в руках. Меттерних, который собирался провести в Париже не более шести недель, пробыл шесть месяцев. От обсуждения территориальных проблем Наполеон уклонился, заявив, что нет смысла их обсуждать до мира с Англией. Он предпочитал говорить о перспективах франко-австрийского союза, широких проблемах международных отношений, тем более что собеседник для этого был подходящий.

Хотя стратегия Меттерниха не отличалась последовательностью, все же через обычные для него сомнения и колебания прослеживается линия на долгосрочное сближение с Францией. С одной стороны, он весьма реалистически оценивает глобальную политику императора французов: «Мы не питаем иллюзий на то, что брак с австрийской принцессой побудит императора Наполеона отойти от системы завоеваний»<sup>41</sup>. Но вместе с тем Меттерних выражает надежду, что кайзер Франц своим достоинством, спокойствием, приверженностью к правовым нормам сможет «внести элементы умеренности в судьбы Европы»<sup>42</sup>.

Наполеон искусно играет на антироссийских настроениях Меттерниха, много говорит об экспансионистских намерениях России на Балканах. При этом он хорошо отзывается о царе, но сетует на его окружение. Демонстрируя

доверительное отношение к Меттерниху, Наполеон признается ему, что сожалеет о данном царю обещании насчет Дунайских княжеств, и намекает австрийскому министру на возможность признания интересов его страны в Сербии. Затем он уже без обиняков говорит: «Сербия должна принадлежать вам»<sup>43</sup>. Наполеон испытывает Меттерниха мыслью о далеко идущем сближении: «семейный союз — это, конечно, много, но далеко не все»<sup>44</sup>. Как обычно, Клеменс уходит от четкого ответа. Предельно осторожен он и по отношению к России: «Нам нужно держаться подальше от ненужных осложнений с Россией»<sup>45</sup>.

Поскольку брачный союз не дал Австрии ощутимых реальных выгод, его творец ищет более отвлеченные аргументы в пользу своего дела: «брак эрцгерцогини — это гарантия для Австрии, которую нельзя заменить ничем другим»<sup>46</sup>. «Без этого союза, — по утверждению Меттерниха, — австрийское государство, может быть, уже затонуло или по меньшей мере было бы в полном упадке. Не менее очевидно, что эпоха брака позволяет нам предотвратить угрозу поражения или противиться ему»<sup>47</sup>. Если бы не брак, Австрия была бы не в состоянии противостоять узурпаторским устремлениям России, направленным против «надежнейшего и лучшего соседа» Австрии — Турции. Не добившись практически зримых результатов в Париже, Меттерних все же делает хорошую мину. «Наша главная цель, — пишет он Францу, — как можно точнее представить себе намерения Франции, и я лщу себя мыслью, что этой цели мне удалось достичь».

Конечно, это не было главной его целью. Но что оставалось делать, если Наполеон оказался неуступчивым. Были, правда, отсрочены на 8 месяцев платежи по контрибуции. С учетом возможного союза Наполеон снял ограничения в 150 тыс. человек для австрийской армии. Удачнее были решены личные проблемы: Наполеон снял секвестр с владений Меттерниха и Шварценберга, что вызвало недовольство среди множества прочих пострадавших. Меттерних увозил с собой из Парижа мраморный бюст императора французов, гобелен и роскошный севрский сервиз, по поводу которого князь де Линь высказался так — *service pour service* (сервиз за службу).

Намного важнее, чем официальные переговоры, было для Клеменса интенсивное личное общение с Наполеоном. Ни один роман, ни одно политическое событие, может быть, за исключением Французской революции, не повлияли на него так сильно и глубоко, как эти многочасовые беседы, часто с глазу на глаз, с самой грандиозной личностью эпохи. В депешах Клеменса Францу мелькают упоминания о трех- и четырехчасовых разговорах. У него было основание утверждать, что едва ли кто из нефранцузов так долго и непосредственно общался с Наполеоном, как он. «Разговор с ним, — писал Меттерних позднее в своем «портрете» Наполеона, — всегда был полон для меня трудно объяснимого шарма. Он выхватывал в предмете самое для него существенное, отбрасывая излишние аксессуары, развивая свою мысль предельно ясно и четко, всегда находя или придумывая самые подходящие слова. Эти беседы всегда были необычайно интересны»<sup>48</sup>.

Клеменса поражали глубокие и детальные познания Наполеона в австрийских делах, в структуре габсбургской администрации. О степени доверительности бесед императора с министром можно судить по сделанным Наполеоном признаниям о двух акциях, готовившихся в 1809 г. против Австрии. Было изготовлено на 300 млн фальшивых банкнот, чтобы подорвать финансовую систему Австрии. Кроме того, Наполеон намеревался привлечь на свою сторону венгров, предоставив гарантии незыблемости их конституции. Кстати, он дал важный совет Меттерниху, которому тот, правда, не последовал: «Если вы не осуществите в Венгрии реформы, вы никогда не будете сильны»<sup>49</sup>.

Легче понять интерес Меттерниха к Наполеону, чем интерес императора французов к австрийскому министру. Бесспорно, Меттерних был блестящим собеседником — остроумным, хорошо осведомленным в политике, обладавшим приличными познаниями в естественных науках. Но главное все же не в этом. Объяснение можно найти у Бальзака, который тонко подметил важную черту в характере Наполеона: «Победы над аристократией нередко льстили самолюбию императора не меньше, чем выигранные битвы»<sup>50</sup>.

Общение с Меттернихом, его обольщение было для Наполеона одной из форм самоутверждения в монархическо-аристократическом мире. И нельзя не признать, что ему удалось добиться успеха, хотя это можно сравнить с одной из проходных его побед, а не с Аустерлицем. Тема «Меттерних и Наполеон» в психологическом плане не менее интересна, чем в политическом. Она пройдет контрапунктом через всю книгу, так как наполеоновская тема неотступно сопровождала Меттерниха на протяжении его долгой жизни.

Есть основания полагать, что под нажимом и обаянием Наполеона Меттерних при обсуждении вопроса о франко-австрийском союзе зашел несколько дальше, чем признавал это в письме Францу I<sup>51</sup>. Наполеон приоткрыл ему свои планы, да и догадаться было нетрудно, что впереди борьба двух гигантов — Франции и России. От тревог и перспектив могла закружиться голова.

Пока Клеменс без видимых успехов пребывал в Париже, Вена переполнилась недовольством против него. Активизировалась «русская партия», к ней примкнул и Франц Георг, которого сын оставил временно исполнять обязанности министра. Наверное, он не мог забыть дней, проведенных в качестве заложника французов, не мог противостоять давлению аристократических кругов, была и обида за Охсенхаузен. Но, пожалуй, главной силой антинаполеоновской партии являлись венские дамы, которые в 1809 г. были смертельно оскорблены угрозой Наполеона отдать их в руки французских тамбурмажоров. К ним относилась и императрица Мария Людовика. Была и антинаполеоновская «русская партия» из проживавших в австрийской столице российских аристократов. Ее признанным вождем, как писал британский историк А. Сесиль, был один из богатейших вельмож граф А. Разумовский, а «королевой» — княгиня Багратион<sup>52</sup>.

В отсутствие министра в Вену был направлен российский генерал и дипломат граф П. А. Шувалов с собственноручным посланием Александра I Францу I.

Шувалов был зятем князя Дитрихштейна, можно сказать, был своим человеком в Вене. Российская императрица-мать хотела бы выдать великую княжну Анну, в чьей руке было отказано Наполеону, за австрийского наследного принца Фердинанда. И Шувалову было поручено прозондировать почву, насколько реально эта идея.

Долгое отсутствие Клеменса существенно повлияло на обстановку в Вене. Шувалов мог быть весьма доволен приемом, оказанным ему Меттернихом-отцом. Переговоры вращались главным образом вокруг вопроса о Дунайских княжествах. Но, как известно, Франц Георг не любил торопиться, дело приняло затяжной характер. Между тем французский посол граф Отто начал бить тревогу; в начале июля 1810 г. он сообщил, что в Вене готовится большой заговор против графа Меттерниха. Вызывала сомнение и позиция Франца I. Поговаривали о министерском кризисе. На место Клеменса прочили графа Заурау. К месту, оставленному сыном, прикипел и Франц Георг. Злейший враг Меттерниха, бывший посол в Лондоне граф Штаремберг считал, что госканцлером должен стать граф Траутсмандорф. А Клеменс пусть остается в Париже в качестве посла. Все же Франц I сохранил верность отсутствующему министру и не дал его отцу полномочий на переговорах с Шуваловым<sup>53</sup>.

Сразу же по приезде в Вену (10 октября 1810 г.) Меттерних, не мешкая, мчитя в Штирию, где находился Франц. Он рисует своему кайзеру радужные перспективы сближения с Францией, вместе с тем низко оценивает царя и его окружение. Ему не так уж трудно убедить Франца в эгоизме царя, отхватившего за формальное участие в войне 1809 г. на стороне Франции австрийскую Галицию. Вообще, какую пользу можно ожидать от союза со страной, где малодушный властитель и неспособные советники<sup>54</sup>? Австрия, уверяет Клеменс императора Франца, единственная в Европе страна, которая (естественно, благодаря ему, Меттерниху) может исходить в своих действиях из точного знания планов Наполеона. Поэтому было бы неумно связывать себе руки, ограничивать свободу выбора решений в преддверии великих событий.

Взяв в свои руки переговоры с Шуваловым, Меттерних заявил, что он за сохранение целостности Турции и негативно относится к планам России насчет Дунайских княжеств. Предложение Шувалова о союзе было воспринято им как попытка вбить клин между Австрией и Францией. Не помогли уверения Шувалова, что он действует по личному указанию царя через голову министра иностранных дел Румянцева и посла Штакельберга. Франц I полностью одобрил позицию Меттерниха. Он был не против принять приглашение зятя и побывать в Париже. Мария Людовика с трудом удержала его. Она была против заманчивого вояжа по двум причинам: состояние здоровья и опасения (небезосновательные), что ее супруг может попасть под могучее влияние Наполеона.

Поскольку Меттерних не подписал союза с Францией, Наполеон продолжал оказывать на Австрию сильное давление, чтобы подтолкнуть ее к решению. В начале апреля 1811 г. между Наполеоном и австрийским послом Шварценбергом состоялся обстоятельный разговор. Наполеон нарисовал собеседнику пу-

гающую картину военных приготовлений России и в лоб задал вопрос о позиции Австрии на случай войны. Когда Шварценберг попытался отделаться словами о стремлении его страны к миру, Наполеон развил перед ним три альтернативы для Австрии: 1) союз с Россией, сулящий серьезные опасности; 2) нейтралитет, не дающий ощутимых выгод; 3) союз с Францией, открывающий соблазнительные перспективы<sup>55</sup>. Австрию, уверял Наполеон, не должно пугать восстановление Польши, ведь и Мария Терезия пошла на раздел этой страны неохотно. Наполеон подчеркнул, что он отнюдь не является Дон Кихотом, сражающимся ради Польши. В Польском королевстве он видит не цель, а средство. Если Австрия лишится Галиции в пользу Польши, то она получит достойную компенсацию. Почувствовав очевидное замешательство Шварценберга, Наполеон заговорил о своих мирных намерениях, что у него нет намерения погнать в бескрайних русских степях<sup>56</sup>.

Уклончивость австрийского посла разозлила императора, и дружеские советы стали перемежаться угрозами. Концовка беседы была в духе мелодрамы. Со слезами на глазах Наполеон произнес: «Мы теперь одна семья, и император Франц однажды станет защищать моего ребенка, как своих собственных детей»<sup>57</sup>. Кстати, это была серьезнейшая ошибка корсиканца Наполеона, высоко ставившего семейно-династические узы и ожидавшего того же самого от тестя.

До знаменательной беседы Наполеона со Шварценбергом Меттерних исходил из того, что император французов на ближайшее время все-таки заинтересован в мире. Теперь же, когда запахло близкой войной, ставки в дипломатической игре стали выше. Он хотел потянуть с ответом, выяснить, на какую компенсацию можно рассчитывать за Галицию. Наполеон легко разгадал маневр австрийцев и сам стал уклоняться от встреч с «семейным посланцем».

В Париже им был обласкан посланец царя граф Чернышев. Тем самым Наполеон стремился убить двух зайцев: успокоить Россию и припугнуть Австрию. Видя потепление во франко-русских отношениях, Меттерних пишет в Париж Шварценбергу, чтобы тот дал понять Франции, будто смена настроения в Петербурге объясняется благотворным влиянием Австрии. Это становится излюбленным приемом его дипломатии. Так он поступил и в Константинополе, приписав себе изменение в поведении России по отношению к Турции<sup>58</sup>.

Внутренне Меттерних все больше склоняется к определенному выбору. Это видно из его письма Францу от 25 апреля 1811 г., когда уже были получены и проанализированы депеши от Шварценберга, в которых излагалась его беседа с Наполеоном. Теперь Наполеон потребовал от Австрии не нейтралитета, а активного участия в грядущей войне. И Меттерниха тоже интересуют практические вопросы: 1) что понимать под эквивалентом Галиции; 2) на что можно рассчитывать в случае успеха французов. Австрийские притязания Меттерних, естественно, подкреплял ссылками на необходимость соблюдения баланса сил в Европе: «В случае совместных действий с Францией мы имеем право на приобретения. Уже исходя из прироста мощи Франции и ее союзников и компенсации за наши совместные усилия»<sup>59</sup>.

Переговоры в Париже становятся на практическую, конкретную основу. Они идут в глубочайшей тайне. Не посвящен в нее даже французский посол в Вене. Новый французский министр иностранных дел Маре настолько бесцеремонен, что Шварценберг выразил обеспокоенность по поводу употребляемых им резких оборотов речи. На это Маре с грубой откровенностью заявил: «Франция уже не опасается, что Австрия окажется во враждебном лагере»<sup>60</sup>. Французский министр мог чувствовать себя тем увереннее, что предложил Австрии лакомую приманку. Компенсацией за Галицию могла быть Силезия, потерянная Марией Терезией в результате изнурительных войн с Фридрихом II. Правда, Силезия входила в состав Пруссии, но решение, как подчеркнул Маре, зависит от Франции.

Меттерних доволен появлением такого варианта, однако, по его мнению, этого мало. Австрия выигрывает в количестве подданных, но теряет плодородные земли. Поэтому он хотел бы сохранить галицийские владения, входившие в императорский домен, а также полосу земли вдоль венгерской границы. Кроме того, австрийцы не отказались от претензий на Иллирию.

Сравнительно умеренный, неторопливый темп переговоров устраивал Меттерниха. В таких условиях он чувствовал себя увереннее, чем в ситуации цейтнота. Но тыл у него все еще был недостаточно надежен. Оппозиция не сложила оружия. Еще осенью 1811 г. Наполеон опасался за участь Меттерниха. Против него такой могущественный враг, как министр финансов граф Валлис. Другой его противник — барон Балдаччи действовал вместе с российским послом Штакельбергом. Лучшей альтернативой Меттерниху они считали Штадиона, но поскольку понимали, что Франц I едва ли пойдет на такую рокировку, то сошлись на кандидатуре «серой лошадки», графа Врбны.

Несмотря на свою самоуверенность, Клеменс все же обеспокоен очередным всплеском активности оппозиции. Ему важно получить максимальную свободу маневра и право на оперативное принятие решений. Следует испытанный прием — обращение к императору, который в принципе неохотно идет на уменьшение собственных прерогатив. Важен с этой точки зрения пассаж из доклада Меттерниха Францу I от 28 ноября 1811 г., не вошедший в текст документа, опубликованного в восьмитомном наследии канцлера: «Никто не может сказать, надолго ли останутся в руках бразды правления, которые удастся удерживать в течение двух лет вопреки нападкам со всех сторон. Между тем наступает время, когда новый мировой пожар грозит уничтожить остатки старого порядка и поставить человечество перед непредвидимым будущим». И затем Меттерних переходит к самому главному: «Государственный деятель, на которого возложено ответственное руководство делами в такой час, должен знать, может ли он надеяться на поддержку монарха, или же уступить место своим противникам»<sup>61</sup>.

В опубликованном тексте доклада Меттерних приходит к выводу, что настал момент выбора: «Мы достигли предела и нам не остается более ничего, как стать на ту или иную сторону в неизбежной войне»<sup>62</sup>. Победу России канцлер

считает маловероятной при слабом правлении Александра I. Россия, «вероятно, опять будет отброшена в степи Азии»<sup>63</sup>. У него нет сомнений в том, что война начнется в следующем, 1812 году, и не Россия окажется атакующей стороной. Если удача будет сопутствовать французскому оружию, то появится Польша, а Пруссия окончательно перестанет быть державой первого ранга. Хотя Россия имеет мало шансов на успех, такая перспектива страшит гораздо больше, чем предполагаемый триумф Наполеона: «...в случае победы России ее преобладание было бы еще грандиознее, чем Франции в сегодняшней ситуации»<sup>64</sup>. «Если мы не присоединимся ни к одной из сторон, — убеждает Меттерних нерешительного Франца, — то монархии угрожает верное и неизбежное падение»<sup>65</sup>. Канцлер ставит перед императором альтернативу: нейтралитет предпочтительнее в случае неудачного исхода для Франции, но активный курс дает единственный шанс на существование при условии победы французов.

В своей резолюции кайзер Франц нашел «целесообразной» второй вариант и предоставил Меттерниху требуемые полномочия с одной лишь оговоркой: придерживаться предельной экономии в финансовых вопросах. Тем не менее Клеменс вскоре добился отставки Валлиса и провел финансовую реформу по своему усмотрению.

Благодаря одобрению линии Меттерниха Францем I переговоры в Париже получили новый импульс. Кроме того, Шварценберг, приехавший в Вену, чтобы поддержать шефа в его изнурительной борьбе с антифранцузской оппозицией, получил подробнейшие инструкции. Меттерниха теперь стали подстегивать опасения насчет поведения Пруссии, которая могла опередить австрийцев и тем самым заблокировать их притязания на Силезию. Отсюда и весьма двусмысленное поведение Меттерниха во время конспиративной встречи с прусским генералом Шарнхорстом. Чтобы не привлекать внимания французов, тот прибыл в Вену под чужим именем в конце 1811 г. Его целью было прежде всего выяснить намерения соседней державы, а также посоветоваться насчет позиции в надвигающейся войне. Трудно было придумать более неподходящего для Меттерниха партнера, чем поборник реформ и враг Наполеона Шарнхорст. Совет Меттерниха, по меньшей мере, можно назвать двусмысленным, а точнее было бы — провокационным: союз с Францией неизбежно приведет Пруссию к руинам, а союз с Россией дает какой-то шанс на спасение<sup>66</sup>.

Г. фон Србик хотел бы представить дело таким образом, что Меттерних, убеждая пруссаков присоединиться к России, надеялся остановить Наполеона, так как эти две страны и нейтральная Австрия могли бы создать заслон против Франции. Но к этому времени Меттерних уже практически сделал выбор, и ни о каком нейтралитете не могло быть и речи. Ближе к истине те исследователи, которые полагают, что Меттерних, подталкивая Пруссию в антинаполеоновский лагерь, рассчитывал при дележе добычи получить от Наполеона Силезию. Но прусский король не рискнул последовать коварному совету и поспешил заключить с императором французов оборонительный и наступательный военный союз (24 февраля 1812 г.), опередив тем самым австрийцев.

Шварценберг к тому времени все еще продолжал переговоры по-прежнему в глубокой тайне; не привлекались даже секретари для ведения протоколов. Атмосфера накалилась из-за вопроса о том, кто будет командовать австрийским вспомогательным корпусом во время русского похода. Наполеону хотелось видеть на этом посту эрцгерцога Карла, причем не только из-за его полководческих качеств, но из-за принадлежности к императорскому дому, что придавало бы больший вес участию Австрии в войне.

Однако эта кандидатура была нежеланна для Меттерниха, враждебно относившегося к Карлу. Наполеон настаивал на своем. Казалось, дело дойдет до разрыва. Но обстановку разрядил сам Карл, отказавшийся от предложенной ему императором французам чести. Он сослался, в частности, на то, что ему не подobaет командовать армией менее 100 тыс., а австрийский корпус должен был состоять всего из 30–35 тыс. солдат.

Затем последовал упорный торг из-за того, какую часть Иллирии должна была получить Австрия в качестве компенсации за Галицию. Наконец, 14 марта франко-австрийский договор был подписан. Нельзя не признать, что Меттерниху удалось заключить союз на более благоприятных условиях, чем Пруссии. Австрия все же выступала, по крайней мере формально, в качестве равноценного партнера. Конечно, не в такой мере, как в 1756 г., но все же статус ее был выше по сравнению с прочими союзниками-вассалами Наполеона. Возможно, сказались и последствия австрийского брака.

Меттерних пытался создать впечатление, что переговоры с Францией, да и сам договор, носят вынужденный характер, что у него и у Австрии нет иного выхода. Тем самым он надеялся смягчить отношение к своей политике со стороны влиятельных венских аристократических кругов, а еще больше со стороны России и Англии. Хотя шансы Российской империи он расценивал крайне низко, все же, будучи верен себе, он не хотел сжигать корабли. Ответственность за то, что не сложился антинаполеоновский союз, Меттерних сваливал на Россию. Так, он жаловался прусскому дипломату В. фон Гумбольдту, что слепое предубеждение российского императора против Австрии вынудило ее пойти на союз с Францией<sup>67</sup>. Меттерних ссылался на неразбериху в российской дипломатии: царь тянет в одну сторону, министр иностранных дел Н. П. Румянцев, пользовавшийся репутацией франкофила, — в другую, гофмаршал Р. А. Кошелев, расположенный в пользу Вены, — в третью. Связавшись с такой державой, можно довести до руин собственную монархию<sup>68</sup>.

Определенные основания для подобных рассуждений у Меттерниха были. Российский историк Н. К. Шильдер отмечал «особенную обстановку» в коллегии иностранных дел: «Шифрованные депеши иностранных миссий, которые удавалось перехватить, равно как подобные же депеши наших посольств, поступающие к графу Румянцеву, нисходили от него в обыкновенном порядке в экспедицию для дешифровки; но здесь Бек (глава экспедиции. — П. Р.), вместо того чтобы представлять свои переложения канцлеру, отсылал их на основании секретно объявленной ему Сперанским высочайшей воли сперва государю...



Государь, прочитав переложения, собственноручно вычеркивал из них все, о чем не желал ставить в известность графа Румянцева, и уже тогда переписанные вновь с указанными пропусками они представлялись последнему от Бека под видом полных дешифровок, а затем канцлер... подносил сокращенные переложения государю, который делал вид, будто содержание их совсем ново для него»<sup>69</sup>.

Все это, впрочем, типично для кабинетной дипломатии. Сам Меттерних не уловил, что царь таким образом стремится соединить все важные нити внешней политики исключительно в своих руках. На это обстоятельство указывает другой российский историк — великий князь Николай Михайлович: «Советник русского посольства в Париже пишет, помимо князя Куракина, государственно-му секретарю Сперанскому; Р. А. Кошелев находится в непосредственной переписке с русским посланником в Вене графом Г. О. Штапельбергом и австрийским поверенным в делах Сен-Жюльеном, опять-таки помимо канцлера, и все докладывается Кошелевым непосредственно императору. Способ особый, но он присущ императору Александру I»<sup>70</sup>.

Об этом писал Меттерниху и Сен-Жюльен, однако австрийский канцлер недолюбливал и недооценивал этого дипломата. Он охотно заменил бы его своим фаворитом, действительно весьма одаренным, Л. И. Лебцельтерном, но не хотел нервировать русских, потому что Сен Жюльен стал своим человеком в окружении царя. К отношениям Меттерниха с Александром I придется обращаться еще не раз. Перу австрийского канцлера принадлежит специальный очерк о царе. Он изучал его психологию, но нередко допускал ошибки, обусловленные недооценкой способностей Александра I. Так было и в канун войны 1812 г. В России же Меттерниха, несмотря на все его усилия изобразить сближение с Францией как вынужденное дело, воспринимали довольно враждебно. Этому же способствовали интриги канцлера с целью воспрепятствовать браку кронпринца Фердинанда с великой княжной Анной, когда российская сторона вновь стала проявлять инициативу. Кроме того, Меттерних сыграл решающую роль в срыве еще одного матримониального проекта, в котором была заинтересована российская императорская семья. Сестра жены царя Амалия Баденская питала надежды на брачный союз с эрцгерцогом Карлом. Тот сначала не проявлял к этому особого интереса. Но как только брат кайзера решился, в дело вмешался Меттерних. Подобный брак, по его мнению, укрепил бы позиции эрцгерцога, которого канцлер считал своим заклятым врагом. Контролируя переписку принцессы Амалии, Меттерних распространял компрометирующие ее сплетни, старался поссорить с ней австрийское императорское семейство. В конечном счете ему удалось сорвать брак.

Клеменс чувствует себя настолько уверенно, что наносит удар и по членам императорской семье, прежде всего по императрице Марии Людовике. Ее влияние на Франца ослабло. Из-за тяжелой болезни ей трудно выполнять супружеские обязанности, что раздражало «добротного кайзера» Франца. Есть свидетельства о том, что при всей своей строгой нравственности кайзер находил утеше-

ние на стороне: ему подыскали здоровую, проверенную императорским врачом женщину скромного происхождения<sup>71</sup>. После некоторых колебаний Франц I дал Меттерниху санкцию на перлюстрацию писем жены, а тот рассеял страхи и сомнения главы полиции барона Хагера. Особое внимание было уделено переписке Марии Людовики с братом Франца палатином Венгрии Иосифом, чья покойная жена была сестрой царя. Он поддерживал постоянную связь с тещей, императрицей-матерью Елизаветой Федоровной. Интеллектуально намного превосходивший брата-кайзера, Иосиф был для Марии Людовики интересным собеседником, человеком, которому она могла излить душу. О том, что и сама она была натурой незаурядной, свидетельствует ее общение с Гете.

Меттерних пытается создать у Франца впечатление о том, что между императрицей и палатином существуют интимные отношения. Хотя Франц не сомневался в супружеской верности Марии Людовики, но оказался серьезно настроен против жены. Составленная Меттернихом подборка из ее переписки содержала весьма нежелательные характеристики самого кайзера, кронпринца Фердинанда, Марии Луизы. Меттерних также искусно посеял у Франца подозрения насчет связи императрицы с «русской партией»<sup>72</sup>. Недовольство Франца I вызвало стремление палатина считаться с венгерской самобытностью, сохранить конституцию Венгрии. Его подозревали в намерении стать с помощью царя королем Венгрии, именовали его «новым Ракоци»<sup>73</sup>.

На политике канцлера по отношению к России всегда лежала тень страха перед новым Тильзитом или Эрфуртом. Сен-Жюльену в феврале 1812 г. было дано указание самым внимательным образом следить за тем, нет ли каких-либо признаков подготовки к встрече русского царя и императора французов<sup>74</sup>.

По мере приближения к войне Париж все дружелюбнее относится к Вене. Австрийцам дали понять, что их стране будет отведено важное место в новой европейской системе. После разгрома России Франция направит свои силы на морскую войну против Англии, а Австрия станет стражем континента. От такой перспективы у Меттерниха и Шварценберга захватывало дух, хотя они не забывали выторговывать и мелкие уступки или, точнее, обещания, векселя, расчет по которым предполагался в недалеком будущем, когда Наполеон одержит очередную победу.

Кульминацией франко-австрийского сближения явилась встреча Наполеона и Франца I в Дрездене 17–19 мая 1812 г. В самый канун похода на Россию император французов избрал этот город для своеобразного смотра своих союзников-вассалов. Особое значение он придавал приезду тестя, «папы Франсуа». На этот раз Марии Людовике не удалось удержать мужа. Приманкой для Франца была встреча с Марией Луизой, которую Наполеон взял с собой. Меттерних надеялся, что Мария Людовика поддастся чарам Наполеона, и тогда ему легче будет проводить свой курс. Однако его ожидания не оправдались. Несмотря на все старания корсиканца, Мария Людовика устояла.

Зато кайзер Франц окончательно попал под влияние зятя. Он готов был идти за ним хоть на край света, что казалось совершенно невероятным, учитывая

его обычную сдержанность, незмоциональность его натуры. К изумлению своего канцлера, Франц I собрался сопровождать Наполеона в предстоящем походе. Меттерниху пришлось объединить усилия со своей ненавистницей Марией Людовиковой, чтобы удержать распалившегося кайзера.

Сам Меттерних высоко оценивал результаты встречи. «Как я и предвидел (один из любимых его оборотов. — П. Р.), — писал он «верному» Гуделисту, — Наполеон пустил в ход все свое кокетство по отношению к нашему монарху. Оба императора абсолютно довольны друг другом, и наше пребывание здесь будет иметь самые плодотворные последствия»<sup>75</sup>. Как замечает швейцарский историк Э. Корти, Меттерних был «более уверен в победе Наполеона, чем тот сам»<sup>76</sup>.

Но Меттерних не был бы самим собой, если бы не попытался подстраховаться на случай, пусть самый маловероятный, неудачи. В глубочайшей тайне через генерала Нюджента он пытается успокоить англичан. Встречаясь с представителями Пруссии и России Гумбольдтом и Штакельбергом, Меттерних убеждает их, что франко-австрийский договор направлен на сохранение мира<sup>77</sup>. Своему, можно сказать, специальному посланнику в России Лебцельтерну Меттерних поручил успокоить русских через посредство слывшего другом Австрии Кошелева. Хотя Сен-Жюльен затребовал свои паспорта вслед за французским послом в Петербурге Лористоном, это не было полным разрывом отношений. Он просил разрешения оставить в российской столице секретаря посольства. Сен Жюльену сначала тоже предложили остаться в Петербурге в качестве частного лица. Царь, правда, вопреки Кошелеву, был против сохранения связей с Австрией после разрыва дипломатических отношений, но Меттерних, объявляя России войну, дал понять Штакельбергу, что их личные отношения не меняются и тот может оставаться в Австрии, но только не в Вене, Бадене и Теплице. И действительно, российский посол Штакельберг всю войну прожил в своем доме в Граце, поддерживая постоянную переписку с австрийским канцлером<sup>78</sup>.

Чтобы смягчить российского императора, Меттерних в разговоре со Штакельбергом перед началом кампании уверял того, что Австрия будет играть исключительно вспомогательную роль, она будет создавать видимость участия в военных действиях, вести себя подобно тому, как вела себя Россия в 1809 г. Как и Россия, Австрия опасается того, что Наполеон завоюет всю Европу. Россия всегда может рассчитывать на Австрию как на друга в наполеоновском лагере, как на возможного посредника в мирных переговорах. При этом Меттерних не упустил возможности уколоть Штакельберга, напомнив, что Россия все-таки получила в 1809 г. вознаграждение за счет австрийской Галиции. Австрия же, утверждал канцлер, не претендует на чужие территории. Поскольку союзный договор с Францией перестал быть тайной, Меттерних упомянул Силезию, но подчеркнул, что Австрия примет эту территорию только в том случае, если Пруссия получит компенсацию.

Когда заговорили пушки, дипломатам пришлось умолкнуть, отойти в тень до своего часа. Меттерниху тоже оставалось ожидать вестей из России, чтобы

не упустить подходящий момент, и зорко наблюдать за внутренней оппозицией. Приближался кульминационный период его политической жизни.

---

<sup>1</sup> NP. Bd. 1. S. 83.

<sup>2</sup> Ibid. S. 85.

<sup>3</sup> Ibid. S. 86–87.

<sup>4</sup> Gentz F. von. Tagebücher. Leipzig, 1873. Bd. 1. S. 185.

Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 192–193.

<sup>6</sup> NP. Bd. 2. S. 334–335.

<sup>7</sup> Demelitsch F. von. Metternich und seine auswärtige Politik. Stuttgart, 1898. Bd. 1. S. 37–39.

<sup>8</sup> Gentz F. von. Op. cit. S. 191.

<sup>9</sup> Ibidem.

<sup>10</sup> NP. Bd. 1. S. 96.

<sup>11</sup> Ibid. S. 97.

<sup>12</sup> Ibid. Bd. 2. S. 311.

<sup>13</sup> Ibid. Bd. 1. S. 97–98.

<sup>14</sup> Grunwald C. de. Op. cit. P. 90.

<sup>15</sup> См.: Тарле Е. В. Наполеон // Соч. Т. VII. М., 1959. С. 218–223; Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 591–594.

<sup>16</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 183.

<sup>17</sup> Ibid. S. 199.

<sup>18</sup> Цит. по: Grunwald C. de. Op. cit. P. 82.

<sup>19</sup> NP. Bd. 2. S. 323.

<sup>20</sup> Ibid. S. 326.

<sup>21</sup> Ibidem.

<sup>22</sup> Metternich — Sandor P. Geschehenes, Gesehenes, Erlebtes. Wien, 1920. S. 25.

<sup>23</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 219.

<sup>24</sup> Цит. по: Grunwald C. de. Op. cit. P. 96.

<sup>25</sup> Ibidem.

<sup>26</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 221–222.

<sup>27</sup> Ibid. Bd. 2. S. 149.

<sup>28</sup> Ibid. Bd. 1. S. 222.

<sup>29</sup> Ibid. S. 226.

<sup>30</sup> Grunwald C. de. Op. cit. P. 88.

<sup>31</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 243.

<sup>32</sup> Ibid. S. 231.

<sup>33</sup> Ibid. S. 250.

<sup>34</sup> Grunwald C. de. Op. cit. P. 94.

<sup>35</sup> Gentz F. von. Op. cit. S. 228.

<sup>36</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 236.

<sup>37</sup> Ibid. S. 237.

<sup>38</sup> Ibid. S. 239.

<sup>39</sup> Ibid. S. 268.

<sup>40</sup> Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Спб., 1887. Т. III. С. 364.

<sup>41</sup> NP. Bd. 2. S. 328.

<sup>42</sup> Ibid. S. 338.

<sup>43</sup> Ibid. S. 369, 378.

<sup>44</sup> Ibid. S. 372.

<sup>45</sup> Ibid. S. 388.

<sup>46</sup> Ibid. S. 386.

<sup>47</sup> Ibidem.

<sup>48</sup> NP. Bd. 1. S. 277.

<sup>49</sup> NP. Bd. 2. S. 334.

<sup>50</sup> Бальзак О. де. Собрание сочинений: В 24-х т. М., 1960. Т. 2. С. 65.

<sup>51</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 277.

<sup>52</sup> Cecil A. Metternich. L., 1943. P. 123.

<sup>53</sup> Demelitsch F. von. Op. cit. S. 238–239.

<sup>54</sup> Ibid. S. 241.

- <sup>55</sup> Ibid. S. 361–362.
- <sup>56</sup> Ibid. S. 362–364.
- <sup>57</sup> Ibid. S. 367.
- <sup>58</sup> Ibid. S. 372.
- <sup>59</sup> NP. Bd. 2. S. 425.
- <sup>60</sup> Demelitsch F. von. Op. cit. S. 378.
- <sup>61</sup> Цит. по: Demelitsch F. von. Op. cit. S. 400.
- <sup>62</sup> NP. Bd. 2. S. 431.
- <sup>63</sup> Ibid. S. 429.
- <sup>64</sup> Ibid. S. 431.
- <sup>65</sup> Ibid. S. 433.
- <sup>66</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 138; Bibl V. Metternich. Der Dämon Österreich. S. 81.
- <sup>67</sup> Demelitsch F. von. Op. cit. S. 524.
- <sup>68</sup> Ibid. S. 437.
- <sup>69</sup> Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 54–55.
- <sup>70</sup> Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Пг., 1914. С. 86.
- <sup>71</sup> Bibl V. Op. cit. S. 90.
- <sup>72</sup> Corti E.C. Op. cit. S. 321–322, 344–351.
- <sup>73</sup> Bibl V. Op. cit. S. 88.
- <sup>74</sup> Demelitsch F. von. Op. cit. S. 575–576.
- <sup>75</sup> Цит. по: Corti E.C. Op. cit. S. 332.
- <sup>76</sup> Ibid. S. 336.
- <sup>77</sup> Demelitsch F. von. Op. cit. S. 596.
- <sup>78</sup> Ibid. S. 599.

## ГЛАВА IV. «...В БОНАПАРТА ГУСИНОЕ ПЕРО НАПРАВИЛ МЕТТЕРНИХ»

### I

**И**менно благодаря событиям тех примерно двух лет, о которых пойдет речь в этой главе, Меттерних был вознесен историей до уровня вершителей судеб Европы. Ему приходилось гораздо чаще приравниваться к обстоятельствам, чем подчинять их себе. Фигурой всемирно-исторического масштаба он стал не в силу собственных выдающихся качеств, а в результате противостояния, в известной степени вынужденного, такой грандиозной исторической личности, как Наполеон.

По иронии истории как раз этот самый остросюжетный и динамичный период жизни сам Меттерних постарался подогнать под свой искусственно созданный постфактум образ хитроумного врага Наполеона, сумевшего постепенно опутать гиганта почти невидимыми, но прочными сетями. Ради этого пришлось замуровать в архивах свидетельства, опровергавшие легенду о Меттернихе как последовательном, но терпеливо ожидавшемся своего часа противнике Наполеона. Основательно поработавший в архивах Э. Корти отмечал, что Меттерних поступил вразрез с собственной декларацией, заявленной в 1849 г., когда изгнанный революцией канцлер жил в Англии: «Мое страстное желание, чтобы все, что я когда-либо написал, стало достоянием гласности». На самом деле, он собственноручно делал пометки в предназначенных к печати документах, указывая, какие из них следовало публиковать, а какие опускать. Особые же усилия Меттерних прилагал к тому, чтобы заставить всех забыть, «как сильно был он привержен Наполеону до 1812 г.», и убедить, «что он будто бы никогда не верил в его звезду, а все предчувствовал и предвидел заранее»<sup>1</sup>.

Первые вести из России, казалось, подтверждали расчеты и прогнозы австрийского канцлера, правда, достигали Вены они с большим запозданием. Так, о вступлении Наполеона в Москву стало известно через 20 дней. Судьбу России Меттерних считал предрешенной, пророчил ей «утрату европейской экзистенции». После Бородинского сражения Клеменс пишет Францу: «Во всяком случае Россия будет отброшена на сто лет назад»<sup>2</sup>.

Однако он не исключает нового Тильзита, даже в том, почти невероятном, на его взгляд, случае, если царь все же одержит победу. Ведь он будет слишком слаб, чтобы продолжать войну за пределами России<sup>3</sup>. Неожиданно Наполеон требует от Австрии 80 тыс. солдат. Это было первым сигналом о неблагополу-

чии дел Великой армии. Тем не менее Меттерних не может воспринять поражение Наполеона как реальность. Его мысли все еще бьются в тильзитской колее. Под этим углом зрения он расценивает миссию Лористона, бывшего французского посла в России, отправленного теперь Наполеоном к Александру I для мирных переговоров. Изогранный ум Меттерниха подсказывает ему ход, который становится уже традиционным в его дипломатическом искусстве. Почему бы Австрии не предложить свое посредничество? Чтобы предотвратить пугающий его новый Тильзит, канцлер предлагает идею «всеобщего мира»<sup>4</sup>. Тогда Австрии и ему лично достанутся лавры спасителя Европы, а самое главное, не будет резко нарушен европейский эквилибр, не успеют поднять голову опасные подрывные силы, проникнутые революционным и национальным духом.

Через своего «верного» Флоре Меттерних спешит поделиться с французским министром иностранных дел Маре своей «прекрасной мечтой». Клеменс предлагает собственные услуги в качестве посредника-умиротворителя. Он готов немедленно отправиться в самый отдаленный уголок России<sup>5</sup>. Идею австрийского канцлера французский министр воспринял весьма одобрительно, но сожалел, что без участия Англии мирный процесс не будет носить всеобщего характера, а вовлечь упрямых британцев в это дело вряд ли удастся.

К тому же Маре и дипломатическому корпусу по распоряжению Наполеона пришлось срочно перебираться в Варшаву, где после потери Великой армии временно обосновался император. Там же оказался и Флоре. В депеше, адресованной ему (от 9 декабря 1812 г.), Меттерних чувствует себя увереннее. Великой армии больше нет, цена победы для России тоже достаточно велика, Австрия, похоже, обретает свободу рук. Складывается ситуация, которую Меттерних прогнозировал и обсуждал с Талейраном еще во времена своего парижского посольства.

Но с неожиданной стороны вдруг раскрылся русский царь, тот самый, которого Меттерних считал неспособным противостоять гиганту. Тревогу вызывало стремление царя использовать «силу и взлет национального воодушевления»<sup>6</sup>.

Пока Меттерниха больше занимает проблема всеобщего умиротворения, которое обеспечит Австрии почетное место в Европе, чем вопрос — на чью сторону стать. Канцлер всячески подстегивает формирование новых полков и дивизий, чтобы быть не просто посредником, а арбитром. От обилия вариантов, множества комбинаций опять прямо-таки кружится голова.

Заверяя в преданности французов, Меттерних начинает оказывать на них давление. В тайной депеше Флоре он дает указание, чтобы тот намекнул Маре, что Россия сулит Австрии золотые горы, а Англия готова предоставить ей субсидию в 10 млн. Флоре поручено сказать французам, чтобы они не вводили войска в Галицию, так как это может спровоцировать русских<sup>7</sup>. К Наполеону был отправлен один из искуснейших австрийских дипломатов граф Бубна, пребывавший в незаслуженной опале у императора Франца.

Наполеон готов выслушивать мирные идеи и планы, но лишь для того, что-

бы требовать от австрийцев платежей по векселям союза 14 марта 1812 г. Ему нужны пехотинцы и кавалеристы, особенно лошади взамен погубленных в России. Дополнительно к корпусу Шварценберга он требует 30 тыс. пехоты и 12 тыс. кавалерии<sup>8</sup>.

20 декабря 1812 г. корпус Шварценберга продвигается к Варшаве, чтобы воспрепятствовать пруссакам, вторгнуться вглубь территории великого герцогства Варшавского. О позиции Шварценберга можно судить по таким его словам: «Чем больше оба колосса взаимно ослабят друг друга, тем лучше»<sup>9</sup>. С солдатской грубоватостью он высказал то, что было теперь на уме у Меттерниха. К русским с миссией, аналогичной миссии Бубны у французов, он посылает графа Штадиона. Тому легче найти общий язык с царем, он всегда принадлежал к «русской партии». Одновременно Клеменс избавлялся от опасного соперника, так как его позиции сильно ослаблены из-за поражения Наполеона, и венские враги могли бы попытаться заменить его Штадионом.

Хотя Меттерних еще не собирается разрывать союз с Наполеоном, но от союза он все явственнее дрейфует к посредничеству. Линию барона Штейна и других прусских патриотов, взывавших к немецкому национальному чувству, к мести, Меттерних решительно отвергал. Обращение к массе — игра с огнем, таящая непредсказуемые угрозы для монархов. В депеше, адресованной Н. П. Румянцеву, Штакельберг, ссылаясь на мнение Меттерниха об опасности народных движений, отмечает, что подобный взгляд разделяет и баварский посланник граф Рехберг: «Оба считают, что эта палка о двух концах. Они опасаются того, что, отпустив однажды поводья, правительства окажутся не в состоянии снова взять в свои руки бразды правления и что, единожды усвоив эту школу, немцы могут стать опаснейшими последователями только что обузданных французских якобинцев»<sup>10</sup>.

Национально-революционный подъем для Меттерниха неизмеримо опаснее Наполеона. Политика — дело немногих избранных. Не нужно ничего героического. Только верные средства. Предстоит захватывающая шахматная партия, а если точнее, нечто вроде сеанса одновременной игры на нескольких досках сразу. Это требует напряжения всех интеллектуальных и нервных потенций. Ему противостоит множество внешних противников и соперников, а кроме того, плетут заговоры и в самой Австрии.

В конце января 1813 г. Меттерних заполучил письмо эрцгерцога Иосифа (его переписка все еще была под контролем) к его теще, императрице-матери Елизавете Федоровне. Вице-король Венгрии жаловался на то, что его брат следует неверным советам. «Тягостнее всего, — писал он, — видеть, что мы боремся за чуждое для нас дело, против наших естественных союзников»<sup>11</sup>. Палатин Иосиф ссылаясь при этом на единство взглядов с императрицей Марией Людовикой. Об этом канцлер и кайзер уже знали. Меттерних надеялся, и не зря, что Франца выведут из себя заключительные слова письма: «Императрица, мои братья и все разумные люди придерживаются такого же мнения». На всякий случай Меттерних даже сочинил за Франца письмо непокорному брату. Хотя



письмо отослано не было, но император при всей внешней невозмутимости за- таил зло на братьев. Канцлер тем самым в какой-то мере подстраховал себя с этой стороны.

Французский посол граф Отто 20 февраля сообщал о покушении на Меттерниха. Два офицера напали на него, когда он возвращался из «одного дома» (предположительно от Е. Багратион, которая оставалась в Вене во время войны). Покушавшиеся были схвачены<sup>12</sup>. Подозревали, что нити покушения тянулись от «русской партии».

Брат императора эрцгерцог Иоанн начал готовить выступление в западной части Австрии, чтобы народным восстанием в духе Штейна подтолкнуть императора Франца на решительные действия против Наполеона. Предполагалось сформировать «Альпийский союз» из патриотически настроенного населения. Как обычно, среди заговорщиков нашелся предатель и выдал своих товарищей Меттерниху. Среди главных организаторов сорвавшегося выступления оказался директор венских архивов И. Хормайр, заклятый враг Меттерниха, который позднее напишет буквально уничтожающую биографию канцлера.

Нити заговора, естественно, тянулись к Англии. Хормайр был связан с английским дипломатическим агентом Дж. Х. Кингом. Англичанин обещал деньги и помощь британских военных кораблей в Адриатике. Были контакты и с русскими, готовилось покушение на Меттерниха, в котором видели союзника Наполеона.

Ответные меры последовали незамедлительно. На курьера, отправленного Кингом к послу Каткарту в Петербург, в ночь с 25 на 26 февраля напали «уличные грабители», избили, отобрали сумку с бумагами. Так были получены необходимые улики. Хормайра арестовали, а эрцгерцог Иоанн был вызван в госканцелярию, где получил выволочку от брата-императора, припомнившего ему и былые провинности. Однако в Вене многие видели в противниках ненавистного министра героев. Кайзер же Франц в противовес антиметтерниховским настроениям возвел своего министра в звание канцлера Ордена Марии Терезии, которого не достаивался никто после смерти Кауница. Насколько силен был антиметтерниховский синдром, свидетельствует то обстоятельство, что он задел даже Шварценберга.

Хотя корпус под его командованием и пропустил русские войска через контролируемую им территорию, чем вызвал гнев Наполеона, поведение австрийцев, а точнее Меттерниха, оставалось загадочным. Австрийский канцлер — между двух огней: Наполеон требует реальной поддержки в соответствии с договором 14 марта 1812 г., в силу династических уз, а Россия, Пруссия, влиятельные силы в австрийской империи настаивают на присоединении к шестой уже по счету антинаполеоновской коалиции.

Уклончивость, двусмысленность, постоянное лавирование Меттерниха вызывают раздражение и подозрение у обеих сторон. Российский представитель в Австрии Штакельберг писал Нессельроде 12 марта 1813 г. о своих встречах с австрийским министром: «...вопреки всем моим стараниям он избегает откро-

венности с упорством, равным моей настойчивости»<sup>13</sup>. Меттерних уверяет русских, что ломает перед Наполеоном комедию, призывает их к терпению. Бубна, в свою очередь, старается «заговорить» Наполеона, представить в желанном для него виде позицию Австрии. /

«Наша система, — откровенно писал Генц, — заключается в том, чтобы держать нос по ветру»<sup>14</sup>. Меттерних нашел весьма обтекаемое понятие «мобильность»<sup>15</sup>. Но чтобы получить необходимую свободу рук, ему следовало избавиться от сковывающих пут франко-австрийского союза. Получить вольную он задумал из рук самого Наполеона, пытаясь убедить его, что только свободная от всяких союзных обязательств Австрия будет пользоваться всеобщим доверием как посредница в деле мирного урегулирования.

Надо отдать должное проницательности британского агента Дж. Х. Кинга, который за полтора года пребывания в Австрии в значительной мере сумел «раскусить» Меттерниха. В донесениях Кинга министру иностранных дел Каслри содержатся интересные наблюдения и выводы, в частности в донесении от 5 февраля 1813 г. Непомерному тщеславию Меттерниха, считает англичанин, соответствует «амбиция» быть «умиротворителем Европы». Именно это для него на первом плане, а не восстановление древнего величия австрийского дома или сокрушительный удар по Франции<sup>16</sup>. Нереальным считает Меттерних и восстановление того эквilibра, который существовал при старом порядке. «От автора брака эрцгерцогини с Буонапарте, — продолжает Кинг, — нельзя ожидать, чтобы он по собственной воле стал разрушать дело своих рук». Но в то же самое время он не будет сожалеть, увидев, что огромное преобладание Франции уменьшилось. Отмечает Кинг и исключительную самонадеянность австрийского министра: «Он льстит себя мыслью, что благодаря изощренному искусству ведения переговоров ему удастся преодолеть любые препятствия и перехитрить всех, с кем придется иметь дело»<sup>17</sup>.

Кинг был прав, когда говорил о том, что Меттерних стремится выиграть время. Однако он допускал ошибку, приписывая творцу австрийской внешней политики пассивно-выжидательный стиль поведения. Парадоксальным образом выжидательная политика Меттерниха отличалась энергией и разворотливостью.

Меттерних в непрерывных разъездах, бесконечных переговорах с русскими, прусскими, многочисленными германскими государями, их дипломатическими представителями. Началось бегство из Рейнского союза. Средние и малые германские государства были нужны австрийскому канцлеру как противовес Пруссии, тем более что из этой страны звучали громкие призывы к национально-освободительной войне, к германскому единству. Если барон Штейн взывал к народу, то граф Меттерних стремился нейтрализовать его призывы, вербуя под австрийские знамена монархов.

Наряду с активной дипломатической деятельностью Меттерних занимается и военными проблемами. Корпус Шварценберга превращается в солидную армию численностью в 64 тыс. солдат. На подходе еще свыше 100 тыс. резерви-

стов<sup>18</sup>. Канцлер стремится быть ближе к событиям, чтобы как можно скорее, в случае надобности, вступить в контакт с любой стороной, эффективнее выполнить посредническую миссию. Он мысленно проигрывает самые разнообразные варианты, имея в виду даже такой фантазмагорический, как соглашение между русским царем и императором французов. Забегая несколько вперед, любопытно отметить, что мысль о возможности нового Тильзита не покидала Меттерниха даже в канун битвы при Бауцене (май 1813 г.).

Немало хлопот доставляет Меттерниху его августейший господин. Франц I начал склоняться в пользу коалиции, направленной против своего зятя, но не хотел бы вязываться в войну. После бесчисленных поражений от французов австрийский император панически боялся новых битв. В начале июня Меттерниху удалось вытащить его в маленький богемский городок Йичин, расположенный на полпути между главной квартирой Наполеона в Дрездене и союзников (России и Пруссии) в силезском городке Рейхенбахе. Отсюда удобно было осуществлять челночную посредническую дипломатию.

Клеменса буквально распирает от сознания собственной исключительной роли. Уже в привычном читателю стиле он пишет любимой дочери Марии: «Это нелегкое дело нести на своих плечах всю Европу... два императора и один король в 25 милях отсюда, 300 тыс. войск на таком же расстоянии и 100 тыс. в непосредственной близости»<sup>19</sup>.

Возможно, выбор места для императорской ставки определялся не только политическими и военными соображениями. Кульминационный момент политической биографии Клеменса совпал с самой захватывающей в его жизни любовной историей. В первый и последний раз этот, хотя и любвеобильный, но холодный человек испытал нечто похожее на страсть. Женщина, пробудившая в его душе столь сильное чувство, была знакома ему уже более десятка лет. Они встречались и в Дрездене, и в Берлине, и в Вене, но только теперь пробил час любви. Этой роковой женщиной в богатой любовными историями жизни канцлера была герцогиня Вильгельмина Саган из знаменитого курляндского семейства, о котором уже говорилось на страницах этой книги. В те дни она пребывала в своем чешском владении Ратиборжице, как раз неподалеку от Йичина.

Многочисленные любовные связи создали Вильгельмине сомнительную славу. В ней неизъяснимая женская притягательность сочеталась с острым умом, интересом к политике, то есть всем тем, что так привлекало Меттерниха. Клеменс не уставал изумляться, как это он со своим опытом мог так долго не замечать Вильгельмину. Зато теперь он просто не мог обойтись без нее. Не исключено, что его столь частые поездки из ставки в ставку диктовались не только деловой необходимостью. Ратиборжице стало для него подлинным земным раем, где в самое напряженное для всей Европы время он находил отраду для сердца и для души.

Правда, характер Вильгельмины не предрасполагал к идиллии. Генц, испытывавший к ней противоречивые чувства, не мог скрыть своего восхище-

ния ее красотой, шармом, отмечая также присущий ей мужской склад ума. Привыкший к легким, мало к чему обязывающим связям, Клеменс неожиданно стал испытывать ранее неизведанные чувства. Впервые фатоватого грансеньера томит ревность. Поводов к тому, конечно, предостаточно. Муки ревности приходилось переживать из-за князя Альфреда Виндишгреца, молодого еще красавца-рубачи, который по своей мужской стати был, можно сказать, антиподом изысканного, несколько женственного Меттерниха. Сама Вильгельмина в отношениях с мужчинами ценила чувственную сторону, но она всегда стремилась сохранять самостоятельность. Никому не удалось навязать ей свою волю.

Вильгельмина (1781–1839) приходилась внучкой российскому временщику, герцогу Курляндскому Эрнсту-Иоганну Бирону. Ее отец Петр (1724–1800) был его старшим сыном и наследником, и она, по-видимому, находилась в родстве с царским домом, поскольку фактической матерью Петра Курляндского, по мнению авторитетных историков, была царица Анна Иоанновна. Екатерина Фредерика Вильгельмина Бенигна — таков полный набор ее имен. Первое имя в честь царицы Екатерины II, следующие два — дань прусскому королевскому дому, ну а четвертое — в честь официальной бабки, жены Э.-И. Бирона. Мать Вильгельмины, Доротея (1761–1821), была представительницей древнего дворянского рода фон Медем.

По возвращении из ссылки Биронам вернули их владения, но при очередном разделе Польши герцогство Курляндское перешло непосредственно под власть российской короны, а герцог Петр получил от Екатерины II солидную компенсацию в размере двух миллионов рублей и ежегодную ренту 25 тыс. дукатов<sup>20</sup>. Это позволило ему купить у князя Лобковица имение Заген (Загань) в Силезии с великолепным замком, принадлежавшее когда-то Валленштейну. Так из герцога Курляндского он стал герцогом Заганьским, или на французский лад — герцогом де Саган. Были прикуплены владения в Богемии и Пруссии. Кое-что сохранилось и в России. Таким образом, курляндское семейство по богатству и размеру владений могло тягаться с многими германскими княжескими домами. В Сагане при дворе герцога Петра содержали труппу актеров, а также итальянских певцов и музыкантов, здесь постоянно проживало множество гостей из разных стран<sup>21</sup>. Наследницей бироновских богатств являлась старшая и любимая дочь Петра Вильгельмина. Трем младшим, Паулине, Иоганне (Жанне) и Доротее, отцовского внимания и богатств досталось намного меньше.

Интересно, что Вильгельмина чуть было не стала снохой А. В. Суворова, го- стившего в доме ее матери в Праге в 1800 г. после знаменитого альпийского перехода. Его сын Аркадий даже отправился на смотрины, но смерть отца вынудила его вернуться. На этом дело и кончилось без каких бы то ни было последствий<sup>22</sup>.

Зато почти в это же самое время ей пришлось пережить потрясение, оставившее неизгладимый след в ее сердце. С детских игр она знала прусского принца Луи Фердинанда, племянника Фридриха II. «Оба были молоды, краси-

вы, — вспоминала ее самая младшая сестра, — и будто созданы друг для друга. Никогда союз не казался более закономерным, никогда брак не сулил больше надежд на счастье»<sup>23</sup>.

Сестра принца, княгиня Радзивилл, находившаяся в дружбе с герцогиней-матерью, благосклонно восприняла идею альянса брата с наследницей Курляндского дома. Но, с точки зрения других членов прусской королевской семьи, внучка Бирона выглядела неподходящей парой для принца.

Вынужденный разрыв был весьма болезненным для обоих; все же гораздо острее его переживала Вильгельмина. Уязвленная гордость подтолкнула ее на брак с Луи де Роганом, чей род считался одним из самых знатных в Европе, его представители были на равных с принцами крови. Замужество, естественно, оказалось неудачным. Последовал развод (1805). Затем Вильгельмина вторично выходит замуж, на сей раз за князя Василия Сергеевича Трубецкого. Этот брак оказался совсем скоротечным.

В 1806 г. в битве с французами при Заафельде погиб Луи Фердинанд. Скорее всего гибелью человека, которого она по-настоящему любила, и объяснялась ее антинаполеоновская позиция. Между прочим ее мать одно время была ярой бонапартисткой.

В 1810 г. место Луи Фердинанда в ее сердце занимает молодой князь Альфред Виндишгрец, будущий австрийский фельдмаршал. Светский флирт в их отношениях быстро перерос во взаимную страстную любовь. Альфред был на шесть лет младше Вильгельмины, но не это послужило главной помехой их браку. Виндишгрецы принадлежали к высшей имперской католической знати. Для их семейства дважды разведенная протестантка была совершенно неприемлема. Уже к лету 1812 г. в отношениях Вильгельмины и Альфреда появилась основательная трещина. Молодой Виндишгрец отличался весьма ревнивым нравом, а Вильгельмину всегда сопровождала свита из поклонников. Постоянно возникали размолвки и ссоры. Как будто бы произошел разрыв. Но стоило им встретиться, как их вновь неодолимо влекло друг к другу. Весной 1813 г. Виндишгрец со своим полком находился в накапливавшей силы австрийской армии, и герцогиня была открыта для нового романа, героем которого предстояло стать Меттерниху.

Некоторые авторы склонны придавать этому роману авантюрно-детективный оттенок. Вильгельмина предстает чуть ли не прямым агентом русского царя, заинтересованного с ее помощью поскорее втянуть Австрию в антинаполеоновскую коалицию. Конечно, от такой версии нельзя абстрагироваться полностью. Но было упрощением видеть в Вильгельмине некое тайное оружие из российского женского арсенала. Ее, несомненно, могла возбуждать мысль, что именно ей суждено сыграть историческую роль в критический момент жизни Европы. Вероятно, это было одним из первоначальных импульсов ее поведения. Нужно, однако, учитывать, что Клеменс был не только политиком европейского масштаба, но и весьма привлекательным мужчиной. Если их роман и был в какой-то мере заказан, то вскоре он обрел самодовлеющий характер.

Благодаря ярко выраженному семейному аристократическому космополитизму Вильгельмина привязалась к Австрии. Недаром знать этой многонациональной центрально-европейской страны называли «палатой пэров Европы». Когда младшая сестра Вильгельмины Доротея, успевшая стать французкой, встретила с ней после долгой разлуки, она с удивлением обнаружила, что та превратилась в настоящую венку<sup>24</sup>. Вильгельмина писала сестре, что хотела бы способствовать славе своей «второй родины», т. е. Австрии. Ее интересы были для герцогини на первом месте<sup>25</sup>. Возможно, что к этому времени уже сказывалось влияние Меттерниха. Но характер источника свидетельствует в пользу искренности слов Вильгельмины. Если Австрия была той гирей на чаше весов истории, которая могла склонить ее в пользу врагов корсиканца, то почему бы ей, герцогине Саган, не сыграть аналогичную роль, повлияв на человека, от которого во многом зависело принятие «великого решения»?

Она была весьма искушенной в политике. И австрийского министра привлекала в ней не только красота, он восхищался ее глубоким пониманием хитросплетений европейской политической жизни. Она была для него не только интересным собеседником, но порой и деликатным, ненавязчивым советником. Насколько высоко Меттерних ценил ее политические дарования, свидетельствуют такие его слова: «Если бы вы были мужчиной, вы стали бы моим другом. Вместе мы вершили бы великие и успешные дела. Вы могли бы быть послом, а я министром, или же наоборот»<sup>26</sup>.

## II

**И**так, весной 1813 г. наступил момент, которого Клеменс ждал еще со времен своего парижского посольства. Он предсказывал его Францу I в самые трудные для Австрии дни. Если тогда он полагал, что Австрия окажется арбитром европейской ситуации с 300-тысячной армией, то теперь для этой роли хватало и вдвое меньшего количества солдат. Конечно, этого было мало для того, чтобы диктовать свою волю, свои условия, но вполне достаточно, чтобы требовать солидного вознаграждения.

Воюющие державы прекрасно понимали роль Австрии в сложившейся расстановке сил. Как о «важной потенциальной союзнице» говорил о ней царь<sup>27</sup>. Ничто так не укрепило бы его силы и решимость, отмечал в письме кайзеру Францу Александр I, как уверенность в том, «что он может рассчитывать на содействие Австрии»<sup>28</sup>. «Если бы австрийский двор решился действовать, свобода Европы была спасена!»<sup>29</sup> — звал к австрийцам прусский генерал Кизебек. По признанию Наполеона, присоединение Австрии к его противникам явилось бы для него величайшим несчастьем<sup>30</sup>.

Построенная на нюансах и полутонах политика Меттерниха — не только плод его изощренного дипломатического искусства, тонкого, холодного расчета. Бесспорно, все это — неотъемлемые свойства его политики. Но не менее,

если даже не более, важны объективные обстоятельства, с которыми нельзя было не считаться, которые сами были факторами формирования подобного политического курса.

К кому присоединиться и когда? Есть ли альтернатива четкому, однозначному выбору? Ответить на эти вопросы с точки зрения большой политики было непросто. Присоединение к антинаполеоновскому лагерю сулило возвращение утраченных владений, может быть, и некоторое расширение пределов империи. Из рук Наполеона получить многое Меттерних не рассчитывал — в лучшем случае, земли в Иллирии, Галиции, Силезию. Казалось бы, само собой напрашивался выбор в пользу первого варианта. В связи с этим Штакельберг писал Румянцеву (19 апреля 1813 г.): «Я не поручусь, что умеренность французских обещаний сравнительно с огромным значением Австрии в нынешнем политическом балансе Европы — значением, вполне осозанным венским двором, — не задела самолюбие австрийцев...»<sup>31</sup>. Однако следовало иметь в виду и то, что наследником императора французов должен был стать принц габсбургской крови. Кроме того, ослабленная, но еще грозная Франция должна была служить противовесом России, чьей гегемонии в Европе Меттерних теперь опасался больше, чем французской. Его особенно беспокоят планы царя насчет Польши. В руках Меттерних имелась копия переписки Александра I с его другом князем А. Чарторыйским. Клеменс ознакомил с ней прусского канцлера Гарденберга, а также через Бубну — и Наполеона<sup>32</sup>. Позицию Австрии не понять, если не учитывать комплекса, порожденного четырьмя проигранными войнами. Ободряя и обнадеживая союзников, австрийский канцлер очень осторожен.

Между тем к весне 1813 г. Наполеон сумел сформировать новую, пусть качественно намного хуже первой, но достаточно боеспособную армию. Наконец, фактор личности Наполеона. Меттерних хорошо знал его и прекрасно видел, что европейские монархи и их полководцы не выдерживают сравнения с этим маленьким гигантом. Особенно опасался он полководческого гения Наполеона. «Я беспокоюсь относительно исхода сражения не потому, что у Наполеона хорошие резервы, а потому, что у него на плечах голова, тогда как в главных квартирах враждебных ему суверенов приходится констатировать полное отсутствие таковой»<sup>33</sup>, — писал Меттерних Лебцельтерну 29 апреля 1813 г., в канун битвы при Люцене, печальный для союзников итог которой укрепил его в своем мнении. В этом тоже одна из важнейших причин его постоянных колебаний.

Двусмысленные речи и дела проистекали не только и не столько из специфики натуры канцлера, его хитроумной дипломатии, сколько из той головоломной задачи, к решению которой он искал ключ. Для него главное — не свержение Наполеона, а создание такого европейского баланса, при котором мощь России уравновешивалась бы мощью Франции. Тогда Австрия оказалась бы силой, способной склонять чашу весов в ту или иную сторону. В инструкции, написанной Меттернихом для Шварценберга, направляющегося на переговоры с французами, мысли канцлера излагаются от имени Франца I, который

«исходит из принципа, что могущество России не должно быть ослаблено, что ее нынешняя граница гарантирована от всяких покушений — главным образом в результате несчастий последней кампании. Огромная сила этой империи требует прежде всего противовеса не менее могущественного, этот противовес естественно воплощается в лице Французской державы»<sup>34</sup>.

Роль балансира Меттерних в известной мере готов разделить с Пруссией, которой предназначается роль «второй промежуточной державы», чтобы совместно с Австрией нейтрализовать восточного и западного гигантов, т. е. Россию и Францию<sup>35</sup>.

При любых вариантах наполеоновская Франция для Меттерниха — обязательный компонент европейского эквilibра. Пока есть Наполеон, у Австрии сильная позиция, поскольку в ней нуждались обе наиболее могущественные европейские державы. С падением Наполеона Австрия обретала свой прежний статус, но теряла великолепные возможности воздействия на европейский эквilibр. Меттерних рассчитывал в процессе посредничества, сначала обычного, а потом вооруженного, добиться от Наполеона уступок в плане реставрации статуса великой державы и вместе с тем преградить путь России в Европу.

Проводить такую двойственную политику было нелегко, так как обе стороны относились к Меттерниху с подозрением и даже видели в нем врага. Приятельница Клеменса по Берлину, княгиня Долгорукая, чей юный сын жил в Вене во время войны и пользовался покровительством канцлера, писала ему, что в России в нем «видят самого ожесточенного врага русских»<sup>36</sup>. Практически от каждого донесения российских дипломатов, имевших дело с Меттернихом, веет духом недоверия к австрийскому канцлеру. Даже после падения Наполеона Штапельберг пишет Нессельроде о Меттернихе: «...пока этот министр останется на своем посту, политика венского двора будет по меньшей мере двусмысленной»<sup>37</sup>.

Не доверял Клеменсу и Наполеон, считавший его неисправимым лжецом, скорее интриганом, чем политиком. И современники, и историки упрекали Меттерниха за нежелание сделать решительный выбор. Но нельзя не учесть и мнение Г. де Бертье де Совиньи, который утверждает, что и выжидательная двусмысленная политика, проводимая под перекрестным огнем с двух сторон, тоже требовала известного мужества, больших нервных затрат<sup>38</sup>. Меттерних опять был последователен в своей непоследовательности.

Одна из важнейших контроверз «Клеменсианы» — вопрос о том, входило ли в стратегию Клеменса в качестве неперемного условия свержение Наполеона. Часть исследователей, в том числе самый авторитетный из них — Србик, видят в Меттернихе последовательного и непримиримого противника Бонапарта. Из современных авторов близкая по сути точка зрения представлена чешским ученым и дипломатом Я. Шедивы, что подчеркнуто самим названием его книги: «Меттерних против Наполеона» (М., 1991). Как уже говорилось, сам Меттерних приложил много усилий, чтобы восторжествовал именно



такой взгляд на его историческую роль. К тому, что было сказано ранее, можно добавить, что по его просьбе Вильгельмина сожгла письма 1813 г., относящиеся в раннему периоду их знакомства. Эта часть переписки не давала канцлеру покоя. Приемная дочь Вильгельмины вспоминала, что по настоянию князя герцогиня сожгла целый пакет писем. Из дневника Генца были вырваны листы за период с января по июль 1813 г.

На наш взгляд, ближе к истине те историки (их тоже немало), которые полагают, что австрийский министр отнюдь не придерживался относительно Наполеона и его империи катоновского принципа: «Карфаген должен быть разрушен!» Если бы дело зависело только от него, то корсиканец мог бы сохранить трон, конечно, при условии, что империя будет усечена. Наполеону нужно было, по словам Талейрана, из императора французов превратиться в подобие французского короля. Меттерних, зная лучше других Наполеона, понимал, что такое превращение для него просто немислимо. С одной стороны, Клеменс собирался на этом сыграть, но, с другой стороны, питал слабую надежду, что император в конце концов внемлет доводам рассудка, трезвым, приземленным. И дело не только в хладнокровном прагматичном расчете. Даже из опубликованных суждений Меттерниха об императоре французов возникает ощущение, что этот в принципе расчетливый и крайне эгоистичный человек так и не смог преодолеть какое-то безотчетное чувство восхищения великой личностью, с которой ему довелось довольно много общаться и обаяние которой он испытывал до конца своих дней. Не случайно рассказы о Наполеоне стали его коронным номером. На склоне жизни главным образом они позволяли престарелому князю находиться в центре внимания в светских салонах. Конечно, главным героем этих рассказов оказывался сам князь, но уже тот факт, что он шел в одной связке с Наполеоном, немало поднимал исторический масштаб австрийского государственного деятеля.

Самым драматическим эпизодом в их взаимоотношениях стала знаменитая беседа 26 июня 1813 г. в дрезденском дворце Марколини, куда Меттерних прибыл по приглашению Наполеона, до тех пор избегавшего встреч. Целью встречи было обсуждение условий мира, выдвинутых союзниками, и возможности перемирия. Союзникам надо было оправиться после поражений при Люцене и Бауцене, а Наполеон тоже рассчитывал на подкрепление.

Нессельроде, Гарденберг и Штадион разработали условия мира, которые Меттерних должен был предложить в качестве посредника. Наполеону предлагалось отказаться от Голландии, Швейцарии, Испании, Рейнского союза, Польши, части Италии. Из этого перечня видно, что и сохранялось за ним не так уж мало, в частности левый берег Рейна, Бельгия. Александр I, однако, опасался, что Наполеон воспользуется такими мягкими условиями, примет посредничество и поставит союзников в ложное положение. На всякий случай были подготовлены некоторые дополнительные требования. Меттерних уверял царя, что Наполеон не примет даже сравнительно умеренные условия именно потому, что это условия.

Был ли он на самом деле так твердо уверен, что Наполеон отвергнет мир при австрийском посредничестве? Хотя большинство авторов и склоняется к этому, но все же остаются некоторые сомнения. Меттерних поставил в зависимость от решения Наполеона присоединение Австрии к коалиции. Отказ можно было использовать как повод для окончательных похорон уже утратившего фактическую силу договора от 14 марта 1812 г. Но не это было главным для австрийского министра.

Накануне отъезда Меттерниха в Дрездене между Австрией, Россией и Пруссией было подготовлено Рейхенбахское соглашение, по которому австрийцы в случае неудачи переговоров с Наполеоном обязались выставить против него 150 тыс. солдат. Однако Меттерних до встречи с Наполеоном не стал подписывать этот документ. Ему было важно предстать перед Наполеоном в качестве представителя страны, не связанной какими-либо обязательствами против него. Отчего вдруг такая щепетильность? Только ли перед Наполеоном Меттерних разыгрывал комедию? Не исключено, что двойную игру он вел и с будущими партнерами по коалиции. Конечно, он уже сильно увяз в сетях коалиционных контактов, но какое-то место для маневра, пусть маловероятного, все же оставалось. Меттерних не мог не понимать, что, связав себя коалицией, он потеряет былую свободу рук, «мобильность», труднее будет навязывать свои правила игры. А кроме того, это свидетельствовало, что у него таилась надежда на благоразумие Наполеона.

Появившись 26 июня во дворце Марколини, Клеменс сразу же обратил внимание на лица приближенных императора, генералов и сановников империи. На этих лицах без труда читалось напряженное ожидание, чувство бесконечной усталости. Эти люди давно уже были сыты войной по горло, им был нужен мир, покой, чтобы вкусить в полной мере радостей бытия, сохранить свои титулы и богатства.

Последняя беседа Меттерниха с Наполеоном была самой долгой, она продолжалась более 8 часов. Наполеон встретил Меттерниха резкими обвинениями: «Я одерживаю две победы, вы приходите говорить со мной о перемирии и посредничестве!.. Без вашего рокового вмешательства мир между мною и союзниками был бы уже заключен... Признайтесь, с тех пор как Австрия приняла на себя титул посредника, она уже не на моей стороне; она уже не беспристрастна, она — мой враг»<sup>39</sup>. «Это зависит от вас, — сказал ему Меттерних, — дать миру мир, основать свое правление на более твердой базе, на всеобщем признании; неужели вы, Ваше Величество, упустите этот момент, чтобы предотвратить возможные потрясения». Ответ Наполеона был непримиримым: «Я ставлю мою честь выше мира»<sup>40</sup>.

Он отверг предложенные союзниками условия мира: «Вы хотите меня огрывать? Вы хотите Италию, Брабант, Лотарингию? Я не уступлю ни пяди; я заключу мир на основе положения, существовавшего до войны. Я отдам России часть герцогства Варшавского, вам я не дам ничего, потому что вы меня не разбили; Пруссии я не дам ничего, потому что она меня предала»<sup>41</sup>. Западную Га-

лицию и часть прежних прусских владений Наполеон соглашался отдать Австрии и Пруссии лишь за компенсацию в пользу своих союзников. Компенсацию требовал Наполеон и от Австрии за Иллирию.

На резонные доводы Меттерниха Наполеон реагировал остро и болезненно: «Вы — не солдат, вы не понимаете души солдата. Я же вырос на полях сражений, и такого человека, как я, мало волнует жизнь миллиона людей»<sup>42</sup>. Наполеон пригрозил Меттерниху, что их следующая встреча состоится в Вене, куда французы войдут в октябре. В лицо главному творцу «австрийского брака» Наполеон заявил, что совершил ошибку, согласившись на это: «Я хотел соединить настоящее и прошлое... Я обманулся, и сегодня я чувствую безмерность моей ошибки. Может быть, я лишусь трона, но я погребу мир под его руинами»<sup>43</sup>.

Вряд ли эти слова могли удивить или потрясти Меттерниха. Он слишком хорошо знал императора французов. Важнее было другое: он еще раз убедился, что для Наполеона мир — не более чем перемирие. Император сам раскрыл логику своей позиции: «Ваши властители родились на тронах, их можно разгромить двадцать раз, и они все-таки вернутся в свои резиденции; мне же так нельзя, я — сын удачи. Мое господство не переживет того дня, когда я перестану быть сильным и, следовательно, устрашающим»<sup>44</sup>.

Меттерних понял, что войны не избежать, а союзникам он дал твердое обещание примкнуть к ним, если Наполеон отвергнет мир. Что же касается перемирия, то оно было нужно австрийцам, так как Шварценберг просил 20 дней, чтобы привести войска в состояние боевой готовности. Поэтому Клеменс без санкции союзников предложил перемирие Наполеону. Тот его охотно принял, поскольку надеялся плодотворно воспользоваться передышкой. Меттерниху удалось добиться еще нескольких тактических успехов, в частности благодаря согласию Наполеона на посредническую роль Австрии формально «похоронить» договор от 14 марта 1812 г. Вряд ли эти результаты могут быть поводом для восхищения его дипломатическим искусством. Наполеона не могли ввести в заблуждение маневры Меттерниха, просто ему было не до того. Он сделал свой выбор: судьба империи должна решаться не за столом переговоров, а на полях сражений. И все же одну серьезную ошибку он, видимо, допускал, переоценивая значимость кровных династических уз, связывавших его с Габсбургами. Поэтому Наполеон сохранял надежду на то, что Австрия не повернет против него свое оружие. Вскоре после столь драматических переговоров он воздал должное самообладанию и последовательности австрийского министра: «Меттерних хорошо подготовлен. Он прошел хорошую школу в Париже. Нужно признать, что он действительно стал государственным мужем»<sup>45</sup>.

Скорее всего Наполеон был прав, не доверяя Меттерниху, опасаясь, что стоит лишь ему принять требования противников, как тут же появятся новые. Не исключено, однако, что его согласие на сравнительно сносные условия могло бы поставить союзников в затруднительное положение, могло бы помешать формированию очередной коалиции. Несколько поостыв после встречи с Мет-

терником, в ходе которой он несколько раз в гневе бросал на пол свою треуголку, Наполеон согласился на переговоры в Праге во время перемирия. Этому в немалой мере способствовало известие о поражении французских войск в Португалии в битве при Витории.

Русские и пруссаки были недовольны исходом дрезденской встречи. Вместо вступления Австрии в войну опять выжидание. Вновь возникает вопрос, на который ответить с абсолютной уверенностью невозможно. Только ли военными соображениями руководствовался австрийский канцлер, предлагая перемирие и переговоры в Праге? Не теплилась ли где-то в глубине его души надежда, что Наполеон образумится? Эту надежду подкрепляло то обстоятельство, что посланником Наполеона оказался Коленкур, с которым Меттерниху было легко прийти к полному взаимопониманию. Императору был дан срок до 10 августа 1813 г.

В процессе же свершившегося в Праге дипломатического действия Клеменсу не было равных. «Крючкотворство началось, — писал А. Сорель, — обсуждали без конца: в чем заключается роль посредника — в передаче ли писем и слов или в регулировании словесных прений; будет ли Меттерних исполнять роль маклера или третейского судьи; будет ли этот конгресс, осужденный заранее не быть открытым, вестись в том же порядке, что и в Рисвике, или Тешене, или, наконец, в Раштатте?»<sup>46</sup>. Меттерних так искусно и красноречиво плел словесную вязь, что его партнеры терялись в лабиринтах его рассуждений. «У этого златоуста, — писал российский уполномоченный в Праге И. О. Анштет, — все звучало так чарующе, что если бы не большое внутреннее сопротивление, то можно было бы дать увлечь себя»<sup>47</sup>.

Насколько партнеры не доверяли Меттерниху, свидетельствует то обстоятельство, что они скрыли от него согласие Англии принять участие в переговорах. От министра иностранных дел Каслри в начале августа, буквально за несколько дней до истечения срока перемирия, поступила депеша, адресованная послу Каткарту. Тот в соответствии с инструкцией показал ее царю. Оба они пришли к мнению, что Меттерниху лучше не знать об изменении позиции британского кабинета, потому что согласие англичан позволило бы австрийцу настоять на продолжении переговоров<sup>48</sup>. Небезынтересно отметить, что Каслри разрешил британскому послу в Австрии лорду Абердину сообщить Меттерниху, что Англия готова присоединиться к переговорам, но Каткарт убедил того хранить молчание. Очарованный Клеменсом молодой лорд чувствовал себя весьма неловко.

Несмотря на все усилия Коленкура, искренне желавшего не допустить возобновления войны, Наполеон тянул с ответом на предложения союзников. Клонился уже к концу день 10 августа; курьера все не было. Напряжение в Праге достигло апогея. Российский представитель Анштет и прусский — Гумбольдт не сводили глаз с часов, ожидая полночи. Меттерниху пришлось объявить конгресс распущенным. Гумбольдт радостно писал своему шефу Гарденбергу: «Наши желания исполнились... мы добились того, о чем вели пе-

реговоры с 4 января»<sup>49</sup>. 11 августа утром Коленкур явился к Меттерниху с контрпредложениями Наполеона, но было уже поздно. Меттерних сказал ему, что Австрия уже не является посредницей. Все же Меттерних намекнул посланнику Наполеона, что император Франц «будет усердно поддерживать перед своими новыми союзниками великое дело мира, но мира настоящего»<sup>50</sup>. Прощаясь с Коленкуром, Меттерних с горечью сказал: «Только мы с вами хотели достигнуть мира». В трагическом для Наполеона апреле 1814 г. император скажет Коленкуру: «Я был неправ, когда не подписал мир в Праге. Я не мог поверить, что Австрия на самом деле настроена столь решительно»<sup>51</sup>.

### III

**М**еттерних навсегда запомнил этот день — 11 августа 1813 г. «Всякий раз, когда я бываю в Праге и слышу, как бьет полночь, я не могу не предаться воспоминаниям. Шесть лет назад, — пишет он в 1819 г. из Праги, — я в этот час обмакнул мое перо, чтобы объявить войну человеку столетия и Святой Елены, и распорядился зажечь сигнальные огни, которые привели в движение 100 тыс. человек союзных войск, перешедших границу»<sup>52</sup>.

Решение это далось ему нелегко. У него практически не было выбора, а для дипломата попасть в такую ситуацию было крайне неприятно. За гусиное перо он брался под напором обстоятельств, которые оказались сильнее его. Мирный компромисс был бы для австрийского министра наилучшим исходом. Но перед историей Меттерних хотел выглядеть сокрушителем Бонапарта, спокойно и решительно бросившим вызов величайшему полководцу во всемирной истории. «Я спокоен так, как если бы я играл партию в шахматы», — писал он жене. На самом же деле нервы его были предельно напряжены. Об этом свидетельствует такой подмеченный Д. Макгиган штрих: вместо 13 августа письмо его Элеоноре было датировано 13 мая<sup>53</sup>.

По возвращении из Дрездена в преддверии надвигающейся войны Меттерних обратился к своему императору с письмом, в котором он фактически добивается карт-бланша на проведение своей дипломатической игры: «Ваше Величество могли бы спасти себя и монархию... если бы я мог с полной уверенностью рассчитывать на величайшую твердость в проведении определенного и предписанного мне курса»<sup>54</sup>. Для этого ему нужно было также сломить страх кайзера перед зятем: «Могу ли я рассчитывать на твердость Вашего Величества в случае, если Наполеон отвергнет предложенные Австрией основы мира; решится ли непоколебимо Ваше Величество в этом случае доверить решение справедливого дела оружие Австрии и всей остальной Европы?»<sup>55</sup>

Конечно, Клеменс не забывает похвалить свою собственную пронизательность и политическую мудрость. Ему досталась в 1809 г. Австрия, лежавшая в руинах, теперь же все обстоит иначе: «Благодаря счастливым обстоятельствам и полному доверию и надежной поддержке Вашего Величества я делал то, что

мне велели долг и совесть. Таким образом, мы менее чем через четыре года снова на первостепенном месте в Европе»<sup>56</sup>. Но монархия сильна не столько сама по себе, а как груз на чаше весов, дающий перевес той стороне, к которой она присоединится.

Проведение такой политики балансирования требует искусства и уверенности в прочности тыла. Император Франц немедленно ответил своему министру: «Я во многом обязан вам теперешним славным политическим положением моей монархии и впредь рассчитываю на вас в моем стремлении его поддерживать»<sup>57</sup>. Франц заверил Меттерниха, что тот может полагаться на его твердость.

Монарх и его министр согласны с тем, что в грядущих военных событиях пусть больше берут на себя другие державы, а Австрия будет им посильно помогать. В этих рассуждениях нетрудно уловить невысказанную мысль о том, что канцлер, используя свое дипломатическое искусство, должен обеспечить Австрии место в Европе более весомое, чем ее реальный вклад в совместные действия. Но именно теперь, когда выбор был сделан, решать эту задачу оказалось намного труднее.

С одной стороны, присоединение к коалиции давало определенное чувство уверенности, перспективу восстановить империю в прежних масштабах, но с другой — Клеменс понимал, что теперь роль Австрии уже не столь весома, как прежде, когда у нее была свобода маневра. Если она прежде была той гирей, чей груз клонил решающим образом чашу весов, то теперь в рамках коалиции ей приходилось считаться с приоритетом России. От такого поворота дел выигрывал прежде всего царь Александр I. Наполеоновскую карту Меттерних все же не выбросил, а запрятал вглубь колоды. Как ни парадоксально, недоверие, испытываемое к австрийскому канцлеру союзниками, было его козырем. Они все время опасались подвоха с его стороны, поэтому, опираясь на 150-тысячную армию, он мог еще добиваться многого. Тем не менее антиподы «Меттернихианы» или «Клеменсианы» Г. фон Србик и В. Библь сходятся на том, что австрийский канцлер не выжал из ситуации максимум возможного, продешевил, присоединясь к коалиции. «Это было тяжким упущением, что Меттерних не выставил в качестве условия вступления Австрии в коалицию раздела герцогства Варшавского и вознаграждения Пруссии за счет польской, а не саксонской территории»<sup>58</sup>, — писал Србик.

В. Библь ставит вопрос, почему же в тот момент, когда союзники были готовы практически на все, чтобы привлечь в свои ряды Австрию, венский кабинет в лице Меттерниха упускает возможность решить польскую проблему в свою пользу? Только ли в «легкомыслии» канцлера следует искать ответ? Библь приводит несколько строк из письма царя его сестре Екатерине Павловне, находившейся в Праге как раз во время переговоров, о которых выше шла речь. «Я сожалею, — писал царь 1 августа 1813 г., — что вы все еще ничего не сказали мне о Меттернихе. У меня есть необходимые средства. Вы имеете полномочия идти вперед, используя ту тактику, которая дает самые надежные результаты»<sup>59</sup>. Гораздо откровеннее звучит этот отрывок в публи-

кации великого князя Николая Михайловича: «Я сожалею, что вы мне все еще ничего не сказали о Меттернихе и о том, что нужно для того, чтобы сделать его совсем нашим; я имею необходимые средства, поэтому не экономьте»<sup>60</sup>. На это же письмо еще до Библия ссылался другой австрийский историк — А. Фурнье, вполне допускавший версию с подкупом Меттерниха. Правда, Библия не берется прямо утверждать, что Меттерних был подкуплен царем, но подводит к мысли о возможности такого варианта. Австрийский историк при этом оговаривается, что нравы и обычаи, закрепившиеся в аристократической среде, позволяли без малейших угрызений совести принимать подарки и деньги из рук суверенов. Постоянно нуждавшийся в деньгах грансенюр Клеменс охотно принимал дары. Но между принятием даров и откровенным подкупом дистанция, безусловно, сохранялась. Последующая история взаимоотношений Меттерниха с царем не очень вяжется с версией о подкупе. В пренебрежительном отношении к польской проблеме Клеменса никак нельзя заподозрить; польский вопрос всегда занимал видное место в системе меттерниховских приоритетов. Из переписки царя с князем Чарторыйским он имел представление о планах Александра I, да и разгадать их было не так уж сложно. Смехотворной выглядит и сумма, о которой говорил Александр I, — каких-то 1700 дукатов. Между тем Наполеон (если верить Меттерниху) предлагал ему 10 млн франков.

Неуступчивость Наполеона загнала Меттерниха в коалицию не в тот момент, который он сам выбрал. А потому и не на тех условиях, которые он мог бы выторговать. Это была победа скорее царя, чем успех канцлера. От Меттерниха потребуются на Венском конгрессе неимоверные усилия, чтобы умерить притязания царя, которому недосказанность по польскому вопросу оставляла большую свободу рук. Надо отметить, что стремление уйти от предварительного дележа добычи было принципом Александра I, справедливо опасавшегося, что это может привести к развалу коалиции. Было у него и другое соображение. После разгрома Наполеона военная мощь России будет выглядеть еще более весомо и не надо будет убажывать так, как теперь, союзников по коалиции. Поэтому собственные требования и козыри лучше выложить на мирном конгрессе.

Что же касается «легкомыслия» Клеменса, то, видимо, без него все-таки не обошлось. Идя на союз с царем, Меттерних по-прежнему недооценивал Александра I. Обладая опытом общения с Наполеоном и Талейраном, он был уверен, что сумеет переиграть российского монарха. Вскоре после начала военных действий против Наполеона Меттерних хвастливо писал, что «очень доволен» царем и надеется, что через пару недель будет руководить политикой русского кабинета так же, как и австрийского<sup>61</sup>.

Но в русском царе Меттерних встретил опасного соперника, который нередко разгадывал самые его замысловатые ходы, а главное, мог в решающий момент прибегнуть к такому неоспоримому аргументу, как самая сильная армия коалиции, сумевшая дать отпор Великой армии Наполеона. Началась политическая дуэль Меттерниха и Александра I, однажды едва не перешедшая в настоящую.

Как только возобновились военные действия, встал вопрос о главнокомандующем войсками коалиции. Александр I согласился на австрийского генерала, имея в виду эрцгерцога Карла. Такой выбор выглядел вполне естественным. Полководческие дарования и высокие человеческие качества снискали Карлу уважение и в Австрии, и за ее пределами. К этому выбору царя побуждало и другое обстоятельство. Назревал брак между эрцгерцогом и любимой сестрой Александра, красивой, энергичной, но взбалмошной Екатериной Павловной. Ей хотелось, чтобы лавры победителя Наполеона достались ее предполагаемому жениху<sup>62</sup>.

Активно против кандидатуры Карла выступил Меттерних. Прежде всего он ссылаясь на его нерешительность в кампании 1809 г. Но это было лишь предлогом. Причины оппозиции Меттерниха были главным образом политические: Карл, как и его братья Иосиф и Иоанн, принадлежали к лагерю врагов канцлера. После победы над Наполеоном престиж Карла мог возрасти настолько, что канцлерство Меттерниха оказалось бы под серьезной угрозой. Кроме того, Карл в качестве главнокомандующего был бы неподходящей фигурой для сложной политической игры, которую постоянно вел Меттерних.

С этой точки зрения наиболее удобным кандидатом был князь К. Шварценберг, давно уже привыкший следовать в меттерниховском фарватере. Они вместе готовили «австрийский брак» и договор 14 марта 1812 г. Александру I пришлось согласиться на Шварценберга, но решение это он не считал окончательным. По приглашению царя в ставку союзников появился знаменитый французский генерал Моро, в прошлом соперник Наполеона, уже десяток лет живший в изгнании. Прибытие Моро обострило отношения между царем и Меттернихом. Но бывший французский полководец получил смертельное ранение в битве под Дрезденом, и царь сказал Меттерниху: «Бог произнес свой приговор; его мнение — ваше».

Разногласия с царем усугублялись принципиально в подходе к германско-национально-освободительному движению. У царя еще сохранялись неопределенные либеральные устремления молодости, посеянные в его душе воспитателем-швейцарцем Лагарпом. Поэтому, в частности, у него находили поддержку барон Штейн и его соратники, раздувавшие пламя антинаполеоновской войны и мечтавшие на волне национально-освободительного движения реализовать мечту о единой Германии.

Совсем не ради этого включился в войну против Наполеона Меттерних. Задушивший революцию император французов был ему гораздо ближе, чем ревнители германского единства, которых канцлер считал опасными революционерами. В начале октября 1813 г., будучи в очередной раз в Праге, Меттерних обсуждал эту проблему с Генцем. Оба больше всего опасались, что «освободительная война» может перейти в «войну за свободу», а «свержение основанного на революции деспотизма вместо действительной реставрации может привести снова к революции»<sup>63</sup>.

Коалиция расширялась за счет перебежчиков из числа германских госуда-



рей. Были восстановлены отношения Австрии с Англией. На Клеменса навалилась колоссальная работа. Многочасовые переговоры, составление и редактирование многочисленных документов, непрерывные разъезды, часто верхом по несколько десятков километров. Нелегкие испытания, особенно для такого сибарита, как Меттерних. «Величайшая жертва, которую я могу принести делу, — писал Клеменс Элеоноре, — это образ жизни, который я веду. Я ненавижу лагерь и лагерную жизнь. Я всегда был за удовольствия и радости доброго, мирного свойства и ненавижу все, что лишает меня их»<sup>64</sup>. Любопытно, что у Клеменса завязались дружеские отношения со знаменитым казачьим генералом Платовым, который подарил австрийцу удивительно выносливого, надежного коня. По словам Меттерниха, «конь неказист на вид, зато может скакать по двадцать лье (80 км. — П. Р.) в день»<sup>65</sup>.

Возможно, все сильнее разгоравшееся чувство к Вильгельмине, частые встречи с ней во время деловых поездок придавали ему силы. Наконец, в сентябре Вильгельмина становится его любовницей. 9 сентября, в тот самый день, когда в Теплице были подписаны договоры о дружбе и оборонительном союзе между Россией, Австрией и Пруссией, Меттерних находит время, чтобы написать Вильгельмине: «Мой друг, Вы дали мне все, что могли, я опьянен счастьем. Я люблю вас, я люблю вас в сто раз больше жизни. Я живу и буду жить только для вас»<sup>66</sup>.

Клеменс просто светился от счастья. «Я никогда еще не видел его в таком прекрасном настроении, таким красивым, радостным, полным сил и светлых надежд», — писал о своем патроне Генц. «По его лицу, — добавляет он, — совершенно безошибочно можно было прочесть о счастливом исходе кампании»<sup>67</sup>.

Тот же Генц поспешил испортить Клеменсу радостное настроение. Он сообщил министру, что сразу же после его отъезда у Вильгельмины появился Виндишгрец. Правда, герцогиня тоже написала об этом любовнику. Она сослалась на то, что с ее стороны было бы слишком жестоко не принять Альфреда, который должен был отправиться со своим полком в огонь сражений.

И все же Клеменс впал в отчаяние. Его терзают муки ревности; в его письмах речь идет о разбитом сердце и нежелании жить. Он требует от Вильгельмины верности. Тем временем, кроме князя Виндишгреца, всплывает еще и молодой красивый российский офицер Александр Обрезков, один из тех раненых офицеров, о которых заботится герцогиня. Этот офицер окажется невоздержанным на язык и изрядно навредит «почетительнице» своей похвальбой о «победе» над ней<sup>68</sup>.

Генц продолжал сыпать соль на раны Меттерниха, сообщив ему, что в Праге у Вильгельмины появился британский посол в Пруссии, единокровный брат Каслри, бесшабашный красавец Чарльз Стюарт. Едва ли Клеменса могло утешить замечание Генца о том, что Обрезков чувствует себя несчастным, так как Вильгельмина уделяет англичанину гораздо больше внимания, чем ему.

20 сентября Меттерних в Праге. Там он в течение двух дней пережил часы, которые позже расценил как одни из самых счастливых в своей жизни. Но счастье опять омрачено ревностью к Виндишгрецу, который произведен в полков-

ники и назначен командиром 8-го кирасирского полка, чьим шефом считался великий князь Константин Павлович.

Только Клеменс покинул Прагу, и снова тревожная информация от Генца: в кругу Вильгельмины появился еще один молодой и очень красивый английский дипломат Фредерик Лэм. Фактически, как пишет Д. Макгиган, «Генц взял на себя роль неофициального соглядатая над Вильгельминой»<sup>69</sup>. Это избавляло его от необходимости расставаться с уютной и спокойной Прагой, трястись вместе со своим патроном по тяжелым и небезопасным дорогам войны.

Хотя от непредсказуемого поведения герцогини Меттерниха бросало то в жар, то в холод, их связь придавала его жизнеспособности никогда ранее не испытанную полноту. Меттерних и прежде не страдал от недостатка честолюбия и тщеславия, теперь же эти чувства усугубляются стремлением эффективнее выглядеть в глазах возлюбленной. Даже своей любовной страсти он придавал исторический масштаб, личные отношения смешивались с государственной деятельностью.

«Мой друг и Европа, Европа — мой друг... с какой легкостью я перехожу от одной к другой»<sup>70</sup>, — пишет он Вильгельмине в канун Лейпцигской «битвы народов». Его переполняют любовные чувства, чувство собственной значимости, он ощущает себя творцом истории. Любовь к Вильгельмине не мешает ему писать письма жене и Е. Багратион. Редкое письмо не содержит похвалы, причем самодовольство, самонадеянность притупляют бдительность обычно столь осторожного Клеменса. Чего стоят его слова из письма к Лорель, что министры коалиции представляют собой как бы один кабинет, естественным лидером которого является, конечно же, ее Клеменс. Вильгельмине он в восторженных тонах описывал согласие и доверие, царящее в его отношениях с российским императором: «Он настаивает, чтобы я проводил все вечера с глазу на глаз с ним, чтобы с удовольствием поболтать, а затем, когда я уйду, он рассказывает меня своему окружению и говорит этим господам, что они — глупцы»<sup>71</sup>. Позднее, в письме к Д. Ливен Клеменс вспоминал, как он распивал с царем чай из самовара и тот будто бы воскликнул: «Бог мой! Почему вы не мой министр! Мы вдвоем завоевали бы весь мир! — Весь было бы несправедливо, сир, — ответил я ему»<sup>72</sup>.

В реальности, безусловно, отношения Меттерниха с царем были далеки от идиллии. Когда Клеменс описывал дружеские беседы и чаепития, он забывал о постоянных стычках по военно-политическим проблемам. Можно сказать, что «любезный соблазнитель» сам попал под чары другого соблазителя — российского самодержца. Разве не лестно было ощущать себя своим человеком у царя, быть на дружеской ноге с повелителем могущественной империи? Правда, порой царь не мог отказать себе в удовольствии уязвить самоуверенного, говорливого австрийского министра. Например, великолепно зная о всех нюансах его отношений с герцогиней Саган, Александр I мог как бы мимоходом заметить, что в пражском госпитале Вильгельмина заботится о красивых русских офицерах.

Амурные радости и горести Меттерниха происходили на фоне грандиозных событий, апогеем которых стала «битва народов» 16–19 октября 1813 г. Поражение Наполеона под Лейпцигом круто изменило ситуацию. Французы откатывались за Рейн; дни империи Наполеона были сочтены. Союзники предвкушали победу и добычу. До Лейпцига ни Меттерних, ни его августейший повелитель и не помышляли о свержении Наполеона, но теперь у них возникает идея регентства Марии Луизы при малолетнем римском короле. А. Сорель так раскрывает ход мыслей австрийского канцлера: «Ведя мирные переговоры с Наполеоном, нужно теснить его войной до вынуждения последних уступок: заключения мира по воле союзников и отречения в пользу сына; вот что поставит предел видам Александра и остановит его триумфальное шествие в Париж. Французы, обязанные миром Марии Луизе и Наполеону II, надлежащее пользование регентством, удобный момент, и вот Австрия осуществила гегемонию над Европой — цель честолюбия Александра»<sup>73</sup>.

Заходил ли так далеко в своих замыслах австрийский канцлер? Во всяком случае он считал такой вариант возможным, хотя и опасался серьезного противодействия союзников. Именно он был главным инициатором переговоров с Наполеоном, вызывавших раздражение царя, пруссаков и англичан. Аргументация Меттерниха сводилась к следующему: переговорами союзники привлекут на свою сторону истомившихся французов, ослабят, деморализуют императорское войско, победа достанется союзникам меньшей кровью. В глубине души канцлер рассчитывал на то, что благодаря переговорам можно будет создать благоприятные возможности для сохранения династии во Франции. Если удастся помешать коалиции перейти Рейн, то регентство будет воспринято во Франции как национальное спасение. «Если Бог окажется на моей стороне и если Наполеон не лишится совсем рассудка, — писал Клеменс Вильгельмине, — зимой я добыю мир»<sup>74</sup>.

С большим трудом Меттерних все же смог убедить царя, чтобы тот дал согласие на ведение переговоров. Получив заверения, что переговоры не будут считаться официальными, Александр I предоставил Меттерниху относительную свободу рук. Таким образом, Меттерних закрепил свой неофициальный статус «министра коалиции». Кстати, так называть себя он начал сам. Вскоре после Лейпцигской битвы Франц I возвел Клеменса в княжеское достоинство. Его преданный, но туповатый камердинер Жиру, помогая своему господину, изрек: «Оденет ли сегодня ваша светлость тот костюм, который ваше превосходительство носило вчера?»

Новоиспеченный князь с гордостью описывал Вильгельмине благоволение к нему «доброго кайзера» Франца: «Он сказал мне, что желает доказать Европе, что я внес самый непосредственный вклад в спасение ее и Австрии... обещал, что моя жизнь всегда будет неотделима от его жизни»<sup>75</sup>. Меттерних показывает

свою силу членам императорской семьи. Так, он добивается изгнания из действующей армии братьев императрицы Марии Людовики<sup>76</sup>.

Как и прежде, на дипломатии Меттерниха неизгладима печать двусмысленности. С одной стороны, он вроде бы дурачит Наполеона видимостью переговоров, а с другой — посредством этих переговоров пытается сорвать планы русских и пруссаков, помешать им в полной мере воспользоваться плодами победы. И опять приходится повторить, что дело не только в личных свойствах австрийского канцлера, но и в его излюбленном принципе баланса сил.

Несколько причин обусловили уникальную роль Меттерниха в европейской политике того времени. В значительной мере это было связано с ролью Австрии как решающего груза на чаше весов в военно-политическом эквilibре Европы. Нельзя недооценивать и немалые дипломатические дарования канцлера, его светские таланты, искусное владение пером, что обеспечивало ему ключевую роль в написании и редактировании важнейших документов. Нужно учитывать и специфику его отношений с императором Францем I. Ни один из министров в составе коалиции не располагал столь обширными полномочиями, как он. Фактически Франц «делегировал» ему важные prerogативы своей собственной власти в военно-политической сфере. В этом смысле только российский император, взявший на себя роль собственного министра иностранных дел, имел преимущество перед австрийским канцлером.

В самом начале 1814 г. Меттерних с нескрываемым удовольствием сообщает Вильгельмине о том, что парижская газета «Монитор» назвала его «министром Европы»<sup>77</sup>. «Мне совершенно чужда самовлюбленность, — пишет он несколько позднее, — но тем не менее нельзя скрыть того обстоятельства, что я стал своего рода осью Европы»<sup>78</sup>.

Герцогиня искусно играет на тщеславии «министра Европы»: «Если бы я была властелином мира, я пребывала бы в полном спокойствии, доверив его судьбу тебе... Но я всего лишь женщина и с таким же доверием готова положить на человека, который держит в своих руках судьбы мира и мою в том числе»<sup>79</sup>. Политика Клеменса — это и ее политика: «Я хотела бы видеть Австрию единственным арбитром во всех делах континентальной Европы»<sup>80</sup>.

Такая тональность появилась в письмах Вильгельмины с конца 1813 г. Чувствуется, что отношения с Клеменсом она стала воспринимать всерьез и явно не против превратиться из любовницы в супругу человека, играющего столь важную роль в европейской политике. «Ваша слава, дорогой Клеменс, дороже мне собственной жизни»<sup>81</sup>, — уверяет она возлюбленного. Под давлением герцогини Меттерних теряет привычный душевный комфорт, ему приходится вести сложную дипломатическую игру не только на международной арене, но и в сфере личной жизни.

Клеменс развивает настоящую философию любовных отношений: «Почему столь немногие пары любящих друг друга людей связывают себя узами брака? Разве отношения между свободными сердцами менее долговечны, чем любовь в браке? Семейная жизнь убивает их. Она затуманивает любовь или уво-

дит ее в сторону. Ее заменяет другое чувство — чувство, которое становится очень сильным, когда появляются дети. Но это — уже не любовь»<sup>82</sup>. Вообще для женщины такого независимого и гордого нрава, как Вильгельмина, брак просто противопоказан.

Однако развернутая Клеменсом система аргументации отнюдь не убеждает Вильгельмину. Даже с неуступчивыми партнерами по дипломатическим баталиям министру бывало легче. «Вся моя жизнь — мировая история, как и мои отношения с тобой... И наши отношения, — жалуется Меттерних, — улаживать гораздо труднее, чем европейские дела»<sup>83</sup>.

Превращение Меттерниха в первого министра коалиции существенным образом сказалось на его дипломатии. Раньше в ее основе лежали в основном двусторонние отношения. Этому способствовала и система европейского равновесия с двумя главными центрами силы: Францией и Россией, между которыми балансировала Австрия. К концу 1813 г. эта система рухнула и, находясь в рядах антинаполеоновской коалиции, Меттерних озабочен не столько завершением разгрома поверженного императора, сколько воссозданием нового эквилибра, способного стреножить российского союзника.

Новая система, естественно, должна быть более сложной, многообразной. Начинают проступать пока еще туманные, расплывчатые контуры «концерта» великих держав. Но на кого рассчитывать практически? Прусский король целиком под влиянием своего российского самодержавного друга. Правда, его министры, особенно Гарденберг, не разделяют симпатий короля. В начале января 1814 г. между Меттернихом и Гарденбергом состоялся разговор, который оказался своего рода бомбой замедленного действия, разорвавшейся уже на Венском конгрессе. За поддержку прусских притязаний на Саксонию Гарденберг обещал поддержать Австрию по польскому вопросу. Но Гарденберг был не в состоянии повлиять на прусских военных, жаждавших мести за унижение 1806 г., а тем более сдерживать натиск патриотических народных сил.

Мелкие и средние германские государства в большинстве своем потянулись под крыло Австрии. Это был немаловажный фактор с точки зрения баланса сил в Германии, но в европейском масштабе германские государства были не столь уж весомы.

Оставалась только Англия. Ей Меттерних отвел ключевую роль. Первоначально он надеялся воспользоваться «политической наивностью» англичан, недостаточным их пониманием европейских проблем в силу островного чванства и вынужденной изоляции в период наполеоновской гегемонии. Но англичане отнюдь не были «простаками за границей». Конечно, Форин-офис с его штатом (два помощника министра, два старших клерка и примерно два десятка младших) выглядел скромно по сравнению с российским министерством иностранных дел, насчитывавшим свыше 250 чиновников, и венской госканцелярией, где тоже был большой штат профессионалов<sup>84</sup>. Тем не менее английского министра лорда Р.-С. Каслри никак нельзя было отнести к простакам-дилетантам.

Он прошел школу У. Питта, воспринял многое из его идеи европейского баланса, базирующегося на пяти столпах: Англии, России, Франции, Австрии, Пруссии. В интерпретации Питта этот план носил прежде всего антифранцузский характер, представлял собой систему, направленную на подрыв французской гегемонии на континенте. За этим нетрудно разглядеть собственно британские интересы: если континентальные державы будут уравнивать друг друга, то Англии фактически обеспечивается свобода рук на морских и океанских коммуникациях, вообще ей будет принадлежать роль арбитра.

Говоря о Европе, Меттерних тоже исходил преимущественно из австрийских интересов. Сама по себе Австрия не могла претендовать на гегемонию. В более широкой системе равновесия роль ее гораздо почетнее, чем роль доведка при французском преобладании или франко-русском кондоминиуме тильзитского образца.

Меттерних и Каслри, таким образом, идут навстречу друг другу, руководствуясь прежде всего интересами своих стран. Но вплоть до падения Наполеона имелось серьезное обстоятельство, разделявшее их. Каслри был прежде всего озабочен проблемами коалиции против Наполеона, а уже потом конструированием новой системы равновесия, Меттерних же не отделял одну задачу от другой. «Для Каслри, — пишет Г. Киссинджер, — сокращение Франции было гарантией европейского покоя, а для Меттерниха границы Франции зависели от размеров России»<sup>85</sup>.

Действительно, новый эквилибр Меттерних стремился формировать еще в ходе войны. Это объяснялось не столько глубоким стратегическим расчетом, сколько тем ситуационным обстоятельством, что роль Австрии была особенно выигрышной во время войны, когда в ней нуждались как необходимым элементе антинаполеоновской коалиции. Это Клеменс прекрасно понимал и стремился выжать максимум выгоды на будущее, хотя ему далеко не всегда удавалось добиться своего. При сложившемся внутри коалиции раскладе сил английский министр чаще всего оказывался союзником австрийского.

Каслри обладал довольно широким общеевропейским кругозором и твердыми консервативными принципами. С Меттернихом у него быстро установилось взаимопонимание. Безусловно, австрийскому канцлеру повезло с английским партнером, в будущем именно преемники Каслри — Каннинг и Пальмерстон станут его злейшими врагами.

Включение Каслри в дипломатическую игру существенно расширило возможности маневра для Меттерниха. С англичанином он мог по многим вопросам блокироваться против России. Однако позиция Англии по отношению к наполеоновской Франции была более жесткой: границы 1792 г. и реставрация Бурбонов. Хотя постнаполеоновская Франция, по мнению Каслри, должна была быть достаточно сильной, чтобы в системе эквилибра служить одним из противовесов России.

Если Меттерних сумел повлиять на европейскую концепцию Каслри, то англичанин, в свою очередь, оказал влияние на отношение Меттерниха к Напо-

леону и Бурбонам. Вместе, в постоянном общении они следуют за войсками через Швейцарию на территорию Франции. «Я чувствую себя с ним так, как будто мы провели вместе всю нашу жизнь»<sup>86</sup>, — восторженно писал Клеменс о холдном, сдержанном англичанине. «У лорда Каслри есть все: любезность, острота ума, чувство меры. Он во всем согласен со мной, а я, в равной мере, — с ним»<sup>87</sup>, — писал Меттерних Шварценбергу. Его восхищение британским партнером почти беспредельно: «Каслри ведет себя, как ангел»<sup>88</sup>. Суждение Каслри о Меттернихе, пожалуй, больше говорит о нем самом, чем о Клеменсе, но тоже весьма показательно: «Австрийскому министру приписывали гораздо больше недостатков, чем их у него имеется на самом деле»<sup>89</sup>.

Как обычно, Меттерних склонен переоценивать себя и недооценивать партнера. Каслри был не из тех, кто позволял вести себя кому бы то ни было. К Меттерниху поначалу он питал глубокое, но хорошо скрываемое подозрение, как к творцу «австрийского брака» Наполеона. Ему часто казалось, что австрийский канцлер пытается спасти императора французов. Обладавшая острым политическим чутьем и опытом общения с англичанами, Вильгельмина предостерегала Клеменса насчет Каслри: «Вы довольны лордом Абердином, однако я не уверена, что вам удастся так же легко справиться с другим»<sup>90</sup>.

Тем не менее они смогли поладить друг с другом, причем со временем их отношения становились все более дружескими. Дело, конечно, не только в личных симпатиях. Со стратегической точки зрения для австрийской континентальной державы островная «владычица морей» представлялась оптимальной союзницей. С ней нечего было делить. В то же время и Англия, и Австрия были заинтересованы в том, чтобы закрепить в Европе такой баланс, который позволил бы сковать две наиболее могущественные континентальные державы — Францию и Россию. Именно сотрудничество с Англией и в сиюминутном, и долгосрочном планах должно было укреплять позиции Австрийской империи. Ради этого Меттерних пошел на огромную жертву, когда столкнулся с выбором: дружба с Англией или регентство Марии Луизы.

Пути всех главных союзников пересеклись в небольшом городке Лангре, где прошла их очередная конференция (29 января 1814 г.). Сценарий привычный: русские и пруссаки рвутся в Париж, Меттерних осторожно пытается охладить их пыл. С ним солидарен Шварценберг, которого не привлекала перспектива столкновения с Наполеоном. Позиция Каслри близка к австрийской, он был согласен на перемирие. Вновь начинаются переговоры с представителем Наполеона Коленкурром, на сей раз в Шатийоне. Терявший веру в свою звезду император французов едва не согласился на мир, что вызвало бы шок у союзников. Но затем последовала серия его блестящих побед, Наполеон снова решил положиться на свой гений, а союзники были повергнуты.

Наполеон надеялся не только на свои победы, но и на развал коалиции. Противоречия среди союзников действительно крайне обострились. За спиной царя Меттерних вел переговоры не только с Каслри, но и Гарденбергом. Ему же приходилось улаживать трения между царем и Шварценбергом. Чувствуя свою

силу, Александр I был склонен проводить собственную политику, не очень считаясь с партнерами. В мартовские дни 1814 г. главная квартира союзников напоминала Меттерниху «сумасшедший дом»<sup>91</sup>. Все же договор четырех держав в Шомоне (9 марта 1814 г.) сдерживал разъединительные тенденции в коалиции. Этому же содействовал Наполеон, который обрек переговоры в Шатийоне на ту же самую участь, что в Праге и во Франкфурте.

Во время конференции в Шатийоне Меттерних 8 марта обратился к Коленкуру с посланием, в котором были такие слова: «Если мир не будет достигнут в этот момент, никакой другой возможности больше не будет... наступит триумф для поборников войны на уничтожение против императора французов... Весь мир придет в расстройство, и Франция будет брошена на произвол судьбы»<sup>92</sup>. За день до прекращения переговоров в Шатийоне Меттерних заклинал Коленкура: «Вы знаете наши взгляды, наши принципы, стремления. Первые — абсолютно европейские, а потому и французские; вторые заключаются в том, что Австрия всегда заинтересована в процветании Франции, последние мы воспринимаем как желание тесно с нами связанной династии... Я сделаю все, чтобы удержать лорда Каслри еще несколько дней. Если этот министр уедет, тогда не удастся прийти к миру»<sup>93</sup>. Конечно, можно сомневаться в искренности Меттерниха, но в любом случае это явно компрометирующее его в глазах союзников письмо Талейран захватил с собой на Венский конгресс, рассчитывая, видимо, использовать этот документ для давления на канцлера.

Почему же Меттерних в конечном счете согласился на реставрацию Бурбонов? Принцип легитимизма в данном случае не играл решающей роли. Предпочел же Клеменс видеть на неаполитанском престоле Мюрата и его жену Каролину, а не возвращать на него вздорную Марию Каролину из дома Бурбонов. Просто ему было нужно оторвать Мюрата от Наполеона, и легитимной королеве отказано в ее притязаниях на прародительский престол.

Нельзя все свести к какой-то одной причине, хотя одна из главных заключалась в том, что решительным противником Бурбонов был российский монарх, чьи неустойчивые симпатии качнулись в сторону либеральных идей. Засела в его душе и глубокая неприязнь к графу Прованскому, которого прочили в короли под именем Людовика XVIII. Свою миссию освободителя Европы царь не хотел ограничивать реставрацией прежнего положения вещей, предавался весьма неопределенным мечтаниям о новом европейском порядке, которые найдут вскоре отражение в плане Священного союза. «Бурбоны, — приводит слова Александра I Н. К. Шильдер, — неисправившиеся и неисправимые, полные предрассудков старого режима, либеральные взгляды у одного герцога Орлеанского; на прочих нечего надеяться»<sup>94</sup>. Был у царя еще один вариант со шведским кронпринцем, в прошлом наполеоновским маршалом Бернадоттом. За этого бывшего республиканца ратовал Лагарп, присоединившийся к свите своего воспитанника на последнем этапе кампании. Однако Бернадотт сильно скомпрометировал себя, стремясь завоевать всеобщую благосклонность. Отвергая канди-



датуры братьев казненного Людовика XVI, Александр I готов был в крайнем случае согласиться на юного герцога Беррийского. В царской обойме претендентов фигурировал и пасынок Наполеона, вице-король Италии Евгений Богарне, к которому Александр питал теплые чувства.

К ужасу Меттерниха, царь играл с идеей созыва широкого собрания в стиле Генеральных Штатов, с тем чтобы оно приняло конституцию и высказалось по вопросу о главе государства. Австрийский канцлер усмотрел в этом аналогию с Конвентом и реализацию революционного принципа народного суверенитета<sup>95</sup>. Разнообразие вариантов, постоянные колебания между ними свидетельствуют о правоте мнения великого князя Николая Михайловича, «что вряд ли у государя был какой-либо созревший взгляд, кого именно возвести на французский престол»<sup>96</sup>. Объективно именно это обстоятельство во многом содействовало реставрации.

Твердо на стороне Бурбонов стояла Англия в лице Каслри. Меттерних был сторонником регентства Марии Луизы при малолетнем Римском короле, но линию свою по обыкновению окутывал туманом двусмысленности. К этой идее начал неожиданно склоняться Александр, поддавшись порыву великодушия по отношению к побежденному Наполеону, но предательство маршала Мармона, перешедшего со своим корпусом к союзникам, побудило царя опять изменить свою позицию.

В конечном счете все-таки Бурбоны получили Францию из рук союзников. Каслри при поддержке Меттерниха взял верх над Александром I. Во многом объяснение кроется и в том, что Бурбоны представлялись альтернативой любому иному варианту, будь то регентство, герцог Орлеанский, кронпринц Бернадотт. А человек, от воли и могущества которого прежде всего зависело решение, т. е. император Александр I, постоянно колебался и не мог сделать твердого выбора.

В решении Меттерниха, весьма неожиданном, принять сторону Бурбонов остается и какой-то элемент загадочности. Поговаривали даже об огромной взятке, полученной якобы при посредстве Талейрана, главного действующего лица в процессе реставрации старой династии. Скорее всего дело в целом наборе причин. Поддерживать Бурбонов — это значит, с одной стороны, закрепить особые отношения с Англией, а конкретно с Каслри, с другой, — помешать неясным замыслам царя. Впрочем, даже регентство, если бы оно было даровано французам русским царем, теряло тем самым в глазах Меттерниха привлекательность. Необходимо учитывать и особенности психологии Клеменса, квиетистской психологии грансенъора. Регентство было «великим», но отнюдь не удобным решением. Оно сулило грандиозные перспективы, но ничуть не меньше осложняло, вносило в политическую жизнь Европы еще больше непредсказуемости. И в этом случае Клеменс, как обычно, не за «героический», а за верный путь. Кстати, Генц, которого Наполеон клеймил как «продажного писаку», был решительным сторонником регентства и долго не мог простить своему шефу упущенного шанса. Можно, конечно, как это делает Србик, усматри-

вать в действиях Меттерниха и твердое следование принципу баланса сил: «Много выше династического вопроса Меттерних ставил равновесие в Европе», и если «царь выиграл в свержении императора... то в вопросе равновесия игру выиграл Меттерних»<sup>97</sup>.

Но если царь отнесся к поверженному противнику с подчеркнутой доброжелательностью, с благородством, то Меттерних и его император отвернулись от Наполеона и были озабочены лишь тем, чтобы обезопасить себя: один — от бывшего союзника, другой — от зятя. Они выражали резкое недовольство в связи с тем, что прибежищем побежденного императора стал остров Эльба, расположенный так близко от Франции и Италии. «Твой прекрасный император (Александр I. — П. Р.) сделал глупость, — писал Клеменс Вильгельмине по поводу выбора Эльбы, — и ведет себя как школьник, который вырвался из-под надзора наставника»<sup>98</sup>. В поведении Меттерниха сказывается, видимо, раздражение из-за того, что упрямство Наполеона сорвало ему большую военно-дипломатическую игру. Кроме того, он лучше других знал, на что способен свергнутый император.

Франц I не разрешил дочери отправиться с мужем на Эльбу, хотя она на первых порах того желала. А Меттерних не передавал Наполеону письма Марии Луизы. Они так и застревали в ящиках его стола. Мария Луиза еще некоторое время сохраняла теплые чувства к мужу, но Наполеон был лишен возможности узнать об этом. Вскоре бывшая императрица французов нашла утешение в лице генерала графа Нейперга. Но это уже обошлось без Клеменса. Однако всю свою последующую жизнь Мария Луиза будет пользоваться покровительством всемогущего канцлера, их отношения приобретают вполне дружеский характер. К римскому же королю, за которого он поднимал тост в Париже, Меттерних относился если не враждебно, то, по крайней мере, с чертовым безразличием. Вспомнит он о юноше только однажды, когда того требуют политические интересы.

Париж 1814 г. после падения императора и возвращения Бурбонов, наполненный войсками союзников, существенно отличался от гордой и великолепной столицы могучей империи, каким его оставил в 1810 г. Меттерних. Но Париж — всегда Париж. Победители стремились сполна испытать удовольствия, которыми славился этот город. Возрождаются парижские салоны. Клеменс здесь как рыба в воде. Особенно частый гость он в салоне своей бывшей возлюбленной Лауры д'Абрантес. Это не мешает ему ревновать Вильгельмину к Виндишгрецу. При первой же возможности он отправляет соперника с миссией в Турин. Но венская полиция доносит, что у герцогини Саган новый любовник — английский посол Фредерик Лэм. Не остается ничего другого, как встретиться с ней в Париже, где под кровом Талейрана жили ее мать и младшая сестра. Как пишет с иронией Г. де Бертье де Савиньи, Меттерних оказался одновременно и «зятем» и «своком» Талейрана, поскольку герцогиня-мать была любовницей того в прошлом, а ее дочери — сестре Вильгельмины — вскоре предстоит заменить мать<sup>99</sup>.

С приездом Вильгельмины в Париж там собралось все курляндское семейство в составе матери и четырех дочерей. Между Клеменсом и Вильгельминой произошла размолвка. Он заказал для нее браслет, на котором была выгравирована дата их первой ночи, а взамен потребовал подарок Виндишгреца. Вильгельмина отказалась. Обида Клеменса беспредельна. «Первый министр Европы», вступивший в пятое десятилетие жизни, ведет себя подобно влюбленному поручику. Но без этого штриха его портрет выглядел бы слишком казенным и официальным.

Рвущуюся в любимый Париж Лорель Клеменс всячески стремится удержать в Вене, дает ей понять, что ехать туда нет смысла, так как вот-вот в австрийской столице начнется большой конгресс. В утешение жене он закупает в Париже мебель, фарфор, серебро и бронзу. Позаботился он не только о доме, но и о своем «рабочем месте», апартаментах в госканцелярии: «Я решил хорошо оставить эти комнаты, потому что есть много шансов на то, что я смогу провести в этом здании еще много хороших лет»<sup>100</sup>.

Подписанный в Париже мир (30 мая 1814 г.) носил предварительный характер, союзники еще не раскрыли до конца карты, предстоял большой дележ добычи. Первоначально открытие итогового конгресса было назначено на 1 августа. В отличие от других союзных государств Австрия уже по первому Парижскому миру в основном удовлетворила свои притязания. Ей были возвращены потерянные в войнах с Наполеоном территории: Иллирия, Далмация, Тироль, она расширила свои владения в Италии. Правда, еще не была решена судьба Галиции, были и другие проблемы, но в целом Австрия «насытилась». Поэтому на предстоящем конгрессе ее задача заключалась прежде всего в том, чтобы не допустить чрезмерного насыщения других держав, соблюсти выгодный для нее баланс сил.

К решению этой задачи Меттерних приступил, имея уже солидный дипломатический капитал, богатый опыт. Союзные конференции в Праге, Теплице, Лангре, Труайе, Шомоне оказались хорошей школой. В документах коалиции ощущается рука Меттерниха. Практически в каждом из них речь идет о балансе сил. Хотя этот термин был расхожим в дипломатическом лексиконе той эпохи, тем не менее влияние Меттерниха и ставшего его правой рукой Генца распознается не только по нему, но и по его интерпретации. Дипломатия конгрессов создавала неизмеримо большие возможности для дипломатической игры, разнообразных интриг и комбинаций, а в таких делах австрийский канцлер достиг высокого мастерства.

---

<sup>1</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 10.

<sup>2</sup> Ibid. S. 360.

<sup>3</sup> Demelitsch F. von. Op. cit. S. 545.

<sup>4</sup> Ibid. S. 548.

<sup>5</sup> Ibidem.

<sup>6</sup> Ibid. S. 551.

<sup>7</sup> Ibid. S. 556.

<sup>8</sup> Ibid. S. 560.

- <sup>9</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 364.
- <sup>10</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX века (далее — ВПР). Серия первая. М., 1970. Т. VII. С. 112.
- <sup>11</sup> Цит. по: Corti E. C. S. 367.
- <sup>12</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 147.
- <sup>13</sup> ВПР. Серия I. Т. VII. С. 91.
- <sup>14</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 145.
- <sup>15</sup> Onken W. Das Zeitalter der Revolution, der Kaiserreich und der Befreiungskriege. Berlin, 1886. Bd. 11. S. 634.
- <sup>16</sup> The English Historical Review. 1924. Vol. XXXIX. № 153. January. P. 257.
- <sup>17</sup> Ibid. P. 257–258.
- <sup>18</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 149.
- <sup>19</sup> Цит. по: Corti E. C. S. 376.
- <sup>20</sup> Souvenirs de la duchesse de Dino. P., s. d. P. 11–12.
- <sup>21</sup> Ibid. P. 11.
- <sup>22</sup> Brül C. Die Sagan. B., 1941. S. 47–48, 60–61.
- <sup>23</sup> Souvenirs de la duchesse de Dino. P. 114.
- <sup>24</sup> Clemens Metternich — Wilhelmine von Sagan. Ein Briefwechsel. 1813–1815. Hrsg. von Maria Ullrichowa. Graz; Köln, 1966. S. 10.
- <sup>25</sup> Ibidem.
- <sup>26</sup> Цит. по: McGuigan D. Metternich and the Duchess. N. Y., 1975. P. 27.
- <sup>27</sup> ВПР. Сер. 1. Т. VII. С. 289.
- <sup>28</sup> Onken W. Op. cit. S. 626.
- <sup>29</sup> Ibid. S. 621.
- <sup>30</sup> ВПР. Сер. 1. Т. VII. С. 719.
- <sup>31</sup> Там же. С. 149.
- <sup>32</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 146.
- <sup>33</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 373.
- <sup>34</sup> ВПР. Сер. 1. Т. VII. С. 719.
- <sup>35</sup> Onken W. Op. cit. S. 638.
- <sup>36</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 373.
- <sup>37</sup> ВПР. Сер. 1. Т. VIII. С. 59.
- <sup>38</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 146–147.
- <sup>39</sup> Сорель А. Указ. соч. Т. VIII. С. 111.
- <sup>40</sup> NP. Bd. 2. S. 462.
- <sup>41</sup> Ibidem.
- <sup>42</sup> Ibid. Bd. 1. S. 155.
- <sup>43</sup> Ibid. S. 156.
- <sup>44</sup> Ibid. S. 151.
- <sup>45</sup> Цит. по: McGuigan D. Op. cit. P. 82.
- <sup>46</sup> Сорель А. Указ. соч. С. 134.
- <sup>47</sup> ВПР. Сер. 1. Т. VII. С. 303.
- <sup>48</sup> McGuigan D. Op. cit. P. 118.
- <sup>49</sup> Grunwald C. de. Op. cit. P. 124.
- <sup>50</sup> Сорель А. Указ. соч. С. 141.
- <sup>51</sup> McGuigan D. Op. cit. P. 117.
- <sup>52</sup> NP. Bd. 3. S. 293.
- <sup>53</sup> McGuigan D. Op. cit. P. 120.
- <sup>54</sup> NP. Bd. 2. S. 463.
- <sup>55</sup> Ibid. S. 467.
- <sup>56</sup> Ibid. S. 464.
- <sup>57</sup> Ibid. S. 467.
- <sup>58</sup> Srbik H. R. Op. cit. S. 167–168.
- <sup>59</sup> Bibl V. Op. cit. S. 124–125.
- <sup>60</sup> Николай Михайлович, Великий князь. Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 156.
- <sup>61</sup> Bibl V. Op. cit. S. 123.
- <sup>62</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 389.
- <sup>63</sup> Gentz F. von. Op. cit. S. 269.
- <sup>64</sup> Цит. по: McGuigan D. Op. cit. P. 120.

- <sup>65</sup> Ibid. P. 143.
- <sup>66</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 168.
- <sup>67</sup> McGuigan D. Op. cit. P. 135.
- <sup>68</sup> Ibid. P. 154.
- <sup>69</sup> Ibid. P. 175.
- <sup>70</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 169.
- <sup>71</sup> Ibidem.
- <sup>72</sup> Letters du Prince de Metternich. P. 215.
- <sup>73</sup> Сорель А. Указ. соч. Т. VIII. С. 160.
- <sup>74</sup> Цит. по: McGuigan D. Op. cit. P. 169.
- <sup>75</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 173.
- <sup>76</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 405–406.
- <sup>77</sup> Clemens Metternich — Wilhelmine von Sagan. S. 156.
- <sup>78</sup> Ibid. S. 227.
- <sup>79</sup> Ibid. S. 191.
- <sup>80</sup> Ibid. S. 211.
- <sup>81</sup> Ibid. S. 229.
- <sup>82</sup> Ibid. S. 234.
- <sup>83</sup> Ibid. S. 220.
- <sup>84</sup> Palmer A. The Chancelleries of Europe. L., 1983. P. 1.
- <sup>85</sup> Kissinger H. A. A World restored. P. 60.
- <sup>86</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 184.
- <sup>87</sup> Цит. по: McGuigan D. Op. cit. P. 196.
- <sup>88</sup> Цит. по: Cecil A. Op. cit. P. 140.
- <sup>89</sup> Ibid. P. 141.
- <sup>90</sup> Цит. по: McGuigan D. Op. cit. P. 196.
- <sup>91</sup> Srbik H. R. Op. cit. S. 175.
- <sup>92</sup> Цит. по: Grunwald C. de. Op. cit. P. 131.
- <sup>93</sup> Цит. по: Bourgoing J. von. Vom Wiener Kongress. Brühn; München; Wien, 1943. S. 78.
- <sup>94</sup> Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 231.
- <sup>95</sup> Onken W. Op. cit. S. 760, 767.
- <sup>96</sup> Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. С. 151.
- <sup>97</sup> Srbik H. R. Op. cit. S. 178.
- <sup>98</sup> Clemens Metternich — Wilhelmine von Sagan. S. 244.
- <sup>99</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P.
- <sup>100</sup> Цит. по: McGuigan D. Op. cit. P. 288.

## ГЛАВА V. ДУЭЛЬ С ЦАРЕМ

### I

С точки зрения политической биографии Меттерниха основной линией дипломатического противоборства на Венском конгрессе, бесспорно, является его своеобразная дуэль с российским императором Александром I. Все началось сразу же после прибытия царя в Вену. На рассвете 25 сентября пушечные выстрелы возвестили жителям Вены, что русский царь приближается к городу. Затем последовала торжественная встреча. И Клеменс по горячим следам пишет Вильгельмине в стиле сводки с театра военных действий: «Вместо того чтобы быть с моим другом, я должен был вступить в первую схватку с царем. Я понял, что он хотел произвести рекогносцировку. Как хороший офицер, я не мог ему этого позволить. В результате царь так ничего и не узнал о моих намерениях, а я ясно видел то, чего он хочет... Я выдвинул свой авангард и могу спать спокойно. Армейские корпуса не будут застигнуты врасплох»<sup>1</sup>.

Причин для баталии имелось множество. После падения наполеоновской империи Россия стала доминирующей силой на европейском континенте; главную угрозу европейскому равновесию Меттерних видит теперь в ней. Кроме того, Меттерних не хотел отдавать Александру I лавры победителя Наполеона. Он считал, что росчерк его пера, бросивший Австрию на чашу весов коалиции, дает ему по меньшей мере такие же права на триумф.

Нельзя не учитывать и личное соперничество царя и канцлера на светской сцене Европы. «*Ce grand charmeur*» (этот великий соблазнитель), как называли царя в Европе, не мог не столкнуться с «любезным соблазнителем» из Вены в борьбе за симпатии европейской знати.

В их сложных и противоречивых отношениях уже давно накапливался взрывоопасный потенциал, и отнюдь не случайно, что взрыв произошел именно на конгрессе. В жизни Меттерниха как раз наступает период, когда его консервативные чувства и инстинкты начинают преобразовываться в своего рода политическую философию, основные принципы которой через несколько лет он сформулирует специально для российского императора. Сейчас же эти, еще не принявшие законченной формы, но достаточно определенные принципы создавали идейные, мировоззренческие основания для вражды Меттерниха к царю. В основе же враждебного отношения царя к австрийскому канцлеру лежали скорее мотивы политические и моральные. Александр I видел в Меттер-

них дипломатического жонглера, не заслуживавшего доверия, двуличного, скользкого.

Уже говорилось, что Французская революция явилась главным источником социально-политического опыта для Клеменса. Не удивительно, что подъем национально-освободительных устремлений в Европе, особенно в Германии, вызванный антинаполеоновской войной, он воспринимал как рецидив якобинства. Это было для него гораздо страшнее наполеоновского деспотизма. Появление новой опасности князь Меттерних скорее ощущал, чем осознавал. Глубочайшие социальные сдвиги подорвали сословно-корпоративную структуру на значительной части европейского континента, создав базу для либеральных и радикальных движений. Усиливается тяга буржуазии и образованной части общества к конституционным парламентским порядкам. Не случайно на Венском конгрессе, при всей его реакционности, при всем упоре на принцип легитимизма, практически вопрос о возврате к положению вещей, существовавшему до 1789 г., не стоял. Основной целью конгресса была не столько реставрация, сколько сохранение политической стабильности. После 25 лет борьбы с революционной, а затем с наполеоновской Францией европейские монархи хотели бы максимально закрепить то, что удалось сохранить от старого порядка. Некоторые из них отдавали себе отчет, что многие изменения, произошедшие за четверть века в мире, необратимы. Поэтому стабильность невозможна без приспособления к статус-кво. Но довольно остро встают вопросы о социальных и политических реформах, пусть крайне ограниченных, пусть проводимых посредством «революций сверху», но все-таки реформах. В свою очередь проблемы политические, конституционные оказывались в теснейшей связи с национальными: пример тому Германия, Италия, Польша.

Меттерних стал признанным лидером всех тех, кто надеялся ограничиться созданием политического эквilibра (внешнего и внутреннего), по возможности не касаясь сферы социальных и национальных отношений. Его формирующаяся политическая философия поверхностна, но весьма претенциозна. В ее основе упрощенные представления о мире как арене, на которой идет борьба консервативных сил с разрушительными.

Одним из опаснейших представителей этих последних Клеменс считал российского императора. Ведь именно тот настоял на введении конституционной хартии во Франции, собирался дать конституцию Польше. В свите царя его либеральный наставник Лагарп, злейший враг князя, поборник национального единства Германии барон Штейн, подозрительный грек Каподистрия, не говоря уж о князе Чарторыйском. Эти люди платили Клеменсу той же монетой. «Граф (хотя Клеменс уже успел стать князем. — П. Р.) Меттерних, — презрительно замечал А. Чарторыйский в одном из писем, — по своим принципам настоящий пройдох... что же касается его талантов, то я о них ничего не знаю»<sup>2</sup>. «Для дела Австрии весьма опасно иметь министра, презираемого нациями и ненавидимого за границей»<sup>3</sup>, — таков приговор Лагарпа.

Многое в отношении Меттерниха к царю проясняет написанный им уже после смерти императора Александра I (в 1829 г.) его портрет. Начинается он словами Наполеона: «Император Александр — обаятельнейшая личность, он способен очаровать всякого, кто имеет с ним дело. Будь я человеком, повинующимся поверхностным впечатлениям, я мог бы всецело довериться ему. Наряду со столь многими достоинствами его духа и его манеры обхождения, в его сущности есть что-то такое, чего я не могу определить и о чем я не могу сказать ничего лучше, как о том, что у него во всем всегда "чего-то" не хватает. Самое же удивительное при этом, что никогда нельзя уловить, чего же не хватает в том или ином конкретном случае, так как недостающее превращается во что-то бесконечное»<sup>4</sup>.

Сам Меттерних полностью согласен с характеристикой, данной Александру I Наполеоном, называет ее пророческой. Вся история его общения с царем подтверждает правоту Бонапарта. В царе сплетаются самые противоречивые свойства: мужские достоинства и женские слабости, острота и тонкость ума с недостаточной его глубиной. Впрочем, все это можно было бы сказать и о самом Клеменсе. Но Меттерних как дитя века Просвещения — рационалист. У него представление об общественном развитии как процессе упорядоченном в механицистском смысле, повинующемся неким общим законам. Поэтому его раздражает все неупорядоченное, стихийное, непредсказуемое. Между тем царь подвержен «стихийным побуждениям», «фальшивым теориям». Именно это дает Клеменсу основание утверждать следующее: «Ничто не совпадало в такой малой степени, как ход мыслей императора и направление моего духа»<sup>5</sup>.

Глубокая внутренняя противоречивость натуры царя происходила из «причудливого смешения уроков либерального ментора (Лагарпа. — П. Р.) и практики российского правления». Лагарп наполнял голову своего царственного воспитанника не позитивными знаниями, а абсурдной доктриной. «Без сомнения, будучи убежден в том, что империя, которой однажды станет править его воспитанник, по уровню цивилизации не созрела для того, чтобы непосредственно нести иго этой доктрины, он рассчитывал подготовить в будущем самодержце могучий рычаг для того, чтобы обеспечить переворот в других, более развитых странах и в особенности на своей родине, Швейцарии»<sup>6</sup>. И царь не мог устоять перед искушением. В роли монарха-филантропа он надеялся обрести непреходящую славу. Сделать это ему было тем легче, что у себя дома он был избавлен от опасности либеральных воззрений и партий, угрожавшей другим тронам и традиционным институтам Центральной Европы.

Меттерних со своим циклическим подходом к истории сделал «открытие»: в мышлении Александра I прослеживается периодичность. Своего рода пятилетние циклы развития диаметрально противоположных идей. Первые два года идея созревает, на третьем году император остается верен сложившейся системе, на четвертом году начинается отрезвление, а пятый год характеризуется бесформенным смешением исчерпавшей себя системы с новой идеей, начинающей оформляться. До 1807 г. царь, по мнению Меттерниха, руководствовался либеральной идеей, через пять лет, в 1812 г., он снова вернулся к ней, и



как раз на 1814 г. пришелся пик его старой идеи филантропии и свободомыслия, которая с 1815 г. начинает уступать место религиозному мистицизму.

Нет смысла разбирать здесь обоснованность рассуждений Меттерниха, но его выкладки помогают понять, почему именно на время Венского конгресса приходится кульминация противоборства между канцлером и царем. Проясняется и идейно-политическая подоплека борьбы.

Практически все линии противоречий между Меттернихом и Александром I сфокусировались в польском вопросе, который оказался на авансцене конгресса не только потому, что от его решения в значительной степени зависел европейский эквilibр. Многих участников конгресса намерение царя дать Польше конституцию беспокоило не меньше, чем его стремление поглотить ее целиком.

Особую опасность польский конституционный прецедент мог создать для многонациональной Австрийской империи, правящие круги которой никак не могли примириться с конституцией венгерской. Смутные либеральные идеи и настроения царя пугали австрийского канцлера с его острым чувством опасности, но не очень ясным видением реальных врагов. Не случайно он говорил о них обычно в широком смысле, как о неких разрушительных, сеющих хаос силах, что позволяло, правда, все время расширять и обновлять список этих сил. Конечно, царя он не ставил в один ряд с ними, но видел в нем стихийную, непредсказуемую силу, вольно или невольно прокладывающую путь врагам традиционных порядков, монархической формы правления, равновесия сил и вытекающего из него покоя.

О встрече в Вене царь, кайзер и прусский король договорились вскоре после Лейпцигской битвы. Договоренность была подтверждена в Париже. Прелюдией к Венскому конгрессу стала встреча европейских монархов в Лондоне. Однако император Франц предпочел уклониться от вояжа в британскую столицу. Ему совсем не хотелось находиться в тени освободителя Европы Александра I, которого с нетерпением ожидали в Англии. Да и вообще Францу не приходилось рассчитывать на хороший прием, так как в нем англичане видели малодушного человека, отдавшего дочь в жертву Минотавру. Немаловажной причиной отказа было и природное отвращение Франца к светской суете, утомительным церемониям, праздничным торжествам. Вместо него, естественно, отправился в Лондон Клеменс, для которого это было делом привычным и даже не лишенным приятности. Кроме того, лондонская встреча наряду с торжественной, праздничной стороной имела и серьезный политический подтекст, а кайзер уже давно переложил всю внешнюю политику империи на охотно подставленные плечи канцлера.

В начале июня 1814 г. сиятельный десант высадился в Англии. Все преимущества в британском раунде противоборства канцлера с царем были на стороне последнего. Именно его жаждала увидеть благодарная английская публика; ему, казачьему генералу Платову и неугомонному прусскому фельдмаршалу Блюхеру были отданы все симпатии англичан. Австрийский канцлер с его сомнительной репутацией, мягко говоря, не пользовался популярностью.

Принц-регент (будущий король Георг IV) и премьер-министр были явно расположены к царю и настроенно восприняли австрийского министра. «Если бы царь хорошо разыграл свои карты, — писал известный британский историк Ч.-К. Уэбстер, — он смог бы значительно осложнить положение Каслри»<sup>7</sup>. А это было бы ударом и по Меттерниху.

От Клеменса, однако, не потребовалось больших усилий, чтобы ситуация изменилась в его пользу; об этом позаботился сам Александр, и особенно постаралась его сестра великая княгиня Екатерина Павловна. Отмечая восторженный прием, оказанный царю в Англии, великий князь Николай Михайлович писал: «К сожалению, Александр попал всецело под влияние своей взбалмошной сестры Екатерины, не обратил внимания на суть дела и возможные выгоды своего пребывания для интересов России, а отдался лишь внешним проявлениям любезности при радушии такого приема»<sup>8</sup>.

Великая княгиня решительно и бестактно вмешалась в запутанные семейные дела принца-регента. Несмотря на возражения российского посла Х. А. Ливена и его жены, она общалась больше с вигами, чем с находившимися у власти тори; она угрожала нанести визит самой принцессе Уэльской, с которой принц-регент порвал отношения; она использовала все свое влияние на принцессу Шарлотту, чтобы та отказала принцу Оранскому и т. д.<sup>9</sup> По ее совету царь тоже вступил в отношения с вигской оппозицией. Неуважительно вела себя великая княгиня при исполнении британского гимна на приеме, устроенном лондонским муниципалитетом. Ее экстравагантное поведение усугублялось тем, что она влюбилась в кронпринца Вюртембергского, причем настолько страстно, что сам принц, хотя и ответил ей взаимностью, был слегка ошарашен ее натиском. Этот роман порадовал Меттерниха, так как исчезла опасность брака Екатерины Павловны с эрцгерцогом Карлом. Позднее, чтобы углубить разлад между эрцгерцогом и российским императорским домом, Клеменс передаст в руки Карла копии перехваченных писем великой княгини, уязвлявших самолюбие несостоявшегося жениха.

В Англии Меттерних сумел искусно воспользоваться промахами царя. В отличие от Александра, он успешно обхаживал принца-регента, избегал каких-либо контактов с оппозицией и очень быстро с лихвой отыграл ту фору, которую Александр I имел до визита. Наряду с прочими почетными гостями (графом Ливеном и фельдмаршалом Блюхером) Меттерних был удостоен докторской степени в Оксфорде<sup>10</sup>. Был он и на грандиозном приеме в резиденции лорд-мэра Лондона. Справа, через три места от него сидела героиня его будущего романа, жена российского посла Х. А. Ливена — Доротея Христофорова Ливен.

Вот ее первые впечатления от Клеменса: «Князь Меттерних, зритель, которого весьма забавлял этот спектакль (война между царем, его сестрой и принцем-регентом. — П. Р.). Он сразу же извлекает из этого выгоду. Спокойным взглядом он взирает на эту живую картину и легко, изрядно забавляясь, вершит большую политику». Ливен расстроена тем, что австриец «полностью по-

работил дух принца-регента. Он потакает его тщеславным наклонностям, которые выглядят чрезвычайно смешно у суверена. Он вручил ему австрийский орден Золотого руна, с которым принц никогда не расстанется, и звание офицера австрийской кавалерии. Принц-регент с удовольствием щеголяет в белой форме»<sup>11</sup>.

С Вильгельминой отношения Клеменса все больше ухудшались. С весны 1814 г. она усилила натиск на любовника, побуждая его к разводу. Ей льстила мысль стать женой «первого министра Европы», и она имела основания полагать, что подходит для этой роли лучше, чем Элеонора. Вильгельмина следовала за Клеменсом повсюду. После Парижа, где близость курляндского семейства к Талейрану обеспечивала ей высокую социальную роль в свете, она почувствовала себя в Лондоне неуютно. Дважды разведенную герцогиню избегали принимать во многих престижных домах. Меттерниха же совершенно закутила политическая карусель, и он не мог уделять ей достаточно времени и внимания. Видимо, пребывание в Лондоне ясно высветило ущербность ее статуса и укрепило матримониальные намерения, так что Клеменсу пришлось нелегко.

Компенсацией за эти личные неурядицы стал несомненный политический успех его второго путешествия в Англию двадцать лет спустя после первого. «Регент, его министры, часть общества, вся официальная Англия остались недовольны и возмущались заигрыванием Александра и его сестры с оппозицией, а, пока шли увеселения, за спиной русского императора уже образовалось враждебное звено в лице лорда Каслри и князя Меттерниха, которое вскоре на Венском конгрессе привело к печальным последствиям»<sup>12</sup>, — резюмировал итоги визита царя в Англию великий князь Николай Михайлович.

## II

**П**о возвращении из Англии Меттерних встречается с семьей в Бадене 19 июля. Никогда еще так надолго он не разлучался с женой и детьми. Он не видел их целых 13 месяцев. Семья значила для него очень много, он был привязан к жене, любил детей. Для них князь приготовил множество подарков. Еще долго после приезда Клеменса из Парижа и Лондона прибывали ящики и тюки, набитые игрушками, украшениями, одеждой, утварью. Но самое главное для детей и Элеоноры — это то, что наконец отец и муж снова с ними. Когда же князь появился в Вене, ему был устроен торжественный прием в госканцелярии. Граф Палффи собрал музыкантов из Бургтеатра и Венского театра, которые исполнили бетховенскую увертюру «Прометей» и специально сочиненную по этому случаю кантату, славившую князя — спасителя страны.

Отдыхая в Бадене, Меттерних периодически наезжал в Вену, чтобы контролировать подготовку к конгрессу. Почти вслед за Меттернихом в Вену возвратилась и герцогиня. Хотя Клеменс сразу же узнал об этом, но не торопился встретиться с ней. Она была страшно раздосадована и устроила сцену Генцу,

который, как она знала, держал своего патрона в курсе ее связей, в частности с Фредериком Лэмом. «По приезде герцогини Саган, — записал Генц в своем дневнике, — ситуация стала штормовой... Я должен дорого платить за честь быть конфидентом и посредником Меттерниха в его связи»<sup>13</sup>.

На сей раз инициативу проявила Вильгельмина, а Клеменс не заставил себя долго ждать. Их встреча произошла 25 июля в Вене. Этот день он тоже внесет в реестр самых счастливых в своей жизни. На следующий день князь получил письмо герцогини, в котором она обещала начать новую жизнь, уступить его требованиям и полностью довериться ему. Радости Клеменса опять нет предела. Теперь все снова выглядит в розовом цвете, будь то личная жизнь, будь то политическая игра. У него прилив энергии, ощущение, что все нити у него в руках. И жене, и любовнице он самонадеянно заявляет, что предстоящий конгресс продлится не более 3–6 недель. Не в первый и не в последний раз он оказался плохим пророком. К середине сентября в австрийскую столицу уже прибыли многие министры, в том числе Каслри и Гарденберг. Как раз 15 сентября Меттерних писал герцогине: «В этот самый ответственный момент моей жизни мне необходимо собрать воедино все силы. Мой разум в полной готовности. Я подобен генералу, который расставляет свои войска и готовит поле для решающей битвы. Мой друг, не оставляйте меня в этот момент»<sup>14</sup>.

Вена превращается в эпицентр европейской политики. Сюда прибыли почти все европейские монархи, множество представителей знаменитых аристократических родов Европы, было аккредитовано свыше 200 дипломатов. Суверенов разместили в Хофбурге, остальные устраивались как могли, впрочем, не без участия Меттерниха. Талейран — теперь министр иностранных дел Людовика XVIII, которому суждено было стать ключевой фигурой конгресса, — разместился во дворце Кауницев. Для обслуживания участников конгресса было выделено 300 колясок и 1200 лошадей. Почти ежедневно устраивались празднества и балы. Австрийские и венгерские магнаты стремились перещеголять друг друга. На «семейном празднике» у князя Эстерхази подавали столетний токай, одна бутылка которого стоила 150 гульденов. На хозяйке дома были бриллианты ценою в шесть миллионов ливров. От венских магнатов не хотел отставать постоянно живший в Вене российский вельможа и дипломат князь А. К. Разумовский. По понедельникам балы давал Меттерних. Наряду с танцами устраивались живые картины в стиле рыцарского средневековья и Ренессанса. Было проявлено много фантазии и изобретательности. Немалая заслуга в этом и самого Клеменса, его балы были вне конкуренции по фантазии и роскоши. Однако на его долю досталось больше сарказма, чем благодарности. «Меттерних — лучший в мире церемониймейстер, — ехидно говорил царь, — но самый плохой праздника или живые картины. Слушая сразу двух слов, он одновременно смотрит, как танцует его дочь, и грациозно шутит с дамами. Для него пустяки — это серьезно, а серьезные вещи он считает пустяками»<sup>16</sup>, — возмущался прусский дипломат В. фон Гумбольдт.

Но вряд ли можно четко отделить венскую праздничную карусель от карусели дипломатической. И это происходило не столько из легкомыслия главного дирижера конгресса, сколько из особенностей, присущих дипломатии того времени, и особенностей его личного дипломатического искусства. Уже не раз говорилось о том, что фривольность и легкомыслие нередко были искусной маской, под которой скрывался холодный и точный расчет. Как раз преимущество его было в том, что он с равным успехом мог вести дипломатическую игру в кабинетах, гостиных, танцевальных залах и будуарах. Конечно, устройство и режиссура празднеств отнимали много сил, но в результате возникала та атмосфера, которая, по его расчетам, должна была облегчить решение принципиальных политических задач.

Уж кому и было не до развлечений, так это главе венской полиции барону Хагеру. Еще никогда у него не было столько работы. Кайзер Франц поставил перед ним задачу «добывать точные сведения о пребывающих в Вене суверенах и их советниках». Пришлось мобилизовать большой штат «конфидентов», многие из которых были титулованными особами, светскими прожигателями жизни, авантюристами. «Под колпаком» Хагера оказались все сколько-нибудь значительные участники конгресса и «гости» австрийской столицы. Особое внимание уделено переписке высочайших и высокопоставленных особ. Наряду с традиционной перлюстрацией писем не гнушались и элементарной их кражей. Так, было выкрадено у генерал-адъютанта царя Чернышева письмо Александра I, предназначенное для одной из его пассий, жены франкфуртского банкира Луизы Бетман. После снятия копии его подбросили Чернышеву, успевшему чуть не до смерти избить заподозренного, но не повинного в краже лака<sup>17</sup>. Вообще же русская служба контршпионажа, как отмечают исследователи истории конгресса, действовала весьма эффективно.

Собравшийся в Вене цвет европейской знати от души предавался удовольствиям. В Вене царил вальс. Все оказались во власти нового танца: от простых венцев до коронованных особ. Совершенно ненасытен по части увеселений был Александр I, но вместе с тем он был и единственным монархом, энергично участвовавшим в работе конгресса. Общее настроение выразил прусский король, впрочем, человек меланхолический, тяжело переживавший раннюю смерть своей красавицы жены: «После всего, что Франция заставила нас пережить за двадцать пять лет, мы заслужили этот сезон удовольствий»<sup>18</sup>. Какая-то расслабленность после долгого напряжения охватила всех участников конгресса, в том числе и тех, кто достаточно серьезно относился к делу.

В полной мере это относится и к Клеменсу. Вот как проходил один из его «рабочих дней», 14 октября 1814 г., в соответствии с донесением одного из «конфидентов». «Меттерних уже не владеет собой из-за любви и тщеславия; он теряет обычно все утро, вставая с постели не раньше 10 часов (правда, по сравнению с Талейраном и Каслри он был ранней пташкой. — П. Р.), и, едва одевшись, спешит вздыхать возле Саган. Как правило, его ожидают ежедневно не менее сорока человек, но он уделяет для них примерно час, т. е. успевает при-

нять трех-четырех. Часто даже ближайшие помощники Гуделист и Генц вынуждены ждать приема по нескольку часов»<sup>19</sup>. Клеменса обвиняли в том, что из-за своего традиционного утреннего свидания с Вильгельминой он опоздал к подписанию договора с баварским королем, согласившимся уступить Австрии часть своих владений в обмен на итальянские. Когда же Клеменс явился, король успел передумать. Конечно, это одна из легенд, возникших в ходе конгресса, но дыма без огня не бывает. Амурные дела канцлера, особенно когда они приняли неприятный для него оборот, действительно мешали ему сосредоточиться на делах государственных. Работать же приходилось не меньше, чем в самые напряженные моменты кампаний 1813–1814 гг. Понятно, почему Меттерних периода конгресса явно проигрывает Меттерниху 1813 г. Тогда он был предельно сосредоточен и собран, в его дипломатической шахматной партии ходы были продуманнее и точнее.

После двух лет походной жизни царь энергично наверстывал упущенное. Им прямо-таки овладела танцевания, ставшая поначалу объектом добродушных, а потом уж и язвительных шуточек венцев. Александр танцевал даже на детских балах. На одном из них, у Шварценберга, маленькая графиня Вильчек сумела ловко поддержать едва не упавшего царя, а в ответ на слова благодарности сказала: «Я горжусь тем, что спасла европейское равновесие»<sup>20</sup>. Кстати, эти слова в устах девочки свидетельствовали не только о ее врожденном чувстве юмора, но и о том, насколько расхожим был принцип, положенный в основу деятельности конгресса.

Не гнушался царь и тех танцевальных вечеров, на которые собирался полусвет, весьма сомнительное общество. К 17 ноября 1814 г. Александр установил своеобразный рекорд, протанцевав свыше трех десятков ночей. Но в этот день во время вальса с леди Каслри он оказался в обморочном состоянии<sup>21</sup>.

В Вене с Александром произошло то же, что и в Лондоне. «Российский император, — писал Генц, — прибыл в Вену, чтобы быть предметом всеобщего восхищения»<sup>22</sup>. Надо сказать, что в этом он изрядно преуспел. Прекрасно выглядевший, русский монарх был восторженно встречен венцами во время торжественного въезда суверенов Европы в австрийскую столицу. Но постепенно симпатии к нему стали угасать. Если поначалу венцы взирали на то, как забавляются монархи, с любопытством и доброжелательностью, то вскоре королевские забавы стали их раздражать. Обширная литература о конгрессе наполнена описаниями светской жизни в Вене, скандальных походов коронованных и титулованных особ.

От конгресса сильно отдавало духом фривольности; свою существенную лепту в это внесли и царь, и Меттерних. Их пути нередко пересекались во Дворце Пальм на Шенкенгассе, одну половину которого занимала Е. Багратион, а другую В. Саган. Первую из этих дам навещал обычно царь, а вторую — канцлер, причем они отнюдь не были единственными завсегдатями, им приходилось делить внимание этих, как их называли в Вене, «двух Сивилл» с небольшим количеством конкурентов. Происходило это на виду у всей Вены. Причем

Дворец Пальм был не только приютом любви, но и важным центром интриг и шпионажа. Генц возмущался тем, что его шеф посвящал «курляндскую гурию» во все политические тайны.

Вена стала уставать от затянувшегося конгресса. Шесть недель, которые первоначально отводил конгрессу Меттерних, превратились во много месяцев. «Когда все это кончится! — в отчаянии восклицал бедный кайзер Франц уже в начале октября. — Мне не выдержать долго такой жизни». А смертельно больная Мария Людовика сказала: «Конгресс стоит мне десяти лет жизни»<sup>23</sup>.

«Баварский король пьет за всех, вюртембергский ест за всех, прусский мечтает за всех, царь любит за всех, а Франц платит за всех», — такова невеселая венская шутка того времени. Австрийская казна быстро пустела. По Талейрану, каждый день конгресса обходился кайзеру Францу в 100 тыс. гульденов. Правда, официальный церемониймейстер граф Вурмбранд заявлял, что это явно преувеличение. По его подсчетам, общая сумма имперских расходов на конгресс не превышала 8,5 млн гульденов<sup>24</sup>.

Нелегкой была и жизнь министров и дипломатов, непосредственно занятых делами конгресса. Обычно когда речь заходит о Венском конгрессе, то вспоминают знаменитое высказывание князя де Линя, но приводят только первую его часть, что искажает смысл сказанного, создает одностороннее представление о конгрессе. Сам де Линь в письме к Талейрану подчеркивал это: «Приводят мои слова, что конгресс танцует, но не продвигается вперед. Но, справедливости ради, надо добавить: никто так не потеет, как эти господа»<sup>25</sup>.

Князь де Линь так и не дожил до конца конгресса. Он умер 13 декабря 1814 г., в то самое время, когда казалось, что участники конгресса вот-вот возьмутся за оружие. Любившие этого остроуслова венские жители считали его жертвой непомерно затянувшегося конгресса: «Конгресс его доконал. Не жди добра, если собралось вместе такое множество государей»<sup>26</sup>, — таков был вердикт улицы.

Смерть 80-летнего князя стала символом заката аристократического космополитизма. Конгресс был его самым ярким всплеском. С этой точки зрения особенно показателен состав российской делегации: князь Разумовский, графы Нессельроде, Штакельберг, Каподистриа, барон Анштет, генерал Поццо ди Борго. Среди них только один россиянин, да и тот постоянный житель Вены. Со смертью князя де Линя рвалась одна из последних нитей, связывавших старый и новый век. Стихотворным реквиемом откликнулся на его смерть Гете. Князь де Линь, по словам Генца, был «человеком, каких уже более не будет, образцом всего того, что достигло совершенства в минувшем веке»<sup>27</sup>.

В великолепном аналитическом очерке о Венском конгрессе Генц, который собственноручно составил все его важнейшие документы, получив неофициальный титул «секретаря Европы», много внимания уделил отношениям своего шефа с царем. На его взгляд, царь испытывал острейшую неприязнь к австрийскому министру. Поводов было предостаточно: споры из-за генерала Моро, нарушение австрийскими войсками нейтралитета Швейцарии в конце 1813 г., вопреки воле царя, не говоря уже о постоянных разногласиях на всяко-

го рода встречах и конференциях союзников во время войны. К этому перечню следовало добавить и поездку в Англию. Наконец, Вена, где австрийский канцлер блистал своими талантами, затмевая царя. Именно это, по мнению Генца, вызвало у царя «особенно сильную ревность». И вот долго накапливавшееся раздражение нашло выход в затяжной вспышке ненависти, существенно отразившейся на ходе конгресса. «Эта ненависть, — утверждал Генц, — ключ ко многому из того, что происходило на конгрессе»<sup>28</sup>.

Если ввести поправку на преувеличение, то все же нельзя не признать, что в условиях кабинетной династической дипломатии личные отношения между главными действующими лицами на политической сцене накладывали глубокий отпечаток на большую политику.

Генц пишет, что царя выводили из себя «спокойствие и благожелательность, которую Меттерних всегда противопоставлял его предубеждениям»<sup>29</sup>. Однако в данном случае барон грешил против истины. Действительно, Клеменс обладал утонченными манерами, тактом, выдержкой. Но роль первого министра Европы, исключительное положение, предоставленное ему императором Францем, усугубили такие свойства его натуры, как высокомерие, самонадеянность. Клеменса стало «заносить». «Вся Европа собирается в моей передней»<sup>30</sup>, — самодовольно замечает он в письме к Лорель в дни подготовки к конгрессу. Талейран высмеивал Меттерниха за претензии на гениальность.

Чувствуя себя на равной ноге с монархами, он позволял себе порой слишком много. Царя Александра I это не могло не раздражать. Один из весьма осведомленных мемуаристов писал о том, что Меттерних относился к суверенам «легкомысленно, говорил с ними, не вставая с места, и позволял себе оскорбительный тон»<sup>31</sup>. Подтверждение тому можно найти и у самого Меттерниха. Несколько позднее он не без кокетства писал Доротее Ливен: «Если бы ты знала мои суждения об обитателях высших сфер, ты могла бы сместь меня за якобинца!»<sup>32</sup>

Хотя о конгрессе договорились уже давно, но, кроме Талейрана, ни у кого не было продуманного плана действий. Подготовительная работа затянулась до конца октября. Труднее, чем всем другим, приходилось Меттерниху; ведь кроме собственно дипломатических функций он взял на себя миссию церемониймейстера конгресса. Для него ситуация осложнялась еще и тем, что Австрийская империя в силу своего национально-этнического и территориального многообразия, геополитического положения оказалась непосредственно заинтересованной практически во всем комплексе проблем, стоявших перед конгрессом. Что же касается России, то для нее ключевым был польский вопрос. Помимо обычных военно-стратегических, экономических аспектов у этого вопроса была еще одна уникальная грань, которую, говоря современным языком, можно определить как цивилизационную. «Они хотели бы сделать из нас азиатскую державу», — говорил один из царских сановников Талейрану, имея в виду тех, кто не желал уступить польские земли России. «Между тем Польша, — продолжал он, — делает нас державой европейской»<sup>33</sup>. Все внимание Пруссии было поглощено германскими и, в меньшей мере, польскими делами. Англию больше волновала ко-



лониальная добыча. Франции было важно сохранить статус великой державы и развалить враждебную коалицию.

Будучи центральной-европейской державой, Австрия направляла свои взоры «по всем азимутам»: Германия, Италия, Польша, Адриатика, Балканы, — все это входило в сферу австрийских интересов. Не только польский вопрос, но и более широкие геополитические мотивы побуждали Меттерниха действовать прежде всего против России. Если на польские дела австрийцы и пруссаки смотрели примерно одинаково, желая получить свои бывшие владения, то саксонская проблема их серьезно разобщила. Не только Габсбурги, находившиеся в родстве с саксонским домом, но и большинство монархов Европы считало опасным лишать короля его владений за то, что он был союзником Наполеона. Когда же царь обвинял саксонцев в том, что они «предали дело Европы», Талейран не без ехидства заметил: «Сир, это вопрос дат». Тем самым он намекал на Тильзит и Эрфурт, на времена союза между Александром I и Наполеоном. Изгнание монарха с престола вступило бы в резкое противоречие с принципом легитимизма, не говоря уже о том, что ни Австрия, ни Франция, ни малые и средние германские государства не желали усиления Пруссии. Австрийская позиция по Польше совпадала с британской, но долгое время расходилась с ней по отношению к участи Саксонии. Между Меттернихом и французами стоял неаполитанский вопрос. Австрийский канцлер придерживался договора с Иоахимом Мюратом и не желал форсировать события ради того, чтобы очистить трон для неаполитанской ветви Бурбонов. Делал он это отнюдь не из любви к Каролине Мюрат, как полагали многие, а потому что Мюрат служил ему средством давления на Бурбонов. К тому же Меттерних был уверен, что бывший наполеоновский маршал в конце концов на чем-нибудь сорвется и сам погубит себя.

Многообразие интересов и причудливое сплетение противоречий объективно затрудняли Меттерниху разработку какого-либо обстоятельного и цельного плана. Австрийскому канцлеру пришлось вести игру сразу на нескольких столах, плести такую сеть головоломных интриг, в которой впору было запутаться и самому.

Циничный и язвительный Генц так оценивал основное содержание конгресса: «Громкие фразы о "реконструкции социального порядка", "регенерации политической системы Европы", о "длительном мире, основанном на справедливом распределении сил", и т. д., и т. д. должны успокаивать народы и придавать этому торжественному собранию величественность; но истинная цель конгресса — раздел между победителями захваченной у побежденных добычи»<sup>34</sup>.

В реальности все обстояло сложнее. Чаще речь шла о возвращении утраченного или компенсации за него. Территориальные притязания бывали увязаны и со стремлением восстановить равновесие. Участникам конгресса хотелось, чтобы наконец воцарился упорядоченный покой. Коллизии возникали между желанием покоя и стремлением получить свою долю добычи. Вопреки гипертрофированному цинизму Генца нельзя сбрасывать со счетов и вполне серьезное тяготение к легитимности. Поскольку Австрия в основном «насытилась»

еще по первому Парижскому миру, она выступила в роли ревнительницы европейского равновесия, что на практике означало сдерживание экспансионистских устремлений России и Пруссии в Восточной и Центральной Европе. Между прочим австрийцы намеревались вернуть свои былые владения в Польше.

Характерно, что в австрийской схеме эквilibра не было пока отведено определенного места для Франции. Схема оставалась четырехчленной: Австрия, Англия, Россия и Пруссия; т. е. на базе союза в Шомоне. Именно эта четверка держав задавала тон и на Венском конгрессе. Меттерних сначала не был заинтересован в том, чтобы допустить в ареопаг конгресса столь опасного человека, как Талейран. Францию в его лице пока держали в передней. Но Талейран вовсе не собирался смириться с отведенной ему ролью и выступил в качестве лидера всех недовольных, т. е. тех стран, которые подверглись в той или иной мере дискриминации со стороны четверки. Развернувшееся на конгрессе противоборство между Меттернихом и царем открыло перед французским министром весьма радужные перспективы, а искусства, чтобы этим воспользоваться, ему было не занимать.

Притязания России практически на всю территорию Польши были абсолютно неприемлемы не только для Австрии. Каслри заявил, что присоединение к России Великого государства Варшавского с 4 млн населения резко нарушит европейский баланс, и без того изменившийся в ее пользу<sup>35</sup>. Позиция Каслри по польскому вопросу была жесткой и последовательной. В то же время он твердо стоял тогда за включение всей Саксонии в состав Пруссии.

Меттерних поначалу недооценивал значение саксонской проблемы, о чем свидетельствовали его ранние предварительные договоренности с Гарденбергом в январе и апреле 1814 г. За поддержку прусских притязаний на Саксонию прусский министр предложил такой вариант раздела герцогства Варшавского: из 4334 000 его населения Россия должна была получить площадь с населением 2695 773 человека, Австрия — 314 000, а Пруссия — 1324 827<sup>36</sup>. Страх перед польскими планами царя мешал Меттерниху разглядеть опасность чрезмерного усиления Пруссии в случае поглощения ею Саксонского королевства. Впоследствии Талейран приписывал себе заслугу в том, что ему удалось раскрыть глаза австрийскому канцлеру на роль и место Саксонии в германском и общеевропейском эквilibре. Хотя Талейран и склонен преувеличивать свою роль, но доля истины в его словах была.

В Вене Меттерних возобновил начавшуюся еще в январе 1814 г. политическую игру с Гарденбергом. Вел он ее достаточно тонко, главным образом намеками. Наконец у прусского министра нервы не выдержали, и в начале октября он направил одинаковые ноты Каслри и Меттерниху. С одной стороны, Гарденберг хотел заручиться поддержкой Англии и Австрии насчет Саксонии и, в свою очередь, поддерживая их по польскому вопросу, получить вдобавок солидный кусок Польши. Кроме того, он претендовал еще и на Майнц. Если Каслри без колебаний готов был отдать пруссакам Саксонию, видя в сильной Пруссии противовес Франции, то Меттерниху пойти на это было неизмеримо сложнее.

Гарденберг писал Меттерниху: как только австрийский канцлер даст заверения от имени императора Франца насчет Саксонии, Пруссия тотчас же поддержит Австрию в польских делах. Но Франц с самого начала отрицательно отнесся к перспективе поглощения Саксонии Пруссией. Правда, руководствовался он при этом не столько принципом равновесия сил, сколько принципом легитимизма. Свержение законного монарха, представителя древней династии, какие бы прегрешения за ним не числились, Франц считал неприемлемым. Столь же непреклонны были и австрийские генералы, исходившие из стратегических соображений. Видимо в этом, а не в предупреждениях Талейрана, заключалась главная причина отказа Меттерниха от первоначальных соглашений с Гарденбергом. Эти соглашения, «поспешно и легкомысленно задуманные в лагерной суматохе»<sup>37</sup>, позднее стали важнейшим элементом дипломатической игры, направленной против России. Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что прусский король, романтический друг царя, не был посвящен в действия своего министра.

На ноту Гарденберга от 9 октября Меттерних ответил лишь 22-го. Он так долго тянул с ответом не только для того, чтобы поиграть на нервах прусского коллеги. Видимо, пришлось выдержать нелегкие объяснения с императором. «Виды Пруссии на включение всей Саксонии в свою монархию, — писал Меттерних в ответной ноте, — вызывают сожаление императора»<sup>38</sup>. Гарденбергу было предложено удовлетвориться частью территории Саксонии. Ядро же королевства, включая земли, граничившие с Австрийской империей, предполагалось обязательно сохранить. Следовательно, Пруссия должна была удовлетворять свои аппетиты в большей мере за счет Польши. Каслри в принципе согласился с ответом Меттерниха и считал возможным принять его в качестве основы для переговоров. Вместе в тем он продолжал оказывать давление на Меттерниха, добиваясь уступок Пруссии за счет Саксонии. Австрийский канцлер в какой-то степени поддался нажиму англичанина. Тот вызвался быть посредником на переговорах с царем. Хотя Гарденберг и был неудовлетворен австрийским ответом, но был готов с пониманием отнестись к объяснениям Меттерниха по саксонскому вопросу. Претензии же на Майнц он снял. По предложению Каслри решено было изложить результаты переговоров в меморандуме. Возмущенный царь назвал это «заговором 23 октября».

Все это происходило накануне заранее запланированной поездки трех монархов в Венгрию. И хотя наиболее решительно выступил против польских планов царя Каслри, Александр решил выместить свой гнев на Меттернихе. Он не стал оттягивать объяснение с канцлером до своего возвращения в Вену, и утром в день отъезда, 24 октября, между ними произошла острейшая стычка. Царь отыгрался за все. По словам Талейрана, он разговаривал с Меттернихом таким тоном, какой мог показаться грубым даже по отношению к слуге.

Клеменсу тоже изменило его хваленое самообладание. Рассказывая об этом эпизоде эрцгерцогу Иоанну, он употребил выражение «дикий поединок». У не-

го возникли ассоциации с наполеоновскими приступами гнева. Он бросил Александру упрек, что царь «представляет теперь те же принципы, что и Наполеон, навязывает свои интересы и свою волю, ни с кем не считаясь»<sup>39</sup>. Когда же царь в свой черед обвинил Меттерниха, что он и только он один противостоит его замыслам, тот ответил, что гордится такими обвинениями, поскольку нация упрекает его в уступчивости и слабости. «Все, кто придерживается права, — передает эрцгерцог слова Меттерниха, — должны взяться за оружие, иначе всем будет плохо»<sup>40</sup>. Правда, Иоанн выражает сомнение, так ли твердо и умно держался Меттерних перед царем, тем более что из уст Меттерниха он не услышал ответа Александра на угрозу князя.

Шведский поверенный в делах Хегардт дополняет рассказ Меттерниха. В конце перепалки предельно возбужденный царь гневно спрашивал у Меттерниха, неужели тот думает, что будет диктовать законы или отнимать завоеванное. Пусть не заблуждается на этот счет, а лучше пошлет кого-нибудь в Польшу посчитать, сколько там русских войск. Тогда он, может быть, сочтет, что благодарнее говорить с царем иным тоном. По словам Хегардта, «князь Меттерних был так потрясен резким и энергичным ответом российского императора, что, пятясь спиной к выходу, с трудом нашел дверь»<sup>41</sup>. Тотчас же царь наносит удар по такой болевой точке Клеменса, как его отношения с Вильгельминой, которые и без того зашли в тупик. Герцогиня Саган постоянно принимает Виндишгреца и Лэма. Затем к ним присоединяется еще один англичанин, двоюродный брат Каслри, грубоватый, но внешне весьма привлекательный лорд Стюарт, герой многих скандальных происшествий. Он стал посмешищем для венцев, после того как был побит кучером, с которым спьяну затеял боксерский поединок. Муки ревности заставляют канцлера забывать о большой политике. 14 октября Генц записывает в своем дневнике: «Разговор с Меттернихом — увы! — о несчастной связи с Виндишгрецем, которая, кажется, интересует его больше, чем мировые дела»<sup>42</sup>.

Клеменс вне себя. Он осыпает неверную любовницу горькими упреками, так дает понять, что будет хранить ему верность только после замужества. Она искренне недоумевала, почему Клеменс не может оставить жену. Разве она не превосходит Элеонору красотой, остротой ума, светскостью? Ей было трудно понять привязанность Клеменса к семье, к Элеоноре, детям. Она требовала от него «великого решения», но и в сфере частной жизни Клеменс предпочитал прозаическое, надежное — романтическому или «героическому», чреватому непредсказуемыми последствиями.

С Элеонорой его связывали дети, взаимопонимание, он испытывал искреннее уважение к ней. Она предоставила ему полную свободу, но по-прежнему любила его, преклонялась перед ним. Сталкиваясь с множеством врагов, Меттерних знал, что всегда мог опереться на прочный семейный тыл. Уже давно он придумал для себя удобную моральную формулу, позволявшую примирять приверженность к семейному очагу с любовью на стороне. Но эта формула не распространялась на Вильгельмину. С искренним, можно сказать, органиче-

ским эгоизмом он требовал верности от любовницы, ради которой вовсе не собирался оставлять семью.

Помимо привязанности к семье и детям, у Клеменса имелось еще одно, наверное, не менее важное обстоятельство. Развод мог стоить ему карьеры. Высоконравственный поборник морали, прочности брачных уз, кайзер Франц не простил бы своему министру такого поступка. А жертвовать семьей и госканцелярий — это было уже слишком!

Непривычно тяжелые переживания Меттерниха по времени совпали с обострением отношений с царем. На балу у графа Штакельберга (20 октября) герцогиня Саган попросила у царя аудиенции «в связи со своими российскими интересами». «Моя дорогая Вильгельмина, — чарующим голосом ответил Александр I, — о какой аудиенции может идти речь. Я сам приду повидаться с вами. Назовите лишь день и час — к примеру, завтра в 11». При этом царь холодно кивнул Меттерниху. Александру I было хорошо известно, что значило для канцлера это время, священное время Клеменса и Вильгельмины.

Возвратившись домой, расстроенный Меттерних так и не смог уснуть. Он взялся за перо, и к 4 часам утра было написано уникальное письмо, подлинный крик уязвленной души. Видимо, на его нервах сказались и прочие передрыги конгресса, обрушившиеся на его голову одновременно. «Ты, причинившая мне столько зла, что вся вселенная не смогла бы когда-нибудь возместить мне его. Ты, исчерпавшая все силы моей души, ты ставишь под угрозу мое существование в момент, когда моя жизнь связана с вопросами, от которых зависит участь целых поколений»<sup>43</sup>, — с таким накалом чувств он не писал никому ни до, ни после Вильгельмины. Были в письме и слова о разрыве: «Наши отношения более не существуют», и заверения: «Ты навсегда останешься в моем сердце». Генц, поверенный Клеменса не только в дипломатии, но и в любви к Вильгельмине, записал в своем дневнике как раз 22 октября: «Меттерних сказал мне об окончательном разрыве с герцогиней; сегодня это событие первого ранга»<sup>44</sup>. В этот же день совершенно разбитому канцлеру пришлось корпеть над окончательным вариантом ответа по Гарденбергу.

На очередном балу, на сей раз у графа Зичи, вечером 22 октября изнемогающий Клеменс не удержался и спросил у Вильгельмины, получила ли она его письмо. Утром 23 октября его ожидал ответ. Насколько серьезно отнеслась Вильгельмина к этому письму, можно судить хотя бы потому, что она поставила дату (такое случалось крайне редко): ночь 22–23 октября.

Она отвергла обвинения любовника. Разве она не пошла ему навстречу и не порвала связь с Виндишгрецем? Вообще обязательства более весомы в случае брака; в случае же свободной связи любой «находит нечто такое, что заставляет обязательства умолкнуть»<sup>45</sup>. Вильгельмина дает понять любовнику, что у нее больше оснований для разочарования. «Вы всегда были счастливы, — обращается она к Клеменсу, — а сегодня вы чувствуете себя обманутым в самом привлекательном из ваших ожиданий. Я же привыкла быть несчастливой — я думала, что вошла в гавань — а теперь я вижу, что вновь

далека от нее, что вернулась на то место, которого я, можно сказать, никогда не покидала»<sup>46</sup>.

Большее и унижительнее всего было брошенное ею как бы мимоходом замечание о том, что она ожидала от Клеменса большей искусственности в искусстве любви. Кончается ее письмо в элегических тонах: «Я пришла к убеждению, что мы не можем быть вместе, и печальная необходимость побуждает произнести слово "конец"»<sup>47</sup>. В донесении всеведущей венской полиции зафиксировано: «Саган написала прощальное письмо Меттерниху на четырех страницах»<sup>48</sup>. Но оно не было прощальным.

Несмотря на резкие взаимные обвинения и слова о том, что между ними все кончено, какое-то время они еще продолжали встречаться, словно по инерции поддерживая отношения, переписку. Это было угасание не столько чувств, сколько отношений — затяжное, мучительное. Так, в письме от 26 октября Клеменс вновь уверял Вильгельмину, что брак не для женщины с таким гордым и независимым нравом, как у нее: «Брак — это такое состояние, в котором вы никогда не будете чувствовать себя хорошо. Он несовместим с духом независимости, подобным вашему... Узы? Вы их все порвете». «Все несчастья вашей жизни, — назидательно пишет князь, — происходят от одного-единственного источника — вы так и не научились сопротивляться искушению страстей, вы всегда следуете своим первым побуждениям»<sup>49</sup>.

На другой день, 27 октября, он признается: «В моем возрасте, когда после жизненных бурь должен наступить покой, когда жизнь должна обрести устойчивость, я ощущаю всю неуверенность, все сомнения двадцатипятилетнего молодого человека, только без привилегий, даруемых молодостью, и без того запаса времени, которым она располагает»<sup>50</sup>.

Еще в одном из февральских писем 1814 г. Меттерних похвалялся таким свойством своего характера, как «способность к счастью», тем, что он «умеет извлекать удовольствие из мельчайших нюансов счастья»<sup>51</sup>. Именно это помогло ему со сравнительной легкостью идти по жизни, и вот теперь впервые этот дар на какое-то время покинул его.

Своеобразную хронику завершающей фазы их романа можно найти в дневнике Генца. 6 ноября: «Долгий разговор с ним (Меттернихом. — П. Р.) о его сердечных делах». 11 ноября опять долгий разговор с князем и вновь, «как всегда, больше об этой проклятой женщине, чем о деле». И еще запись от 13 ноября: «С трех до четырех очень любопытный разговор с герцогиней Саган о ее фатальной истории с Меттернихом»<sup>52</sup>.

8 февраля 1815 г. в день рождения Вильгельмины Клеменс послал ей в подарок фаянсовые вазы, сопроводив свой дар горькими словами: «Я пережил за два года муки, страданий и горестей больше, чем за двадцать лет спокойной благополучной жизни, какая выпадает на долю большинства людей... Ты опустошила не только последние, но абсолютно все возможности моей души»<sup>53</sup>. Насколько сильно было его чувство к Вильгельмине, можно судить и по тому факту, что она была единственной его возлюбленной, о которой он

позволил себе говорить дурно после разрыва. Клеменс нашел утешение в семейном кругу, а 1 сентября 1815 г. Лорель родила их последнего ребенка, дочь Эрминию. Действительно, Меттерних долго не мог прийти в себя после бурного романа с герцогиней Саган. Прошло целых четыре года, пока не завязался новый.

### III

Все эти политические и личные неурядицы не могли не сказаться на состоянии Клеменса. Порой он просто не мог сконцентрировать внимание на каком-то конкретном предмете, терял бывало нить переговоров. Российский дипломат Каподистрия жаловался Нессельроде на рассеянность австрийского канцлера, на то, что у него семь пятниц на неделе: «С Меттернихом невозможно вести переговоры. Он слишком переменчив... Он сегодня отрицает то, с чем был согласен накануне»<sup>54</sup>. Ему как бы вторит вюртембергский представитель граф Сольмс: «Меттерних не изучает основательно обсуждаемые вопросы, не углубляется в дискуссию. Он не способен серьезно вести дела, считает излишним фиксировать свое внимание на каком-либо конкретном сюжете»<sup>55</sup>.

Трудно сказать, чего здесь было больше — смятения чувств, привычной ставки на «ход вещей», тонкой дипломатической игры. Обвиняли его и в том, и в другом, и в третьем. Один из конфиденентов Хагера так излагал широко распространенное мнение о Меттернихе: «Как может быть завершен конгресс... венским министром, у которого нет ни принципов, ни метода, который в декабре вновь принимается за то, о чем договорились в октябре, который не пользуется ни доверием, ни уважением других держав»<sup>56</sup>. Ему дали презрительное прозвище «Скапен от дипломатии».

Казалось, что так ярко вспыхнувшая звезда Клеменса вот-вот погаснет. Оживились его многочисленные враги. Среди них чуть ли не все вельможи империи: Штаремберги, Лихтенштейны, Ауэрспеги, Дитрихштейны и т. д. Особенно длинный список приводит автор книги о Вене времен Меттерниха Стелла Музулин. Кроме упомянутых выше, в нем фигурируют Фюрстенберги, Чотеки, Валлисы, Хатцфельды, Шёнборны, Коллоредо, Хардегги. По сути дела это возрождение фронды 1809 г. В этих кругах, по сообщениям полиции, полагают, что «даже в 1809 г. положение монархии было не столь опасным, как теперь»<sup>57</sup>. Даже в собственной канцелярии Меттерниха тоже обнаружили признаки фронды. Его открыто критикуют верные помощники Худелист и Хоппе. Жалуется Талейрану и Гумбольдту на потерявшего голову и былую работоспособность шефа Генц. На его стороне лишь Эстерхази и Карл Лихтенштейн. Наготове Штадион, чтобы в любой момент занять его место. Царь стремится ускорить политические похороны ненавистного австрийского канцлера.

Вокруг Клеменса плетется сложная сеть интриг, по части которых он сам

был непревзойденным мастером. Один из помощников Каслри Кук сообщал премьер-министру Ливерпулю, что на костюмированном балу 30 октября канцлер получил от таинственной маски записку, в которой от имени некой высокопоставленной особы, находящейся с ним в ссоре, ему предлагали миллион флоринов и благоволение высокородной дамы, столь для него желанной, «если он изменит свою позицию»<sup>58</sup>. Исходила ли эта записка от окружения царя? Может быть, ее автора или авторов следовало искать среди венских ненавистников Меттерниха, желавших его скомпрометировать? Возможно, это вообще вымысел, который интересен лишь тем, что отражает нравы эпохи, атмосферу, царившую на конгрессе.

Во время путешествия в Будапешт (24–26 октября 1814 г.) Александр I без труда «обработал» прусского короля Фридриха Вильгельма III. Подобно тому как в 1805 г., когда они поклялись друг другу в верности у гробницы Фридриха Великого, теперь они договорились дружно противодействовать козням Меттерниха. Царь надеялся перетянуть на свою сторону и Франца, но тот оказался крепким орешком. Обаянию царя он не поддавался и не отвернулся от своего министра.

Только это и спасло Меттерниха в один из самых трудных моментов жизни. Помог ему и разрыв с Вильгельминой: теперь все его силы, которые отнюдь не были исчерпаны до дна, несмотря на его сетования в письмах к герцогине, исключительная изворотливость, умение примениться к обстоятельствам, чтобы повернуть их в свою пользу, все духовные и физические ресурсы были сосредоточены на противоборстве с царем.

По возвращении из Будапешта царь вызвал Гарденберга и в присутствии Фридриха Вильгельма быстро прижал его к стене. Прусский король торжественно заявил, что полностью поддерживает российского императора в польских делах. Гарденбергу оставалось лишь повиноваться своему монарху. Уступая давлению царя и короля, он раскрыл свои контакты с Меттернихом и Каслри. Возмущенный Фридрих Вильгельм запретил ему вести с ними какие бы то ни было переговоры. Царь же был потрясен неблагодарностью пруссаков, однако в конце концов склонился к тому, чтобы приписать все это проискам Меттерниха. Чтобы углубить разлад между прусским и австрийским министрами, Александр сообщил Гарденбергу, будто Меттерних сам предлагал ему уступки по польскому вопросу, если в решении судьбы Саксонии Россия примет сторону Австрии<sup>59</sup>.

Репутация Меттерниха была такова, что Гарденберг вполне мог поверить утверждениям царя. Узнав о сомнениях своего прусского коллеги, Клеменс решает на весьма серьезный шаг. 7 ноября он пишет Гарденбергу письмо, в котором фактически обвиняет российского императора во лжи: «Я узнал, мой дорогой князь, что император России в ходе беседы, которую он имел с Вами и королем, сказал, будто Австрия дала ему понять, что пойдет навстречу в польских делах, если императору Александру удастся спасти Саксонию. Я не только отрицаю, что подобный факт имел место, но и готов подтвердить противополо-



ложное в присутствии самого императора»<sup>60</sup>. Каких-либо письменных подтверждений у царя не было, и Меттерних мог писать Гарденбергу: «Разделять и владеть кажется легче, когда имеют дело с державами, привыкшими полагаться на слово»<sup>61</sup>. Мимоходом можно заметить, что и царь, и особенно прусский министр были глуховаты.

Запретив Гарденбергу вести переговоры с Меттернихом и Каслри, Фридрих Вильгельм III полностью поддержал царя и подтолкнул тем самым Австрию на сближение с Францией. Каслри со своей пятичленной системой эквilibра был готов к этому еще раньше. Начинают просвечивать контуры тройственного союза.

Царь фактически объявил Меттерниху войну. Это еще более осложнило деятельность конгресса, который к исходу октября был открыт официально. Клеменс избрал единственно верную манеру поведения. Он держался твердо, с достоинством. Сцену, разыгравшуюся между ним и царем, он многократно излагал в своей собственной интерпретации; она и стала доминирующей. Настроение в Вене, если не считать заклятых противников канцлера, стало меняться в его пользу. По донесению хагеровского агента ситуация выглядела так: «Многие люди, которые до сих пор были против князя Меттерниха, теперь хвалят его за то, что он показал характер по отношению к русскому императору. Говорят также, что князь Меттерних диктует свои условия Пруссии и России, требует, чтобы конгресс работал спокойно. Но Россия и Пруссия показывают зубы. Это означает, что он не обычный, а великий министр»<sup>62</sup>. Между тем престиж Александра из-за распри с австрийским министром существенно понизился. Венцев к тому же стала раздражать его ненасытность по части развлечений, плохо сочетавшаяся со стремлением выглядеть поборником высокой нравственности и филантропом.

В венском обществе был одобрительно воспринят остроумный отпор, который дала царю графиня Сеченьи. «Мадам, — сказал он ей на балу, — я вижу, что здесь нет вашего мужа; не позволите ли вы мне такое удовольствие, как временно занять его место?» «Ваше величество принимает меня за провинцию?» — находчиво парировала графиня<sup>63</sup>. Вызывало негодование поведение великого князя Константина Павловича. Так, в качестве почетного шефа австрийского кирасирского полка он буквально замучил его парадами, смотрами и маневрами. Однажды, в конце октября, будучи недоволен действиями кавалеристов, он грубо оскорбил командира полка, которым был не кто иной как князь Альфред Виндишгрец. Тот прислал великому князю секунданта. Знать рода давала ему право на дуэль с членом царского дома. Александр I распорядился, чтобы его брат принес извинения, а затем отправил Константина из Вены в Варшаву.

Противостояние в лагере великих держав становилось все жестче. На балу у лорда Стюарта (7 ноября) Генц столкнулся с Талейраном, который не без удовлетворения сообщил ему о «предательстве Пруссии»<sup>64</sup>. В этот день Гарденберг полностью капитулировал, отказался от проведения собственной линии и в се-

кретном меморандуме призвал Каслри признать притязания России на Польшу. Он был уверен, что Англия твердо поддерживает прусские притязания на Саксонию.

Вслед за этим российский военный губернатор Саксонии князь Н. Г. Репнин заявил о выводе русских войск и передаче Саксонии под управление Пруссии. При этом он ссылался на согласие Англии и Австрии. Но те соглашались на временную оккупацию королевства только в случае согласования позиций по польскому вопросу. Каслри и Меттерних решительно дезавуировали действия Репнина. К ним тут же присоединился Талейран. Людовик XVIII, связанный узами родства с саксонским домом, поддерживает своего министра: «Я отдаю приказ, чтобы войска были готовы к действиям»<sup>65</sup>.

Царь попытался переманить Талейрана на свою сторону. С большой тревогой Меттерних и Каслри ожидали, чем кончится беседа Талейрана с царем во время ужина у графа Зичи. Но французский дипломат не изменил выбора. Тотчас же он постарался рассеять подозрения быстро превращавшихся в его союзников Меттерниха и Каслри.

Царь убеждал Талейрана (как и Гарденберга), что Австрия уступит Саксонию. Но французского министра трудно ввести в заблуждение. Он спокойно парирует утверждение царя: «Князь Меттерних, которого я видел вчера вечером, развивал передо мною взгляды, которые находятся в противоречии с тем, что ваше величество сделали мне честь изложить»<sup>66</sup>. Когда же царь сорвался на угрозы, Талейран указал, что Франция имеет под знаменами 130 тыс. солдат и еще 300 тыс. только что отпущенных из армии. Французский король не бросит саксонского родственника на произвол судьбы, тем более что Испания, Бавария и другие страны поддерживают его в этом намерении. К концу беседы у Талейрана сложилось впечатление, что царь «в глубине души хотел бы под благовидным предлогом выпутаться из этого дела»<sup>67</sup>.

Изоляции от Австрии и Англии боится Гарденберг, ему не хочется быть в полной зависимости от благоволения царя, да и желание получить часть Польши тоже достаточно сильно. Он пытается несколько снять напряжение и убеждает Александра умерить притязания на Польшу, а Меттерниха — согласиться на то, чтобы саксонского короля перебросили в Рейнланд. Ради этого Гарденберг готов поступиться в пользу Австрии кусочком Силезии. Но даже если бы сам Меттерних согласился на это, кайзер Франц не санкционировал бы поглощения всей Саксонии Пруссией.

В этой запутанной ситуации более всех доставалось Гарденбергу, которого осыпали упреками и обвинениями с обеих сторон. В вербальной ноте Меттерниху от 2 декабря он делает отчаянную попытку достигнуть согласия: Пруссия должна получить Саксонию целиком, Майнц должен стать крепостью Германского союза, а не Бавария, царь отказывается от Кракова и Торна, которые станут свободными городами-республиками по образцу ганзейских. Саксонского короля предполагалось компенсировать за счет Вестфалии с 350 тыс. душ населения (население же Саксонии — свыше двух миллионов). Гарденберг обеща-

ет никогда не укреплять Дрезден, а Австрии предложена часть Верхней Силезии со 143 тыс. душ населения<sup>68</sup>.

Чтобы помучить Гарденберга ожиданием, Меттерних не спешит с ответом. Прусский министр умоляет его ответить быстрее. 5 декабря — напряженный, но безрезультатный разговор царя с Клеменсом. Раздраженный Александр I обращается непосредственно к императору Францу. Тот непоколебим: «Никто не может лишать государя его владений. Если же он отрекается, его права переходят к законному наследнику. Он не может быть лишен их, и вся Европа не имеет на это права»<sup>69</sup>. Тем не менее, чтобы уязвить канцлера, царь утверждает, что одна беседа с Францем более ценна, чем десять — с Меттернихом.

Наконец 10 декабря в ответной ноте Гарденбергу Меттерних занял еще более жесткую позицию по саксонскому вопросу: он чувствовал теперь за собой поддержку Англии и Франции. В ночь на 6 декабря курьер с большим опозданием доставил Каслри депешу от премьер-министра лорда Ливерпуля. Британский кабинет, учитывая общественное мнение, отказался жертвовать всю Саксонию пруссакам. Интересно, что Ливерпуль сформулировал позицию своего правительства буквально словами Меттерниха: «По крайней мере ядро должно быть сохранено»<sup>70</sup>. На сей раз Каслри незамедлительно поставил своего австрийского партнера в известность о новых инструкциях. Пруссия лишилась прежней поддержки со стороны Англии. В порыве негодования Гарденберг на другой день знакомит царя с тайной нотой Меттерниха. Александр опять жалуется Францу на козни его министра. Франц отвечал, что если канцлер написал неподобающее письмо без его разрешения, то будет призван к ответу.

На сей раз потрясен уже Меттерних. В 2 часа ночи 12 декабря он дописывает свое оправдательное письмо. В нем он предлагает очную ставку с Гарденбергом. Клеменс собирался действовать совместно с Каслри. В переписке с англичанином Гарденберг тоже был весьма откровенен, поэтому они могут извлечь из нее достаточно компрометирующих материалов. Интересно, что при всем этом Меттерних не хотел устранения прусского канцлера: «Мы ничего не выиграли бы, если бы мы сломали шею этому государственному деятелю, он был бы заменен еще худшим»<sup>71</sup>. От кого исходила инициатива сделки по польско-саксонской проблеме, свидетельствовала нота Гарденберга от 9 октября: «Если вы обещаете мне от имени императора эффективную поддержку Пруссии относительно этих статей, я войду в самое полное согласие с вами по статьям о Польше»<sup>72</sup>.

Меттерних передал царю свою ноту от 22 октября. Там ничего нового для Александра не было. Однако его доверие к Пруссии существенно пошатнулось. И все же главный враг — Меттерних. На его голову сыплются самые тяжкие обвинения. В ответ он передает Александру еще несколько документов, заявив, что все показать царю он не может, т. к. в некоторых затрагиваются интересы третьей стороны — Каслри.

У всего трио — Гарденберга, Меттерниха и царя — нервы были на пределе. Возникло ощущение, что вот-вот может вспыхнуть очередной скандал,

чреватый далеко идущими последствиями. Когда Ч. Стюарт передал царю ноту Каслри, где говорилось, что «державы сражались за свободу Европы, а не за расширение своих владений», Александр I вскипел от возмущения. Спокойствие сохранял лишь Каслри, а Талейран едва сдерживал радость. Клеменс подал в отставку, которая немедленно отклонена Францем. Царь опять потребовал встречи и в очередной раз предъявил Францу обвинения против его министра. «Ваш Меттерних изображает меня лжецом. Я требую удовлетворения, я вызову его на дуэль!» — теряя самообладание, восклицал царь. Франц пытался его успокоить, отговорить от этой экстравагантной идеи, но тщетно. Тогда он срочно вызвал к себе Меттерниха, объяснил ситуацию и приказал ему просить аудиенцию у царя.

Едва Меттерних вернулся домой, к нему прибыл генерал-адъютант царя граф Ожаровский. По версии самого Клеменса, царь был взбешен тем, что канцлер в разговоре с Гарденбергом будто бы искажал его слова. На это Меттерних с присущим ему апломбом ответил, что ручается за точное воспроизведение слов царя, а напугал, очевидно, Гарденберг. Возможно, это связано с разговором между австрийским и прусским канцлерами после очередного объяснения Меттерниха с российским императором. У Клеменса сложилось впечатление, что Александр с «меньшим нажимом» говорил о включении Саксонии в состав прусского королевства. Он поделился этим предположением с Гарденбергом. Тот, потеряв голову, кинулся к царю, стал взывать к его совести<sup>73</sup>.

Это не могло не напомнить царю ситуацию с его собственным утверждением, что Меттерних готов пожертвовать Польшей за сохранение Саксонии. К тому же есть основания полагать, что царь ознакомился с запиской Меттерниха от 7 ноября; в ней по сути дела содержалось обвинение Александра во лжи. В письме премьер-министру Ливерпулю от 12 декабря Каслри скорее всего имел в виду именно эту записку, когда писал, что поводом для столкновения между Меттернихом и царем послужило частное письмо канцлера, в котором он отрицал распространяемые его императорским величеством намеки насчет верности Меттерниха Пруссии. Это письмо совершенно необъяснимым образом было послано царю вместе с другими бумагами и «вызвало немалое возбуждение»<sup>74</sup>.

До дуэли дело, конечно, не дошло, но Меттерниху пришлось выдержать еще одно выяснение отношений, после которого он, по свидетельству адъютанта царя, вышел от Александра I с весьма раскрасневшимся лицом. «В комнате императора невероятная жара; это совершенно невыносимо», — пожаловался он присутствующим в передней.

Александр отказался посетить грандиозный бал, устроенный Меттернихом в тот же злосчастный день 12 декабря, на который были приглашены все государи, и вообще прекратил всякие контакты с ним. «Великие политические бури»<sup>75</sup>, — записал в этот вечер Генц в своем дневнике. Царь также выразил сомнения в том, что ноты Меттерниха выражают истинные намерения Франца I, и заявил, что отныне будет вести переговоры только непосредственно с императором Австрии.

Это был серьезный просчет Александра. Ведь Франц давно уже переложил все внешнеполитические, да и многие внутривосточные дела на плечи Клеменса. Теперь «добрый кайзер» Франц был страшно раздражен стремлением царя втянуть его в дипломатическую круговерть. Он обещает Клеменсу, что на возможный вопрос царя о нотах, насколько они совпадают с его личными позициями, он ответит, что все они составлены по его приказаниям и не содержат ничего такого, с чем бы он не согласился<sup>76</sup>.

У царя уже кругом идет голова, он не знает, кому верить — австрийцам или пруссакам. По польской проблеме усилилось давление со стороны собственно окружения, опасавшегося соблазнительного примера польской конституции. Кроме, разумеется, князя А. Чарторыйского, никто из приближенных Александра I не был сторонником создания польского, к тому же еще и конституционного королевства. Об этом пишут многие авторы, в частности великий князь Николай Михайлович: «Идея Александра Павловича воссоздать под своим скипетром Польское королевство, с особой конституцией, не встречала никакого сочувствия не только в среде русских людей, но даже и чужестранцев, как Поццо ди Борго. Знаменательно и то, что граф Нессельроде, а также граф В. С. Ланской, из Варшавы, умоляли государя не создавать этой роковой ошибки»<sup>77</sup>. «Поездка Александра I в Лондон, деятельность русских дипломатов истребили совершенно» влияние России в Европе. Ошибочная позиция в отношении Польши позволила Меттерниху и другим восстановить против России всех ее союзников, а в случае разрыва против нее выступит, возможно, и Франция. «Верным союзником остается лишь Пруссия»<sup>78</sup>, — подводил итоги конгресса в конце декабря 1814 г. генерал-адъютант граф А. И. Чернышев в письме к А. А. Аракчееву.

Александр I чувствовал, что ситуация складывается не в его пользу. Если раньше Талейран добивался встреч с ним, то теперь сам царь ищет контакта с французским министром, чтобы попытаться переманить его на свою сторону. В докладе королю от 15 декабря Талейран сообщает о беседе с князем А. Чарторыйским, который был послан к нему царем. Хорошо зная Талейрана, посланец царя называл вещи своими именами: «В политических делах все является сделкой, вы заинтересованы главным образом в Неаполе; уступите в отношении Саксонии, и Россия поддержит вас касательно Неаполя». Талейран в ответ принял хорошо отработанную им на конгрессе позу принципиального политика: «Вы предлагаете мне торг... но я не могу в нем участвовать. Я, к счастью, чувствую себя не столь непринужденно, как вы: если вы руководствуетесь своими желаниями и своими принципами, то я вынужден следовать принципам, а принципы не могут быть предметом сделки»<sup>79</sup>.

Между тем борьба Талейрана с Меттернихом по неаполитанскому вопросу была нешуточной. Правда, в докладах Людовику XVIII Талейран склонен ее драматизировать, чтобы эффектнее выглядеть в глазах своего монарха. При этом он делает упор на чувства Меттерниха по отношению к Каролине Мюрат. Тем самым австрийский канцлер предстает в его изображении легкомыслен-

ным человеком, который руководствуется в политике личными мотивами. Фантастически выглядели его обвинения в том, что канцлер будто бы санкционировал поставку Мюрату 25 тыс. австрийских ружей<sup>80</sup>.

Чтобы утихомирить Талейрана, Меттерних принял свои меры. Через специального посланца графа Бомбеля он попросил самого влиятельного французского политического деятеля, близкого королю, герцога Л. Блака дать Талейрану указания не добиваться вынесения неаполитанского вопроса на обсуждение конгресса. Весьма неохотно Людовик XVIII все же принял линию Меттерниха, которая очень скоро оправдалась, так как Мюрат сам способствовал своей гибели, присоединившись во время «ста дней» к Наполеону.

Талейрану не просто было поступиться своей позицией, но его твердость по отношению к царю сразу же принесла плоды. С середины декабря происходит стремительное сближение Талейрана с Меттернихом и Каслри. Они встретились 14 декабря после драматического объяснения Меттерниха с царем. В условиях противостояния русско-прусского и австро-английского блоков Талейран оказался примерно в таком же положении, как Меттерних годом раньше, но французский министр действовал, пожалуй, более решительно и эффективно. Именно он стал в конце 1814 г. главным действующим лицом на венской сцене.

Атмосфера конгресса становится предгрозовой, запахло порохом. Сам Талейран высказался по этому поводу: «Обед идет к концу, боюсь, что на десерт будут подавать пушечные ядра»<sup>81</sup>. Войной грозили друг другу все, даже столь осторожные, как Меттерних и его император. В таких условиях Талейран со своим безупречным чутьем действует решительно и точно. Сначала он, несмотря на отчаянное сопротивление пруссаков, прорвался в статистический комитет, который кроил и перекраивал карту Европы, чтобы достигнуть приемлемого для великих держав эквilibра. 23 декабря Талейран форсирует события и предлагает Каслри заключить тройственный союз. Англичанин еще не готов на «великое решение». Колеблется и великий оппортунист Меттерних. Но грубые действия Пруссии, которой скорее по инерции, чем по желанию помогает Россия, подтолкнули Меттерниха и Каслри навстречу Талейрану. 30 декабря прусский король на совещании «большой четверки» опять потребовал всю Саксонию с компенсацией ее короля Фридриха Августа за счет Рейнланда. Россия соответственно требовала практически всю Польшу. Как меланхолически заметил прусский дипломат В. Гумбольдт, «не думаю, чтобы мы могли получить всю Саксонию без войны или непосредственной угрозы войны»<sup>82</sup>.

К 1 января 1815 г. в Вену пришло известие о заключении мира между Англией и США. Руки Каслри развязаны. 3 января Талейран, Каслри и Меттерних подписали тайный тройственный договор, по которому каждая из сторон обязалась выставлять в случае войны по 150 тыс. солдат. Талейран мог радостно сообщить Людовику XVIII, что главная цель Франции достигнута: «Ваше Величество! Коалиция распущена, и навсегда. Франция более не изолирована в Европе».

Хотя текст договора был написан Каслри, но его истинный творец, бесспорно, Талейран. Клеменс же в основном плыл по течению, скорее подчинялся силе вещей, чем навязывал им свою волю. Инициатива «великого решения» исходила от Талейрана, он же брал на себя значительную долю ответственности. В его дипломатии сочетались смелые стратегические решения и тактическое мастерство. Что же касается Меттерниха, то история конгресса еще раз подтвердила, что его дипломатическое искусство, если воспользоваться словами Г. Киссинджера, базировалось главным образом на понимании «ценности нюанса»<sup>83</sup>. Союз с Францией изменил его взгляд на эквилибр. Теперь он понимает его шире. В сущности он приходит к идее «концерта пяти великих держав».

#### IV

Разделение великих держав на коалиции, как ни парадоксально, подстегнуло работу конгресса. «Большая четверка» стала «пятеркой». Причем особенно активен наконец допущенный в ареопаг из представителей великих держав Талейран. Он критикует за нерешительность, недостаточную твердость своих новообретенных союзников — Меттерниха и Каслри. «Князь Меттерних, — выражает свое недовольство французский министр в докладе от 19 января, — с самого начала обнаружил готовность к чрезмерным уступкам»<sup>84</sup>. Следует признать, что Саксония была гораздо больше обязана Талейрану, чем Меттерниху. В защиту саксонского короля выступает почти вся монархическая Европа, не желающая создания опасного прецедента. Россия и Пруссия вынуждены идти на попятную. России сделать это было тем легче, что ее притязания насчет Польши в значительной мере реализовались.

Тем не менее пруссаки продолжали арьергардные бои, настаивая на реконструкции Пруссии по территории и населению на уровне 1806 г. Такой план «реконструкции Пруссии» представил Гарденберг. В нем были скрупулезно подсчитаны потери и перечислены претензии. В соответствии с теорией баланса сил и население, и территория представляли собой не более чем гири на чаше политических весов. Деятели конгресса исходили из суверенитета и авторитета монархов, суверенитет народа рассматривался ими как революционная крамола. Как нечто само собой разумеющееся обсуждали они вопрос о том, куда перебросить саксонского короля, где ему выделить новые владения и новых подданных. Забывали даже о принципе легитимизма. Только Талейран, и то по чисто прагматическим соображениям, увязал применительно к Саксонии принципы легитимизма и равновесия. Сохранил саксонского короля на его троне и означало соблюдение этих обоих принципов. Самый циничный из всех министров оказался, таким образом, самым «принципиальным».

Фридриху Августу I решили оставить 3/5 его королевства. Удалось отстоять от притязаний пруссаков Лейпциг. Чтобы компенсировать их, царь отдал им Торн, а англичане — кусочек Ганновера. Австрийцы получили из рук царя

часть Галиции. Но Краков признан вольным городом. Потеряла Австрия и Майнц, но за хорошую компенсацию из баварских владений. Как раз по этому поводу между Меттернихом и императором Францем I возникла острая конфликтная ситуация, которая отражала тот факт, что при всей полноте полномочий, полученных Меттернихом, его власть имела пределы, очерченные волей кайзера. Клеменс, Штадион, впрочем, тоже, был сторонником сохранения в составе империи западногерманских территорий, особенно на Рейне. Возможно, сказывалось и то обстоятельство, что он был рейнландцем. Но Франц I и «военная партия» не хотели иметь границу с Францией. Франц спокойно и сухо дал понять Клеменсу, что готов принять его отставку, если он не пойдет на обмен с Баварией. Канцлеру пришлось склониться перед высочайшей волей.

К концу февраля стали вырисовываться основы консенсуса. «Полет орла» с Эльбы ускорил неспешную работу конгресса. Наполеон переоценил остроту противоречий между его участниками, рассчитывая на развал враждебной ему коалиции. Он добился обратного эффекта. Даже посланный им Александру I текст тайного тройственного договора, оставленный стремительно бежавшим Людовиком XVIII в своем кабинете, не произвел предполагаемого впечатления. Царь был уже достаточно хорошо осведомлен. Получив в начале апреля копию договора, Александр I вызвал Меттерниха, с которым до тех пор избегал общения, и показал ему документ. «Знакомо ли вам это?» — спокойно спросил он австрийского министра. Пожалуй, это был один из самых драматических моментов в жизни Клеменса. Он на время просто остолбенел от полного замешательства. Он не мог выдавить из себя ни единого слова. Насладившись вволю уникальным зрелищем, Александр сказал ему примирительным тоном: «Забудем все это; теперь мы должны свергнуть нашего общего врага, и этот текст, который он сам послал нам, свидетельствует, как он опасен и коварен». И эффектным жестом царь бросил лист бумаги в огонь. Такое великодушное российское императора объяснялось и тем, что он прекрасно знал, кто был главным творцом тройственного союза. Не случайно он взял с Клеменса слово, что тот ничего не скажет об их разговоре Талейрану. На радостях Меттерних охотно пообещал это царю. Кое-кто из историков считает, что царь хотел отвести душу на Талейране. Но потом он поостыл. Тем временем Талейран заменил человека, пользовавшийся благоволением Александра, бывший губернатор Одессы, герцог или «дюк» Ришелье. Талейрану же пришлось утешаться остротой по данному поводу: «Конечно, это великолепный выбор, никто не знает Крым так хорошо, как герцог Ришелье».

Даже в тревожные и напряженные мартовские дни 1815 г., когда Наполеон триумфально вернулся в Париж, Клеменс дает выход еще не угасшим чувствам. «Вся моя жизнь, все мои моральные ресурсы, вся сила моих чувств принадлежат вам», — писал он Вильгельмине в середине марта. Без нее жизнь его потускнела. Наступило внутреннее опустошение. Он чувствует себя, по его собственным словам, подобно бездомному существу, не имеющему ни кола, ни двора»<sup>85</sup>.



Война против Наполеона заставила союзников отвлечься от внутренних распрей. Но та легкость, с какой Наполеон изгнал из Франции Бурбонов, побуждала усомниться в целесообразности еще одной реставрации. Безоговорочную поддержку им продолжала оказывать лишь Англия. Александр I вновь подумывает о герцоге Орлеанском или даже о регентстве Марии Луизы.

Естественно, эта последняя перспектива не может не заинтересовать и Меттерниха. Наполеон послал в Вену письмо, требуя, чтобы Мария Луиза и римский король были отправлены во Францию. У Клеменса возникает мысль, не выполнить ли требование Бонапарта. На него самого он смотрел как на конечного человека, но в том случае, если бы союзники остановили выбор на регентстве, Мария Луиза с сыном была бы как раз на месте.

На сей раз с ведома Александра I канцлер устанавливает контакт со своим старым знакомцем Фуше. В начале апреля через служащего Венского банка Меттерних передал ему письмо и отправил в Базель своего агента барона Оттенфельса ожидать ответа Фуше. 1 мая человек Меттерниха встретился с французским агентом. Однако тот представлял не Фуше, а Наполеона. Императорской службе удалось перехватить письмо, адресованное Меттерниху. В Базель был послан один из секретарей Наполеона Флери де Шабуллон, который привез письмо, написанное Фуше под диктовку императора.

И француз, и австриец (он фигурировал под фамилией Вернер) были людьми опытными и не доверяли друг другу. Французский эмиссар осведомился, каково отношение австрийского двора к регентству? Следуя инструкции Меттерниха, Оттенфельс-Вернер дал разочаровывающий ответ: такое решение рассматривается в третью очередь. «Но, — добавил австриец, — если нация желает такого решения, то не следует его отклонять»<sup>86</sup>.

Сравнивая опубликованный текст инструкции Меттерниха Оттенфельсу с архивным, Э. Корти обращает внимание на любопытный нюанс: в оригинале отношение к регентству выражено в более мягкой фразе, чем в публикации. В восьмитомнике отсутствует инструкция, составленная Меттернихом совместно с Нессельроде, где ощущается склонность к идее регентства. Завершалась она такими словами: «Пусть господин Оттенфельс скажет, что державы не стали бы возражать против регентства, если бы оно было подготовлено и принято нацией»<sup>87</sup>. В другой, параллельной инструкции, подписанной одним Меттернихом, речь идет о деталях регентства. Но непременным условием являлся уход Наполеона.

15 мая в Базеле состоялась вторая встреча двух агентов. Ознакомившись с новым письмом Фуше, Оттенфельс понял, что послания Фуше, если они не продиктованы самим Наполеоном, то по крайней мере проверены им. Флери де Шабуллон убеждал Оттенфельса, что не следует свергать Наполеона, что он уже не думает более о деспотической власти, уже не настроен так воинственно, как прежде. Далее, ссылаясь на Фуше, француз говорил: «Мы не боимся войны, у нас когти — 400 тыс. человек...» Затем следовало предостере-

жение: «Если Наполеон наденет красную якобинскую шапку, он будет большим якобинцем, большим террористом, чем все те, кого мы до сих пор видели»<sup>88</sup>. После этого у Оттенфельса не было сомнений в том, что он и его шеф имели дело не с Фуше, а с Наполеоном. Флери назначил новую встречу на 30 мая.

Сам Наполеон пытался завязать контакт с Австрией, в частности через барона Стассара, выходца из Бельгии, служившего интендантом. Тому удалось добраться до Линца, где он попал в руки полиции. Меттерниху доставили письмо Наполеона, но он на него не ответил. Однако через посредников, принца Евгения Богарнэ и баварского маршала Вреде (Стассар оказался в Мюнхене), Меттерних просил передать императору устно следующее: если он отдастся в руки тестя, Франц примет все меры, чтобы обеспечить трон внуку<sup>89</sup>. Едва ли этой истории следует придавать большое значение, тем не менее в ней тоже отразилась неоднозначность позиции Меттерниха по отношению к принципу легитимизма.

Что касается вопроса о регентстве, то он принял непредвиденный для участников игры оборот. Та, кому предназначалась ведущая роль в этом сценарии, императрица Мария Луиза, неожиданно отказалась ее играть. Всеведущий Меттерних еще не знал, что она увлеклась приставленным к ней кавалером, генералом графом Нейпергом, чья супруга только что умерла. Мария Луиза боялась Меттерниха и не решалась открыться ему. Доверилась она барону Вессенбергу, дипломату, критически относившемуся к канцлеру. Она писала ему о трех долгих беседах, сначала с Меттернихом, затем с царем и, наконец, с отцом. Она опасалась за Нейперга и за себя. Вряд ли она знала о переговорах в Базеле, но не так уж трудно было догадаться, почему к ней стали вдруг проявлять повышенное внимание.

После Ватерлоо Наполеон отрекся в пользу сына, который должен был стать Наполеоном II. В письме от 4 июля Мария Луиза просит Вессенберга передать Меттерниху, что она «решила никогда не возвращаться во Францию и тем более не принимать регентства»<sup>90</sup>. Позднее, 26 июля, в письме уже непосредственно самому Меттерниху она пишет: «Я с искренним удовлетворением услышала о входе войск союзников в Париж и возвращении Людовика XVIII, что положило конец моим заботам, так как я решила ни при каких условиях и никаких политических видах не возвращаться во Францию. Я отдаю защиту моих интересов вашей доброй воле»<sup>91</sup>.

Бывшая императрица готова довольствоваться герцогством Пармским, и Клеменс приложил немало усилий, чтобы она его получила. Расстроена была Элеонора, желавшая видеть на троне маленького Наполеона II, с которым играл ее двенадцатилетний сын Виктор<sup>92</sup>. О еще одной упущенной возможности сожалел и Генц. Было бы упрощением объяснять неудачу планов регентства исключительно негативной позицией Марии Луизы и ее отца, но, бесспорно, наряду с прочими причинами, это обстоятельство сыграло свою роль.

Работа конгресса на фоне «ста дней» проходила довольно быстро. Усилия Меттерниха были сосредоточены на германских и итальянских делах. В его замыслах они были взаимосвязаны как два элемента большого плана. Он пытался одновременно укрепить позиции Австрии как европейской державы первого ранга и максимально обеспечить равновесие сил в Европе. Ему удалось помешать Пруссии, опиравшейся на поддержку России, изменить соотношение сил в Германии в свою пользу. В конечном счете это способствовало и эквилибру в европейском масштабе.

Тот факт, что Пруссии не удалось поглотить Саксонию, в немалой мере обусловило решение германского вопроса по модели, соответствующей австрийским интересам. Если Пруссия стремилась привести в Германский союз жесткие связи, определенные элементы унитарного подхода, то Меттерних предпочитал сравнительно слабые внутренние узы. Это обеспечивало Австрии поддержку многих германских суверенов разного ранга, опасавшихся прусских централистских устремлений. Меттерних прекрасно понимал, что в более тесном союзе германских государств Пруссия будет иметь преимущество перед многонациональной, пестрой по своему составу Австрийской империей. А то обстоятельство, что германские суверены видели в Австрии защитницу от прусской экспансии, давало империи серьезные преимущества в германских делах.

Вновь возникал вопрос о воссоздании Священной Римской империи германской нации. К этому Франца I побуждали со многих сторон, в том числе и германские патриоты, жаждавшие единства. Император Франц I заколебался. Решающей оказалась позиция, а точнее сказать, оппозиция Меттерниха. Он видел, что подорваны основы бывлой империи: исчезли церковные княжества, рыцарство. Пруссия достигла того же статуса, что и Австрия. Г. фон Србик склонен объяснять линию Меттерниха его приверженностью к идее баланса сил. Создание мощной германской империи нарушило бы равновесие в Европе, вызвало бы противодействие всех других великих держав. Говорил Србик и о том, что, по мысли Меттерниха, немецкий народ и своей природой, и своей историей обречен на разъединение<sup>93</sup>.

На него в свое время произвел сильное впечатление наполеоновский подход к германской проблеме. Это обстоятельство подметил, в частности, М. Ботценхарт. При всех различиях меттерниховской модели Германии и наполеоновской нетрудно уловить существенные черты сходства, роднящие ее с Германским союзом.

Но все же важнейшим фактором, побудившим австрийского канцлера выступить против схемы имперского единения, за слабо связанную федерацию государств, был страх перед взлетом не поддающегося контролю национального чувства, которое он отождествлял с якобинством. Особое раздражение Меттерниха и Франца I вызывало студенческое националистическое объеди-

нение «Тугенбунд». «Я не стал бы императором, врагами которого были бы князья и благонадежные подданные, а друзьями только члены "Тугенбунда"»<sup>94</sup>, — говорил Франц I.

Как и Меттерниха, против идеи реставрации Священной Римской империи Франца I удерживал еще один важный мотив: империи предстояло стать конституционным государством. Как раз Венский конгресс должен был принять конституцию Германского союза. Кроме того, в германских государствах, прошедших через Рейнский союз, сложились конституционные структуры, которые у Меттерниха и его суверена вызвали явную аллергию. Несмотря на их сопротивление, в конституцию Германского союза была включена ст. XIII, предполагавшая создание представительных собраний во всех германских государствах. Меттерних постарался выхолостить эту статью. Ее лаконичность сочеталась с крайней неопределенностью. В ней был истолкован не очень вразумительный термин «земельно-сословная конституция». «Пифия не могла бы выразиться более загадочно»<sup>95</sup>, — с полным основанием писал известный австрийский историк Х. Ханч. Но даже в таком виде «роковая» тринадцатая статья стала мишенью для постоянных нападок Меттерниха.

Акт о союзе был подписан 10 июля. В его составе насчитывалось 38 членов, а председательство принадлежало Австрии. Наиболее важные статьи акта (с 1-й по 21-ю) вошли в Заключительный акт Венского конгресса и, как того хотел Меттерних, стали частью европейской системы.

По замыслу австрийского канцлера, Австрии предназначалась роль не только ведущей германской державы, но и итальянской. Франц I должен был стать главой двух союзов государств, составляющих как бы ось системы европейского равновесия.

Возникал вопрос, какое итальянское государство может сыграть роль, подобную той, что в Германском союзе играла Пруссия. На ведущее место на Апеннинах претендовало Сардинское королевство со столицей в Турине. Но Австрия сделал иной выбор. Австрийцы в конечном счете устранили Мюрата, воспользовавшись его поведением во время «ста дней». Меттерних способствовал восстановлению власти Бурбонов в королевстве обеих Сицилий, или Неаполитанском. Король Фердинанд IV вознаградил его герцогством Портелла и рентой в 60 тыс. франков. Реакционный режим в Неаполе представлялся австрийскому канцлеру более надежным партнером в Италии. Турин же вызывал серьезные подозрения и опасения. В целом Австрия смогла установить свой контроль над большей частью Италии, либо непосредственно включив определенные территории в империю Габсбургов, либо посадив на троны различных государств членов многочисленного габсбургского семейства, либо навязав свою волю прочим государям. Для Меттерниха Италия была сугубо географическим понятием, поэтому его итальянская политика имела целью вытравить из сознания итальянцев всякую надежду на государственное единство.

В конце концов Австрийская империя во многом благодаря дипломатическому искусству Меттерниха оказалась едва ли не самым «удовлетворенным»,

или «насытившимся», государством «европейского концерта». Для нее теперь стратегическая задача заключалась главным образом в том, чтобы переварить и закрепить добычу. Отсюда и исключительная заинтересованность австрийского канцлера в поддержании созданного Венским конгрессом эквilibра.

Обычно Венский конгресс ассоциируется с именем Меттерниха. Действительно, он был главным режиссером грандиозного действия. Однако нужно иметь в виду, что участники его были весьма своевольными актерами, которые часто вели свои роли, не считаясь с режиссерскими установками или просто вопреки им. Если первоначально современники недооценивали Меттерниха, видели его преимущественно в качестве суетливого церемониймейстера, более поглощенного амурными делами, чем государственными, то уже к концу конгресса оценка его роли круто изменилась. Он казался искусным дирижером, умело добивающимся от оркестра согласованного звучания. «Непревзойденное мастерство Меттерниха, — пишет Г. Киссинджер в сравнительно недавней книге, — проявилось в том, что ему удалось побудить договаривающиеся страны подчинить свои разногласия пониманию общности разделяемых ценностей»<sup>96</sup>.

С неменьшим основанием это можно было бы сказать и о Талейране, и о Каслри. В конечном счете и о российском императоре Александре I. Каждый из них преследовал какие-то свои особые интересы, но на заключительном этапе конгресса дал о себе знать такой фактор, как общие или, во всяком случае, родственные ценностные установки лидеров аристократической Европы. Они не только говорили на одном (французском) языке, но и придерживались примерно одинакового стиля мышления. Проще говоря, они были людьми одного, аристократического круга. Это и облегчило самым существенным образом дирижерскую задачу Меттерниха.

Нередко о Венском конгрессе писали в тонах сугубо критических или же со снисходительным пренебрежением, как бы давая понять, ну что же можно ожидать толкового от этих вырождающихся аристократов, погрязших в увеселениях, любовных интригах. Между тем европейская аристократическая элита, чьим незаурядным представителем был князь Меттерних, сумела добиться достаточно весомых результатов.

Венский конгресс был не только своеобразным слетом европейской знати, но и самым важным шагом на пути к европейскому сообществу со времени Вестфальского мира (1648 г.), подведшего итоги Тридцатилетней войны. Вполне можно согласиться с Г. Киссинджером, который в одной из ранних своих книг писал: «Возможно, никогда европейское единство не было в такой степени реальностью, как между 1815 и 1821 г.»<sup>97</sup>. Правда, при этом нельзя упускать из виду, что оценивать творение венских европейцев можно лишь во взаимосвязи с деятельностью императора французов Наполеона. Он тоже строил единую Европу, хотя и по своей мерке. Европейская же модель конгресса была не только отрицанием наполеоновской, но и восприняла по наследству некоторые ее элементы, в частности реконструированную Германию.

Чаще всего преобладает односторонняя оценка того, что было сделано в Вене, с точки зрения социально-политического прогресса. При таком подходе Венский конгресс предстает неким махрово реакционным сборищем, преследовавшим сугубо анахронистические цели. Но если оценивать конгресс имманентно, если учитывать реальные последствия его деятельности для Европы, картина будет выглядеть иначе.

Главной целью Венского конгресса была не столько реставрация старорежимных порядков, сколько восстановление эквilibра, нарушенного могучей наполеоновской империей. Другой целью была борьба против всякого рода революционных движений, чреватых потрясениями европейского порядка как такового, мятежами и войнами. И то и другое было достигнуто, пусть далеко и не в полной мере, а частично и на ограниченный срок.

За внешней, праздничной и фривольной стороной Венского конгресса порой остается в тени тот факт, что собравшиеся на нем люди в большинстве своем отличались высокой компетентностью, богатым и разнообразным практическим опытом: дипломатическим, военным и административным. От многих поколений аристократических предков им достался ничем не заменимый исторический опыт, впитанные с материнским молоком навыки повелевать и повиноваться. Они были довольно хорошо подготовлены к своей деятельности. Можно вспомнить, что в начале Талейран, а несколько позже Меттерних учились в Страсбургском университете у такого светила международного права, как Кох. Одна только фамилия В. Гумбольдта, политика и ученого, говорит сама за себя. Даже скандально прославившийся Чарльз Стюарт отнюдь не был какой-то случайной фигурой на дипломатическом конгрессе. Герцог Веллингтон отмечал, что брат Каслри умел добывать информации больше, чем кто-либо другой, отличался аналитическими способностями. «Я не знал человека, — говорил «железный» герцог, — который мог бы лучше изложить то, что происходило на конференциях, и написать отчет о переговорах»<sup>98</sup>.

Венский аристократический синклит оказался в конечном счете довольно умеренным по отношению к поверженной Франции. «Нелегко было проявить великодушие к Франции, — раскрывает суть позиции победителей Наполеона Г. Киссинджер. — ... Тем не менее государственные деятели, заседавшие в Вене, пришли к выводу, что в Европе станет безопаснее, если Франция будет относительно довольна, а не раздражена или обижена»<sup>99</sup>. В этой связи особенно выделялся российский император. Но даже представитель самого упорного и последовательного врага наполеоновской Франции Каслри отвергал всякую мысль о расправе над побежденной страной, о ее расчленении: «Пусть лучше союзники воспользуются нынешним шансом обеспечить мирную передышку, которая так требуется державам Европы... причем они могут быть уверены в том, что если их постигнет разочарование... они вновь смогут взяться за оружие, не только обладая командными позициями, но и имея в своем распоряжении ту самую моральную силу, которая только и может скреплять подобную конфедерацию»<sup>100</sup>.

Впервые на уровне международного конгресса в Вене обсуждались проблемы прав человека. Пусть до их решения дело не дошло, но само по себе это было примечательным событием. Речь шла о работоторговле и о гражданских правах евреев в Германии. Конгресс осудил торговлю людьми, но не запретил ее. Меттерниху и Гарденбергу не удалось преодолеть сопротивление представителей малых германских государств, возражавших против принципа полноправия еврейского населения.

Хотя в ходе конгресса его участники не раз в прямом и переносном смысле хватались за шпаги, в конце концов многочисленные противоречия и разногласия были в той или иной мере урегулированы. Безусловно, многие остались недовольны этим урегулированием, тем не менее, по словам Г. Киссинджера, «не было ни одной державы настолько неудовлетворенной, чтобы предпочесть открытое разрушение созданной в Вене конструкции попыткам ее совершенствования изнутри»<sup>101</sup>.

Стоит отметить, что сами создатели нового европейского эквilibра недооценивали эффективность собственного творения. Так, Генц ожидал новой большой войны лет через пять после окончания конгресса, Каслри — через десять. Между тем, вплоть до Крымской войны, т. е. почти 40 лет, великие державы не воевали друг с другом. Правда, создание Германской империи и Итальянского королевства разрушило меттерниховскую Европу. Окончательно похоронила ее Первая мировая война. У О. Мандельштама были основания писать в 1914 г.:

*«Европа цезарей!  
Гусиное перо направил Меттерних, —  
Впервые за сто лет, и на глазах моих  
Меняется твоя таинственная карта».*

Наполеоновская Франция своим стремлением господствовать над всей Европой, если пользоваться современной терминологией, формировала однополюсный европейский мир. Парижу предназначалась роль его эпицентра. Венский конгресс возводил на месте рухнувшей империи Наполеона многополюсную европейскую конструкцию.

Такого рода идеи и представления с разной степенью определенности созрели у британского премьер-министра У. Питта, российского императора Александра I. В 1813 г. мысль о «концерте европейских держав» становится доминантой политических воззрений Меттерниха. Она отлилась у него в такую эффектную формулу: «Мы всегда должны рассматривать сообщество наций как существенную предпосылку современного мира»<sup>102</sup>.

Сам он ощущал себя европейцем. В письме к герцогу Веллингтону он в 1824 г. писал: «Давно уже я чувствовал, что моей родиной была Европа». Вообще аристократизм как таковой во многом предопределял космополитическое отношение к миру. Не только монархические дома, но и множество знатных

семей из различных стран Европы были связаны между собой родственными узами. Вполне естественным считалось служение аристократа одной страны при дворе зарубежного государя на дипломатической или военной службе. По разным странам могли быть разбросаны владения титулованных особ. Не преувеличивая степени аристократического «интернационализма», следует признать, что благодаря сословному корпоративному духу людям этого круга было легче найти взаимопонимание в политической сфере. Примером чему может служить и Венский конгресс.

Нет ничего удивительного в том, что едва ли не самым последовательным европейцем оказался австрийский канцлер, к тому же еще рейнландского происхождения. Габсбургская империя с более чем десятком объединенных под ее скипетром наций сама представляла собой «мини-Европу». Она была наиболее уязвима для национальных движений. Недаром известный британский историк А. Дж. П. Тэйлон называл австрийское государство «обширной коллекцией Ирландий».

Но еще важнее было то обстоятельство, что в европейском раскладе сил Австрия, в отличие от России, Англии и Франции, сама по себе не могла играть ведущей роли. Ее удельный политический вес явно прирастал в системе союзов, тогда как для более могущественных держав рамки союзов бывали сковывающим фактором.

Не следует представлять дело таким образом, будто Меттерних руководствовался неким детально разработанным планом, будто у него уже сложился какой-то целостный комплекс программных положений. В его действиях преобладали интуиция и импровизация. Хотя он любил повторять словечко «система» (впрочем, этим грешили тогда и многие другие политики), его воззрения обретут более или менее системный характер несколько позже. Конечно, опыт Венского конгресса оказался важнейшим системообразующим фактором. Возникшая в Вене система требовала к себе соответствующего, системного подхода.

---

<sup>1</sup> Цит. по: McGuigan D. Op. cit. P. 331.

<sup>2</sup> Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. III. С. 391.

<sup>3</sup> Grunvald C. de. Op. cit. P. 142.

<sup>4</sup> NP. Bd. 1. S. 315.

<sup>5</sup> Ibid. S. 322.

<sup>6</sup> Ibid. S. 318.

<sup>7</sup> Webster Ch. K. The Congress of Vienna. 1814–1815. L., 1920. P. 47.

<sup>8</sup> Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 161.

<sup>9</sup> Webster Ch. K. Op. cit. P. 46–47.

<sup>10</sup> Описание вояжа принца-регента и его гостей в Оксфорд содержится в уникальном издании: A correct Account of the visit of His Royal Highness the Prince Regent and his illustrious guests to the University and city of Oxford in June 1814.

<sup>11</sup> Великий князь Николай Михайлович. Переписка с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. С. 241.

<sup>12</sup> Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. С. 162.

<sup>13</sup> Gentz F. von. Op. cit. S. 278.

<sup>14</sup> Clemens Metternich — Wilhelmine Sagan. S. 263.

<sup>15</sup> Цит. по: Grunwald C. de. Op. cit. P. 141.



- <sup>16</sup> Ibid. P. 142.
- <sup>17</sup> Bourgoing J. von. Vom Wiener Kongress: Zeit und Sittenbilder. Brünn, München, Wien, 1943. S. 13–14.
- <sup>18</sup> Цит. по: Archer J. Colossus of Europe. Metternich. N. Y., 1970. P. 95.
- <sup>19</sup> Цит. по: Bibl V. Op. cit. S. 146.
- <sup>20</sup> Bourgoing J. von. Op. cit. S. 22.
- <sup>21</sup> Ibid. S. 171.
- <sup>22</sup> NP. Bd. 2. S. 474.
- <sup>23</sup> Bourgoing J. von. Op. cit. S. 6.
- <sup>24</sup> McGuigan D. Op. cit. P. 468.
- <sup>25</sup> Bourgoing J. von. Op. cit. S. 5.
- <sup>26</sup> Ibid. S. 253.
- <sup>27</sup> Ibid. S. 254.
- <sup>28</sup> NP. Bd. 2. S. 476.
- <sup>29</sup> Ibid. S. 475.
- <sup>30</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 471.
- <sup>31</sup> Bourgoing J. von. Op. cit. S. 138.
- <sup>32</sup> Letters du prince Metternich a la contesse de Lieven. P. 207.
- <sup>33</sup> McGuigan D. Op. cit. P. 337.
- <sup>34</sup> NP. Bd. 2. S. 474.
- <sup>35</sup> Зак Л. А. Монархи против народов. М., 1966. С. 75.
- <sup>36</sup> Onken W. Op. cit. S. 842.
- <sup>37</sup> Талейран. Мемуары. М., 1959. С. 311.
- <sup>38</sup> Цит. по: Bourgoing J. von. Op. cit. S. 130.
- <sup>39</sup> Ibid. S. 139.
- <sup>40</sup> Ibid. S. 140.
- <sup>41</sup> Ibidem.
- <sup>42</sup> Цит. по: Gentz F. von. Op. cit. S. 319.
- <sup>43</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 228.
- <sup>44</sup> Цит. по: Gentz F. von. Op. cit. S. 322.
- <sup>45</sup> Цит. по: McGuigan D. Op. cit. P. 378.
- <sup>46</sup> Ibid. P. 379.
- <sup>47</sup> Ibidem.
- <sup>48</sup> Ibid. P. 381.
- <sup>49</sup> Ibid. P. 380.
- <sup>50</sup> Ibid. P. 384.
- <sup>51</sup> Clemens Metternich — Wilhelmine Sagan. S. 213.
- <sup>52</sup> Gentz F. von. Op. cit. S. 329, 330.
- <sup>53</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 228.
- <sup>54</sup> Ibid. P. 334.
- <sup>55</sup> Цит. по: Grunvald C. Op. cit. P. 142–143.
- <sup>56</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 234.
- <sup>57</sup> Ibid. P. 241–242.
- <sup>58</sup> McGuigan D. Op. cit. P. 385.
- <sup>59</sup> Bourgoing J. von. Op. cit. S. 156.
- <sup>60</sup> Ibidem.
- <sup>61</sup> Ibidem.
- <sup>62</sup> Ibid. S. 143.
- <sup>63</sup> Цит. по: McGuigan D. Op. cit. P. 396.
- <sup>64</sup> Gentz F. von. Op. cit. S. 327–328.
- <sup>65</sup> Цит. по: Bourgoing J. von. Op. cit. S. 159.
- <sup>66</sup> Ibid. S. 163.
- <sup>67</sup> Ibid. S. 165.
- <sup>68</sup> Onken W. Op. cit. S. 854.
- <sup>69</sup> Цит. по: Bourgoing J. von. Op. cit. S. 208.
- <sup>70</sup> McGuigan D. Op. cit. P. 414.
- <sup>71</sup> Цит. по: Bourgoing J. von. Op. cit. S. 219.
- <sup>72</sup> Ibid. S. 218.
- <sup>73</sup> NP. Bd. 1. S. 326.
- <sup>74</sup> Bourgoing J. von. Op. cit. S. 224.
- <sup>75</sup> Gentz F. von. Op. cit. S. 339.

- <sup>76</sup> Bourgoing J. von. Op. cit. S. 224.
- <sup>77</sup> Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 171.
- <sup>78</sup> ВПР. Серия I. Т. VIII. С. 139.
- <sup>79</sup> Талейран. Указ. соч., М., 1959. С. 310–311.
- <sup>80</sup> Bourgoing J. von. Op. cit, S. 260–261.
- <sup>81</sup> Ibid. S. 212.
- <sup>82</sup> Ibid. S. 233.
- <sup>83</sup> Kissinger H. A. Op. cit. P. 169.
- <sup>84</sup> Bourgoing J. von. Op. cit. S. 295.
- <sup>85</sup> McGuigan D. Op. cit. P. 450.
- <sup>86</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 509.
- <sup>87</sup> Ibid. S. 510.
- <sup>88</sup> Ibid. S. 512.
- <sup>89</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. S. 265–266.
- <sup>90</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 519.
- <sup>91</sup> Ibid. S. 523.
- <sup>92</sup> McGuigan D. Op. cit. P. 489.
- <sup>93</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. Bd. I. S. 197–198.
- <sup>94</sup> Ibid. S. 199.
- <sup>95</sup> Hantsch H. Die Geschichte Österreichs. Graz-Wien-Köln, 1968. Bd. II. S. 278.
- <sup>96</sup> Киссинджер Г. Указ. соч. С. 70.
- <sup>97</sup> Kissinger H. A. Op. cit. P. 315.
- <sup>98</sup> Цит. по: Musulin S. Vienna in the Age of Metternich. 1975. P. 187.
- <sup>99</sup> Киссинджер Г. Указ. соч. С. 69.
- <sup>100</sup> Там же. С. 70.
- <sup>101</sup> Kissinger H. A. Op. cit. P. 173.
- <sup>102</sup> McGuigan D. Op. cit. P. 512.

## Глава VI. «КУЧЕР ЕВРОПЫ»

### I

**И**мя Меттерниха неразрывно связано со Священным союзом, оформившимся вскоре после Венского конгресса. Австрийскому канцлеру светская молва даже присвоила иронический титул «le chevalier de la Saint-Alliance». Действительно, он стал ключевой фигурой союза и в этом качестве снискал широкую известность. Но при этом его нельзя безоговорочно отнести к отцам-основателям Священного союза, да и лидерство Меттерниха в нем не было неоспоримым.

История появления этой организации как раз и примечательна тем, что в ней рельефно проявилась такая особенность Меттерниха-политика, как умение воспользоваться сложившимися обстоятельствами, повернуть в свою пользу даже невыгодную изначально ситуацию. Не предлагая каких-либо оригинальных идей, он в случае необходимости мог подхватывать чужие, искусно придавать им свою специфическую окраску. После этого австрийский канцлер совершенно искренне считал их своими собственными и умел убеждать в этом других.

У идеи Священного союза богатая генеалогия. Можно назвать множество мыслителей, литераторов, политиков, писавших и говоривших о необходимости союза европейских государств на тех или иных политических, религиозных, культурных основах. Среди них были и прекраснодушные либералы и суровые консерваторы-скептики, романтики-мечтатели и рационалисты, католики и протестанты.

Ближайшие истоки Священного союза некоторые историки вполне правомерно усматривают в третьей антинаполеоновской коалиции. Во время переговоров между Англией и Россией наряду с обычными вопросами подготовки к очередной войне значительное внимание было уделено проблеме будущего европейского устройства с расчетом на длительный и прочный мир. Именно тогда британский премьер-министр У. Питт выдвинул идею, весьма напоминавшую по своей сути пентархию, т. е. «концерт» из пяти европейских держав как гарантов спокойствия и порядка.

По сравнению с трезвым, практичным подходом Питта позиция российской стороны выглядела довольно туманно, но зато более впечатляюще. Она была изложена в послании царя Александра I, доставленном в Лондон одним из его «молодых друзей» — Н. Н. Новосильцевым в качестве специальной миссии, через голову посла.

Хорошо известно, что непостоянный, мятущийся царь был подвержен разным влияниям. У него либеральные идеалы причудливым образом уживались со свойственными его натуре деспотическими инстинктами. Симпатии его были непостоянны, фавориты периодически сменяли друг друга.

В самом начале царствования сильное влияние на Александра I имел князь Адам Чарторыйский. Об этом было много написано, в том числе и самим князем. Не следует, однако, это влияние преувеличивать, впрочем, как и недооценивать его, тем более что князь одно время даже возглавлял российское внешнеполитическое ведомство.

Когда же говорят о князе Чарторыйском, то вспоминают и его духовного наставника аббата С. Пяттоли. Последний участвовал в разработке реформ в Польше еще при короле Станиславе-Августе, позже восемь лет отсидел в тюрьме по приказу кайзера Франца. Этот энергичный аббат появляется в России в благоприятное для Чарторыйского время, получает от царя должность корреспондента комиссии по законодательству. Есть основания полагать, что именно Пяттоли послужил для Толстого в «Войне и мире» прототипом аббата Морио, блиставшего красноречием и живостью мысли в салоне Анны Павловны Шерер.

В политических построениях аббата-итальянца, которые в той или иной степени нашли выражение в его проектах и меморандумах 1803–1806 гг., России отводилась роль главной опоры «нового» европейского порядка, предназначенного прийти на смену наполеоновской Европе. Связь России с либеральной, на взгляд Пяттоли, Англией еще больше вдохновляла аббата. Безусловно, руководящая роль России для него не цель, а средство, с помощью которого можно обеспечить в рамках новой Европы возрождение Италии и Польши<sup>1</sup>. Чтобы его идеи выглядели для царя более соблазнительными, Пяттоли в декабре 1806 г. пишет меморандум: «О постепенном объединении с Россией всех разрозненных членов старой славянской семьи»<sup>2</sup>. Причем Польша должна была стать королевством со своей конституцией, но под властью российского императора, на чем царь и настаивал так упорно на Венском конгрессе. Конечно, влияние Пяттоли было опосредовано через князя А. Чарторыйского.

В орбиту общения Александра I в то время попадало много незаурядных личностей, мыслителей, одержимых разнообразными идеями проповедников и идеологов, стремившихся обратить царя в свою веру. Достаточно упомянуть таких разных людей, как Дж. Бентам, Ф. Баадер, А. Мюллер. Младший друг Генца Адам Мюллер читал лекции по «государственному искусству» прусскому наследному принцу. Позже он станет работать на Меттерниха. По искреннему убеждению А. Мюллера, только христианская религия могла послужить основой мира между народами, соединенных в свободном и вечном союзе государств. Свою книгу о необходимости новой и глубокой связи религии и политики он посвятил другу Александра I князю Голицыну. Были и российские вдохновители идеи Священного союза. О них совсем недавно написал в интересном исследовании американский историк А. Мартин<sup>3</sup>.

Вообще перечень источников, от которых исходили импульсы, воздействовавшие на царя, очень длинный. Их обилие свидетельствует в пользу того взгляда, что нельзя связывать мысль о создании Священного союза исключительно с кратковременным и сравнительно поздним влиянием мистически настроенной баронессы Ю. Крюденер. Подобным представлениям способствовал и Меттерних, не упускавший случая принизить роль царя. «Пусть уж лучше идеи мадам фон Крюденер, чем месье де Лагарпа»<sup>4</sup>, — со снисходительным пренебрежением высказывался австрийский канцлер.

Вскоре после почти всеобщих восторгов в адрес Александра I в связи с победой над Наполеоном российскому императору пришлось пережить тяжкое разочарование, когда бывшие союзники объединились с Францией против него в тройственный союз. И как только Венский конгресс подвел материальные итоги наполеоновских войн, Александр I решил закрепить их на более высоком, духовном уровне.

Дело в том, что с падением наполеоновской империи в Европе появилось ощущение пустоты. Распались прежние навязанные силой оружия узы, но сохранялась определенная тяга к некоей европейской общности. Поэтому Венский конгресс не мог ограничиться подведением черты под бурной эпохой войн. Требовалось найти какие-то новые формы реализации европейской идеи.

Как бы ни относились противники к поверженному императору французов, все же именно он предстал в качестве критерия человеческого величия. Победителю Наполеона Александру I хотелось теперь стать своего рода Наполеоном мира, но построить европейское содружество не силой оружия, а убеждением. Чтобы подчеркнуть бескорыстие России, он даже запустил пробный шар — идею конференции по разоружению.

Однако на роль «Наполеона мира» претендовал и Клеменс. Ведь он считал себя не только победителем Бонапарта, но и человеком, глубже всех постигнувшим его. Общаясь с Наполеоном, Меттерних, при всей его самоуверенности, не мог не ощущать дистанции между гением и собой. Теперь же, когда Бонапарт повержен, австрийский канцлер на всех прочих взирает с чувством собственного превосходства. «Нет более в этом мире единственного гиганта, порожденного XVIII веком; все, кто суетится сегодня, выглядят жалко. Очень трудно играть хорошо, имея дело с посредственными актерами»<sup>5</sup>, — пишет он своей новой пассии Д. Ливен.

Такая самооценка отразилась и на его манере поведения. Не теряя былого изящества, он обретает величественность в осанке, походке, жестах. «Новый» Меттерних предстает и на портрете, написанном в 1819 г. знаменитым Лоуренсом, чья кисть запечатлела почти всю европейскую знать того времени. Клеменс — уже не тот романтический молодой человек с рассеянным взглядом и легкой блуждающей улыбкой, каким изобразил его более десятка лет назад Жерар. Теперь на нас смотрит исполненный величия государственный муж со всеми атрибутами своей огромной власти. На его лице чувство снисходитель-

но-благожелательного превосходства. В его улыбке кое-кто находит нечто мифистофелевское, но скорее она придает ему сходство с его славным сказочным земляком Рейнеке-лисом.

Но при всем незаурядном дипломатическом мастерстве Меттерниху недоставало творческой искры. Александр I явно превзошел его. Поэтому Клеменс воспринял идею царя весьма иронически. Ему сразу же бросились в глаза ее религиозно-мистические аспекты. Правда, как раз это на первых порах и примирило Меттерниха с проектом Александра I. Стоит ли вступать в схватку по столь ничтожному поводу? Лучше ублажить царя. Ведь речь идет о «звучной пустоте»<sup>6</sup>. Намного резче отозвался Каслри: «Это образец крайнего мистицизма и бессмыслицы»<sup>7</sup>. Для французского канцлера Пакье «это странный документ... дело воображения, достигающего высокой степени экзальтации»<sup>8</sup>. Даже крайне сдержанный кайзер Франц пошутил, что он не знает, как ему поступить: обсуждать ли эти идеи на совете министров или в исповедальне.

Документ, предложенный царем, по словам Генца, поверг всех в изумление и замешательство; явной аномалией воспринимался религиозный союз между православным императором, императором-католиком и королем-протестантом. Но император Александр I был «так настойчив и пылок, что у них не хватило духу ему сопротивляться»<sup>9</sup>. Положительную сторону проекта Меттерних и Каслри усматривали в том, что с его помощью можно воспрепятствовать вероятной российской экспансии. Кроме того, они довольно скоро увидели в проектируемом альянсе средство укрепления «европейского концерта» держав.

Александр I, чтобы отстоять свое детище, пришлось смириться с поправками, внесенными в текст Меттернихом. Если в тексте царя говорилось о том, что подданные трех договаривающихся сторон пребудут соединены узами действительного братства, то Меттерних предложил такую поправку: «три договаривающихся монарха»<sup>10</sup>. Австрийский канцлер в угоду своему императору, да и в соответствии с собственными консервативными взглядами, сравнивает монархов с отцами семейств. Кроме того, подобное сравнение должно подкрепить представление о естественно-правовом характере монархической власти. Насторожило Меттерниха и упоминание о «христианской нации»; он предпочел ему слово «народ»<sup>11</sup>. Заменяв выражение «все государства» на «все державы», Меттерних фактически ограничил предполагаемый состав Священного союза<sup>12</sup>. С его поправками документ был подписан тремя монархами 26 сентября 1815 г. Британский принц-регент, хотя и не подписал его, но заверил в своей солидарности.

Характерно, что, весьма склонный к бахвальству, Клеменс в первые годы существования Священного союза не связывал его со своим именем, вообще редко вспоминал о нем. Иным было поведение царя. «Он смотрит на себя, — отмечал Генц в 1818 г., — как на основателя европейской федерации и хотел бы, чтобы на него смотрели как на ее главу. В течение двух лет он не написал ни од-

ной записки, ни одной дипломатической бумаги, где бы эта система не была бы представлена славой века и спасением мира»<sup>13</sup>.

Вообще первые три года своего существования Священный союз подавал не так уж много признаков жизни. У него не было какого-то более или менее постоянного органа, определенной периодичности созыва конгрессов или совещаний монархов и министров. Первый конгресс собрался лишь в 1818 г. Не обнаруживал особого интереса к Священному союзу и тот, кто считал себя «первым министром Европы», тот, кого вскоре назовут *chevalier de Saint-Alliance*.

Лишь с трехгодичным опозданием он осознал, какие возможности заложены в Священном союзе для борьбы с революционными движениями. В его создании утвердилась картина разветвленного международного революционного заговора с руководящим центром, естественно, в Париже. Тесно связанным между собой тайным революционным обществам или, как называл их Меттерних, «сектам» следовало противопоставить такую же международную солидарность охранительных сил. Священный союз казался теперь Меттерниху подходящей для столь значительной цели структурой.

Перелом в отношении австрийского канцлера к Священному союзу во многом обусловлен и эволюцией политики российского императора от абстрактного либерализма к реакции. Теперь с помощью Священного союза можно было попытаться направить энергию царя главным образом в охранительное, контрреволюционное русло, отвлекая его от мистических и экспансионистских мечтаний.

Было и другое, не менее важное соображение. Разве не дипломатии конгрессов и конференций был обязан Клеменс самыми серьезными успехами? Как раз в сложном хитросплетении множества разнообразных интересов его дипломатическое искусство проявлялось с наибольшим блеском. В концерте держав благодаря его изощренной тактике удавалось скрадывать многие слабости Австрийской империи, которые обнажались в двусторонних отношениях. Священный союз и открывал перспективу относительно регулярной многосторонней дипломатии конгрессов, в которой Клеменс чувствовал себя как рыба в воде.

Поэтому он придавал такое огромное значение организации первого конгресса Священного союза. Местом для него выбрали Ахен, хотя прусский король поначалу пытался противиться этому по соображениям экономии.

Будучи уверен в Каслри, Меттерних основное внимание сосредоточил на России. Пока отношения с царем не налажены, он не упускает случая пустить в ход свои чары в общении с российскими дипломатами, прежде всего аккредитованными в Вене. Эти чары испытал на себе и посланник царя граф Ю. А. Головкин: князь удостоил его двухчасовой беседы, раскрыл перед ним свое понимание европейской системы. «Отставив присущие его титулу официальность и сдержанность, — сообщил Головкин Нессельроде, — министр говорил языком просвещенного и мудрого наблюдателя, убежденного в том, что

строгое соблюдение современной системы есть единственная возможная гарантия общего счастья и поддержки существующих порядков»<sup>14</sup>.

Австрийский канцлер не скрывал отрицательного отношения к идее вовлечения в дела союза второстепенных государств: «Состояние Европы требует определенного верховенства; при Наполеоне оно было деспотическим. Если не хотят, чтобы оно стало демократическим, то заботу о его сохранении и поддержании следует возложить на четыре великие державы, стоящие во главе европейской системы, если со временем к ним не присоединится и Франция. Пусть завистники называют эту систему аристократической — слова не имеют значения, лишь бы творилось благо и пресекалось зло». «Европейская система есть главная пружина мировой политики»<sup>15</sup>, — вещал Клеменс.

Стоило Головкину коснуться «восточного вопроса», как перед ним мгновенно предстал совсем другой Меттерних: «Минутная пауза и перемена темы показали мне, что час откровенного поединка еще не пробил, и я отложил дело до другого случая»<sup>16</sup>.

В преддверии Ахенского конгресса (29 сентября — 22 ноября 1818 г.) стали очевидны серьезные противоречия между Австрией и Россией и в подходе к европейской системе. Меттерних по-прежнему не желал включения в нее Франции. Его «концерт» ограничивался по сути квинтетом великих держав. Российское же министерство иностранных дел придерживалось иной, более широкой точки зрения: «Если исходить из того, что совещание в Ахене должно содействовать прогрессу европейской системы, то речь там может идти не о четверном, а о всеобщем союзе»<sup>17</sup>. Российская дипломатия отказывалась видеть, подобно Меттерниху, во Франции постоянный очаг революционной угрозы и держать дверь в союз для нее закрытой; это «значило бы либо беспричинно допустить большую и опасную несправедливость, оживить, а не устранить источник зла, либо преднамеренно пожертвовать политическим существованием одного государства ради мнимого спасения других»<sup>18</sup>.

Чтобы прийти к конгрессу в хорошей физической форме, Клеменс, по совету врача, отправился в Карлсбад. Но и на курорте вокруг него, как центра дипломатической галактики, вращались свои и зарубежные дипломаты. Князь развлекается, музицируя в составе оркестра вместе с князем де Бироном, несколькими прусскими военными и другими любителями. На курорт приезжает выдающаяся итальянская певица (с ней князь был знаком довольно близко) Анжелика Каталани. Меттерних представил ее, пожалуй, самому знаменитому из отдыхающих — Гете. Даже известие о тяжелом состоянии, а позже и смерти отца не заставило его прервать 40-дневный курс лечения.

На конгресс в Ахен Клеменс едет довольно долго. Во Франкфурте, если верить его словам, он был встречен «как мессия». Затем он проследовал в Майнц, где встретился с Францем I и повез того в Йоханнисберг. Император был почетным гостем князя. После этого они вместе отправились в Ахен, куда и прибыли в конце сентября 1818 г. синхронно с другими действующими лицами.



Сразу же пришлось забыть о недавнем отдыхе. Новый российский министр иностранных дел граф Каподистрия предложил резко расширить Священный союз, включив в него все государства, подписавшие заключительный акт Венского конгресса. Ни для Меттерниха, ни для Каслри, убежденных сторонников концерта держав, такой подход был неприемлем. С трудом благодаря Меттерниху был найден компромисс. Сначала четыре державы антинаполеоновской коалиции подтвердили в форме секретного протокола условия договоров в Шомони и Париже. Затем в Священный союз пригласили Францию.

В секрете оставался и принятый с участием Франции документ от 15 ноября, в соответствии с которым пять великих держав присвоили себе право на вмешательство в дела любого европейского государства в случае возникновения в нем революционной опасности. Монархи и министры, по словам Генца, искусно сформулировавшего их мысли в документах конгресса, «заставили замолчать все остальные соображения перед высшею обязанностью предохранить власть от крушения, избавив народы от их собственных заблуждений. Не вступая в излишние договоры, они заключили тесное соглашение относительно того, как держаться во время шторма»<sup>19</sup>.

Конгрессы Священного союза отныне должны были проводиться регулярно, чтобы не упускать из-под контроля ситуацию в Европе. У Меттерниха имелось достаточно оснований быть довольным результатами, достигнутыми в Ахене. Но все-таки это был еще не его конгресс. На нем царил российский император. «История конгресса в Ахене, — писал Генц, — сосредоточивалась вокруг его августейшей персоны; он был его движущей силой, руководителем и героем»<sup>20</sup>. Но тот факт, что в Ахене восторжествовал принцип «дипломатии конгрессов», открывал перед Клеменсом увлекательные перспективы, которые он вскоре смог в значительной мере реализовать.

## II

**П**еред австрийским канцлером стояли и сложные внутривосточные задачи. Его дипломатическая деятельность была направлена на создание внешнего равновесия, в рамках которого укреплялись внешнеполитические державные позиции Австрийской империи. Обеспечив своей стране завидную роль на международной арене, канцлер параллельно стремился закрепить внутренний баланс.

После Венского конгресса Клеменс находился в состоянии эйфории. У него возникло ощущение, что буквально все ему под силу. В сфере его внимания оказываются практически все ключевые аспекты жизни Австрийской империи. Государственная деятельность стала его первой жизненной потребностью. «Мой стол — моя маленькая родина»<sup>21</sup>, — признается Меттерних. Министр берет в нем верх над грансенъором-сибаритом. Он занимается делами даже во время отдыха. В то же время грансенъорская закваска оберегает его от

мелочного бюрократизма. Он не стремится вступать в каждое дело, контролировать всякий шаг своих подчиненных. На вопрос о том, как ему удается так много делать, Меттерних отвечал: «Я не делаю ничего из того, что могли бы сделать другие»<sup>22</sup>.

Клеменс вершит дела и в императорском семействе, почти как в своем собственном, о чем свидетельствует следующая история. Пользуясь затянувшимся пребыванием князя в Италии, спешат жениться без его спроса эрцгерцоги Иосиф и Карл. Успел, правда, лишь первый. Тогда возмущенный канцлер решает составить семейный статут, своего рода кодекс поведения членов императорского семейства. Естественно, блюстителем статута должен быть канцлер.

Вскоре ему удается впечатляющий ход. Весной 1816 г. умирает императрица Мария Людовика. Клеменс довольно равнодушно воспринял известие о смерти своего врага. Что же касается кайзера Франца, то тот даже почувствовал облегчение. О своем третьем супружестве он высказался так: «Это была ошибка. Я сочетался браком с существом, которое превосходило меня духовно. Мой собственный выбор был неудачен». «Но, — продолжал он, — у меня есть Меттерних, человек, который все может, все понимает и преодолевает все трудности; он найдет мне подходящую женщину»<sup>23</sup>.

Действительно, Меттерних сумел потрафить своему августейшему господину. Он выбрал для него 24-летнюю баварскую принцессу Шарлотту. Она не отличалась красотой, зато была физически здорова, спокойного, уравновешенного нрава. Правда, она состояла в фиктивном браке с кронпринцем Вюртембергским, избранником великой княгини Екатерины Павловны. Тот предпринял подобный шаг в наполеоновские времена, опасаясь, что император французов заставит его жениться на какой-нибудь представительнице собственного семейства. Меттерниху без труда удалось урегулировать с папской курией эту проблему, как и ряд других, в частности убрать с пути кайзера его младшего брата Фердинанда Тосканского.

Баварская королевская семья была в восторге и преисполнилась благодарностью к канцлеру. 16 октября 1816 г. был подписан брачный контракт. Клеменс пребывал наверху блаженства. Тому причиной были не только милость своего императора, благодарность старого друга короля Макса, но и неудовольствие царя. Теперь его любимая сестра становилась супругой мелкодержавного Вюртембергского принца, чья бывшая, пусть и фиктивная, жена вззошла на габсбургский императорский трон. Во время свадебных торжеств брат новопеченной императрицы кронпринц Людвиг хвастался тем, что у его сестры «больше корон, чем уездов в Вюртемберге»<sup>24</sup>. Шарлотта, ставшая императрицей под именем Каролины Августы, помнила, кому обязана своим возвышением. Всю жизнь она держалась в стороне от политики; князь по крайней мере мог быть уверен в том, что она не участвует в интригах против него.

На Меттерниха Франц взвалил заботы и об устройстве своих детей. Не успел Клеменс отойти от брачной эпопеи императора-отца, как пришлось за-

няться делами его дочери, эрцгерцогини Леопольдины. Сначала ее хотели выдать замуж за племянника саксонского короля, но канцлер предпочел наследника португальско-бразильской короны принца дона Педро да Алкantara из династии Браганца. Эрцгерцогиня полностью положила на волю всемогущего канцлера. И после недолгого зондажа в Лиссабоне Меттерних повез Леопольдину в Ливорно, куда за ней должна была приплыть эскадра из Бразилии.

Клеменс был рад лишний раз побывать в Италии. На него благотворно влиял теплый климат. Яркое солнце и голубые небеса оказывались лучшим средством от депрессии. Хотя ожидание португальского флота затянулось, князь не сожалел об этом; он наслаждался жизнью, часто слушал пение знаменитой примадонны Каталани. Их отношения быстро вышли за рамки обычного знакомства. Клеменс даже вручил ей орден Святой Екатерины, предназначенный для его жены.

Наконец прибыли долгожданные корабли, хотя и без жениха, но его роль успешно сыграл дядя невесты эрцгерцог Карл, имевший уже опыт австрийского брака Наполеона в 1810 г. Леопольдина с огромным багажом отплыла в далекую Бразилию на корабле, по сравнению с которым, как выразился Клеменс, «Ноев ковчег показался бы детской игрушкой»<sup>25</sup>.

Поглощенный делами императорского семейства, канцлер едва успел прибыть в августе 1817 г. к свадьбе собственной и самой любимой дочери Марии, вышедшей замуж за богатейшего венгерского магната графа И. Эстерхази. Клеменсу и Элеоноре тяжело было расставаться с любимицей, хотя и трудно было придумать для нее лучшую партию.

Старания канцлера были щедро вознаграждены. Император Франц I пожаловал ему бывшее бенедиктинское аббатство Йоханнисберг, раскинувшееся по берегам Рейна почти посередине между Майнцем и Кобленцем. Мог ли быть лучший подарок для князя, всегда остававшегося рейнландцем! Восторгу Клеменса не было предела, столь же беспредельны были его затраты на «обустройство» любимого поместья, на которое он истратил свыше 10 млн флоринов.

Между тем его политическая жизнь, при все ее внешнем блеске и благополучии, отнюдь не была усыпана одними розами. Его очень болезненно жалили острые и порой даже ядовитые шипы. Внутри Австрийской империи он нередко наталкивался на сопротивление гораздо более сильное, чем на международной арене. Впоследствии он с горечью говорил, что иногда ему удавалось управлять Европой, но никогда — Австрией.

Как уже было сказано, время после Венского конгресса канцлер считал самым подходящим для укрепления внутриполитических структур, с тем чтобы привести их в большее соответствие с возросшим внешнеполитическим весом страны. Поскольку Австрия стала вполне «насытившейся» державой, для нее главной целью было сохранить и уберечь свое достояние от внешних и внутренних угроз. Государство было как бы обречено на консервативный, охранительный курс, и Меттерних как нельзя лучше подходил для его проведения.

Можно сказать, что именно с 1815 г. князь становится консерватором в самом прямом смысле этого слова. Такая позиция соответствовала его складу ума, характеру и его природному инстинкту.

Но короткий период его жизни с 1815 по 1818 г. свидетельствует о том, что он не сразу стал догматичным защитником статус-кво, по сути дела отвергавшим любые реформы. Было достаточно причин, побуждавших его оставлять в тени свои неудачные попытки административно-управленческих реформ. Во-первых, он вообще предпочитал забывать о неудачах, а во-вторых, князь успел войти в образ твердого и последовательного государственного мужа, не знавшего реформистских колебаний, противостоявшего изменениям.

Сам Меттерних на протяжении всей жизни любил подчеркивать твердость и постоянство своих принципов и своей политики. Напрашивается аналогия с его стремлением доказать, будто он никогда не принимал всерьез союз с Наполеоном, не пытался сохранить, пусть в усеченном виде, наполеоновскую Францию.

На самом деле в промежутке примерно между основанием Священного союза и его Ахенским конгрессом Меттерних пытался провести реформы в сфере национальных отношений и структуры правления империи. Хотя речь шла о реформах крайне ограниченных, нацеленных на лучшую сохранность сложившегося положения вещей, реформах консервативных, но тем не менее реформах.

Опыт трех лет непосредственно после Венского конгресса и договора о Священном союзе имел важное значение в формировании политической философии и практики Меттерниха. Дело в том, что это был идеальный с точки зрения консервативного реформизма период: спокойное время, когда можно было не опасаться, что реформы вырвутся из-под контроля, спровоцируют социальные или национальные волнения.

Опыт наполеоновских войн, вызвавших ускоренный рост национального самосознания в Европе, особенно в Германии, подсказывал необходимость принятия мер превентивного характера в многонациональной Габсбургской империи, пока еще сохранялся запас прочности.

Опять-таки сам Клеменс не выдумал пороха. Во время пребывания в Италии на него оказали серьезное влияние умные, дальновидные руководители военной и гражданской администрации в Ломбардо-Венеции — маршал Бельгард и генерал граф Бубна. С их взглядами совпала и точка зрения главы австрийской администрации в Галиции графа Гёсса. Все они были сторонниками канализации опасного, на их консервативный взгляд, национального чувства в русло регионально-национальной автономии. Таким замыслом благоприятствовало и то обстоятельство, что происходила регенерация Габсбургской империи: в ее состав возвращались старые владения и включались новообретенные.

В Ломбардо-Венеции, где австрийцы только что сменили французов, Бельгард советовал, насколько это возможно, «льстить итальянскому национальному характеру»<sup>26</sup>. Меттерних полагал, что упор должен быть сделан на

развитие «чувства племени», «региональной ломбардо-венетической гордости»<sup>27</sup>. Поддерживая идею пробуждения «ломбардского духа», Меттерних в то же время рекомендовал Бубне мешать Флорентийской академии в деле создания Итальянского словаря, чтобы притормозить формирование «итальянского духа»<sup>28</sup>.

В докладе Францу I Меттерних хвалил политику графа Гёсса в Галиции. Тот «поступает совершенно правильно, предпочитая не делать из поляков плохих немцев, а прежде всего настоящих галицийцев, которые перестанут считать себя поляками»<sup>29</sup>. В Галиции приходилось учитывать влияние польской политики царя Александра I, даровавшего российской Польше конституцию.

Меттерниховское понимание нации базировалось главным образом на культурных и духовных традициях. Отсюда ставка на культурную автономию, которая в свою очередь была связана с курсом на децентрализацию. Чтобы привлечь на свою сторону Франца I, Меттерних постоянно подчеркивал, что это возврат от скомпрометированной «иосифинской» централизаторской политики к исторически проверенной «терезианской» политике.

В докладе императору Францу I канцлер оспаривает политику его дяди Иосифа II как вредную и чрезвычайно опасную: «Я рассматриваю осуществленную насильственным путем систему слияния отдельных составных частей монархии как пустую и, более того, рискованную гипотезу; в настоящее время подобное дело неизбежно привело бы к идее центрального представительства нации, каким бы нелепым оно ни было само по себе при существующих условиях»<sup>30</sup>. С децентрализацией Меттерних связывал расчеты на прочность пестрой, разноплеменной империи. После революции 1830 г. Меттерних весьма откровенно излагал выгоды такой системы одному из свергнутых Бурбонов: «У нас революции не привели бы к лесному пожару. Когда венгры восстанут... мы сразу же противопоставим Венгрии Чехию, они ненавидят друг друга, или Польшу, или Германию, или Италию»<sup>31</sup>.

«Терезианская» (в стиле императрицы Марии Терезии) линия на поощрение культурной автономии, местного патриотизма означала также осуждение искусственной германизации, присущей централизаторскому курсу Иосифа II (сына Марии Терезии). Ведущая роль германского элемента, по мысли Меттерниха, должна реализовываться естественным образом благодаря цивилизаторской миссии в экономике, в духовной жизни, а также благодаря политической функции в качестве арбитра по отношению к прочим национальностям. Опираясь на традиционализм, Меттерних рассчитывал воспрепятствовать процессу роста национального самосознания народов, оказавшихся под скипетром Габсбургов.

Маска благожелательного покровительства традиционализму у Клеменса скрывала презрительное высокомерие, которое нередко прорывалось наружу. К востоку от Вены для него лежала Азия. «За этой нацией всегда стоит Пульчинелла»<sup>32</sup>, — так, например, отзывался он об итальянцах.

С политико-административной точки зрения Австрия, как писал Меттерних, с ее многообразием составных частей представляет собой нечто подоб-

ное федеративному государству, объединенному общим для всех монархом. Хотя Клеменс и восхищался централизованной администрацией Наполеона, для Австрии он считал ее неприемлемой. Его вполне устраивало единство в многообразии. Различия в степени политического развития земель были, на его взгляд, эффективным препятствием для конституционалистских тенденций как на региональном, так и на общеимперском уровнях. Венгерская конституция была его постоянно ноющей раной. Борьба против нее являлась одним из важнейших направлений его внутренней политики. Федерализм Меттерниха Г. фон Србик называет умеренным, так как он ограничивался сферой административного управления, но совершенно не затрагивал сферу законодательную.

Местный патриотизм вкупе с традиционализмом Меттерних рассматривал как противоядие по отношению к национальному самосознанию и либеральным идеям. Региональную специфику, по его замыслу, должно было еще более укрепить местное сословное представительство, ландтаги с крайне ограниченными прерогативами. Правда, формально за ними сохранялось право одобрять или не одобрять налоги. Но было одно лишь исключение, которое обесценивало это право: налог на военные нужды изменениям не подлежал. Сфера влияния региональных сословных представительств — местные налоговые и административные вопросы. Представлено в них было преимущественно одно сословие — дворянство. Но и оно имело лишь совещательный голос. Дворянству были нужны не столько права, сколько привилегии. При «добром кайзере Франце» дворянство вернуло себе значительную часть привилегий, утраченных при Иосифе II. Ни дворяне, ни император не нуждались даже в тех косметических реформах, о которых помышлял Меттерних.

Одновременно он вновь обращается к планам реформ аппарата государственного управления, отложенных после неудачи 1811 г. Государственная машина, по замечанию одного из тогдашних австрийских наблюдателей, вращалась со страшным грохотом, но не двигалась с места. Логичным продолжением этого высказывания служат слова авторов французской «Истории XIX века»: «Сидя у себя в кабинете, Франц I слышал скрип правительственной машины и воображал, что она работает»<sup>33</sup>. Для полноты картины можно сослаться на одного из способнейших и наиболее компетентных австрийских высших чиновников — К. Ф. Кюбека, признававшего, что институты власти были «устаревшими, часто несурзанными, а еще чаще подвергавшимися злоупотреблениям ради узких интересов»<sup>34</sup>.

Такими институтами прежде всего были государственный совет (рейхсрат) и придворные ведомства. Ни между ними, ни внутри них не было сколь угодно регламентированного разделения функций и прерогатив. Поскольку император Франц I чувствовал себя неуверенно во время заседаний, сопровождавшихся дискуссиями, при нем господствовал бумажный метод управления: постоянные доклады и рефераты по каждому мельчайшему вопросу. Из-за этого страдали те, кто работал всерьез. Будучи министром финансов, прежний

соперник Клеменса граф Штадион буквально умолял Франца I, чтобы от него не требовали «тысячи докладов»<sup>35</sup>.

В кругу доверенных людей Меттерних позволял себе слегка подтрунивать над императором, сравнивая его со «сверлом», поскольку тот сидел над государственными бумагами, протирая их до дыр. Франц I сам как-то признался, что из него вышел бы хороший гофрат (придворный чиновник среднего ранга). Но при всем своем кругозоре гофрата, при всем своем отвращении к изменениям он вынужден был реагировать на сбой в государственной машине. Она совсем не соответствовала его идеалу — часовому механизму. Парадоксально, но именно при нем, с его патологической неприязнью к переменам, государственный аппарат чаще всего подвергался «перестройке»: то ликвидировали рейхсрат, то конференцию министров, то их объединяли друг с другом.

Теперь, когда Клеменс был на вершине власти, ему казался совершенно невыносимым этот скрипучий, неэффективный механизм с невероятными хитросплетениями частей. Вообще он, несмотря на внешнюю фривольность, всегда отличался педантичностью, любил упорядоченный, размеренный ритм работы. Его раздражала бюрократическая коллегиальная безответственность, когда не с кого было спросить за то или иное конкретное дело. Его рациональная натура требовала ясности и четкости.

Уже в октябре 1814 г. Меттерних не просто вернулся к своим идеям 1811 г., но даже пошел несколько дальше, предложив разделить компетенции рейхсрата и конференции министров. Если отбросить обычную маскировку, используемую Клеменсом, чтобы не пугать Франца I, то смысл предложения канцлера сводился к тому, чтобы рейхсрат стал органом, занимающимся преимущественно законодательными вопросами (разумеется, только в масштабе, дозволенном императором), а конференцию министров следовало ограничить сугубо исполнительными функциями. Это было нововведением по сравнению с проектом 1811 г. Естественно, что сам Меттерних в качестве канцлера председательствовал бы в конференции и был бы координатором между нею и рейхсратом.

По своему обыкновению император дал этим проектам «отлежаться» и тем обрел их на медленную смерть.

А в 1815–1816 гг. канцлер пытался связать реформу рейхсрата со своими замыслами по поводу реализации идеи сословного представительства. Он предложил часть рейхсрата комплектовать из представителей сословных структур, а часть — из членов, назначаемых непосредственно императором. Сферой этого органа предлагалось оставить вопросы бюджета и общеимперских законов. Если Меттерних видел в сословном представительстве средство смягчения национальных и социальных противоречий, то император усматривал в них ущемление своих собственных прерогатив. Его настаивала традиционная аргументация в пользу всякого рода сословных статутов или своего рода конституций. По его убеждению, они должны дароваться императорской милостью, а не проистекать из традиционных правовых норм. Всякое участие сословий в законодательстве Франц I считал делом сомнительным.

В конечном итоге самые скромные реформистские замыслы Клеменса разбивались о сопротивление его кайзера, за которым стояла высокомерная австрийская аристократия, с порога отвергавшая даже легкие профилактические меры, предлагаемые канцлером-«чужаком». Хорошо зная натуру Франца I, Клеменс старался преподнести свои идеи в самой приемлемой для него форме. Каждое уже само по себе очень умеренное предложение сопровождалось успокоительными (и во многом соответствующими истине) заверениями, что в нем не содержится ничего нового. Вот типичный образец. «В моем предложении, — убеждает князь императора, — нет ничего резкого, ничего преобразующего, ни одного рискованного принципа». Задуманная им реформа, разъясняет Меттерних Францу I, направлена не на преобразование государственного аппарата, а только на упорядочение «уже существующих органов государственной власти»<sup>36</sup>. В данном случае Клеменс не кривил душой; таковым и было его понимание цели реформ. Но политический и духовный кругозор Франца I был настолько узким, что, как справедливо заметил американский историк Э. Радваньи, «он оказывался неспособен видеть проблемы в свете какой-то идеи, даже консервативной»<sup>37</sup>.

Монарх, по признанию канцлера, «сдержанно воспринимал проекты обновления в сфере управления»<sup>38</sup>. Выдвинув в октябре 1817 г. свой план реорганизации центральных органов власти, Меттерних более всего опасался вспугнуть кайзера. Хотя Клеменс и называл Франца I своим «самым лучшим в мире другом», но положиться на него полностью никогда не мог. Надевая своего канцлера постами и наградами, одаривая его разными милостями, Франц никогда не позволял ему в полной мере быть «первым министром»<sup>39</sup>. Сказывался свойственный натуре императора «макиавеллизм». Он постоянно имел какой-нибудь противовес всемогуществу канцлера. Сначала в лице графа Заурау, а позднее — графа Коловрата. Клеменс как-то откровенно признался, что если бы он позволил себе пойти против воли кайзера, то «князь Меттерних не более чем через двадцать четыре часа лишился бы своего ведомства»<sup>40</sup>. Это обстоятельство еще больше усугубило оппортунизм князя, и в 1816–1818 гг. он смирился с тем, что его реформистские планы были похоронены.

Реформизм самого Меттерниха был крайне ограниченным. Реформам предназначалась функция смазки для скрипучего механизма габсбургской государственной машины. Когда же говорят о «системе Меттерниха» применительно к внутренней политике, то следует иметь в виду, что полноправным соавтором князя являлся сам император. Его, пожалуй, стоило даже поставить первым. Другое дело, что на долю Клеменса выпал основной труд по ее формированию и обоснованию.

То, что князь нередко оспаривал правомерность термина «система Меттерниха», видимо, связано и с тем, что создать четко функционирующий государственный механизм ему так и не удалось. Кроме того, и в области внутренней политики он тоже ориентировался на принцип эквилибриума, но ощущал определенное несоответствие между «эквилибриумом» и «системой». Под эк-



вilibриумом обычно подразумевалось поддержание равновесия социально-политических сил, властных структур и т. д. Само по себе это было немислимо без определенной динамики. В «системе» же главным оставался статический момент. В ее основе не столько лавирование и маневрирование, сколько полицейская сила, закреплявшая господство монарха и одного сословия — дворянства.

Император Франц I стремился контролировать и обычную, и тайную полицию, влезал по обыкновению в мельчайшие детали, чтобы затем погрязнуть в них. Поэтому у него ни на что не хватало ни времени, ни сил. Меттерниху удалось прибрать полицию к своим рукам, поставив во главе ее на редкость преданного ему человека — графа И. Седльницкого. Клеменс был настолько уверен в нем, что поощрял министра полиции больше брать ответственности на себя<sup>41</sup>.

Главным объектом строгого надзора было население Австрийской империи. Он распространялся, можно сказать, поголовно на всех, вплоть до самых скромных и тихих граждан. Прямой контроль осуществлялся в форме регистрации: домовладельцы были обязаны сообщать в полицию обо всех жильцах. Разрешения на поездки за границу давали местные власти, а иностранцы могли въехать в Австрию только по разрешению министерства иностранных дел.

Важнейшей составляющей так называемой «системы Меттерниха» являлась цензура. Причем цензура министерства полиции дополнялась цензурой МИД, концентрировавшейся на периодических изданиях, книгах и театральных постановках.

Особенно суровый контроль был установлен над прессой. Ее Меттерних считал «величайшим злом настоящего времени». Он хорошо осознавал ее роль и ее возможности. Параллельно с цензурной удавкой канцлер поддерживал издание послушных полуофициозов. К работе в них привлекались даровитые люди, которых направлял и курировал Генц. Да и сам Меттерних неусыпно следил за их деятельностью.

МИДом, а в значительной степени опять-таки самим Меттернихом, осуществлялся надзор за информацией, содержащейся в иностранной прессе. Министерство полиции занималось преимущественно местными новостями. Иностранные газеты поступали в Австрию, но количество подписчиков было весьма ограниченным. Иногда те или иные издания попадали под действие временного запрета. Чтобы еще больше сократить число подписчиков, был повышен почтовый налог. «Так как газеты и журналы являются статьями роскоши, — писал Меттерних, — то удвоение прежнего почтового налога не является несправедливой или жесткой мерой»<sup>42</sup>.

Особой изощренностью отличалась книжная цензура. Поскольку не было каких-либо официальных стандартов или установок, то цензоры поступали по собственному произволу. Без их одобрения в Австрии практически ничего нельзя было опубликовать. Полностью оправдался расчет Меттерниха на их подозрительность и осторожность. Постоянный навязчивый страх пропустить

какую-нибудь крамолу нередко сказывался на психике цензоров. Так, постоянный цензор МИДа барон фон Бретфельд кончил тем, что сошел с ума. Самой строгой цензуре подвергались книги по новейшей истории, особенно после 1806 г., но заодно не пропустили, например, и книгу по истории Древней Греции, опасаясь неконтролируемых сопоставлений с античной демократией.

К естественным наукам отношение было иным. Меттерних увлекался многими из них, посещал лекции известных физиков, химиков, палеонтологов, медиков, географов. Канцлер не раз говорил, что не будь он государственным деятелем, то стал бы профессором. И это не было пустым бахвальством. Впрочем, в конце жизни он оказался в роли профессора политической науки.

Министерство полиции совместно с министерством иностранных дел охотилось за дипломатическими тайнами. В 1817 г. многое стало известно из похищенного портфеля британского поверенного в делах Гордона. Перед конгрессом в Ахене агентам Седльницкого удалось выкрасть из российского посольства настолько важные инструкции, что организатор этого дела гофрат Браулик удостоился титула барона<sup>43</sup>.

Благодаря центральному положению Австрийской империи в Европе через нее проходило множество почтовых линий. Огромный объем корреспонденции подвергался перлюстрации. Подобные службы были и в других странах, но австрийцы отличались в этом деле как размахом, так и особым искусством. Заслуживает внимания и такое пикантное обстоятельство: перлюстрации подвергалась переписка двух специалистов в этом деле, бывших французских министров полиции Фуше и Савари, проживавших одно время в австрийской империи. Но делалось это настолько тонко, что у них не возникло подозрений. «Под колпаком» находилась переписка и «своих» людей, вплоть до некоторых членов императорского семейства.

Еще лучше была поставлена дешифровальная служба, особенно при директорстве Эйхенфельда, уверявшего, что ему и его людям удалось раскрыть 85 иностранных шифров. Для расшифровки русского потребовалось целых четыре года. Труднее всего далась разгадка британского шифра. Преимуществом Меттерниха над его соперниками на дипломатической арене довольно часто было знание их самых тайных инструкций. Ему доставляло огромное удовольствие разыгрывать комедию, принимая зарубежных дипломатов, с чьими инструкциями он был заранее знаком. Возможно, что именно из-за такой хорошо отлаженной службы он всегда предпочитал играть на «своем поле», добиваясь того, чтобы всякого рода конгрессы и конференции проходили бы в Вене.

Паутина того, что принято считать меттерниховской системой, опутала империю, обрекая ее на застой. Примечательно, что это происходило параллельно с попытками реформ. Все это лишний раз доказывает ограниченность реформистского потенциала канцлера. Реформистский зуд прошел у него быстро и надолго. Через несколько лет он скажет венгерскому консервативному реформисту графу Сеченьи буквально словами своего «лучшего в мире друга»:

«Если вы вынете из свода хотя бы один камень, то все сооружение рухнет»<sup>44</sup>. Объяснение этому кроется не только в элементарном оппортунизме Клеменса. В ходе многолетнего служения императору с князем произошли определенные метаморфозы. По природе князь был более живым, пластичным по сравнению с ригидной натурой его сюзерена. Но постепенно Клеменс становился все более похожим на Франца I.

### III

Компенсацией за внутривосточные поражения Меттерниху послужили удачи в делах международных и амурных, причем и те и другие в известной мере переплелись между собой. Одним из немаловажных результатов Ахенского конгресса явился третий (после Багратион и Саган) российский роман австрийского канцлера. Его начало четко зафиксировано в тогдашней светской политической хронике. 22 октября 1818 г. Меттерних был приглашен на вечерний прием к российскому министру иностранных дел К. В. Нессельроде. Там и состоялось его знакомство с женой российского посла в Англии графиней Доротеей (Дарьей) Ливен.

Уже говорилось, что в июле 1814 г. они находились рядом друг с другом в Оксфорде. На церемонии присвоения почетных докторских степеней их разделяли всего несколько кресел, однако ни у нее, ни у него не возникло ни малейшего предчувствия будущего сближения. Теперь же судьба в лице Нессельроде и его супруги Марии Дмитриевны (урожденной Гурьевой) решительно подтолкнула их друг к другу. Со стороны российского министра это было продиктовано, естественно, не только заботой о старом приятеле, который все еще не мог найти замену Вильгельмине. Нессельроде высоко ставил ум и шарм посольши и надеялся, что ее связь с Меттернихом может дать определенные политические выгоды.

Вместе с женой он приложил немало усилий, чтобы форсировать события. Через несколько дней после первой встречи канцлера и посольши последовала развлекательная поездка участников Ахенского конгресса в Спа. Клеменс, как нетрудно догадаться, оказался в карете рядом с Доротеей. Он блеснул мастерством рассказчика. Его коронная тема — Наполеон, с которым ему довелось немало времени общаться. На пути из Ахена в Лондон Доротея задержалась в Брюсселе. Клеменс немедленно нашел повод прибыть туда же. В письме к жене он сообщает, что вынужден заехать в Брюссель, где его ждут «важные дела»<sup>45</sup>. Когда Доротея родила очередного сына (всего у нее их было пять), великосветские остряки поспешили окрестить его «дитя конгресса». Правда, после сложных астрономическо-арифметических выкладок выявилась необоснованность такого предположения.

Новая любовница Меттерниха была родной сестрой Александра Христофоровича Бенкендорфа. Кстати, с ее братом Клеменс довольно интенсивно общал-

ся осенью 1807 г. в Париже. Будущий шеф жандармов прибыл во французскую столицу в свите посла Толстого. Тогда у него было деликатное задание (с ним он успешно справился) привести в Петербург знаменитую актрису м-ль Жорж. С Меттернихом Бенкендорфа сблизила общая склонность к любовным похождениям. Более опытный, к тому же еще парижский старожил, Клеменс выступал в роли ментора<sup>46</sup>. Пятнадцатилетнюю Доротеею, одну из первых смольнянок, любимицу императрицы Марии Федоровны, выдали замуж за сына влиятельной статс-дамы Шарлотты Карловны Ливен, воспитательницы внучек Екатерины II.

Христофор Андреевич Ливен был на десять лет старше своей жены. При Павле I он успел побывать на посту военного министра. С 1809 по 1812 г. служил посланником в Берлине, а затем на протяжении 22 лет (1812–1834) — послом в Лондоне. Доротея исправно рожала ему детей, но не хотела замыкаться в семейном кругу. Она свободно говорила на нескольких иностранных языках, музицировала, была наделена талантом ведения светской беседы, не чуралась интриг. В дипломатических делах очень скоро стала разбираться лучше своего супруга, достигла высокой степени в искусстве составления дипломатических донесений и отчетов. Это не было секретом. «Госпожа Ливен, — писал английский министр лорд Мальмсбери, — была посольшей или, точнее сказать, послом в Лондоне»<sup>47</sup>. Нессельроде говорил, что у него в британской столице сразу два посла.

Внешне Доротея Ливен не выдерживала сравнения с такими красавицами, как Е. П. Багратион и В. Саган, но обладала несомненным обаянием и пикантностью. Но, пожалуй, главным оружием в ее арсенале очарования было остроумие; ее речь всегда была насыщена *bon mots*, которые быстро распространялись в светских салонах. Множество сохранившихся для истории ее писем свидетельствуют о присущем ей незаурядном мастерстве в достигшем тогда расцвета эпистолярном жанре. По своей натуре она — дама более «политизированная», чем ее предшественницы. Роман с корифеем европейской дипломатии и «великим соблазнителем» был одним из ключевых событий в ее судьбе как с политической, так и с сугубо женской точек зрения. Он помог раскрыться ее женским качествам и политическим талантам, придал ей уверенности в себе.

Надо сказать, что замысел Нессельроде скорее возымел обратный эффект. Доротея всерьез увлеклась «первым министром Европы», который и в свои сорок пять лет был весьма импозантным мужчиной.

Интересно, что их взаимоотношения — это главным образом роман по переписке. Стоит заметить, что князь был жертвой собственного излюбленного метода. Его переписка с графиней подвергалась интерцепции во Франции. Французские полицейские могли удовлетворять свое любопытство, прослеживая по вскрываемым письмам развитие отношений между Клеменсом и Доротеей. Вместе они провели в целом примерно полмесяца: Брюссель (1818 г.), Ганновер (1821 г.) и Верона (1822 г.). Инициатива всегда исходила от Доротеей. Ради встречи с Клеменсом она была готова использовать любую возможность, но канцлер предпочитал письма. Если в ее письмах наряду с политической ин-

формацией прорываются страстные нотки, то его письма состоят из привычных самовосхвалений, назиданий и высокопарной любовной риторики. Вообще ее тянуло к людям, находившимся на вершинах власти. «Я любила многих премьер-министров», — с гордостью скажет она позднее. Лучшим комментарием к этим ее словам является саркастическое высказывание Талейрана: «Она имела обыкновение быть в лучших отношениях с министрами, находившимися у власти, нежели с теми, кто ее терял»<sup>48</sup>. Но именно по отношению к нему она нарушит это правило.

Безошибочным женским инстинктом Доротея чувствовала незажившую рану Клеменса. За ее расспросами о Вильгельмине легко угадывается ревность. Да и сам князь с головой выдает себя, утоляя любопытство новообретенной любовницы насчет старой в многословных излияниях. Хотя прошло уже четыре года с момента его разрыва с герцогиней, Меттерних устроил ей в январе 1819 г. ужасный скандал по поводу ее курортного романа с австрийским послом в Лондоне князем Паулем Эстерхази. Потом он еще задал головоломку и самому этому весьма приближенному к нему дипломату. Забавно, что Меттерниху даже не приходило в голову оборотиться на себя, вспомнить о своей собственной связи с графиней Ливен.

В письмах к ней, говоря о своих отношениях с Вильгельминой, Клеменс пытается взять реванш за пережитые им муки ревности, за унижительные для признанного обольстителя упреки в недостаточном владении искусством любви. В изображении Клеменса, предназначенном для Доротеи, дело выглядело таким образом, будто бы Вильгельмина постоянно его домогалась. Он же был по отношению к ней совершенно равнодушен. Чего стоит такая фраза: «Я не испытываю ненависти к ней, поскольку я никогда ее не любил»<sup>49</sup>. В другом письме можно прочесть: «Она любила меня, потому что я не любил ее»<sup>50</sup>.

Вильгельмину он представляет существом порочным, лишенным моральных устоев и духовных запросов, думающим только о плотских наслаждениях: «Она грешит по семь раз на дню; она ведет себя как сумасшедшая и занимается любовью подобно тому, как обедает»<sup>51</sup>. «Что вас могло бы беспокоить из рассказанного мной о мадам де С. (Саган. — П. Р.)? — вопрошает Клеменс Доротею. — Мадам де С. для меня больше не существует... Она никогда не будет для меня более чем объектом, вызывающим отвращение»<sup>52</sup>.

Не требуется особой проницательности, чтобы понять, какие сильные чувства все еще вызывает у князя его бывшая любовница. Насколько же надо было его уязвить, чтобы он позволил такие явно не свойственные для него, неджентльменские высказывания по ее адресу. Доротея не могла не испытывать ревности и даже зависти по отношению к женщине, сумевшей пробить мощный панцирь самовлюбленности, так надежно защищавший Клеменса.

Если учесть, какая роль в дипломатии Меттерниха принадлежала отношениям с Англией (да и Россией тоже), то Доротея Ливен была для него уникальной находкой. В ее лице он обрел личного посла, неоценимого информатора и «агента влияния». Российская посольша сумела стать «своей» в самых недосту-

пных цитаделях лондонского высшего света. Список ее друзей открывал сам король Георг IV. Далее в нем следовали «железный герцог» Веллингтон, министр иностранных дел Каслри, то есть все те люди, дружба с которыми была для Меттерниха политическим императивом.

Весьма впечатляет когорта ее друзей по женской линии. Ее «добрым другом» была леди Эмили Купер (урожденная Лэм), любовница, а затем и жена Пальмерстона. Один из ее братьев — Фредерик — уже появлялся на страницах этой книги в качестве британского посла в Вене и любовника герцогини Саган. Другой ее брат — Уильям — под именем лорда Мельбурна станет премьер-министром Англии. Для полноты картины можно добавить, что эксцентричная возлюбленная Байрона леди Каролина Лэм являлась женой еще одного брата Эмили — Джорджа.

Своим «лучшим другом» Доротея называла Гарриет Кавендиш. Все эти дамы вместе с Корисандой де Грамон, позднее графиней Танкервиль, по словам британского историка К. Берна, сформировали квартет, специализировавшийся на интригах и всякого рода розыгрышах<sup>33</sup>. Все они считались признанными властительницами бомонда. В их игры в той или иной мере бывали втянуты самые влиятельные лица английской политической сцены. Все опасались их острых язычков и изощренного интриганского воображения. С сильными мира сего в своей переписке они обходились весьма фамильярно. Так, короля Георга IV называли просто «Генри», герцог Веллингтон был зашифрован под прозвищем «дитя». Меттерниху дали женское имя «Бетси».

Мимо Доротеи не могла пройти ни одна сколько-нибудь существенная новость английской жизни. Вряд ли без ее ведома или прямого участия могла раскрутиться какая-либо интрига или запущена та или иная сплетня. Британские связи российской посольши, ее вес в лондонском свете таили в себе немалые возможности для дипломатической игры Меттерниха. Тем более при натянутости отношений с Россией английское направление внешней политики становится для Австрии наиболее приоритетным.

У австрийцев и британцев был общий соперник — Россия. Австрийцев вполне устраивал статус-кво в Европе, у них не было колониальных амбиций. Австрийские интересы практически нигде не сталкивались с английскими. Вообще в австро-английских отношениях сложилась исключительно удачная для Меттерниха ситуация. В островной державе у власти находились тори, которые предоставили австрийскому канцлеру свободу рук для подавления либеральных и национально-объединительных устремлений в Германии и Италии.

Благоприятствовал Меттерниху и субъективный фактор. Внешнюю политику Англии направлял Каслри, с которым Клеменсу удалось достигнуть высокой степени взаимопонимания. Многие даже считали, что Каслри попал под влияние хитрого и обходительного австрийца. Естественно, подобный взгляд разделял и сам Меттерних, как всегда склонный преувеличивать силу воздействия своих чар. «Едва ли может быть что-либо более далекое от истины, чем

взгляд на Каслри как на простака, обманутого Меттернихом»<sup>54</sup>, — с полным основанием писал известный британский исследователь международных отношений сэр Чарльз Уэбстер. Но он, похоже, перегибает палку в другую сторону, утверждая, что в связке Каслри — Меттерних первый был ведущим, а другой — ведомым, по крайней мере, до конгрессов Священного союза в Троппау (1820 г.) и Лайбахе (1821 г.). Британский историк заходит настолько далеко, что высказывает мнение, будто «именно Каслри определял общий характер австрийской политики»<sup>55</sup>.

Более уместно, на наш взгляд, было бы говорить об уникальной совместности столь разных крупных государственных мужей. В отличие от большинства своих коллег, Каслри стремился к прямому и активному участию Англии в европейских делах. Да и по своим политическим воззрениям Каслри был довольно близок к Меттерниху. Однако его консерватизм сковывался британской парламентской системой. Свои симпатии к Меттерниху и Священному союзу Каслри предпочитал не афишировать.

Что же касается Меттерниха, то уже на склоне лет бывший «первый министр Европы», когда ему пришлось искать убежища от революции в Англии, сделал интересное наблюдение. Оказалось, что ему было весьма комфортно ощущать себя британским тори. Впрочем, и раньше в разговоре с американским ученым Дж. Тикнором (1836 г.) австрийский канцлер подчеркивал свою особую близость англосаксонскому консерватизму: «Я был бы консерватором почти везде, в особенности же в Англии и Америке»<sup>56</sup>. Конечно, в данном случае надо сделать поправку на прирожденное кокетство Клеменса, его стремление нравиться собеседнику. Тем не менее было бы ошибкой отождествлять не лишенный интеллектуальной изощренности консерватизм Меттерниха с твердокаменным традиционализмом Франца I. Возможно, британскому министру иностранных дел приоткрывалась та сторона Меттерниха, которую в своей стране он благообразно не засвечивал.

Как бы ни велика была роль личных взаимоотношений во времена, когда преобладала кабинетная дипломатия, все же логика геополитических, идеологических и ценностных факторов оставалась неумолимой. В связи с Венским конгрессом уже шла речь о том, что Австрия не располагала достаточной мощью, чтобы выступать на равных с Англией или Россией в двусторонних отношениях. И в том и в другом случае ей грозила участь превращения в младшего партнера. Для нейтрализации этой угрозы как раз и требовалось незаурядное дипломатическое искусство Меттерниха. На практике это сводилось к тому, чтобы не заходить слишком далеко в двусторонних отношениях. Если к Англии Меттерниха влекли интересы геополитические: союз с англичанами уравновешивал российскую мощь, то с Россией, геополитической соперницей, его сближали родственные консервативные и абсолютистско-имперские ценности.

«Идеальной комбинацией для Меттерниха, — пишет Г. Киссинджер, — была бы британская поддержка в деле территориального равновесия и русская

поддержка для умирения внутренних неурядиц»<sup>57</sup>. Этого можно было добиться только в многосторонней системе.

В 1815–1820 гг. для внешней политики Меттерниха характерен явный крен в сторону Англии. Никогда ни до, ни после этого взгляды его не находили такого благоприятного резонанса в правящих кругах Британии, как тогда. Англия переживала невиданный накал социально-политических противоречий. Обострилась борьба за парламентскую реформу, участились беспорядки. В августе 1819 г. в Манчестере для разгона митинга власти использовали войска. Были убитые и раненые. Годом позднее раскрыли заговор радикалов, намеревавшихся расправиться с кабинетом министров. «Для многих в Британии, — писал Ч. Уэбстер, — эти беспорядки казались, как и Меттерниху, частью широкого движения, направленного на разрушение всех институтов власти»<sup>58</sup>. Высказывание одного из богатейших английских магнатов герцога Нортумберлендского напоминает цитату из Меттерниха: «Существует обширнейший план восстания... У меня нет ни малейшего сомнения, что мы обязаны за причиняемое нам зло иностранным пропагандистам»<sup>59</sup>. Как видим, в мировосприятии Меттерниха и британских тори наблюдалось удивительное сходство.

Когда австрийский канцлер взялся за подавление проявлений либерализма в Европе, ему было обеспечено благожелательное отношение значительной части британских верхов. Фактически он неофициально получил своего рода карт-бланш на репрессивные меры со стороны державы, считавшейся оплотом либерализма. «Никогда он (Меттерних. — П. Р.) не пользовался более широкими симпатиями Каслри и торийского правительства, — отмечал Ч. Уэбстер, — чем при провозглашении Карлсбадских декретов и проведении Венских конференций 1819–20 гг.»<sup>60</sup>.

Карлсбадские и Венские решения явились реакцией Меттерниха на первые признаки шторма, которого опасались участники Ахенского конгресса. Предвестием бури послужило, как это нередко бывало, казалось бы, не столь уж значительное событие. 23 марта 1819 г. в Мангейме студентом-богословом К. Зандом был убит литератор А. Коцебу, слывший реакционером и российским агентом. Это был тот самый Коцебу, который лет двадцать тому назад высмеял отца и сына Меттернихов за их похождения в Раштадте.

Затем последовали еще два покушения на сановников государств Германского союза. По твердому убеждению австрийского канцлера, все эти события выглядели звеньями зловещей цепи заговоров «революционных сект», чей генеральный штаб гнезвился в Париже. В этом же контексте он рассматривал и свершившееся 13 февраля 1820 г. убийство седельщиком Лувелем герцога Беррийского, сына будущего французского короля Карла X. «Либерализм, — высказывался по этому поводу Меттерних, — идет своим путем, он направляет убийц. У нас уже четвертый Занд за девять месяцев»<sup>61</sup>.

Весть об убийстве Коцебу застала Меттерниха в Италии. Испугавшийся за собственную жизнь Генц шлет своему шефу в Италию исполненное паники



послание. Правда, страх не сказался на ясности его мыслей. В духе Меттерниха он сравнивает либеральное движение с раковой опухолью. Далее следует циничное соображение: «Необходимо приложить много усилий, чтобы эффект покушения не исчезал хотя бы на протяжении полугода и кровь Коцебу взывала к мести не только сегодня и завтра»<sup>62</sup>. Меттерних немедленно ответил своему клевету, что их взгляды на использование последствий смерти Коцебу полностью совпадают. Но между канцлером и его «правой рукой» все-таки были расхождения. Генц не верил в наличие некоего всеобъемлющего заговора, а Меттерних исходил именно из такой посылки. Он так усиленно убеждал всех в существовании общеевропейского революционного заговора, что в конце концов и сам поверил в него.

Несмотря на панические призывы Генца, Меттерних не торопился оставить Италию. И дело, конечно, было не только в том, что он наслаждался жизнью в Неаполе, куда прибыл вместе с Францем I. Действительно, он почти каждый вечер проводил в знаменитом оперном театре Сан Карло, где прослушал подряд восемь опер одного из своих любимейших композиторов — Россини. Тем временем, полагал он, революционная угроза приобретет более ясные очертания. Тогда и удар окажется эффективнее. Безусловно, он разделял опасения по поводу роста либеральных и националистических настроений в университетах, но гораздо больше он опасался свободной печати.

Главной же мишенью для Меттерниха были конституционалистские поползновения в германских государствах. Убийство Коцебу, как и несколько раньше студенческое сборище в Вартбурге (октябрь 1817 г.), служили австрийскому канцлеру убийными аргументами для убеждения германских государей, в той или иной мере готовых двинуться по пути конституционализма.

Начал он, естественно, с прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Он встретился с ним в Теплице и без особого труда склонил его к тому, чтобы оставить мысль о введении конституции и представительной системы. Как писал в донесении Нессельроде российский посланник в Пруссии Д. Алопеус, «князь Меттерних ничуть не скрывал того, что народное представительство и конституция, обещанные в Пруссии столь торжественно и, несомненно, слишком легкомысленно, не могут рассматриваться Австрией иначе как революция. Он чувствует необходимость что-то предпринять, «избавиться от обещаний, но рекомендует крайне осторожные действия»<sup>63</sup>. Кроме того, сообщает Алопеус, Меттерних «побуждал меня представить моему двору подробнейшие сведения о революционных кознях, о которых мне стало известно, дабы его императорское величество мог принять наиболее уместные меры, подказанные его мудростью для предупреждения Германии от новых бедствий»<sup>64</sup>.

Пределом разумного, по мнению Меттерниха, являются сословные провинциальные представительства. Всякий шаг дальше этого, предостерегал канцлер прусского короля, «неизбежно должен повлечь за собой свержение всех существующих институтов»<sup>65</sup>. Меттерних напомнил Фридриху-

Вильгельму III об Ахенском конгрессе, наметившем пути спасения от революционной угрозы. Изрядно напуганный король покорно поплыл в фарватере князя.

«Мы имеем дело со слабыми суверенами и правительствами, чей страх мы должны использовать, чтобы побудить их к серьезным, но справедливым мерам»<sup>66</sup>, — так излагал Меттерних свой план действий императору Францу I. Естественно, тот его одобрил. Теперь можно было собирать министров наиболее крупных германских государств. Их встреча состоялась в августе 1819 г. в Карлсбаде и завершилась триумфом Меттерниха.

Ему удалось добиться принятия своей интерпретации 13-го параграфа Союзного акта. Он сознательно был составлен нечетко и давал возможность для разных толкований. Под давлением австрийского канцлера германские министры согласились с тем, что этот параграф предполагает сословное, а не демократическое представительство. Потом последовали печально знаменитые Карлсбадские постановления против «демагогических происков». Вскоре они обрели силу в общегерманском масштабе. Суровые ограничения вводились в университетах, в частности, назначались государственные кураторы, чтобы следить за «духом преподавания», преследовать неугодных студентов и профессоров. Запрещались студенческие союзы — «буршеншафты». Периодическая печать попала в тиски предварительной цензуры. Ей не подвергались лишь издания объемом свыше 20 печатных листов. В Майнце была создана Центральная общегерманская комиссия для расследования «революционных происков».

Собравшиеся в Карлсбаде министры по завершении работы, 30 августа, направили Меттерниху благодарственное, а точнее сказать, раболепное послание. Местами оно напоминало торжественную оду в честь мудрого и прозорливого государственного мужа: «Когда Вы, находясь по другую сторону Альп, услышали о преступлении, в котором поверхностный или пристрастный наблюдатель мог увидеть только изолированную акцию, Вы со всей ясностью распознали причины зла и средства ему противостоять. И то, что мы здесь решили и должны будем претворять в жизнь, является осуществлением того, о чем Вы думали уже тогда»<sup>67</sup>. Князь торжествует. Карлсбад, по его словам, «дает всей Европе пример в пользу поддержания монархических принципов столь значительным политическим организмом, как Германская конфедерация»<sup>68</sup>. Конечно же, по своему обыкновению, он объявил «Карлсбадскую эпоху» важнейшей в его жизни»<sup>69</sup>. «С Карлсбада, — утверждал он, — датируется эра здоровья»<sup>70</sup>.

Следующим пунктом программы Меттерниха была конференция всех государей Германского союза в Вене, которая должна была одобрить Карлсбадские постановления. Самоуверенный Клеменс предвкушал легкий успех: «Здесь, как и в Карлсбаде, я буду победителем, так как все хотят того же, чего хочу я, а я стремлюсь к тому, что справедливо, поэтому я достоин победы»<sup>71</sup>.

Но он все же переоценивал свои силы, свой политический вес. Вена не стала повторением Карлсбада. Некоторые южно-германские государства забили

тревогу, особенно родственник российского царя Вюртембергский король. Как и ряд южно-германских монархов, он не столько защищал слабые побег конституционализма, сколько отстаивал свой мелкoderжавный суверенитет. Конференция затянулась надолго: с 15 ноября 1819 г. по 15 мая 1820 г. Меттерниху трудно было сконцентрировать внимание на политических делах из-за болезни шестнадцатилетней Клементины. Ангелоподобная девочка угасала прямо на глазах и умерла 11 мая 1820 г. Хотя канцлер пытался бодриться, уверял, что может заниматься делами конференции вопреки всему, все же он был выбит горем из колеи. Возможно, это обстоятельство несколько ослабило его хватку.

Когда наконец был подписан Венский законодательный акт из 25 статей (15 мая 1820 г.), он не в полной мере соответствовал требованиям австрийского канцлера. Но если ему не удалось выкорчевать из германской почвы элементы конституционализма, зато статья 26 переносила на Германский союз принцип интервенции по образцу Ахенского конгресса Священного союза. Идею демократического представительства блокировал сформулированный в 57-й статье монархический принцип. В конечном счете союз вполне можно было использовать как средство подавления либеральных и националистических тенденций. На фоне Карлсбадского триумфа итоги Венской конференции выглядели не столь впечатляющими. Понимая это, Меттерних пытается сгладить такое впечатление: «Результаты Венской конференции весьма значительны, хотя с точки зрения непосредственного воздействия менее блестящи, чем в плане более глубокого и долговременного влияния»<sup>72</sup>. В целом же Меттерних менее чем за год от Карлсбада до Венского заключительного акта достиг многого. Этот период, по словам Ч. Уэбстера, был «величайшим в карьере Меттерниха, ему удалось заложить основы австрийского преобладания в Германии на долгие годы»<sup>73</sup>.

#### IV

Все же «звездный час» в судьбе князя Меттерниха наступил немного позднее, и не на германской, а на более широкой европейской арене. Этому способствовали революции, разразившиеся в южноевропейских странах. Начало им было положено в новогодние дни в Испании. Летом того же 1820 г. ее примеру последовали в Португалии и Неаполитанском королевстве. Интересно, что обычно дохвалявшийся своей проницательностью канцлер отнюдь не сразу осознал угрозу. Выступление Риго поначалу не встревожило его. Мало ли в Испании пронунасиamento? Однако уже весной он не только осознал масштаб опасности, но и гиперболизирует ее. С этой точки зрения примечательна ужасная картина, которую Меттерних нарисовал в беседе с российским посланником графом Ю. А. Головкиным. Тот излагает видение Меттерниха следующим образом: «Если Пиренеи и остановят физическое распространение революционных потрясений, то они, к несчастью, не могут служить защитой от моральной заразы,

и в этом отношении министр (т. е. Меттерних) расценивает события в Испании как весьма опасные и представляющие угрозу для Европы. Но это двойное воздействие, физическое и моральное, способно распространиться на весь полуостров, смести границы, которые политическое деление и национальная вражда сохраняли веками, и сосредоточить все страсти и все интересы на славе и выгодах объединения. Не исключено, что столь гигантское слияние завершится пактом братства с восставшими колониями»<sup>74</sup> (имеются в виду проходившие в те годы войны народов Латинской Америки за независимость).

Тем не менее отношение канцлера к революционной войне с психологической точки зрения выглядит несколько противоречиво. Его письма, инструкции, меморандумы тех дней оставляют двойное впечатление. Конечно, революции усилили у него чувство тревоги, все его помыслы направлены на борьбу с революционной угрозой. И все же у него нередко прорываются нотки удовлетворенности, даже какого-то самодовольства: его предсказания сбываются, он прав, как всегда. Но вскоре самодовольство все больше отступает перед тревогой. Он настолько встревожен, что 15 августа 1820 г. («наполеоновский день») ностальгически вспоминает об узнике «Святой Елены»: «Как не хватает Европе его железной руки. Он сидел бы еще на троне, если бы согласился на мир, а я был бы счастлив»<sup>75</sup>. Это вырвавшееся в трудный момент признание лишний раз отражает его неоднозначное отношение к Наполеону.

Наряду с политическими осложнениями летом 1820 г. на Меттерниха обрушиваются семейные беды. Как уже говорилось, в мае угадала кроткая красавица Клементина. Ее чистая красота поразила Лоуренса, и он просил у Клеменса разрешения написать ее портрет. Это творение стало одним из шедевров знаменитого художника, а для отца — прекрасным и мучительным воспоминанием. Через несколько недель после смерти Клементины та же участь постигла любимицу Клеменса Марию, только что ставшую графиней Эстерхази. «Уже давно она была моей лучшей подругой, мне не нужно было поверять ей свои мысли, она сама угадывала их. Она знала меня лучше, чем я сам»<sup>76</sup>, — изливал Клеменс свою боль в письме к Доротее. Но и в этом проникнутом неподдельной скорбью письме просвечивает самовлюбленный и самонадеянный Меттерних: «При таком состоянии моей души на моих плечах лежит мир со всем, что обрело вес в новейшее время»<sup>77</sup>. Работа для него теперь — не только необходимость, но и спасение: «Я должен сидеть 6 часов на министерских совещаниях, а затем еще 8 часов за моим письменным столом»<sup>78</sup>.

Тем временем судьба приготовила Клеменсу в буквальном смысле этого слова царский подарок. Очередной поворот совершил непредсказуемый царь Александр I. Это раньше других подметил Генц. «Долгое время, — писал он, — в Европе рассматривали императора Александра I как самого могущественного защитника того, что называют либеральными идеями»<sup>79</sup>. Становилось все более очевидно, что эти идеи превратились в синонимы вседозволенности, мятежа, всякого рода беспорядков, подрывающих основы общества. И Александр I, полагал «секретарь Европы», начал прозревать. В его образе мыслей происходит

перемена, которая «поразила всех, кто имел честь слышать его в Ахене»<sup>80</sup>. Южно-европейские революции, сведения о тайных обществах в России побуждали императора по-иному взглянуть на постоянные, даже часто назойливые предостережения австрийского канцлера. «Недавно император Александр, — радостно сообщает Клеменс Доротея 8 августа 1820 г., — сделал следующее признание: с 1814 года я ошибался насчет общественного духа; то, что я считал истинным, сегодня я нахожу ложным. Я наделал много зла, я постараюсь снова творить добро»<sup>81</sup>.

Южно-европейские революции стали весомым поводом для созыва нового конгресса Священного союза. Местом его проведения, по предложению императора Франца I, был избран силезский городок Троппау (Опава). По дороге на конгресс царь заехал в Польшу в связи с собравшейся сессией сейма. Остановка затянулась на два месяца, начиная с 15 августа 1820 г. В речи царя на открытии сейма звучали меттерниховские нотки. «Гений зла, — говорил Александр I, — стремится расширить свою пагубную власть, он уже витает над частью Европы и уже наделал злодеяний и катастроф»<sup>82</sup>. Как будто в подтверждение «нового мышления» царя сейм отверг предложенные правительством законопроекты. Иметь дело с оппозицией в собственных владениях для самодержца было невыносимо. Вряд ли он вспоминал в Варшаве, как заигрывал с вигской оппозицией в Лондоне.

Из польской столицы достаточно созревший для встречи с Меттернихом царь прибывает в Троппау. Кайзер Франц I приболел, и Александра I встречал канцлер. Тот пришел в полный восторг от царя: «Он встретил меня как старого товарища по оружию»<sup>83</sup>. «Благосклонность ко мне русского императора постоянна. Это — возврат к 1813 году», — торжествует Клеменс. И все-таки он не может удержаться от наиздания: «Будь он в 1815 г. таким же, как и в 1813-м, тогда не было бы 1820 г.»<sup>84</sup>. «Я с царем на той же ноге, как и в 1813 г. Я иду к нему, когда захочу, и мы общаемся в течение долгих часов в полном согласии»<sup>85</sup>, — похваляется Меттерних в письме к Ливену.

На руку ему оказался и бунт солдат любимого царем Семеновского полка. Сначала в Троппау примчался фельдъегерь со всеподданнейшим донесением командующего гвардейским корпусом генерала И. В. Васильчикова. Следом за ним прибыл с подробным изложением событий адъютант командующего блестящий ротмистр Петр Чаадаев. Он сам напросился на это поручение, оттеснив старшего адъютанта. Многие сочли, что его влекло в Троппау честолюбие: наградой могло стать назначение царским флигель-адъютантом. Есть версия и о том, что Чаадаев надеялся при встрече с императором сыграть роль российского маркиза Позы.

После более чем часовой беседы с царем Чаадаев отправился восвояси и вскоре вышел в отставку. Возможно, этим он еще больше напугал Александра I. Хотя главной причиной событий в Семеновском полку явилось возмущение солдат бессмысленной муштрой, практиковавшейся полковым командиром Шварцем, Александр I «держался особого мнения, веря твердо, что зло пришло

извне, от каких-то карбонариев и, несмотря на почти единогласное противное мнение петербургского высшего военного начальства, пребывал в этом заблуждении»<sup>86</sup>. Царь здесь перешеголял самого Меттерниха. Он уверял последнего в том, что все это дело рук неких радикалов, которые хотели бы его запугать и заставить вернуться в Петербург. Меттерних отнесся к такой трактовке весьма скептически: «Я не верю этому, было бы чудесно, если бы в России радикалы могли распоряжаться целым полком; но это доказывает, насколько изменился император»<sup>87</sup>.

Сам Клеменс не ожидал от Александра I такой метаморфозы. Царь оказался большим «меттернихианцем», чем Меттерних. Для примерного наказания неаполитанских бунтовщиков Александр I был готов пустить в ход русские войска, тем более что это давало ему доступ в стратегически важный район Средиземноморья. Но Меттерних в этом конкретном случае отвергал коллективную интервенцию, так как она могла усилить позиции России и одновременно оттолкнуть от Священного союза Англию. Каслри заранее дал понять, что парламент решительно настроен против участия Англии в конгрессе, не говоря уже об интервенции. В конце концов Ч. Стюарт прибыл в Троппау, но без права подписывать какие-либо документы.

Российский посланник Ю. А. Головкин обращал внимание на противоречивость позиции австрийского канцлера: «Чтобы лучше предохранить себя от опасности, угрожающей главным образом Австрии, он объявил, что эта опасность грозит всей Европе, а когда Европа пожелала обсуждения вопроса об опасностях, на которые ей только что указали, он попытался разубедить ее»<sup>88</sup>. Меттерниху на самом деле была нужна не коллективная интервенция, а международная санкция на индивидуальную, точнее сказать, австрийскую акцию против Неаполя.

Однако сдержаться рвущегося в бой царя было нелегко. Наконец был достигнут желанный для князя компромисс: идея коллективной интервенции в принципе подтверждалась, но конкретная миссия удушения неаполитанской революции возлагалась на Австрию. В сущности, для Меттерниха это лишь внешне выглядело компромиссом. Он вовсе не отвергал возможности коллективного вмешательства, но к реализации этого принципа подходил очень осторожно, чтобы не нарушить баланса сил.

Кроме того, в этом конкретном случае Меттерних не видел необходимости форсировать ход событий. Вот как излагал идеи своего канцлера, даже его словами, император Франц I в беседе с Ю. А. Головкиным: «Если взяться за дело серьезно и решительно, то укротить итальянцев и особенно неаполитанцев гораздо легче, чем думают. Я не боюсь помериться с ними силами». Но лучше избежать потерь, не торопиться: «Надо дать время заговорщикам и революционерам перессориться друг с другом. Когда меня призовут на помощь добродородные люди и когда я признаю в том долг и необходимость, тогда они смогут на меня рассчитывать, но не раньше»<sup>89</sup>. По такому сценарию и стали неспешно развиваться события.

Основная работа конгресса в Троппау оставалась почти невидимой. Если в Ахене было подписано 47 протоколов, то здесь только 8. Все решалось главным образом во время долгих бесед Меттерниха с царем. Правда, князю приходилось встречаться и с ненавистным Каподистрией. Светская жизнь еле теплилась. Стояла отвратительная погода. Непролазная грязь мешала прогулкам, а дамское общество практически отсутствовало. Тогда было решено перебраться в более теплые края.

Но прежде чем переехать в Лайбах (Люблина), Меттерних воспользовался незаполненными светской суетой вечерами, чтобы изложить «систему» своих взглядов в форме трактата или, скорее, эссе. Клеменс ковал железо, пока оно было еще горячо. Нужно было закрепить удачу.

Свое послание он озаглавил его коротко и многозначительно — «Кредо» («Profession de foi»). Предназначалось оно для одного-единственного читателя — российского императора. Клеменс приложил «Кредо» к письму Александру I от 15 декабря 1820 г. Его цель — навязать российскому самодержцу собственное видение европейской ситуации, образа врага, методов и средств борьбы с ним.

Князь начинает с того, что широкими мазками рисует для впечатлительно-го царя апокалиптическую картину: «Религия, общественная мораль, законы, обычаи, нравы и обязанности — все атаковано, приведено в замешательство, опрокинуто или подвергнуто сомнению»<sup>90</sup>. Он хорошо знал о смятенном состоянии царя. И то, что тот проникся антиреволюционным духом, не могло не радовать князя. Но Меттерних опасался мистических наклонностей Александра I. О мире мыслей и образов царя дает, в частности, представление такой пассаж из его письма княгине С. С. Мещерской как раз во время конгресса в Троппау: «Мы занимаемся здесь делом, одним из самых важных, но и самых трудных. Необходимо найти лекарство против власти зла, которая распространяется быстро и повсеместно, оккультными средствами, которые служат сатанинскому гению и направляются им. Это лекарство, которое мы ищем, — увы! — выше наших человеческих сил. Спаситель один силой своего божественного слова мог бы дать нам такое средство»<sup>91</sup>.

Диагноз же и рецептура Меттерниха более приземленные, рационализированные. Осуждая век Просвещения, князь всегда оставался в его русле.

Свой труд Меттерних предварил такими словами: «Ваше Императорское Величество найдет здесь полную откровенность по всем вопросам, достойным размышлений всех государственных деятелей, всех людей, несущих серьезную ответственность, всех людей, достаточно просвещенных, чтобы чувствовать, что охваченному безумием миру следует противопоставить другой мир, мир мудрости, разума, справедливости и упорядоченности»<sup>92</sup>.

Как истинный консерватор (и по инстинкту, и по разумению), залог стабильности и преемственности в социальной жизни он видит в неизменности природы человека и органическом характере общественных институтов, которые, подобно живым организмам, проходят через стадии юности, зрелости и

старения. Неизменность человеческой природы и цикличность в развитии институтов благотворно воздействуют на ритм исторического процесса, предохраняют от потрясений и катастроф.

Первопричины современной европейской ситуации австрийский канцлер усматривает в недрах истории. Ему вообще было свойственно пускаться в исторические экскурсии, чтобы придать своим писаниям некий политико-философский глянец. Теперь он старался произвести впечатление на царя, поразить его глубиной своих мыслей.

Ход истории, вещал Меттерних, изменился под воздействием трех открытий: книгопечатания, пороха и Нового Света. А затем последовала Реформация, своего рода революция, видоизменившая моральный мир. «Движение человеческого ума, — глубокомысленно изрекает Меттерних, — в последние три столетия совершалось с крайней быстротой. Это движение ускорилося намного больше, нежели действие мудрости, которая одна лишь могла быть противопоставлена страстям и заблуждению»<sup>93</sup>.

Отсюда и революция, «подготовленная ложными учениями, пагубными ошибками многих, даже самых блестящих суверенов второй половины XVIII в. (угадывается намек и на императора Иосифа II. — П. Р.), разразившаяся в стране, наиболее преуспевшей в просвещении, более всего обессиленной наслаждениями, в стране, где обитал народ, который можно назвать наиболее фривольным, учитывая, насколько легко ему дается понимание и насколько трудно дается ему спокойное суждение»<sup>94</sup>. Именно во Франции и прежде всего в Париже австрийский канцлер видел эпицентр всех революционных потрясений и смут.

Таким образом, одни из первопричин этих событий «настолько связаны с самой природой вещей», что никакая человеческая предусмотрительность не могла бы предотвратить их. А другие коренятся в «слабости и инертности правительств».

Меттерних осыпает обвинениями всех и вся, разумеется, кроме себя самого и адресата, для которого предназначено «Кредо». Достается, кстати, и Бонапарту, хотя он и покончил с революцией, но затем за свои «сто дней» уничтожил дело 14 лет правления. Франция, Германия, Италия и Испания сегодня представляют живые примеры губительного пути, угрожающего существованию европейского общества: «Можно смело утверждать, игнорируя возражения, что тщетно было бы искать эпоху, когда зло распространяло бы свое разрушительное действие на более широком пространстве, чем в наше время».

Зло, порожденное всеми рассмотренными в эссе причинами, Меттерних определяет одним словом — «самонадеянность»<sup>95</sup>. Для тех, кто подвержен ей, не являются ценностями ни законы, ни исторический опыт. Их увлекают абсурдные идеи совершенствования мира, эмансипации народов. Либерализм, индивидуализм, национализм для них — средства в борьбе против легитимных правительств.

Общая цель всех этих людей, их религия — это ниспровержение авторитета. Ему они противопоставляют общественный договор, суверенитет народа,



то есть едва ли не самые главные раздражители для твердокаменных консерваторов. На взгляд Меттерниха, говорить об общественном договоре — уже значит делать революцию.

Но кто же эти конкретные носители зла, духа «самонадеянности»? «Зло существует, и это зло огромно», — писал князь. Тайные общества или секты — только орудия этого зла. Достаточно притомив своего читателя, Меттерних наконец называет носителей зла, разносчиков «моральной гангрены». Оказывается, это — средние или промежуточные классы общества, располагающиеся между монархами и народом. Среди них капиталисты, эти истинные космополиты, обеспечивающие свои прибыли при любом порядке вещей, служащие, писатели и журналисты, адвокаты, преподаватели.

Их главный клич после 1815 г. — «Конституция»! В «чистых монархиях» (т. е. неконституционных. — П. Р.) они выступают за национальное представительство, а в единственном государстве, где существует древнее национальное представительство (в Англии. — П. Р.), они требуют реформы.

Основная масса населения, по мнению Меттерниха, не представляет угрозы. Ей чужды абстрактные принципы и амбиции самонадеянных средних классов. Канцлер исходит из ситуации, сложившейся в сравнительно патриархальной Габсбургской империи, но в его рассуждениях о «средних классах» чувствуется, что он в известной мере учитывает и опыт более развитых западно-европейских стран, предвидит усиление общественного натиска на землевладельческую знать, на монархов.

Описав историю болезни и ее симптомы, Меттерних переходит к главному, ради чего, собственно, и написано эссе, — к рецептуре лечения.

Что касается реформистской терапии, то у австрийского канцлера никогда не было склонности к ее применению. Кроме того, и момент был явно неподходящий: «Существует общее правило поведения индивидов и государств, установленное как на основе опыта веков, так и опыта повседневного. Это правило гласит: "Нельзя и помышлять о том, чтобы проводить реформы во время возбуждения страстей; мудрость подсказывает, что в подобные моменты следует ограничиваться сохранением"»<sup>96</sup>. Опасно проявлять в таких острых ситуациях неуверенность, слабость; стабильности не добиться уступками: «Не следует пытаться привлечь уступками те партии, которые стремятся к разрушению всякой власти, кроме собственной, уступки... лишь поощряют их притязания на власть»<sup>97</sup>.

«Мы твердо уверены, что общество более не может быть спасено без сильных и смелых решений со стороны правительств, еще свободных в своих мыслях и действиях», — убеждал князь императора<sup>98</sup>. «Только союз между монархами, — буквально заклинал он его, — фундаментальная основа политики, следуя которой можно еще спасти сегодня общество от полного разрушения»<sup>99</sup>.

«Самонадеянности» надо противопоставить прежде всего твердые религиозные принципы: «В религиозной сфере суждение и проверка должны усту-

пить место вере, христианская мораль — закону Христову в интерпретации христианских авторитетов»<sup>100</sup>.

Конечно, деструктивные элементы встречаются во все века, но никогда еще не было такого бича, как свобода прессы. Общество должно быть ограждено от этой угрозы.

Монархам просто необходимо объединить свои усилия в совместной борьбе против догмы об общественном договоре, стремиться подавить тайные общества. Крупнейшие монархии должны доказать, что их союз способен обеспечить Европе политический мир, сохранить ее покой, что «отстаиваемые ими принципы, отеческие и попечительные по отношению к добрым людям, грозны для нарушителей общественного спокойствия»<sup>101</sup>.

Меттерниху удалось добиться от царя многих уступок. Казалось, что Александр I был загипнотизирован вкрадчивым, обходительным австрийцем. Меттерних в изображении таких российских историков, как С. С. Татищев, В. К. Надлер и другие, предстал в качестве некоего Мефистофеля, использовавшего слабые струны возвышенно-благородного российского монарха.

Однако следует иметь в виду, что Александр I, хорошо зная цену Меттерниху, не мог забыть событий времен Венского конгресса, когда дело едва не дошло до дуэли между ним и австрийским канцлером. Колебание российского императора в сторону меттерниховской политики имело более глубокую и серьезную подоплеку, нежели временное затмение под воздействием чар венского искусителя.

В данном случае важно отметить, что не стоит преувеличивать и влияние эссе Меттерниха на царя. Вряд ли он почерпнул из него что-либо существенно новое. Еще за десять лет до этого Александр I имел возможность ознакомиться с предназначенным опять-таки главным образом лично для него эссе Ж. де Местра «Четыре главы о России».

Бесспорно, сардинский посланник был мыслителем совершенно иного масштаба, чем австрийский канцлер. Но дело, пожалуй, не в глубине мыслей. Главное заключалось в эффекте узнавания. У незаурядного философа де Местра фигурировали те же заговорщические секты, просвечивала идея общеевропейского заговора врагов порядка и т. д. В ситуации 1820-х гг. именно похожесть, а не оригинальность оказывала более сильное воздействие, словно еще раз подтверждая очевидное.

Если меттерниховское «Кредо» в той или иной степени сработало, то только по той причине, что попало в унисон с настроением царя. Документ этот более ценен для анализа взглядов самого автора, чем для объяснения поворота в политике Александра I.

Поскольку главным очагом революционной интоксикации считалась Италия, монархи, министры, дипломаты решили собраться поближе к Апеннинскому полуострову. И с этой точки зрения Лайбах оказался удобным местом. Лайбахский конгресс (11 января — 2 мая 1821 г.) получил название «сапожного», что отражало центральную роль, которую играли в его работе проблемы «апеннинского сапога».

Этот конгресс уже фактически проходил под полным контролем Меттерниха, по его сценарию. В Лайбах для переговоров вызвали неаполитанского короля Фердинанда I. На неаполитанское правительство был оказан сильный нажим со стороны великих держав, и король вырвался из-под его обременительного контроля. После революции он чувствовал себя в Неаполе заложником. Стали прибывать в Лайбах и другие итальянские государи. Еще не добравшись до Лайбаха, Фердинанд I заявил в Ливорно, что конституцию ему пришлось принять вопреки своей воле, и призвал на помощь австрийцев. Это полностью развязало руки Меттерниху. Тем более что он уже располагал санкцией конгресса. Англия и Франция, правда, воздержались от поддержки акции, но и не выступили против нее открыто. Австрийский посол в Лондоне П. Эстерхази писал Меттерниху о позиции Каслри, который предпочел не ездить на конгресс: «Каслри подобен страстному любителю музыки, находящемуся в церкви: он хотел бы поаплодировать, но не может на это решиться»<sup>102</sup>.

Канцлер поглощен подготовкой интервенции. Ему мало быть ее политическим руководителем; он вникает во все детали военных приготовлений, чувствуя себя не только дипломатом, но и полководцем. Вряд ли нуждается в комментариях такая выдержка из его письма Доротее: «Если бы судьба предопределила мне быть полководцем, подобно тому как она обрекла меня на более трудное и мучительное призвание, я находился бы под градом ядер точно так же, как теперь сижу за моим бюро. Я недоступен тому, что называется страхом»<sup>103</sup>. «Это будет самое большое дело в моей жизни и даже во всей истории человечества древнего и нового времени»<sup>104</sup>, — так в своем традиционно напыщенном стиле писал Клеменс в данном случае Элеоноре. Пока Меттерних занимался «великим делом», Генц сочинял протоколы заседаний конгресса, которых на самом деле не было. 28 февраля все участники конгресса, кроме австрийцев и русских, разъехались.

Неаполитанская революция постепенно опутывалась меттерниховской паутиной. Пришло время ее удушить. Военная слабость и дипломатическая изоляция Неаполя предвещали легкую и быструю победу над ним. Воинственность князя достигла апогея. «Нужно устранить полип, который разъедает Неаполитанское королевство, — убеждал Меттерних французского премьер-министра Ришелье, — нужно его уничтожить вплоть до всех его разветвлений, ибо он способен прорасти вновь. Нужно заполнить пустоту тем... что будет соответствовать истинным потребностям королевства, духу народа, полуафриканского

и варварского»<sup>105</sup>. Одним из усомнившихся в необходимости интервенции министра Меттерних в письме к Элеоноре называет «гнусной канальей»<sup>106</sup>.

Австрийским войскам понадобились две недели, чтобы занять Неаполь. Это произошло 23 марта. А до этого 9 марта 1821 г. поднялись пьемонтские либералы. Король Виктор Эммануил I отрекся от престола, а его преемник Карл Феликс обратился за помощью к Австрии, Пруссии и России. Александр I был готов немедленно ввести в действие 100-тысячную армию. В Лайбах был вызван генерал Ермолов. К великому удовольствию генерала, военные действия закончились быстро (8 апреля), и русские штыки не были вовлечены в крайне непопулярную в российском обществе акцию. Генерал-адъютант И. В. Васильчиков так характеризовал приближенному царя князю П. М. Волконскому ситуацию в России: «Настроение умов не хорошо. Недовольство всеобщее и неизбежность жертв, сопряженных с ведением войны, необходимость которой непонятна простым смертным, должны, несомненно, произвести дурное впечатление»<sup>107</sup>. Довольно типичны в этой связи суждения поэта князя П. А. Вяземского, которые содержатся в одном из его писем времен Лайбахского конгресса: «Война с Неаполем была бы злодейством... Неужели на то Петр Великий пустил Россию в Европу, чтобы преемникам его было всегда в честном мире похмелье, а домочадцам сочельник? Он хотел Россию объевропить, а не Европу с помощью России окамчадалить. Дострой свой дом, а потом иди чинить чужие дома. Образуй, просвети, разреши Россию, и тогда она сама, не сужь ни в Тропаву, ни в Лайбах, существенною, нравственною силою своею будет безапелляционным посредником европейских судеб»<sup>108</sup>.

Меттерних чувствовал себя триумфатором. Свои успехи почти в эпических тонах он расписывает Доротее Ливен. Забавно, но насквозь политизированная светская дама остается ревнивой женщиной. В данном случае ее гораздо больше волнуют слухи о романе Клеменса с некоей красивой хорваткой. Сведения об этом она получила, видимо, от родственника, члена русской делегации в Лайбахе графа Воронцова. Раздраженному Клеменсу приходится оправдываться не перед женой, а перед любовницей<sup>109</sup>.

Как всегда, он исправно пишет и Элеоноре, которая из-за слабого здоровья перебралась с детьми из Вены во французскую столицу. «Что за разочарованные физиономии видишь ты в Париже?» — торжествующе вопрошает князь. «Мошенники со всего мира, — продолжает он, — ринулись в авантюру, однако они — трусы, как и все люди, которые не правы... Можешь быть уверена, я им не спущу... Поведение царя выше всяческих похвал»<sup>110</sup>.

«Полнейшее согласие господствует теперь между нами»<sup>111</sup>, — похваляется Клеменс Доротее, говоря о своих отношениях с царем. 13 апреля 1821 г. он подводит приятные для себя итоги. За шесть недель покончено с двумя войнами и двумя революциями. Но не это главное: «Величайший результат последних девяти месяцев — хорошие отношения между двумя императорами (Александром I и Францем I. — П. Р.). Сегодня дело обстоит так, что ничто не сможет более оторвать их друг от друга, за это я готов положить в огонь собственную руку»<sup>112</sup>.

Однако особым отношениям с царем предстояло новое серьезнейшее испытание, на сей раз ненавистным для канцлера «восточным вопросом». Греческое восстание грозило нарушить статус-кво на Востоке, ускорить развал Османской империи. С греками русских связывали давние исторические и религиозные узы. Нельзя было не считаться и с тем, что на стороне греческих повстанцев были симпатии российского общества, да и вообще значительной части европейцев. Ключевую роль в восстании играл бывший генерал русской службы князь А. Ипсиланти. Во всех греческих делах был активен Каподистрия. Настроить царя против греков, которым симпатизировала практически вся Россия, — задача из разряда сверхсложных.

Меттерних настойчиво убеждал Александра I, что греческое восстание, подобно южно-европейским революциям, является частью грандиозного плана общеввропейского заговора, составленного неким центральным комитетом тайных обществ в Париже. Ипсиланти он представил союзником карбонариев, сумел настроить царя против Каподистрии. 22 апреля Меттерних с гордостью оповещал своего коллегу по кабинету Штадиона: «Не Россия ведет нас, а мы ведем императора Александра по множеству совсем простых причин. Ему нужны советы, а он потерял всех своих советников. Каподистрия выглядит в его глазах как глава карбонариев. Он не доверяет своей армии, своим министрам, своему дворянству, своему народу»<sup>113</sup>. В результате Ипсиланти лишился российской помощи, войска повстанцев были разбиты, а их предводитель бежал в Австрию, где был заточен в крепость.

И все же князь не в силах отделаться от тревожных мыслей: «То, что может произойти на Востоке, не поддается никакому расчету... по другую сторону наших восточных границ ни во что не ставится триста-четыреста тысяч повешенных, зарезанных, посаженных на кол»<sup>114</sup>. Впрочем, и сам Меттерних воспринимает эти ужасы с какой-то отчужденностью. В газетах нет никаких интересных идей, сожалеет он в одном из писем: «Турки пожирают греков, а греки обезглавливают турок, вот и все милые новости, какие я узнаю»<sup>115</sup>.

В центре его забот по-прежнему царь. «Император Александр утвердился в моей школе», — удовлетворенно констатировал канцлер. Тем не менее в качестве напутствия отъезжавшему из Лайбаха царю Меттерних пишет своего рода «Кредо-2» (6 мая 1821 г.), правда, на сей раз без заглавия. В этом гораздо более коротком эссе два раздела: принципы и средства.

Снова речь идет о заговоре революционеров и анархистов, которые все более набирают силу после 1814 года. Целью заговорщиков является ниспровержение буквально всего, что имеет под собой легальную основу. Для того чтобы привлечь на свою сторону симпатии общества, они оперируют словом «конституция». «Принцип, который монархи должны противопоставить всеобщему разрушению, — убеждает царя князь, — это сохранение всех легально существующих вещей. Единственное средство достижения этой цели — избегать нововведений»<sup>116</sup>.

Меттерних не хотел выглядеть в глазах царя ретроградом, противником

всякого развития всяких реформ, но «невозможно одновременно сохранять и реформировать в духе справедливости и разума, когда масса народа пришла в движение. В этом случае она подобна возбужденному индивиду, которому угрожает лихорадка или который уже испытывает ее приступ»<sup>117</sup>. «Одним словом, сир, — взывает Меттерних к Александру I, — сохранять — это идти прямо по изведанной дороге, не отклоняясь от нее ни на деле, ни на словах»<sup>118</sup>. Средство спасения от угрозы революции и анархии — союз двух императоров: Александра I и Франца I. Нужны постоянные контакты, следовало бы учредить информационный центр, вообще объединить усилия в борьбе против всеобщей анархии.

Лайбахский успех стоил князю немалых усилий. Император Франц I вознаграждал его тем, что его статус был приравнен к положению знаменитого деда Элеоноры — Кауница. Меттерниху пожаловали все должности, которые занимал в свое время крупнейший австрийский политик XVIII в. Элеонора восприняла это как должное.

Расслабляясь, однако, было бы непозволительной роскошью, прежде всего из-за злосчастного восточного вопроса. Источником постоянного беспокойства все еще оставался Каподистрия. Хотя Меттерних и гордился «укрощением» Александра I, но он не мог не учитывать непостоянства царя. Своими успехами и опасениями по этому поводу Меттерних делится с Францем I: «У императора Александра и у меня одинаковые взгляды на сегодняшние процессы. Однако император отбыл. Теперь неясно, сохранит ли он верность той точке зрения, принять которую мне было легче, чем ему»<sup>119</sup>. Окружение царя оказывало на него сильное влияние. «Император пока держится хорошо, — продолжает канцлер, — но он находится в одиночестве среди своих». Чтобы Александр I не пошел ложным путем, его следовало бы отделить от окружения. «Он, — полагает Меттерних, — хочет того же, что и я, но его окружение хочет противоположного»<sup>120</sup>.

С удивительным равнодушием Клеменс воспринял смерть Наполеона (5 мая 1821 г.). Не было ни чувства избавления, ни ностальгии. Между тем бывший император французов незримо продолжал играть выдающуюся роль в его жизни. Ведь для многих австрийский канцлер был интересен прежде всего как человек, на котором лежал отблеск величия Наполеона, с которым Клеменс много общался, претендовал на роль его сокрушителя и, наконец, великолепно рассказывал о нем. У Элеоноры же навсегда сохранилась симпатия к корсиканцу. Она не могла сдержать слез, когда читала письмо Клеменса с описанием прощания императора со старой гвардией в 1814 г. Наверное, не обошлось без слез и теперь. Между тем Клеменс бесстрастно сообщал жене о кончине Наполеона: «Смерть его не привлекла внимания. Бонапарта уже давно считали погребенным»<sup>121</sup>. У Меттерниха лишь мелькнула мысль о том, что в бумагах покойного императора французов могут оказаться неприятные документы. Немедленно был послан нарочный в Лондон, чтобы в случае необходимости принять меры.

Промежуточной между Лайбахом и намечавшимся первоначально во Флоренции следующим конгрессом Священного союза являлась встреча европей-

ских лидеров в Ганновере (20–29 октября 1821 г.). Меттерних и Каслри рассчитывали использовать ее в качестве конференции по восточному вопросу. Однако Россия и Пруссия решили не присылать в Ганновер полномочных представителей. Мероприятие обесценивалось отсутствием Александра I. В конце концов царь направил в Ганновер своего лондонского посла Х. А. Ливена. Каслри, хорошо осведомленный о характере отношений между Меттернихом и женой посла, специально пригласил ее в Ганновер.

От встречи со своим старым другом принцем-регентом, наконец-то ставшим королем Георгом IV, Меттерних был едва ли не в большем восторге, чем от свидания с Доротеей. Король принял его, лежа в шезлонге (из-за приступа подагры), облаченный в красочное одеяние австрийских гусар. Он сравнил австрийского канцлера с великими людьми древности, средневековья и нового времени, от Фемистокла до Мальборо и Питта. Ганноверская встреча, в сущности, оказалась англо-австрийской. Обе стороны хотели продемонстрировать «моральную поддержку» России и удержать ее от войны с турками.

Здесь между Меттернихом и Каслри было полнейшее единодушие. Британский министр признал, что Священный союз существует как реальная действенная сила, выразил уверенность, что царь ни при каких обстоятельствах «не отойдет от консервативных принципов союза». В дипломатических документах, вышедших из-под пера Каслри, как отмечает автор одной из новейших биографий Меттерниха, англичанин Д. Сьюард, узнаваемы язык и концепция австрийского канцлера<sup>122</sup>.

Не ограничиваясь царем, он пытается обратить в свою веру и российского посланника Ю. А. Головкина. В конце 1821 г. тот сообщал Нессельроде о беседе с канцлером, который «долго, но не приводя в доказательство каких-либо конкретных фактов, говорил мне о существовании греческого руководящего Комитета, чья революционная деятельность активно поддерживается якобы во всех странах сторонниками этого дела»<sup>123</sup>. Российский дипломат Д. П. Татищев, посланный царем весной 1822 г. со специальной миссией, не устоял перед обаянием Меттерниха. Вскоре он станет российским послом в Вене и своим человеком в доме австрийского канцлера.

В своем меморандуме от 19 апреля 1822 г. Меттерних восхваляет царя за его благородное решение отдать в связи с греческой проблемой приоритет не тем соображениям, которые связаны прежде всего с имперскими интересами России, а тем, которые направлены на «поддержание в неприкосновенности политической системы, чья единственная предпосылка сегодня — спокойствие Европы и сохранение социального порядка»<sup>124</sup>.

Все же опасения не оставляют австрийского канцлера. Он подозревает, что его враги — Каподистрия, Строганов (посланник в Константинополе), Поццо ди Борго (посол в Париже) — составили заговор. Этот триумвират, полагал Меттерних, распределил между собой функции: один взял на себя Восток, другой — Западную Европу, а третий имеет в виду все в целом. В центре усилий предполагаемых заговорщиков, естественно, император Александр I.

Поводов для торжества пока гораздо больше, чем для опасений. Тот факт, что Россию удалось удержать от военного вмешательства в защиту греков, Меттерних считает своей величайшей победой. «Дело Петра Великого и всех его наследников, — уверяет канцлер своего императора в докладе от 3 июня 1822 г., — сегодняшний русский кабинет уничтожил одним ударом»<sup>125</sup>. В порыве эйфории он примерно в то же время пишет жене: «Мой триумф практически настолько велик, что на почве дипломатии его можно сравнить с Лейпцигской битвой»<sup>126</sup>. Еще в начале 1822 г. Элеонора с гордостью сообщала мужу, что слышала, как в парижском салоне герцог Монморанси назвал его «кучером Европы»<sup>127</sup>. Не оспаривая ключевой роли австрийского канцлера на континенте, Генрих Гейне видел ее иначе: «Вся Европа превратилась в Св. Елену, и Меттерних был ее Гудзоном 'Лоу».

Величайшим своим успехом Клеменс считал уход с российской политической сцены Каподистрии. Незадолго до Веронского конгресса Священного союза, в августе 1822 г., после объяснения с царем тот покинул Россию. По оценке Н. К. Шильдера, «для России потеря Каподистрии была важнее проигранного сражения»<sup>128</sup>. «Завершилась карьера этого рокового источника вечных раздоров, и с ним исчезли тысячи проблем и затруднений»<sup>129</sup>, — с удовлетворением констатировал Меттерних. Правда, торжество омрачалось кончиной Каслри. Канцлер еще не предвидел всех ее тяжких для себя последствий. Все его расчеты и надежды связаны с российским императором.

Александр I до сих пор остается во многом неразгаданной личностью. Кое-кто из авторов, особенно российских историков дооктябрьского периода, изображали его жертвой ловкого и коварного австрийца. Наиболее четко эта мысль выражена В. К. Надлером, который писал о том, «как бессовестно эксплуатировал Меттерних благородного, но слабого Александра для своих целей»<sup>130</sup>. Действительно, такое впечатление легко могло возникнуть. Царь мыслил, говорил и действовал в стиле Меттерниха.

Восставшие против турецкого владычества греки надеялись на помощь православной России. Но царь так объяснял свою позицию в письме близким к нему людям, Голицыну и Кошелеву, во время Лайбахского конгресса: «Наша политика основывалась на началах Священного союза со всеми кабинетами, а особенно между тремя, которые первые усвоили себе эту идею, как ключ к хранилищу, которое не удалось побороть ни революционным либералам, ни радикалам, ни международным карбонариям. Прошу не сомневаться, что все эти люди соединились в один общий заговор, разбившись на отдельные группы и общества, о действиях которых у меня все документы налицо, и мне известно, что они действуют солидарно»<sup>131</sup>. И несколько позднее, в мае 1821 г., Александр I отвергает вмешательство в пользу греков аргументами, как будто почерпнутыми из лексикона австрийского канцлера: «Если мы ответим туркам войною, парижский главный комитет восторжествует, и ни одно правительство не останется на ногах. Я не намерен предоставить свободу врагам порядка»<sup>132</sup>.



Каким бы хитроумным и обольстительным ни был Меттерних, трудно представить, чтобы он обладал такой силой внушения и в такой степени мог манипулировать царем, как это казалось ему самому и некоторым наблюдателям и исследователям. Было бы принципиальной ошибкой искать причины очередного поворота в образе мыслей и действий царя преимущественно во внешнем влиянии. Зигзаги, порой необъяснимые, бывали обусловлены у Александра I прежде всего некими внутренними борениями, на которые, конечно, накладывались и определенные влияния извне.

Оставляя в стороне несомненные мистические увлечения императора, нужно признать, что колебания его курса имели под собой и глубокую политическую подоплеку. Степень глубины была такова, что сам Александр I не столько осмысливал ее, сколько ощущал ее инстинктивно. Российское самодержавие зиждилось на традиционалистско-консервативной основе. Отсюда тенденции к сохранению статус-кво, к сближению с родственными абсолютистскими режимами, иногда даже в ущерб имперским интересам.

Меттерниху, как уже говорилось, было проще: для предельно насытившейся Австрии консервативный курс исключительно на сохранение существующего положения вещей совпадал с главным жизненным интересом габсбургской империи. Российская же империя еще не утратила способности к расширению, к активной экспансии. Самым заманчивым было ее юго-западное направление, где славянские народы находились частично под властью Габсбургов, а частично — Оттоманской империи. Имперская экспансия, конечно, открывала фантастические возможности, но вместе с тем была сопряжена с потрясением основ только что заложенного в Вене европейского порядка.

Такая дилемма и порождала в значительной мере не поддающиеся разрешению противоречия в политике Александра I, а позже и его преемника. В связи с этим царь нередко оказывался в ситуации нелегкого выбора. Поэтому в его политике на разных этапах наблюдается крен то в одну, то в другую сторону, чем и удалось искусно воспользоваться Меттерниху на конгрессах в Троппау и Лайбахе. Таким образом, фазы во взаимоотношениях царя и канцлера прежде всего зависели от российского самодержца. Меттерниху же оставалось реагировать на перепады в его умонастроении.

В благоприятных для Меттерниха фазах преимуществом канцлера становилось одно важное свойство его личности. «Я никогда не оказывался в противоречии с самим собой»<sup>133</sup>, — на склоне лет писал канцлер. И это не было преувеличением. Между тем натура царя была мятущаяся, раздираемая сомнениями. Клеменс не упускал случая с апломбом утверждать, что он всегда был прав, всегда все предвидел. И порой царю в какой-то мере приходилось это признавать. Однако следует соблюдать осторожность, поскольку Клеменс приписывал своему влиянию практически все шаги царя, которые в той или иной мере соответствовали принципам меттерниховской «системы», пусть даже Александр I руководствовался при этом какими-то своими собственными мотивами и соображениями. Фактически Клеменс нередко выдавал за успех удачу.

Его самомнение еще более возросло благодаря успехам и удачам последнего времени. Особенно порадовал его уход Каподистрии. Все складывалось как нельзя лучше. Казалось, что он уверенно правит европейской каретой, что ему предстоят новые триумфы. В результате у него явно притупилось чувство опасности.

---

<sup>1</sup> Schaefer H. Die dritte Koalition und die Heilige Allianz. Königsberg, Berlin, 1934. S. 16–20.

<sup>2</sup> Ibid. S. 20.

<sup>3</sup> См.: Martin A. M. *Romantics, reformers, reactionaries. Russia conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I.* De Kalb. Illinois, 1997.

<sup>4</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G., de. Op. cit. P. 300.

<sup>5</sup> NP. Bd. 1. S. 216.

<sup>6</sup> NP. Wien, 1881. Bd. 3. S. 218.

<sup>7</sup> Цит. по: Bourquin M. *Histoire de la Sainte Alliance.* Genève, 1954. P. 145.

<sup>8</sup> Ibidem.

<sup>9</sup> *Dépêches inédites du chevalier de Gentz.* P., 1876. T. 1. P. 216–217.

<sup>10</sup> ВГР. Сер. I. Т. VIII. С. 504.

<sup>11</sup> Там же. С. 505.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> *Dépêches inédites...* P. 373.

<sup>14</sup> ВГР. Сер. II. Т. II (X). С. 267.

<sup>15</sup> Там же. С. 268.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Там же. С. 431.

<sup>18</sup> Там же. С. 432.

<sup>19</sup> NP. Bd. 3. S. 170.

<sup>20</sup> *Dépêches inédites...* P. 404.

<sup>21</sup> *Lettres du prince de Metternich a la comtesse de Lieven.* P. 288.

<sup>22</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. *Metternich.* Bd. I. S. 252.

<sup>23</sup> Цит. по: Corti E. C. *Metternich und Frauen.* Zürich; Wien, 1949. Bd. 2. S. 27–28.

<sup>24</sup> Ibid. S. 41.

<sup>25</sup> Ibid. S. 61.

<sup>26</sup> Haas A. G. *Metternich, Reorganization and Nationality. 1813–1818.* Wiesbaden, 1963. P. 15.

<sup>27</sup> Ibid. P. 151.

<sup>28</sup> Ibid. P. 158.

<sup>29</sup> Ibid. P. 167–168.

<sup>30</sup> NP. Bd. 3. S. 68.

<sup>31</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G., de. *Metternich et son temps.* P., 1959. P. 145.

<sup>32</sup> NP. Bd. 3. S. 434.

<sup>33</sup> *История XIX века.* М., 1938. Т. 4. С. 91.

<sup>34</sup> Цит. по: Radvany E. *Metternich's projects for reform in Austria.* The Hague, 1971. P. 5.

<sup>35</sup> Ibid. P. 7.

<sup>36</sup> NP. Bd. 3. S. 64.

<sup>37</sup> Radvany E. Op. cit. P. 10.

<sup>38</sup> NP. Bd. 3. S. VII–VIII.

<sup>39</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 453.

<sup>40</sup> Ibid. S. 454.

<sup>41</sup> Emerson D. E. *Metternich and the Political Police.* The Hague, 1968. P. 38–39.

<sup>42</sup> Ibid. P. 149.

<sup>43</sup> Mayr J. K. *Geschichte der österreichischen Staatskanzlei in Zeitalter des Fürsten Metternich.* Wien, 1935. S. 22.

<sup>44</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. Op. cit. Bd. I. S. 451.

<sup>45</sup> NP. Bd. 3. S. 129.

<sup>46</sup> Squire P. S. *Metternich and Benckendorff, 1807–1834* // *The Slavonic and East European Review.* 1967. Vol. XLV. № 104. P. 137.

<sup>47</sup> *Earl of Malmesbury. Memoirs of an ex-minister.* Leipzig, 1885. Vol. 1. P. 84.

<sup>48</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G., de. *Metternich.* P. 312.

<sup>49</sup> *Lettres du prince de Metternich a la comtesse de Lieven.* P. 112.

- <sup>50</sup> Ibid. P. 197.  
<sup>51</sup> Ibid. P. 111.  
<sup>52</sup> Ibid. P. 208.  
<sup>53</sup> Bourne K. Palmerston. The Early Years. 1784–1841. L., 1982. P. 193.  
<sup>54</sup> Webster Ch. The Foreign Policy of Castlereagh. 1815–1822. L., 1947. P. 102.  
<sup>55</sup> Ibidem.  
<sup>56</sup> Цит. по: MacGuigan D. Metternich and the Duchess. N. Y., 1975. P. 513.  
<sup>57</sup> Киссинджер Г. Указ. соч. С. 75.  
<sup>58</sup> Webster Ch. Op. cit. P. 177.  
<sup>59</sup> Ibidem.  
<sup>60</sup> Ibidem.  
<sup>61</sup> NP. Bd. 3. S. 319.  
<sup>62</sup> Ibid. S. 223.  
<sup>63</sup> ВПР. Сер. II. Т. III (IX). С. 80.  
<sup>64</sup> Там же. С. 79.  
<sup>65</sup> NP. Bd. 3. S. 263.  
<sup>66</sup> Ibid. S. 269.  
<sup>67</sup> Ibid. S. 284.  
<sup>68</sup> Ibid. S. 286.  
<sup>69</sup> Ibid. S. 293.  
<sup>70</sup> Ibid. S. 466.  
<sup>71</sup> Ibid. S. 298–299.  
<sup>72</sup> Ibid. S. 376.  
<sup>73</sup> Webster Ch. Op. cit. P. 176.  
<sup>74</sup> ВПР. Сер. II. Т. III (XI). С. 350.  
<sup>75</sup> NP. Bd. 3. S. 345.  
<sup>76</sup> Ibid. S. 341.  
<sup>77</sup> Ibidem.  
<sup>78</sup> Ibidem.  
<sup>79</sup> Dépêches inédites... P. 437.  
<sup>80</sup> Ibid. P. 438.  
<sup>81</sup> NP. Bd. 3. S. 344.  
<sup>82</sup> Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1887. Т. IV. С. 468.  
<sup>83</sup> NP. Bd. 3. S. 351.  
<sup>84</sup> Ibid. S. 355.  
<sup>85</sup> Ibid. S. 356.  
<sup>86</sup> Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Пг., 1914. С. 256.  
<sup>87</sup> NP. Bd. 3. S. 355.  
<sup>88</sup> ВПР. Сер. II (III). Т. XI. С. 555.  
<sup>89</sup> Там же. С. 484.  
<sup>90</sup> NP. Bd. 3. S. 401.  
<sup>91</sup> Цит. по: Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 255.  
<sup>92</sup> NP. В. 3. S. 399–400.  
<sup>93</sup> Ibid. S. 404.  
<sup>94</sup> Ibidem.  
<sup>95</sup> Ibidem.  
<sup>96</sup> Ibid. S. 415.  
<sup>97</sup> Ibid. S. 419.  
<sup>98</sup> Ibid. S. 414.  
<sup>99</sup> Ibid. S. 416.  
<sup>100</sup> Ibid. S. 417.  
<sup>101</sup> Ibid. S. 420.  
<sup>102</sup> Цит. по: Kissinger H. A. Op. cit. P. 275.  
<sup>103</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 157.  
<sup>104</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Metternich. P. 345.  
<sup>105</sup> Ibid. P. 347.  
<sup>106</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 158.  
<sup>107</sup> Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 192.

- <sup>108</sup> ВПР. Сер. II. Т. III (IX). С. 713.
- <sup>109</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 166–168.
- <sup>110</sup> Ibid. S. 169.
- <sup>111</sup> Ibid. S. 172.
- <sup>112</sup> NP. Bd. 3. S. 437.
- <sup>113</sup> Ibid. S. 470–471.
- <sup>114</sup> Ibid. S. 438.
- <sup>115</sup> Ibid. S. 443.
- <sup>116</sup> Ibid. S. 476.
- <sup>117</sup> Ibidem.
- <sup>118</sup> Ibidem.
- <sup>119</sup> Ibid. S. 444.
- <sup>120</sup> Ibidem.
- <sup>121</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 176.
- <sup>122</sup> Seward D. Op. cit. P. 126.
- <sup>123</sup> ВПР. Сер. II. Т. IV (XII). С. 399–400.
- <sup>124</sup> NP. Bd. 3. S. 541.
- <sup>125</sup> Ibid. S. 554.
- <sup>126</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 200.
- <sup>127</sup> Ibid. S. 192.
- <sup>128</sup> Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 232.
- <sup>129</sup> NP. Bd. 3. S. 525.
- <sup>130</sup> Надлер В. К. Меттерних и европейская реакция. Харьков, 1882. С. 189.
- <sup>131</sup> Цит. по: Архангельский А. Блуждающий огонь // Дружба народов. 1996. № 12. С. 85.
- <sup>132</sup> Там же. С. 84.
- <sup>133</sup> NP. Wien, 1884. Bd. 8. S. 516.

## Глава VII. КУЧЕР ТЕРЯЕТ ВОЗЖИ

### I

Самый тяжелый удар с непоправимыми последствиями подстерегал Меттерниха в Англии, где стала закатываться звезда Каслри. Австрийский канцлер был хорошо осведомлен о трудностях, с которыми все чаще приходилось сталкиваться его союзнику. По-видимому, сближение с царем на почве консервативных принципов все же несколько демобилизовало его, ослабило значение и весомость английского фактора. В известной мере он мог позволить себе это и потому, что в Англии у него был такой бесценный личный посол, как Доротея Ливен.

В начале 1822 г. она пыталась организовать визит Георга IV и Каслри (со своим неизменным участием) в Вену. Прекрасно понимая, какое значение для Меттерниха имеет союз с Каслри, Доротея не упускает случая подчеркнуть в письме к любовнику свою дружбу с британским министром, свое влияние на него.

И на самом деле Каслри влекло к российской посольше. Как писал британский историк Монтгомери Хайд, министр иностранных дел Англии «видел в ней нечто большее, чем просто полезную посредницу между ним и Меттернихом»<sup>1</sup>. Этому мрачному, нелюдимому человеку доставляло удовольствие общение с живой, остроумной женщиной, к тому же достаточно искусственной в политике. Непопулярность в народе, неумение и нежелание ладить с парламентом, неурядицы личного характера — все это подрывало его и так перенапряженную нервную систему. По словам Хайда, после только что завершившейся изнурительной для Каслри парламентской сессии Доротея оказалась «единственным человеком, кто мог в какой-то мере умиротворить его измученный дух»<sup>2</sup>. Говоря по-современному, некоммуникабельный, более того, робеющий в обществе Каслри только с ней чувствует себя комфортно.

Доротее же не могла не льстить такая близость с едва ли не самым влиятельным английским политическим деятелем. Но и чисто по-человечески она испытывала к нему искреннюю симпатию и сочувствие из-за гнетущего его одиночества, даже какой-то неприкаянности. Нельзя не добавить, что Каслри был еще и красивым мужчиной.

«Он любит меня всей душой»<sup>3</sup>, — писала Доротея Клеменсу о своих отношениях с Каслри, возможно, не без намерения подогреть чувства своего чресур хладнокровного любовника, советовавшего ей крепить семейные узы,

заботиться о муже и детях. Действительно, Каслри любил беседовать с Доротеей во время прогулок, когда никто не мог им помешать. При этом речь не раз заходила о Меттернихе, об отношениях между Англией и Австрией. Британский министр иностранных дел сказал посольше: «Мы рассматриваем ее (Австрию. — П. Р.) как стержень Европы и всегда готовы подставить свое плечо, чтобы поддержать ее. Мы подобны любовнику, на которого она всегда может надеяться»<sup>4</sup>.

Ко всем обрушившимся на Каслри бедам добавилась война между его женой и фавориткой Георга IV маркизой Кониингем. Доротея с самого начала военных действий попыталась примирить двух женщин, но главным препятствием к миру явилось упрямство леди Каслри. Кульминацией этой женской войны стали события вокруг обеда, который Георг IV должен был дать в честь принцессы Датской. Леди Кониингем потребовала, чтобы леди Каслри, вопреки протоколу, была исключена из списка гостей. Король заметался. Сначала он думал отменить обед, но после решил исключить из списка и жену Каслри, и его самого. Это было бы страшным оскорблением для министра.

О том, какова была роль Доротеей при английском дворе, красноречивее всего свидетельствует тот факт, что загнанный в угол король умолял именно ее попытаться уговорить свою любовницу, т. е. маркизу Кониингем, чтобы та смягчилась. Через неделю маркиза сдалась. Каслри был приглашен вместе с женой. Но когда он узнал, кому был обязан приглашением на королевский обед, то пришел в ярость. При всех своих симпатиях к Доротее, он почувствовал себя оскорбленным: иностранка хлопчет за него, министра, лорда Лондондерри, перед королевской любовницей. Прошло некоторое время, прежде чем они помирились. Эта вспышка была еще одним признаком того, что Каслри находится на пределе.

Тем временем долго вынашиваемая идея визита Георга IV на континент отпала, с одной стороны, из-за негативной позиции большинства министров кабинета, а с другой, все из-за той же леди Кониингем, которая, отправившись в путешествие вместе с королем и министром иностранных дел, создала бы массу неразрешимых проблем.

Еще 1 августа 1822 г. Доротея писала Клеменсу о том, что встретила накануне с Каслри, и его настроение внушало оптимизм. Он намеревался отправиться на конгресс Священного союза в Италию, а предварительно хотел встретиться в Вене с Меттернихом. Стремительно и далеко идущее сближение австрийского канцлера с российским императором не могло не вызывать подозрений у британца. Он неплохо знал своего союзника и друга. В своих частных, не предназначенных для постороннего глаза записях Каслри отмечал «крайнее двуличие князя Меттерниха»<sup>5</sup>. Было наивно полагать, что британский министр поддержал бы интервенционистский курс Меттерниха и царя. Скорее всего между австрийским канцлером и британским министром возникли бы трения, но само присутствие Каслри в Вероне было чрезвычайно важно с точки зрения престижа Священного союза.

9 августа Каслри принимал посла Х. А. Ливена и попросил его передать Доротею, что он хотел бы поговорить с ней 12 августа на обеде у лорда Грея. Именно в этот день Каслри и покончил с собой. Пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что это был день рождения короля.

Потрясенная Доротея пишет Меттерниху: «Вам придется оплакивать лорда Лондондерри как друга и как министра — возможно, единственного в Англии человека, понимавшего европейскую политику и в силу своих принципов и склонностей тяготившего к дружбе с Австрией. Какая потеря для всех нас, а более всего для вас! Я уверена, что немного найдется событий, которые могли бы опечалить вас так глубоко. Я не могу поверить в свершившееся. Он все время стоит передо мною. Какое благородное лицо, такое умиротворенное и красивое»<sup>6</sup>.

«Если вы оставите меня, я буду в одиночестве... и битва станет неравной»<sup>7</sup>, — писал однажды Меттерних Каслри. Союз с Англией усиливал позиции Австрии по отношению к Франции и, особенно, России, а также служил одним из фундаментальных блоков системы европейского равновесия. Неудивительно, что, узнав о смерти Каслри, Меттерних воскликнул: «Какое ужасное известие!» Но он еще храбрился: «Впрочем, я во всеоружии по отношению ко всем случайностям, мое дело будет потеряно только тогда, когда паду я сам»<sup>8</sup>. Через два дня он настроен пессимистичнее: «Этот человек незаменим, особенно для меня». «Ведь Каслри, — сетует Меттерних, — был единственным в Англии человеком с обширным международным опытом». А самое главное, продолжает канцлер, «он научился понимать меня; нужны годы и годы, пока удастся достигнуть с кем-нибудь другим такой степени доверия»<sup>9</sup>.

В полной мере последствия утраты Меттерних смог оценить, когда столкнулся с преемником Каслри — Джорджем Каннингом. Хотя оба они принадлежали к партии тори, но трудно было бы найти двух столь полярных по образу мыслей и политическому стилю государственных деятелей. История их отношений — это история непримиримой вражды. Уже будучи министрами, они в 1809 г. сошлись на дуэли. Удачливее оказался Каслри, ранивший шпагой Каннинга. Эта дуэль двух видных членов кабинета привела к отставке правительства, но и в дальнейшем они неоднократно демонстрировали свой воинственный дух, правда, уже не с оружием в руках.

В отличие от столь близкого Меттерниху Каслри, Каннинг был политиком не кабинетного, а более современного, парламентского типа. Его крестным отцом в политике стал сам Уильям Питт, предложивший в 1793 г. двадцатитрехлетнему Каннингу поддержку на выборах в парламент. В 27 лет он был назначен Питтом на должность статс-секретаря министерства иностранных дел. Каннинг был выходцем из родовитой, но обедневшей дворянской семьи. Его матери даже пришлось подвизаться на театральной сцене. Заботу о его воспитании и образовании взял на себя богатый дядя, брат отца. Уже в Итоне и Оксфорде юноша обратил на себя внимание ораторскими и литературными способностями.

Первая же его речь в парламенте удостоилась похвалы знаменитого оратора и драматурга Шеридана. Если Каслри терялся, выступая в парламенте, речи его

становились путаными и сбивчивыми, то Каннинг блистал на трибуне красноречием, сыпал метафорами, эффектными язвительными словечками, был несравненным мастером полемики. Всегда учитывая общественное мнение, он владел искусством воздействия на него. В глазах своих континентальных коллег, привыкших к традиционным правилам кабинетной дипломатии, он выглядел ярко выраженным демагогом. «Вместе с лордом Лондондерри, — писал в своих мемуарах знаменитый французский писатель Ф. Р. де Шатобриан, тоже отдавший дань дипломатии, — испустила дух старая Англия, до сих пор противившаяся наступлению нового века. На смену покойному министру пришел господин Каннинг, из честолюбия изъяснявшийся на трибуне языком пропагандиста»<sup>10</sup>.

Каннинг был решительно настроен против поддержки Священного союза. У Англии должны быть свободные руки; бессмысленно пытаться удушить либеральные тенденции и национальные движения. Солидарности в стиле Священного союза он противопоставил курс, для которого позднее появилась формула: «блестящая изоляция». Англии следует руководствоваться исключительно собственными национальными интересами, никаких дорогостоящих союзов и коалиций. Королю Георгу IV, поклоннику австрийского канцлера, очень не хотелось назначать Каннинга министром иностранных дел, канитель тянулась три недели. Георгу IV пришлось уступить, правительство лорда Ливерпуля нуждалось в «великом парламентарии», чтобы укрепить свои шаткие позиции в палате общин. О расхождении взглядов короля и министра можно судить хотя бы по такому эпизоду. Когда Каннинг стал говорить Георгу IV о том, что Меттерних хотел бы править всем миром, вымести с поверхности земли все конституции, король ответил: «Не вижу в этом никакого вреда, если среди них окажется и наша»<sup>11</sup>.

Отношение Каннинга к Каслри, естественно, распространялось и на Меттерниха, наступила эпоха их противоборства. Ярко и образно писал об этом наш выдающийся историк Е. В. Тарле: «Упорный, насмешливый, ничему не верящий, совершенно бесцеремонный англичанин грудью загородил дорогу изящному, счастливому и модному австрийскому канцлеру, столь легко скользившему до сих пор по европейской политической арене»<sup>12</sup>.

Ехать на очередной конгресс Священного союза в Верону Каннинг не считал нужным и послал туда «железного герцога» Веллингтона. Но действия этого убежденного консерватора были скованы жесткими инструкциями, запрещающими участие Англии в каких бы то ни было акциях союза.

После Венского конгресса больше не съезжалось столько монархов и знати, как в Вероне. Там собрались российский и австрийский императоры, прусский король и множество суверенов меньшего ранга. Вероне было отдано предпочтение перед Флоренцией по соображениям безопасности. Верона непосредственно входила в габсбургские владения, на ее полицию Меттерних полагался больше, чем на тосканскую.

Главным вопросом Веронского конгресса (20 октября — 14 декабря 1822 г.) оказался испанский. Ситуация в определенной мере напоминала Троппау.



Присоединившийся к «школе Меттерниха» царь опять был настроен воинственно, требовал интервенции: коллективной или же силами Франции. Причем он готов был предоставить французам любую помощь. Французский премьер-министр Виллель придерживался осторожного курса, но находившийся в Вероне министр иностранных дел герцог Монморанси вышел за пределы инструкций и в сущности принял на себя обязательство в духе идеи царя.

Что же касается Меттерниха, то он вновь вынужден лавировать, тянуть время. Любой вариант интервенции вызывал у него мало энтузиазма. Менее всего он хотел бы появления на Пиренейском полуострове российских войск. С другой стороны, если акция будет проведена французами, усилится Франция. Лучше всего было бы дождаться, когда испанские революционеры перегрызутся друг с другом; лучше дипломатическое давление, демонстрация силы, военные действия лишь в самом крайнем случае.

Сказывалось отсутствие Каслри. Прежде можно было полагаться на его скрытую, но серьезную помощь. Теперь Меттерних столкнулся с трудной дилеммой. Вооруженное вмешательство, помимо прочих неприятных последствий, грозило обострением отношений с Англией. Поддержка противоположного варианта могла подорвать дружбу с царем. Теперь, после кончины Каслри, Меттерних зависел от этого фактора гораздо больше, чем прежде.

Князь ищет утешения в салоне своей подруги Доротей Ливен. Та, можно сказать, безраздельно царит в Вероне, у нее практически нет соперниц, так как женщины, по словам самого Клеменса, были представлены там слабо. Доротея выражалась гораздо резче. Женский элемент на конгрессе она сочла не просто слабым, но даже варварским. Единственную достойную представительницу женского рода она видела в себе самой.

Тем не менее общая обстановка в Вероне напоминала Вену периода конгресса: ежедневные празднества и увеселения, концерты европейских знаменитостей, в том числе и Каталани. У склонного к аскетизму консервативного мыслителя Л. де Бональда Веронский конгресс вызывал ассоциации с греховным Вавилоном.

Встреча Клеменса с Доротеей в Италии отличалась от прежних идиллий. Ее восхищение «кучером Европы» несколько поуясло. Стоило им провести вместе довольно много времени, как началось отчуждение. К тому же ее женский триумф на конгрессе омрачался отношением к ней соотечественников. «Поскольку я провела десять лет в Англии, — жалуется она в письме брату Александру, — они смотрят на меня как на англичанку, а поскольку я ежедневно встречаюсь с князем Меттернихом, они считают меня австриячкой»<sup>13</sup>. Самовлюбленность Клеменса при непосредственном контакте вызывала у нее раздражение. Не могло не расстроить ее и то обстоятельство, что царь долгое время проводил с юной хорошенькой леди Лондондерри, женой Чарльза Стюарта, к которому перешел титул Каслри. Кстати, тот предпочел эту богатую молодую женщину герцогине Саган.

Стюарт сопровождал Веллингтона, одного из лучших британских друзей

Доротеи. Но на сей раз он должен был следовать инструкциям Каннинга, что послужило еще одной, в данном случае политической причиной огорчений посольши. Ее «лучший и прекраснейший друг» выступал против ее мужа, государя и любовника, а уже 30 ноября покинул Верону, не поставив своей подписи под документами конгресса<sup>14</sup>. Теперь в Англии вместо Каслри ей предстояло иметь дело с Каннингом, в котором она видела «опасного радикала» и даже «не вполне джентльмена»<sup>15</sup>. После радостной встречи с Клеменсом расставание было спокойным, если не сказать, холодным. Прощаясь в Вероне, они не могли предположить, что следующая их встреча произойдет только через четверть века.

Несмотря на искусное маневрирование, Меттерних уже не мог контролировать ход конгресса в такой степени, как в Лайбахе. На сей раз, кроме царя, ему приходилось сдерживать еще и французов. 19 ноября 1822 г. Австрия, Россия, Франция и Пруссия подписали протокол, в соответствии с которым обязывались действовать совместно в тех случаях, если правительство Испании объявит одной из сторон войну или спровоцирует ее. Ожидать таких действий со стороны испанцев было заведомо нереально. Фактически речь шла опять о возможности коллективной интервенции. Но не без стараний Меттерниха документ был составлен обтекаемо и неопределенно. Тем не менее он создавал атмосферу нервозности и напряженности. Именно в таких ситуациях открывалось больше возможностей для случайностей.

В испанском деле такой случайностью явилось вмешательство упоминавшегося уже французского писателя Р. Ф. де Шатобриана, подвизавшегося на дипломатическом поприще. Поддавшись давлению великосветских дам, поклонниц литературных талантов и мужских качеств Шатобриана, премьер-министр Франции Виллель послал его в Верону в надежде, что тот уравновесит опасные интервенционистские порывы герцога Монморанси. Виллель было известно об их взаимной ненависти, и к тому же, будучи послом в Лондоне, писатель вел себя довольно спокойно и обрел определенный профессиональный опыт.

В Вероне Шатобриан был тепло встречен царем, почитателем его литературного дарования. Это вызвало ревность и беспокойство у Меттерниха, который считал царя как бы своей безраздельной собственностью. Канцлер сразу же попытался скомпрометировать конкурента, выставить его опасным дилетантом и радикалом, прибывшим в Верону «с карманами, набитыми конституциями»<sup>16</sup>. Шатобриан, правда, отплатил Меттерниху той же монетой. Князь предстает в его изображении посредственностью, «без глубины видения, чей весь талант состоит в том, чтобы измелчить, свести к ничему все, к чему бы только он ни прикоснулся». «В молодости он был Лавласом, с возрастом превратился в Мазарини. Он старается соблазнить всякого, кто приближается к нему», — писал Шатобриан об австрийском канцлере. Доротею он назвал «отвратительным существом»<sup>17</sup>. Из всего окружения Меттерниха похвалы француза удостоился лишь Генц.

Вскоре царь охладел к писателю-дипломату, но причиной тому были не столько козни Меттерниха, сколько поведение самого Шатобриана, взявшего на себя роль вершителя судеб Европы. Замыслы Шатобриана раскрылись, как только он стал преемником Монморанси в качестве министра иностранных дел Франции. Виллель поздно осознал свою ошибку: Шатобриан успел запустить механизм интервенции. 7 апреля 1823 г. 100-тысячная армия под командованием герцога Ангулемского вторглась в Испанию.

Пятнадцать лет спустя Шатобриан похвалялся, что франко-испанская война была его личной войной. Без ложной скромности он писал в своих мемуарах: «Вершина моей политической деятельности — война в Испании. Она сыграла в моей политической карьере такую же роль, какую «Гений христианства» — в карьере литературной. Судьбе было угодно препоручить мне этот подвиг... Судьба отлучила меня от мечтаний и обратила к делам. Она заставила меня играть против князя Меттерниха и господина Каннинга — двух славнейших министров той поры: я обыграл их»<sup>18</sup>.

В этих словах француза, несомненно, была доля истины. Но «великий оппортунист» и в этом случае сумел приноровиться к обстоятельствам и тоже претендовал на лавры победителя. Акция Франции должна была выглядеть прежде всего как исполнение воли Священного союза: «Вена теперь на Эбро. Прогресс французских военных операций производит здесь такое впечатление, как будто бы это были победы австрийской армии»<sup>19</sup>. Негодование Каннинга еще больше побуждало канцлера считать французскую интервенцию своим кровным делом. Тем более что она была для него меньшим злом по сравнению с российской, к чему склонялся царь.

Крайне возмущенный Каннинг через неделю после вторжения произнес в палате общин блестящую речь. Чтобы придать еще большую убедительность своим словам, он выложил на стол целый фолиант дипломатических документов, в том числе засекреченных. Этот эффектный жест возмутил не только Меттерниха и Шатобриана, но и коллегу Каннинга по кабинету Веллингтона, расценивших такой шаг как вульгарную попытку привлечь симпатии радикалов.

Меттерних торжествует, «краснобай» Каннинг посрамлен. Франция, утверждал князь, действует в Испании в соответствии с принципами Священного союза, «идея же нейтралитета (на чем настаивал Каннинг. — П. Р.) несовместима с нашей политической системой»<sup>20</sup>. Канцлер сумел в очередной раз повернуть в свою пользу ситуацию, вышедшую было из-под его контроля. Конгресс в Вероне был последним конгрессом Священного союза и последним крупным (хотя и неполным) успехом Меттерниха. Правда, успехом тактическим, недолговечным. А победа над Каннингом стала поистине пирровой, так как надломилась ось европейской политики Австрии — австро-английское согласие. Вскоре Меттерниху предстояло осознать подлинный масштаб и необратимость случившегося.

Кончина Каслри еще более повысила для канцлера ценность доверительных отношений с Александром I. По привычке Клеменс склонен преувеличивать степень согласия с российским императором. «Между царем и мною, — восторгается он в письме к Доротее вскоре после Вероны, — нет никаких спорных вопросов, и это всегда счастье»<sup>21</sup>. В то же время, как опытный политик, он не мог не ощущать зыбкости австро-российской идиллии. «Единство, которое я сумел создать между царем и нами, — признавался Меттерних Элеоноре весной 1823 г. — граничит с чудом. Как только я подумаю, из каких совершенно противоположных пунктов нам пришлось отправляться, чтобы прийти к единению, я нередко пытаюсь проверить, не снится ли мне это»<sup>22</sup>.

Ради закрепления успеха Меттерних готов забыть об излюбленной пятичленной формуле европейского равновесия — пентархии. Он предлагает царю основать центральный комитет северных держав, т. е. трех абсолютистских монархий: австрийской, российской и прусской. Подразумевалась не военно-политическая, а информационная и наблюдательная структура. Но именно «солидарность трех северных дворов» мыслилась как главная опора порядка и стабильности в Европе<sup>23</sup>. У Александра I Меттерних нашел полную поддержку. По пути из Вероны в Россию царь писал канцлеру: «Союз находится в полной своей силе. Никогда еще единение трех монархов, лежащее в его основании, не было более тесным. Оно окрепло еще более во время последнего свидания»<sup>24</sup>.

Осью «союза трех», бесспорно, были отношения между Австрией и Россией, и Меттерних не упускал случая придавать им новые импульсы. При этом особая ставка делалась на личные отношения с царем. Этой цели служила намеченная на осень встреча между Александром I и Францем I в Черновице (Черновцы). Канцлер возлагал на нее большие надежды. Его продолжает мучить кошмар революции, особенно тревожит Франция. Эта страна напоминает ему корабль с плохо укомплектованным экипажем, который борется со штормом в открытом море. «Там был единственный человек, который знал толк в деле удушения революций. И этим человеком был Бонапарт»<sup>25</sup>, — писал Клеменс Доротее, опять ностальгически сожалел о поверженном императоре французов.

Охранительный лейтмотив и должен был звучать на встрече двух императоров. Конкретная повестка дня не имела с точки зрения канцлера существенного значения. Главное — поддержать атмосферу доверия и дружбы, укрепить склонный к переменам дух царя.

Естественно, режиссером и главным действующим лицом в Черновице должен был стать сам Меттерних. Однако ему не было суждено доехать до места встречи. В Лемберге (Львов) его свалила тяжелейшая простуда. Физическое недомогание усугублялось, по его словам, моральными терзаниями. Как Александр I и особенно привыкший все передоверять своему канцлеру Франц I

обойдутся без него? «Единственный деловой человек... прикован к постели в Лемберге; два императора с глазу на глаз в Черновице. Какой результат из двух возможных: или немедленная война между Россией и Портой, или немедленный мир?»<sup>26</sup> — мучается больной Клеменс.

Опасения оказались напрасны. Плоды его общения с царем сказались в Черновице. Да и от Франца I веяло столь сильным консервативным духом, что трудно было устоять. Александр I согласился на возобновление дипломатических отношений с Портой, которая не без давления австрийцев пошла на некоторые уступки в Дунайских княжествах и на Босфоре. Поэтому у канцлера были все основания восхвалять умеренность царя, в очередной раз отказавшегося от вооруженного вмешательства в греческие дела: «Триумф умеренности российского императора полный; в то же время это и наш триумф, достигнутый благодаря постоянству наших принципов»<sup>27</sup>, — подвел он итог свидания двух императоров в инструкции австрийскому посланнику в Константинополе (16 октября 1823 г.).

Вернувшись в Вену, Клеменс пишет Доротее: «Истинное счастье для меня в том, что мое выздоровление, кажется, совпадает с подобным процессом в Европе»<sup>28</sup>. «Триумф» в Черновице — это удар по «партиям переворота» разных цветов и оттенков. Меттерниху приятно, что его состояние здоровья стало фактором европейской жизни. Слухи о его болезни привели к понижению курса ценных бумаг, а вести об его выздоровлении — к их росту.

Во время болезни мужа встревоженная Элеонора заказывала молебен. Но она гораздо больше нуждалась в этом сама. Началась пора ее угасания. Болезнь легких быстро прогрессировала. Жене князя предстояло разделить участь большинства рожденных ею детей. Жизнь в любимом Париже продлила ее век, но болезнь была неизлечимой. Врачи рекомендовали ей ехать на юг, но у нее уже не было для этого сил.

Клеменс же не торопится в Париж, хотя его приезд был бы для жены праздником. Конечно, он загружен делами. Но главная причина — его природный эгоизм. Зачем омрачать и без того нелегкую жизнь лицемерием мучений жены. Он шлет ей из Вены душещипательные письма о своем одиночестве и затворничестве. По-видимому, он переборщил. Невзирая на болезнь, Элеонора готова отправиться к мужу. Такая перспектива его совсем не привлекала. Он постарался успокоить жену.

В сущности, он жил в свое удовольствие. Домашними делами заправляла его кузина по материнской линии красавица графиня Флора Врбна. Князь активно посещал балы и приемы, сам устраивал их. У него в салоне регулярно собиралось до 300–400 человек. Сам Клеменс, подобно султану, восседал на ставшем знаменитом канале. По обе стороны от него очаровательные женщины. Постоянное место рядом с ним у графини Врбна.

Продолжается интенсивная переписка с Доротеей. Для Меттерниха она превратилась в чисто политическое дело, но у графини Ливен политика все еще переплетена с любовью. В ноябре 1823 г. она ездила по Италии и очень надея-

лась встретиться там с Клеменсом, но тот не откликнулся на ее призывы. Не повлияли на него ее кокетливые описания того, как она похорошела под благотворным солнцем Италии. Она появляется в Париже у Элеоноры и просит ее присматривать за своим сыном Павлом. Доброта у Элеоноры берет верх над возмущением, и Павел Ливен проводит дни в семействе Меттерниха. Там же и Клементина Багратион. Матери не до нее.

Утратив интерес к Доротее как любовнице, Клеменс хотел бы сохранить ее в качестве полезного политического агента. Тем более она активно участвует в настоящей войне против ненавистного Каннинга. Но вряд ли стоит объяснять ее воинственность исключительно заботой об интересах любовника. Доротея уже настолько втянулась в политическую жизнь Англии, что далеко вышла за рамки своего дипломатического статуса. Она ощущала себя органичной частицей лагеря ультратори во главе с Веллингтоном. В письме брату она называла Каннинга «якобинским министром».

В марте 1823 г. он признал оставших греков воюющей стороной. На его стороне симпатии британского общественного мнения, но и влиятельных противников у Каннинга тоже было предостаточно. Доротея перечисляла Меттерниху список тех, кто заинтересован в свержении самостоятельного и популярного государственного деятеля: «Король, наследник престола, все министры и их сторонники, те, кто фактически составляет большинство обеих палат парламента»<sup>29</sup>. О сторонниках Каннинга графиня отзывалась с откровенным презрением. Самого министра она уподобляла слепцу, устремившемуся в ловушку. По ее твердому убеждению, Каннингу не устоять. Усилия его противников увенчаются успехом. Подобно своему любовнику, Доротея изображала обстановку в чересчур оптимистических тонах, недооценивая силу позиций Каннинга и масштаб его личности.

Правда, в июле 1823 г. Меттерних вынужден признать, что герцог Веллингтон проиграл Каннингу. «Поддержанный лордом Ливерпулем, чьим сознанием ему удалось завладеть, — писал Меттерних Шатобриану, — Каннинг не падет»<sup>30</sup>. Но канцлер еще не избавился от иллюзий; он верит в свой талант обольстителя, в воспитательное воздействие дипломатии конгрессов. «Взгляды Каннинга должны быть изменены, — полагает Меттерних. — Из него следует сделать хорошего европейца»<sup>31</sup>. Для этого необходимо, чтобы он прошел школу конгрессов, научился вести дружескую дискуссию. Но есть и серьезное препятствие: Каннинг «лишен чести и рожден плебеом»<sup>32</sup>. Впрочем, о Шатобриане Меттерних ничуть не более высокого мнения, чем о Каннинге. Оба они, как пишет он Доротее, превращают политику в корриду. Своим противникам он отводит роль быка, тупо бросающегося на красную тряпку<sup>33</sup>. Его раздражали элементы непредсказуемости и того и у другого. Ему ненавистно все «неожиданное и фальшивое». Подводя итоги 1824 г., Меттерних беспелляционно утверждает: «Путь, которым я иду, абсолютно прямой и единственно позитивный»<sup>34</sup>. В Петербурге, Лондоне, Париже либо не знают, что делать, либо знают, но не могут.

Все же сквозь самоуверенные тирады и самовосхваления у него прорывается чувство тревоги: «Я нахожусь посреди хаоса, подобно человеку, который при приближении потопа ради спасения остается на острове. Я остаюсь на моем месте, потоп меня еще не поглотил, а я жду, подойдет ли он ко мне ближе или отступит». «Никто не желает меня понять; иногда даже требуют, чтобы я покинул мою позицию, но я не отступаю, а продолжаю свое дело: укладываю камень за камнем, чтобы подняться как можно выше»<sup>35</sup>, — вещает Клеменс, принимая модную позу одинокого, чуть ли не романтического героя.

В конце 1824 г. положение со здоровьем Элеоноры становится критическим. С ней все время сын Виктор, самоотверженно ухаживает за ней невестка и подруга Талейрана герцогиня Дино, младшая сестра Вильгельмины Саган. В это время Меттерних философствует в письме к... Доротее о двух натурах своего существа и провозглашает, что никакие физические и моральные страдания не могут помешать ему исполнять долг на государственной службе. Кроткая же Элеонора плохо повинующимися пальцами пишет мужу слова благодарности. Она считает, что жизнь ее, за исключением тяжелых потерь, т. е. преждевременной смерти большинства детей, «всегда была счастливой. Это благодаря тебе, мой добрый рыцарственный муж»<sup>36</sup>.

Австрийский посол в Париже Винцент сообщил канцлеру, что дело идет к концу. Доротея Ливен, со слов сына, тоже писала ему, что Элеонора очень плохо. Она советовала ему заехать из Парижа в Лондон, чтобы попытаться наладить отношения с набравшим силу Каннингом. Наконец Клеменс выбрался в Париж и 14 марта 1825 г. прибыл во французскую столицу.

Радость от встречи с мужем взбодрила Элеонору, в ее состоянии наступило кратковременное улучшение. Но тут же последовал резкий спад; только ценой крайнего напряжения она смогла подписать завещательный документ. Сидеть у ложа умирающей жены — не дело для Клеменса, а тем более если это в Париже.

Здесь его ожидал теплый прием со стороны нового короля, Карла X, и его ультрароялистского окружения. Их помыслы были заняты, в частности, тем, как избавиться от конституции, которую в свое время под давлением царя принял Людовик XVIII. В дни угасания Элеоноры он подолгу беседовал с королем и с премьер-министром Виллелем. С гордостью он сообщает в письме от 17 марта своему кайзеру о двухчасовом разговоре с Карлом X. «Король принял меня как старого друга, — не преминул заметить Меттерних. — Я находился в ужасном состоянии как человек, но в великолепнейшем как государственный деятель»<sup>37</sup>. Канцлеру был пожалован королем орден Святого Духа.

Элеоноры не стало 19 марта. «Ее конец был таков, как и ее жизнь, — melancholически констатировал муж, — ...если чью-то душу можно встретить на небе, так это, пожалуй, ее»<sup>38</sup>. Печаль Меттерниха была искренней, но недолгой. Страстных чувств по отношению к жене он никогда не испытывал, но она прочно вошла в его жизнь. Их связывали 30 лет супружества. Имея надежную и приятную семейную гавань, он вместе с тем пользовался практически полной свободой. Все это как нельзя лучше соответствовало его характеру и склонно-

стям. Поскольку последние годы они большей частью жили врозь, он не ощутил какой-то невосполнимой потери.

Сразу же после похорон канцлер с головой ушел в политическую и, что почти то же самое, светскую жизнь Парижа. Через шесть дней после похорон он вместе с прежней пассией, княгиней Багратион, побывал на концерте знаменитой итальянской певицы Пасты. Он был желанным гостем при дворе и в самых изысканных салонах. В нем еще видели «кучера Европы», пусть не столь уверенно, как прежде, правившего каретой, но еще не отпустившего вожжи. Конечно, он не мог знать, что это был его последний визит во французскую столицу, но все же казалось, что Клеменс хочет насытиться Парижем впрок.

«Ход событий отвел мне особое место в европейском обществе, — пишет он матери из Парижа, — и я здесь это хорошо понял»<sup>39</sup>. Он не удержался от того, чтобы не похвалиться, что стал всего лишь третьим из всех иностранцев, приглашенный на королевский обед в интимном дружеском кругу. Давно он не испытывал такого духовного комфорта, как в салонах, где его собеседниками были Бональд, Ривьер, Монморанси: «Мы анализируем достоинства общественных устройств, обсуждаем современную историю, и это мои единственные счастливые часы»<sup>40</sup>. Характерно его сближение с ведущим идеологом легитимизма, ультраконсерватором Л. де Бональдом. «Я очень часто вижу с Бональдом. Он произвел на меня хорошее впечатление и он гораздо практичнее, чем я полагал»<sup>41</sup>, — пишет Меттерних Доротее Ливен. Конечно, и по отношению к де Бональду он подчеркивает свое превосходство, но с удовольствием цитирует высказывание француза: «Глупцы — а они составляют большинство в обществе, — склонны отыскивать трудности в хорошем и удобство в дурном». По мнению австрийского канцлера, это как нельзя лучше подходит к поведению английского кабинета: «В Союзе (т. е. в Священном союзе. — П. Р.) все находят трудным, а в отношениях с либералами, напротив, легким»<sup>42</sup>.

Трудно сказать, в какой мере канцлер был знаком с трудами консервативно-го мыслителя, но из многочисленных его суждений вырисовывается поразительное сходство их фундаментальных позиций. Если с де Местром Меттерниха роднила идея эквilibра, то с де Бональдом — авторитета. Французский ультраконсерватор отстаивал незыблемость авторитета. Любая реформа, любое изменение представлялись ему покушением на абсолютный характер авторитета. Стоит хоть чуть-чуть отступить от этого принципа, и все кончится крахом. Маленькая трещина быстро превращается в брешь, которую уже не закрыть. На таком же принципе, в сущности, базировалась и «система» Меттерниха. В реформах он также видел не столько спасительную, сколько разрушительную силу.

Между тем в Англии Доротее продолжает войну против Каннинга. В то же время она успевает в феврале 1825 г. родить пятого сына — Артура, названного так в честь крестного отца, герцога Веллингтона. Естественно, ее внимание поглощено вестями из Парижа. Несмотря на то что Доротее все еще не оправилась от трудных родов, она, узнав о кончине Элеоноры, готова немедленно



прийти на помощь Клеменсу: «Как ваши бедные дети! Виктор, должно быть, в ужасном состоянии. Она так любила его. Правда, он уже в таком возрасте, когда материнская нежность — дело приятное, но оно уже не является необходимостью. Но каково вашим бедным маленьким девочкам!.. Как нежно я бы забочилась о них! Дети мадам Меттерних всегда были бы дороги мне»<sup>43</sup>. Доротея стремится предстать в качестве исполнительницы последней воли Элеоноры: «Я обещала это в моем последнем письме ей... Могу ли я забыть все то, что она сделала для моего сына»<sup>44</sup>.

Через три дня, 25 марта 1825 г., Доротея отправляет другое, уже политическое, письмо Клеменсу. В нем излагается план Веллингтона: Меттерних приезжает в Англию, в Брайтон, где встречается с герцогом и, конечно же, с графиней Ливен. Оттуда они едут в Виндзор, минуя Лондон, чтобы встретиться с королем Георгом IV. Но Меттерних еще 17 марта дал знать Францу I, что английский король надеется на его приезд в Лондон с целью заняться разумлением Каннинга. «Его величество полагает, — с удовольствием писал канцлер своему суверену, — что для меня не составит труда за пару дней справиться с моральным воспитанием Каннинга»<sup>45</sup>.

Когда же вместо поездки в Лондон Меттерниху предложили, можно сказать, полуконспиративный вариант визита, он отказался, сочтя его, видимо, не очень подобающим для себя. Да и после парижских триумфов ему не захотелось трепать нервы в Англии.

В начале апреля Доротея все же не теряет надежды на встречу с Клеменсом. Она пишет ему из Брайтона: «Я здесь уже целую неделюзираю на французское побережье. За десять часов я могла бы пересечь расстояние между берегами. Еще десять часов потребуется для того, чтобы очутиться в Париже»<sup>46</sup>. По его первому зову она готова отправиться в путь. Но от Клеменса сигнала не последовало.

У Каннинга были все основания препятствовать приезду австрийского канцлера в Англию. В нем британский министр видел главную силу заговора, имевшего целью свергнуть его и попытаться приблизить политику Англии к линии Священного союза. Для Каннинга Меттерних «величайший мошенник и лжец на континенте, а возможно, и во всем цивилизованном мире»<sup>47</sup>. Одним из главных действующих лиц заговора была Доротея Ливен, а ей, по указанию Меттерниха, помогали австрийский посол князь П. Эстерхази и секретарь посольства Ф. Нойман. Им сочувствовал и король Георг IV, тяготившийся ненавистным министром, но опасавшийся выступить против него открыто.

Разгневанный Каннинг пускает в ход самое мощное оружие — угрозу отставки. Палата общин на стороне министра. Он популярен в стране. В результате король дрогнул и вновь уступил «великому парламентариям». После этого поражения Ливен теряет позиции в Лондоне, а тем самым и политическую ценность для любовника.

Почувствовав, что сила на стороне Каннинга, Доротея начинает дрейфовать по направлению к нему. Сказалось присущее ей свойство, отмеченное ее буду-

щим другом Талейраном: будучи довольно непостоянной в своих политических привязанностях, она отличалась способностью почти всегда находиться в лучших отношениях с теми министрами, которые были у власти, нежели с теми, кто ее утратил. Да и «наилучший друг» графини герцог Веллингтон тоже невысоко оценивал морально-политическую устойчивость своей приятельницы и союзницы: «Она может предать и предаст кого угодно, если это потребуется для реализации ее планов»<sup>48</sup>.

Дрейф Доротеи Ливен в сторону Каннинга был ускорен разочарованием в Меттернихе, а в еще большей степени наметившимися изменениями во внешнеполитическом курсе России. Но все-таки она не торопится сжигать мосты в своих отношениях с австрийским канцлером. В письме от 18 мая она излагает Меттерниху собственную версию того, как стали завязываться ее контакты с заклятым врагом: «М-р Каннинг начинает говорить мне сладкие речи... Он думает, что может завоевать мое сердце за какие-нибудь пять дней»<sup>49</sup>.

В этом же письме Доротея сообщает Меттерниху еще одну, пожалуй, даже более важную новость. 24 мая она отправляется в долгий путь до российской столицы. Графиня обещает написать князю из Франкфурта, затем из Берлина. Тем самым она указывает ему пункты, где они могли бы встретиться. Возможны и другие варианты, если он отреагирует достаточно быстро. Особенно многозначительна ее фраза о том, что в августе письма князя найдут ее уже в Санкт-Петербурге. Сам вызов посольши в столицу должен был насторожить канцлера, но бдительность его явно притупилась; он не придал должного значения начавшейся политической метаморфозе своей подруги и, что гораздо более важно, надвигающейся дипломатической революции в Европе.

### III

**П**олитическая дуэль между Меттернихом и Каннингом находилась в центре внимания европейского общественного мнения. Но их антагонизм был не только политическим. Столкнулись не только разные типы политики и политиков. Были также существенные личностные различия. Бросались в глаза расхождения в системах ценностей. Охранительному, нацеленному на статическое равновесие курсу корифея кабинетной, династической дипломатии выдающийся парламентский политик противопоставил динамику, напор, апелляции к общественному мнению, последовательную поддержку торгово-промышленных интересов страны. Порой одним ударом Каннинг разрубал сложнейшие хитросплетения меттерниховской дипломатии, обесценивал тонкую вязь его интриг.

Не удивительно, что Меттерних, привыкший терпеливо плести паутину интриг, сравнивал Каннинга с быком, называл его флибустьером. Столкнувшись с политиком непривычного, нового типа, самоуверенный, преисполненный чувства превосходства князь не смог адекватно его оценить. Каннинг, по

его мнению, может считаться государственным деятелем не более, чем прославленный своей глупостью княжеский камердинер Жиру. Вместе с тем у Меттерниха были все основания видеть в Каннинге главного врага Священного союза. «Моральная сущность союза, — подчеркивал канцлер, — покоится на основах принципа сохранения всех законно существующих вещей»<sup>50</sup>. Отсюда, по его логике, следует, что нападать на принципы союза значит нападать на общество в целом. При Каннинге «путь Англии — это путь отказа от союза»<sup>51</sup>.

По убеждению Меттерниха, у Каннинга нет стратегии; его политика строится на сиюминутных соображениях, на вульгарных экономических интересах. Для него британский министр — человек, внесший в мир политики принципы биржи. Он сравнивает своего противника со спекулянтами, стремящимися сорвать сегодняшний куш, не думая о завтрашнем дне. В этих суждениях князя отражается принципиальная слабость любой преимущественно охранительной политики. В ней стратегия и тактика сливаются воедино, так как сохранение сегодняшнего положения вещей рассматривается как залог того же самого в будущем.

Взгляды Каннинга и его политическая практика не поддаются однозначной оценке. Один из его ранних биографов говорил, что по отношению к лордам он был вигом, а по отношению к простому люду — тори. Каннинг выступал за свободу торговли, за отмену рабства, за эмансипацию католиков, за расширение прав ирландцев, но был противником парламентской реформы. Ключ к пониманию его позиций дает его же собственное высказывание: «Берк — руководство для моей политики»<sup>52</sup>.

Что же касается Берка, то одна из главных его практических идей — превентивные, заблаговременно предупреждающие революционные потрясения реформы. Следовательно, британский министр иностранных дел был консерватором, но консерватором реформистского толка, имеющим много точек соприкосновения с либералами. Недаром в Англии на наследие Берка претендовали и те и другие. Вообще британский умеренный консерватор на континенте вполне мог сойти за либерала. Сам Каннинг иногда позволял себе слегка пофилософствовать на политические темы. Ему был чужд как дух «элементарной демократии», так и дух «элементарного деспотизма». В отличие от деятелей Священного союза он отвергал мысль о том, что миром можно управлять на основе неких универсальных принципов, кто бы их не навязывал, будь то Меттерних или якобинцы и карбонарии.

Если у Меттерниха понятие «средний класс» вызывало нечто вроде аллергии, то Каннинг считал, что именно «средний класс», располагающийся между крайними элементами демократии и аристократии, является наиболее стабильным элементом в стране, даже «наиболее ценной частью населения»<sup>53</sup>. Это не значит, что он был глашатаем интересов среднего класса. Таковой еще только формировался. Каннинг предвидел его дальнейшее усиление и способствовал этому. Внешняя политика Каннинга была направлена, в частности, на обеспечение благоприятных условий для британских предпринимателей и

коммерсантов. Кстати, и Берк во многом разделял экономические воззрения одного из основоположников либерализма А. Смита.

Хотя Каннинг был на три года старше Меттерниха, но он противостоял ему как представитель нового, либерализирующегося и национализирующегося мира, для которого аристократические ценности становились анахронизмом. И внешняя политика Каннинга была не европейской, в стиле аристократического интернационализма, каковой ее стремился сделать Каслри, а собственно английской.

Первый серьезный удар Каннинг нанес Меттерниху в... Южной или, как тогда чаще говорили, Испанской Америке. Поскольку Испания не могла справиться своими силами с восставшими против ее владычества народами, король Фердинанд VII готов был предоставить дело усмирения колоний Священному союзу, а точнее говоря, Франции. За это он даже соглашался поступиться своими правами на владения. И Меттерних ради того, чтобы подавить южноамериканских бунтовщиков, был готов смириться с усилением Франции.

Но на пути этих планов встал Каннинг, пригрозивший пустить в ход могущественный британский флот. Был сорван и замысел Меттерниха о созыве специального конгресса, который бы занялся решением судеб южноамериканских колоний. Канцлеру не удалось воспользоваться своим излюбленным средством — дипломатией конгрессов. Каннинг похоронил идею Меттерниха, решительно заявив, что Англия не намерена присутствовать на таком конгрессе. Точно так же оказалась мертворожденной еще одна инициатива — созыва европейского конгресса по южноамериканским делам. В 1825 г. Англия признала завоевавшие независимость государства Южной Америки.

Политику Каннинга с подозрением воспринимали его коллеги-тори, но зато он заручился поддержкой вигов. Союзником министра иностранных дел был и глава кабинета лорд Ливерпуль. Они поставили короля перед угрозой отставки, и тот, как всегда, капитулировал, согласившись на признание. «Король... фаворитка и вся компания начинают трепетать перед Каннингом», — отмечает Доротея Ливен в письме к Меттерниху. «Итак, унижены они, а не он; и это конец великой драмы»<sup>54</sup>, — заключает она.

При всей болезненности этого удара его в какой-то мере смягчало то обстоятельство, что нанесен он был где-то далеко, на другом континенте. Провозглашенная почти в это же самое время США доктрина Монро отвергала какую-либо возможность интервенции европейских держав в Новом Свете, что также выглядело вызовом Священному союзу.

Между тем Каннинг готовил гораздо более тяжелый удар непосредственно по «системе» австрийского канцлера, и прежде всего по Священному союзу, столпами которого были российский император и австрийский канцлер. В этом и состояла идея настоящей «дипломатической революции»: сближение с Россией по греческому вопросу. Британский министр не был филэллин, поборником греческого дела, но и не мог, учитывая общественное мнение Англии, безучастно взирать на то, как турки расправляются с греками. Фактиче-

ски он убивал двух зайцев: ублажал общественное мнение и подрывал устои Священного союза. Греческий вопрос — это почва, на которой можно найти общий язык с Россией.

Постепенно меняется и позиция царя. Его стало тяготить пребывание в «школе Меттерниха». Он не мог не ощущать разлада между своей политикой и настроениями в русском обществе. И Александр I решил использовать для содействия столь популярным в Европе и, особенно, в России греческим повстанцам механизм и процедуры Священного союза. С этой целью он вознамерился провести в Санкт-Петербурге специальную конференцию, чтобы договориться о коллективном вмешательстве в пользу греков. По мысли царя, интервенция в Греции могла бы основываться на тех же принципах, на каких австрийцы действовали в Неаполе и Пьемонте, а французы в Испании. Однако Меттерних стал убеждать царя, что события в Италии и Испании не могут служить образцом для решения по греческому вопросу, так как там революции подавлялись, а здесь предполагалось оказать помощь мятежникам. Австрийский канцлер прилагал все усилия, чтобы похоронить идею царя, но при этом не испортил с ним отношений.

На сей раз последнее ему не удалось. Отношения между Россией и Австрией существенно ухудшились. Будучи в марте 1825 г. в Париже, Меттерних склонил на свою сторону французов, которые тоже не выражали желания предоставить России право на вооруженное вмешательство в пользу Греции. Александр I был настолько разгневан этим, что не выразил Меттерниху соболезнования по поводу смерти жены<sup>55</sup>.

Кроме серьезных объективных противоречий по «восточному вопросу» австро-российские отношения были обострены совершенно недипломатичным поведением Меттерниха во французской столице. Прием, оказанный ему королем, атмосфера парижских салонов так повлияли на него, что он порой терял контроль над потоком собственной речи. Его, как это бывало в молодости, стало «заносить».

Он похвалялся тем, что царь будто бы полностью находится под его влиянием, что решение «восточного вопроса» в его, Меттерниха, руках. Вообще он перевоспитал российского самодержца: «Я нашел императора якобинцем, я сделал из него ультра; теперь остается только сделать из него тирана»<sup>56</sup>. Злейший враг Меттерниха российский посол Поццо ди Борго поспешил оповестить царя об этих, как говорили французы, «гасконадах» (гасконцы, как известно, славились не только храбростью, но и хвастливостью) князя. Естественно, Поццо ди Борго постарался придать высказываниям Меттерниха еще более оскорбительную для Александра I редакцию. Сами по себе выходки Меттерниха вряд ли подвигли бы царя на крутой поворот во внешней политике. Однако нельзя не учитывать, что в кабинетной дипломатии фактор личностных отношений исключительно весом.

Главным было то обстоятельство, что Австрия и Франция фактически отвергли российский план помощи грекам, сорвав проведение специальной

конференции по этому вопросу в Санкт-Петербурге. Гнев царя обращается преимущественно против Австрии, а точнее говоря, против Меттерниха. Тогда же у Александра I и зарождается идея сближения с Англией, хотя Каннинг казался ему ужасным радикалом и пусть по иным соображениям, чем Меттерних, но тоже выступал против прогреческих планов царя.

Так, с высокой степенью синхронности, начинается движение двух самых могущественных великих держав навстречу друг другу. Появляются первые трудноуловимые признаки грядущей «дипломатической революции». Немаловажную роль в ней предстояло сыграть российской посольше Доротее Ливен. Конечно, эта роль была не так велика, как хотела бы изобразить сама Доротея, тем не менее ее можно оценить как серьезную роль второго плана.

Представление о ней дает так называемый «Дневник» Ливен. Как убедительно доказано британским историком Г. Темперли, уместнее было бы говорить о мемуарах, написанных некоторое время спустя, чем о повседневных записях. Надо признать, что Доротея достаточно искусно подает свое личное участие в событии общеевропейского масштаба. Ее ссылки на скромность собственной роли главным образом призваны придать большую достоверность ее версии случившегося.

Она понимала двусмысленность своего положения в качестве российской посольши и одновременно любовницы австрийского канцлера. Она охотно связала бы с ним свою судьбу, но была обижена его охлаждением к ней. В те дни, когда происходил поворот во внешней политике России, она еще не утратила надежды на «реставрацию» своих отношений с Клеменсом.

Уже тот факт, что именно Доротее, а не ее мужа вызвали в Петербург, говорит о многом. Нессельроде хорошо знал о ее истинной роли в российском посольстве, ценил ее ум, политические способности, ее связи в Англии. Возможно, учитывались контакты, которые стали завязываться у нее с Каннингом. Поездка в Россию вызывала у Доротее двоякие чувства. С одной стороны, ей, безусловно, хотелось повидаться с родными и близкими: двенадцать лет она не была на родине. Но, с другой стороны, она испытывала и некоторый страх, какую-то неуверенность. Она признавалась, что поездка в Россию для нее почти то же самое, что и путешествие на Луну<sup>57</sup>.

Дома ее ждал теплый прием в Павловске, у императрицы-матери, чьей воспитанницей она считалась. Затем встреча с Александром I в Царском селе. По описанию Доротее разговор носил сугубо деловой характер и свелся, в сущности, к вопросам (царя) и ответам (ее). Она старалась сохранять сдержанность и беспристрастность: «Я показала, что не являюсь ни ультра, ни либералкой, что я ни за, ни против Каннинга»<sup>58</sup>. Когда же речь зашла о «гасконадах» Меттерниха, Доротея засвидетельствовала их. Рассталась она с царем после полтора часового разговора наедине. Свое впечатление о ней царь высказал ее брату А. Х. Бенкендорфу: «Ваша сестра уехала молодой женщиной, а теперь я увидел в ней политика»<sup>59</sup>.

Следующим собеседником посольши был Нессельроде. Ему она изложила

свой разговор с царем. Как замечает Доротея, этот страшно робевший перед государем министр поразился смелости, с какой она беседовала с царем. Сказывались двенадцать лет, проведенных в Англии, где она была накоротке с королем и ведущими государственными деятелями. Вообще она уже привыкла к совершенно иному, западно-европейскому стилю жизни. Удивление Нессельроде в известной мере помогает понять, почему ей так и не удастся адаптироваться к российской действительности и почему она предпочтет жить за границей.

Пока же в течение августа 1825 г. Доротея еще дважды встречалась с царем, специально приезжавшим в Павловск. В их беседах, конечно, всплывала тема Меттерниха. «Император, — по слова Ливен, — знал, что я состояла в переписке с ним и мог предположить, что мне кое-что известно о его сокровенных взглядах, следовательно, он был заинтересован много говорить со мною о нем»<sup>60</sup>.

Выразив свое недовольство Меттернихом и недоверие к нему, царь перешел к главному, к тому, ради чего и была вызвана в Россию посольща. Он спросил ее, не является ли Каннинг якобинцем? Ответ последовал незамедлительно: «Простите меня, сир! Каннинг — не якобинец. Характерная черта его сегодняшней политики — это вражда к князю Меттерниху, и он имеет на это определенный резон»<sup>61</sup>. Далее царь избегал лобовых вопросов насчет Каннинга, но у него нашлось множество иных.

Доротея прекрасно понимает, что Александр I намерен воспользоваться благоприятной ситуацией, возникшей в результате соперничества между Меттернихом и Каннингом. Наконец, наступил кульминационный момент. С кокетливой ноткой удивления Доротея пишет: царь «пришел к странному решению доверить мне интересы новой политической комбинации для России»<sup>62</sup>.

Весьма тонко, без нажима она подводит к мысли о том, что как раз ее беседы с царем разрешили сомнения, мучившие Александра I, подвигли его на крутой поворот в российской политике. На самом же деле император принял решение несколько раньше. Уже 18 августа российским дипломатическим представительствам в Вене, Париже и Берлине был разослан циркуляр, ориентированный на разрыв с Меттернихом. Это была реакция на срыв Санкт-Петербургской конференции. Г. Темперли подчеркивал то обстоятельство, что аналогичный циркуляр не был отправлен в Лондон. В этом не было смысла, учитывая ту миссию, которую поручили выполнить российской посольше в Англии.

Ливен собиралась отправиться в Англию 31 августа. Утром 30 августа ей доставили спешное послание Нессельроде, сообщавшего, что на следующее утро ему необходимо встретиться с ней по приказу царя. При встрече министр изложил посольше мысли Александра I. Раздосадованный срывом конференции в Санкт-Петербурге, царь пришел к окончательному выводу, что линия, навязываемая Меттернихом, грозит России опасными последствиями. Действия турок вызывали всеобщее возмущение. Русские не могут оставаться безучастными к страданиям греков. Народ требует войны, армия полна стремления ее ве-

сти. Едва ли удастся сколько-нибудь долго сдерживать такие настроения. Царь чувствует себя одиноким, покинутым союзниками, которые к тому же интриговали против него. Остается только один выход — попытаться прийти к согласию с англичанами. В случае успеха можно было бы контролировать ход событий и установить на Востоке «порядок вещей, сообразующийся с интересами Европы»<sup>63</sup>.

Но России, прежде всего по соображениям достоинства, трудно сделать первый шаг. Необходимо дать понять британскому кабинету, что в случае, если он предпримет такой шаг, Россия его не оттолкнет. И министр, и царь были убеждены, что со столь сложной задачей сумеет справиться именно посольша. «Император, — сказал ей Нессельроде, — видит в вас уникальную возможность и ваше присутствие здесь для него подобно дару свыше»<sup>64</sup>. Императорское поручение было окутано завесой секретности. Министр говорил приглушенным тоном. Когда Ливен все же попросила письменные инструкции, после некоторого колебания Нессельроде написал одну фразу: «Доверяйте всему, что скажет вам предьявитель сего»<sup>65</sup>.

Доротея оказалась в весьма щекотливом положении относительно Клеменса. Фактически она обязывалась помочь подрывать основы его «системы». Но в конце концов ей не было надобности оправдываться: она выполняла долг перед своей страной. И все же ее не покидало чувство некоторой неловкости. Чего, к примеру, стоит такой пассаж из ее «Дневника»: «При всех обстоятельствах, в которых я оказалась, и в то время, когда я способствовала в Санкт-Петербурге цели отделить нас от Австрии, я еще оставалась верна долгу дружбы с князем Меттернихом»<sup>66</sup>. Ведь это от него зависело, удастся ли сохранить Россию в Священном союзе: «Я заклинала его сделать это. Но для этого ему нужно было изменить свои методы». А князь слишком тщеславен и уверен в непогрешимости собственной политики. «Более того, — сетует Доротея (это особенно интересно в связи с грядущим выступлением декабристов), — он (Меттерних. — П. Р.) был убежден, что ему известно о широком заговоре против трона и о недовольстве в рядах армии. Он предостерегал об этом императора и пренебрежительно отвергал все мои предупреждения и просьбы, так как был уверен, что удержит его с помощью такого сильного средства»<sup>67</sup>. В свои «политические отношения с австрийским канцлером она всегда стремилась внести "добрую веру", в ответ же наталкивалась на "пренебрежение и тщеславие"».

Трудно сказать, как повела бы себя Доротея, если бы не отталкивающее поведение Клеменса, к тому же еще свободного вдовца. И все же она прекрасно понимала, что теперь политические силы не на стороне ее любовника. Намечавшееся сближение двух самых могущественных держав существенно меняло ситуацию в европейской политике.

Но даже в качестве «живой депеши» она поддерживала переписку с Меттернихом. На обратном пути в начале сентября Доротея отправила ему письмо из Ревеля, явно пытаясь его заинтриговать: «Мой визит в Россию завершился. Он имел для меня важные последствия; я возвращаюсь, наполненная точными



сведениями и впечатлениями»<sup>68</sup>. «Император мне доверяет», — не преминула она добавить. Письмо весьма осторожное. Тем не менее она не удержалась от предостережения: «По отношению к вам есть определенная холодность». Искушенному дипломату такой намек должен был сказать очень много. Далее она советует ему занять примирительные позиции, заранее парируя его обычные возражения: «Только не говорите, что я ошибаюсь, а вы всегда правы: поторопитесь, не теряйте времени на возражения; постарайтесь примириться»<sup>69</sup>.

По прибытии 24 сентября в Брайтон Доротея отправляется на самую ответственную встречу с Каннингом. Между семейством Ливенов и Каннингом, по словам Темперли, устанавливаются отношения «полудружбы» и «полуподозрительности»<sup>70</sup>. 23 октября после месячного перерыва Доротея из Брайтона шлет очередное письмо Клеменсу. Она многозначительно подчеркивала особые отношения с Александром I, его доверие и внимание к ней, возможности извлечь из этого пользу. Это очевидная приманка для князя, но он на нее не клюнул.

Не придал он должного значения и сигналам графа Л. Лебцельтерна, австрийского посла в Санкт-Петербурге. От острого взгляда графа не ускользнул визит Доротеи Ливен. Из бесед с Нессельроде опытный дипломат понял, что союз между Австрией и Россией сходит на нет. Поэтому в его депешах звучит тревога. Что же касается канцлера, то тот как раз во время пребывания Доротеи в России отправил Лебцельтерну послание, в котором речь шла о слухах по поводу его возможного брака с дочерью Елизаветы Хитрово Екатериной (сестрой Долли Фикельмон). Возникло впечатление, что этот сюжет занимал его едва ли не больше, чем политические проблемы. Но с другой стороны, даже говоря об амурных делах, пусть иронически, но он все же связывает их с политикой: «Если бы революционный дух столь же мало угрожал Европе, как чары м-ль Катрин моему сердцу, то ничего бы не стоило спасти мир»<sup>71</sup>.

И австрийский посол в Лондоне Эстерхази не мог не заметить холодности своей бывшей союзницы в борьбе против Каннинга после ее возвращения из России. Она даже не сочла нужным поделиться с ним информацией.

Конечно, канцлер не был так слеп и глух. «Мне кажется, в Петербурге сильно настроены против меня, и это вполне естественно», — записывал он в начале октября. На берегах Невы вечно колеблются, меняют линию поведения. Отсюда и неприязнь к тому, кто тверд и последователен. Всех, кто испытывает к нему антипатию, Меттерних сравнивает с зыбкими волнами, себя же — со скалой: «Посреди шторма кажется, что нет ничего сильнее волн, но шторм пройдет, и скала по-прежнему стоит цела и невредима, а волны исчезают. Таков и я, а штормы проходящи»<sup>72</sup>. «Мне ли бояться криков? Что значит крик в наше время, когда повсюду слышно так много громких голосов? Бог их простит за крики, так как они не ведают, что творят»<sup>73</sup>, — с сознанием собственного превосходства пишет Меттерних. Идеиная путаница в российском кабинете весьма на руку либералам. По его убеждению, ни в Петербурге, ни в Лондоне, ни в Париже не осознают истинного положения вещей. Великие европейские державы не

сознают ни общих, ни своих специфических интересов, не могут привести их в соответствие друг с другом. Князь смотрит свысока на своих партнеров по политическим играм.

Почему же у Меттерниха притупилось чувство опасности? Было ли это последствием легкомыслия и фривольности? Без того и другого, разумеется, не обошлось. Но важнее другое. Даже с учетом постоянных метаний российского императора канцлеру трудно было поверить, что дело может дойти до сближения между Россией и Англией в лице Каннинга, смертельного врага Священного союза. «Моральная сущность союза покоится на одной-единственной основе, на принципе сохранения всех законно существующих вещей»<sup>74</sup>, — писал князь, подчеркивая принципиальное различие между собственной политикой и политикой Каннинга. Атаковать принципы союза, как это делает Каннинг, «значит нападать на общество в целом»<sup>75</sup>. «В чем действительно нуждается сегодня Европа, так это в политическом покое; благодаря ему будет дан чудесный импульс для процветания индустрии и торговли»<sup>76</sup>, — утверждал Меттерних. Тем самым он увязывал с подъемом хозяйственной жизни именно консервативный принцип. По логике Меттерниха, самовластный суверен в конечном счете всегда должен придерживаться консервативных принципов: сохранения и покоя. Со свойственной ему самонадеянностью канцлер полагал, что консервативные принципы в политике царя все же возьмут верх над имперскими.

И действительно, сближение позиций России и Англии проходило отнюдь не гладко. Поначалу Каннинг не соглашался на то, чтобы сделать первый шаг. На его взгляд, инициатива должна исходить от России. Оптимистические ноты появляются в письме Доротей Ливен Нессельроде от 30 октября: «Я считаю, что наши дела в этой стране идут хорошо... и докажу Вам, что имело смысл послать меня в качестве “живой депеши”»<sup>77</sup>. Тем временем Александр I занялся военными приготовлениями, а Каннинг был озабочен решением проблемы, напоминавшей квадратуру круга: как удовлетворить общественное мнение, требовавшее защитить греков, и не нарушить при этом баланс сил на Востоке.

#### IV

**Н**еожиданная смерть Александра I ускорила ход событий. В ночь с 13 на 14 декабря в Вену пришла весть о кончине российского императора. К этому времени между Меттернихом и им обозначился глубокий разлад, поэтому смерть царя не вызвала у канцлера большого сожаления. Она послужила поводом для очередного афоризма. Со смертью Александра I, изрек он, «кончился роман, и началась история России»<sup>78</sup>. Заслуживает внимания его суждение о том, что царь умер от «пресыщения жизнью»<sup>79</sup>. В смерти царя князь усматривал урок для тех, кому не хватало стойкости по отношению к либеральным и революционным влияниям. Юного царя воспитывали известные революционеры, и последствия этого предопределили печальный конец его

жизни: «Александр изведal всякого опыта и был полон самонадеянных теорий, творил зло там, где стремился только к добру. Он обманывался, а когда его заблуждения раскрылись, это его свело в могилу»<sup>80</sup>.

Поначалу в Вене ожидали, что престол перейдет к великому князю Константину Павловичу, известному своей антипатией и к Англии, и к грекам. Восшествие на престол Николая I вызвало в Вене чувство неуверенности. В восстании декабристов австрийский канцлер увидел более или менее точную копию того, что происходило ранее в Мадриде, Неаполе и Турине. Сведения из Петербурга были на вес золота. И в этот самый момент российские власти настаивают на высылке такого великолепного наблюдателя и аналитика, как граф Лебцельтерн. Австрийский посол оказался замешанным в деле декабристов. Его родственником был князь Сергей Трубецкой (они были женаты на сестрах де Лаваль). После событий 14 декабря 1825 г. Лебцельтерн предоставил свояку убежище в австрийском посольстве, что, естественно, еще более осложнило отношения между Австрией и Россией.

Не остался незамеченным и эпизод с молодым тогда дипломатом, будущим главой австрийского правительства князем Феликсом Шварценбергом. Все это нашло отзвук в российском общественном мнении, и без того не жаловавшем австрийского канцлера. «Ненависть всех русских к Австрии, и в особенности к князю Меттерниху, — сообщал вюртембергский дипломат своему королю, — возрастает с каждым днем. Неосторожность графа Лебцельтерна, который до сих пор принимает у себя княгиню Трубецкую, и непонятное поведение молодого князя Шварценберга, который 26 декабря (по новому стилю. — П. Р.) поехал в каре мятежников и очень долго с ними беседовал, еще более увеличили эту ненависть и вызвали в народе мнение, что восстание было спровоцировано Австрией, дабы навредить императору и удержать его от всяких либеральных намерений»<sup>81</sup>. К этому донесению следует относиться осторожно, учитывая взаимную неприязнь Австрии и Вюртемберга. Кроме того, оно базируется на словах баварского дипломата, князя Лёвенштайна, и российского посольского атташе, знаменитого поэта Ф. И. Тютчева, всей душой ненавидевшего Австрию как угнетательницу славян. Во всяком случае «австрийский след», как принято теперь говорить, в декабрьских событиях комиссией, их расследовавшей, обнаружен не был, но тень на австро-российские отношения легла.

Меттерних встревожен переменами в Петербурге. При всей самоуверенности князя изменения обычно нервировали его. В конце концов даже сама непредсказуемость Александра I стала для него предсказуемой. Поскольку царь был еще не стар и преемником его считали Константина, то Николай не привлекал к себе особого внимания. Теперь канцлер стремится узнать о нем как можно больше.

На этом попыталась сыграть Доротея Ливен. Хотя она и участвует в направленной против Клеменса «дипломатической революции», все же у нее еще теплится надежда вернуть своего любовника. «Николай I, — восторженно писала посольша, — второй Петр I. По способностям он выше Александра I, воля

его тверда, как скала. Последним летом я часто видела его, почти каждый день беседовала с ним *têt-a-têt*. Он образован, педантичен, полон энергии, знает, что происходит вокруг. Он видит несовершенство внутренней политики России при Александре I. Он решителен и скор, его сердце подобно камню. У него благородные идеи». После такого интригующего пассажа следуют слова, свидетельствующие о ее далеко не угасшем интересе к Клеменсу: «Впрочем, вы все узнаете, если нам суждено увидеться»<sup>82</sup>.

В те первые недели нового, 1826 г. Меттерних и не догадывался, какой удар готовил ему Николай I при активном участии графини Ливен. Супруги Ливен были в восторге, когда Каннинг посвятил их в свой план (январь 1826 г.). Проблема первого шага свималась тем, что Англия посылала в Петербург своего представителя, чтобы поздравить нового царя с восшествием на престол. Выбор Каннинга был поистине иезуитским. В российскую столицу с удовольствием отправился «железный» герцог Веллингтон. Тем самым Каннинг разрушал Священный союз при помощи убежденного тори и друга Меттерниха. Опытный старый солдат был не очень искушен в дипломатических играх и плохо представлял себе подлинную суть возложенной на него миссии. Его февральский визит в Россию явился прологом к подписанию англо-русского соглашения.

С учетом того, что происходило между Петербургом и Лондоном, претенциозные рассуждения Меттерниха в письме от 20 марта могли лишь вызвать сарказм у той, кому они были адресованы, — Доротеи Ливен. «Старой России больше не существует, — с обычным апломбом изрекал канцлер. — Николай призван создать новую, и пусть мои самые искренние пожелания сопутствуют ему в этом великом и благородном деле. Ты видишь, мой друг, что я отнюдь не враг России, как это хотели бы представить ваши сплетники и болтуны. Я, впрочем, думаю, что Николай вряд ли станет выслушивать то, что те и другие говорят о нем самом и обо мне»<sup>83</sup>. «Важно, мой дорогой герцог, — пишет вернувшемуся из Петербурга Веллингтону Меттерних, — чтобы новый русский монарх не испытывал ощущения изоляции»<sup>84</sup>.

Тем болезненнее воспринял австрийский канцлер подписанный Россией и Англией Санкт-Петербургский протокол от 4 апреля 1826 г. По сути дела в изоляции оказался он сам. Несколько месяцев договор сохранялся в тайне. В соответствии с этим документом Россия соглашалась на посредничество Англии между греками и Портой. Обе великие державы договаривались о том, что будут добиваться для греков автономии, и отказываются от территориальных приобретений и прочих преимуществ, которые не распространялись на другие европейские государства. Россия получала значительную свободу рук по отношению к туркам. Таким образом, Каннинг потрафил общественному мнению, но сохранить баланс не смог. Этим он заплатил за разрушение Священного союза. Ради этого он пожертвовал особыми отношениями с Австрией, которые должны были бы уравновешивать мощь России.

Супруги Ливены были щедро обласканы Николаем I. Одним из первых

официальных актов царя явилось утверждение Х. А. Ливена на его высоком посту. Затем последовало приглашение прибыть в Санкт-Петербург. В письме к Клеменсу Доротея изображала недоумение. Неужели ее мужа приглашают в Петербург просто для того, чтобы лицезреть его? Между тем посол удостоился важной роли на церемонии коронации. Царь пожаловал ему княжеский титул. Отныне Доротея сравнялась с Клеменсом в аристократической иерархии.

Когда Меттерних с запозданием узнал о Санкт-Петербургском договоре, его возмущению и гневу не было предела: «Непостижимое соглашение, беспардонный удар по союзу, компрометация чести русского кабинета, политическое преступление против верных и испытанных союзников»<sup>85</sup>. Следствием протокола от 4 апреля, с горечью признавал канцлер, является конец порядка вещей, сложившегося между 1813 и 1815 гг. Система, «известная под именем Священного союза, теперь уже не более чем видимость»<sup>86</sup>. В письме своему императору он высказался еще резче: система, сохранения которой придерживался Священный союз, «была фактически подорвана подписанием Санкт-Петербургского протокола»<sup>87</sup>. Результатом политической эмансипации греков станет триумф новой революции в Европе. Приверженность консервативному принципу берет у Меттерниха верх над реальными политическими соображениями. Ведь именно создание греческого государства как раз могло ограничить возможности российской экспансии, которой он так опасался. Но ему мучительно было осознавать, что мятежные греки, эти ужасные революционеры, добиваются своего.

Доротея, теперь уже княгиня Ливен, стремительно сближается с Каннингом, но поддерживает и переписку с Клеменсом. В ее изображении дело выглядит таким образом, будто инициатива все время исходит от британского министра, а она лишь подчиняется воле обстоятельств. Незадолго до подписания Санкт-Петербургского протокола она пишет Меттерниху, что после отъезда Х. А. Ливена в Россию Каннинг относится к ней все более дружески, часто с ней встречается. Одна из их бесед длилась свыше двух часов. «Я подозреваю, — общается она Меттерниху, — он проводил своего рода рекогносцировку. Ему хотелось получить представление о моих взглядах и о возможностях моего бедного разума. Он говорил буквально обо всем, в том числе и о вас»<sup>88</sup>. Примерно через неделю княгиня пишет об очередном визите к ней Каннинга, о часовом разговоре *têt-à-têt*. Она пишет, чтобы, с одной стороны, привлечь внимание Меттерниха, пробудить угасающий интерес к ней, а с другой — представить контакты с Каннингом (явно подозрительные, на взгляд канцлера) в наиболее благоприятном свете: «Его визиты возбуждают любопытство в дипломатических кругах. Особенно у людей ничтожных, которые во всем ищут тайны»<sup>89</sup>. И все же в концовке она не может не похвалиться: «Мне везет с министрами»<sup>90</sup>. 16 апреля 1826 г. — ее очередная реляция о развитии отношений с Каннингом. Наконец она удостоилась приглашения на обед в доме министра «вместе с близкими его друзьями» и почувствовала себя так, как будто принадлежала к их кругу.

Из следующего, уже майского письма Клеменс смог узнать совершенно потрясающую новость. На сей раз Доротея рассказывала о том, как побывала в гостях у короля Георга IV. После разговора о делах европейских тот перешел к личным. По словам княгини, монарх сделал ей «странное признание». Ему наскучила любовница; она глупа. «Он мог бы обнаружить это и раньше», — в скобках замечает посольша. Далее, догадаться нетрудно, король признался в любви к ней. Оказывается, он был влюблен в нее уже целых 13 лет, но не решался сказать о своих чувствах. Только сегодня «внутренний голос подсказал ему, что я одна могла бы вдохновить его. У нас одинаковый образ мышления, наши взгляды совпадают; мои вкусы станут и его вкусами: одним словом, небеса создали нас друг для друга»<sup>91</sup>. Доротея попыталась, как она пишет, перевести разговор о характере их отношений на более возвышенный уровень. Когда же она собралась уходить, король открыл перед ней дверь в свои покои. Над его ложем она увидела свой портрет, точнее эскиз, выполненный все тем же знаменитым Лоуренсом. Заканчивалось письмо кокетливым «что вы об этом думаете?»<sup>92</sup>. Два дня спустя, 18 мая, не ожидая ответа на свой вопрос, она пишет еще одно письмо, свидетельствующее, что ее чувства к Клеменсу не совсем угасли. Жена британского посла в Вене леди Джорджина Уэллсли, передавшая Ливен ответное письмо от канцлера, поделилась с ней новостями о Меттернихе. Главная из них — ежедневные визиты князя к никому не известной м-ль Лейкам. Одни говорят о ней как о будущей жене князя, другие — как о его нынешней любовнице. Девушка, должно быть, очень красива, если Клеменс уделяет ей столько внимания, несмотря на ее весьма скромное происхождение. Хотя Доротея всячески это отрицает, но ревность сквозит в каждой строчке ее следующего письма.

У нее еще теплится надежда на будущее. «Сегодняшние наши отношения портит политика», — сокрушается она. «Но, возможно, они выправятся сами, естественным образом. Нередко сложнейшие вопросы решались самым простым образом. Это зависит только от доброй воли, у меня ее достаточно... Я молю вас, любите меня так, как это вы всегда делали», — заклинает Доротея Клеменса. Она просит, чтобы он любил ее, несмотря на политические разногласия и, особенно, несмотря на молодых девушек. В последнем отчаянном письме от 22 ноября 1826 г. она предлагает начать все заново. «Вы и я, — взывает княгиня, — во всем мире трудно найти людей нашего калибра. Наши сердца и наши умы гармонируют друг с другом». И наконец: «Вам не найти никого лучше меня!»<sup>93</sup>

Но Клеменс и на сей раз не внял этим страстным заклинаниям. Теперь могущественный и богатейший вельможа мог позволить себе союз по велению сердца с безродной красавицей. Его уже не могли остановить увещевания подруги: «Что вы за странный человек? Я полагаю, что выглядела бы смешной, если бы занялась юнцом»<sup>94</sup>.

Вокруг светлейшего вдовца велись большие маневры. Уже говорилось об активности Е. Хитрово, видевшей в Меттернихе блестящую партию для своей

дочери Екатерины. Гораздо больше оснований было для разговоров о возможном браке канцлера с княгиней Мими Лихтенштейн. Возле Меттерниха вьется и совсем юная Мелани, дочь старой приятельницы князя графини Молли Зи-чи. Мелани выразила ему соболезнование после смерти Элеоноры, поздравляла с днем рождения. Клеменс относился к ней как к ребенку: она выросла на его глазах. Отвечая на одно из ее писем, он шуточно обещал ей «меланизироваться»<sup>95</sup>. Но это произойдет позже. А пока он постепенно начинает догадываться, что Молли и сама Мелани смотрят на него как на потенциального жениха. Он относится к этому не без удовольствия, однако еще не воспринимает такую перспективу всерьез.

В мае 1826 г. в Вене появилась Вильгельмина Саган. Сразу же она была приглашена на обед к Меттерниху. Затем в канун своего 53-летия князь дал обед в честь бывшей возлюбленной. По свидетельству дочери Меттерниха Леонтины, герцогиня Саган «как всегда, очень красива, и я не нашла ее сильно изменившейся»<sup>96</sup>. Клеменс был теперь свободен. Неизвестно, помышлял ли он о том, чтобы восстановить связь времен. Но даже если бы он пожелал вступить в брак с Вильгельминой, ему бы не удалось сделать это. Как будто по иронии судьбы она незадолго до их встречи обратилась в католичество. Между тем ее первый муж Луи де Роган был еще жив, поэтому в глазах церкви герцогиня оставалась его женой.

Во всяком случае выбор Меттерниха пал на Антуанетту Лейкам, дочь итальянской певицы и чиновника из ведомства князя Кауница. Он был человеком простого происхождения, но в свое время пользовался немалым влиянием в своей служебной сфере. С ним была в дружеских отношениях мать Меттерниха, поскольку от него в немалой степени зависели назначения на весьма привлекательные дипломатические посты. Родственники князя, его окружение были в трансе от перспективы подобного мезальянса. Особенно негодовала графиня Флора Врбна, которая привыкла заправлять в доме Клеменса. Ей предстояло лишиться своего царственного места на знаменитом меттерниховском канапе. Венские остряки назовут ее «вдовой канапе».

Удивительное понимание князь нашел у своего императора, тот сам четырежды вступал в брак, причем в последний раз при посредничестве Меттерниха. Для традиционалиста Франца I брак символизировал прочность социальных и моральных устоев. Чтобы облегчить путь Клеменса к алтарю, он возвел Антуанетту в графское достоинство. Она стала графиней фон Бейльштейн и в таком качестве могла быть более приемлемой парой для князя. «Император был первым и единственным близким другом, к которому я всегда мог обратиться, и в этом случае он остался для меня тем, кем был всегда — надежнейшим ведущим и самым добрым и чутким отцом»<sup>97</sup>, — писал растроганный Клеменс.

А между тем ход политических событий резко контрастировал с любовной идиллией канцлера. Европейская политическая жизнь уже шла не по венским сценариям. В ней задавали тон Лондон и Санкт-Петербург. Вожжи выпали из ослабших рук «кучера Европы».

1827 год он встретил в мрачном настроении: «Вещи в этом низком мире находятся в состоянии полного беспорядка... Все идет к концу; мне становится трудно предвидеть с какой-то долей уверенности то, что нам предначертано»<sup>98</sup>. «Настоящий момент представляется нам самым серьезным кризисом из тех, что происходили в последние годы»<sup>99</sup>, — можно прочесть в его январской депеше послу в Париже графу А. Аппоньи.

Поначалу Меттерних готов был взвалить главную вину на своего злейшего врага — Каннинга. Тот, по словам князя, использовал императора Николая I как многоопытный спекулянт юного наследника, на которого вдруг свалилось огромное состояние. Наследие Александра I, сокрушался Меттерних, досталось неискушенному молодому преемнику, а «его первые шаги, к несчастью для Европы, оказались неверными»<sup>100</sup>.

Виноваты также и многочисленные недоброжелатели австрийского канцлера при российском дворе. Сам царь Николай «обладает сильным характером, прозорлив; принципы его безупречны. И лично он вполне доверяет императору, нашему повелителю (Францу I. — П. Р.)». «Но по отношению ко мне, — отмечает канцлер, — он питает определенные опасения». Беда в том, что «император Николай I одинок и еще не нашел человека, который послужил бы ему опорой, столь полезной для любого государя... в качестве твердого и верного исполнителя его воли». Естественно, что сам князь видел именно себя в роли такого соратника и ментора молодого российского самодержца. Но враги, прежде всего Поццо ди Борго, утверждал Меттерних, делают все, чтобы «оградить нового монарха от моего влияния»<sup>101</sup>. Своей цели они пытаются достичь, спекулируя на злосчастном восточном вопросе. Выдающийся мастер кабинетно-династической дипломатии по-прежнему уповал на свое искусство очаровывать собеседника, умение навязать ему свое видение европейских дел. Почему бы не опробовать свое испытанное оружие, перед которым не всегда мог устоять Александр I, на его брате? Однако личное знакомство канцлера с новым российским монархом произойдет нескоро.

Зато потребовалось не так уж много времени, чтобы убедиться, что российский император вполне самостоятельный и даже ведущий актер на европейской политической сцене. Благодаря сближению с Францией Николай I практически изолировал Австрию. Со всей очевидностью это стало ясно после того, как 6 июля 1827 г. в Лондоне был подписан договор трех держав, Англии, России и Франции, закреплявший статус Греции, который был зафиксирован Санкт-Петербургским протоколом. Но самая важная статья договора носила секретный характер. В ней предусматривалась возможность коллективного вмешательства трех держав, чтобы заставить воюющие стороны прекратить военные действия. Не исключались и «крайние меры». Против кого, догадаться нетрудно. Этот документ был последним гвоздем в крышке гроба Священного союза.

Некоторым утешением могла послужить неожиданная смерть Каннинга (8 августа 1827 г.), «человека, которого Провидение швырнуло на Англию и



Европу как зловредный метеор»<sup>102</sup>. Всего около четырех месяцев пробыл он британским премьер-министром. Но смерть врага не принесла Меттерниху облегчения. Можно представить, чего ему стоило признание в том, что его политика в восточном вопросе привела Австрию к изоляции. Правда, по старой привычке он пытается все же делать хорошую мину при отвратительной игре: «С другой стороны, Австрия совершенно свободна, и мы в состоянии полной мобильности»<sup>103</sup>, — так вдохновлял он австрийского посланника в Константинополе барона Ф. фон Оттенфельса.

Австрийский канцлер замышляет новую комбинацию. Поскольку он всегда последовательно отстаивал неприкосновенность Порты, его влияние на Константинополь было огромным. Ставшая его врагом Доротея Ливен иронически замечала в письме лорду Грею, что для турок Меттерних — «второй пророк»<sup>104</sup>. Идея канцлера заключалась в том, чтобы турки обратились к Австрии за посредничеством в своих отношениях с тремя союзными державами. Турецким правительством она была воспринята, но прежде чем последовали практические шаги в этом направлении, прогремели пушки в морском сражении при Наварино. Объединенный флот трех держав 20 октября уничтожил турецко-египетскую эскадру, чем не преминули воспользоваться греки. Николай I предлагал принять против турок еще серию жестких мер, но не нашел поддержки. У союзников, прежде всего англичан, усиление России вызывало тревогу.

Было нечто зловещее в том, что известие о битве при Наварино достигло Меттерниха в день его бракосочетания с Антуанеттой, 23 октября. Адъютант императора догнал свадебный кортеж, чтобы передать убийственную новость. Это явилось поводом злорадства для Доротеи: «Какая иллюминация в честь события!»<sup>105</sup> В этом же письме лорду Грею (будущему премьер-министру Англии), в дружбе с которым Доротея нашла утешение, княгиня передает облетевшее всю Европу *bon mot* мадам де Куаньи по поводу брака Клеменса. «Le chevalier de la Saint Alliance finit par une mésalliance» (кавалер Священного альянса кончил мезальянсом), — изрекла славившаяся свои остроумием парижская светская львица.

Разгневанная Доротея потребовала, чтобы бывший любовник вернул ее 279 писем. В роли посредника выступал герцог Веллингтон. На его глазах княгиня в течение двух часов тщательно пересчитывала возвращенные письма. Меттерних доверил получить свои письма герцогу; его писем было примерно на сотню меньше. Своего «дорогого друга» Доротея назвала «величайшим в мире мошенником»<sup>106</sup>.

От брака Меттерниха пришло в ярость и семейство Зичи. Особенно неистовствовала графиня Молли. Срочно было объявлено о помолвке Мелани с бароном К. фон Хюгелем, человеком, предпочитавшим научные интересы светским. Надо было показать Клеменсу, что на нем свет клином не сошелся.

Но благоразумие, такт и обаяние юной жены Меттерниха помогли ей сравнительно быстро вписаться в семейство мужа. Дети Элеоноры первыми при-

нали ее. Антуанетта сумела расположить к себе даже часть чопорных высоко-родных дам. Салон князя оживился. Клеменс был по-настоящему счастлив. Большим праздником было отмечено его 55-летие; перед гостями выступал великий Паганини.

Но счастье канцлера оказалось недолгим. 17 января 1829 г., через десять дней после рождения сына, названного Рихардом, Антуанетта умирает. Эту потерю он переживал сильнее, чем смерть Элеоноры. В мае того же года точно так же, как Антуанетта, умерла его дочь от Екатерины Багратион — Клементина. Незадолго до Антуанетты он потерял мать, скончавшуюся на 74-м году жизни. В ноябре 1829 г. смерть настигает его любимого сына Виктора, подававшего надежды дипломата. Клеменс с удовольствием писал ему в меру назидательные и весьма поучительные письма, делился с ним своими планами и проблемами. В сыне он видел своего возможного преемника. Интересно, что несколько лет спустя последствия парижской любовной связи Виктора приведут к Меттерниху Бальзака.

Личные несчастья князя сопровождались политическими неудачами. Даже приход на пост английского премьер-министра старого друга Веллингтона не улучшил англо-австрийских отношений. Кроме восточного вопроса их тогда отягощала и португальская проблема. Как всегда, Меттерних стоял на страже интересов европейского абсолютизма. Его поддержка почти автоматически была гарантирована тем, кто противостоял натиску либерально-конституционалистских тенденций. Англичане часто оказывались на противоположной стороне. Их поддержкой в Португалии пользовался один из королевских сыновей дон Педро, провозглашенный в 1822 г. императором Бразилии. Когда он после смерти отца прибыл в Португалию, то даровал стране хартию того же типа, какая была во Франции с 1814 г. И хотя он был мужем эрцгерцогини Леопольдины, которую сам Меттерних в 1817 г. сопровождал в Ливорно для заключения брака, князь пришел на помощь другому инфанту, дону Мигелю, который готов был удушить даже самые чахлые ростки конституционализма. Доротея Ливен ехидно охарактеризовала этого принца как произведение из «мастерской Меттерниха»<sup>107</sup>. Португальские события развивались по чрезвычайно запутанному сценарию и не раз были причиной интоксикации в отношениях между Веной и Лондоном.

Союз же с Англией и Францией, пусть и временный, развязал руки Николаю I. После успешной персидской решил кампанию против турок. Меттерних попытался выиграть время, сделав в марте 1829 г. экстравагантное, в какой-то мере даже провокационное предложение о предоставлении Греции независимости. Ее покровители пока не заходили столь далеко. Царю представилась возможность упрекнуть канцлера за то, что он поощряет мятежников и революционеров. Как и предполагалось, царь отверг идею Меттерниха, но удержать Николая I от войны или надолго затянуть ее начало не удалось. В канун войны Меттерних говорил, что русские действуют в стиле Бонапарта. «В какой лабиринт зла загнана сегодня Европа!»<sup>108</sup> — восклицал князь. Когда же во время вой-

ны (ноябрь 1828 г.) русским войскам пришлось снять осаду с Силистрии, вос- торгу канцлера не было предела; он даже сравнил этот эпизод с уходом Напо- леона из Москвы.

Но ему опять изменила профессиональная выдержка дипломата. «Даже в большом венском обществе, — писал российский историк В. К. Надлер, — он отпускал по временам остроты и насмешки на счет императора Николая, его министров, русских военных и дипломатических операций. Понятно, что та- кие выходки и *bon mots* князя не остались исключительной принадлежностью венских салонов — некоторые из них дошли до Петербурга и до русской глав- ной квартиры. Они произвели впечатление на самого императора Николая»<sup>109</sup>.

Чтобы остановить Россию и обеспечить туркам пристойный мир, Меттерних загорелся идеей сколотить четверной союз: Австрия, Англия, Франция и Пруссия. Вспышку оптимизма у князя подкрепляет временное взаимопонимание с Англи- ей, озабоченной чрезмерным, на ее взгляд, усилением России. Возникает идея ев- ропейской мирной конференции. Канцлер, как всегда, готов взять на себя роль посредника.

Играть эту роль непросто. Необходимо понять позиции всех сторон, а это немислимо без максимума информации. Между тем столица на берегах Невы по-прежнему для Меттерниха окутана туманами. После высылки Лебцельтер- на не удавалось найти ему равноценную замену. И вот в начале 1829 г. Мет- терних направляет в Петербург одного из лучших своих дипломатов, графа Ш. Л. Фикельмона, с особой долгосрочной миссией: попытаться придать но- вый импульс австро-российским отношениям. Канцлер высоко ценил Фикель- мона, тот считался его фаворитом. Русский брак (женой графа была дочь Е. М. Хитрово Долли Тизенгаузен) должен был облегчить послу доступ в свет-ское общество Петербурга.

Среди поставленных перед ним задач выделялась такая: «Вам надлежит выяс- нить наиболее полно основы, на которых покоится мысль императора Николая, направление его ума, масштаб его планов и сумму средств, кои он мог бы или хо- тел бы использовать для их осуществления»<sup>110</sup>. «Нам, — настоятельно подчерки- вал канцлер, — крайне важно распознать всю глубину мыслей российского им- ператора в столь трудный для него и опасный для всего мира момент»<sup>111</sup>.

Меттерниха беспокоит, что Николай I отошел от европейской ориентации своего старшего брата. В депеше австрийскому послу в Лондоне князю П. Эс- терхази канцлер констатирует, что политика Николая I «чисто русская». «Она может быть хорошей или плохой для его империи, но она не будет европей- ской»<sup>112</sup>. Вскоре Меттерних в послании тому же Эстерхази сравнивает Россию с большой импозантной декорацией, европейской лишь с внешней стороны. И в инструкции Фикельмону, говоря о царе, Меттерних отмечает, что «его поведе- ние, как и его язык, имеют окраску исключительно русскую и независимую от общего интереса»<sup>113</sup>.

Тот «дар к счастью», который был присущ характеру князя, побуждал его искать нечто положительное даже в самой неблагоприятной ситуации. Об этом

свидетельствует и его оценка последствий Адрианопольского мира (14 сентября 1829 г.), которым завершилась русско-турецкая война. С одной стороны, австрийского канцлера тревожит усиление России, угроза полного распада турецкого государства: «Зло свершилось; потери невозполнимы; существование Оттоманской империи стало проблематичным, и нет державы более заинтересованной, чем Австрия, в сохранении того, что осталось от этой империи»<sup>114</sup>. Те, кто стремится к ее разрушению, действуют на руку «политическому либерализму».

Но в то же время Европа находится в ситуации, подобной той, в какой оказывается человек, вышедший из большого загула. Настал час подведения итогов, учета ошибок. Его нельзя упустить, иначе совершенные ошибки уйдут в прошлое и будут сделаны новые. В этой связи, подчеркивает Меттерних в депеше, адресованной Эстерхази, чрезвычайно важно, как поведет себя британский кабинет. «Немыслимо, — предостерегает канцлер, — чтобы этот кабинет в своих собственных национальных интересах не осознал то, что, на наш взгляд, является совершенно обязательным»<sup>115</sup>. Далее сказываются убеждения князя в циклическом ходе событий. Было сделано очень много зла, теперь наступает новый цикл, когда требуется нечто позитивное.

За всем этим нетрудно уловить мысль о том, что Англия вряд ли примирится с усилением российской мощи после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Важно отметить, что Меттерних в данном контексте апеллирует не к общему, как обычно, а к национальному интересу Англии. Видимо, в какой-то мере он начинает признавать неотвратимость дрейфа этой островной и колониальной державы к политике «блестящей изоляции». Меттерниха согревает надежда на обострение англо-русских противоречий, открывавшее для Австрии перспективу выхода из явно не блестящей изоляции.

Тем не менее в его оценке европейской ситуации в конце 1829 г. доминируют пессимистические и ностальгические тона: «Время, в которое мы живем, совершенно необычное. Европа поражена моральной чумой»<sup>116</sup>. Спасти ее может только возрождение тесных связей между правительствами. Всеобщий мир мыслим только на основе высшего принципа союза пяти держав, пентархии: «Сохранение всего существующего на правовой основе»<sup>117</sup>. Князь садится на своего конька: «Австрия в силу своего географического положения в качестве истинного центра тяжести европейской системы государств не могла бы отказаться от предназначенной ей роли, не вызвав значительных потрясений всего здания»<sup>118</sup>. Далее Меттерних уверяет Франца I, что, вопреки распространенному мнению, силы империи вовсе не иссякли, она еще способна поддерживать свой статус. Однако события конца 20-х гг. убедительно подтвердили, что лидерская роль Габсбургской монархии уже не под силу.

Во многом благодаря дипломатическому искусству Меттерниха Австрия стала играть в Европе такую роль, которая не соответствовала ее реальным возможностям (военным, финансовым, экономическим). Даже Сербия сравнивал меттерниховскую Австрию с Испанией Филиппа II. За внешнеполитический

блеск приходилось расплачиваться перенапряжением сил и ресурсов страны. Это усугублялось внутривнутриполитическим иммобилизмом, отказом от политических, социально-экономических и национальных реформ. Борьба с либеральными и национальными движениями связывала воедино внешнюю и внутреннюю политику Меттерниха, противопоставляя его «систему» все более набравшим силу ведущим тенденциям того времени.

«Что стало с талантами Меттерниха, с его умом?»<sup>19</sup> — вопрошала Доротея Ливен в письме Грею, написанном в последний день 1828 г. Но «кучер Европы» выпустил вожжи из рук не потому, что поглупел или утратил навыки дипломатического мастерства. Он вступил в ту полосу своей жизни, которая характеризовалась обострением противоречий между его образом мыслей, его политикой и «духом времени». При всех своих просчетах и ошибках он сопротивлялся ему весьма упорно и нередко весьма искусно. Его политика давала наибольший эффект, пока на европейской арене доминировали относительно общие принципы и ценности (легитимистско-аристократические), пока дипломатия носила преимущественно кабинетный характер.

Для настроения канцлера на исходе третьего десятилетия XIX в. показательное его письмо от 10 февраля 1829 г. сыну Виктору, которому оставалось жить менее года. Князь даже рассуждает о возможности своего ухода с политической арены. Конечно, заманчиво избавиться от груза политических проблем. Может найтись и преемник. Но в эпоху великого кризиса смена караула не пройдет безболезненно. Кризис чреват непредсказуемыми, не поддающимися учету последствиями, возникает угроза крайнего беспорядка. Поэтому, пишет князь сыну, «мне не остается ничего другого, как нести самое тяжкое бремя, какое только может выдержать человек... у меня есть чувство долга, как у генерала, который умирает на поле битвы. Эта битва важна, она из тех, что предопределяют будущее не только империи, но и социального порядка в целом»<sup>20</sup>. Наряду с обычными позерством и самолюбованием в этих словах отражаются и накопившиеся за два десятилетия пребывания в государственной канцелярии усталость, разочарования и ставшее почти постоянным чувство тревоги.

<sup>1</sup> Hyde H. Montgomery. Prinzess Lieven. L., 1938. P. 134.

<sup>2</sup> Ibidem.

<sup>3</sup> Ibid. P. 135.

<sup>4</sup> Ibidem.

<sup>5</sup> Temperley H. The Foreign Policy of Canning. 1822–1827. L., 1925. P. 19.

<sup>6</sup> Цит. по: Hyde H. Op. cit. P. 143.

<sup>7</sup> Цит. по: Kissinger H. A. Op. cit. P. 143.

<sup>8</sup> NP. Bd. 3. S. 522.

<sup>9</sup> Ibidem.

<sup>10</sup> Шатобриан Ф. П. де. Замогильные записки. М., 1995. С. 341.

<sup>11</sup> Цит. по: Hibbert C. George IV. L., 1988. P. 650.

<sup>12</sup> Тарле Е. В. Английская годовщина 1827–1902 (К семидесятипятилетию со дня смерти Джорджа Каннинга) // Тарле Е. В. Сочинения. М., 1957. Т. I. С. 283.

<sup>13</sup> Цит. по: Hyde H. Op. cit. P. 144.

<sup>14</sup> Ibid. P. 145–146.

<sup>15</sup> Ibid. P. 149.

<sup>16</sup> Nickols J. C. The European Pentarchy and the Congress of Verona, 1822. The Hague, 1971. P. 296.

- <sup>17</sup> Ibid. P. 298.
- <sup>18</sup> Шатобриан Ф. Р. де. Указ. соч. С. 448.
- <sup>19</sup> NP. Bd. 4. Wien, 1881. S. 8.
- <sup>20</sup> Ibid. S. 35.
- <sup>21</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 217.
- <sup>22</sup> Ibidem.
- <sup>23</sup> NP. Bd. 3. S. 596.
- <sup>24</sup> Цит. по: Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 264.
- <sup>25</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 230.
- <sup>26</sup> NP. Bd. 4. S. 19.
- <sup>27</sup> Ibid. S. 83.
- <sup>28</sup> Ibid. S. 24.
- <sup>29</sup> Hyde H. M. Op. cit. P. 149.
- <sup>30</sup> Цит. по: Temperley H. Op. cit. P. 90.
- <sup>31</sup> Ibidem.
- <sup>32</sup> Ibidem.
- <sup>33</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 239.
- <sup>34</sup> NP. Bd. 4. S. 114.
- <sup>35</sup> Ibid. S. 106.
- <sup>36</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 257–258.
- <sup>37</sup> Ibid. S. 260.
- <sup>38</sup> Ibid. S. 262.
- <sup>39</sup> Ibid. P. 267.
- <sup>40</sup> NP. Bd. 4. S. 154.
- <sup>41</sup> Ibid. S. 156.
- <sup>42</sup> Ibidem.
- <sup>43</sup> The Private Letters of Princess Lieven to Prince Metternich. 1820–1826 / Ed. by Peter Quennell. L., 1937. P. 347.
- <sup>44</sup> Ibid. P. 348.
- <sup>45</sup> NP. Bd. 4. S. 161.
- <sup>46</sup> The Private Letters... P. 352.
- <sup>47</sup> Temperley H. Op. cit. P. 452.
- <sup>48</sup> Цит. по: Seward D. Op. cit. P. 154.
- <sup>49</sup> The Private Letters... P. 352.
- <sup>50</sup> NP. Bd. 4. S. 215.
- <sup>51</sup> Ibid. S. 216.
- <sup>52</sup> Цит. по: Temperley H. Op. cit. P. 37.
- <sup>53</sup> Ibid. P. 40.
- <sup>54</sup> Цит. по: Hyde H. M. Op. cit. P. 155–156.
- <sup>55</sup> Mémoires et papiers de Lebzeltern. P., 1949. P. 453.
- <sup>56</sup> The Unpublished Diary and Political Sketches of Princess Lieven / Ed. with elucidations by Harold Temperley. L., 1925. P. 94.
- <sup>57</sup> Hyde H. M. Op. cit. P. 153.
- <sup>58</sup> The Unpublished Diary... P. 89.
- <sup>59</sup> Ibidem.
- <sup>60</sup> Ibid. P. 91.
- <sup>61</sup> Ibidem.
- <sup>62</sup> Ibid. P. 95.
- <sup>63</sup> Temperley H. Op. cit. P. 346.
- <sup>64</sup> Ibid. P. 347.
- <sup>65</sup> Ibidem.
- <sup>66</sup> The Unpublished Diary... P. 100.
- <sup>67</sup> Ibidem.
- <sup>68</sup> The Private Letters... P. 353.
- <sup>69</sup> Ibidem.
- <sup>70</sup> Temperley H. Op. cit. P. 352.
- <sup>71</sup> Mémoires et papiers de Lebzeltern. P. 457.
- <sup>72</sup> NP. Bd. 4. S. 192.
- <sup>73</sup> Ibidem.
- <sup>74</sup> Ibid. S. 215.

- <sup>75</sup> Ibidem.
- <sup>76</sup> Ibid. S. 216.
- <sup>77</sup> Temperley H. Princess Lieven and the Protocol of 4 April 1826 // *The English Historical Review*. 1924. Vol. XXXIX. № 153. P. 68.
- <sup>78</sup> NP. Bd. 4. S. 251.
- <sup>79</sup> Ibid. Bd. 1 S. 331.
- <sup>80</sup> Ibid. S. 333.
- <sup>81</sup> Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. М., 1989. Т. 97. Кн. 2-я. С. 437.
- <sup>82</sup> *The Private Letters...* P. 357.
- <sup>83</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 278.
- <sup>84</sup> *Aus Diplomatie und Leben. Maximen des Fürsten Metternich*. Herausgegeben von Arthur Breycha-Vautier. Graz; Wien; Köln, 1964. S. 130.
- <sup>85</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Metternich. P. 399.
- <sup>86</sup> NP. Bd. 4. S. 358.
- <sup>87</sup> Ibid. S. 598.
- <sup>88</sup> *The Unpublished Diary...* P. 362.
- <sup>89</sup> Ibid. P. 363–364.
- <sup>90</sup> Ibid. P. 364.
- <sup>91</sup> Ibid. P. 367.
- <sup>92</sup> Ibid. P. 368.
- <sup>93</sup> Ibid. P. 376.
- <sup>94</sup> Ibid. P. 369.
- <sup>95</sup> Corti E. C. S. 271.
- <sup>96</sup> Цит. по: MacGuigan D. Op. cit. P. 509.
- <sup>97</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 289.
- <sup>98</sup> NP. Bd. 4. S. 330.
- <sup>99</sup> Ibid. S. 340.
- <sup>100</sup> Ibid. S. 341.
- <sup>101</sup> Ibid. S. 320–322. ...
- <sup>102</sup> Ibid. S. 372.
- <sup>103</sup> Ibid. S. 381.
- <sup>104</sup> *Correspondence of Princess Lieven and Earl Grey*. Vol. I. 1824 to 1830. L., 1890. P. 66.
- <sup>105</sup> Ibid. P. 73.
- <sup>106</sup> Bertier de Sauvigny G. de. Metternich. P. 407.
- <sup>107</sup> *Correspondence of Princess Lieven and Earl Grey*. P. 79.
- <sup>108</sup> NP. Bd. 4. S. 458.
- <sup>109</sup> Надлер В. К. Указ. соч. С. 221.
- <sup>110</sup> NP. Bd. 4. S. 564.
- <sup>111</sup> Ibid. S. 573.
- <sup>112</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Metternich et son temps. P. 200.
- <sup>113</sup> NP. Bd. 4. S. 575.
- <sup>114</sup> Ibid. S. 592.
- <sup>115</sup> Ibid. S. 595.
- <sup>116</sup> Ibid. S. 601.
- <sup>117</sup> Ibidem.
- <sup>118</sup> Ibid. S. 602.
- <sup>119</sup> *Correspondence of Princess Lieven and Earl Grey*. P. 215.
- <sup>120</sup> NP. Bd. 4. S. 539. and Earl Grey. P. 215.
- <sup>120</sup> NP. Bd. 4. S. 539.

## Глава VIII. ИЮЛЬСКИЙ ШОК

### I

Несмотря на постоянные заклинания насчет грядущей революции, Меттерних оказался застигнутым врасплох второй революционной волной XIX столетия. Если первая, поднявшаяся в начале 20-х гг., захватила главным образом периферийные южно-европейские страны, то теперь ее эпицентром вновь стал грозный Париж.

Канцлеру это было тем более обидно, что во Франции дела как будто пошли на лад. Правительство возглавил ультраконсерватор князь Жюль Полиньяк. Пожалуй, даже слишком «ультра», но так казалось надежнее. В апрельской депеше своему парижскому послу графу А. Аппоньи австрийский канцлер выражает уверенность, что правительство, которое знает, чего оно хочет, настроено решительно добиваться своих целей на основе права. Ему должен сопутствовать успех. Обнадеживала Меттерниха и встреча Аппоньи с Полиньяком. Все это побуждает Меттерниха смотреть на будущее Франции с определенным оптимизмом. Австрийскому канцлеру импонирует твердость французского правительства. «Уступать врагу — тяжелая ошибка»<sup>1</sup>, — назидательно пишет канцлер послу в расчете, что его депеша будет показана французам. За пару месяцев до революции Меттерних в письме императору Францу I не скупится на похвалы королю Карлу X и его фавориту: «Воля и моральные принципы короля, дофина и первого министра чисты и тверды»<sup>2</sup>.

Ордонансы Карла X от 26 июля 1830 г., по сути дела сводившие на нет хартию 1814 г., были восприняты Меттернихом с полным одобрением. Правда, и не без некоторой тревоги. Одобрение более относилось к содержанию ордонансов, а тревога — к перспективе их реализации. В королевских указах, констатировал князь, «нет ни одного положения, которого бы мы, а с нами все благомыслящие люди, не признали бы обоснованным и истинным». В ордонансе о предварительной цензуре Меттерних отметил заимствование из карлсбадских постановлений. В новом избирательном законе он легко распознал контуры былого наполеоновского закона.

«Удастся ли добиться победы правительству, выказавшему столь решительно свою добрую волю? Этого, по моему убеждению, никто не знает»<sup>3</sup>, — написал Меттерних 1 августа, еще не зная о том, что Карл X и правительство Полиньяка уже свергнуты восставшими парижанами. Только 4 августа курьер банкира Ротшильда (у финансиста служба информации была порой оперативнее,



чем у канцлера) передал известие о победе июльской революции. Меттерних в это время пребывал в своем владении в Кёнигсварте. Пожалуй, никогда прежде никакая новость не действовала на него столь ошеломляюще. По словам его врача Ягера, у канцлера случился удар. Его нашли за письменным столом с головой, бессильно упавшей на руки. С огромным трудом он проговорил или скорее прошептал: «Дело всей моей жизни разрушено».

Тем не менее уже на следующий день, 5 августа, канцлер докладывал Францу I о случившемся с привычным апломбом, не упустив случая еще раз подчеркнуть свою исключительную прозорливость. Ведь два года назад он предупреждал Бурбонов о надвигающейся угрозе, но, отмечает Меттерних в докладе своему кайзеру: «Мой голос был гласом вопиющего в пустыне»<sup>4</sup>. Карл X из достойного уважения монарха превратился у Клеменса в «старого дурака», а породивший столько надежд князь Полиньяк — в «нелепого фата»<sup>5</sup>. Советник баварского посольства в Вене К. фон Гассер писал своему королю в эти августовские дни 1830 г., что Меттерних ведет себя в обычной для него манере. Он, как всегда, прав, во всем виноваты другие. Меттерних и Генц обвиняют весь мир, жалуются на скудоумие Полиньяка, провалившего хороший замысел<sup>6</sup>.

В тот же день, 5 августа, когда Меттерних послал свой доклад Францу I, он встретился с проводившим отпуск в Карлсбаде российским вице-канцлером Нессельроде. По своему обыкновению австрийский канцлер начал с рассуждений глобального масштаба, в которых зазвучали апокалиптические ноты. Старая Европа, говорил он российскому министру, стоит у начала своего конца, новой же Европы еще нет, а между концом и началом — хаос. Сам Меттерних и его кайзер, несмотря ни на что, готовы исполнить свой долг и, если придется, погибнуть вместе со старой Европой.

Но австрийский канцлер видит путь к спасению. Он предлагает своему собеседнику идею возрождения антифранцузской коалиции. Но тот отнесся к ней весьма прохладно. «Будьте уверены, — сказал он Меттерниху, — император (Николай I. — П. Р.) не сожжет ни одного заряда, не прольет ни единой капли русской крови, не истратит ни гроша для исправления совершенных во Франции ошибок»<sup>7</sup>.

Однако ошибался и Нессельроде. Позиция российского самодержца оказалась гораздо ближе к меттерниховской, чем то мог предполагать российский министр. Как и австрийский канцлер, Николай I отнюдь не исключал военного вмешательства в ход событий, хотя и не форсировал принятия подобного решения.

Осторожный Луи-Филипп Орлеанский, вознесенный на трон Франции июльской революцией, всеми силами старался рассеять страхи монархической Европы. Новоспеченный король больше всего опасался войны. «Он говорил себе, — писал один из лучших знатоков европейской дипломатии XIX в. А. Дебидур, — что, потерпев поражение, он, наверное, будет низложен монархами, а добившись победы, будет увлечен слишком далеко демократами. Впрочем, ко-

роль и не надеялся на победу»<sup>8</sup>. Внешнеполитические интересы июльской монархии было поручено защищать вновь вернувшемуся из политического небытия Талейрану. Посредницей между ним и Меттернихом оказалась герцогиня Саган. Она появилась в Вене, чтобы встретиться с бывшим любовником. В итоге Луи-Филиппу удалось в какой-то мере успокоить своих более «легитимных» собратьев. Последовала полоса признаний, правда, российскому императору оказалось невозможно назвать «короля баррикад» братом, как того требовал этикет, что, естественно, надолго «подморозило» отношения между Петербургом и Парижем. Казалось бы, Вена могла воспользоваться благоприятной ситуацией и вспомнить о традиции Кауница, но этого не произошло.

Хотя Австрия, скрепя сердце, признала нового французского монарха, но примириться с королем, олицетворявшим ненавистный принцип народного суверенитета, ни Меттерних, ни тем более император Франц I были не в состоянии. На взгляд австрийского канцлера, «существовала несосместимость между новым французским правительством и покоем Европы»<sup>9</sup>. Пока это правительство слабо, писал Меттерних в Париж Аппоньи, ему приходится провозглашать по отношению к другим державам «сладкие и даже медоточивые формулы». Но все это может круто измениться. Причем угроза кроется не столько во французской армии, сколько в разрушительной деятельности революционных сил, инспирируемых внутри европейских стран Парижем.

Давно уже Клеменс не реагировал на политические события так эмоционально остро. Обычно осторожный, видевший в войне последний и крайне нежелательный довод, он готов отказаться от излюбленной выжидательной тактики и охотнее раздавил бы силой оружия гидру революции. «Будь в Европе такая же ситуация, как в 1815 г., когда 700 тыс. вооруженных людей стояли у границ Франции, я посоветовал бы нанести внезапный удар и покончить с революцией»<sup>10</sup>, — откровенничал канцлер с сардинским посланником. Но собрать такие силы теперь было абсолютно нереально. Пришлось ограничиться мелкой или даже мелочной мстью: французского посла генерала Бельяра заставили целую неделю ожидать приема у императора Франца I.

Между тем революция перекинулась на Бельгию. Осенью все того же 1830 г. бельгийцы добились независимости, выйдя из-под власти нидерландского короля. Развалился один из элементов (пусть и не первостепенной важности) венской системы. Французский министр иностранных дел Моле провозгласил принцип невмешательства в бельгийские дела. Это был тот самый термин, которым так энергично и искусно оперировал ненавидимый Клеменсом Каннинг. Те, кто предлагает такое, возмущался князь, подобны «грабителям, отвергающим жандармов» и «поджигателям, протестующим против пожарных»<sup>11</sup>.

Но и у Австрии было достаточно причин для того, чтобы уклониться от прямой интервенции. Меттерниха сковывала военная и финансовая слабость страны. Как всегда, вызывал тревогу итальянский очаг напряженности. Не обошла стороной революционная волна и германские государства. Туго пришлось владетелям Брауншвейга и Гессена; революционные волнения происходили в

Ганновере. Поддержка Франции и Англии нейтрализовала планы интервенции против Бельгии со стороны подзуживаемой Австрией Пруссии.

Оставалась надежда лишь на российского императора, причинившего за последние годы столько неприятностей Меттерниху. Общие охранительные интересы требовали, по крайней мере на время, забыть об этом. Николай I заявил, что в соответствии с союзным договором, заключенным 20 ноября 1815 г. между четырьмя державами (Россия, Англия, Австрия, Пруссия), он готов направить в Бельгию 60-тысячный корпус. Это известие сильно приободрило Меттерниха. В нем снова вскипел нетленный дух Священного союза; он снова почувствовал себя «шевалье де Сент-Альянс». Главной задачей, как отмечал канцлер в депеше Фикельмону, является «создание истинной солидарности между державами», необходим и «общий центр для повседневных контактов»<sup>12</sup>. Почему бы не обернуть себе на пользу катастрофический ход событий: положить конец опасному русско-французскому сближению, привлечь царя на свою сторону, использовать российскую военную мощь для подавления очагов революции, возродить Священный союз, пусть и в усеченном варианте (Австрия, Россия, Пруссия)?

Меттерниху не пришлось испытывать свое знаменитое искусство обольщения на российском монархе. События в Бельгии послужили Николаю I сигналом для атаки. В Вену и Берлин отправились авторитетные эмиссары царя: генерал граф А. Ф. Орлов и фельдмаршал И. И. Дибич. Берлинский двор принял фельдмаршала без энтузиазма, зато в Вене Орлова ждал великолепный прием. «Ваше Величество возложили на меня поручение при императорском венском дворе. Я не имел случая его исполнить, ибо все, что с самого начала сказал мне канцлер и подтвердил император, и есть именно то, что Ваше Величество поручили мне требовать»<sup>13</sup>, — сообщал обласканный в Вене граф своему государю.

Клеменс тоже был в восторге от российского дипломата. «Его личные взгляды целиком совпадали с моими собственными»<sup>14</sup>, — писал канцлер в Петербург Фикельмону. В искусстве обольщения Орлов едва ли не превзошел самого австрийского канцлера. «Вы, — говорил он ему, — должны стать доверенным лицом моего государя; он не знает вас, и люди, имеющие на то причины, боятся, как бы он не узнал вас»<sup>15</sup>. Этому могла бы поспособствовать встреча двух императоров, необходимость которой неустанно подчеркивал посланец Николая I. Клеменс, наверное, уже представлял себя в роли укротителя еще одного российского императора. Почему бы не повторить с Николаем I то, что ему удавалось с его старшим братом?

В Вене при участии представителей некоторых государств Германского союза разрабатывается грандиозный план похода на Францию. Главнокомандующим планировался эрцгерцог Карл. Но испытанный полководец был против войны, предостерегая, что она грозит Европе неисчислимыми бедами и не сулит желанного результата: «Там, где дух беспокойства в такой степени охватил весь народ, как во Франции, он остается неопасным для заграницы, если он

бурлит сам по себе; стоит же ему выйти за собственные пределы, он, по крайней мере в первый момент, становится всесокрушающим и почти непреодолимым». «В упорядоченных же государствах, которые ему противостоят, — продолжал благородный солдат, — тяготы войны по мере его усиления и расширения уменьшают материальные средства, потребные для улучшения жизни народа; война так же чужда обычаям народов, как и правительств. Глупость и безумие никогда не распространяются так быстро, как в том случае, когда их хотят преодолеть насилем»<sup>16</sup>.

Такие слова старого недруга могли вызвать у Клеменса только гнев. В несколько взвинченном состоянии он находился, свидетельствует его готовность идти на открытый конфликт с братом императора. Но близкий ему генерал граф Клам-Мартиниц предостерег князя: армия на стороне Карла. Главное же, чего не мог не заметить Меттерних, доводы эрцгерцога подействовали на его осторожного царственного брата. Против военного вмешательства был и набравший силу соперник Меттерниха граф Коловрат, на чьем попечении находились финансы империи. Даже у верного Генца он не нашел поддержки.

Однако самым весомым доводом против воинственных замыслов Меттерниха оказалась позиция России. Ее силы были скованы восставшими в конце 1830 г. поляками. Все больше сил требовалось и австрийцам в итальянских владениях. Не успокаивалась Германия. И все же Меттерних не оставляет идею войны против Франции. Весной 1831 г. в секретной переписке с баварским фельдмаршалом Вреде он обсуждает план грандиозного похода на Париж. Речь шла о мобилизации примерно 800 тыс. солдат, что вполне сопоставимо с 1815 г. Предусматривалась переброска 60–80 тыс. русских войск в Нидерланды. Правда, о полководческих талантах Дибича и Паскевича, командовавших русскими войсками в Польше, Меттерних и Вреде не очень высокого мнения<sup>17</sup>. В итоге план этот так и остался мертворожденным, но он хорошо отражает состояние Меттерниха после июльского шока.

О том, насколько сильно был потрясен Клеменс Июльской революцией, свидетельствует и зародившийся в его обычно холодном и трезвом мозгу авантюрный замысел разыграть бонапартистскую карту. Ею был тот самый римский король, долгожданный наследник Наполеона, чье рождение когда-то австрийский министр приветствовал с искренним энтузиазмом. После свержения отца мальчик стал для кого-то надеждой, а для кого-то живым укором. Вокруг него кипели страсти, плелись интриги, складывались легенды. Рос он одиноко. У матери, экс-императрицы, позднее герцогини Пармской, в результате морганатического брака с генералом Нейпергом сложилась другая семья, появились другие дети. Жила Мария Луиза преимущественно в своей Парме, а сыну Наполеона по политическим мотивам путь в Италию был заказан. Трудно было ожидать тепла и ласки от черствого и холодного деда — императора Франца I. Что касается Меттерниха, то томившийся в Австрии потомок императора французов был ему совершенно безразличен. Канцлер вспоминал о нем от случая к случаю.

Так, когда Карл X и Полиньяк начали ориентироваться на Россию, в самом ближнем кругу Меттерниха впервые обсуждалась идея, не припугнуть ли Бурбонов сыном Бонапарта. Однако в 1829 г. князь ее решительно отверг. Но вскоре после воцарения Луи-Филиппа, 22 августа 1830 г. Аппоньи пишет шефу: «Июльская революция вопиет о Наполеоне II»<sup>18</sup>. Позже немало польских повстанцев мечтало о том, чтобы вручить ему корону Польши. Бонапартисты хотели предложить его кандидатуру на трон только что обретшей независимость Бельгии. Но против этого решительно возражали и Луи-Филипп, и британский министр иностранных дел Пальмерстон.

Хотя римского короля переименовали в герцога Рейхштадтского, но воспитать из него типичного австрийского принца не смогли. «Главная цель моей жизни — быть достойным отцовской славы»<sup>19</sup>, — говорил сын Наполеона. «Если поляки изберут меня королем, я буду сохранять равновесие между Россией и Австрией»<sup>20</sup>, — заверял юный герцог. Однако ни его дед, ни австрийский канцлер не желали видеть прямого потомка корсиканца на каком-либо троне.

Тем не менее Меттерних решил пошантажировать Луи-Филиппа, особенно в связи с обострением австро-французских противоречий в Италии. Завязываются, правда очень осторожно, контакты с семейством Бонапартов, их агентурой. Глава клана, Жозеф Бонапарт, обращается непосредственно к императору Францу I в интересах своего племянника. Бонапартисты тогда представляли собой немалую силу. В первые дни марта 1831 г. генерал Лакруа вывел на улицы Парижа 10–12 тыс. человек, главным образом рабочих, с призывами: «Да здравствует Наполеон III!», «Долой короля Луи-Филиппа!». Против июльской монархии объединяют свои силы бонапартисты и анархисты. Один из душеприказчиков Наполеона, прошедший с ним годы на Св. Елене, генерал Монтолон конфиденциально просил австрийского посланника в Берне графа Бомбеля насчет паспорта для поездки в Вену, чтобы встретиться там с Меттернихом. Монтолон хотел заверить австрийского канцлера, что после воцарения в Париже Наполеона II Франция будет вместе с Австрией бороться против разрушительного революционного духа<sup>21</sup>. Предполагалось посвятить Меттерниха в грандиозный план: бонапартисты и их союзники надеялись поднять в августе 1831 г. 100 тыс. национальных гвардейцев и посадить на французский трон Наполеона II. Чтобы ввести в соблазн Франца I, ему предлагали стать королем Италии и Польши, превратить Германский союз в единую монархию под его протекторатом<sup>22</sup>.

Бонапартистам удалось произвести впечатление на весьма либерального и увлекающегося эрцгерцога Иоанна, но Франц I остался невозмутим, а двусмысленностью и неясностью своих высказываний вполне мог соперничать с дельфийским оракулом<sup>23</sup>.

Зато бонапартистская перспектива вдохновила прусского фельдмаршала Гнейзенау, который предложил австрийскому послу в Берлине поддержать герцога Рейхштадтского ради того, чтобы Франция погрузилась в пучину гражданской войны и перестала быть угрозой для Германии. Можно вспомнить, что

во время Венского конгресса Гнейзенау предлагал отпустить Наполеона во Францию в расчете на такой же эффект<sup>24</sup>.

Австрийский историк В. Библь, главный критик Меттерниха, обвиняет канцлера и в трусости, и в политической близорукости. По его мнению, поддержка Наполеона II в любом случае принесла бы Австрии ощутимую пользу, будь то вариант Гнейзенау или же реставрация наполеоновской империи относительно мирным путем при одобрении большей части французского народа. В первом случае Австрия и Германия надолго избавились бы от военной угрозы с Запада, а во втором — Вена обрела бы мощного союзника. «Но Меттерних, — сожалел австрийский историк, — предпочел терпеть на троне сына того самого Филиппа Эгалите, который голосовал за смертную казнь короля Людовика XVI, провозгласив, что «навсегда лишен права занимать какой-либо трон сын Наполеона, удушившего революцию»<sup>25</sup>.

Авантюристические сценарии бонапартистов и Гнейзенау были чужды самой природе Меттерниха. Остается скорее удивляться тому, что он решился хотя бы поиграть бонапартистской идеей. Вряд ли он собирался заходить далеко в этой игре. Конечно, было соблазнительно погугать Луи-Филиппа, но в конечном счете этот король все же меньшее зло по сравнению с непредсказуемыми последствиями выступления бонапартистов и анархистов в пользу герцога Рейхштадтского. От таких союзников князь решил держаться подальше. Он поставил в известность о готовящемся заговоре французского премьер-министра Казимира Перье, правда, не раскрыв конкретных имен и деталей<sup>26</sup>. Последовавшая вскоре смерть герцога Рейхштадтского (22 июля 1832 г.) сняла проблему.

Эту смерть значительная часть европейского общественного мнения отнесла на счет Меттерниха. Такой взгляд был закреплен знаменитой пьесой Эдмона Ростана «Орленок». Он стал еще одним элементом мифа. Реальность же, как всегда, не столь проста и однозначна.

В отношениях Меттерниха к сыну Наполеона имелся сложный психологический подтекст. Юный принц был живым напоминанием о тех событиях, которые Клеменс стремился предать забвению. Сын Наполеона постоянно напоминал об австрийском браке императора французов, в заключении которого Клеменс и Лорель сыграли первостепенные роли. В то же время главный архитектор австрийского брака принял все меры, чтобы побежденный Наполеон не смог больше увидеться с женой и сыном. Мария Луиза нашла в канцлере наилучшего посредника между собой и отцом. Меттерних убедил Франца I, чтобы тот не вмешивался в личную жизнь дочери. Та еще при жизни сосланного на Св. Елену мужа родила в морганатическом браке дочь и сына. Так что ей было не до своего первенца. Она испытывала чрезвычайную благодарность Меттерниху за то, что он дипломатично изложил историю ее брака с Нейпергом, умолчав о датах рождения сводных сестры и брата герцога Рейхштадтского. Для свято чтившего память отца юноши было бы тяжелым ударом узнать, что его мать рожала детей при жизни узника Св. Елены.

В то время как Мария Луиза всегда могла рассчитывать на благожелательность и отзывчивость канцлера, ее сыну в этом было отказано. Клеменс предпочитал не замечать сына Наполеона, как и многие другие неприятные для себя вещи. Не исключено, что герцог Рейхштадтский бередел в его душе и глубоко затаенные сожаления об упущенных возможностях. Чувство ревности явно вызывали у канцлера та любовь и то сочувствие, с какими венцы относились к Наполеониду.

Видимо, Меттерниха раздражали и светские успехи принца. Высокий, тонкий красавец, настоящий романтический герой, он будоражил воображение венских аристократок. Молва приписывала ему несколько романов. Один из них — с эрцгерцогиней Софией. Ее невзрачный и недалекий супруг Франц-Карл ревновал жену к сыну Наполеона. Ему нашептывали, что два первых ребенка эрцгерцогини, Франц-Иосиф (будущий император) и Макс (трагически погибший в Мексике), будто бы сыновья герцога Рейхштадтского<sup>27</sup>.

Однако подлинной страстью герцога, как и следовало ожидать от сына Наполеона, было военное дело. И его воспитатели, прежде всего граф М. Дитрихштейн, надеялись вырастить из него нового Евгения Савойского. Любимым занятием принца было изучение образцов военного искусства своего отца. Его привлекали люди, знавшие Наполеона, которые могли рассказать о нем много интересного. Хорошие отношения сложились у него с эрцгерцогом Карлом, высоко ценившим полководческий дар императора французов. В свою очередь молодой человек почитал в нем достойного соперника своего отца. Самым близким старшим другом принца стал барон А. Прокеш-Остен, разносторонне одаренный и душевно щедрый человек. Его статьи в защиту полководческого гения Наполеона, посвященные анализу сражений при Линьи и Ватерлоо, вызвали восхищение герцога Рейхштадтского. Кстати, А. Прокеш-Остен был очень дружен с Генцем, а позднее сблизился и с Меттернихом. Сын Наполеона прекрасно чувствовал себя в своем полку, в офицерской компании. К нему относились со скрытым сочувствием и восхищением. Князь Лихтенштейн назвал его «образцовым полковником»<sup>28</sup>.

Ранняя смерть принца не могла не навеять мысль о том, что он стал жертвой какого-нибудь яда, морального и психического давления со стороны всемогущего канцлера, что он был специально втянут в распутство, поглощавшее и без того небогатые жизненные силы болезненного юноши. Меттерних, впрочем, как и кайзер Франц I, оказался под огнем обвинений буквально на следующий день после смерти юного Наполеонида. Появилось множество книг, брошюр, статей, где с помощью самой разнообразной аргументации доказывалась вина канцлера и императора.

Досталось и знаменитой танцовщице Фанни Эйслер, любовнице Генца. Она предстала в роли расхитительницы принца. Эту версию решительно отвергал А. Прокеш-Остен. По-видимому, слухи возникли из-за того, что принца видели возле дома, где жила Фанни. Жилье снимал ей Генц, который устроил там для себя и Прокеш-Остена рабочее помещение. Так что герцога Рейхштадтско-

го могли видеть, когда он появлялся, чтобы оставить письмо другу. Сама Фанни Эйслер уверяла, что вообще никогда не видела сына Наполеона.

С целью противодействия волне обвинений Меттерних срочно мобилизовал графа Монтбеля (из окружения жившего в изгнании Карла X), возложив на него специальную миссию написать книгу, которая защитила бы его репутацию. Сначала хотели возложить эту задачу на Прокеш-Остена, но, по-видимому, сочли, что более подходящим автором будет француз, а не австриец. Но и Прокеш тоже был использован. Он написал небольшую брошюру, предназначенную для публикации за границей. Причем Меттерних предварительно ознакомился с ней.

О причинах смерти сына Наполеона было написано достаточно много. Среди медиков разногласия не столь уж велики. Врачи давно отмечали болезненность герцога. В отрочестве он очень быстро рос, вытянувшись однажды за год более чем на 10 сантиметров. При очень высоком росте у принца была несоразмерно узкая грудь. С 16 лет он жаловался на общую слабость и головокружения, много времени проводил в постели.

Между тем его властью притягивала военная служба. Он любил свой полк, офицерское общество. Роковое ускорение его болезни связывали с эпизодом, когда он на довольно сильном морозе, командуя своими солдатами, сильно простудился. Большинство врачей сходились на том, что медицинской причиной смерти был туберкулез. Ему нужно было лечиться в Италии, но Меттерних дал на это разрешение слишком поздно: герцог Рейхштадтский уже не мог им воспользоваться. Библь справедливо укоряет за это канцлера; ведь тот разбирался в медицине на профессиональном уровне и знал о состоянии больного.

Все же имелись и более глубокие причины ранней смерти принца. Они обусловлены самой его жизнью в Австрии, своего рода «моральной Св. Елены»<sup>29</sup>. В венской клетке он грезил о славе своего отца, мечтал о великих сражениях и походах. Обо всем этом великолепно сказано в «Орленке» Эдмона Ростана. Французский драматург вкладывает в уста своего героя такие слова:

*«Здесь говорят о яде злой локусты,  
О том, что я от яду умираю;  
Но далеко прекрасней мой недуг,  
Не мелодрама здесь. И не отравой  
Рейхштадтский герцог медленно томим...  
Я болен — болен именем своим,  
Звучащим грозной и могучей славой!»*

Угнетало его и безразлично-равнодушное отношение близких. Мария Луиза избегала контактов с больным сыном, ссылаясь на государственные заботы. Она отправилась к нему только после многочисленных тревожных сообщений о его близящейся кончине. Приехав в Вену, она не утруждала себя дежурством у его постели. Принц, умирая, призывал мать, но ее не было рядом. «У его ко-



лыбели, — писал австрийский историк Э. фон Вертхаймер, — стоял весь мир, а на своем смертном ложе он был покинут даже собственной матерью»<sup>30</sup>. Не было ее и на его похоронах. Уклонился от участия в траурной церемонии и кайзер Франц I, который из-за этого не стал прерывать инспекцию оборонительных систем в районе Линца. Что касается роли Меттерниха, то он, по словам Прокеш-Остена, «ничего не делал для спасения герцога, правда, не намеренно, а из-за безразличия»<sup>31</sup>. Тот же Прокеш отмечал, что Меттерних встречался и беседовал с герцогом Рейхштадтским не более пяти раз за все 18 лет жизни сына Наполеона в Вене, но всякий раз у канцлера было такое выражение лица, будто он принял «горькое лекарство»<sup>32</sup>.

При всей неприязни Меттерниха к бывшему римскому королю его нельзя считать, в соответствии с легендой, главным и непосредственным виновником смерти молодого человека. И все же степень его ответственности достаточно велика. Он должен разделить ее с дедом и матерью принца. Кстати, с Марией Луизой его отношения стали настолько доверительными, что канцлер по ее слегка запоздавшей просьбе отыскал ей третьего мужа — французского графа Шарля де Бомбеля, отказавшегося служить королю Луи-Филиппу.

В те дни, когда умирал ее сын, мысли Марии Луизы были заняты собственными матримониальными заботами. В знак благодарности за помощь она подарила Меттерниху ночной столик, который когда-то принадлежал Наполеону, а потом сестра императора Полина Боргезе завещала его герцогу Рейхштадтскому. Теперь он пополнил музей Клеменса в Кёнигсварте, где находилось множество экспонатов, так или иначе связанных с Наполеоном. Обличитель Меттерниха Библь усматривал в этом что-то садистское. На наш взгляд, дело совсем в другом. Вещи, связанные с императором французов, напоминали князю о самом ярком и интересном периоде его жизни. Где-то в глубине души Клеменс осознавал, что именно причудливое переплетение его судьбы с судьбой титана вознесло его на европейский политический олимп и что отблеск наполеоновской славы всегда будет согревать того, кто претендовал на роль победителя корсиканца.

## II

Если нет стабильности и порядка в Европе, то почему бы не добиться этого в своих собственных домашних и семейных делах? Покой и надежность у себя дома должны послужить компенсацией за европейские неурядицы. В своем третьем браке Клеменс оказался более удачлив, чем в политических делах. Его первый брачный союз был основан преимущественно на расчете. Второй был властно продиктован чувством. В третьем удачно сочетались и то и другое.

Едва умерла Антуанетта, семейство Зичи расторгло помолвку Мелани с бароном Хюгелем, увлекавшимся не столько дамами, сколько историей, искус-

ством, естественными науками. На этой почве позднее он сойдется со своим более удачливым соперником и станет преданным другом семейства Меттернихов. Пока же его отправили путешествовать. Но Мелани и ее матери, графине Молли, пришлось пережить довольно долгий «выжидательный период». Клеменс не торопился «меланизироваться».

Уже говорилось, что после июльских событий в Вене появилась в качестве представительницы Талейрана Вильгельмина Саган. Хотя встречи ее с Клеменсом носили политический характер, семейство Зичи изрядно поволновалось. На какое-то время внимание канцлера вновь обратилось в сторону княгини Мими Лихтенштейн. Это была бы гораздо более блестящая партия, чем Мелани Зичи. Но в конце концов выбор князя пал на Мелани. Ее он знал с того дня, как она появилась на свет, и был абсолютно уверен в ее чувствах по отношению к себе. На его вопрос, хочешь ли ты быть моей Мелани, она ответила ему, не скрывая радости, вопросом: «Хочешь ли ты быть моим Клеменсом?»<sup>33</sup>. «Я любил тебя как отец, — писал 57-летний жених своей невесте, которая была младше его на 32 года, — но я стану твоим мужем и буду любить тебя не так, как отец свое дитя, а совсем иначе»<sup>34</sup>.

Бывший ловелас, превращавшийся с возрастом в докучливого моралиста, не преминул подчеркнуть возвышенный характер собственных чувств по сравнению со своим старым другом Генцем, который эпатировал венское общество романом с Фанни Эйслер. «Да, моя дорогая Мелани, — писал Клеменс, — я люблю тебя как человек, достойный этого имени (а не так, как любят Генц и К<sup>о</sup>)»<sup>35</sup>. Даже привередливая кузина Флора Врбна на этот раз одобрила его выбор. Правда, нашлись родственники, которые не слишком деликатно давали ему понять, что возраст его не совсем подходящий для очередной роли новобрачного. Но это лишь раздражало князя. Не могли остановить его и государственные заботы. Во время одного из заседаний государственной конференции он пишет Мелани: «Ты, конференция, польские неурядицы, любовь, Бельгия и свадьба образуют во мне настоящее рагу»<sup>36</sup>. Накануне свадьбы Клеменсу приходится успокаивать Мелани, ревновавшую его к герцогине Саган. «Она стала бесконечно старой»<sup>37</sup>, — сказал князь о женщине, которую в свое время он любил сильнее, чем кого бы то ни было.

Наконец 30 января 1831 г. состоялась свадебная церемония. Венчал новобрачных папский нунций. Впрочем, утро столь знаменательного дня жених по обыкновению провел в госканцелярии, где обсуждал с Генцем текущие дела. На свадебных торжествах Мелани буквально светилась от счастья и гордости. Белоснежное, украшенное бриллиантами платье эффектно сочеталось с ее иссиня-черными волосами, оттеняло ее яркую красоту. Среди множества свадебных подарков был один поистине царский. Николай I простил семейству Зичи долг в 400 тыс. рублей, занятых графиней Молли у Александра I.

Знатный венгерский род, восходивший к XII столетию, обеднел, но сословной гордости у его представителей от этого отнюдь не убавилось. Мелани даже в самой аристократической среде выделялась высокомерием. К этому следует

добавить ее бурный темперамент, неумение и нежелание сдерживать бьющие через край эмоции, невоздержанность на язык.

Мужа она окружила любовью и заботой. Ради него она была готова на все. Ее смертельным врагом становится всякий, кто посмел сказать о нем худое слово. Всегда и всюду она немедленно вступала в бой с хулителями мужа, не боясь нарушить салонный этикет. Дела Клеменса стали и ее делами. Да и как могло быть иначе? «Он не мог провести со мной ни минуты без того, чтобы не говорить о делах, которые его занимали, короче, обо всем, что представляло для него наивысший интерес, и его доверие трогало меня»<sup>38</sup>, — записывала молодая княгиня в своем дневнике, по праву изданном вместе с документами ее мужа.

Кроме искреннего интереса к государственной политике поведение Мелани диктовалось вполне понятным стремлением утвердиться в жизни своего мужа, для которого жизнь и политика были слиты воедино. Заботы об удобствах и комфорте канцлера тоже помогали быстрее войти в его мир, занять там уникальное место. В процессе предпринятой ею перестановки в кабинете Меттерниха большой портрет Антуанетты, выполненный после ее смерти художником Эндерсом и всегда находившийся перед глазами князя, оказался у него за спиной. У Меттерниха слабеет зрение, и Мелани стала читать мужу депеши, в том числе и самые конфиденциальные. При этом она добросовестно пытается вникнуть в их содержание. Фактически она превращается в доверенного секретаря канцлера. Генц в явной тревоге; он жалуется своему младшему другу барону А. Прокеш-Остену на Мелани: «Она все хочет понять, читает все исходящие депеши, первой распечатывает входящие»<sup>39</sup>. Генца это не только злит, но и тревожит. Супруга его патрона не научилась держать язык за зубами, а ведь ей становились известны государственные тайны.

Искренне преклоняясь перед мужем, прямо-таки обожествляя своего Клеменса, Мелани еще больше способствовала росту его самомнения, утверждению его веры в собственную непогрешимость. Вильгельмина и Доротея были для него интересными собеседницами. Они были с ним, можно сказать, на равных. Он иногда прислушивался к их советам. Мелани же главным образом восторженно внимала ему, для нее он был настоящим оракулом. И это ему нравилось. Именно поэтому растет ее влияние на мужа. Она религиозна и ультраконсервативна. Свободомыслящий вольтерьянец, Клеменс постепенно уступает ее воздействию. В этом одна из причин растущего отчуждения между ним и Генцем. Мелани ценит талант ближайшего сподвижника своего мужа, но ее коробит связь Генца с Фанни Эйслер. Она позволяет себе язвительные замечания по поводу разницы в возрасте между ними, забывая, что Клеменс и ее разделяет дистанция немногим меньшая. Салон Меттернихов становится чопорным и труднодоступным, а хозяйка выносит безапелляционные вердикты по проблемам политики, религии, искусства. О ее бестактности ходят легенды. Чего стоит, например, ее высказывание о том, что герцог Рейхштадтский ломает комедию со своей болезнью<sup>40</sup>. Ференцу Листу, не раз игравшему в салоне Меттернихов, Мелани как-то задала вопрос: «Месье, вы, должно быть, делаете много

денег?» Ответ великого пианиста и композитора на очередную бестактность княгини стал известен всей Вене: «Нет, мадам, я делаю музыку».

Третий брак Клеменса принес ему домашний покой и счастье, но еще более усугубил те черты его характера и мировоззрения, которые обостряли разлад между ним и духом времени. «Верный» Генц с горечью писал либерально настроенному высокопрофессиональному дипломату барону Вессенбергу о вопиющей односторонности канцлера, жесточенности, нетерпимости к малейшему отклонению от принятых им стандартов, о его «гигантском самомнении, уверенности в том, что он вобрал в себя всю мудрость мира»<sup>41</sup>.

После июльской революции Генц пережил крутую ломку прежних представлений. Еще 13 июня 1830 г. в письме Меттерниху он соглашался с тем, что для Австрии самое мудрое — «твердо придерживаться той системы, которой мы руководствовались в последние годы»<sup>42</sup>. Однако он сразу же принял июльскую монархию. Генц был знаком с Луи-Филиппом и высокого его ценил. Теперь уже, по мнению ближайшего соратника Меттерниха, не удастся противостоять принципу конституционализма, опираясь на старые методы борьбы с ним.

Более всего Генц опасался воинственности Меттерниха. Он спорил с ним и с решительным рубакой Альфредом Виндишгрецем. По Вене поползли слухи, что Генц будто бы стал революционером. Действительно, в Париже он видел не врага, а потенциального союзника. Наиболее надежный путь к миру, полагал Генц, лежит не через договоры трех, четырех или пяти держав, а через «доверительное и разумное соглашение с Парижем»<sup>43</sup>. С дипломатической точки зрения это напоминает курс Кауница.

Фрондер Генц стал задумываться и над социальными проблемами. «Возможность восстания низших классов против высших, бедных против богатых — вот опасность, которая нависла над нами», — писал он в январе 1832 г. Он позволил себе резко критиковать своего патрона. «Если бы я писал историю последних пятнадцати лет, — говорил Генц Прокеш-Остену, — это был бы сплошной обвинительный акт против Меттерниха»<sup>44</sup>. В письме опальному дипломату барону Вессенбергу (26 ноября 1831 г.) подлинную причину недовольства князя Генц объяснял так: «Она кроется не в вещах, за которые вы и ваши коллеги в той или иной мере ответственны, а в неизбежности, неотвратимости результата ваших переговоров, в непримиримой ненависти к каждому обязанному свои происхождением революции правительству, в горьком чувстве бессилия, в борьбе со все расставляющим на свои места и все разрушающим временем»<sup>45</sup>. Не о физических болезнях пишет Генц тому же адресату незадолго до своей смерти (24 апреля 1832 г.): «Сердце мое разрывается на части и я в полном отчаянии от того, как повседневно решаются важнейшие политические вопросы»<sup>46</sup>. Если раньше Меттерних был способен выслушивать оппозиционное его взглядам мнение, то теперь он предпочитает льстецов, готовых аплодировать каждому его слову.

9 июня 1832 г. Генц скончался, едва перейдя рубеж 66 лет (он родился 2 мая 1764 г.). После него остались большие долги. Меттерниху пришлось оплачивать его похороны и надгробие. В честь Генца была названа маленькая венская

уличка. Конечно, князь был раздосадован фрондой своего alter ego и связывал ее с влиянием духа романтизма, пробудившегося у Генца на седьмом десятке лет под влиянием страсти к Фанни Эйслер. И все же утрату Генца Меттерних пережил тяжело. Ведь тот действительно стал неотъемлемой частью всего жизненного уклада канцлера. Без острой приправы — бесед с Генцем — пресными казались завтраки и обеды. Генц служил для Меттерниха генератором идей, своеобразным интеллектуальным ферментом.

«Удивительный набор самых исключительных талантов, настоящий гений», — так отзывался канцлер о человеке, чей пронизательный ум и чье блестящее перо служили ему более двадцати лет. «Место, которое, он занимал, — продолжил свою эпитафию Меттерних, — не может быть занято кем-то другим, и хотя последние два года Генц почти ничего не делал для меня, мне будет его ужасно не хватать»<sup>47</sup>.

И на самом деле потеря была невозможна. Исходившие от Генца интеллектуальные импульсы тонизировали князя, удерживали его от погружения в болото самодовольства. В отличие от своего шефа, Генц начал эволюционировать в направлении либерального, реформистского консерватизма. Сомнительно, удалось ли бы ему увлечь за собой канцлера, но во всяком случае после смерти Генца Меттерниху было проще закрепиться на позициях консерватизма традиционалистского типа. Вообще у него больше не было серьезного оппонента среди приближенных. Восхищенно внимающее и поддакивающее окружение представляло собой серьезную опасность для человека с таким характером, как у князя.

Предпосылки расхождений между канцлером и его ближайшим клеветником имели и основательные, можно сказать, метафизические корни. По Меттерниху, в человеческом обществе постоянно противоборствовали два основополагающих принципа: разрушительный и охранительный, или, иными словами, негативный и позитивный. Причем абсолютного или даже сравнительно длительного равновесия между ними ждать не приходится. «Все в этом мире, — философствовал Клеменс в одном из писем, адресованных Доротее Ливен, — течет либо вперед, либо назад. Ничто, а менее всего мысль, не остается неподвижным»<sup>48</sup>. И все же, несмотря на вечную борьбу двух противоположных начал, к равновесию, пусть недолговечному, следует стремиться. Таким образом, в основе мировосприятия Меттерниха доминирует дихотомический подход, в принципе исключающий какой бы то ни был синтез противоположностей. Тем самым меттерниховское понимание консервативного, охранительного принципа лишается динамики. Идеальный порядок мыслится в значительной степени неизменным, статичным.

У Генца миропонимание более гибкое и динамичное. Для него основополагающими являются два принципа: первый из них — постоянный прогресс, а второй — необходимое ограничение этого процесса. Стоит взять верх какому-то одному из принципов, как «все либо окаменеет, либо подвергнется разложению»<sup>49</sup>. Самое счастливое состояние для мира наступает в тот момент, когда оба

принципа органично уравнивают друг друга. Поэтому Генц спокойнее воспринимает либерально-прогрессистскую тенденцию: можно было надеяться на то, что сработает ее ограничитель.

Если для Генца в понятии «равновесие» или «эквilibр» покой и движение, статика и динамика равноценны, взаимодополняют друг друга, то для его шефа дело обстоит иначе. У Меттерниха наблюдается сближение понятий «равновесие» и «эквilibр» с «покоем», т. е. выхолащивание динамики. Тем более что порядок Меттерних полностью идентифицирует с покоем. В конечном счете сближение понятий ведет к фактическому совпадению принципа равновесия с консервативным принципом сохранения или покоя.

Возможно, в этом находил отражение и специфический австрийский опыт. Ведь для империи, представлявшей собой конгломерат национально-государственных образований, настоящий гордиев узел всевозможных противоречий, любые изменения были сопряжены с угрозой катастрофических потрясений.

Нельзя сбрасывать со счетов психологические и интеллектуальные особенности Меттерниха. Его ровному характеру более всего соответствовал размеренный и спокойный стиль жизни. Он проявлял неизменный и глубокий интерес к естественным наукам. Они привлекали его незыблемостью своих законов, достоверностью знания, проверяемого не умозрительно, а эмпирически. Канцлер мог прийти на публичную лекцию известного ученого, появиться в университетской лаборатории. С многими известными учеными он состоял в переписке, некоторых из них довольно часто приглашали на обед к князю. Для них он не был дилетантом, и они отдавали должное его познаниям, приближавшимся в ряде дисциплин к профессорскому уровню. Характерно, что его любимыми науками являлись геология, палеонтология, археология. Ему больше по душе нечто уже «ставшее», выкристаллизовавшееся, достигшее завершенности, покоя. ✓

Конечно, он ощущал разницу между консервативным принципом сохранения и принципом равновесия сил на международной арене. Консервативный принцип предполагал приоритет ценностей: монархических, сословно-аристократических, религиозных и т. п. Для принципа же равновесия, или эквilibра, прежде всего характерна ориентация на реально-политические, государственные интересы, которые отнюдь не всегда совпадают с ценностными императивами. Достаточно вспомнить меттерниховскую политику по отношению к наполеоновской Франции. Тогда нередко брали верх именно государственные интересы. Между тем в курсе Меттерниха относительно июльской монархии, прежде всего в 30-х гг., доминировали ценностные мотивы.

Революционная волна начала 1830-х гг. нарушила ту относительную ценность однородность, которая была характерна для участников Венского конгресса. Появились либерально-конституционные монархии во Франции и Бельгии. Еще дальше продвинулся британский парламентаризм после реформы 1832 г. Либеральные и конституционалистские тенденции пробивались

повсюду. От австрийского канцлера требовалось исключительное дипломатическое искусство, чтобы находить приемлемый баланс между ориентированной исключительно на консервативный принцип внутривосточной линией и внешнеполитическим курсом на равновесие сил.

### III

**П**од влиянием июльского шока Меттерних довольно резко качнулся в сторону консервативного принципа. Это сужало сферу его маневра, ограничивало перспективы союзнических связей группой абсолютистско-монархических держав. Напуганный угрозой, исходящей, на его взгляд, от Франции, он писал 6 октября 1830 г. графу Орлову: «Последним якорем спасения, который еще остается в Европе, является согласие великих держав создать великий и счастливый союз на консервативных основах»<sup>50</sup>. «Дух этого союза, — развивал далее свою мысль Меттерних, — представляют все те, кто осознает истинные нужды социального порядка»<sup>51</sup>. «Принцип союза — это принцип сохранения», он един для всех, но каждая страна должна применять его с учетом своих особенностей»<sup>52</sup>.

Найдя отклик у российского императора, канцлер спешит воспользоваться приливом «консервативной солидарности», чтобы вернуть Вене, хотя бы частично, былой международный престиж. У революционеров всех мастей, уверяет он, есть свой международный центр во французской столице. Консервативным силам необходимо создать свой противовес. Именно Вена, по словам Меттерниха, могла бы стать «наиболее подходящим сборным пунктом» для трех консервативных «северных держав», т. е. России, Австрии и Пруссии. Их князь называет «союзниками», а представителей либеральных или «морских держав» (Англии и Франции) он презрительно именует «сообщниками».

«Подлинную солидарность» трех консервативных дворов австрийский канцлер рассматривает как главную силу в борьбе с революционной «европейской чумой». Но ключ к возрождению некоего подобия Священного союза — в руках российского монарха. Между тем в России также взял верх подход, обрисованный несколько позже влиятельным дипломатом бароном Брунновым, которого называли российским Генцем. В своей «Записке» Бруннов опасается, что под революционным влиянием западных держав (Франции и Англии), «оплот, образуемый ныне Австрией и Пруссией, падет». Тогда, продолжает Бруннов, «мы станем лицом к лицу с революционным духом, глухо подтачивающим державы самые сильные. Существенная польза России требует, чтобы мы держали его в удалении от себя, посредством стран, отделяющих нас от очага революции. Поддерживать между нами и Францией нравственную преграду, состоящую из дружественных нам держав и монархий, твердо основанных на началах, сходных с нашими, — таков истинный и постоянный интерес России»<sup>53</sup>.

По словам Бруннова, Меттерних в беседе с ним говорил: «Сравните наши две монархии. Россия подобна вашему государю. Она молода, полна сил и может позволить себе большое напряжение, не вредя своему здоровью. Теперь взгляните на Австрию. Мы стары, тело наше обременено годами, мы не можем пускаться на опыты. Мы живем лишь потому, что бережемся и остерегаемся всяких излишеств»<sup>54</sup>.

Канцлер находит оправдания почти для любых действий царя. «Моральная позиция императора Николая, — утверждает он в связи с польским восстанием, — выше всяческих похвал». В ней князь усматривает сплав «непоколебимой в своей твердости силы» и «мудрой меры»<sup>55</sup>. Между тем в венском обществе были достаточно сильны симпатии к полякам. Их не могла скрыть и жена Меттерниха Мелани. Да и у самого Клеменса неудачи русской армии вызывали чувство злорадства, которое он, правда, тщательно маскировал.

Безусловно, он предпочел бы союзу трех «северных держав» союз четырех с участием Англии. Канцлер отдавал себе отчет в том, что он может стать заложником могущественного российского императора. Не располагавшему силовыми козырями Меттерниху оставалось уповать на свое изощренное дипломатическое искусство. Справедливости ради следует признать, что у него не было выбора. Воссоздать ось «Вена — Лондон», как во времена Каслри, было уже невозможно. Пути Англии и Австрии разошлись окончательно. Даже смерть Каннинга не привела к позитивному сдвигу в австро-английских отношениях.

В канун польской революции Форин-офис возглавил политик из школы Каннинга, всерьез вознамерившийся подхватить вожжи, только что выпавшие из ослабевших рук былого «кучера Европы». Генри Джон Темпл, третий виконт Пальмерстон, был почти на 11 лет моложе Меттерниха (он родился 20 октября 1784 г.). К началу 1830-х гг. он находился в самом расцвете жизненных и духовных сил. Его политическая карьера в качестве парламентария началась в 1807 г. С 1809 по 1828 г. он возглавлял военное ведомство. Это обстоятельство не могло не наложить отпечаток на его политический стиль. Руководителю канцелярии Форин-офиса он заявил: «Я полагаю, что ведомство должно быть подобно полку»<sup>56</sup>. Но это, конечно, не означало, что он был солдафоном. Стиль его жизни напоминал меттерниховский. Он тоже пользовался успехом у женщин. Оба они, британский министр и австрийский канцлер, входили в аристократический интернационал, связанный множеством видимых и невидимых нитей. В личном мире Пальмерстона определенное место занимала Доротея Ливен, близкая подруга леди Эмили Купер, урожденной Лэм, женщины, которая в качестве любовницы, а затем жены была спутницей британского политика на протяжении почти всей его жизни. Брат Эмили Фредерик возглавлял британское посольство в Австрии и попал под сильное влияние Меттерниха. Это обстоятельство и глубокая вовлеченность в австрийские дела обусловили его исключительный политический вес в Вене. Нередко он защищал интересы Меттерниха перед Пальмерстоном.



Доротея Ливен сыграла определенную роль в карьере Пальмерстона. Если верить посольше, то именно она убедила своего друга лорда Грея назначить тори каннинговского образца министром иностранных дел либерального кабинета в 1830 г. Правда, Доротея явно преувеличивала свою роль. Когда же она попыталась оказывать влияние на кое-чем обязанного ей министра, тот совсем не выразил желания пойти ей навстречу. В результате она становится его врагом, как прежде стала врагом Меттерниха. Пожалуй, это едва ли не единственное, что было у двух министров общего. «Она причиняла здесь много вреда, всюду суя свой нос и интригуя»<sup>57</sup>, — говорил Пальмерстон о Доротее своему брату. «Пальмерстон постарался избавиться от нее, потому что опасается ее»<sup>58</sup>, — не без ехидства заметил один из не очень расположенных к министру наблюдателей. Между тем неважные отношения с Пальмерстоном не мешали Доротее Ливен поддерживать переписку с Эмили Купер.

Пальмерстон был великолепно подготовлен для работы в качестве главы Форин-офиса. Он хорошо знал Европу, встречался с ведущими европейскими государственными деятелями. От него не ускользали тончайшие нюансы европейской политики. В этом ему помогало и знание иностранных языков. Британский министр свободно говорил по-французски, итальянски, испански, изучал португальский язык. У австрийского дипломата барона Вессенберга были все основания писать своему шефу в начале 1831 г., что Пальмерстон «вероятно, самый информированный министр в Европе»<sup>59</sup>. Он удостоился похвалы самого Талейрана. Патриарх европейской дипломатии, будучи в Лондоне в качестве посла Июльской монархии, имел возможность оценить восходящую звезду. По его мнению, Пальмерстон был одним из наиболее способных, если не самым способным из дипломатов, с которым ему приходилось когда-либо сталкиваться<sup>60</sup>.

Энергия Пальмерстона обрекла на муки сравнительно немногочисленный аппарат Форин-офиса. С поразительной скоростью он расправился с множеством бумаг. Все важные депеши он писал собственноручно. В многолетнем соперничестве Пальмерстона с Меттернихом преимущество британца было обусловлено, в частности, и тем, что его дипломатия сочетала искусство бокса и фехтования, тогда как австриец полагался исключительно на последнее. Впрочем, это превосходство объяснялось и тем обстоятельством, что за Пальмерстоном стояла мощь, намного превосходившая силы одряхлевшей Габсбургской империи. Уже будучи не у дел, Меттерних скажет, что Пальмерстон привнес в анналы дипломатии «героическое нахальство»<sup>61</sup>.

У Пальмерстона к моменту его выхода на международную арену имелась масса еще не реализованной энергии. В Вене же ему противостоял государственный муж, умудренный опытом, в совершенстве владевший искусством маневра, но уже утомленный, даже в какой-то мере пресыщенный. Если пик карьеры Пальмерстона был еще впереди, то у Меттерниха — в прошлом. После 1830 г. Меттерних порой напоминал рантье, живущего на ранее накопленный капитал, дивиденды от которого уже не покрывают расходов. Приходится

проедать этот капитал, тающий и сокращающийся подобно шагреновой коже. К тому же Меттерних не прислушался с должным вниманием к нелюбимому им Вессенбергу. Признанный мэтр европейской дипломатии, он допустил серьезный просчет, недооценив своего британского соперника.

Не оспаривая незаурядных дарований Пальмерстона, основательность его познаний, известный британский дипломат, знаток истории и принципов международных отношений Г. Николсон находит у знаменитого министра и немало непривлекательных качеств. Николсон готов согласиться с княгиней Ливен, называвшей любовника, а затем и мужа своей подруги, человеком «тяжелым и упрямым»<sup>62</sup>. «Пальмерстон в своем стремлении выглядит традиционным английским джентльменом», — писал Николсон, — с течением времени становился все более английским и все менее джентльменом»<sup>63</sup>. В дипломатии он нередко вел себя как игрок, давал выход страстям и предубеждениям. Николсон упрекал его за то, что идея баланса сил «деградировала у него в желание столкнуть Францию с Россией»<sup>64</sup>.

По сравнению с Меттернихом Пальмерстон был политиком не только иного типа, но и иной эпохи. Своей политике он всячески стремился обеспечить популярность. Для этого хороши были своевременные сенсации. Не чурался Пальмерстон при случае использовать демагогию. Британский министр был открыт для представителей влиятельной прессы, умел общаться с журналистами. С их помощью он лепил свой образ грубоватого, решительного, негибачего поборника традиционных британских ценностей, национальной чести.

«Солнце никогда не заходит над сферой интересов этой страны, — горделиво заявлял Пальмерстон, — и тот, в чью обязанность входит руководить ее международными отношениями, недостойно занимать свой пост, если его деятельность не соответствует величию интересов, требующих его внимания»<sup>65</sup>. Защиту зримых материальных интересов Британии Пальмерстон подкреплял аргументами в миссионерском духе: «Наша политика — не вмешательство в дела других стран, а легитимное использование британского влияния для поддержки других стран в их борьбе за введение ими у себя институтов, подобных тем, которые по праву представляют собой гордость нашей страны»<sup>66</sup>.

Рядом с Пальмерстоном Меттерних выглядел старомодным, таким реликтом уходящей эпохи. Правда, австрийский канцлер не пренебрегал прессой, но это были рептильные, находившиеся на его содержании газеты и журналы, главным образом разоблачавшие происки либералов и «революционных сект». В государстве, где не существовало массового общественного мнения, популярность в стиле Пальмерстона ему и не была нужна. Погоню за ней Меттерних считал неуместной для серьезного государственного деятеля. «Австрия всегда была открытым, честным врагом, и никогда не отрицала своей борьбы с либерализмом, и никогда, даже на короткое время не прерывала ее. Меттерних никогда не заигрывал с богиней свободы, он в минуты страха никогда не разыгрывал демагога»<sup>67</sup>, — писал Генрих Гейне, чьи произведения в Австрии подвергались запрету.

Июльскую революцию Пальмерстон воспринял, можно сказать, восторженно: «Это событие является решающим для распространения либеральных принципов во всей Европе; злой дух подавлен и будет растоптан. Царствованию Меттерниха пришел конец»<sup>68</sup>. Несмотря на всю либеральную риторику, главной задачей для Пальмерстона было обеспечить решающую роль Англии при любых пертурбациях в Европе. В отличие от Каслри он, как и его учитель Каннинг, не желал связывать себе руки, ограничивать свободу маневра. Могущественная Англия могла позволить себе такую политику. Хотя пройдет еще 18 лет, прежде чем он изречет едва ли не самое знаменитое свое суждение о сути британской политики. «У нас нет ни вечных союзников, ни вечных врагов. Вечны и постоянны наши интересы, соблюдать их — наш долг»<sup>69</sup>, — такова формула Пальмерстона. «Моя доктрина, — писал британский министр своему послу в Вене Ф. Лэму, — заключается в том, что мы должны прежде всего полагаться на самих себя; действовать по своим собственным принципам; использовать другие правительства, когда нам это нужно, уметь сделать так, чтобы они служили нам, но никогда не плыть в чьем-либо фарватере; вести других, тогда и там, где мы это можем, но никогда не следовать за кем-то»<sup>70</sup>. Практически такую линию он проводил с самого начала своей деятельности в Форин-офисе.

В то же время Пальмерстон решил использовать против австрийского канцлера его же излюбленное оружие: международные конференции. Глава Форин-офиса добивается перемещения центра европейской дипломатии в Лондон. Там, по мысли Пальмерстона, должны осуществляться регулярные контакты дипломатов европейских государств в форме конференций послов и министров. Отсюда острая коллизия между Лондоном и Веной, поскольку Меттерних в это же время предпринимает массу усилий, чтобы восстановить пошатнувшийся статус Вены как столицы европейской дипломатии.

Меттерних продолжал рассматривать Англию как естественного геополитического союзника. Англия — «морская держава», не имеющая владений в континентальной Европе, а Австрия — «континентальная держава», у которой нет колоний. Для защиты своих интересов ей не нужен большой военный флот. Таким образом, уже сама географическая ситуация (в наши дни сказали бы геополитическая) «исключает всякое соперничество между нами и, напротив, требует с их стороны взаимной поддержки»<sup>71</sup>.

Дружба с Каслри и Веллингтоном, хорошие отношения с Абердином — разве все это не подтверждение правоты канцлера? Конечно, был и Каннинг, но он, слава Богу, быстро сошел со сцены. И вот теперь у него объявился наследник — Пальмерстон. «Он, — констатирует в письме Аппоньи Меттерних, — проникнут духом оппозиции и недоверия к нам»<sup>72</sup>. Лорд Пальмерстон, пишет далее князь, «немного наивен в политике и более того — человек партийных пристрастий». «Самомнение и наивность, дерзость и стеснительность представляют собой отличительные черты характера лорда Пальмерстона»<sup>73</sup>, — такой психологический портрет соперника рисует Меттерних.

Насколько умозрительны выводы канцлера, насколько он далек от понимания натуры британского министра, свидетельствует его предположение, что тот — «игрушка» в руках князя Талейрана<sup>74</sup>. «Этот министр, — признает Меттерних несколько позже, — принадлежит к тому классу людей, которые прежде всего считаются со своими собственными наклонностями и руководствуются ими в делах»<sup>75</sup>.

У лорда Пальмерстона, скажет Меттерних, уже находясь в изгнании после революции 1848 г., «темперамент дуэлянта»<sup>76</sup>. Свой собственный темперамент он считает совершенно противоположным, и поэтому князь, по его словам, в отличие от задиристого лорда, «всегда противостоял не какому-то конкретному индивиду, а делу»<sup>77</sup>. Но, как это ни парадоксально, из всего сказанного князем по адресу лорда явствует, что именно он, австрийский канцлер Меттерних, видел главное препятствие для союза Вены и Лондона не в глобальных интересах Англии, не в различии ценностных ориентаций, а в особенностях личности британского министра. Клеменс продолжал надеяться, что все может измениться, стоит только прийти к власти тори. Он многого ждал от Aberдина, Веллингтона, затем Пиля. Однако внешнеполитические интересы Англии оказались сильнее партийных пристрастий. За исключением очень кратковременных, благоприятных для Австрии проблесков в отношениях с Англией, «владычица морей» и самая сухопутная из европейских великих держав находились в разных лагерях. Надежды на возрождение «союза четырех» были похоронены. В значительной мере сам Меттерних свел свою английскую политику к дуэли с Пальмерстоном, что сковывало его стратегические и тактические возможности, а его противнику позволяло выглядеть борцом против европейской реакции, воплощением которой считался австрийский канцлер.

Первый раунд их многолетнего поединка явно выиграл англичанин. Ему удалось перехватить инициативу у Меттерниха. Местом международной конференции по бельгийскому вопросу стал Лондон, а не Ахен, как предлагал австрийский канцлер. Исход тем более обидный, если учесть, что Меттерних не настаивал на Вене. К тому же выбор в пользу английской столицы был сделан не без участия царя, не доверявшего хитроумному австрийцу и не желавшему, чтобы тот манипулировал конференцией. В этом они были заодно с Пальмерстоном, который тоже опасался играть с Меттернихом на его поле.

Однако вскоре князь взял реванш, одурачив Пальмерстона ложным обещанием ратифицировать договор по Бельгии. Британский министр иностранных дел усматривал в этом совместную интригу Меттерниха и герцога Веллингтона<sup>78</sup>. У него были основания подозревать вмешательство австрийского канцлера в пользу тори — противников избирательной реформы в Англии.

Не остался в долгу и Пальмерстон, поддержав либеральные устремления в южногерманских государствах, усугубленные грубым нажимом Меттерниха. Если в европейском масштабе князь надеялся возродить дух и практику Священного союза, то в Германии ему представлялось необходимым повторить в новых условиях Карлсбад. Не придумав ничего нового, он решил пойти как бы

по второму кругу. Для этого прежде всего следовало «образумить» тех германских государей, которые из страха перед революционной волной дрогнули и пошли на уступки своим подданным.

Именно в таких проявлениях слабости Меттерних усматривал едва ли не главную причину революционных потрясений. Немалое число германских государей, по его мнению, «находится уже в состоянии революционного разложения»<sup>79</sup>. «Все зло исходит сверху», — изливал Клеменс душу своему тайному корреспонденту Вреде. «Истинное положение вещей, — продолжает он, — собственно, таково: слабые или воспринимающие мир в ложном свете князья, совершенно развращенные чиновники и средний класс, добрый народ»<sup>80</sup>. Следовательно, не народ нуждается в лечении. Любому народу свойственна потребность в том, чтобы им правили. Поэтому лучше уж плохое правление, чем никакое. Самое страшное, когда князья отказываются от правления и их место занимает средний класс благодаря современной представительной системе. Меттерних еще в той или иной мере готов признать исторически сложившийся британский парламентаризм. Но в Германии, на его взгляд, представительная система — не более чем пародия на английскую. В декабре 1831 г. после востания лионских рабочих Меттерних пишет, что оно должно послужить уроком германским либералам: «В Германии средний класс атакует трон и высшие сословия, во Франции, где эти два элемента уже исчезли, чернь поднимается против среднего сословия»<sup>81</sup>.

В одном из осевших в секретном архиве документов осени 1830 г. канцлер язвительно рисует такую модель поведения германского государя: «Я благодарю вас, дорогие подданные, за вашу революцию; она служит убедительным доказательством вашей любви ко мне. Чтобы не оставаться в долгу перед вами, я одобряю все, пожалуйста, продолжайте бунтовать, чем больше, тем лучше»<sup>82</sup>.

Австрийский канцлер требует замены ненадежных с его точки зрения министров. «Худший из всех» — баварский министр иностранных дел граф Армансперг — пал одним из первых. Затем последовала отставка его прусского коллеги графа Бернсторфа. Берлинский кабинет, как полагал Меттерних, слишком мягок и терпим по отношению к либеральным южно-германским государствам. Оказывая давление на пруссаков, канцлер по обыкновению хотел загрести жар чужими руками и одновременно обострить отношения между Берлином и Южной Германией.

Подходящим поводом для Меттерниха послужил праздник в Хамбахе (баварский Пфальц), где 27 мая 1832 г. по призыву либералов собрались несколько десятков тысяч человек, чтобы отметить очередную годовщину баварской конституции. Прошла манифестация, звучали пламенные речи, произносились тосты за свободу Германии и Польши, за Францию, наконец, за единую европейскую федеративную республику. Каких-либо реальных политических последствий не было, но даже само по себе это событие не на шутку встревожило канцлера. Тем более что в тот же самый день в Париже под председательством Лафайета состоялся банкет, созвучный хамбахскому празднику. У Мет-

терних нет и тени сомнения: это звенья одной и той же цепи. «Нужно благодарить небо за то, что оно показало вещи в их истинном свете»<sup>83</sup>, — писал он фельдмаршалу Вреде.

Сбывались его прогнозы и предостережения. Но чувство тревоги отступило на второй план по сравнению с перспективой использования активности германских либералов для реализации плана второго Карлсбада. «Теперь, — торжествовал Клеменс, докладывая Францу I, — мы найдем у напуганных германских правительств согласие на осуществление категорических мер со стороны союзного сейма»<sup>84</sup>. Хамбахские события, подчеркивал Меттерних в инструкции австрийскому представителю в сейме графу Мюнху, свидетельствуют, что «конституционное устройство рано или поздно ведет к революции», что «в принципе в Германии свершилась революция», что «она перешла через Рейн и за последние пятнадцать лет заложила для себя там солидный фундамент и что эти события — следствие Июльской революции» и «исходят от большого парижского руководящего комитета»<sup>85</sup>.

28 июня 1832 г. союзный сейм принял пресловутые шесть статей, представлявших собой достойное продолжение карлсбадских. В соответствии с ними провозглашалось, что германские государи связаны конституциями лишь в том смысле, что они должны обращаться к парламентским представительством только для осуществления строго ограниченных прав. Если палата где-либо отказывалась санкционировать налоги, то это означало, что начинается бунт, который необходимо подавить. И сейм брал обязательство подавлять его, даже если к нему никто не обратится за помощью. 5 июля сейм принял дополнительные меры против прессы, запретил политические клубы и массовые собрания. Всем германским государям в случае революционной угрозы была обещана помощь.

Пальмерстон поспешил воспользоваться этими действиями, чтобы выступить в роли защитника конституционных порядков. «Я полагаю, — заявил он в парламентской речи, — что независимость конституционных государств, будь то могущественные, подобные Франции или Соединенным Штатам Америки, или же политически менее значимые, как малые германские государства, никогда не может быть безразлична для британского парламента и, надеюсь, для британской общественности. Я считаю, что конституционные государства должны быть естественными союзниками нашей страны»<sup>86</sup>. На территории Германии были немедленно распространены 200 тыс. экземпляров речи британского министра. Ее восторженно восприняли в либеральных кругах.

Не останавливаясь на этом, Пальмерстон пишет выдержанное в столь же решительных и патетических тонах письмо британскому послу Ф. Лэму с явным расчетом на то, оно подвергнется перлюстрации и австрийский канцлер его непременно прочтет. В нем были такие строки: «Меттерних опять дал выход своей извечной ненависти к свободным институтам. Его действия хорошо спланированы и хорошо подготовлены; он может добиться временного и ограниченного успеха, но его долговременный триумф противоречил бы природе

человека и природе вещей, а когда возникнет ответная реакция, то она будет намного мощнее его сиюминутного выигрыша»<sup>87</sup>.

В депеше австрийскому посланнику Ф. Нойману (31 октября 1832 г.) Меттерних фактически вступает в полемику с Пальмерстоном. Она интересна тем, что в ходе ее князь выстраивает систему аргументации в пользу своей политики. Общепринятые упреки по адресу его страны, естественно, кажутся ему абсолютно необоснованными и даже оскорбительными: «Те, кто обвиняет Австрию в упрямом стремлении к ретроградству или к абсурдной системе неподвижности, допускают заведомую клевету»<sup>88</sup>. Нелепо расценивать борьбу с духом революции как проявление деспотизма. «Консервативный принцип — вот что, — по словам Меттерниха, — формирует основу внутренней и внешней политики Австрии. Наше собственное существование и мир в Европе теснейшим образом связаны с поддержанием этого принципа»<sup>89</sup>. Меттерних обижен английскими обвинениями в том, что он «отвергает систему уступок и предпочитает идти по пути репрессий». Нет, он отнюдь не за систему репрессий, а за «превентивную систему, чтобы избежать необходимости репрессий». Что же касается уступок, то «следовать таким путем в данных условиях — было бы признаком слабости»<sup>90</sup>.

«По нашему глубокому убеждению, — развивает свою мысль князь, — уступки, на которые готовы пойти правительства, не должны угрожать основам их существования». Вообще слово «уступка» кажется ему не очень подходящим. Не лучше ли говорить «просто о правительственных актах, направленных на прогрессивные улучшения, о мерах справедливых, простых и мудрых». Что же касается уступок в собственном смысле слова, то они «могут быть осуществлены только за счет прав суверенитета, за счет того, что в Англии принято называть прерогативами короны»<sup>91</sup>. Следовательно, уступки, на которые идут суверены, не что иное, «как издержки в ущерб капиталу их существования... Короли... проживающие свой капитал, рано или поздно становятся банкротами». «Правительства, — утверждает Меттерних, — должны избегать того, чтобы уступки стали для них необходимостью»<sup>92</sup>.

Исходя из этого, князь заключает, что английский кабинет придерживается «системы уступок», тогда как он сам — более надежной «превентивной системы». Ни та ни другая не исключают регрессивных мер, если в них возникнет нужда. Но огромное преимущество превентивной системы Меттерних видит в том, что «она опирается на всю полноту своей нерастраченной силы, тогда как в противоположной системе она может быть осуществлена не иначе, как силой убывающей, нисходящей»<sup>93</sup>. Конечно, репрессии для обеих систем — самая прискорбная и самая суровая необходимость. Вообще же «талант кабинета должен заключаться в том, чтобы уметь добиваться жизни в мире и гармонии»<sup>94</sup>.

Чтобы не было сомнений, кому в первую очередь адресована депеша, Нойману было предписано обязательно передать ее для прочтения лорду Пальмерстону. «Предмет и цель данного труда, — замечает Меттерних, — могут показаться министру абстрактными и не относящимися к обычной сфере диплома-

тической переписки»<sup>95</sup>. Он объясняет это стремлением продемонстрировать Пальмерстону искреннее желание добиться согласия между двумя кабинетами. Но скорее Клеменс не мог отказать себе в удовольствии дать урок дерзкому британцу, представ перед ним в роли мудрого политика-философа. За этот урок Пальмерстон с дихвой рассчитается в 1848 г., противопоставив свое понимание консерватизма меттерниховскому. И хотя в Германии восторжествовал австрийский канцлер, британский министр хорошо видел слабости его позиции. Из «управляющего европейскими делами» Меттерних, по определению Пальмерстона, превратился в «ответственного наблюдателя»<sup>96</sup>. На первую роль претендовал уже сам англичанин. Плодами же их соперничества искусно пользовался российский самодержец, прежде всего укрепляя свои позиции в Турции. Естественно, это вызывало раздражение и австрийца, и британца, взаимные обвинения. Пальмерстон называл Меттерниха пособником Николая I, а Меттерних считал, что британский министр разрушает концерт европейских держав и тем толкает Австрию в объятия России<sup>97</sup>. И в том и в другом случае ценностная мотивация берет верх над принципом эквilibра, тем более что представления о равновесии у австрийцев и англичан существенно различаются. Консервативный принцип служил Австрии залогом сохранения империи, конституционно-либеральный принцип для англичан служил обоснованием глобальной политической и экономической экспансии.

#### IV

**И**дя на сближение с Россией, Клеменс, по-видимому, в глубине души надеялся на повторение «русского чуда». Ему казалось, что российский император не устоит перед его чарами. Еще в 1830 г. канцлер предлагал встречу трех держав в Берлине. Но тогда помешала нерешительность Нессельроде. Затем польские дела. И вот год спустя после Июльской революции Меттерних возвращается к излюбленной теме: «Революционная партия связана самым тесным образом; она не принимает во внимание ни политические границы, ни различия между народами»<sup>98</sup>. Ее центральное руководство обосновалось в Париже и раскинуло свою сеть на всю Европу. «Будь между тремя державами в начале нового революционного периода столь желаемое нами согласие, — сетует князь, — разве не приняли бы иной оборот нидерландская, польская и итальянская революции... малые государства знали бы, к какому центру в случае необходимости они могли бы примкнуть; наконец, не столь вольготно чувствовали бы себя анархистские фракции, чья наглость основывалась на отсутствии единства между главными державами, и наконец, все это не сказалось бы столь губительно на состоянии общественного духа»<sup>99</sup>.

Но что толку сожалеть об упущенном, важнее, чтобы три монарха проявили твердую волю: «Только от них зависит, чтобы, избегая всякой шумихи, собираться в каком-либо месте, когда потребуется своевременно, основатель-



но и во взаимосвязи обсудить вопросы, представляющие общий интерес»<sup>100</sup>. Нетрудно догадаться, какой из этого следовал практический вывод: «При сегодняшнем положении вещей я предложил бы Вену в качестве наиболее подходящего пункта для таких встреч»<sup>101</sup>. «Вот оно, великое желание Меттерниха стоять во главе всех дел, выраженное ясно и определено»<sup>102</sup>, — так прокомментировал Николай I предложение австрийского канцлера, изложенное словом Д. П. Татищевым Нессельроде.

Англо-французское сближение, формирование «сердечного согласия» двух «либеральных» держав еще более подстегивало князя. Уже говорилось, что участников этого альянса он называл не союзниками, а сообщниками. Вообще «союз двух» — «смешная вещь». Его основной смысл заключался в том, чтобы стимулировать дальнейшую консолидацию трех «северных» монархий.

В Берлине и в Петербурге идеи Меттерниха восприняли без особого воодушевления, однако не отвергли их. У каждой из сторон были на то свои резоны. Пруссии, создававшей Таможенный союз, который должен был обеспечить ей экономическую гегемонию в Германии, участие в «союзе трех» могло послужить своеобразным прикрытием. Кроме того, выступая застрельщиком реакционной политики, Меттерних компрометировал Австрию в глазах тяготевших к ней южно-германских государств, где, как известно, либеральные тенденции были особенно сильны. На этом фоне берлинское правительство выглядело гораздо привлекательнее, чуть ли не либерально.

Что же касается России, то Николай I, хотя в принципе и разделял антиреволюционное рвение князя, однако преследовал он при этом и свои собственные цели. Сначала он был озабочен польским восстанием. Клеменс ставил себе в заслугу лояльное отношение к царю во время польских событий. Ведь у поляков были определенные надежды на Австрию. Витала идея о том, чтобы предложить польскую корону одному из эрцгерцогов, но она была решительно отвергнута<sup>103</sup>. Правда, венское общество, как писала в своем дневнике княгиня Мелани, платонически сочувствовало полякам. В Вене были довольны тем, что своими удачными действиями поляки «сбили спесь с русских», поставив в трудное положение войска фельдмаршала Дибича<sup>104</sup>. Несмотря на определенную степень злорадства по поводу неудач Дибича, а затем и его преемника Паскевича, Меттерних исходил из того, что победа поляков оказала бы опасное воздействие на Европу<sup>105</sup>.

Подавив польское восстание, Николай I снова перенес центр тяжести своей внешней политики на восток, где турецкого султана Махмуда явно одолевал его мятежный вассал, властитель Египта Мухаммед Али. Царю открывались соблазнительные возможности в этом стратегически важном и исторически привлекательном регионе. С исключительной ловкостью провел здесь дипломатическую операцию тот самый граф Орлов, на чью искусную лезть поддался канцлер в 1830 г. Заключенный Орловым с Портой Ункяр-Искелесийский договор (8 июля 1833 г.) ставил Турцию практически в вассальную зависимость от России. Им предусматривался оборонительный союз на восемь лет.

Российская империя спокойно могла обещать туркам поддержку против внешних и внутренних врагов всей своей мощью, поскольку получала право требовать от Порты в случае войны с какой-либо державой закрытия проливов. Тем самым ставился заслон на пути английского и французского флотов.

В ответ обе морские державы направили сильные эскадры, в Средиземноморье возникла кризисная напряженность. Многое зависело от позиции Австрии. Меттерних был раздосадован не менее англичан и французов. Для него этот договор тоже явился неожиданностью. Царь не считал нужным поставить союзника заранее в известность, не без основания опасаясь какого-нибудь подвоха с его стороны. После недолгих колебаний канцлеру пришлось принять хорошую мину при плохой игре. Ничего другого, впрочем, ему и не оставалось. Он был слишком погружен в бельгийские, германские и итальянские дела, чтобы влезать еще и в ненавистный восточный вопрос, рискуя подпортить отношения с самой могущественной «северной» державой.

В 1832 г. обострились отношения с Францией, когда в ответ на появление австрийцев в Болонье французы высадили полк, овладевший Анконой. Луи-Филиппу не удалось посадить на бельгийский трон своего сына герцога Немурского, но зато получивший корону Бельгии Леопольд Саксен-Кобургский женился на старшей дочери французского монарха. Осенью 1832 г. французские войска изгнали голландцев из Антверпена. Добившись проведения конференции по бельгийскому вопросу в Лондоне, Пальмерстон стремился закрепить успех. Меттерних бьет тревогу. В письме Ф. Нойману (9 июня 1833 г.) он высказывал опасения, что «Лондонская конференция может превратиться в постоянно действующую, постепенно подняться до уровня политической институции, присвоившей себе значение и влияние ареопага, в котором представители трех континентальных держав будут низведены до роли сообщников реформаторской политики двух морских держав»<sup>106</sup>.

22 марта 1833 г. под эгидой Пруссии был учрежден Таможенный союз. К нему присоединились многие германские государства, чья экономика была ориентирована на Пруссию. В докладе кайзеру Францу I (июль 1833 г.) Клеменс выражает по этому поводу явное беспокойство. Говоря об экономических угрозах Таможенного союза, Меттерних считает, что и политические последствия создания этой организации могут оказаться для Германии и в особенности для Австрии не менее тяжелыми. Экономические преимущества Пруссии нарушают всю систему равновесия, на которой зиждется Германский союз. Существенно меняется соотношение сил: из 17 государств в союзном сейме большинство оказывается в сфере Таможенного союза. В будущем влияние Австрии на втянутые в прусскую орбиту дворы станет уменьшаться, они привыкнут взирать с надеждой исключительно на Берлин. В коммерческом же отношении они вообще «будут рассматривать Австрию как заграницу»<sup>107</sup>.

В начале 1833 г. внимание князя привлек заговор франкфуртских радикалов, будто бы стремившихся образовать республику под протекторатом Франции. Он постарался раздуть шумиху из-за нападения нескольких десятков ра-

дикалов, главным образом студентов, на франкфуртскую гауптвахту. Среди участников штурма было несколько польских эмигрантов. По слухам, ожидалось подкрепление из Швейцарии, где находилось много польских изгнанников. «Польский след», казалось, подкреплял привычную версию об интернациональном характере революционной угрозы. Естественно, выступление было сурово подавлено, а Меттерних получил хороший повод для ужесточения борьбы с либералами и радикалами. Он взялся за подготовку министерской конференции в Вене, чтобы придать коллективный характер противостоянию с революционным брожением в Германии.

Тогда же, в 1833 г., под крылом Меттерниха возникает Информационное бюро в Майнце для противодействия либеральной и революционной периодической печати.

Князю хорошо запомнились слова Наполеона, приравнявшего силу воздействия прессы к мощи целого войска. И как заметил немецкий историк Ф.-Т. Хёфер, «вплоть до последних дней пребывания на своем посту он (Меттерних. — П. Р.) оставался "пресс-шефом империи"»<sup>108</sup>. Уже давно на него работала группа талантливых публицистов и литераторов, курировал которую Генц. Ключевой же ее фигурой был И.-А. Пилат. Деятельность этих людей предназначалась главным образом для внутриимперского потребления. Своими усилиями они должны были влиять на общественное мнение в Австрии, а также в Германии.

Майнцское информационное бюро создавалось для работы преимущественно «на экспорт». В его задачи входило оказание воздействия (прямого и закамуфлированного) на зарубежные издания: заказные статьи, комментарии, опровержения и т. п. При этом следует отметить, что в сферу внимания князя входило множество газет и журналов. Так, Госканцелярия, по данным на 1838 г., выписывала более 150 наименований одних только газет<sup>109</sup>.

Майнцское информбюро начало функционировать весной 1833 г. Его задачи сразу же довольно далеко выходят за рамки «контрпропаганды». Вскоре наметился определенный крен в сторону сбора информации и даже агентурной работы.

В инструкции руководителю бюро К.-Г. Ноэ фон Нордбергу канцлер рисует ужасный образ врага: «То проклятое братство, которое уже в течение полувека неутомимо трудится над свержением существующих и вообще всяких порядков и тронов, добилось одной из самых своих значительных побед во Франции. Тем не менее оно не унимается; его планы идут дальше, они охватывают весь мир, и из Парижа, оплота революционной пропаганды, это сообщество воздействует на различные государства Европы, распространяет свои преступные учения и подстрекает народы против их правительств»<sup>110</sup>.

«Ведущий комитет, который образует центр этого перманентного заговора, — продолжал князь, — имеет под своей эгидой столько же руководящих клубов, сколько имеется наций, на чье революционизирование можно надеяться»<sup>111</sup>.

Даже столь прозаическому документу, как инструкция, Клеменс придает драматическое звучание: «Момент решающей битвы вечного права против революционного принципа близок и неизбежен. На Австрию обращены взоры всех правительств, которые ищут спасения. Чтобы победить в такой суровой борьбе, требуются большие материальные ресурсы... однако не менее важно располагать точными данными о намерениях и средствах действующего в глубокой тайне врага»<sup>112</sup>.

Увенчивается инструкция серией задач, важнейшие из которых сводились к следующему: а) идти по следам уже выявленных революционных происков; б) составить из имеющихся в наличии и постепенно выявляемых деталей возможно более полный образ реализуемого заговора и всех его тайных нитей; в) посредством взаимобмена сведениями обеспечивать правительствам способность, не теряя времени, принимать неотложные меры; г) предоставить необходимые сведения по каждому связанному с общей целью пункту»<sup>113</sup>.

Особенно интересовали Меттерниха такие радикально-демократические организации, как возглавляемая Дж. Мадзини «Молодая Европа» и «Молодая Германия», наиболее яркими фигурами в которой были Г. Гейне, Л. Бёрне, К. Гуцков. «С некоторого времени, — отмечал Меттерних в октябре 1835 г., — наше внимание в значительной мере привлекают происки литературной школы, работающей по примеру Гейне и Бёрне под именем «Молодой Германии». Их линия заключается в том, чтобы с помощью романов и поэзии оказывать влияние на большой читательский мир Германии. Причем это влияние направлено на подрыв всех признанных естественных религий и на обожествление грубейшей чувственности. Несомненно, руководители этой безбожной секты намереваются разрушить те устои религиозной и моральной жизни Германии, которые поддерживают здание государства и без которых оно быстро развалится»<sup>114</sup>.

Особую роль в информбюро играли «конфиденты» — доверенные агенты с широким кругом задач. Их вербовали из интеллектуальной среды. Одним на это толкала нужда в деньгах. Кому-то смягчали наказание или разрешали вернуться из эмиграции на родину. Приманкой служили и обещания принять на государственную службу. Но, как правило, отмечает Ф.-Т. Хёфер, подобные посулы не выполнялись.

Отбор был строгим. «Конфиденты» считались штучным товаром. Среди них не было фигур «первого плана». Но в большинстве своем они отличались незаурядными способностями, позволявшими им легко внедряться в интеллектуальное эмигрантское сообщество, завоевывать в нем доверие, не только собирать информацию, но и оказывать влияние.

Благодаря конфидентам немецкая пресса и издательства оказались «под колпаком» у австрийского канцлера. Он заранее знал о планах авторов и издателей, мог в случае необходимости предпринять превентивные меры. Жуже обстояло дело с итальянскими, польскими и венгерскими газетами, журналами и книгами.

На содержание «конфидентов» расходовалось от 14 до 17 тыс. гульденов в год. Когда граф Седльницкий усомнился в том, насколько оправданны такие затра-

ты, Меттерних в январе 1835 г. решительно взял бюро под защиту от главы австрийского полицейского ведомства, высоко оценив результаты деятельности своей агентуры. С его оценкой согласен и автор содержательного исследования, посвященного Майнцскому информбюро, Ф.-Т. Хёфер. Это детище Меттерниха, полагает он, добилось вполне ощутимых результатов в публицистической и осведомительской деятельности. Успехи во многом определялись интеллектуальным уровнем «конфидентов», их серьезным отношением к делу<sup>115</sup>.

Параллельно с созданием Майнцкого бюро был налажен обмен информацией между Австрией и Россией. Стороны снабжали друг друга сведениями, в первую очередь о польских эмигрантах. Ходили упорные слухи о том, что польские революционеры готовят покушение на Николая I. Вскоре по инициативе Меттерниха был установлен непосредственный контакт между ним и шефом российских жандармов А. Х. Бенкендорфом. Они знали друг друга еще с 1807 г. Более зрелый и опытный австрийский посол знакомил тогда с удовольствиями парижской жизни молодого полковника, прибывшего сюда в составе свиты генерала Толстого.

В связи с угрозой англо-французской антанты и подъемом либеральных настроений в Европе конфликтовать с российским императором из-за злополучного «восточного вопроса» было бы неблагоразумно. Ради «консервативной солидарности» приходилось мириться со свершившимся. Хотя князь был сильно уязвлен Ункяр-Искелесийским сюрпризом царя, он в очередной раз попытался выдать явную неудачу за успех. И, надо сказать, весьма преуспел в этом. Легче всего ему было убедить в этом самого себя. Утешительным аргументом служило ему заверение Николая I о том, что раздел Порты вовсе не является для него заветной целью. В доверительной беседе с австрийским послом, тогдашним фаворитом канцлера графом Фикельмоном, российский император говорил: «Я желал бы поддержать турецкую империю; если она падет, то я ничего не хочу из ее обломков»<sup>116</sup>. Правда, Николай I не верил в долговечность Порты и питал надежду на восстановление на ее развалинах греческой империи, когда-то разрушенной турками. По поручению царя Татищев два месяца добивался от Меттерниха, чтобы тот высказал свое отношение к подобному повороту событий. В конце концов князь заявил, что венский двор не отступится от турецкой империи. Если же ей все-таки суждено пасть, то «государь, которому достанутся берега Босфора и столицей коего будет Константинополь, не должен носить титул императора»<sup>117</sup>. Лучший же, на его взгляд, вариант — это создание нескольких независимых государств из европейских владений Турции.

Когда Николай I поставил Меттерниха перед свершившимся фактом, тому пришлось смириться с ролью союзника царя, призванного успокоить Европу насчет намерений Петербурга. В Ункяр-Искелесийском договоре канцлер выделял исключительно идею сохранения Османской империи, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть соблюдение основного принципа его восточной политики, а с другой — в какой-то мере навязать этот принцип и Николаю I.

Клеменс внешне довольно убедительно выглядел в роли союзника царя, не очень озабоченного действиями дружественной державы. Еще не постигший его психологию, Пальмерстон подозревал, что австриец является сообщником царя. В письме Лэму британский министр высказал предположение, что Меттерних «далеко продвинулся в направлении к тайному согласию с Россией насчет раздела Турции в определенных ситуациях, к ее колонизации»<sup>118</sup>. О непонимании подлинной позиции Меттерниха свидетельствует и такое суждение Пальмерстона: «Мы желаем видеть на тех территориях, которые составляют Турецкую империю, сильное и независимое государство; Австрия желает видеть государство слабое и зависимое. Мы предпочли бы в качестве его главы султана и чтобы он был сувереном империи, а не вассалом России. Австрия же предпочитает вассала России, а не государя, способного вести свою собственную политику»<sup>119</sup>. Того же самого хотел и австрийский канцлер, но ему необходимо было считаться с Россией.

Кстати, царь судил о Меттернихе вернее, чем английский министр. За поздравлениями и уверениями князя он улавливал хорошо скрытую обиду и опасность. В определенной мере царское согласие на встречу глав государств, придерживающихся «консервативной солидарности», являлось компенсацией австрийскому канцлеру, уже давно этого домогавшемуся. Конечно, идея консервативного альянса отвечала и собственному образу мыслей царя. Она обретала для него все больше смысла из-за ускорившегося после Ункяр-Искелесийского мира сближения «либеральных» держав. Наконец-то Клеменс дождался желанной встречи в верхах. Николай I согласился на встречу с австрийским императором в небольшом чешском городке Мюнхенгреце (Мнихово Градиште). Предполагалось, что туда же прибудет и прусский король. Встреча должна была продемонстрировать Европе солидарность трех консервативных держав.

Однако сразу же случилась неувязка: срок, избранный царем, не устраивал прусского короля, поскольку совпадал с таким «священным» событием, как ежегодные большие маневры прусской армии. На них присутствие короля по традиции было непрямым. Но выход нашелся. Франц I и Фридрих Вильгельм III встретились в Терезиенштадте в середине августа, а Николай I пообщался со своим прусским тестем по пути в Австрию.

Кайзер Франц I в сопровождении канцлера и большой свиты прибыл в Мюнхенгрец 4 сентября 1833 г. Затем появился российский авангард во главе с вице-канцлером Нессельроде и флигель-адъютантом графом Суворовым. Наконец 10 сентября настал черед самого Николая I. Его сопровождали министр двора князь Волконский, генерал-адъютант князь Меншиков, графы Бенкендорф и Орлов. Произошла трогательная встреча монархов с объятиями и поцелуями. Клеменс чувствовал себя наверху блаженства, когда к нему подошел Николай I и в своем излюбленном военном стиле доложил: «Я прибыл сюда под Ваше начало». А затем добавил: «Я рассчитываю на Вас, что Вы дадите мне знак, если я допущу промах»<sup>120</sup>.

Мелани с удовольствием описывала эту сцену со слов мужа. Если это и было так, то Николай I несколько грубовато, но достаточно верно сыграл на самомнении Клеменса. И он, и Мелани так высоко ставили себя, что приняли слова царя за чистую монету, хотя не так уж трудно уловить в них известную долю иронии.

Царь нанес Мелани специальный визит. Это тоже не могло не польстить ей и ее мужу. Надо отдать должное княгине; она не только кокетничала с российским императором, но и со знанием дела затронула политические сюжеты. Речь шла в основном о французском короле Луи-Филиппе. Мнения собеседников на этот счет полностью совпадали, и царь, и княгиня были настроены непримиримо по отношению к «королю баррикад».

Австрийцам хорошо была известна страсть царя к маневрам и парадам. К тому же подобные мероприятия входили в обязательную программу ритуала монарших встреч. Царь Николай I, по словам Мелани, пришел в восхищении от гусарского полка графа Врбны. Естественно, кайзер Франц I, как это тогда было принято, тут же отдал ему под начало понравившийся полк. Царь заключил кайзера в объятия, а полковому портному пришлось свершить маленькое чудо. За ночь царю была сшита форма, чтобы в 9 часов утра он смог гарцевать во главе полюбившегося ему полка.

В свою очередь Николай I не жалел российских орденов для австрийцев. Обе стороны были весьма довольны друг другом. Смотры сменялись охотой, вечера проходили в светских развлечениях. И во время танцев и различных игр, в том числе и в карты, Мелани все время находилась рядом с царем. Ведь, кроме всего прочего, семейство Зичи было обязано его щедрости. Клеменс был доволен женой.

Да и сам он в полной мере проявил свое дипломатическое искусство. Ему удалось частично нейтрализовать некоторые положения Ункяр-Искелесийского договора с помощью различных условий и оговорок. «В сущности не мы приобщали Австрию к нашим нуждам и пользам нашей политикой, — негодовал российский историк С. С. Татищев, — а она связывала нас по рукам и по ногам, предоставляя себе полную свободу действий в будущем»<sup>121</sup>. Конечно, Татищев преувеличивал успехи меттерниховской дипломатии, но австрийский канцлер, безусловно, достиг многого.

В то же время он пошел навстречу России по польскому вопросу, приняв обязательства насчет выдачи государственных преступников. Правда, и в данном случае князь верен себе: в соглашении содержалась оговорка, что оно касается только уроженцев польских территорий.

По инициативе Меттерниха северными дворами, включая и прусский, в стиле традиций Священного союза был осужден провозглашенный французами принцип невмешательства. Три двора признавали право каждого из государей в случае внутренней угрозы взывать к помощи соседей. Такое вмешательство было бы законным, а противодействие ему — враждебным актом против участников конвенции. Первоначально все это оставалось в тайне. Но затем

каждая из трех держав сделала соответствующее представление в центре всеяческих смут — Париже, причем их депеши заканчивались одинаковыми фразами. Однако преамбулы были разными. Как отмечал французский министр Ф. Гизо, наиболее мягкой была австрийская, а наиболее жесткой — российская. «Успех Меттерниха, — утверждал Татищев, — был полный и может сравниться с тем, который был одержан им за тринадцать лет до того на Троппауском конгрессе, когда ему удалось пересилить влияние Каподистрии в советах императору Александру I и на долгие годы самому стать Эгериею этого монарха»<sup>122</sup>.

Суждения Татищева интересны еще тем, что отражают восприятие австрийского канцлера российскими политическими кругами и российским обществом. Для русских Меттерних стал воплощением изощренного дипломата и коварного искусителя. Отсюда и склонность к гиперболизированным представлениям о реальных результатах деятельности князя. За каждой строкой составленных при его участии документов пытались разглядеть некий затаенный смысл, утонченную хитрость.

Между тем Николай I не питал доверия к Меттерниху и отнюдь не собирался таскать для него каштаны из огня. Да и австрийский канцлер, красноречиво рассуждая о солидарности консервативных северных дворов, еще не сбросил английскую карту. Через близкого ему британского посла в Вене Ф. Лэма канцлер уверял Пальмерсона, что их объединяет общий интерес в деле сохранения власти султана. Более того, он высказывал желание растворить Ункяр-Искелесийские и мюнхенгредские договоренности в новом, более широком соглашении пяти держав.

Но слишком сильного накала достигли англо-российские противоречия. К австрийскому же канцлеру Пальмерстон испытывал органическое недоверие. Британского министра также крайне раздражало стремление Меттерниха вернуть Вене былой статус центра европейской дипломатии. У Лондона на руках были гораздо более весомые козыри, для того чтобы претендовать на такую роль: финансовая, промышленная, торговая и военно-морская мощь. Уступать хитроумному, но слабому сопернику не позволяли Пальмерстону ни его собственные амбиции, ни его бойцовский характер.

Недавний тори собирал свои силы под знаменем либерализма. Преодолев сомнения разного рода и довольно сильные антифранцузские предубеждения, Пальмерстон сделал большой шаг навстречу Франции Луи-Филиппа. Теперь он называл англо-французский союз «естественным альянсом». Этот мощный западный союз должен послужить противовесом восточному Священному союзу. «Если три державы избрали путь создания союза, — предостерегал Пальмерстон, — им не следует удивляться, что две другие державы создадут свой союз»<sup>123</sup>.

Успехи либералов на Пиренейском полуострове способствовали возникновению «четверного союза». Он был заключен в апреле 1834 г. Со стороны Англии и Франции это служило к тому же серьезным знаком поддержки либерально настроенных правительств Испании и Португалии, где монархам



приходилось отбивать атаки ультраконсервативных претендентов на престол. Тех в свою очередь, как легко догадаться, поддерживала Австрия. «Мне бы хотелось взглянуть на физиономию Меттерниха, когда он станет читать наш договор»<sup>124</sup>, — торжествующе писал Пальмерстон. Он обдуманно делал акцент на том, что западные государства объединяются в «либеральный союз». Восточные дворы он именовал «правительствами Священного союза». Со своим братом Уильямом Темплом, представлявшим Англию в Неаполе, Пальмерстон делился планами расширить либеральный союз за счет Бельгии, Швейцарии и даже... Неаполя. Там брат британского министра иностранных дел вел «подрывную» работу против меттерниховской системы, правда, без особого успеха<sup>125</sup>.

Но даже столь сильный приступ либерализма у Пальмерстона не мог остановить Меттерниха в его попытках найти путь к сближению с Англией и к возрождению концерта европейских держав. С этой точки зрения заслуживают интереса две депеши австрийского канцлера (от 17 июля и 11 сентября 1834 г.), адресованные сотруднику посольства в Лондоне К. фон Хуммелауэру, с тем, однако, чтобы с ними обязательно ознакомился Пальмерстон.

«В прошлом, — подчеркивал канцлер в первой из депеш, — по восточным делам Австрия постоянно занимала позицию, противоположную той, какой обычно следовала Россия»<sup>126</sup>. Правда, и политический курс «морских держав» далеко не всегда совпадал с австрийским, прежде всего относительно Греции. Но об этом Меттерних готов забыть ради решения настоятельной сегодняшней задачи: сохранения Оттоманской империи. Теперь в этом пункте, по твердому убеждению князя, сходятся интересы всех держав: и «морских», и «северных», в том числе и России. Нельзя упускать такого шанса, обращается канцлер к главному, хотя и не обозначенному адресату, ссылаясь на то, что «Россия может отойти от консервативного принципа, который сегодня служит базой для ее политики относительно Порты»<sup>127</sup>.

Эти слова Меттерниха вызвали скептический комментарий британского министра на полях документа: «Мы и не считаем, что Россия действует, руководствуясь этим принципом»<sup>128</sup>. Ответа на послание канцлера не последовало. Поэтому в его второй депеше явно ощущается обида. Он сожалеет, что его «дружественные инициативы» не нашли отклика у британского правительства. Вновь сделан упор на общность интересов Австрии и Англии в восточном вопросе. Действительно, замечает на полях Пальмерстон, общие интересы у Лондона и Вены есть, «и нам остается лишь сожалеть, что Австрия не поступала так, как того требовали ее реальные интересы»<sup>129</sup>.

Без ответа осталась и эта, сентябрьская депеша, но Пальмерстон счел нужным подробно прокомментировать оба послания Меттерниха в письме своему послу в Вене, поклоннику князя, Фредерику Лэму (16 октября 1834 г.). Принципиальное расхождение между Лондоном и Веной заключается, на взгляд британского министра, в том, что австрийское правительство верит в бескорыстие российской политики по отношению к Турции, тогда как правительство

Англи видит главную угрозу «независимости и целостности Турецкой империи в амбициях и интересах России»<sup>130</sup>. При сохранении номинальной независимости султана Россия, уверен Пальмерстон, не упустит возможности расширения за счет турецкой территории. Поэтому он не может согласиться с Меттернихом, полагающим, что важнейшие источники угрозы для Турции коренятся в ее внутренней ситуации и, особенно, в политическом соперничестве европейских держав, которое вызывает у канцлера крайнее сожаление.

Пальмерстон придерживается диаметрально противоположного взгляда: «Что касается политического соперничества европейских государств, то оно скорее источник безопасности, нежели угрозы для Турции: ни одно из государств не позволяет остальным расширяться за счет турок; взаимная подозрительность может воспрепятствовать любому общему соглашению по поводу раздела»<sup>131</sup>.

В изощренной словесной вязи посланий Меттерниха Пальмерстон не разглядел или, точнее, не захотел разглядеть заветную идею канцлера — ренессанс концерта европейских держав. Глава Форин-офиса был склонен переоценивать степень зависимости Меттерниха от царя и силу его приверженности продекларированным консервативным принципам. «Меттерних, — говорил он Лэму в октябре 1834 г., — по турецким делам выступает глашатаем России»<sup>132</sup>.

Между тем Меттерних преследовал свои собственные цели. Предлагая соглашение пяти держав, новый вариант «пентархии», канцлер надеялся выступить в роли посредника между «либеральными» и «консервативными» державами, вернуть блеск своему потускневшему престижу. По его расчетам, при такой многосторонней конфигурации сил будет легче стреножить Россию в том случае, если она все-таки попытается покуситься на турецкие владения. Видимо, личная неприязнь мешала Пальмерстону верно оценить побудительные мотивы и шаги Меттерниха. Кроме того, англичанин привык ценить силу, а с этой точки зрения удельный вес Австрии на международной арене постоянно падал.

Следует отметить, что и российская сторона не заблуждалась на счет степени надежности своих консервативных союзников, особенно Австрии. В памятной записке барона Ф. И. Бруннова, на основе которой строился курс истории международных отношений, который этот российский дипломат читал цесаревичу, будущему царю Александру II, говорилось о правиле, которое необходимо соблюдать в отношениях с союзниками «дабы не подвергаться печальному разочарованию». Правило это «состоит в том, чтобы не ожидать от них никакого активного содействия в случае, если бы произошло столкновение между нами и морскими державами по делам Востока»<sup>133</sup>.

Не найдя взаимопонимания с Пальмерстоном, Клеменс смирился с тем, что реализацию излюбленной идеи придется отложить до лучших времен. Его не оставила надежда, что премьер-министра Грея сменит лорд Мельбурн и тогда прометтерниховская линия Лэма возьмет верх над курсом Пальмерстона. А еще лучше, если к власти придут тори во главе с другом князя Веллингтоном.

Казалось, Клеменс дождался своего часа. Осенью 1834 г. виги в Лондоне

уступили власть консерваторам. «Мы потерпели полное поражение, — писал Пальмерстон брату 16 ноября 1834 г., — Веллингтон — премьер-министр и завтра в два часа дня в Сент Джеймсе мы передаем печати и прочее». «Скажи это прямо самому Меттерниху, — добавил отставной министр в постскрипту-ме для Вены. — Пусть это порадует его сердце и будет самой приятной вещью, которую он когда-либо слышал от меня»<sup>14</sup>. Наверное, не меньше Меттерниха уходу Пальмерстона из Форин-офиса радовались министерские клерки, изнемогавшие от перегрузок при не знавшем устали министре. Но ни канцлеру, ни клеркам, ни всем прочим недоброжелателям Пальмерстона отдохнуть от него не довелось. Уже через пять месяцев он снова вернулся в Форин-офис. Дуэль с Меттернихом продолжилась.

Разыграть за спиной России английскую карту князю в первой половине 30-х годов не удалось. Причем дело не только в недоверии Пальмерстона к австрийскому канцлеру и их личном соперничестве. У самого Клеменса была существенно ограничена свобода маневра. Чтобы решать консервативную по сути задачу поддержания эквilibра, требовалось сближаться с либеральными или «морскими» державами, не желавшими допустить усиления России за счет Османской империи. С другой стороны, сотрудничество с консервативными союзниками служило важным фактором сохранения устоев Австрийской империи.

Династическая солидарность укрепляла представление о незыблемости монархических порядков, поддерживала их ауру. Монархи считались олицетворением государства и нации. Их авторитет не должен был подвергаться ни малейшему ущемлению. Не могло быть и речи о народном суверенитете и разделении властей. Все это осложняло отношения с конституционными, ограниченными монархиями и подталкивало Австрию к консервативному альянсу. Весной же 1835 г. поддержка консервативных союзников была для Клеменса важна, пожалуй, как никогда.

---

<sup>1</sup> NP. Wien, 1882. Bd. 5. S. 3.

<sup>2</sup> Цит. по: Bibl V. Metternich. Der Dämon Österreichs. Leipzig; Wien, 1936. S. 243.

<sup>3</sup> NP. Bd. 5. S. 15.

<sup>4</sup> Ibid. S. 16.

<sup>5</sup> Bibl V. Op. cit. S. 243.

<sup>6</sup> Ibid. S. 244.

<sup>7</sup> Цит. по: Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 60.

<sup>8</sup> Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Ростов-на-Дону, 1995. Т. I. С. 262.

<sup>9</sup> NP. Bd. 5. S. 32.

<sup>10</sup> Цит. по: Bibl V. Op. cit. S. 249.

<sup>11</sup> NP. Bd. 5. S. 48.

<sup>12</sup> Ibid. S. 68.

<sup>13</sup> Татищев С. С. Указ. соч. С. 62.

<sup>14</sup> NP. Bd. 5. S. 67.

<sup>15</sup> Ibidem.

<sup>16</sup> Цит. по: Bibl V. Op. cit. S. 251.

<sup>17</sup> Bibl V. Metternich in neuer Beleuchtung. Wien, 1928. S. 227.

<sup>18</sup> Цит. по: Wertheimer E. von. Der Herzog von Reichstadt. Stuttgart; Berlin, 1913. S. 353.

<sup>19</sup> Ibid. S. 347.

<sup>20</sup> Ibid. S. 348.

- <sup>21</sup> Bibl V. Napoleon II. P., 1935. P. 271–272.  
<sup>22</sup> Ibid. P. 272.  
<sup>23</sup> Ibid. P. 274.  
<sup>24</sup> Wertheimer E. von. Op. cit. S. 284–285.  
<sup>25</sup> Bibl V. Napoleon II. P. 317.  
<sup>26</sup> Wertheimer E. von. Op. cit. S. 385.  
<sup>27</sup> Bibl V. Napoleon II. P. 283,  
<sup>28</sup> Wertheimer E. von. Op. cit. S. 426.  
<sup>29</sup> Ibid. S. 454.  
<sup>30</sup> Ibid. S. 443.  
<sup>31</sup> Цит. по: Bibl V. Napoleon II. P. 301.  
<sup>32</sup> Ibid. P. 322.  
<sup>33</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 308–309.  
<sup>34</sup> Ibid. S. 310.  
<sup>35</sup> Ibid. S. 311.  
<sup>36</sup> Ibid. S. 315.  
<sup>37</sup> Ibid. S. 314.  
<sup>38</sup> NP. Bd. 5. S. 98.  
<sup>39</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 317.  
<sup>40</sup> Ibid. S. 338.  
<sup>41</sup> Gentz und Wessenberg. Briefe des Ersten an den Zweiten. Wien; Leipzig, 1907. S. 145.  
<sup>42</sup> Цит. по: Sweet P. R. Friedrich von Gentz. Defender of the Old Order. Westport, 1970 (1941). P. 295.  
<sup>43</sup> Ibid. P. 299.  
<sup>44</sup> Ibid. P. 302.  
<sup>45</sup> Gentz und Wessenberg. S. 138.  
<sup>46</sup> Ibid. S. 145.  
<sup>47</sup> Цит. по: Sweet P. R. Op. cit. P. 303.  
<sup>48</sup> Lettres... P. 174.  
<sup>49</sup> Цит. по: Srbik H. R. Op. cit. Bd. I. S. 352.  
<sup>50</sup> NP. Bd. 5. S. 53.  
<sup>51</sup> Ibid. S. 70.  
<sup>52</sup> Ibid. S. 71.  
<sup>53</sup> Цит. по: Тагицев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 25.  
<sup>54</sup> Там же. С. 27.  
<sup>55</sup> NP. Bd. 5. S. 79.  
<sup>56</sup> Цит. по: Palmer A. The Chancelleries of Europe. L., 1983. P. 54.  
<sup>57</sup> Цит. по: Bourne K. Op. cit. P. 364.  
<sup>58</sup> Ibid. P. 365.  
<sup>59</sup> Palmer A. Op. cit. P. 55.  
<sup>60</sup> Bourne K. Op. cit. P. 333.  
<sup>61</sup> Maximen des Fürsten Metternich. S. 135.  
<sup>62</sup> Nicolson H. Lord Palmerston // The Great Victorians-2. L., 1938. P. 370.  
<sup>63</sup> Ibid. P. 373.  
<sup>64</sup> Ibid. P. 371.  
<sup>65</sup> Ibid. P. 374.  
<sup>66</sup> Ibidem.  
<sup>67</sup> Гейне Г. Французские дела // Собрание сочинений. М., 1982. Т. 4. С. 12–13.  
<sup>68</sup> Цит. по: Bourne K. Op. cit. P. 314.  
<sup>69</sup> Ibid. P. 627.  
<sup>70</sup> Ibidem.  
<sup>71</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Metternich et son temps. P. 189.  
<sup>72</sup> NP. Bd. 5. S. 442.  
<sup>73</sup> Ibid. S. 443.  
<sup>74</sup> Ibidem.  
<sup>75</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 192.  
<sup>76</sup> NP. Wien, 1884. Bd. 8. S. 308.  
<sup>77</sup> Ibidem.  
<sup>78</sup> Bourne K. Op. cit. P. 352.  
<sup>79</sup> Bibl V. Metternich in neuer Beleuchtung. S. 147.  
<sup>80</sup> Ibid. S. 256.

- <sup>81</sup> Ibid. S. 284.  
<sup>82</sup> Ibid. S. 103.  
<sup>83</sup> Ibid. S. 173.  
<sup>84</sup> Ibidem.  
<sup>85</sup> Ibidem.  
<sup>86</sup> Цит. по: Bourne K. Op. cit. P. 369.  
<sup>87</sup> Ibidem.  
<sup>88</sup> NP. Bd. 5. S. 382.  
<sup>89</sup> Ibid. S. 381.  
<sup>90</sup> Ibid. S. 382.  
<sup>91</sup> Ibid. S. 383.  
<sup>92</sup> Ibidem.  
<sup>93</sup> Ibid. S. 383–384.  
<sup>94</sup> Ibid. S. 384.  
<sup>95</sup> Ibid. S. 385.  
<sup>96</sup> Цит. по: Bourne K. Op. cit. P. 380.  
<sup>97</sup> Ibid. P. 381, 386, 387.  
<sup>98</sup> NP. Bd. 5. S. 195.  
<sup>99</sup> Ibid. S. 196.  
<sup>100</sup> Ibidem.  
<sup>101</sup> Ibidem.  
<sup>102</sup> Цит. по: Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. С. 67.  
<sup>103</sup> NP. Bd. 5. S. 201–202.  
<sup>104</sup> Ibid. S. 95.  
<sup>105</sup> Bibl V. Metternich in neuer Beleuchtung. S. 236.  
<sup>106</sup> Цит. по: Webster Ch. Palmerston, Metternich and European System // The Art and Practice of Diplomacy. N. Y., 1962. P. 161.  
<sup>107</sup> NP. Bd. 5. S. 512.  
<sup>108</sup> Hoefel F. T. Pressepolitik und Polizeistaat Metternichs. München, 1983. S. 41.  
<sup>109</sup> Ibid. S. 45.  
<sup>110</sup> Ibid. S. 76.  
<sup>111</sup> Ibidem.  
<sup>112</sup> Ibidem.  
<sup>113</sup> Ibidem.  
<sup>114</sup> Ibid. S. 31–32.  
<sup>115</sup> Ibid. S. 171.  
<sup>116</sup> Цит. по: Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. С. 389.  
<sup>117</sup> Там же. С. 391.  
<sup>118</sup> Цит. по: Bourne K. Op. cit. P. 381.  
<sup>119</sup> Ibidem.  
<sup>120</sup> NP. Bd. 5. S. 433.  
<sup>121</sup> Татищев С. С. Указ. соч. С. 395.  
<sup>122</sup> Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. С. 72.  
<sup>123</sup> Цит. по: Bourne K. Op. cit. P. 404.  
<sup>124</sup> Цит. по: Judd D. Palmerston. L., 1975. P. 54.  
<sup>125</sup> Bourne K. Op. cit. P. 405.  
<sup>126</sup> Rodkey F. The Views of Palmerston and Metternich on the Eastern Question in 1834 // The English Historical Review. 1930. Vol. XLV. № 180. P. 630.  
<sup>127</sup> Ibid. P. 633.  
<sup>128</sup> Ibidem.  
<sup>129</sup> Ibid. P. 634.  
<sup>130</sup> Ibid. P. 636.  
<sup>131</sup> Ibid. P. 638.  
<sup>132</sup> Цит. по: Bourne K. Op. cit. P. 386.  
<sup>133</sup> Цит. по: Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. С. 33.  
<sup>134</sup> Цит. по: Bourne K. Op. cit. P. 406–407.

## ГЛАВА IX. «БОЛЬНОЙ ПОЛКОВОДЕЦ»

### I

Уникальная роль Меттерниха в Габсбургской империи зиждилась прежде всего на поддержке кайзера Франца. Его уход из жизни мог повлечь за собой и падение казавшегося всесильным канцлера.

Много неприятных часов Клеменс пережил в 1826 г., когда его покровитель едва не умер от тяжелой болезни. Франц I получил отсрочку примерно на девять лет. Зимой 1835 г. при посещении театра он сильно простудился. Простуда перешла в воспаление легких, которое и стоило императору жизни. 2 марта 1835 г. он скончался.

Предусмотрительный князь постарался максимально укрепить свои собственные позиции в государстве. Особую сложность придавало ситуации то обстоятельство, что прямой наследник престола, старший сын Франца I эрцгерцог Фердинанд, был человеком умственно и физически неполноценным. Еще в 1812 г. Венский архиепископ советовал кайзеру отстранить старшего сына от престолонаследия<sup>1</sup>. Однако педантичный по натуре Франц отказался отступить от буквы закона и был поддержан в этом Меттернихом. У Србика дело выглядит таким образом, будто князь исходил исключительно из принципа легитимности. Большинство же историков склоняются к точке зрения Библия: князь руководствовался собственными интересами.

Чтобы гарантировать свое политическое будущее после кончины императора, канцлер очень тонко и деликатно продвигал мысль о необходимости некоего неявного регентства при недееспособном наследнике. На всякий случай первый вариант политического завещания кайзера был написан еще Генцем.

Духовник Франца I епископ И. М. Вагнер дал ему завещание на подпись 28 февраля 1835 г. Кроме политического завещания умирающий император подписал еще и духовное. Над ним Меттерних потрудились вместе с Вагнером. Сближению князя и священника успела поспособствовать набожная Мелани. Во втором тексте речь шла о расширении прерогатив церкви, урезанных в свое время реформатором Иосифом II. Возможно, это было платой Вагнеру за то, что он своевременно передал Францу политическое завещание.

Кайзер завещал сыну «продолжить и как можно быстрее довести до конца начатое им дело исправления и модификации тех законов, принципов и подходов к церковным делам, которые были введены с 1780 г.<sup>2</sup>. «Ты поступишь правильно, возлюбленный Фердинанд, если будешь опираться в этом деле на сове-

ты князя Меттерниха и епископа Вагнера»<sup>3</sup>, — наставлял умирающий император наследника. Правда, венские остроусловы шутили, что кайзер Франц оставил свою последнюю волю после собственной смерти.

В более важном для Клеменса политическом завещании душеприказчикам назначались князь Меттерних и младший брат кайзера эрцгерцог Людвиг, находившийся под сильным влиянием канцлера. «Избегай задевать что-либо в основах государственного здания; правь, ничего не меняя»<sup>4</sup>, — заклинал Франц I своего наследника. На эти наставления кайзера венские остряки тоже не замедлили отреагировать анекдотом. «Люди, собравшиеся 2 марта 1835 г. на Бальхаузплатц, прячутся от дождя под зонтиками и тихо плачут. На балконе госканцелярии появляется Меттерних. «Не плачьте, дети мои, все остается по-старому», — утешает он людей. «Поэтому мы и плачем», — отвечают они канцлеру».

Кайзер как бы передает по наследству своему преемнику и канцлера: «Оказывая князю Меттерниху, моему самому верному слуге и другу, такое же доверие, какое воздавал ему и я в течение многих лет»<sup>5</sup>. Самыми же главными были для князя заключительные слова завещания, где император фактически вверял своего сына Меттерниху: «Не принимай никаких решений относительно публичных дел или личностей, не выслушав его. Я возлагаю на него обязанность служить тебе с такой же честностью и преданностью, какие он всегда выказывал по отношению ко мне»<sup>6</sup>.

Естественно, завещание Франца I вызвало недовольство у большинства членов императорской семьи. Согласно ему были отодвинуты в сторону братья императора, наделенные способностями и интеллектом, эрцгерцоги Карл, Иоанн и Иосиф. Сильную злобу затаила на Меттерниха честолюбивая эрцгерцогиня София, жена младшего сына Франца I Франца Карла, который мог бы унаследовать престол в случае исключения Фердинанда. Сын Софии Франц Иосиф еще станет императором после революции 1848 г. Если бы не это событие, ему долго пришлось бы дожидаться своего часа, потому что, несмотря на множество болезней, Фердинанд оказался живучим. Он умер в 1875 г., прожив 82 года. Уже после того как Франц Иосиф сменил Фердинанда, эрцгерцогиня София во время ссоры с Мелани обвиняла ее мужа в том, что он желал «невозможной вещи: руководить монархией без императора с придурком в качестве носителя короны»<sup>7</sup>.

Если же верить Меттерниху, его подход все-таки нашел поддержку. По словам князя, в ночь с 1 на 2 марта 1835 г. в комнате рядом с той, где умирал кайзер, вместе с ним собрались эрцгерцоги Людвиг, Иоанн и Франц Карл, а также соперник канцлера граф Коловрат, располагавший большими полномочиями во внутривенских делах империи. Меттерних обратился к ним с краткой речью: «Отныне трон будет занимать не личность, а символ, и он становится для нас алтарем. Мы должны исполнять нашу обязанность, славить его подобно жрецам. Император Фердинанд — своего рода далай-лама»<sup>8</sup>. Реакция присутствующих была такова: «Эрцгерцог Иоанн воспринял сравнение с воодуше-

влением, эрцгерцог Людвиг со спокойным одобрением, точно так же и эрцгерцог Франц Карл. Только граф Коловрат промолчал»<sup>9</sup>. О нем в завещании не было ни слова. Но вскоре и граф высказался. Если кайзер Франц, по его словам, нес знамя империи, то «Фердинанд сам был знаменем империи, которое приходилось нести»<sup>10</sup>.

В какой-то мере причины умственной неполноценности Фердинанда связаны с его генеалогией. Новый кайзер, как уже говорилось, был старшим сыном Франца I от его брака (второго) с кузиной, Марией Терезой Неаполитанской, некрасивой, но весьма темпераментной женщиной. За шестнадцать лет супружеской жизни она рожала двенадцать раз. Ее мать Мария Каролина (подруга знаменитой леди Гамильтон) была к тому же сестрой отца Франца I императора Леопольда, а ее отец Фердинанд IV приходился братом жене Леопольда Марии Луизе. То есть жена Франца I состояла в двойном родстве с мужем: как по материнской, так и по отцовской линиям. И остальное их потомство, кроме Фердинанда (Мария Луиза, Франц Карл), также не отличалось интеллектуальными качествами. Но жена императора французов, во всяком случае, не могла пожаловаться на здоровье. Что же касается Фердинанда, то набор его болезней просто неисчислим. Среди них главные — эпилепсия, неспособность концентрировать внимание, нарушение чувства равновесия. Порой он не мог попасть в рот ложкой или вилкой. Семейные черты Габсбургов у него представлены особенно утрированно: большая голова с удлинненным черепом, длинный отвислый нос. Но в нем было что-то от доброго юродивого. Венцы его любили и беззлобно подшучивали на его счет.

Педагогу Фердинанда все же удалось добиться немалых успехов. Его подопечный продвинулся в музыке и рисовании, стал собирать коллекцию минералов, проявлять интерес к геральдике и ботанике, заниматься садом. Тем не менее составить элементарное письмо было выше его сил<sup>11</sup>.

Конечно, именно Меттерних устроил брак Фердинанда, когда тот был еще кронпринцем. Причем невесту опять выбирали из очень узкого родственного круга. Высокой чести удостоилась принцесса из Савойского дома Мария Анна. Даже австрийский посол в Турции граф Зенфт чувствовал себя неловко, участвуя с этим деле. Но королева Мария Тереза, сестра третьей жены кайзера Франца, была в восторге от мысли, что ее племянница может стать императрицей Австрии. Ее не смущали ни умственные способности жениха, ни его болезни. Марии Анне оставалось только повиноваться воле старших. Брак состоялся в феврале 1831 г. Тихая, лишённая политических амбиций девушка не вызвала у Меттерниха никаких опасений. И это тоже было одним из факторов, побуждавших его к решению в пользу Фердинанда.

Многие в его вояжарении были склонны видеть «насмешку над принципом легитимности»<sup>12</sup>. «Монархия без монарха», — доверял дневнику свои потаенные мысли видный чиновник Карл Фридрих Кюбек, который станет надежным сотрудником Меттерниха. Вступление Фердинанда на престол сопровождалось множеством слухов, домыслов и анекдотов. Самому новоиспеченному импера-



тору так понравилась церемония коронации, что он хотел бы повторять ее каждый день<sup>13</sup>.

Между главными действующими лицами на австрийской политической сцене было достигнуто некое подобие консенсуса по отношению к императору. Дело облегчалось популярностью Фердинанда среди простых людей, которым нравились его бесхитрость и доброта. Так, после покушения на его жизнь в 1831 г. он не только простил злобного фанатика, но и помогал его семье. Он очень любил раздавать деньги во время своих прогулок по Вене. Этим нередко пользовались уличные попрошайки-мошенники. Одному из них, притворившемуся слепым, Фердинанд дал дукат со словами сострадания: «Ты слеп, как это ужасно! Да, Ваше Величество, отвечал мнимый слепец, — я слепой и глухой». Тогда в его карман скользнул еще один дукат от исполненного сочувствием императора<sup>14</sup>.

Но положение Меттерниха было не таким блестящим, как это могло показаться со стороны. В нем, особенно за границей, видели австрийского Ришелье. Кое-кто сравнивал его с мажордомом вроде Пипина Короткого при бессильных Меровингах. На самом деле, несмотря на удачное решение вопроса о престолонаследии, канцлер нуждался в укреплении своих позиций. Теперь ему надо бы устроить Фердинанду международные смотрины, показать его за рубежом, чтобы развеять слухи, будто на габсбургском престоле восседает некий фантом.

Задача была не из легких. Поведение императора отличалось непредсказуемостью. Какое-то время он выглядел совершенно нормальным, речь его казалась вполне осмысленной. Но затем он мог неожиданно потерять контроль над собой. Речь становилась бессвязной, жесты и телодвижения несуразными.

Для выхода Фердинанда в свет канцлер решил воспользоваться смотром сил консервативных монархов в Теплице, намеченном на осень 1835 г. Тем самым Меттерних хотел убить двух зайцев: вдохнуть новый импульс в союз консервативных держав и заручиться их поддержкой для преемника кайзера Франца I.

Конечно, прежде всего князь рассчитывал на российского императора. Начавшийся после Мюнхенгреча медовый месяц в австро-российских отношениях растянулся надолго. Вскоре после смерти Франца I Меттерних писал в Петербург Фикельмону: «Пока будет существовать союз трех монархов, мир сохранит шансы на спасение... Соболаговолите припасть за меня к ногам императора Николая и просить его, чтобы он продолжал оказывать нам свое полное доверие. Я всегда буду достоин его»<sup>15</sup>. Не оставался в долгу и царь. Граф Орлов передал Меттерниху письмо Николая I, в котором тот писал, что намерения австрийского императора для него священны, а воспоминания о Мюнхенгрече сохраняются у него навсегда. Царь выражал готовность служить «порядку и мюнхенгреческому принципу»<sup>16</sup>.

Еще в Мюнхенгрече Николай I и Франц I договорились встретиться вновь через два года. Поводом для очередного сбора союзных монархов стала закладка памятника в честь русской гвардии на поле знаменитого Кульмского сражения. За организацию торжеств взялся Клеменс. Он и был самым заинтересо-

ванным в этом деле лицом. Кроме того, князь претендовал и на свою долю лавров Кульмской победы. Во время военных действий он как раз курсировал между Ратиборжице и ставками австрийского и российского императоров. Будучи человеком наблюдательным, он обратил внимание на дислокацию и передвижения французских войск. Своими наблюдениями он поделился с князем Шварценбергом, и его информация оказалась весьма полезной<sup>17</sup>. Хотя, как обычно, Клеменс был склонен преувеличивать собственную роль.

Крайняя занятость не помешала ему встретиться с Бальзаком. Если князь и не читал книг знаменитого писателя, то, во всяком случае, был о нем много наслышан. К австрийскому канцлеру французского писателя привели сразу несколько обстоятельств. Его живо интересовали действующие лица наполеоновской эпохи. Он посещал Талейрана, сожалел, что не удалось познакомиться с Веллингтоном. В его творческие планы входило знакомство с театром военных действий, где разворачивалось много наполеоновских сражений.

Визиту Бальзака посуществовали две дамы. Одна из них — герцогиня д'Абрантес, или Лаура Жюно, бывшая любовница князя. Другая — маркиза де Кастри: ее писатель вывел в своих произведениях под именем герцогини де Ланже. У маркизы была любовная связь с безвременно умершим сыном Меттерниха Виктором. В результате у князя появился незаконнорожденный внук.

Нельзя с уверенностью утверждать, что Бальзака уполномочили обсуждать эту проблему с Меттернихом. Но все же во время их беседы речь шла и о маленьком Роже (так звали сына маркизы и Виктора); ему Бальзак посвятил одну из сказок в духе Перро<sup>18</sup>. Позднее внук Меттерниха усилиями деда получит титул барона фон Альденбурга и поступит на австрийскую дипломатическую службу. Он дослужился до должности посла и участвовал в подготовке к изданию документального наследия канцлера.

20 мая 1835 г. Бальзак оказался гостем князя. Хотя князь, по свидетельству Мелани, встретил писателя словами о том, что он не читал его книг, между ними быстро установилось взаимопонимание. «Клеменс был очарован тем, как его гость смотрит на вещи и оценивает их»<sup>19</sup>, — записала княгиня в своем дневнике. Бальзак тоже был в восторге от своего собеседника. Князь даже подарил ему сюжет для пьесы.

Некоторые специалисты ставят под сомнение слова о том, что Меттерних не читал Бальзака. Среди них существует мнение, что «Историю тринадцати» князь «проглотил» сразу же после ее публикации<sup>20</sup>. Возможно, он прочел и «Отца Гори». Правда, уверенности в этом нет.

Бальзак был буквально заласкан австрийскими аристократами. Наряду с Меттернихом его принимали, в частности, Шварценберги и Шенбурны. Это вызвало зависть у подруги писателя Эвелины Ганской, которую от венских патрициев отделяла изрядная дистанция.

Но главные помыслы и усилия канцлера сосредоточились на подготовке встречи «восточных» монархов. Опыта Клеменсу было не занимать, но непредсказуемость кайзера держала министра в постоянном напряжении.

Генеральной репетицией к встрече на высшем уровне послужило турне Фердинанда и Марии Анны по маршруту от Мариенбада до Кёнигсварта. Императорскую чету сопровождал большой кортеж из придворных и дипломатов. Самый роскошный прием ожидал императора и императрицу, конечно, в меттерниховском Кёнигсварте. Оттуда все направились в Теплиц, где предстояло свидание двух императоров и прусского короля.

Мелани была беременна и не могла сопровождать мужа, но Клеменс ежедневно отправлял ей обстоятельные письма-отчеты обо всем, что происходило. Сам он появился в Теплице 20 сентября, чтобы держать под постоянным контролем все приготовления, предусмотреть все до мельчайших деталей.

Главный гость — российский император — прибыл даже несколько раньше запланированного срока. В Теплиц приехала и императрица с тринадцатилетней дочерью Ольгой. Князь давно не видел российскую императрицу, дочь прусского короля. На ее вопрос, не находит ли он, что она изменилась, ответил с изысканным комплиментом: «Нет, вы совсем не изменились, разве что очень выросли»<sup>21</sup>. Романовы были представлены еще и великим князем Михаилом с женой.

«Каждый час, — писал Клеменс Мелани 24 сентября, — прибывает все новый и новый государь»<sup>22</sup>. Всего собрались 54 владетельных князя и княгини<sup>23</sup>. Николай I весьма сожалел, что в Теплице нет Мелани. Клеменс громко восхищался удивительно красивой императорской дочерью Ольгой. Он всячески обхаживал девочку, заваливал ее подарками, но не пройдет и десяти лет, как канцлер помешает ее браку с одним из эрцгерцогов.

Стараниями князя все было организовано на высочайшем уровне. Все участники встречи чувствовали себя окруженными вниманием, все было постоянно занято: прогулки, охота, балы, театральные представления. Любители оперы могли насладиться, например, беллиниевской «Нормой». Клеменс был вправде с удовольствием сообщить Мелани: «Я привел всю эту машину в движение»<sup>24</sup>.

Особенно успеху встречи способствовало в высшей степени дружелюбное и тактичное отношение Николая I к Фердинанду. А это было непросто. «Контраст между блестящим внешним обликом императора Николая, выглядевшего еще красивее в австрийской гусарской форме, и полуидиотом Фердинандом... был чудовищным»<sup>25</sup>, — писал цитируемый Х. Л. Миколецким немецкий историк Т. Шиман. Российская императрица Александра Федоровна так выразила в дневниковой записи свое отношение к австрийскому императору: «Великий Боже! Я много слышала о нем, о его мелкой, уродливой, несуразной фигурке и его огромной голове, явном признаке придурковатости, но действительность превзошла все описания»<sup>26</sup>.

Николай I был безупречен. Его поведение стало камертоном для всех остальных. Успокоился Меттерних. Отлегло от сердца у императрицы Марии Анны. «Я так всего боялась, но теперь я даже удивлена, насколько мне не страшно»<sup>27</sup>, — признавалась она канцлеру. Тот буквально переполнен благо-

дарностью к царю: «Я не могу нахвалиться императором Николаем, воздать ему хвалу за все. Все эти дни у меня состоялись продолжительные разговоры с ним; каждый день подтверждал мне, что я смог разгадать его»<sup>28</sup>. Далее Клеменс восторженно описывает атмосферу встречи: «Все происходит так, как будто все собравшиеся здесь образуют единую семью. В общем, такое чувство, что находишься в салоне, в доброй компании»<sup>29</sup>.

Внешне запланированная демонстрация консервативной солидарности вполне удалась. Правда, сколько-нибудь серьезных практических последствий она не имела. Как отметил С. С. Татищев, «соглашение трех союзных дворов по всем текущим политическим делам не пошло далее обмена дипломатических меморандумов и не выразилось ни в едином действии»<sup>30</sup>.

Все же был согласован ряд вопросов общей позиции трех континентальных консервативных держав по отношению к двум «морским» либеральным. «Решено было, — писал Татищев, — ничего не изменять в сношениях с последними, предоставляя времени расторгнуть противоземственный союз Англии с Францией». «В случае новой перемены во французском правлении, — раскрывает далее позицию трех держав Татищев, — признать немедленно восстановление законной династии, но относительно всякого иного образа правления предварительно согласиться между собою»<sup>31</sup>. Показательно, что вскоре после встречи в Теплице Меттерних нанес визит Бурбонам, нашедшим прибежище под крылом Габсбургов в Богемии<sup>32</sup>.

При обсуждении самого болезненного, «восточного» вопроса Меттерних предложил поставить в известность о содержании Мюнхенгрецкой конвенции Лондон и Париж. Но это предложение было отклонено Россией по двум причинам. «Во-первых, утверждали мы, — подчеркивал Татищев, — поведение обеих морских держав не оправдывает такого знака уважения и доверия к ним с нашей стороны. Во-вторых, они могут пожелать сами приступить к конвенции»<sup>33</sup>. Вообще информация о секретном мюнхенгрецком документе может лишь подтолкнуть Англию и Францию к сближению.

Затем следует крайне любопытный пассаж: «Меттерних уступил и, по собственному выражению его, согласился "продолжать быть в глазах Англии обманутым или сообщником русской политики в делах Востока"»<sup>34</sup>. Тем не менее его попытка «рассекретить» мюнхенгрецкое соглашение свидетельствует о том, что ему не хотелось сжигать корабли и окончательно похоронить излюбленную идею «концерта держав», или пентархии.

Согласие было достигнуто по испанскому вопросу. Естественно, консервативные державы симпатизировали ультраконсервативному претенденту, брату короля Фердинанда VII дону Карлосу, оспаривавшему право на престол у своей племянницы Изабеллы, которую поддерживали умеренные и либеральные силы. Меттерних уговорил партнеров оказать претенденту финансовую помощь.

Союзные державы решили покончить с независимым существованием вольного города Кракова, где находили убежище всякого рода революционные

элементы. Россией было предложено австрийцам присоединить Краков к своим владениям. Однако реализация этой идеи была отсрочена более чем на десять лет.

Татищев вновь сгущает краски, утверждая, что в Теплице, как и прежде в Мюнхенгреце, «все политические вопросы были разрешены в духе Австрии и в ее пользу»<sup>35</sup>. Пожалуй, он склонен принимать за чистую монету реляции Меттерниха, выдержанные в типичном для того чрезмерно оптимистическом духе, и напыщенные самовосхваления.

Конечно, у князя имелось достаточно оснований для того, чтобы быть довольным теплицкой встречей. Фердинанда удалось провести через труднейшее испытание; теперь можно было сказать, что его приняли в семью европейских монархов.

Упрочились отношения с Россией. «Я нашел императора Николая мудрым и спокойным, убежденным в том, что истинная сила на нашей стороне. Его взгляды весьма близки к нашим»<sup>36</sup>, — информирует канцлер австрийского посла в Париже графа А. Аппоньи. Не довольствуясь этим, Меттерних добавляет: «Никогда за последние двадцать лет не удавалось достигнуть столь полного совпадения мыслей и взглядов»<sup>37</sup>. И во «Всеподаннейшем отчете» графа Нессельроде отмечалось, что Россия приобрела в Австрии «наиболее верного друга и естественную помощницу»<sup>38</sup>. Покидая Теплиц, Николай I говорил Меттерниху: «Берегите себя, ибо вы — наша опора. Пока опора держится, все идет хорошо, и здание не рухнет»<sup>39</sup>.

Все же общение с царем для канцлера — дело нелегкое: «Внимание императора Николая — очаровательная вещь, но порой оно напоминает неожиданный пистолетный выстрел»<sup>40</sup>. Чего стоила, например, импровизированная поездка Николая I после Теплица в Вену, чтобы повидаться с вдовой Франца I и оставшейся дома Мелани. Своим блиц-визитом царь переполошил австрийскую столицу.

Неоднозначен своего рода эскиз к портрету Николая I, сделанный Меттернихом в послании Аппоньи. С одной стороны, российский император «справедлив, добр, его характер чист и тверд, он — человек слова и исключительной честности»<sup>41</sup>. Но, с другой стороны, «император не знает свет в такой мере, в какой хотелось бы. Он судит о людях слишком сурово, по русской мерке, а иногда он не признает полезных и желательных нюансов; он скор на слова и поступки, а исправить последствия от сорвавшегося с уст слова бывает чрезвычайно трудно»<sup>42</sup>.

Именно в депешах, адресованных своему парижскому послу, Меттерних дает наиболее подробный анализ теплицкой встречи. Объясняется это тем, что депеши в той или иной мере предназначались еще для одного читателя — французского короля.

Встреча трех монархов в Теплице диктовалась необходимостью подтвердить прочность их союза после кончины австрийского императора, в течение 46 лет твердо державшего скипетр в руках, несмотря на все потрясения бурных времен. Принципы, соединяющие трех монархов, подчеркивал Меттерних, ос-

таются незыблемыми. О встрече договорились с отцом; она состоялась после восшествия на престол сына. Причем собрались не только монархи, но и августейшие семьи, связанные узами дружбы. Меттерних указывал на широту подхода монархов к современной ситуации. Ничто не ускользнуло от их взоров. «Защитники и хранители консервативных принципов, три монарха, — утверждал князь, — не могут заблуждаться ни в выборе цели, которую ставит перед ними Провидение, ни в выборе направления, которому они должны следовать, чтобы реализовать эту цель»<sup>43</sup>. Идет борьба между теми, кто стремится к сохранению, и теми, кто ратует за проведение социальных реформ. Консервативные державы выступают за сохранение общественного мира. Их встречи дают им дополнительные силы в борьбе с силами разрушения.

Но Меттерних не был бы Меттернихом, если бы он не попытался сохранить какую-то возможность для маневра, если бы не оставил для пусть даже нежеланного французского монарха дверь слегка приоткрытой. Незадолго до теплицкого сбора он просил Аппоньи «успокоить» Луи-Филиппа: «Я не хотел бы ослаблять его моральную позицию; наоборот, я желал бы ее усилить. Пусть он поверит мне на слово и оставит спекуляции для пустоголовых болтунов»<sup>44</sup>.

Однако то, что происходило в Теплице, не могло не вызвать тревоги у французского короля. Явным вызовом ему был визит канцлера к Бурбонам. В то же время через посла Аппоньи отношения канцлера с Луи-Филиппом обрели оттенок доверительности. Кроме официальных депеш послу направлялись конфиденциальные письма, с которыми ему следовало знакомить короля, а затем передавать в Вену королевские ответы и рассуждения. «Лукавый монарх, — пишет Г. де Бертье де Совиньи, — почти столь же словоохотливый, как и Меттерних, охотно принял эту игру»<sup>45</sup>. Его встречи с Аппоньи обычно затягивались надолго, вызывая недовольство прочих послов.

После Теплица, в конце 1835 г., король и канцлер были встревожены обострением англо-российских отношений в связи с ненавистным для князя «восточным вопросом». Они даже договорились о распределении ролей. «Постарайтесь помешать английским глупостям, — обращался Меттерних к Луи-Филиппу, — а мы попытаемся поддержать мирные тенденции у императора Николая»<sup>46</sup>.

## II

«Четыре человека, — отмечал британский историк Ч. Уэбстер, — располагали тогда доминирующим влиянием: Меттерних, Пальмерстон, Луи-Филипп и Николай I, каждый со своей собственной идеей европейской системы»<sup>47</sup>. Действительно, они образовали своего рода европейскую кадрили. В ходе политического танца партнеры меняли позиции, выделяли замысловатые па. Особые сложности возникали из-за того, что российский император упрямо игнорировал французского короля. Впрочем, и сам

Клеменс испытывал большие трудности с Францией. На его отношение к Луи-Филиппу давил груз исторического опыта, предрассудков и преубеждений.

Когда дело касалось Франции, князь чаще видел в ней не столько партнера, сколько негасимый очаг ужасной революционной инфекции. Страх перед революцией и ненависть к ней нередко застилали ему глаза, подталкивали к совершенно несвойственным для его натуры словам и поступкам. Чисто инстинктивный консерватизм порой часто брал верх над прагматическими соображениями. Пожалуй, именно в сфере австро-французских отношений это обстоятельство сказывалось более всего. Принцип эквilibра в смысле поддержания равновесия сил уступал чисто охранительному, трезвая оценка ситуации — эмоциональной.

Нельзя не учитывать и психологический фактор. От июльского шока Клеменс долго не мог прийти в себя, а Луи-Филипп был постоянным напоминанием о пережитом потрясении, о тщетности усилий, затраченных на то, чтобы сохранить Европу Венского конгресса.

На первых порах в Июльской революции Меттерних видел всего лишь пролог к событиям более грандиозным. «Я не говорю даже о новом акте, — писал он 15 августа 1830 г., — ибо пьесу только начали разыгрывать»<sup>48</sup>. «Король Луи-Филипп, — делился канцлер своими соображениями с кайзером Францем в октябре 1830 г., — попал в тяжелую ситуацию, так как не существует иной основы для его власти, кроме вздорных теорий»<sup>49</sup>. Естественно, Клеменс имел в виду теорию народного суверенитета. И, развивая свою мысль, он пишет далее: «Из-за слабости, из-за страха и собственных наклонностей король Луи-Филипп оказался во главе революции... достаточно искры, чтобы ввергнуть Францию в гражданскую войну»<sup>50</sup>.

На послееюльскую Францию Меттерних возлагает вину за все неприятности, с какими ему как канцлеру пришлось столкнуться. Король Луи-Филипп предстает в качестве союзника карбонариев. Принципиальное различие между Францией и Австрией канцлер видит в том, что первая готова вмешиваться в чужие дела или, говоря современным языком, экспортировать революцию по политическим соображениям, а вторая — экспортировать контрреволюцию — сугубо по «правовым».

Меттерних не верил в долговечность режима Июльской монархии. Так, уже на втором году ее существования (февраль 1832 г.) он придерживался мнения, что правление Луи-Филиппа не может быть ничем иным как «более или менее долгой агонией»<sup>51</sup>. Хотя решительный отпор со стороны короля республиканцам летом 1832 г. и вызвал одобрение австрийского канцлера, но в конце того же года он утверждал в прежнем духе, что «нельзя поддерживать июльский трон, не служа тем самым революции»<sup>52</sup>. Интересно отметить, что летом 1831 г., когда Клеменс имел намерение разыграть бонапартистскую карту, он на всякий случай снабдил Аппоньи компроматом на «короля баррикад».

Это было письмо Луи-Филиппа, тогда еще герцога Орлеанского, от 3 августа 1805 г. генералу Маку с просьбой разрешить ему участвовать в войне про-

тив Наполеона в первых рядах австрийской армии. «Каковы бы ни были мои возможные при определенных обстоятельствах права на корону Франции, — писал тогда будущий король, — я всего лишь младший сын, у меня нет никаких личных притязаний, одним словом, я не имел и не хочу иметь ничего общего с этой несчастной страной... Я хочу быть только солдатом и был бы счастлив присоединиться к армии, подобно всем другим князьям, которые имеют честь служить Его императорскому Величеству»<sup>33</sup>. Безусловно, публикация такого письма могла бы нанести французскому королю серьезный урон. Но это оружие так и не было вынута из ножен.

Как известно, Меттерних предоставил убежище изгнанным Бурбонам. Он же выражал восхищение донкихотскими эскападами невестки Карла X герцогини Беррийской, которая неоднократно пыталась спровоцировать во Франции выступления против Орлеанской династии, пока наконец не оказалась в тюрьме. По словам Клеменса, она проявила «величие характера и героизм»<sup>34</sup>.

Казалось бы, наследнику и родственнику Кауница следовало обратить заинтересованный взгляд в сторону Парижа, поскольку отношения с Англией складывались неудачно, а Россия благодаря своей мощи оказалась фактически в роли старшего партнера Австрии. Конечно, Меттерних не мог не отдавать себе отчета в том, что сближение с Францией могло бы ослабить зависимость от России, дать дополнительные козыри в политической игре с Лондоном. Кстати, и Генц предпочел бы сближение с Францией слишком тесному союзу с Россией.

Неужели идеологические и эмоциональные факторы могли столь сильно повлиять на такого рационалиста-прагматика, как князь Меттерних? Србик тоже делает упор на доктринерство канцлера, для которого конституционная монархия, каковой и была Франция Луи-Филиппа, — это что-то вроде легитимизированной революции.

Но Клеменс отнюдь не был «Дон-Кихотом легитимизма» и мог бы в случае необходимости поступиться этим принципом, что он не раз демонстрировал. Ведь как бы ни пытался он подправить прошлое в угоду настоящему, но при всех своих колебаниях и переживаниях он рассматривал «узурпатора» Наполеона в контексте системы европейского равновесия. Каковы бы ни были его эмоции, он мог переступить через них ради реальных выгод.

Право корсиканца на ключевую роль в европейском эквilibре было обосновано в глазах Клеменса мощью его империи. Огромной исторической заслугой «нелегитимного» императора он считал удушение революции. Правда, император-парвеню был для князя не только душителем, но и в какой-то мере душеприказчиком революции. Решающим аргументом в его пользу являлась сила победоносная армия, грандиозные завоевания, людские и материальные ресурсы, т. е. все то, что можно было бросить на весы европейской политики. Он мог сокрушать одну коалицию за другой; а дипломатическое искусство служило хорошим подспорьем его полководческому гению.

Будь трон Луи-Филиппа прочнее, а Июльская монархия могущественнее, Меттерних скорее всего воспринимал бы Францию иначе. Сравнение с режима-



ми, существовавшими во Франции ранее, явно не в пользу монархии Луи-Филиппа: «У трона 9 августа, в отличие от правительств между 1792 и 1802 г., не хватало веса народного одобрения, в отличие от трона эпохи реставрации — мощной опоры в виде исторического права, в отличие от республики — силы народа, от империи — военной славы, гения и армии Наполеона, от Бурбонов — силы принципа»<sup>55</sup>.

В общем Франция Луи-Филиппа — это не Франция Шуазеля и тем более Наполеона. Порой создается впечатление, что недовольство Клеменса Июльской монархией вызвано в большей мере ее слабостью, чем ее революционным происхождением. В первой половине 1830-х гг. французская политика Меттерниха ближе всего к формуле: «Шаг вперед, два шага назад».

Если князь умел скрывать эмоции, то Мелани, несмотря на интенсивное приобщение к политике, по-прежнему была невоздержанна на язык, позволяла себе экстравагантные высказывания и поступки. Ее ненависть к Луи-Филиппу не знала предела. Так, например, в ее дневнике за 6 января 1833 г. содержится запись, исполненная злорадства по поводу покушения на французского короля<sup>56</sup>.

Но страницы дневника не могли стать отдушиной для темпераментной княгини. Публичный выход свои чувствам она дала в новогодние дни 1834 г. На праздничном обеде у Меттернихов 1 января французский посол граф де Сент-Олэр, сидевший рядом с хозяйкой, похвалил ее бриллиантовую диадему. «На вас, княгиня, она выглядит как корона», — сделал комплимент ей и ее украшению французский дипломат. «Возможно, — надменно ответила Мелани своему соседу, — надменно ответила Мелани своему соседу, — но она принадлежит мне и я, по крайней мере, ее не крада». Поскольку граф оказался недостаточно догадлив и не уловил подтекст ответа (а может быть, дипломатично прикинулся непонятливым), то Мелани недвусмысленно пояснила ему, что она имела в виду суверена, которого представлял посол.

Скорее всего высказывание княгини не получило бы огласки. Сент-Олэр был в дружеских отношениях с князем и совсем не жаждал скандала. Но Мелани не унималась. Через неделю (8 января) на балу, устроенном графом, она не смогла сдержать плохого настроения и неприязни к нелегитимному монарху. Она постаралась довести до многих гостей посла свой убийственный ответ на его комплимент. Об этом узнала почти вся Вена. Было очевидно, что совсем скоро эта история дойдет до Парижа.

Посол потребовал объяснений от княгини в присутствии ее мужа. Сначала Мелани попробовала изворачиваться и даже лгать, затем ей все же пришлось покаяться. Меттерних и Сент-Олэр договорились не обострять ситуацию. Специальные инструкции были отправлены Аппоньи, чтобы он постарался лишить инцидент политической окраски.

Создавалось впечатление, что дело закрыто. Однако 2 марта парижская газета «Котидьен» поведала об этой пикантной новогодней истории. Сент-Олэр был вынужден писать объяснение своему правительству. Прежде чем отпра-

вить его в Париж, граф показал документ Меттерниху. Князь внес в него небольшую, но существенную поправку. Он вычеркнул слова о том, что «княгиня Меттерних враждебно настроена по отношению к французскому правительству»<sup>57</sup>.

Канцлер сполна воспользовался дружбой с французским послом. Вообще в его методику входило правило приручать послов. Для них всегда был гостеприимно открыт княжеский дом, постоянно устраивались обеды и ужины. Делалось все, чтобы зарубежные дипломаты чувствовали себя в Вене как дома. Так, абсолютно своим человеком стал для Меттернихов российский посол Дмитрий Павлович Татищев. Со своей должностью в австрийской столице он расстался крайне неохотно, лишь по «профнепригодности», так как с возрастом почти полностью ослеп.

Надолго задержался в Вене и граф де Сент-Олэр. Его связывали с Меттернихом и общие интеллектуальные интересы. Граф был частым собеседником канцлера. Перу Сент-Олэра принадлежала, в частности, «История фронды», которую князь читал весьма внимательно и делился с автором своими суждениями.

Принимала его, естественно, и Мелани. 17 июня 1833 г. между нею и графом происходил разговор, который воспринимается особенно забавно в отраженном свете событий, произошедших в начале следующего года. Сент-Олэр убеждал княгиню в том, что женское влияние оказывает на государственных деятелей благотворное воздействие. Мелани, представая в роли скромной и кроткой супруги великого человека, ответила ему, что в Австрии женщины никогда не вмешиваются в мужские дела. В лучшем случае им дозволено быть внимательными слушательницами, «но их взгляд несколько не влияет на чашу весов и никто не думает спрашивать у них совета»<sup>58</sup>.

Меттерних внимательно наблюдал за эволюцией Луи-Филиппа. Постепенно канцлер стал проводить разграничение между Июльской революцией 1830 г. и возникшим в ее результате режимом. Революция, рассуждал князь в ноябре 1834 г., превращает войну в постоянное явление. Для короля Луи-Филиппа главная забота — сохранить трон, на котором он сидит не очень уверенно. «Желает того король или нет, он должен быть консерватором»<sup>59</sup>, — таково заключение Меттерниха.

Королю следует опасаться того, что именуют прогрессом, т. е. «движения, которое обычно кончается массовым бунтом. Массам надоедает жить иллюзиями; они хотят жить спокойно не только сегодня, но и завтра». Вообще тенденция к покою характерна для человеческого общества. Король должен отдавать себе отчет в следующем: «чем прочнее утвердится покой во Франции, тем надежнее будет его существование»<sup>60</sup>. Через Аппоньи Клеменс буквально бомбардирует Луи-Филиппа своими советами и соображениями.

Незадолго до встречи в Теплице австрийский канцлер отмечал, что доктринерские и либеральные утопии препятствуют политическому союзу «морских держав» с Австрией. Остается лишь надеяться на то, что французский король «будет решительно противостоять все новым и новым поползновениям рево-

люционеров, будет смещаться на консервативную почву; на этой почве он встретится с нами и нашими союзниками»<sup>61</sup>. «Если я считаю это возможным, — предостерегает Меттерних, — это не означает, что я считаю это легким делом. Скорее наоборот, мне кажется, что для короля баррикад самое трудное — оторваться от истоков»<sup>62</sup>. Не исключено, новая династия сумеет избавиться от прежних друзей, обрести силу и основательность, избрать верный путь на встречу консервативным державам.

На словах такой поворот событий выглядел в той или иной мере возможным. В силу логики собственной позиции Меттерних мог бы попытаться затянуть Луи-Филиппа в паутину своей политики. Но как только от слов нужно было переходить к делу, обнаруживалось множество препятствий. Причем создавались они главным образом самим канцлером. Самым наглядным свидетельством тому служит история несостоявшихся франко-австрийских браков, которые могли бы существенно сблизить монархию Луи-Филиппа с Австрией.

Как в свое время Наполеон, так теперь и Луи-Филипп решил укрепить свои династические позиции благодаря установлению родственных связей с Габсбургами. У него созрела идея женить наследного принца Луи-Фердинанда на дочери эрцгерцога Карла Марии Терезе. Кроме того, имелась в виду перспектива брака старшего сына Карла Альбрехта с дочерью Луи-Филиппа Клементиной. Правда, французский премьер-министр герцог де Брольи был против, причем не столько из-за своих проанглийских симпатий, сколько из-за опасения натолкнуться на отказ. Отставка де Брольи в апреле 1834 г. способствовала активизации сторонников «австрийских браков».

В дело включается граф Сент-Олэр. Он начинает готовить почву для возможного визита в Австрию принца Луи-Фердинанда. На правах дружбы он весьма недвузначно извещает канцлера о намерении своего монарха: «У вас так много эрцгерцогинь, почему бы не отдать одну из них нам?»<sup>63</sup>

Интересы Франции готовы представлять герцогини Дино и Саган. Роль посредницы Вильгельмина готова взять на себя. Но Клеменс уклоняется от контактов. Визит Луи-Фердинанда Орлеанского в письме к Аппоньи (31 января 1835 г.) он считает «пустой затеей»<sup>64</sup>. Болезнь императора Франца и его кончина послужили удобным предлогом для затягивания дела.

Кроме принципиального мотива для отказа Луи-Филиппу у Клеменса имелся и сугубо личный — застарелая вражда к эрцгерцогу Карлу. Он разрушил матримониальные планы самого эрцгерцога, а теперь решил проделать то же самое с его детьми. Но при этом Меттерниху вовсе не хотелось брать ответственность на себя. По его замыслу отказ должен был исходить от самого Карла и его дочери.

Началась их интенсивная психологическая обработка. Главным аргументом являлась не столько недостаточная легитимность, сколько ненадежность Июльской монархии. Меттерних пугал отца и дочь участием Марии Антуанетты или, по меньшей мере, Марии Луизы. Свою антиорлеанскую позицию канцлер объяснял исключительно заботой о безопасности габсбургской принцессы. На

его стороне оказалась и большая часть императорского семейства. Об этом с горечью писал в своем дневнике брат Карла, либеральный эрцгерцог Иоани: «В нашей семье только трое способны смотреть на дело спокойно и непредвзято: Карл, озабоченный судьбой дочери, Иосиф и я»<sup>65</sup>. Большинство своих родственников Иоани характеризует как «ультра», для которых Луи-Филипп выглядел узурпатором. Конечно, князь, если бы он того захотел, мог переломить семейную ситуацию. Но в данном случае он постарался воспользоваться ею.

Под совместным натиском семьи и Меттерниха высоко ценимый Наполеоном полководец и его дочь не устояли. Тем временем канцлер присмотрел для Марии Терезы альтернативный вариант в виде только что повторно овдовевшего неаполитанского короля. В Вене и Неаполе разворачиваются приготовления к брачному союзу.

Только после такой предварительной подготовки Меттерних считал возможным утешительный визит орлеанского наследного принца в Вену. Высокий, стройный красавец Луи-Фердинанд прибыл в австрийскую столицу вместе с братом герцогом Немурским. Теплым майским днем (29 мая 1836 г.) любопытные венцы высыпали на улицу — поглазеть на орлеанских принцев и поприветствовать их. Чтобы лучше разглядеть французских гостей, некоторые венцы из-за сильного солнца даже воспользовались специальными очками. Внешность принцев, их манеры вызвали к ним симпатии взыскательных венских обывателей.

Крайне любезен был и Меттерних. У Луи-Фердинанда даже возникла иллюзия о возможности благоприятного исхода визита. Для канцлера у него было припасено отцовское письмо. В нем Луи-Филипп пытался рассеять тревоги князя, заверяя его в своем отречении от революционеров всех цветов и оттенков, о стремлении Франции быть гарантом мира и безопасности в Европе<sup>66</sup>.

Принцев принимали по-королевски. Меттернихи, естественно, тоже устроили прием в честь сыновей Луи-Филиппа. Красота Луи-Фердинанда произвела впечатление на Мелани. Она в паре с ним открывала полонез, а за ними следовали княгиня Эстерхази и герцог Немурский. На обеде у императора Луи-Фердинанд вел к столу императрицу.

Меттерних действовал настолько ловко, что убедил своего друга Сент-Олэра, будто сам он не является противником брака, но против союза с сыном французского короля настроено императорское семейство и в особенности влиятельная эрцгерцогиня София. Принц между тем решил идти кратчайшим путем, и 7 июня попросил руки Марии Терезы у ее отца. Тот едва не испортил Меттерниху всю игру. Ему очень приглянулся претендент на руку и сердце дочери. Да и сама Мария Тереза тоже охотно согласилась бы пойти под венец с красавцем Луи-Фердинандом. Но в последний момент старый солдат не отважился пойти против семьи. На полях сражений он был гораздо смелее, чем в житейских столкновениях.

К удовольствию Меттерниха, орлеанские принцы вели себя в высшей степени тактично. Никаких осложнений скандального свойства не случилось.

Очередное покушение на жизнь Луи-Филиппа было использовано князем как еще один весомый аргумент против французского брака для австрийской принцессы. Но когда Мария Тереза и Карл увидели, мягко говоря, непрезентабельного неаполитанского короля, которому девушку должны были отдать в жены, отец и дочь испытали настоящее потрясение. Марии Терезе оставалось только плакать, а Карлу кипеть от гнева.

Тем не менее 9 января 1837 г. брак Марии Терезы с королем Неаполитанским состоялся. А 5 апреля того же года Луи-Фердинанд женился на принцессе Мекленбургской. К этому браку тоже приложил свою руку Меттерних, правда, на сей раз в позитивном смысле. В какой-то мере это была компенсация Луи-Фердинанду и его отцу за фиаско с австрийским браком<sup>67</sup>.

Сравнительно скоро, 13 июля 1842 г., наследный принц нелепо погиб, выпав из кареты. Меттерниху эта трагедия послужила поводом для глубокомысленных рассуждений о судьбе Франции. Князь пытался снять с себя груз ответственности за провал многообещающего проекта. Главной причиной неудачи он хотел изобразить робость Марии Терезы, которой якобы не хватило храбрости войти во французскую королевскую семью; принцессе, выросшей в условиях покоя, страшно оказаться на поле битвы, каким часто оказывался Париж<sup>68</sup>. Это объяснение предназначалось для Луи-Филиппа. В секретной же депеше Аппоньи Меттерних делал упор на проблему легитимности: «Никто не сомневается, что Орлеанский дом — один из великих и блестящих; трон 7 августа его принижает. Герцог Шартрский (таким был бы титул Луи-Фердинанда, если бы его отец не стал королем. — П. Р.) был бы более желанной партией, чем наследный принц Франции»<sup>69</sup>.

Меттерниху важно внести разлад во франко-английские отношения. В самом начале 1837 г. он пишет Аппоньи с расчетом и на Луи-Филиппа: «Совершенно определено, что так называемый альянс с Англией с каждым днем все тягостнее для короля-консерватора... он находит в вигах ложных собратьев»<sup>70</sup>. Такой союз для Луи-Филиппа — серьезная ошибка. Прежде всего это относится к испанским делам, где король, претендующий на то, чтобы считаться консерватором, вместе с англичанами выступает против подлинно консервативных сил, поддерживая либералов и радикалов<sup>71</sup>.

Канцлер оставляет дверь открытой для позитивных подвижек в австро-французских отношениях. Перспективы в этом направлении он связывает с тем, что король, на его взгляд, все более тяготеет к консерватизму в противовес столь сильным среди его министров радикальным тенденциям. Углубление противоречий между королем-консерватором и министрами-радикалами неизбежно.

Из французских политических деятелей Меттерних выделяет Франсуа Гизо. Именно в нем он видит человека, с которым возможно плодотворное сотрудничество. В этом сказались проницательность канцлера и его обостренный консервативный инстинкт. Ведь не кто иной, как Тьер, в противовес англофилу де Брольи, выступал за углубление франко-австрийского сотрудничества.

Но этот экстравагантный, склонный к авантюрам политик вызывал у Клеменса серьезные опасения. Не располагало канцлера к Тьеру и журналистское прошлое французского министра: «Самый худший исходный пункт для карьеры человека, желающего возвыситься до политических дел, — это профессия журналиста. Те, кто воспитан в газетных редакциях, имеют дело главным образом с воображаемым миром, которого нет». Этот опыт предшествующей деятельности, развивал свою мысль князь, оказывается для них непреодолимым препятствием, когда «они хотят использовать свои способности на практической почве: таков и казус Тьера». Если Гизо, по оценке Меттерниха, — «консервативный идеолог», то Тьер — «практический революционер»<sup>72</sup>. Правда, далее оговаривается он, «оба они хотели бы сохранить то, что существует. Все же они отличались и всегда будут отличаться друг от друга, сегодня и завтра, в выборе средств для достижения одной и той же цели»<sup>73</sup>.

Так, уже во второй половине 1830-х гг. Меттерних распознал в Гизо своего будущего союзника. Но в отношениях между двумя государственными мужами появляется одна весьма пикантная деталь. С лета 1837 г. Гизо сближается с Доротеей Ливен. Она до конца своих дней останется спутницей жизни французского политика и ученого. Для него же бывшая любовница князя стала, по ее собственным словам, «консультантом по Меттерниху»<sup>74</sup>. «Меттерних кокетлив, как женщина»<sup>75</sup>, — так характеризует Доротее в одном из писем Гизо объект своей былой страсти. Князь Меттерних «настолько уверен в своей непогрешимости, что никогда не скажет: "Я не знаю". Он все знает, он абсолютно уверен в себе, он все предвидит, все разгадывает»<sup>76</sup>. У нее достаточно оснований восклицать в связи с той или иной ситуацией: «Узнаю моего Меттерниха!»

Поначалу сам Гизо оценивал политику Меттерниха как устаревшую, не соответствующую духу времени. Не исключено, что в тот момент, когда он писал об этом Доротее, сказывалось глубоко скрытое или даже подсознательное чувство ревности к князю. Вот, что можно прочесть в его письме от 21 августа 1838 г., адресованном княгине Ливен, о политическом курсе австрийского канцлера: «Это политика тех времен, когда великие интересы и воля народов не оказывали постоянного давления на правительства, обычным делом были произвольные, меняющие ситуацию комбинации. В то время многие небольшие государства являлись всего лишь гирьками на чаше весов и могли быть легко переброшены из одного союза в другой»<sup>77</sup>. «Всего этого уже нет»<sup>78</sup>, — уверял французский политик свою пассию, хотя имелось еще достаточно поводов для того, чтобы усомниться в его утверждении.

Несмотря на близкие отношения с Гизо, Доротее так и не вступила с ним в брак. Едва ли не главной помехой этому была сословная спесь. Она говорила, что просто не может себе представить, чтобы ее, княгиню Ливен, называли мадам Гизо.

Что же касается истории с несостоявшимся французо-австрийским браком, то Меттерних воспользовался ею, чтобы еще больше укрепить свои позиции по отношению к императорскому семейству. Для поддержания дисципли-

ны и порядка среди множества эрцгерцогов и эрцгерцогинь решено было ввести специальный статут, который бы регулировал жизнь, браки, похороны, содержание членов семьи. Формально все это концентрировалось в руках императора, однако, учитывая специфику личности Фердинанда I, нетрудно было догадаться, в чьих руках на самом деле окажется подобный инструмент. К тому же и разработчиком статута был человек Меттерниха — граф Лебцельтерн.

«Императору и верховному главе семьи, — указывалось в документе, — принадлежит не только суверенитет и право суда над всеми членами семьи, но также и право особого надзора, которое распространяется на опеку и попечительство и браки и вообще на все действия и отношения высочайших членов семьи, достоинство, покой, порядок и благосостояние светлейшей династии»<sup>79</sup>.

«Ни один принц и ни одна принцесса императорского дома, — говорилось далее, — не могут вступить в брачный союз без соизволения верховного главы семьи... Любой заключенный без его утверждения брачный контракт следует считать не имеющим силы»<sup>80</sup>. Окружение членов императорской семьи, подбор воспитателей и направление воспитания — все это должно находиться под строгим контролем. Не менее существенным было и то обстоятельство, что под управлением главы дома оказывалось и общее состояние династии Габсбургов.

Хотя семейство вынуждено было принять статут, неприязнь к канцлеру со стороны большинства эрцгерцогов и эрцгерцогинь еще более возросла. Особенно опасного врага нажил себе Меттерних в лице эрцгерцогини Софии. На нее он пытался переложить главную ответственность за срыв брака Луи-Фердинанда и Марии Терезы. Бездетное супружество Фердинанда I превращало сына Софии и Франца Карла в наследника престола и, несмотря на статут, обеспечивало энергичной и властолюбивой Софии особое положение. Клеменсу еще предстоит испытать на себе силу ее враждебности. Да и прочие члены императорской семьи не упустят случая свести с ним счеты.

### III

Еще до кончины кайзера Франца Меттерних предпринял очередную попытку модернизации габсбургского механизма управления. На этот тернистый путь его подталкивали, в частности, и опасения, обусловленные перспективой воцарения Фердинанда. Необходимо было так усовершенствовать государственный аппарат, чтобы он мог нормально функционировать и при неполноценном монархе. Как всегда, важнейшим мотивом для реконструкции властной структуры было естественное стремление канцлера упрочить собственные позиции.

Тем временем у Клеменса появился опасный соперник, аристократ из Чехии граф Франц-Антон Коловрат Либштинский (1778–1861). Он обладал несметными богатствами и определенными способностями к управленческой деятельно-

сти. Карьеру граф делал успешно и быстро. В 1807 г. он уже возглавлял администрацию Праги, а через три года — и всей Богемии. Правда, приглашение в Вену Коловрат получил только в 1826 г. Его назначили министром и поставили во главе секции Государственного совета, в сферу компетенции которой входили внутривластные дела. К тому же он слыл специалистом по финансам.

Его возвышение, по-видимому, в какой-то мере объяснялось макиавеллистским инстинктом кайзера Франца. В богемском вельможе он видел определенный противовес своему могущественному государственному канцлеру и «другу», чьи амбиции часто выходили за пределы внешней политики. Императору доставляло удовольствие сталкивать двух сановников, а затем выступать в роли арбитра. Еще важнее было другое отмеченное Србиком обстоятельство. «Его нерешительная натура, — писал историк об императоре, — не позволяла ему полностью стать на сторону того или иного соперника»<sup>81</sup>.

Если Меттерних запугивал Франца угрозой революции, то Коловрат столь же успешно использовал для давления на монарха финансовые проблемы. Он, как и Меттерних, сумел убедить императора в своей незаменимости и, в отличие от осторожного князя, граф вел себя по отношению к Францу I более раскованно. В качестве последнего аргумента Коловрат не боялся угрожать отставкой. Обычно подобная угроза помогала ему добиваться своего.

Он начинает теснить Меттерниха. Престиж Коловрата резко возрос, после того как в 1829 г. ему впервые за многие годы удалось предложить бюджет с превышением доходов над расходами. Еще в 1826 г., когда император оказался при смерти, исполненный гордости канцлер ощущал себя остью монархии; он мог видеть «как друзья, единомышленники и даже враги собираются и теснятся вокруг него»<sup>82</sup>. С усилением же графа Коловрата он становился, по словам Србика, «не более чем министром по ведомству иностранных дел и на каждом шагу наталкивался на упорных и хитрых противников»<sup>83</sup>.

Во время очередного заболевания Франца Коловрат был уполномочен давать от имени императора заключения на доклады придворных ведомств и ставить собственную подпись. Своей активностью Коловрат облегчал жизнь творящему силы Францу. По сути дела, он уподобился Меттерниху; только князь разгружал императора от международных дел, а граф — от внутривластных. Србик склонен полагать, что «Коловрат в последние годы правления Франца одержал почти полную победу над государственным канцлером во всем, что касалось внутренней политики, и превратился в своего рода премьер-министра, хотя и без собственной организации»<sup>84</sup>.

Бюрократические джунгли австрийской государственности предоставляли великолепные возможности для нанесения партизанских ударов из засады. Трудно было предугадать, откуда последует очередная набега. Это крайне раздражало педантичного князя и подталкивало еще к одной попытке «навести порядок» в проржавевшем механизме государственной машины.

Растянувшаяся на два десятилетия борьба между Меттернихом и Коловратом со стороны могла показаться столкновением между матерым консервато-



ром и либералом. И в самом деле, Коловрат после Июльской революции винил Меттерниха в заскорузлости его политического курса. По мысли графа, политика канцлера лишь усиливает недовольство масс, возбуждает у среднего класса ненависть к аристократии и толкает его на сближение с массами, чтобы с их помощью свергнуть аристократическое правление. Вообще верхушку среднего класса имело бы смысл привлечь на сторону власти, что освежило бы правящую аристократию, придало бы ей сил<sup>85</sup>.

«Коловрата иногда изображают либералом и идеологическим оппонентом Меттерниха в австрийской администрации, — отмечал британский историк А. Скед, — но такую картину следует модифицировать»<sup>86</sup>. Сам Коловрат уверял Меттерниха: «Вы политически заблуждаетесь насчет меня и связанных со мною людей. Вы полагаете, что мои принципы отличаются от ваших. Это неверно. Я аристократ как по рождению, так и по убеждениям, и я совершенно согласен с Вами, что люди должны придерживаться консерватизма и делать все ради этого. Но мы расходимся по поводу средств. Ваши средства — это лес штыков и жесткая приверженность к вещам таким, как они есть. На мой взгляд, следуя подобной линии, мы играем на руку революционерам... Ваш путь приведет нас — пусть даже не скоро — к руинам»<sup>87</sup>.

На основе самооценки Коловрат выглядит сторонником более гибкой, либерально-реформистской разновидности консерватизма по сравнению с более жесткой меттерниховской. Теоретически это так, что же касается практики, то граф руководствовался не столько какими-то принципами, сколько стремлением свалить канцлера.

Противоборство между двумя высшими сановниками империи фактически представляло собой преимущественно личное соперничество. Один из видных австрийских историков Г. Л. Миколецкий так пишет о Коловрате: «Поскольку он был противником ненавистного государственного канцлера, его считали либералом»<sup>88</sup>. На взгляд весьма критически настроенного по отношению к Меттерниху ученого, Коловрат разделяет с канцлером ответственность за то, что Австрия была ввергнута в водоворот революции<sup>89</sup>. Его противодействие «реформаторским» попыткам Меттерниха еще более усугубляло пороки австрийской администрации. В действительности Коловрат лишь срывал замыслы канцлера, не выдвигая какой-то собственной, более эффективной альтернативы.

Не случайно союзниками князя в его войне с Коловратом оказались два, пожалуй, самых порядочных и способных деятеля из властных структур Габсбургской империи. Одним из них был Карл Фридрих Кюбек (1780–1855), уроженец Моравии, сын портного, благодаря незаурядным способностям сумевший достигнуть высот австрийской бюрократической иерархии. К 32 годам Кюбер стал гофратом (придворным советником). С 1821 г. он служил в качестве государственного советника, пока в 1840 г. не был назначен президентом Придворной палаты. Еще в 1825 г. его удостоили баронского титула. Увенчалась его блестящая карьера должностью императорского советника.

Коловрата он знал еще со времен своей службы в Праге. Первоначально он относился к графу с уважением и симпатией. Прошло немало времени, прежде чем этот способный и добросовестный чиновник разочаровался в сановном вельможе. Он хорошо изучил его натуру, его методы работы, узнал его сильные и слабые стороны:

Другим, еще более энергичным и влиятельным союзником Меттерниха стал генерал граф Карл Йозеф Клам-Мартинец, глава военной секции Государственного совета. Он имел огромный авторитет в армии. Его уважали за исключительное мужество и благородство. В 1814 г. майор Клам-Мартинец сопровождал Наполеона на Эльбу. Благодаря его решительности и находчивости поверженный император был спасен от пытавшихся расправиться с ним роялистов.

В те же времена граф пережил скоротечный, но бурный роман с сестрой Вильгельмины Доротеей, женой племянника Талейрана Эдмона. Тот вызвал Клама на дуэль. Поединок на шпагах закончился в пользу австрийца. Но победителем в борьбе за Доротею оказался, несмотря на изрядный возраст, искусный не только в политике, но и в любовных делах дядя.

В последующие годы военная карьера Клама-Мартиница складывалась весьма удачно. У него проявились таланты в военно-административной сфере. Генерала не устраивала бюджетная политика Коловрата, поскольку стремление министра сбалансировать расходы и доходы влекло за собой сокращение средств, выделяемых на нужды армии. Кроме того, Клам не одобрял протекционистскую линию Коловрата. В интересах богемских производителей сахара тот сопротивлялся снижению пошлин на импортный сахар. Такая политика отделяла Австрию и от Германского таможенного союза. Для опытного администратора Клама была очевидна рациональная суть планов Меттерниха. Генерал обладал сильной волей и бойцовским характером. В его лице Коловрат встретил самого упорного и искусного противника.

После Коловрата не осталось ни дневников, ни мемуаров, поэтому едва ли не основным источником, раскрывающим его личные свойства, служат обширные дневниковые записи Кюбека. По его описанию, характер богемского аристократа представлял собой «странную смесь предприимчивости и склонности к бездействию»<sup>90</sup>.

Он не жалел сил ради того, чтобы приобрести мощное влияние на кайзера Франца. Во многом он преуспел, расставив с помощью интриг на ряд ключевых позиций своих людей. Но в то же время из-за плохого здоровья и особенностей характера граф был подвержен затяжным приступам болезни и депрессии. Отсюда его импульсивное, непредсказуемое поведение, периодические длительные антракты в политической деятельности.

Как и Меттерниху, ему были присущи черты нарциссизма. Кюбек даже как-то назвал его «настоящей политической кокеткой». А это свойство характера нередко превращало его в «марионетку кучки интриганов обычного или более высокого сорта»<sup>91</sup>. Меттерних говорил о своем враге, что тот «рожден быть ин-

струментом, а не рукой», видел в нем «орудие в руках кучки подчиненных ему льстецов»<sup>92</sup>.

В суждениях Меттерниха, конечно, сквозит явная недооценка противника, но в них содержится и немалая доза истины. Пожалуй, более точную и глубокую характеристику Коловрату дал генерал Клам-Мартинец. Он сравнил его с ребенком, который «играет по очереди с двумя разными куклами, то с идеалом всемогущего министра, то с идеалом независимого сеньора»<sup>93</sup>.

Из этого высказывания Клама видно как сходство, так и различие двух главных актеров на политической сцене австрийской империи. Их борьба — это война двух грансеньоров. Но в Меттернихе грансеньора потеснил министр. Сибаритское потворство собственным слабостям подчинялось педантичному рабочему режиму. Князь слишком дорожил своим местом, чтобы постоянно ставить его на кон, угрожая в случаях недовольства отставкой. Не мог он позволить себе и такую роскошь, как долгое отключение от венской политической круговерти.

Зрелый Меттерних в первую очередь был министром, а уже потом грансеньором. Коловрат же постоянно колебался между той и другой ролью. Как это ни парадоксально, но то обстоятельство, что у Коловрата грансеньор часто брал верх над министром, давало ему преимущество. Грансеньорам свойственно относиться к политике, как к игре. В известной мере и Коловрат занимался государственной деятельностью играючи, не боялся проиграть. Когда он резко повышал ставки, осторожный Меттерних обычно отступал.

Если князь ставил определенные цели, стремился по своему разумению улучшить, скоординировать работу госаппарата, то у графа какой-то конкретной цели, кроме постоянного противодействия сопернику, практически не было. «Он, — писал о Коловрате Кюбек в мае 1833 г., — всегда преследует неясные цели, обрывочные планы и с легкостью позволяет ввести себя в заблуждение... Он слишком тщеславен, чтобы быть честолюбивым»<sup>94</sup>.

Кстати, и кайзер Франц со своим острым охранительным чутьем сумел уловить исходившие от графа разрушительные импульсы. С прорезавшимся у него порой мрачным юмором он как-то заметил, «что если бы он имел только таких исключительно слуг, как граф Коловрат, он был бы не в состоянии сохранить австрийское государство»<sup>95</sup>. Эти слова кайзера не оставляют сомнения в том, что Коловрат был нужен ему лишь в качестве противовеса (хотя и не безопасного) государственному канцлеру.

Наиболее острый характер баталия между «партиями» Меттерниха и Коловрата приняла после смерти Франца I. Завещание императора было козырным тузом князя: ведь его соперник даже не упоминался в этом документе.

На сей раз, забыв о болезнях, Коловрат немедленно примчался из своих владений в Вену. Здесь ему была обеспечена поддержка враждебных Меттерниху эрцгерцогов. Тем не менее позиции Меттерниха выглядели существенно сильнее. Но князь оказался в столь не любимой им ситуации, когда требовалось принять «великое решение». Он имел полное право парировать атаку

Коловрата, ссылаясь на документ. Можно было воспользоваться стандартной угрозой графа подать в отставку и поймать его на слове. В конце концов и самому пригрозить отставкой. После кончины Франца уход Меттерниха возымел бы такие последствия, которые не могли не учитывать даже самые заклятые его враги.

Однако Клеменс дрогнул и, как уже говорилось, согласился на «триумвират» из себя самого, Коловрата и бесцветного эрцгерцога Людвига. Фактически же возник дуумвират, поскольку Людвиг откровенно признавался Кламу: «Ситуация для меня новая и мне трудно освоиться с ней. Всю жизнь я привык повиноваться и предпочел бы, конечно, чтобы кто-то стоял надо мною»<sup>6</sup>.

Бесспорно, у канцлера тоже были свои резоны. Опасно доводить ситуацию до крайности, имея дело с таким врагом, как Коловрат. Да и отставка слышущего либералом министра могла бы вызвать в обществе нежелательный резонанс. Трудно сладить с эрцгерцогами силовыми методами. В данном случае наполеоновской стратегии, нацеленной на решающее сражение, Клеменс предпочел классическую стратегию измора, явно недооценив тактического искусства и выносливости своего соперника.

Летом 1836 г. Меттерних посчитал, что наступил благоприятный момент для переустройства структуры правления. После удачной для себя схватки с Меттернихом Коловрат взял длительный отпуск и удалился от дел в свои владения. Можно было воспользоваться этим. Вдохновителем канцлера стал генерал Клам-Мартинец, пообещавший ему полную поддержку.

Князь возвращается к своей излюбленной идее замены Конференции министров — Кабинетом, т. е. фактически правительством. Естественно, себе он отводил роль его главы. Что же касается Госсовета, то его предполагалось отделить от кабинета министров и преобразовать в сугубо совещательный орган — Имперский совет. В его состав предполагалось ввести членов региональных ландтагов. Председательствовать в Имперском совете должен был все тот же первый министр, глава кабинета. Тем самым основные нити правления сходились бы в руках Меттерниха. В мешанину, образуемую Конференцией, Госсоветом и придворными ведомствами, был бы внесен определенный элемент порядка, координации.

Планы Меттерниха оказались созвучны мыслям Клама, которые тот изложил в меморандуме, адресованном эрцгерцогу Людвигу. Так, Клам убеждал эрцгерцога вернуть Госсовету его функцию совещательного органа, лишив его при этом возможности вмешиваться в сферу деятельности исполнительной власти. Важнейшие государственные дела должны быть сконцентрированы в Конференции министров. Главное — четко определить прерогативы и компетенцию Конференции, Госсовета и придворных ведомств. Расхождения между идеями канцлера и генерала обнаруживались главным образом в деталях. Кроме того, Клам, будучи искушенным администратором, уделил большое внимание разработке процедурных вопросов. Его военная профессия сказывалась в том, что он настаивал на максимально четком разделении сфер ведения и

функций. Стремясь ослабить позиции Госсювета, Клам, подобно Меттерниху, имел в виду ограничение властных возможностей Коловрата.

Генерал убеждал канцлера действовать по-военному быстро и решительно, чтобы поставить отдыхавшего в Богемии Коловрата перед свершившимся фактом.

Все началось с обсуждения новых инструкций по Госсювету, но все прекрасно понимали, что на самом деле речь идет о Коловрате. Документ был принят 20 октября 1836 г. Теперь Коловрату нельзя было бы совмещать должность главы секции Госсювета и министра Конференции.

С информацией о переменах к Коловрату в Прагу отправился Клам. У него было письмо Меттерниха, в котором тот уверял соперника, что «собственно ничего нового не произошло». Просто кое-что упорядочено, и граф может выбирать: оставаться ему главой ключевой секции Госсювета или же, «если он предпочтет в большей мере наслаждаться покоем и свободой», министром<sup>97</sup>.

Вновь, как не раз бывало в подобных случаях, Коловрат прерывает затянувшийся отдых и спешит в Вену. К нему на помощь прибывает эрцгерцог Иоанн. Его поддерживает и эрцгерцог Карл. «Триумvir» Людвиг мечется между двумя сторонами. В конце концов единственным твердым союзником Меттерниха остался генерал Клам. 19 ноября была сформирована Министерская конференция с четырьмя постоянными членами: эрцгерцогами Людвигом и Францем Карлом, а также Меттернихом и Коловратом. Президентом считался Людвиг. Коловрату удалось сохранить за собой председательство в Госсювете, что давало ему контроль над финансами и назначениями на должности. Единственное, что он потерял, — это пост главы секции. Ссылаясь на эту утрату, граф требовал компенсации, представляя себя жертвой меттерниховской реорганизации. Фактически же планы канцлера опять были сорваны.

Клеменсу ничего не оставалось, как выдать поражение за победу. В письме в Петербург послу Фикельмону, предназначенном и для царя, Меттерних писал 14 декабря 1836 г. относительно Министерской конференции: «То, о чем я мечтал 28 лет, теперь наконец обрело живую форму»<sup>98</sup>.

Трезвее оценивал исход битвы Кюбек. На его взгляд, достигнутый в конце концов компромисс «мало чем отличался от полного поражения князя Меттерниха». Коловрат является «главой Госсювета, хозяином денежных ресурсов, назначений и судеб всех чиновников... главой целой камарильи, ведущей фигуры Конференции»<sup>99</sup>.

Меттерниха все более и более оттесняли от внутриполитических дел. Когда же князь возмутился, Коловрат с холодным спокойствием сказал ему, что ведь не он, а эрцгерцог Людвиг является президентом Конференции.

Ободренный успехом, Коловрат попытался провести собственное преобразование Конференции и Госсювета. Для личного удобства он намеревался ликвидировать все секции и подсекции обоих ведомств, объединив их в огромный и громоздкий конгломерат. Однако на сей раз эрцгерцоги Людвиг и Франц Карл

не допустили такой «революции». Насколько далеко зашли амбиции Коловрата, выдает его разговор с Кюбеком. «Только один человек может править, — высказался граф, — нельзя обойтись без Ришелье»<sup>100</sup>. Вряд ли нужно объяснять, кому предназначалась эта роль.

Непомерные притязания и интриганство богемского вельможи окончательно отвратили от него Кюбека. Но симпатии опытного и честного чиновника были отданы не столько осторожному дипломату Меттерниху, сколько бойцу Кламу. В нем он увидел человека тоже достаточно амбициозного, но «с благородными устремлениями, справедливого и талантливого, человека редкой культуры, решительного и целеустремленного»<sup>101</sup>. «Самая лучшая и ясная голова, чистейший человек среди всех членов правительства»<sup>102</sup>, — такие слова нашлись для Клама у весьма сдержанного, скептического Кюбека. Показательно, что даже привередливая Мелани воздавала должное генералу. «Клам, — писала она в своем дневнике в критический день 19 ноября 1836 г., — является для меня в этот момент утешением; он поддерживает Клеменса с такой силой воли и честностью, какие редко можно встретить вообще, а особенно в такое время, когда они столь необходимы»<sup>103</sup>.

С весны 1837 г. именно генерал Клам-Мартинец стал главной фигурой в борьбе против Коловрата. Его не могли остановить нерешительность и слабость Меттерниха. Конечно, он не был просто паладином канцлера. Как представитель вооруженных сил, он не мог примириться с урезанием расходов на армейские нужды. А это было составной частью финансовой политики Коловрата. Да и замыслы Меттерниха по преобразованию государственной машины империи Клам считал вполне обоснованными.

Коловрата Клам со свойственной ему прямоотой обвинил в намерении разрушить систему правления Габсбургской монархии. Это насторожило эрцгерцогов Людвига и Франца Карла, которые хорошо помнили завет кайзера Франца — ничего не менять. Генерал пытался пробудить бойцовский дух у сникшего Меттерниха. Ситуацию неустойчивого эквilibра между двумя ведущими сановниками империи он считал губительной для страны. По мнению Клама, канцлер слишком мягок и благороден по отношению к врагам. Компромиссы с ними фактически влекут за собой поражения и в конечном счете паралич властных структур.

В войну сановников было втянуто много ведомств и людей. Но до открытых генеральных сражений дело не доходило; в основном велись сложные маневры, плелись изошренные интриги. К ним Коловрат, как это, на первый взгляд, ни странно, оказался более подготовленным, чем Меттерних. Скорее всего это обусловлено тем, что основной сферой деятельности князя была внешняя политика Австрии, где он уже давно царил, не испытывая серьезной угрозы соперничества с чьей-либо стороны. Госканцелярию Меттерних превратил, можно сказать, в собственную неприступную для врагов цитадель. Она всегда послужила бы ему прибежищем. Безраздельно отдаваться административно-бюрократической войне мешало ему и ощущение дистанции между собой и противни-

ками. По отношению к ним он чувствовал себя подобно небожителю-олимпийцу. Отсюда и пренебрежение к врагам, их недооценка.

Пережив на грани лета и осени 1839 г. сильный приступ болезни и острейший внутренний кризис, Меттерних все больше теряет интерес к внутренней политике. Не исключено, что Кламу удалось бы переломить его настроение, но тот в начале 1840 г. неожиданно скончался. Борьба продолжалась; но «фалангу» Меттерниха теперь представляли уже Кюбек, а также графы Фикельмон и Хартиг. Но им недоставало энергии и воли Клама, полноценной поддержки канцлера. Коловрат же смог перетянуть на свою сторону эрцгерцога Франца Карла и, что еще важнее, его жену Софию.

Кюбек предпринял немалые усилия, чтобы вдохнуть новую жизнь в Министерскую конференцию, наладить ее регулярную деятельность. Но после шести недель напряженной работы взбунтовался ее формальный глава — эрцгерцог Людвиг, который не привык к такой нагрузке. Вскоре конференция вообще перестала собираться. В мае 1842 г. Меттерних в письме Кюбеку делает горький вывод: «Сегодня никто не управляет, нет твердого базиса для администрации»<sup>104</sup>. Венские остряки нашли для правительства такую формулу: «теперь менее чем когда-либо правящее». А в качестве герба Австрийской империи ими был предложен двуглавый орел: одна из голов — Меттерниха, а другая — Коловрата. Так что с организационно-структурной точки зрения распространенное понятие «система Меттерниха» (во внутриполитическом обиходе) явно преувеличивает роль канцлера в системе власти.

«Я никогда не правил империей, — писал Меттерних своей дочери Леонтине в 1849 г. из английского изгнания, — я лишь придавал политике направление. По правде говоря, у империи не было никакого правительства»<sup>105</sup>. В автобиографических заметках Меттерних признает, что отсутствие взаимопонимания между ним и Коловратом в немалой мере способствовало параличу правительства, а тем самым и революции<sup>106</sup>.

Как раз в подходе к реформам наиболее зримо обнаруживается консерватизм канцлера. Для него реформа — это «средство против злоупотреблений», «противоположность разрушению», синоним исправления, ремонта<sup>107</sup>. В сущности замысел Меттерниха как раз и сводился к ремонту существующей системы правления, ее определенной рационализации в рамках присущих ей принципов. Опять же речь шла о разделении правления и администрирования, о разумном распределении власти внутри существующей структуры.

Соперничество между Меттернихом и Коловратом, конечно, нарушало чистоту эксперимента по консервативному реформированию. И все же весьма сомнительно, чтобы Меттерниху даже при самых оптимальных условиях удалось вдохнуть жизнь в одряхлевший правительственный механизм империи. Но пища, пусть и скудная, для спекуляций на эту тему остается. Самое же интересное заключается в том, что жесткая политическая конфронтация на вершине пирамиды власти помешала даже поверхностным переменам и позволила исполнить последнюю волю Франца I: «Править, ничего не меняя».

Свою войну Меттерних проиграл прежде всего по субъективным причинам. Ему, баловню судьбы, человеку, безусловно, гибкого, изощренного ума, недоставало бойцовских качеств, не было той безоглядной решимости, которую проявляли в критические моменты жизни, например, Наполеон или Бисмарк. Как верно подметил выдающийся австрийский литератор Грильпарцер, князь Меттерних «сформировался в дипломатических салонах, среди дамских угодников и царедворцев». Это его «скорее отполировало, чем закалило»<sup>108</sup>. «Меттерних не обладал той волей к власти, о которой говорил Ницше»<sup>109</sup>, — констатировал К. де Грюнвальд.

Вероятно, стремление к эквилибру настолько вошло в плоть и кровь князя, что даже перспектива собственной монополии на власть недостаточно его вдохновляла. Большую часть жизни действуя на авансцене, располагая при этом огромными полномочиями, он всегда ощущал свою зависимость от суверена. Это его сковывало и одновременно облегчало груз ответственности. Грансеньюру не суждено было стать Ришелье.

Все же было бы ошибкой полагать, что Меттерниха раздавили, отодвинули на периферию политической жизни Австрийской империи. Действительно, его позиции во внутривнутриполитической сфере ослабли, правда, под его контролем по-прежнему осталась имперская полицейская служба.

В своем же домене, внешней политике, он чувствовал себя даже более автономно, чем прежде. Но именно здесь его подстерегал очередной тяжелый удар, сила которого усугублялась тем, что он совпал по времени с внутривнутриполитическими передрягами.

#### IV

Во второй половине 30-х гг. дела в Европе принимают такой оборот, что у Меттерниха пробуждаются надежды на возвращение Вене былой роли центра европейской политики. Добиться этого он рассчитывал благодаря дипломатии конгрессов и конференций, в реализации которой князь по праву считался виртуозом. В его политическом видении вновь стали вырисовываться контуры спасительной пентархии.

Хотя Европа пользовалась благами мирной жизни, на ее периферии сохранялись очаги напряженности. Так, беспокойно было на Пиренеях. Но главным источником интоксикации оставался все тот же, вызывавший у князя аллергию, восточный вопрос. Он самым существенным образом влиял на па, которые выдвигали участники дипломатической кадрили. С возвращением в 1836 г. в Фюрин-офис после недолгого отсутствия Пальмерстона четверка приобрела прежний вид.

От нового, 1837 г. Меттерних не ожидал ничего хорошего. «Положение в мире сильно тревожит Клеменса»<sup>110</sup>, — пишет в своем дневнике Мелани в один из февральских дней. Весьма показательна ее запись от 3 апреля 1837 г.: «Кле-



менс интересно рассказывал в салоне о Наполеоне и о беспокойстве, которое причиняло миру его существование. Мне кажется, однако, что тогда беспокойство было меньше, чем теперь. Враг был известен, а теперь друзей приходится опасаться не меньше, чем врагов, потому что первые фальшивы и беспомощны»<sup>111</sup>.

Эти бесхитростные суждения княгини в значительной мере отражают и душевное состояние ее мужа. Сам он предпочитал более осторожную дипломатическую фразеологию. Но призраки революций и войн не оставляли его в покое. Одряхлевшей Габсбургской монархии новые потрясения были особенно противопоказаны. Необходимо поддерживать спасительный покой, или — что для Клеменса почти одно и то же — эквilibр. Единственный надежный путь к спасению — реставрация «европейского концерта держав», т. е. пентархии.

Для Австрии возрождение «солидарности» европейских держав вопрос не только выживания, но и престижа. Благодаря дипломатии Меттерниха удельный вес Австрийской империи в системе международных отношений превышал ее реальный потенциал. Конечно, это создавало немалые проблемы, требовало жертв, особенно финансовых, зато придавало блеск фасаду империи, а ее канцлеру обеспечивало репутацию европейского политика № 1.

В отличие от времен борьбы против Наполеона, теперь у европейских держав не было какого-то конкретного общего врага. Не мог стать интегрирующим фактором и дух Священного союза. Противостояние, пусть и не столь уж жесткое, «либеральных» и «консервативных» держав свидетельствовало, что нет больше и единого ценностного подхода. «Восточный вопрос», в котором были непосредственно заинтересованы четыре из пяти держав, представлял собой такую смесь противоречий, что мог служить лишь яблоком раздора.

Но как раз играя на противоречиях между европейскими державами, Меттерних и надеялся собрать их представителей в Вене. Он отдавал себе отчет в том, что позиции его страны существенно ослабли, но продолжал уповать на свое дипломатическое искусство.

Несмотря на «либеральный альянс» с Францией, глава британского внешнеполитического ведомства так и не мог преодолеть свою неприязнь к Орлеанскому дому<sup>112</sup>. Ухудшение отношений с Англией подталкивало Луи-Филиппа к консервативным державам, а точнее к Австрии, поскольку у российского императора язык не поворачивался, чтобы назвать французского монарха, как того требовал этикет, своим «братом». Специфику ситуации удачно передал известный английский историк А. Дж. П. Тейлор: для европейских консервативных дворов Луи-Филипп был слишком либеральным монархом, а для Англии — недостаточно либеральным<sup>113</sup>. Взаимная враждебность Луи-Филиппа и Пальмерстона подрывала «либеральную Антанту». Могущественный британский министр использовал любой повод, чтобы причинить неприятность французскому союзнику. Если же учесть невозможность для Франции маневра в российском направлении, то становится яснее, почему Луи-Филиппу приходилось терпеть антифранцузские акции и речи Меттерниха. В отношениях с Австрией

для него открывался определенный шанс. И австрийский канцлер вел искусную игру с французским королем.

Между тем отношение Меттерниха к самому Луи-Филиппу постепенно менялось к лучшему. Канцлер высоко оценивал его ум и опыт. Но никуда не уйти от факта, что Луи-Филипп стал королем в силу революции, что он втянут в революционный водоворот. В словах Меттерниха (из его депеши Аппоньи от 2 января 1837 г.) можно уловить не только чувство собственного превосходства, но и что-то вроде сочувствия монарху, пленнику революционных обстоятельств.

Что же касается его отношений с Англией, то «королю предстоит испытать еще много трудностей. Истина заключается в том, что эти отношения основываются на ошибочной базе». Июльские деятели, разъясняет свою мысль Меттерних, исходили из того, что «им нужно гарантировать свое существование под атаками консервативных держав, и они понадеялись на английский либерализм. Тот ухватился за предложение, и не выпускает свою добычу»<sup>114</sup>. Королю становится ясно, что опасность грозит ему не там, где он ее видел в начале царствования. Союз с Англией «с каждым днем будет все сильнее давить на короля-консерватора», а «виги — это ложные братья, которые хотели бы взвалить на него черную работу»<sup>115</sup>.

Князь выражал свое удивление Аппоньи в связи с тем, что посол довольно долго ничего не сообщал ему о Галейране, Поццо ди Борго и... Доротее Ливен. Появление последней в Париже вызывает у Клеменса любопытство и одновременно некоторую тревогу. Пока еще бывшая любовница князя никак себя не проявила, но «покой не в ее натуре»<sup>116</sup>.

В депеше от 5 января 1837 г. Меттерних похвалил тронную речь Луи-Филиппа, произнесенную на открытии палаты вскоре после очередного на него покушения. Все же в принципе «золотой середины», ставшем своего рода девизом Июльской монархии, Меттерних не склонен видеть вариант эквилибра. Под «золотой серединой» Луи-Филипп фактически подразумевал консервативно-либеральный консенсус, но для Меттерниха это неприемлемо. С либералами, на его взгляд, компромисса быть не может.

Было бы важно ослабить в отношениях между королем Луи-Филиппом и консервативными державами значение такого, уже утратившего прежнюю остроту факта, как происхождение Июльской монархии. Сам Меттерних готов заменить слова «легитимность» и «божественное право» просто «правом». Конечно, эта уступка ни в коей мере не должна ставить под сомнение ценность «исторических прав». Ведь речь идет лишь о том, подчеркивал князь, чтобы отделить «августовский трон от революции». Но чтобы сделать это реально, «французское правительство должно само отмежеваться от Революции»<sup>117</sup>.

Шаги навстречу Луи-Филиппу даются Меттерниху нелегко. Говоря о трехцветном французском знамени, он замечает, что «люди порядка никогда не любили эти цвета». Хотя процесс сближения Вены и Парижа продолжался, Меттерних в письме своему другу, французскому послу Сент-Олэру (20 мая

1838 г.) все же характеризует режим Луи-Филиппа как «монархическо-республиканский»<sup>118</sup>.

Во всяком случае австрийский канцлер продолжал надеяться, что его планы восстановления былой роли Вены на европейской сцене найдут положительный отклик в так и не сумевшем преодолеть изоляцию Париже. Однако ключ к осуществлению его замыслов находился, по убеждению князя, в Лондоне, а еще конкретнее — в руках Пальмерстона.

Новое обострение восточного вопроса из-за военных действий между турецким султаном Махмудом II и его могущественным вассалом египетским пашой Мухаммедом-Али вызвало настоящий переполох среди великих держав. Для Франции ситуация усугублялась еще и тем, что она единственная поддерживала своего союзника египетского пашу. С другой стороны, Англия, Франция и Австрия были встревожены перспективой российского вмешательства в пользу султана, на что Николай I имел право по Ункяр-Искелесийскому договору. Поэтому очередное предложение Меттерниха (май 1839 г.) провести конференцию пяти держав (включая Пруссию) в австрийской столице выглядело вполне уместным и, казалось, имело серьезные шансы на успех. Наиболее благоприятно оно было воспринято в Париже.

Тем временем глава французского кабинета министров маршал Сульт попытался убедить Александрию и Константинополь прекратить военные действия. Франции было практически невозможно защитить своего египетского протеже от солидарного напора остальных великих держав. Нужно было как можно быстрее охладить пыл воюющих сторон коллективной военно-дипломатической акцией самых могущественных государств Европы.

Сульт высказался за проведение международной конференции, и Меттерних направил ему послание, предложив как наиболее подходящее место для такого мероприятия Вену. «Австрийская депеша, — писал Сульт 13 июня 1839 г. поверенному в делах Франции в Англии барону Буркенэ, — оканчивается замечанием, поразившим меня, ибо я усмотрел в нем робкое изложение мысли, постоянно ласкаемой австрийским кабинетом и столь же постоянно отвергаемой Россией, а именно об учреждении в австрийской столице конференции по делам Востока»<sup>119</sup>.

Еще до этого Сульт получил предложение от Пальмерстона остановить египтян, чтобы в конечном счете они не подтолкнули Константинополь в объятия России. Предлагалось наладить взаимодействие английской и французской средиземноморских эскадр. Пальмерстон имел в виду и возможность сотрудничества с Австрией. Главе французского правительства идея Пальмерстона показалась вполне приемлемой и, по его мнению, ею вполне можно заняться в Вене.

Лучшего подарка для Меттерниха трудно было придумать. Он ощутил прилив энергии и, как в прежние времена, приступил к делу на широком фронте, с основательной методологической подкладкой. В его письме к Аппоньи по поводу предстоящей конференции чувствуется привычный апломб, звучит мен-

торский тон: «В мои дипломатические правила входит говорить то, что необходимо сказать, делать то, что разумно и возможно сделать»<sup>120</sup>. Таков и должен быть, по убеждению канцлера, подход к турецко-египетскому инциденту.

Конечно, английский кабинет предпочел бы провести конференцию в Лондоне. Но британская столица проигрывала Вене во многих отношениях. Достаточно было сослаться на Лондонскую конференцию по голландско-бельгийскому конфликту, проходившую под руководством британских министров. Она затянулась на 8 лет, ее проблематика утонула в 72 протоколах. Другим аргументом Меттерниха в пользу австрийской столицы служило ее географическое положение. Линия Вена — Константинополь «географически самая прямая, а кратчайшая линия всегда наилучшая для тех, кто серьезно желает дела»<sup>121</sup>.

Князь выступает в качестве сугубо практичного, делового министра. Опираясь термину «конференция» применительно к назревающему мероприятию, он говорит: «Необходимо прежде всего дело, а не форма»<sup>122</sup>. Между тем в другой депеше Аппоньи, помеченной тем же числом (14 июня), он пускается в рассуждения о том, насколько планируемая встреча соответствует термину «конференция».

В этом вопросе у него есть все основания считать себя настоящим экспертом: «Я вправе судить о значении собраний, которые в новейшее время проходили под названием конференций. Первые опыты в этом направлении были моим делом, и с 1813 по 1823 г. не было собраний такого рода, в которых я бы не принимал непосредственного участия»<sup>123</sup>. Эти конференции, с гордостью отмечал Меттерних, по всей справедливости вызвали ненависть революционеров. Действительно, собраниям представителей кабинетов, проходивших в течение этих десяти лет, «в значительной степени удавалось поддерживать мир и в конечном счете сохранить не одно государство, которому угрожал внутренний распад»<sup>124</sup>.

В рассуждениях Меттерниха улавливается не только ностальгия по славным временам Священного союза, но и определенная надежда на возрождение «европейского концерта», в котором ему опять досталась бы роль дирижера. О настроении и замыслах канцлера трудно сказать лучше, чем это сделал российский историк С. С. Татищев: «Созвание в Вене международного совещания по восточным делам, хотя и не украшенного именем "конференция", представлялось ему делом первостепенной важности, блестящим дипломатическим успехом. Он уже видел себя снова во главе великих держав, руководящим их мнениями, направляющим их действия, решающим в австрийской столице судьбы Востока, как некогда, за четверть столетия перед тем, была решена в ней участь Запада»<sup>125</sup>.

Чтобы идея конференции в Вене выглядела в глазах Луи-Филиппа еще более заманчивой, канцлер убеждал французского короля, что царь Николай I тоже на его, Меттерниха, стороне: «Я прошу Его Величество быть уверенным в том, что российский император занимает по этому вопросу такую же позицию,

как и мы»<sup>126</sup>. Да и Луи-Филиппу Венская конференция должна была показаться соблазнительной возможностью усилить легитимность собственного режима, так как Николай I старательно игнорировал «короля баррикад». Тем сильнее могло быть давление Франции в пользу Вены на заинтересованного в поддержке Парижа Пальмерстона.

Между тем британцу согласиться на реализацию заветной цели Меттерниха было мучительно. Пальмерстон не любил проигрывать не только матч, но даже раунд. Тем более что его соперничество с Меттернихом имело в немалой мере личный характер. Вернувшись в Форин-офис, Пальмерстон почувствовал угрозу далеко не блестящей изоляции. Противоречия с Россией усиливались. Франция дрейфовала навстречу Австрии. В ответе за все это в немалой степени был сам британский министр.

В таких обстоятельствах, отмечал британский историк Ч. Уэбстер, Пальмерстону пришлось прислушаться к совету своего венского посла и родственника Ф. Лэма, настаивавшего на том, что следовало бы прийти к взаимопониманию с Меттернихом. Состоялись продолжительные беседы британского министра иностранных дел с австрийским послом, весьма приближенным к канцлеру человеком, князем Эстерхази.

Депеша посла, где излагалось содержание бесед, была буквально испещрена саркастическими комментариями Меттерниха, но произвела на него должное впечатление. В конце декабря 1836 г. Пальмерстон даже сказал Эстерхази, «пусть это покажется парадоксальным, но он убежден, что только Австрия и Британия остаются двумя консервативными державами, то есть державами, действительно желающими сохранить статус-кво в Европе»<sup>127</sup>.

Обнадеженный позитивными подвижками в отношениях с Англией, Меттерних решил выступить в вождельной роли посредника между Лондоном и Петербургом. Хотя царь довольно резко отверг услуги канцлера, сравнительно благоприятное развитие австро-российских отношений оставляло тому какие-то шансы. Меттерних и Пальмерстон стали неспешно продвигаться навстречу друг другу. Симптоматична дневниковая запись княгини Мелани (1 апреля 1837 г.) в связи с депешами, полученными из Лондона: «Лорд Пальмерстон стал таким кротким, что легко можно заключить, насколько потрясены его позиции»<sup>128</sup>.

К 1838 г. почва для сближения Вены с Лондоном по восточному вопросу была подготовлена, но каждая из сторон претендовала на ведущую роль. Фактически Пальмерстон согласился с меттерниховским подходом к решению наиболее сложной проблемы. «Остается, следовательно, единственный путь оказать Турции помощь, не рискуя нарушением мира в Европе, — установление концерта пяти держав, что и предложено правительством Ее Величества»<sup>129</sup>, — писал Пальмерстон российскому дипломату Поццо ди Борго в сентябре 1838 г.

Когда дело дошло до прямого столкновения Мухаммеда-Али и Махмуда II, Меттерних с былой энергией включается в дипломатическую игру, стремится взять переговоры между державами под свой контроль. Ему содействовало

французское правительство. Но дает о себе знать устойчивый антифранцузский синдром у Пальмерстона. Убедительным свидетельством тому может служить его замечание в письме британскому послу во Франции лорду Гренвиллу (8 июня 1839 г.): «Не следует забывать, что величайшую опасность для Европы представляет возможность комбинации между Францией и Россией, которая хотя и устранена ныне личными чувствами императора, но впоследствии может оказаться не столь невозможной, как теперь. А потому было бы хорошо установить политику Франции на правильном пути по отношению к делам Востока, пока мы властны это сделать»<sup>130</sup>. Получив согласие Франции на совместные действия, Пальмерстон готов был заплатить за это соглашением на Венскую конференцию, на которой настаивал Париж.

Пальмерстон шел на это крайне неохотно. Его сомнения и колебания рельефно отражались в частном письме Гренвиллу (21 июня 1839 г.): «Мы не знаем, что и сказать о конференции в Вене. Меттерних так слаб и робок, так хитер и слишком податлив влиянию России, и по природе своей склонен к обману, к сталкиванию одних с другими». С учетом этого конференция в Вене не сулит ничего хорошего. «Но, с другой стороны, — рассуждает Пальмерстон, — Россия, возможно, скорее согласится на конференцию здесь, чем в каком-либо ином месте, зная Меттерниха и полагаясь на то влияние, которое она на него имеет и которое ничуть не меньше реально из-за того, что он и Россия ненавидят друг друга и не доверяют друг другу»<sup>131</sup>.

Французский поверенный в делах в Лондоне Буркенэ успокаивал Пальмерстона, опасавшегося российского влияния на ход работы планируемой конференции. Меттерних, по словам француза, будет настолько доволен созывом конференции в Вене, что «чувство это расположит его в пользу западных держав, что в вопросе, чуждом принципиальной политике и в котором к тому же австрийский интерес прямо противоположен русскому, Меттерних сам будет в Вене, более чем где-либо, под контролем австрийского общественного мнения; что, наконец, Вена представляет самый центральный пункт». «Доводы эти, — полагает С. С. Татищев, — убедили Пальмерстона»<sup>132</sup>.

В Лондоне князь Эстерхази полностью удовлетворен ходом событий. Высоко оценивая собственную деятельность, австрийский посол утверждал, что он вполне заслужил военный орден «за то, что способствовал выбору Вены в качестве места конференции и водружения австрийского флага на дипломатических дискуссиях по восточной проблематике»<sup>133</sup>.

Доволен и канцлер. Деша посла от 29 июня покрыта на сей раз краткими, исполненными оптимизма замечаниями. Пальмерстона довольный Меттерних сравнил с человеком, вставшим на ноги после смертельной болезни. «Редкий случай с великими грешниками»<sup>134</sup>, — все же не мог удержаться от ехидного замечания князь.

В тот же день, 3 июля, в депеше, адресованной Аппоньи, он выражает свою уверенность в российской поддержке: «Не сомневайтесь в том, что между нами и Россией существует полное сходство во мнениях и желаниях; что мы искрен-

не доверяем намерениям французского кабинета достигнуть согласия и действовать вместе с нами; что Англия пойдет с нами... Все это позволяет прийти к заключению, что поскольку три двора сошлись в мыслях, то им легко будет достигнуть соглашения, в чем я нисколько не сомневаюсь»<sup>135</sup>.

Конечно, абсолютной уверенности насчет возможного поведения российского монарха у канцлера не было. Все же эволюция австро-российских отношений во второй половине 30-х гг. настраивала его на оптимистический лад. Быстро забылась попытка Меттерниха во время отсутствия Пальмерстона в Форин-офисе подтолкнуть Россию к многостороннему соглашению, разумеется, при австрийском посредничестве. Для этого он предлагал ознакомить «морские державы» с тайными статьями Мюнхенгрецкого документа. Натолкнувшись на твердую оппозицию России, князь не стал настаивать на своей идее и согласился, по его же собственным словам (как писал об этом Бруннов), «продолжать слыть в глазах Англии за обманутого или сообщника русской политики на Востоке»<sup>136</sup>.

На сравнительно светлом небосклоне в отношениях между Веной и Петербургом мрачное облачко появилось в начале 1836 г., когда находившиеся в эмиграции участники Польского восстания 1830 г. опубликовали пренеприятные для Вены и Петербурга документы. Им удалось захватить их в Бельведерском дворце, служившем резиденцией великого князя Константина Павловича. Были опубликованы депеши, которыми обменивались Нессельроде, Поццо ди Борго и Татищев во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В конфиденциальной переписке дипломаты откровенно обсуждали антироссийскую политику Меттерниха. Публикаторы надеялись на громкий скандал, но их ожидания не оправдались. Хитроумному канцлеру удалось найти какие-то оправдательные аргументы, а российский император не был настроен ворошить прошлое.

Диссонанс в русско-австрийские отношения попытался внести советник российского посольства в Вене князь А. М. Горчаков. В 1837 г. он заменял временно отсутствовавшего в Вене посла Д. П. Татищева, которого уже успел «приручить» Меттерних. От острого взгляда будущего российского канцлера не укрылись глубинные тенденции австрийской политики. Австрию он считал весьма ненадежной союзницей. В случае войны России с Турцией, предупреждал Горчаков Нессельроде, австрийцы скорее всего ограничатся соблюдением нейтралитета. Рассчитывать на их содействие не приходится, «оно будет всегда более кажущимся, чем действительным»<sup>137</sup>.

В Петербурге депеши Горчакова вызывали раздражение. Со своей стороны Меттерних тоже приложил усилия, чтобы избавиться от неудобного российского дипломата. Ему удалось рассорить Горчакова с Татищевым. Задачу ему облегчило то обстоятельство, что посол был против брака своей племянницы графини М. А. Музиной-Пушкиной с Горчаковым. Чтобы жениться на любимой женщине, тому пришлось выйти в отставку. Правда, через три года он вернулся на дипломатическую службу, но уже в качестве посланника в Штутгарте<sup>138</sup>.

В целом в австро-российских отношениях (особенно внешне) доминируют идиллические тона. Стороны всячески демонстрируют друг другу дружеское расположение. Так, в начале 1838 г. посол Татищев передал княгине Мелани подарок российского императора — его портрет. Жена Меттерниха была растрогана подарком и особенно «прекрасным сопроводительным письмом»<sup>139</sup>.

В июле того же 1838 г. князь не упустил случая встретиться с российским императором в Теплице. Там состоялось совещание Николая I с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III. Царя приветствовали и принимали эрцгерцог Франц Карл с эрцгерцогиней Софией, но фактически главная роль принадлежала канцлеру. Он совещался с монархами и министрами иностранных дел России и Пруссии. В письме к Мелани Клеменс констатирует полное согласие между участниками встречи: «Позиции совершенно ясны; все в них принципиально совпадает»<sup>140</sup>. Но поскольку итоговый документ о встрече был составлен без него, Клеменс не упускает случая подчеркнуть это обстоятельство. Степень единства между тремя дворами очень высока, но есть и различия, которые возникли из-за недостаточно умелых формулировок. К этому, подчеркивал австрийский канцлер, «наша сторона непричастна»<sup>141</sup>.

В депеше, адресованной Аппоньи в ноябре 1838 г., Меттерних берет российскую восточную политику под защиту от Пальмерстона. Тот, по мнению канцлера, специально возбуждает ажиотаж, обвиняя Россию в широких экспансионистских планах. Намерения царя, полагает Меттерних, «совершенно мирные и консервативные»<sup>142</sup>.

Продолжалось сотрудничество между Меттернихом и Бенкендорфом, правовой основой для которого служили соответствующие статьи Мюнхенгрецкого соглашения. Канцлер предложил шефу жандармов прислать в Вену постоянного атташе, что и было сделано российской стороной. В Вену присылали и литературного агента барона Швейцера, чья деятельность пересекалась с работой Майнцского информбюро. В центре внимания союзников — польские революционные эмигранты. Поддерживают они и консервативные издания. Правда, опыт с "Journal de Frankfurt" оказался неудачным. Редактор издания, некто Дюран, вымогал субсидии, но толку от его работы оказалось немного. Была с его стороны и попытка шантажа. Все это нашло отражение в переписке Меттерниха с Бенкендорфом<sup>143</sup>.

Они обменивались агентурными сведениями о готовящихся заговорах, о подозрительных личностях. При этом князь по привычке грешил преувеличениями. Бенкендорф же рассыпался в благодарностях, но полученные от австрийской стороны сведения воспринимал с известным скептицизмом<sup>144</sup>. Зная характер своего австрийского партнера, шеф жандармов мог умело ему польстить. Он подчеркивал, что высоко ценит переписку «с самым блестящим государственным мужем нашей эпохи»<sup>145</sup>. В другом, более позднем письме (18 июня 1841 г.) Бенкендорф восхищается способностью князя «с первого взгляда проникать в суть дела»<sup>146</sup>.



Очень редко в переписке высокопоставленных сановников всплывали личные мотивы. Так, лишь в письме от 30 апреля 1839 г. Бенкендорф позволил себе понятный только им обоим намек на совместные похождения 1807 г.<sup>147</sup> Осенью того же года он писал Меттерниху о помолвке своей дочери Анны (Annette) с молодым австрийским дипломатом графом Рудольфом Аппоньи, атташе австрийского посольства в Париже.

Ни Меттерних, ни Бенкендорф и словом не обмолвились о Доротее. Для Клеменса она уже стала далеким прошлым, а Александр Христофорович вычеркнул родную сестру из памяти и из сердца, после того как она предпочла России жизнь за границей. Когда Фикельмон весной 1836 г. спросил Бенкендорфа о сестре, тот ответил, что у нее «мания, она не может жить без какого-нибудь министра... Она духовно одаренная женщина, но дух ее принял неподобающее направление. Что поделаешь, даже под угрозой казни ее нельзя заставить отказаться от того образа жизни, который она любит»<sup>148</sup>.

Своего рода апофеозом австро-русской дружбы явился визит наследника престола, будущего царя Александра II в Вену. Как пишет С. С. Татищев, он был принят австрийским двором «с величайшей предупредительностью и почетом»<sup>149</sup>. С первого же дня пребывания в Вене (3 марта 1839 г.) цесаревич попал в сплошной круговорот приемов, балов, спектаклей.

Все началось с обеда у императора. Затем парадный спектакль. Поздно вечером великого князя ожидало избранное общество Мелани, которая собрала у себя в салоне самых изысканных венских дам.

И молодой, привлекательный наследник, и венские красавицы получили огромное удовольствие от общения, развлекаясь разнообразными салонными играми. Мелани восторженно описывает Александра Николаевича. Тот, в свою очередь, в течение десятидневного пребывания в Вене почти каждый вечер находил время для посещения Меттернихов.

Императорская семья и австрийская знать тоже изо всех сил ублажали наследника российского престола, который очаровал всех не только красивой внешностью, но и прекрасными манерами, открытостью и доброжелательностью. Танцы и другие развлечения ежедневно продолжались до 2 часов ночи. На одном из приемов у Мелани играл соперник Штрауса знаменитый скрипач Ланнер<sup>150</sup>. Когда княгиня прощалась с будущим Александром II, у нее создалось впечатление, что молодой человек «очень неохотно покидает Вену»<sup>151</sup>.

Даже его суровый отец был растроган оказанным сыну гостеприимством, и посол Татищев передал Мелани благодарственное письмо императора. «Госпожа княгиня, — писал собственноручно Николай I, — вы были так добры и любезны по отношению к моему сыну, что я не могу отказаться от удовольствия поблагодарить вас и засвидетельствовать мою признательность. Мои воспоминания о Вене, которую я так люблю, станут для меня дорогими вдвойне, и я прямо признаю, что почти завидую моему сыну, который имеет преимущество по сравнению со мной, поскольку пребывал здесь дольше и легко вытеснил своего отца из вашей памяти»<sup>152</sup>.

Но за парадным фасадом австро-российских отношений скрывались глубокое взаимное недоверие, готовность сменить партнера по кадрили. Когда Ф. И. Бруннов назовет Меттерниха «врагом супостатом», царь добавит: «Он никогда не переставал им быть»<sup>153</sup>. Естественно, у российской стороны не могли не вызывать подозрений маневры Меттерниха, нацеленные на воссоздание «концерта европейских держав». Их антироссийская направленность была достаточно очевидна. В Петербурге стали вынашивать план ответных действий. Уже в мае 1839 г. российский посол в Лондоне получил задание начать зондаж перспектив на двустороннее соглашение с Англией. Тем более опыт 1826 г. еще не успел забыться.

Россия согласилась подписать совместную ноту пяти держав от 27 июля 1839 г., обеспечивавшую коллективные гарантии разваливающейся Османской империи, но от участия в планируемой Меттернихом Венской конференции Петербург отказался. Амбициозные планы австрийского канцлера рухнули.

Его физические и нервные силы были на исходе. 2 августа Мелани с тревогой отмечала в своем дневнике, что Клеменс работает по 15 часов, «это слишком много, он чувствует себя плохо»<sup>154</sup>. Через 10 дней, 12 августа, у него произошел нервный срыв, который вывел его из строя на шесть недель и заставил опасаться рецидива. Пока Клеменс приходил в себя, в Лондоне со специальной миссией побывал Ф. И. Бруннов. По поручению царя он сообщил о том, что Россия готова отказаться от возобновления Ункяр-Искелесийского договора, по сути дела ничего не получая взамен, кроме туманной перспективы раздела турецкого наследства с Великобританией. На поверхностный взгляд это выглядело чуть ли не сенсационной уступкой. На самом же деле ценность договора с Турцией к тому времени подверглась изрядной девальвации. Реализовать его выгодные для России статьи при сложившемся соотношении сил было весьма проблематично. Если же иметь в виду конкретный прецедент 1839 г., то атакующей стороной выступал сам султан Махмуд II, а Россия имела право на оказание ему помощи только в том случае, когда он станет жертвой нападения.

Опять, как и в 1826 г., сближение России с Англией разрушало создаваемую Меттернихом конструкцию европейской политики. И хотя канцлер вновь сильно пострадал от очередного внешнеполитического выража Николая I, удар на сей раз был обращен не только против него.

Вообще подоплека решения Николая была чрезвычайно сложной. Она довольно убедительно раскрывается в недавнем коллективном труде российских ученых<sup>155</sup>. Безусловно, царь и Нессельроде опасались формировавшейся «комбинации» «морских держав» и Австрии. Предпринятый царем демарш имел целью сорвать ее. Но главной мишенью для него была не Австрия, а Франция.

Академик Е. В. Тарле так конкретизирует царский замысел: «Надлежало вбить клин между Англией и Францией, расколоть, уничтожить именно в точном вопросе солидарность, существовавшую между этими двумя держава-

ми, в руках которых сосредоточивалась в сущности почти вся тогдашняя военно-морская сила на земном шаре»<sup>156</sup>. В результате ссоры между двумя «морскими державами» царь мог рассчитывать на «полное дипломатическое соглашение России с Англией по вопросу о дележе турецких владений»<sup>157</sup>.

На один из важнейших побудительных мотивов Николая I указывал король Луи-Филипп в беседе с австрийским послом графом Аппоньи: «Император не мог вынести и перевернуть мысли, что мое революционное царствование продолжается более десяти лет, и, обдумав всевозможные средства для низвержения меня, остановился на разрыве союза Франции с Англией, как на самом действительном средстве, представляющем в помянутом отношении наиболее благоприятные шансы успеха. Бруннов был орудием этого коварного замысла»<sup>158</sup>.

Действительно, нельзя должным образом оценить экстравагантный шаг Николая I, если не учитывать его ненависть к Франции, олицетворяемой «королем баррикад» Луи-Филиппом. Ослабить и унижить его, видимо, было для царя не менее важно, чем добиться каких-то реальных выгод для России. В данном случае российский император оказался большим легитимистом, чем австрийский канцлер.

Ультраконсервативный курс Николая I попал в унисон с антифранцузской линией Пальмерстона, которому пришлось потратить немало сил, чтобы склонить членов кабинета принять российскую инициативу. Но премьер-министр Мельбурн и некоторые другие члены правительства не желали грубо порывать с Францией. Кроме того, для них было неприемлемо такое российское условие, как международное признание закрытости Босфора и Дарданелл.

Сентябрьская миссия Бруннова к конкретным результатам не привела. Готовность России отказаться от Ункяр-Искелесийского договора не произвела сильного впечатления на британских министров, что является свидетельством того, что они так же невысоко ставили его реальное значение. Но сопротивление же кабинета оказалось даже на руку Пальмерстону: он потребовал от России новых уступок. Теперь глава Форин-офиса мог дирижировать ходом событий; эпицентр европейской дипломатии смещается в Лондон.

Во время болезни канцлера восточные дела попали в ведение его тогдашнего фаворита графа Фикельмона, пользовавшегося авторитетом и влиянием в Петербурге. Хотя князь высоко оценивал его деятельность, но сам он тоже постарался как можно скорее включиться в дипломатический процесс.

На обратном пути из Лондона Бруннов посетил Меттерниха в Йоханнисберге. Российский дипломат надеялся успокоить канцлера, насколько возможно подсластить горькую пилюлю, какой оказался для Австрии поворот в политике России. Мелани отмечала исключительную любезность и доброжелательность Бруннова. Комплиментом ему служит такая характеристика княгини: он «в большей степени немец, чем русский»<sup>159</sup>. И все же упреков со стороны князя и княгини Бруннов не избежал. Мелани, как всегда, была резче супруга: «Я описала ему (Бруннову. — П. Р.) то мучительное впечатление, которое произвел на меня этот отход от прежней политики, и высказалась

самым решительным образом»<sup>160</sup>. Не смягчил ее и подарок Николая I — великолепная валахская ваза.

С. С. Татищев явно преувеличивает, утверждая, что «Меттерних не устоял против лъстивых заискиваний Бруннова»<sup>161</sup>. Еще более переоценивает эффект своей обходительности сам Бруннов, который писал Нессельроде: «Странная вещь, но я не думаю, чтобы князь Меттерних более боялся лишиться милости своего собственного двора, чем он добивается удержать за собой благорасположение нашего»<sup>162</sup>.

На самом же деле Клеменсу просто не оставалось ничего другого, как изобразить, по обыкновению, хорошую мину при плохой игре. В конце декабря 1839 г. не в Вене, а в Лондоне открылась конференция пяти держав по восточному вопросу. Тон на ней задавали Англия и Россия, причем тон этот был преимущественно антифранцузским. Вызывающий политический курс французского премьер-министра А. Тьера еще более обострял ситуацию. Париж поддерживал своего египетского союзника Мухаммеда-Али, пытавшегося получить наследственный статус и расширить свои владения за счет владений разбитого им султана.

В Европе запахло порохом. Угрожая отставкой, Пальмерстон добился от британского правительства согласия на подписание Лондонской конвенции и без участия Франции. Подписанная 15 июля 1840 г. конвенция и сопутствовавшие ей документы (в том числе и секретные) изолировали Францию. Николай I радостно писал генерал-фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу: «Конвенция между Англией, Пруссией, Австрией, мной и Турцией подписана без Франции!!! Новая эпоха в политике»<sup>163</sup>.

Однако конвенция сковывала и Россию. Исключалось ее одностороннее участие в военных действиях против непокорного Мухаммеда-Али в том случае, если бы он выступил против султана. Для защиты турецкого монарха Англия и Австрия получили право ввести свои корабли в Мраморное море. Меттерних мог быть доволен тем, что Лондонская конвенция закрепила принцип коллективной помощи Турции. Закладывались основы нового режима черноморских проливов.

Хотя Меттерних уже не был главным режиссером на европейской политической арене, но его роль оставалась весьма значительной. Он делал все от него зависящее, чтобы оставить дверь в ареопаг европейских держав открытой для Франции. Эту задачу ему облегчила замена воинственного Тьера на умеренного Гизо. Вторая Лондонская конвенция (13 июля 1841 г.) была подписана уже всей пятеркой европейских держав. По крайней мере внешне концерт был восстановлен.

Наибольших дивидендов добилась Англия во многом благодаря напору и решительности Пальмерстона. Были разрушены далеко идущие планы Франции в Средиземном море. Российский флот оказался запертым в Черном море, а отношения между Россией и Турцией были переведены с двусторонней основы на многостороннюю.

Вторым после Пальмерстона политиком, который мог бы занести исход восточного кризиса в свой актив, был австрийский канцлер. Безусловно, он проиграл англичанину. Европейская дипломатическая история вершилась не в Вене, а в Лондоне. Не он дирижировал европейским оркестром. Ему пришлось пережить тяжелый удар как в переносном, так и прямом смысле этого слова. Но с точки зрения дипломатического искусства он исполнил свою партию на высочайшем уровне. Фактически он сумел обратить жестокое поражение (не только политическое, но и личное) в серьезный успех. Но парадокс заключался в том, что поражение было у всех на виду, а победа не бросалась в глаза. Лавры достались энергичному британцу, который доминировал на авансцене, Меттерних же чаще всего оставался где-то в глубине сцены или даже за ее кулисами.

Тем не менее, в конечном счете восторжествовал его вариант европейского концерта держав. А это означало, в частности, сохранение Османской империи, что всегда рассматривалось князем в качестве важной предпосылки европейского эквilibра. Меттерних не допустил изоляции Франции, к чему по разным мотивам стремились Николай I и Пальмерстон. Канцлер прекрасно понимал, что осью четверного антифранцузского союза, напоминавшего антинаполеоновский, станут двусторонние англо-русские отношения. Окончательно будет закреплена роль Австрии как младшего партнера. Идею четверного союза Клеменс назвал «химерой»<sup>164</sup>.

Учитывая особенности пальмерстоновской дипломатии, трудно представить, что он будет сколько-нибудь долго связывать себе руки союзными соглашениями. Тем более он сравнительно легко и быстро получил от России то, что ему хотелось. Но не следует и умалять заслуги Меттерниха в том, что «союз четырех» оказался таким эфемерным. Успех тем ценнее, что он был достигнут отнюдь не с позиции силы. «Его политику, — говорит Г. фон Србик о деятельности Меттерниха в 1839–1841 гг., — можно считать технически безупречной, но ей недоставало одного — силы»<sup>165</sup>. И мощь Австрийской империи, и жизненные ресурсы ее канцлера были в значительной мере исчерпаны. Напрашивается легкое для Меттерниха сравнение его искусных маневров в период обострения восточного кризиса с блестящей по уровню военного искусства кампанией Наполеона в 1814 г. И канцлер, и император выжали, можно сказать, максимум возможного из своих ограниченных сил. Правда, Наполеона это не спасло от поражения, а Меттерниху удалось отчасти сохранить лицо.

Радость от несомненного стратегического успеха серьезно омрачалась старательно подавляемым ощущением собственного бессилия. Трудно было переносить ту бесцеремонность, которую продемонстрировали по отношению к нему Пальмерстон и Николай I. Князь все еще бодрится: «Европа всегда найдет Австрию на ее посту во главе тех, кто защищает консервативные принципы»<sup>166</sup>. Но все чаще и чаще наступают полосы депрессии, разочарования. Не всегда выдерживает броня его самоуверенности. Вместе с тем у него сохранилась ясность мысли, время пощадило его интеллект. На его облике, несмотря на возраст, не

было старческого отпечатка. Искусство жить, получая наслаждение от тех или других сторон жизни, он тоже не утратил.

Тот самый Грильпарцер, который неудачно назвал Меттерниха «Дон-Кихотом легитимизма», нашел для него более точный образ — «больной полководец». Именно так было озаглавлено стихотворение, написанное им в августе 1839 г. по поводу постигшего князя удара. Имелось в виду, конечно, нечто большее, чем физический недуг. К началу 40-х гг. выявилась ограниченность не только жизненных сил князя, но и политических ресурсов, имевшихся в его распоряжении. «Больным полководцем» он стал фактически уже в результате июльского шока, после которого так и не смог полностью оправиться. Теперь же привыкший задавать тон в европейской политике, он оказался обреченным преимущественно на локальные сражения с ненавистными ему либеральными и националистическими тенденциями, менявшими облик Европы.

---

<sup>1</sup> Grunwald C. de. *La vie de Metternich*. P., 1938. P. 282–283.

<sup>2</sup> Mikoletzky H. L. *Österreich. Das entscheidende 19. Jahrhundert*. Wien, 1972. S. 282.

<sup>3</sup> *Ibidem*.

<sup>4</sup> *NP*, Bd. 5. S. 651.

<sup>5</sup> *Ibidem*.

<sup>6</sup> *Ibidem*.

<sup>7</sup> Цит. по: Radvány E. *Op. cit.* P. 70.

<sup>8</sup> *Maximen des Fürsten Metternich*.

<sup>9</sup> *Ibidem*.

<sup>10</sup> Цит. по: Mikoletzky H. L. *Op. cit.* S. 295.

<sup>11</sup> *Ibid.* S. 298.

<sup>12</sup> *Bibl V. Metternich. Der Dämon Österreich*. S. 302.

<sup>13</sup> *Ibid.* S. 301–302.

<sup>14</sup> Volloton H. *Metternich*. P., 1965. P. 278.

<sup>15</sup> *NP*, Bd. 5. S. 653.

<sup>16</sup> *Ibid.* S. 654.

<sup>17</sup> Bertier de Sauvigny G., de. *Metternich*. P. 166–167.

<sup>18</sup> Bettelheim A. *Balzac*. München, 1925. S. 185.

<sup>19</sup> *NP*, Wien, 1883. Bd. 6. S. 15.

<sup>20</sup> Bettelheim A. *Op. cit.* S. 186.

<sup>21</sup> *NP*, Bd. 6. S. 72.

<sup>22</sup> *Ibid.* S. 69.

<sup>23</sup> *Ibid.* S. 73–74.

<sup>24</sup> Цит. по: Corti E. C. *Op. cit.* S. 379.

<sup>25</sup> Цит. по: Mikoletzky H. L. *Op. cit.* S. 496.

<sup>26</sup> *Ibid.* S. 299.

<sup>27</sup> Цит. по: Corti E. C. *Op. cit.* S. 379.

<sup>28</sup> *NP*, Bd. 6. S. 74.

<sup>29</sup> *Ibid.* S. 74–75.

<sup>30</sup> Татищев С. С. *Император Николай и иностранные дворы*. С. 91.

<sup>31</sup> Там же.

<sup>32</sup> *NP*, Bd. 6. S. 82–83.

<sup>33</sup> Татищев С. С. *Указ. соч.* С. 91–92.

<sup>34</sup> Там же. С. 92.

<sup>35</sup> Там же.

<sup>36</sup> *NP*, Bd. 6. S. 48.

<sup>37</sup> *Ibid.* S. 49.

<sup>38</sup> Цит. по: Татищев С. С. *Указ. соч.* С. 93.

<sup>39</sup> *NP*, Bd. 6. S. 81.

- <sup>40</sup> Ibid. S. 82.
- <sup>41</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G., de. Metternich et son temps. P. 200.
- <sup>42</sup> Ibidem.
- <sup>43</sup> NP. Bd. 6. S. 87.
- <sup>44</sup> Ibid. S. 47.
- <sup>45</sup> Bertier de Sauvigny G., de. Metternich et son temps. P. 444.
- <sup>46</sup> Ibidem.
- <sup>47</sup> Webster Ch. Palmerston, Metternich and European System. P. 153.
- <sup>48</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G., de. Metternich et son temps. P. 248.
- <sup>49</sup> Цит. по: Grunwald C. de. Op. cit. P. 245–246.
- <sup>50</sup> Ibid. P. 250.
- <sup>51</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G., de. Op. cit. P. 249.
- <sup>52</sup> NP. Bd. 5. S. 291.
- <sup>53</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 330–331.
- <sup>54</sup> NP. Bd. 5. S. 330.
- <sup>55</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. Op. cit. Bd. I. S. 651.
- <sup>56</sup> NP. Bd. 5. S. 416.
- <sup>57</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 359.
- <sup>58</sup> NP. Bd. 5. S. 423.
- <sup>59</sup> Ibid. S. 593.
- <sup>60</sup> NP. Bd. 6. S. 31.
- <sup>61</sup> Ibid. S. 37.
- <sup>62</sup> Ibidem.
- <sup>63</sup> NP. Bd. 5. S. 597.
- <sup>64</sup> Ibid. S. 630.
- <sup>65</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 385–386.
- <sup>66</sup> Ibid. S. 388.
- <sup>67</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. Bd. II. S. 54.
- <sup>68</sup> NP. Bd. 6. S. 144–145.
- <sup>69</sup> Ibid. S. 160.
- <sup>70</sup> Ibid. S. 177.
- <sup>71</sup> Ibid. S. 182.
- <sup>72</sup> Bertier de Sauvigny G., de. Metternich et son temps. P. 257–258.
- <sup>73</sup> NP. Bd. 6. S. 138–139.
- <sup>74</sup> Lettres de François Guizot et de la Princess de Lieven. P., 1938. T. 1 (1836–1839). P. 315.
- <sup>75</sup> Ibid. P. 192.
- <sup>76</sup> Ibid. P. 70.
- <sup>77</sup> Ibid. P. 178–179.
- <sup>78</sup> Ibid. P. 179.
- <sup>79</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 396.
- <sup>80</sup> Ibid. S. 397.
- <sup>81</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. Bd. I. S. 541.
- <sup>82</sup> Ibid. S. 544.
- <sup>83</sup> Ibidem.
- <sup>84</sup> Ibidem.
- <sup>85</sup> Ibid. S. 545.
- <sup>86</sup> Sked A. The Metternich System, 1815–48 // Europe's Balance of Power. 1815–1848. L., 1979. P. 103.
- <sup>87</sup> Ibidem.
- <sup>88</sup> Mikoletzky H. L. Op. cit. P. 53.
- <sup>89</sup> Ibidem.
- <sup>90</sup> Цит. по: Radvany E. Op. cit. P. 55.
- <sup>91</sup> Ibid. P. 56.
- <sup>92</sup> NP. Bd. 6. S. 209.
- <sup>93</sup> Цит. по: Radvany E. Op. cit. P. 56.
- <sup>94</sup> Цит. по: Mikoletzky H. L. Op. cit. P. 52.
- <sup>95</sup> Ibid. S. 53.
- <sup>96</sup> Цит. по: Radvany E. Op. cit. P. 74.
- <sup>97</sup> Ibid. P. 92.
- <sup>98</sup> Ibid. P. 110.
- <sup>99</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. Bd. II. S. 20.

- <sup>100</sup> Цит. по: Radvany E. Op. cit. P. 118.  
<sup>101</sup> Ibid. P. 113.  
<sup>102</sup> Ibidem.  
<sup>103</sup> NP. Bd. 6. S. 124.  
<sup>104</sup> Цит. по: Radvany E. Op. cit. P. 128.  
<sup>105</sup> NP. Wien, 1884. Bd. 8. S. 204.  
<sup>106</sup> Ibid. Wien, 1883. Bd. 7. S. 619.  
<sup>107</sup> Ibid. Bd. 5. S. 620.  
<sup>108</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. Op. cit. Bd. I. S. 259.  
<sup>109</sup> Grunwald C. de. Op. cit. P. 283.  
<sup>110</sup> NP. Bd. 6. S. 164.  
<sup>111</sup> Ibidem.  
<sup>112</sup> См.: Bullen R. Palmerston, Guizot and the collapse of the Entente cordiale. L., 1974.  
<sup>113</sup> Тейлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 54.  
<sup>114</sup> NP. Bd. 6. S. 176.  
<sup>115</sup> Ibid. S. 177.  
<sup>116</sup> Ibidem.  
<sup>117</sup> Ibid. S. 179.  
<sup>118</sup> Ibid. S. 263.  
<sup>119</sup> Цит. по: Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. С. 434.  
<sup>120</sup> NP. Bd. 6. S. 347.  
<sup>121</sup> Ibid. S. 348.  
<sup>122</sup> Ibidem.  
<sup>123</sup> Ibid. S. 347.  
<sup>124</sup> Ibidem.  
<sup>125</sup> Татищев С. С. Указ. соч. С. 438.  
<sup>126</sup> NP. Bd. 6. S. 348.  
<sup>127</sup> Цит. по: Webster Ch. Op. cit. P. 169.  
<sup>128</sup> NP. Bd. 6. S. 164.  
<sup>129</sup> Цит. по: Webster Ch. Op. cit. P. 171–172.  
<sup>130</sup> Цит. по: Татищев С. С. Указ. соч. С. 424.  
<sup>131</sup> Цит. по: Webster Ch. Op. cit. P. 173.  
<sup>132</sup> Татищев С. С. Указ. соч. С. 435–436.  
<sup>133</sup> Цит. по: Webster Ch. Op. cit. P. 173–174.  
<sup>134</sup> Ibid. P. 174.  
<sup>135</sup> NP. Bd. 6. S. 349.  
<sup>136</sup> Татищев С. С. Указ. соч. С. 399.  
<sup>137</sup> Там же. С. 404.  
<sup>138</sup> Долгоруков П. Петербургские очерки. М., 1992. С. 162–163.  
<sup>139</sup> NP. Bd. 6. S. 225.  
<sup>140</sup> Ibid. S. 281.  
<sup>141</sup> Ibidem.  
<sup>142</sup> Ibid. S. 273.  
<sup>143</sup> Squire P. S. Metternich and Benckendorff, 1807–1834 // The Slavonic Review. 1967. Vol. XLV, № 105. P. 380, 386.  
<sup>144</sup> Ibid. P. 387.  
<sup>145</sup> Ibid. № 104. P. 162.  
<sup>146</sup> Ibid. № 105. P. 388.  
<sup>147</sup> Ibid. P. 380.  
<sup>148</sup> Ibid. № 104. P. 159.  
<sup>149</sup> Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. С. 97.  
<sup>150</sup> NP. Bd. 6. S. 299.  
<sup>151</sup> Ibid. S. 300.  
<sup>152</sup> Ibid. S. 302.  
<sup>153</sup> Цит. по: Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 200.  
<sup>154</sup> NP. Bd. 6. S. 309.  
<sup>155</sup> История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999. С. 327–334.  
<sup>156</sup> Тарле Е. В. Крымская война. Ч. 1 // Сочинения. М., 1959. Т. VIII. С. 96–97.  
<sup>157</sup> Там же. С. 97.



<sup>158</sup> Цит. по: Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. С. 553.

<sup>159</sup> NP. Bd. 6. S. 321.

<sup>160</sup> Ibid. S. 322.

<sup>161</sup> Татищев С. С. Указ. соч. С. 495.

<sup>162</sup> Там же.

<sup>163</sup> Цит. по: Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в. М., 1975. С. 127.

<sup>164</sup> NP. Bd. 6. S. 546.

<sup>165</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. Vol. II. S. 70.

<sup>166</sup> NP. Bd. 6. S. 456.

## ГЛАВА X. В КРУГОВОЙ ОБОРОНЕ

### I

Сороковые годы XIX в. казались, пожалуй, самыми тяжелыми в политической биографии австрийского канцлера. Ему, привыкшему быть «первым министром Европы», трудно мириться с вынужденным уходом в тень. Пока он держал в своих руках вожжи, а позже невидимые нити европейской политики, ему удавалось благодаря своему дипломатическому искусству компенсировать слабость Австрийской империи. Теперь постаревший, утративший былой блеск политик и одряхлевшая империя больше соответствовали друг другу. В состязании со временем Клеменс все чаще проигрывал.

И дело было вовсе не в его физическом старении. Тем более что возраст не сказывался на его интеллектуальных возможностях. Он уступал «духу времени», напору новых социальных сил, взлету национализма, либерализма, т. е. враждебным ему по мировосприятию тенденциям общественного развития.

Еще летом 1840 г. он сожалеет о том, что завершилась «славная эпоха великого европейского союза», когда «монархи были арбитрами судеб Европы»<sup>1</sup>. Это настроение было навеяно ему смертью последнего из лидеров Священного союза, прусского короля Фридриха Вильгельма III.

Периодами к нему возвращается оптимизм. Так, в конце 1841 г. он с удовлетворением констатирует, что европейская ситуация становится более благоприятной с консервативной точки зрения. Либерализм терпит неудачи. Благодаря улучшению социальных условий радикалам и анархистам все труднее привлекать людей на свою сторону<sup>2</sup>. Но такие оптимистические ноты слышатся все реже.

На рубеже 30–40-х гг. Клеменс все же понял, что стареет, хотя не столько в силу возраста и недуга, сколько из-за череды смертей, настигшей людей, с которыми были связаны отдельные эпизоды или целые периоды его жизни. Правда, кончину 84-летнего Талейрана (17 мая 1838 г.) князь воспринял без особых эмоций. Но в том же году скончалась 54-летняя Лаура Жюно, герцогиня д'Абрантес, парижская возлюбленная Клеменса. В ее многотомных мемуарах на его долю досталось много похвал. Вдохновителем в ее литературного труда был сам Бальзак. Он же увековечил ее в «Тридцатилетней женщине» под именем мадам д'Эгльмон. Ненадолго пережила Лауру Жюно ее соперница Каролина Мюрат (18 мая 1839 г.). К счастью для Клеменса, она не оставила мемуаров, чего он

сильно опасался. Ведь ей было о чем рассказать, особенно о том периоде жизни князя, который был связан с Наполеоном.

Тяжелее всего Клеменс воспринял смерть Вильгельмины Саган, умершей 29 ноября 1839 г. в 58 лет. Среди всех женщин любвеобильного князя не было равных ей ни в искусстве любви, ни в глубине понимания политики. Разговоры с Вильгельминой служили для него своего рода интеллектуальным стимулятором. Огромную ценность представляли для Клеменса ее советы. Едва ли он со своим самолюбием прислушивался так еще к кому-либо. «Да, Мелани прекрасна и добра, верна и предана ему, безмерно восхищается им, — писал автор богато документированного исследования "Меттерних и женщины" Э.-Ц. Корти, — но дать хороший политический совет, как это могла сделать та женщина, она была не в состоянии. Она видела в своем муже такую степень совершенства и в каждом его слове единственно возможное решение, что ей казалось кощунством предложить что-либо иное»<sup>3</sup>.

Гордую Мелани не могло не уязвить, пусть даже тщательно скрываемое, но не совсем угасшее чувство ее любимого Клеменса к герцогине. О том, что ревность ее наконец-то угадала, свидетельствовал ее подарок мужу осенью 1845 г., через шесть с лишним лет после смерти Вильгельмины. Клеменс обнаружил в своем кабинете стол, когда-то принадлежавший герцогу Шуазелю, партнеру Кауница, а затем перешедший к герцогу Курляндскому и унаследованный от него Вильгельминой. «Этот предмет, — писала Мелани, — доставил моему мужу огромное удовольствие»<sup>4</sup>. Появление нового стола вдохновило канцлера на большую чистку накопившихся у него в кабинете бумажных залежей. Причем в одном из портфелей обнаружилась пачка старых банкнот, покрывших стоимость приобретения. Так была поставлена точка в самом драматическом романе Клеменса.

Меняется и ставшая привычной атмосфера дома. Вену покидают люди, которые давно уже стали неотъемлемой частью не только венского дипломатического мирка, но и узкого домашнего круга канцлера. 20 ноября 1841 г. Мелани делает такую запись в дневнике: «Бедный Татищев завтра уезжает в Петербург. Он расстроен этим так же, как и мы. Я написала ему сегодня вечером, потому что не застала его дома, и его ответное письмо тронуло меня до слез»<sup>5</sup>.

Практически одновременно с российским послом, ставшим, можно сказать, почти членом княжеской семьи, Вену покидал и граф де Сент-Олэр, с которым у Клеменса были самые близкие дружеские отношения. По словам Мелани, доставившей в свое время графу немало неприятностей, французский посол с сожалением уезжал из австрийской столицы.

На смену Сент-Олэру прибыл граф Флао, внебрачный сын Талейрана. По матери он был родственником португальского посланника. В прошлом граф имел связь с Гортензией Богарне, сыну которой в недалеком будущем предстояло стать императором Наполеоном III. Новый французский посол был человек из того же самого интернационального аристократического круга. Но Клеменс привык к общению с Сент-Олэром — не только тонким дипломатом,

но и ученым. Недаром в адресованном ему прощальном письме князь предсказывает, что его друг будет избран либо членом Академии наук, либо одним из 40 «бессмертных», т. е. членом Французской академии<sup>6</sup>. «Графу Флао, который стал вашим преемником, нелегко будет заменить вас, я постараюсь пробудить у него белую зависть»<sup>7</sup>, — писал канцлер отъезжавшему послу.

Меттерних желал бы и впредь сохранить с ним отношения, делиться с ним своими мыслями. Не упустил случая сделать это и на сей раз.

В центре его рассуждений — вопрос о принципах подхода к международным отношениям. Чувствуется, что канцлер и посол не раз затрагивали эту тему. Для «европейца» Меттерниха особенно важна трактовка соотношения между интересами отдельных государств и общеевропейскими. «Каждая страна, — отмечает он, — имеет исключительно свои собственные интересы». Рядом с ними, а часто и над ними находится место для интересов общих, в той или иной мере разделяемых и другими странами. «Это, — продолжает свою мысль Меттерних, — ставит интересы на чаши весов и требует, чтобы место у стрелки занимал тот, кто хорошо знает дело»<sup>8</sup>. Нетрудно догадаться, кого имел в виду князь. Впрочем, он и не скрывает, что это место его и что он никогда отсюда не дезертирует. Правда, ему приходится признавать, что теперь стрелка весов сместилась в неблагоприятную для него сторону.

В более раннем письме Сент-Олэру (май 1838 г.) князь сожалеет о том, что не родился веком раньше или веком позже, а угодил в переходную эпоху. «Я ненавижу переходные эры, — признавался канцлер, — любая переходная эпоха — это болезнь, я же люблю общественное здоровье»<sup>9</sup>. В 1840-е годы восприятие времени становится у него особенно болезненным.

Как будто инстинктивно, он все больше пытается отгородиться от все менее устраивавшего его мира. И ему комфортнее всего в собственном, хорошо обжитом кабинете. Он называл его своей «портативной родиной»<sup>10</sup>. Один из ближайших его сотрудников граф Фикельмон позднее так отзывался о своем троне: «Он утопил все государство в своей чернильнице, которую он считал одновременно и оборонительным и наступательным оружием»<sup>11</sup>.

Неприятие перемен, нового «духа времени» наряду с возрастом усиливало тенденцию к своего рода «затворничеству», но она наталкивалась на присущее князю «искусство жить», умение находить нечто позитивное даже в самых трудных жизненных ситуациях.

Его по-прежнему интересовали достижения естественных наук, медицины и техники. Как и прежде, канцлер внимательно следит за всеми перипетиями европейской политики, основательно анализирует их, особенно в депешах своим дипломатам. Но он все более превращается из активного политика в резонера. Если раньше он был премьером на европейской политической сцене, то теперь ему все чаще достаются вторые роли. Было бы преувеличением говорить о параличе его политической воли, но во всяком случае какая-то заторможенность в его действиях очевидна. Так, на его глазах Пруссия из послушного союзника Австрийской империи трансформируется в опасного соперника. Во

время политического кризиса 1840–1841 гг., когда воинственный коротышка Тьер грозил, что французские войска могут перейти Рейн, Меттерних искал пути к мирному решению. Что же касается Пруссии, то в ней неожиданно для него поднялась мощная националистическая волна, заставившая вспомнить 1813–1814 гг., время антинаполеоновской войны.

Конечно, последнее не прошло мимо внимания канцлера. Хотя всякий всплеск национализма страшил Меттерниха, но на сей раз его слегка успокаивало то, что в отличие от 1813–1814 гг. теперь над революционными настроениями явно доминировало собственно «национальное чувство»<sup>12</sup>. Между тем в восприятии многих немцев именно Пруссия, ответившая на французские угрозы военными приготовлениями, стала выглядеть главной защитницей общегерманских интересов. Именно с ней все больше и больше немцев начинают связывать надежды на национальное единство.

Возвышение Пруссии в пределах внутригерманского пространства базировалось на фундаменте Таможенного союза, куда первоначально вошли северогерманские государства. Национальное пробуждение сказалось и в Южной Германии, тяготевшей к Габсбургской империи. Ее архаичный полицейско-бюрократический режим мешал реализации деловых и политических устремлений буржуазии. Позиции Австрии подтачивались и там, хотя на юге существовало устойчивое отвращение к духу пруссачества.

Чтобы противостоять прусскому напору, Меттерних вместе с верным ему Кюбеком вынашивают идею создания собственного масштабного Таможенного союза, который охватил бы пространство от Балтики до Средиземноморья, от Рейна и до границ России. На этой территории проживало около 70 млн человек.

Столь грандиозные планы в значительной мере были навеяны впечатлением, вынесенным из поездки по Германии (1841 г.), в ходе которой канцлер мог вочию наблюдать плоды существования возглавляемого Пруссией Таможенного союза. Стало ясно, что Австрии пришла пора отказаться от пассивно-выжидательной позиции. «Я имел возможность убедиться, — писал встревоженный Меттерних Кюбеку, — в том, насколько тяжелы последствия высоких пошлин, которыми Таможенный союз облагает ввоз изделий индустрии, для благосостояния союзных (германских вообще. — авт.) государств, не входящих в него»<sup>13</sup>.

Еще опаснее тот факт, что «создание Таможенного союза в интересах коммерции ввергло всю Германию в состояние раскола, которое весьма неблагоприятно сказалось на материальных интересах Австрии и которое, если не найти компромисса, может принести самые печальные плоды в сфере политики»<sup>14</sup>. Нужно вести диалог с Таможенным союзом, считал князь, но, возможно, обстоятельства потребуют формирования собственной торговой политики. Правда, придется столкнуться с такими проблемами, как, например, федеральная структура Австрии. Это может существенно затруднить выработку единого подхода. Кроме того, Пруссия и ее партнеры имели серьезное организационное

преимущество. Созданная ими структура уже сумела доказать свою работоспособность, накопила изрядный опыт.

Но и Австрия располагала сильными козырями: через нее проходили важные коммуникации — как сухопутные, так и речные. Было бы выгодно вовлечь в систему коммуникаций и Италию. Наличие общих австро-итальянских материальных интересов, по мысли Меттерниха, могло бы также послужить «лучшим противовесом устремлениям революционных сект и... мечтаниям о политическом сплочении и независимости»<sup>15</sup>.

Многоопытный Меттерних осторожнее Кюбека. Он скептически оценивает возможность сближения экономических интересов Австрии и Италии. На пути к их союзу имеется множество препятствий: это и локальные особенности, и внешние влияния, и интересы революционных элементов. Но самое главное препятствие кроется в опыте последнего времени: «единство материальных интересов пробудило в Германии такое ощущение собственной силы и такую решимость, о которых никто не мог и подумать»<sup>16</sup>. Отсюда и опасения Меттерниха: не придаст ли идея австро-итальянского Таможенного союза импульс борьбе за объединение Италии и не породит ли какие-то исходные структуры для этого? Нам нужно, доверительно сообщал канцлер Кюбеку, «найти такую целесообразную форму, которая обеспечила бы наши коммерческие позиции совершенно незаметным образом, чтобы переключить внимание соседних итальянских государств с самих себя на нас и побудить их увидеть в занимаемой нами позиции возможность и основание для взаимопонимания»<sup>17</sup>. Следовательно, канцлер хотел бы свести дело к системе двусторонних договоренностей Австрии с каждым из итальянских государств в отдельности.

Но ни крупномасштабным, ни более ограниченным планам Меттерниха-Кюбека не суждено было осуществиться. Они так и застряли в комиссиях Конференции министров. Серьезные попытки их реализации были чреваты изрядными потрясениями для бюрократических структур империи, столкновениями с интересами отдельных земель, особенно Венгрии. Пожалуй, самым серьезным позитивным результатом обращения Меттерниха к внутриимперским делам явилось активное железнодорожное строительство. Этому во многом способствовали капиталы весьма близких к княжескому семейству венских Ротшильдов.

Планы нейтрализации возрастающей экономической мощи Пруссии в Германском союзе оказались мертворожденными. К тому же князь больше был обеспокоен не экономикой, а личностным фактором. Серьезную тревогу вызывал у него новый прусский король Фридрих Вильгельм IV, вззошедший на отцовский престол летом 1840 г.

Завещание его отца Фридриха Вильгельма III, верного союзника Меттерниха и Николая I, напояло последнюю волю кайзера Франца I. От этого документа, как отмечал Србик, веяло духом Ахена, Теплица и Троппау<sup>18</sup>.

Однако наследный принц, ставший королем Фридрихом Вильгельмом IV, казался, вознамерился идти своим собственным путем. Он оказался романти-

ком с явными мистическими наклонностями. Его притягивал мир искусства, у него имелся интерес к науке. Было широко известно, что монарх преклоняется перед знаменитым ученым Александром фон Гумбольдтом. Новый король отличался доброжелательным, мягким обращением с людьми. По-видимому, это в еще большей мере способствовало представлению о Фридрихе Вильгельме IV как о человеке с либеральными наклонностями. Не только буржуазия, но и дворянство созрели до идеи сословного представительства и надеялись получить его из рук короля. Для кого-то это было пределом желаний, а для кого-то — началом неспешного продвижения к конституционному устройству. От Фридриха Вильгельма IV ожидали также либерализации в сфере духовной жизни страны.

Не считаться с такими настроениями король не мог, но он отнюдь не собирался отказываться и от принципов абсолютизма. Как писали о прусском короле авторы «Истории XIX века», «он нагромождал один проект на другой, проекты туманные и несвоевременные, в которых упрямо старался сочетать противоречивые начала: свободу подданных и свободу монарха»<sup>19</sup>. Не отличался продуманностью и такой шаг Фридриха Вильгельма IV, как созыв в 1842 г. объединенных комитетов из представителей провинциальных ландтагов. Имелось в виду создание некоего подобия сословного представительства, чтобы в долгосрочном плане затянуть формирование конституционного представительства, а в плане тактическом — получить дополнительные средства на железнодорожное строительство. Все это завершилось конфликтом по финансовому вопросу. До создания общепрусской представительной структуры дело так и не дошло. К этой идее король вернулся, но уже с большим запозданием, в 1847 г.

Фридрих Вильгельм IV все время колебался между жесткой консервативной линией, окрашенной в романтические тона, и какими-то смутными либеральными идеями. И хотя консерватор всегда брал в нем верх над либералом, прусский монарх вызывал у Меттерниха постоянное чувство тревоги. Опасаясь новых колебаний прусского короля в сторону той или иной формы представительства, Меттерних явно в назидание Фридриху Вильгельму IV описывал скандальное заседание венгерского парламента (май 1843 г.), на котором сам присутствовал. Все им увиденное и услышанное там Меттерних воспринимал как нечто бессмысленное: «Ваше Величество, стоит только немного унять шуму, как выяснится, что за ним ничего нет»<sup>20</sup>. В то же время нельзя недооценивать вред, таящийся в парламентаризме. От него исходит угроза королевской власти.

В связи с очередным «колебанием» Фридриха Вильгельма IV канцлер пишет Аппоньи в июле 1845 г.: «Король хочет добра, но не знает, где его искать. Следует ожидать печального исхода дел, затеянных этим государем из самых лучших намерений. Король питает ко мне большое доверие, но он не следует разумным советам, проистекающим из опыта. Люди, которых можно рассматривать как опору консервативных принципов, обращают свои взоры ко мне,

тогда как я вынужден признать, что не в состоянии добиться триумфа этих принципов при власти, натворившей уже столько зла в Пруссии»<sup>21</sup>. Клеменс садится на своего конька: «Старой Пруссии уже более нет, а новая еще не существует»<sup>22</sup>.

В августе того же 1845 г. Меттерних встречался с прусским королем в Штольценфельсе. Тот заверил канцлера, что является противником представительной системы, что не созовет общепрусское сословное представительство. Но у князя, несмотря на королевские заверения, беспокойство оставалось: «Главное зло в сегодняшней Пруссии — это эксцентричность короля с его прекраснодушными идеями и уже свершившееся разложение старой государственной машины. Причем новая еще не создана и в таком положении никто не в состоянии знать, что может произойти на следующий день»<sup>23</sup>.

Когда же 3 февраля 1847 г. Фридриху Вильгельму IV пришлось созвать Соединенный ландтаг, Меттерних воспринял это как пролог к революционным событиям. Правда, речь короля на открытии ландтага (11 апреля 1847 г.) как будто ставила и без того скромному сословному представительству жесткие пределы: «Я никогда не позволю, чтобы между Господом, нашим небесным владыкой, и этой страной стал, словно второе провидение, исписанный лист бумаги и чтобы его параграфы правили нами. Корона не может и не должна зависеть от воли большинства... Я не позвал бы вас, если бы хоть в малой степени предполагал, что вы вздумаете играть роль так называемых народных представителей»<sup>24</sup>. Но король уже был не способен контролировать ход событий. Даже в этих собраниях провинциальных ландтагов, где доминировали представители дворянства, у короля сразу возникли трудности, так как, почувствовав слабость монарха, Соединенный ландтаг постоянно расширял свои полномочия.

При всех опасениях перед угрозой германской революции Клеменс не теряет уверенности в том, что «средства против этой угрозы следует искать в политической сфере и их еще можно найти»<sup>25</sup>. «Никакой серьезный наблюдатель не поверит, что Соединенный ландтаг окажется подобен Конституанте 1789 года»<sup>26</sup>, — полагает князь. «Между французским королевством 1789 года и Пруссией 1847-го нет никаких аналогий», — убежден он. Тем не менее прусская ситуация чревата угрозой парламентаризма, становления партий. Из числа парламентариев они получают своих знаменосцев. Во всем этом виноват, естественно, прусский король, который «уже зашел туда, куда не намеревался идти»<sup>27</sup>. Такова логика уступок. Идя на них, был убежден князь, короли сами «творят якобинцев»<sup>28</sup>.

Наряду с распространением либерально-парламентских идей все чаще всплывают такие понятия, как «немечество» (Deutschtum), «национальность». Между тем, подчеркивает Меттерних, баварцы не хотят быть австрийцами, австрийцы — баварцами. Никто не желает быть пруссаком. Стремление сохранить свою исконную идентичность, по мнению князя, прежде всего характерно для низших слоев, для простого люда. Это заложено в его инстинктах. Иначе обстоит дело со средними слоями, где модные теории и находят сторонников<sup>29</sup>.



Стать прусским не желает ни одно из германских государств. Все стороны, составляющие конфедерацию, хотели бы сохранить ее. Инстинкт самосохранения побуждает большинство германских государств искать средство к спасению там, где оно и содержится — «в союзе всех против одного, в легальном пути, который предлагает федеративная система». «Искать же Германскую конфедерацию, — считает австрийский канцлер, — значит найти Австрию, которая никогда не откажется от любой жертвы, чтобы обеспечить права и оказать помощь в спасении этого великого политического института». Австрия по праву является «первой федеральной державой»<sup>30</sup>. «Для немецких территорий, — скажет Меттерних несколько позже, — совместное существование остается только в рамках федеральных отношений, и оно возможно на основе равенства прав и обязанностей участников союза, предстающих в качестве защитников общего достояния. Только для такой формы подходит понятие единой Германии»<sup>31</sup>.

Федеральный принцип важен не только сам по себе, но и как оружие против революции. Для многонациональной Австрийской империи его значение особенно велико. С его помощью поддерживается эквilibrium как внутри обширной и пестрой Габсбургской монархии, так и в Германском союзе. Перемены в Пруссии его подрывали. Более того, они угрожали и альянсу консервативных держав, который Меттерних по инерции продолжал считать существенным элементом европейского порядка.

## II

Гораздо сильнее подрывало альянс развитие австро-российских отношений. Полного доверия между Веной и Петербургом, в сущности, не было никогда. Даже в очередной «медовый месяц» между союзниками неодолимым препятствием вставал «восточный вопрос». «Отношения с Россией похожи на цветы, усеянные шипами»<sup>32</sup>, — напутствовал Меттерних графа Войну, сменившего в российской столице Фикельмона. В более позднем письме к нему же канцлер так изображает отношения с Россией: «В основном мы придерживаемся тех же принципов, что и русский двор. На практике же оба двора отличаются своим образом действий»<sup>33</sup>. Естественно, австрийская политика под пером ее творца обретает благородный характер: «Мы не ищем никакой выгоды, кроме триумфа принципов и несения ясности в моральные проблемы, которыми усыпано поле политики»<sup>34</sup>.

Что касается России, то она стремится к тому же, «но при этом преследует еще и какую-то свою отдельную выгоду»<sup>35</sup>. Под таким углом австрийский канцлер рассматривает российский-английские отношения. Эту ниву старательно обрабатывал Бруннов. Клеменс не мог забыть, как во время турецко-египетского конфликта Петербург «ублажал фантазии вигского кабинета»<sup>36</sup>. В то же время он против желанного для Парижа антироссийского альянса. При том, как обычно, не хотел выдавать России Порту.

Весьма осложнила отношения между Веной и Петербургом история с несостоявшимся австрийским браком любимой дочери Николая I Ольги. Той самой, которой так восхищался Клеменс во время встречи монархов в Теплице. Теперь это была уже не девочка, а красавица в самом расцвете юных лет. Отцу хотелось подыскать ей достойного жениха, желательно с королевской короной.

Сначала возник баварский проект, но кронпринц Максимилиан и Ольга остались равнодушными друг к другу.

Завидной русской невестой заинтересовался эрцгерцог Карл, имея в виду своего сына Альбрехта. Молодого человека летом 1840 г. направили на рекогносцировку к российскому двору. Альбрехт с первого взгляда влюбился в красавицу Ольгу. Однако в глазах Николая I будущий баварский король выглядел более привлекательно, чем один из множества эрцгерцогов, пусть даже член Габсбургского дома. Из Петербурга сын старого недруга Меттерниха вернулся влюбленный, но есть ли у него шансы на взаимность, было совершенно неясно. Обеспокоенный отец, эрцгерцог Карл, просил посла Фикельмона прозондировать почву. Сторонником австрийского брака был Нессельроде, Николаю I же такой вариант казался отнюдь не лучшим.

Фикельмон в тайном послании сообщил Меттерниху о зондаже, который, как это ни странно, начался без ведома канцлера. Тот всполошился, представил дело как «интриги», привлек в союзники эрцгерцога Людвига. А между тем этот вариант отпал сам по себе, прежде чем Меттерних успел предпринять какие-то контрмеры. Эрцгерцог Карл стал подумывать о кандидатуре в невестки одной из баварских принцесс.

Однако после того как на осень 1842 г. была назначена свадьба кронпринца Максимилиана с прусской принцессой Марией, Николай I вернулся к идее австрийского брака. Теперь Карл был вынужден сослаться на то, что ситуация с его сыном изменилась, найдено иное решение. Но царь не отступал и на сей раз проявил интерес к сыну эрцгерцога Иосифа Стефану, чья покойная мать была дочерью императора Павла I.

Молодой эрцгерцог должен был вскоре стать палатином (вице-королем) Венгрии или генерал-губернатором Галиции. Не кроется ли за матримониальными планами Николая I намерение распространить российское влияние на эти важнейшие территории Габсбургской империи? Кое-кого, в частности недалекого эрцгерцога Людвига, Клеменсу удалось убедить в этом<sup>37</sup>. Избежать очередной семейной свары, наверное, не удалось бы, если бы не позиция самого Стефана. Ему вообще не хотелось ни с кем вступать в брак.

Николай I стоял на своем. В сентябре 1843 г. он пригласил Меттерниха в Варшаву для решительного объяснения. «Николай, — писал канцлер Фикельмону, — готов на все, чтобы заключить брак своей дочери Ольги с эрцгерцогом Стефаном»<sup>38</sup>. Но князь предпочел уклониться от встречи с царем. Вместо него в Варшаву отправился граф Фикельмон. При всем своем хорошем отношении к графу российский император воспринял увертку Меттерниха как оскорбление. Через голову канцлера он обратился непосредственно к Габсбург-

скому семейству. Это был сильный ход. Среди эрцгерцогов и эрцгерцогинь усилилось недовольство диктатом Меттерниха.

Тогда канцлер выложил такой козырь, как различие вероисповеданий предполагаемых жениха и невесты. Посланцу Николая I графу Орлову Меттерних демонстрировал свою озабоченность тем, как на это посмотрит папа Римский. Соответствующим образом Клеменс настраивал и ревностных католичек — императрицу Марию Анну и эрцгерцогиню Софию.

Пока шли эти околобранные маневры, Ольга Николаевна успела влюбиться в князя Барятинского, которого, правда, тут же отправили на Кавказ. Что же касается царя, то он продолжал гнуть свою линию. Насколько серьезно Николай I стремился к австрийскому браку, свидетельствует тот факт, что он сам вступил в контакт с папой. Выяснилось, что договор между домами Габсбургов и Романовых на случай браков сохранял силу<sup>39</sup>. Теперь никакого сомнения в том, кто является главным противником брачного союза, не оставалось.

По мнению Э. Корти, Меттерних проявил легкомыслие. Несостоявшийся брак мог стать «великолепной партией: девушка была удивительно хороша, брачный союз должен был бесконечно усилить дружбу Австрии с Россией, а отказ от него по меньшей мере столь же сильно навредить»<sup>40</sup>.

Србик, естественно, находит аргументы в защиту своего героя. Главным препятствием к австро-российскому браку он считает упрямство вдовствующей и царствующей императриц: Каролины Августы и Марии Анны, настаивавших на переходе Ольги в католичество. Другую причину Србик усматривает в антирусских настроениях в Венгрии. Они могли бы помешать избранию Стефана палатином<sup>41</sup>. Можно было бы добавить, что слишком тесный союз с Россией угрожал закрепить за Австрией роль младшего партнера могущественной империи.

Но все же позиция Корти ближе к истине. Выступая против австро-российского брака, Меттерних руководствовался скорее сугубо личными соображениями. В свои 70 лет он чувствовал себя не столь уверенно, как прежде. Вести сложную игру с Габсбургским семейством по принципу «разделяй и властвуй» становилось все труднее. Вхождение в семью великой княгини Ольги открывало возможности для вмешательства такому сильному игроку, как российский император. Перед подобной угрозой даже несомненные стратегические выгоды, которые сулил союз с Россией, отступали для Клеменса на второй план.

В итоге отношения с Николаем I были испорчены. Когда же члены королевской семьи узнали, что Меттерних, противодействуя намерениям царя, ссылаясь на их несговорчивость, то они еще больше озлобились на князя.

Недвусмысленным свидетельством резкого похолодания отношений между Петербургом и Венной явился внезапный визит Николая I в Лондон. Безусловно, его нельзя целиком связывать с российско-австрийскими отношениями, но антиметтерниховский аспект был ему присущ. 24 мая 1844 г. Николай I отправился в Лондон, о чем британскому послу сообщил Нессельроде. Королева

Виктория узнала об этом 30 мая, за 48 часов до прибытия августейшего гостя. «Неожиданное путешествие императора Николая в Лондон произвело настоящую сенсацию»<sup>42</sup>, — отметила княгиня Мелани.

Находившаяся на седьмом месяце беременности, королева Виктория не была в восторге от сюрприза российского императора, но он своей экстравагантной манерой исключил возможность дипломатического маневра. Восьмидневный визит российского самодержца сопровождался светскими успехами. Самое главное — он сумел расположить к себе королевскую чету. «Я хочу завоевать ваше доверие, хочу чтобы вы научились верить, что я искренний, честный человек, — уверял царь королеву Викторию и ее возлюбленного супруга принца Альберта, — ...я знаю, что меня принимают за притворщика. Но это неправда. Я искренен, говорю, что думаю, и держу данное слово»<sup>43</sup>.

Что же касается премьер-министра Р. Пиля и министра иностранных дел лорда Абердина, то их откровенность царя скорее настрожила, чем привлекла к нему. «Турция разрушается, дни ее сочтены. Нессельроде отрицает это, но я в этом убежден... Я не хочу ни единого вершка турецкой земли, но не позволю и другим державам присвоить себе хотя бы единый вершок»<sup>44</sup>, — говорил Николай I своим британским собеседникам. Причем в завоевательных планах он подозревал Францию Луи-Филиппа и призывал объединить против нее русскую и австрийскую армии и британский флот. Англичане трезвее оценивали французскую политику и возможности Франции. Гораздо больше опасений у них вызывала Россия.

Интересна уверенность Николая I, что Австрия на его стороне. Ведь у него конфликт с Меттернихом, а не с императорским домом. Тем не менее он продемонстрировал Вене, что не забыл эпизода с провалом брачного проекта. В октябре 1845 г. Николай отправился в Палермо, где решила зимовать императрица Александра Федоровна. Естественно, его ожидали в Габсбургской столице. Однако царь опять-таки неожиданно и демонстративно специальным поездом проехал в Италию через Прагу, минуя Вену. В Праге его встречал несостоявшийся зять, эрцгерцог Стефан. Попутно царь повстречался в Милане с фельдмаршалом Радецким и, наконец, оттаяв, послал в Вену Нессельроде, на которого была возложена миссия смягчить впечатление от демарша.

На обратном пути Николай все же посетил Вену. Задержался он в столице на три дня. По тем временам это было недолго и отражало похолодание в русско-австрийских отношениях. Утром 30 декабря австрийские сановники встречали царя на вокзале в Глогнице. Вопреки ожиданиям царь в день приезда отказался от приема в императорском дворе, где собрался весь цвет венской знати. «Делайте со мной завтра все, что хотите, но сегодня у меня просто нет сил»<sup>45</sup>, — сказал он князю Карлу Лихтенштейну, который должен был доставить его во дворец. Правда, он нашел в себе силы обратиться с приветственными словами к роте солдат из «своего» австрийского полка, встречавших его у здания посольства. В 10 утра следующего дня Николай I уже был во дворце, а

через час занялся самым любимым делом. На виду почти всего венского двора он провел смотр своего полка.

Среди немногих отсутствовавших была Мелани. По окончании смотра Николай нанес ей визит. «При встрече я нашла, что он очень изменился, — констатировала княгиня Меттерних. — Выражение его лица стало еще жестче, и устрашающая строгость его взгляда нисколько не смягчалась выражением его уст»<sup>46</sup>. Когда же появился князь и завел разговор на политическую тему, царь сразу же прервал его: «Ни слова о политике, я захал только за тем, чтобы побеседовать с вашей женой»<sup>47</sup>. Без политики все-таки не обошлось, но только на следующий день. Мелани показалось, что Николай смягчился. Он выразил надежду, что встретится с ней на приеме во дворце. От Мелани царь отправился к Долли Фикельмон и закончил день обедом у императора, на который был приглашен и австрийский генералитет.

Следующая дневниковая запись Мелани приходится на 1 января 1846 г.: «Да хранит нас Бог, пресвятая дева и все святые, и да окажут нам свою милостивую помощь! Я привыкла начинать новый год и проводить первый день его в большом волнении, но еще ни один не возвещал о себе столь бурно. Император Николай держится строго. Клеменс был у него в 10 часов. Разговор состоялся долгий и весьма полезный в политическом отношении»<sup>48</sup>.

Из поездки в Вену царь вынес тяжкие впечатления: канцлер — не более чем тень прежнего Меттерниха, он стал более инертным и вместе с тем более болтливым; Коловрат такой же старый; эрцгерцог Людвиг нерешительнее, чем прежде; наследник престола эрцгерцог Франц, пресыщенный, вечно недовольный человек, ничтожество. Габсбургской империи угрожают серьезные внутренние опасности: Венгрия недовольна, в Галиции зреет восстание; Богемия хочет быть только Богемией. Когда Меттерних пытался убедить царя, что у Австрийской империи еще есть жизненные силы, тот сказал: «Империя проживет столько же, как и вы». Далее последовал жесткий вопрос: «Что наступит после вас»? Ответ был неутешительным: скорая смерть «больной, очень больной старой Австрии»<sup>49</sup>. Небезынтересно отметить, что Австрийская (Австро-Венгерская) империя более чем на полтора года пережила Российскую.

Как ни парадоксально, но развалу союза консервативных держав поспособствовала их совместная акция, направленная против вольного города Кракова, единственного островка, где поляки пользовались довольно широким набором свобод. Эта своеобразная республика была порождением Венского конгресса, одним из элементов сложного эквilibра.

Вполне понятно, что вольнолюбивые поляки старались использовать те возможности, которые давал им краковский плацдарм. Их «подрывная деятельность» особенно раздражала российского императора, под чьим скипетром находилась самая большая часть территории Польши.

Беспокоил мятежный анклав и Меттерниха: ведь Краковская республика непосредственно соприкасалась с Галицией. Сравнительно умеренную позицию занимала Пруссия. Фридриху Вильгельму нравилось слыть другом поля-

ков, и он надеялся добиться их примирения с прусским государством. Немаловажную роль играло и то обстоятельство, что придерживавшийся принципа свободной торговли Краков потреблял большое количество силезской продукции, а также служил транзитным пунктом для контрабандной торговли с российской Польшей и Галицией<sup>50</sup>.

Как известно, еще в октябре 1835 г. во время встречи трех монархов в Теплице между Россией, Австрией и Пруссией был подписан секретный протокол о желательности присоединения вольного города Кракова к Австрийской империи, чтобы покончить с этим очагом революции. Стороны, по словам барона Бруннова, условились провести эту акцию таким образом, чтобы не вызвать активного противодействия со стороны государств, подписавших акт Венского конгресса<sup>51</sup>.

Распад англо-французской антанты и даже существенное обострение отношений между Англией и Францией из-за испанских событий создали благоприятные внешние предпосылки для реализации давно вынашиваемого замысла. Практически «консервативные» державы могли не слишком опасаться солидарного отпора «либеральных» держав. Между тем подготавливаемое различными польскими общественно-политическими силами и лидерами восстание побуждало монархии, разделившие между собой Польшу, на решительные шаги.

Клеменс оказался в очень щекотливом положении. Было весьма соблазнительно получить маленький, но очень лакомый кусочек Польши, который бы так гармонично дополнял любимый императорский домен — Галицию. Недовольством союзной Пруссии можно было бы пренебречь. Конечно, акция против Кракова угрожала повредить с трудом налаживающемуся сотрудничеству с Францией. Но для Луи-Филиппа и Гизо Вена была важнее Кракова.

Оставалось препятствие, которое, на первый взгляд, могло показаться незначительным, тогда как в действительности канцлер придавал ему первостепенное значение. Дело в том, что аннексия Кракова означала бы нарушение акта Венского конгресса, самого дорогого детища Клеменса. Незыблемость документа должна была служить подтверждением его совершенства, а также и торжества консервативного принципа сохранения существующего положения вещей.

С учетом всего этого линия поведения канцлера во время событий, связанных с Краковом, не укладывается в рамки однозначной оценки. На первый взгляд она выглядит привычным хитроумным маневром Меттерниха. Чтобы не испортить отношений с пруссаками и, особенно, с французами, князь создает впечатление, что ему будто бы приходится действовать под давлением царя. Прусские дипломаты были убеждены, что явный нажим со стороны России объясняется тайной просьбой Австрии<sup>52</sup>.

У российского же историка С. С. Татищева нет сомнений; только понукание со стороны России побуждает австрийского канцлера к действию. «Русский двор, — писал Татищев, — старался ободрить князя Меттерниха, придать ему

недостававшего мужества... Когда это не помогло, то императорский кабинет прибегнул к крайнему средству, объявив, что в случае нерешительности венского двора император Николай готов взять на себя всю ответственность за положение, которое оказывается не по силам его союзникам, и присоединить Краков к своей империи, хотя это и не отвечает его видам и намерениям»<sup>53</sup>.

Меттерниха совсем не устраивала перспектива перехода Кракова под власть России. Ради того чтобы предотвратить такой поворот событий, стоило самому аннексировать вольный город, невзирая на венские решения. По сути дела Николай I припер Меттерниха к стене. Поэтому в политике канцлера, пожалуй, было больше оппортунизма, нежели тонкого расчета.

Между тем ожидавшееся польское восстание, которое началось в феврале 1846 г., оказалось плохо подготовленным как с военной, так и с политической точки зрения. Выступления были разрозненными, практически не скоординированными. Между различными социальными элементами существовали серьезные противоречия. С особой очевидностью они проявились во взаимоотношениях шляхты и крестьянства.

В Галиции крестьянские выступления обернулись не столько против австрийских властей, сколько против польских помещиков. Более того, среди крестьян были сильны типичные царистские иллюзии, вера в доброго императора, который защитит их от шляхетского произвола.

При первых же сообщениях о восстании в Кракове Клеменс взбодрился. По словам Мелани, он «взял тотчас же это дело в свои руки, так как ему было совершенно ясно, что никто, кроме него, не сможет справиться с этим удовлетворительным образом»<sup>54</sup>. Начались совещания с военными и высшими чиновниками. Руки у канцлера были развязаны, потому что Коловрат предпочел уклониться от ответственности (возможно, сказалось его славянское происхождение), сославшись, как обычно, на болезнь.

Подполковник Бенедек подавил крестьянский бунт в тарновском округе. 3 марта в Краков вступили войска трех держав. Была отменена конституция Краковской республики, распущен сенат. Высшую военную и гражданскую власть получил австрийский генерал Врбна (родственник Меттерниха). Позицию Пруссии убедительно раскрывает С. С. Татищев: «Прусские государственные люди опасались расширения наших пределов несравненно более, чем даже усиления Австрии, и скрепя сердце допустили присоединение Кракова к австрийской монархии»<sup>55</sup>.

Весьма энергичная деятельность семидесятитрехлетнего канцлера не замедлила сказаться на его здоровье. В том же марте 1846 г. Мелани делает такую запись в дневнике: «Мой бедный Клеменс взваливает на себя всю тяжесть этого критического времени... Он почувствовал себя полностью опустошенным, и три дня у него высокая температура, что, впрочем, не мешает ему работать так, как будто он совершенно здоров. Боже, сжался над ним и упаси его!»<sup>56</sup>

Поистине целебным бальзамом служило для него поведение галицийских крестьян, обратившихся против восставшей шляхты. Одну из важных причин

этого он видит в том, что повстанцы будто бы сторонники коммунизма, тогда как крестьяне опасаются за свою собственность. «Народ Галиции борется с подстрекателями, — пишет князь во Францию Аппоньи (для Гизо и Луи-Филиппа тоже), — поскольку он не желает принять доктрину, которую он не понимает»<sup>57</sup>. Крестьяне хватают повстанцев и сдают их властям. Для крестьян, часто русинского происхождения, мятежники — это поляки, выступающие против доброго императора. «Такое настроение, — торжествует Клеменс, — делает честь правительству и государственным институтам»<sup>58</sup>. Повстанцы — это эмигранты, «генеральный штаб, вступивший войну без армии»<sup>59</sup>. Можно было бы привести немало восторженных высказываний канцлера о верноподданнических чувствах галицийских крестьян по отношению к своему сюзерену — австрийскому императору, об их антиреволюционном инстинкте.

Действительно, повстанцы-шляхтичи часто наталкивались на враждебность крестьянства этнически русинского и униатского по вероисповеданию. От поляков-помещиков они не видели ничего хорошего. По Галиции прокатилась волна беспощадных крестьянских бунтов. Поместья грабили и предавали огню. В течение нескольких дней было разгромлено свыше 400 имений, перебито более тысячи представителей шляхетского сословия<sup>60</sup>.

Жестокость крестьян вызывала ужас сочувствовавшей польским повстанцам Европы. Прошел слух, что австрийские власти платят крестьянам за каждый труп, за каждую отрезанную голову. Пожалуй, никогда еще Меттерних не оказывался в столь затруднительном положении. Ему приходилось всячески изворачиваться, оправдываться, опровергать обвинения.

Поскольку от фактов варварских расправ было не уйти, канцлер пытался доказать непричастность к этому властей. Вот его объяснение бельгийскому королю Леопольду, написанное 31 марта 1846 г.: «Наши галицийские крестьяне в противоположность полякам считают себя императорскими подданными. Когда в назначенный час многие помещики призвали их к мятежу и резне всех неполяков, крестьяне заявили, что они этого не хотят. Когда же заговорщики попытались принудить их к этому силой, они натолкнулись на протесты. Когда же несколько горячих голов начали стрелять в крестьян из пистолетов, последние в ответ напали на них и убили тех, кто не сложил оружие. Вот и вся история в Тарновском округе»<sup>61</sup>.

У Библия нет сомнений в том, что австрийские власти и сам Меттерних в той или иной мере причастны к натравливанию крестьян на шляхтичей. Но даже этот самый последовательный недруг князя среди историков не решается утверждать, что «верным галицийцам» власти платили за «скальпы», а ссылается на Бисмарка, который верил в эту версию. Г. фон Србик, разумеется, берет Меттерниха под защиту: «Правительство не имело в виду убийства и не одобряло их»<sup>62</sup>.

В вопросе о степени ответственности австрийских властей в провоцировании крестьянского вандализма остается много неясного. Во всяком случае без их участия был запущен слух о том, что добрый император собирается от-



менить барщину, а недовольная им шляхта зовет к бунту<sup>63</sup>. Окружные старосты благодарили мужиков за верность кайзеру. Однако потом пришлось «успокаивать» «верных галицийцев», когда указ от 13 апреля 1846 г. вместо отмены барщины лишь избавил крестьян от ряда менее значительных, успевших устареть тягот.

Для Клеменса эти события служили подтверждением его теории о том, что между монархами и простым народом отношения носят гармоничный характер. Народ является оплотом монархических режимов; только нельзя допускать, чтобы между ним и государем втерся самонадеянный средний класс, а также всякого рода радикалы, националисты, анархисты и коммунисты. «Это преступное предприятие, — писал князь о восстании, — провалилось благодаря сопротивлению самого народа, массам лучше видны их истинные интересы»<sup>64</sup>.

События в Галиции Меттерних был склонен воспринимать и как свидетельство прочности Габсбургской империи. В Краковском восстании он, как и всегда, обвинил Париж — это, на его взгляд, скопище революционеров всех мастей и всех национальностей. Образ революционера чаще всего ассоциировался у Меттерниха с лишенным корней эмигрантом. Другое дело привязанные к земле крестьяне. Чересчур оптимистическое истолкование верности галицийских мужиков притупляло чутье Меттерниха, мешало должным образом оценить угрозу надвигавшейся революционной волны, еще более мощной, чем в начале 1830-х гг.

Все же не шляхетское восстание и крестьянские бунты были главной проблемой для князя. Более всего Меттерниха занимала аннексия Краковской республики. С чисто технической стороны эта акция особых трудностей не представляла. Неизмеримо сложнее обстояло дело с ее международно-правовым обоснованием. Девиз «сила в праве» не был для него только пустым звуком. Известно также, что на право чаще уповают в тех случаях, когда не хватает силы. Это правило как нельзя лучше подходило для Австрийской империи с ее обширными владениями, многонациональным населением, неразрешимыми финансовыми проблемами и все более слабеющей армией. К тому же сам Меттерних приложил столько усилий для международно-правового закрепления за Габсбургской монархией одного из ведущих мест в европейском концерте держав. Теперь же ему приходилось покушаться на собственное творение.

Его изощренный ум был нацелен на поиск международно-правовых зацепок, которые могли бы в той или иной мере оправдать нарушение буквально выстраданного в Вене документа. Выемка нескольких кирпичей ослабляла всю конструкцию здания.

Первоначально необходимость оккупации и аннексии Кракова канцлер обосновывал угрозой «обширного коммунистического заговора», будто бы покрывающего чуть ли не всю территорию Польши, «что превращает вольный город в настоящее прибежище для авантюристов и заговорщиков»<sup>65</sup>. Достается и покойному Александру I, чьим «абсурдным творением» он называет Краковскую республику.

Затем аргументация становится несколько тоньше: поскольку у истоков образования вольного города стояли три консервативные «восточные» державы, то они вправе определять его дальнейшую судьбу. Их права более весомы, чем права западных либеральных держав в качестве формальных гарантов. Все это напоминало формулу: «Я тебя породил, поэтому я могу тебя и убить».

Для придания своим действиям международно-правового декораума три державы даже провели в Вене специальную конференцию. И все же, несмотря на давление Николая I, Меттерних тянул с аннексией, надеясь придать ей более приемлемый в глазах Франции и Англии характер. На относительную терпимость Луи-Филиппа и Гизо он вполне мог рассчитывать. Тайный зондаж позволял надеяться, что дальше осуждающих аннексию деклараций Франция не пойдет. Что же касается Англии, то там он ожидал очередного колебания маятника, смены вигов и ненавистного Пальмерстона на тори. Правда, на этот раз ожидания не оправдались. Пальмерстон остался на своем посту и занял жесткую позицию. Но без французской поддержки он не мог эффективно противодействовать альянсу консервативных держав.

6 ноября 1846 г. наконец было подписано соглашение о включении Кракова в состав Габсбургской империи. Клеменсу это решение далось нелегко. Вечером того дня он засел в своем кабинете за письменным столом, охватив голову руками, и как будто застыл в полной неподвижности, из которой долго не мог выйти. Последствием краковской истории стала очередная болезнь князя в декабре 1846 г. В Париже даже распространился слух о его смерти<sup>66</sup>.

Какие бы ни приводил канцлер доводы в оправдание аннексии, они, как признает самый последовательный его почитатель Г. фон Србик, не могли изменить того факта, что нарушался заключительный акт Венского конгресса. Ссылки на то, что Франция и Англия тоже не безгрешны (изгнание Бурбонов, признание независимости Бельгии, отделившейся от Нидерландов), не очень убедительны. Ведь ни в одном из этих случаев, в отличие от краковского прецедента, писал тот же Србик, «не уничтожилось суверенное государство, Франция и Англия стояли на почве международного права»<sup>67</sup>. И все же Србик не может удержаться, чтобы не похвалить своего героя за искусное проведение акции, в результате чего европейское равновесие осталось непоколебленным, несмотря на то что Австрии удалось приобрести небольшой, но ценный анклав и покончить с очагом революционной инфекции.

Однако если и был выигрыш, то сиюминутный, чисто тактический. Сам Клеменс это хорошо понимал. Теперь под угрозой оказалась вся его система, базировавшаяся на решениях Венского конгресса. Об этом недвусмысленно дал понять громогласный Пальмерстон. «Правительствам трех держав, — предостерегал он, — следовало бы учесть, что Венский заключительный акт должен соблюдаться во всей его целостности и что невозможно позволять какому-либо правительству выбирать среди статей этого договора те, которые оно намерено соблюдать, и те, которые оно собирается нарушить... Я ни на один миг не сомневаюсь в том, что если Венский договор оказывается непригодным на

Висле, то таковым он должен быть на Рейне и По»<sup>68</sup>. Было бы преувеличением утверждать, что краковский прецедент мостил путь к объединению Германии и Италии, т. е. крушению меттерниховской Европы, но определенная связь между этим не очень приметным эпизодом и теми масштабными процессами, которые произошли позже, несомненно, существовала.

Аннексия Кракова в конечном счете привела не к сближению, а разъединению трех «восточных» держав. Николай I был раздосадован осторожной, неспешной политической манерой Меттерниха, его склонностью к юридической казуистике. Меттерних же не мог не испытывать раздражения из-за постоянного давления Николая I. Ему трудно было ощущать себя не лидером, а ведомым. Еще больше оснований для недовольства было у пруссаков, которые ничего не приобретали, а только теряли, как в политическом, так и экономическом плане. О том, что был создан прецедент на будущее в смысле объединения Германии под прусской эгидой, Фридрих Вильгельм IV и представить еще не мог.

Взаимное раздражение всех монархов усугубило разъединительные тенденции в консервативном альянсе. Осенью 1847 г. Николай I сказал прусскому королю, что тесному союзу трех восточных держав пришел конец. У Австрии нет хозяина; она подобна изношенному механизму и ей угрожает распад. Пруссия избрала обособленный от России путь. В Российской империи Николай I видел единственное государство, твердо придерживающееся принципов прошлого.

### III

**В**о многом царь оказался прав. Пути консервативных держав во второй половине 40-х гг. существенно разошлись, хотя сила инерции союза была еще весьма велика. Под влиянием множества исторических и политических обстоятельств Австрия дрейфовала навстречу орлеанской Франции, которая со своей стороны видела в Габсбургской монархии естественного союзника. Впрочем, у Луи-Филиппа и не было другого исхода, так как Россия его откровенно игнорировала, Англия же в лице Пальмерстона постоянно стремилась унижить.

Конечно, и австро-французские отношения были далеки от идиллии. Суть французской политики Меттерниха глубоко и емко раскрыл Г. фон Србик: канцлер думал не столько о союзе с Францией, сколько о том, чтобы вовлечь ее в консервативное русло<sup>69</sup>.

Как уже говорилось, диалог Меттерниха с Луи-Филиппом разворачивался при посредстве венского посла в Париже графа Антона Аппоньи. Нередко депеши канцлера в гораздо большей мере предназначались для короля французов, чем посла. Луи-Филиппу кажется, что князю трудно ориентироваться в перипетиях политической жизни Франции, ведь он не был в этой стране с 1825 г. Но самоуверенный канцлер полагает, что он и без того достаточно глубоко разбирается во всем, что происходит во Франции.

Так, в одной из депеш, относящихся к началу 1840 г., Клеменс берет за основу суждение о специфике Июльской монархии. Начинает он с времен Генриха IV. Истоки современной слабости монархического строя Меттерних находит в XVII в., когда, по его мнению, разрывается связь между народными массами и тронами. Интересно, что далее он высказывает мысль, напоминающую идею Токвиля. Революция 1789 г. всего лишь разрушила формы, а старая монархия к тому времени уже фактически перестала существовать. Следствием революционных потрясений явилась ужасная анархия, и, воспользовавшись усталостью масс, гениальный солдат конфисковал революцию в свою пользу. Меттерних воздает должное Бонапарту за восстановление власти. Однако после падения его империи при короле Людовике XVIII возникает порядок, именуемый монархией, тогда как фактически королевский трон находится в окружении республиканских институтов<sup>70</sup>. А монархия, родившаяся в 1830 г., уже и базируется на республиканских принципах.

Именно это обстоятельство создавало некий, не всегда видимый, но непреодолимый барьер между Меттернихом и Луи-Филиппом. Бесспорно, признает князь, «король Луи-Филипп сослужил неоценимую службу Франции и делу мира в Европе, не дрогнув перед массой трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться»<sup>71</sup>. Клеменс хвалит короля за «государственное искусство, стойкость духа, знание людей и такое чрезвычайно ценное качество, как терпение»<sup>72</sup>. По словам канцлера, король руководствуется чувством, общим для всех людей, тех, кто нуждается в покое. Угрожает же Луи-Филиппу теперь не «разлад между тронem и массами, а пороки, присущие институтам»<sup>73</sup>.

В меттерниховских оценках короля французов комплименты перемежаются с упреками, на них всегда накладывается отпечаток конъюнктуры. В связи с просьбой или, скорее, требованием монарха, обращенным к палате депутатов, с тем чтобы она вотировала дотацию его второму сыну, герцогу Немурскому по поводу его женитьбы на принцессе Саксен-Кобургской, Меттерних заметил: «У Луи-Филиппа, наделенного незаурядными интеллектуальными и административными дарованиями, есть несчастная страсть к деньгам, и в равной мере заслуживающее сожаления отсутствие понимания, насколько это отвратительно»<sup>74</sup>. Королям и принцам, по убеждению князя, не пристало просить о дотациях. Тем более Луи-Филиппу пришлось пережить тяжкое унижение, так как в дотации ему было отказано. В глазах Меттерниха, как известно, склонного к гиперболизации значимости сиюминутных событий и эпизодов, это «один из самых памятных политических скандалов нашего времени».

Вообще утилитаризм, стремление извлечь из всего пользу, по мнению Клеменса, определяет характер Луи-Филиппа. Принципы мало его волнуют. «Его религия, — утверждает Меттерних в письме Аппоньи, относящемся к 1845 г., — покоится на культе того, что кажется ему выгодным»<sup>75</sup>. Говоря об утилитаризме Луи-Филиппа, Меттерних отдает дань предубеждению, с которым приходилось сталкиваться в аристократической Европе королю, выступавшему в роли буржуа.

Главным направлением австро-французских отношений в 40-е гг. XIX в. становится идейно-политический диалог между Меттернихом и Гизо. На первый взгляд, трудно найти людей, столь не похожих друг на друга, как австрийский канцлер и французский министр. Первый из них в молодости и зрелые годы отличался фривольностью, другой был от природы моралистом пуританского склада. Первый являл собой экземпляр грансьенора. Другого в этом отношении можно считать антиподом. В отличие от Меттерниха, корифея кабинетной дипломатии, Гизо — уже публичный политик с бойцовским темпераментом.

Сближало этих двух столь разных людей их доктринерство, более ярко выраженное у Гизо. Каждый из них привык придерживаться определенных принципов, конечно, не с одинаковой степенью последовательности. Со временем выяснилось, что и принципы эти не так уж отличны друг от друга.

Неоднократно возглавлявший французские кабинеты, Франсуа Гизо был также историком и философом европейского масштаба. Клементу эпистолярное общение с ним доставляло подлинное интеллектуальное наслаждение. Французский политик и ученый тоже видел в нем достойного партнера и собеседника. Постепенно между ними возникла не только политическая, но и духовная общность. «Из всех министров после 1830 г. ...ни один не обладал качествами Гизо»<sup>76</sup>, — писал в августе 1842 г. Меттерних, считавший его неизмеримо выше всех прочих французских политиков. «Для меня нет большего удовольствия, чем тесное общение с великим духом»<sup>77</sup>, — не оставался в долгу перед Меттернихом Гизо.

Но этот австро-французский роман оказался запоздалым. Их страны приближались к новому туру революционных потрясений, и оба политика пытались их предотвратить. Причем в стремлении сохранить Июльскую монархию Гизо становился все более и более консервативным. Его знаменитая политика «золотой середины» была по сути своей неким подобием либерально-консервативного консенсуса. «Здесь, — писал об идейно-политической позиции Гизо французский ученый Э. Фагэ, — политический ум стремится образовать из общих и срединных верований человечества ядро армии, объединив его, за исключением крайних флангов, непослушных отрядов и отдельных солдат, — силится наметить для него широкий путь, по которому оно могло бы двигаться без замешательства, с сохранением за каждой дивизией ее особых знамен и ее расстояния от других»<sup>78</sup>.

От классических либералов Гизо отличался тем, что «никогда не считал свободу правом личным, присущим человеку, вызываемым самим существованием человека. Никто не пренебрегал больше Гизо "Декларацией прав человека"»<sup>79</sup>. Если классических либералов и консерваторов четко разделяло отношение к разуму и традиции "как известно, первые отдавали приоритет разуму, а другие — традиции", то Гизо находил примирительный подход, который удачно интерпретировал Фагэ. По Гизо, отмечал он, «и разум, и традиция имеют законное право на существование: традиция — это тот же разум. Разум — это умственная "середина", традиция — "середина", непрерывно проходящая через

историю. Традиция — это преемственный разум; она сохранилась благодаря своей разумности, ее разумность доказывается самим ее сохранением»<sup>80</sup>.

Либеральный консерватор Гизо и консерватор скорее традиционалистского типа Меттерних оказались открытыми для диалога, хотя в вопросах концептуальных и в вопросах практической политики определенные противоречия между ними, безусловно, оставались. «Мы располагаемся в разных точках горизонта, — писал министр канцлеру 18 мая 1847 г., — но мы живем в том же самом горизонте. В основе всех проблем вы видите социальный вопрос. Я, как и вы, тоже озабочен им. Наши общества не находятся в состоянии упадка, тем не менее сейчас наблюдается такое совпадение обстоятельств, какого еще не встречалось в мировой истории». Современные общества, полагал Гизо, «пребывают одновременно в состоянии развития и дезорганизации; они полны жизненных сил и в то же время становятся добычей зла, смертельного и жестокого, духа анархии»<sup>81</sup>. Исходя из этого, продолжал Гизо, «мы боремся, как я с гордостью верю, за то, чтобы предотвратить данное зло или одолеть его. Вот в чем суть нашего союза». Особенно приятно звучали для Клеменса такие слова его заочного собеседника: «То, что нам нужно, это не те или иные дипломатические сближения на основе тех или иных комбинаций, а одна-единственная практическая политика, политика европейского концерта. Нет каких-то двух политик порядка и сохранения»<sup>82</sup>.

И политический анализ Гизо фактически совпадал с меттерниховским: «В нашей Франции налицо два враждебных течения: одно поверхностное и еще революционное в своих проявлениях; другое — глубинное и в своей реальности решительно консервативное». Франция, уверяет Гизо Меттерниха, настроена на серьезную борьбу против духа революции и анархии как в Западной, так и в Восточной Европе. Интересы Франции находятся в гармонии с интересами Европы, а в особенности Австрии. Необходимо взаимное доверие. «Мне приятно видеть, мой князь, — пишет французский министр, — что вы также испытываете подобное доверие. Я счастлив, что вы так хорошо думаете обо мне. Я надеюсь, что длительная практика наших доверительных отношений укрепит вас в доверии и в добром мнении. Такая практика — пробный камень всех вещей»<sup>83</sup>.

Отвечая Гизо (15 июля 1847 г.), Меттерних вновь указывает на приоритет «социального вопроса»: «Политические игры... не отвечают на запросы времени; я фактически консерватор-социалист»<sup>84</sup>. Делая столь экстравагантное заявление, князь был совершенно искренен. Ведь он всегда подчеркивал органическую связь между тронem и народом. Разве события в Галиции не свидетельствовали о том, что крестьяне горой стоят за своего императора? Отсюда следует, что в империи, по убеждению канцлера, социальный вопрос решается правильно. Консерватором-социалистом Меттерних считал себя исходя фактически из патриархально-имперских воззрений. Суверен должен заботиться о благе своих подданных, обеспечении их самых насущных материальных интересов, соблюдении того скудного набора прав, которыми они были наделены.

Выступать под таким флагом канцлера побуждало также отрицательное от-

ношение к политическим реформам. Если еще можно согласиться с какими-то мерами по улучшению благосостояния низов, то сколько-нибудь серьезное реформирование политического устройства, с точки зрения «консерватора-социалиста», совершенно неприемлемо. Оно нарушает эквilibр, несовместимо с состоянием покоя.

«Продвигаясь в консервативном направлении, Франция, — заверяет Меттерних Гизо, — обязательно встретится с Австрией; и эта встреча станет залогом общего покоя»<sup>85</sup>. «Вы, месье, — обращается Клеменс к Гизо, — выполняете великую и благородную задачу обеспечения покоя Франции», — столь высокопарно он воздает хвалу своему французскому адресату. Далее тон его обретает привычный назидательный оттенок: «Покой великого государства не может быть изолированным фактом. Чтобы он стал полным, его необходимо подкрепить общим покоем»<sup>86</sup>. «Вы всегда можете рассчитывать на мою волю к сотрудничеству... и мне хотелось бы заверить вас в том, что я испытываю удовлетворение, соединяя для достижения столь важной цели мои собственные усилия с вашими»<sup>87</sup>, — так завершает Клеменс свое послание Гизо, и надо признать, что его слова не были просто оборотом вежливости.

В 40-х гг. у Австрии и Франции начинает выявляться еще одна область согласия, еще один общий интерес. И ту и другую державу беспокоит усиление Пруссии. Их страшит перспектива возникновения на месте федерации из многих разнокалиберных государств централизованной могучей державы. В предназначенной и для Гизо депеше Аппоньи (10 марта 1847 г.) Меттерних в очень осторожных выражениях говорит о наличии общих интересов у Австрии и Франции в германских делах, а именно: поддержка федерального принципа в противовес централизации<sup>88</sup>.

Политика политической, но меломан Клеменс в специальном послании Аппоньи (20 февраля 1846 г.) интересуется судьбой знаменитого композитора Гаэтано Доницетти, попавшего в Париже в трудную жизненную ситуацию. «Потеря Доницетти, — обеспокоен князь, высоко ценивший его творчество, — была бы невосполнимой для театров».

Сближение Клеменса с Гизо было гораздо интенсивнее в сфере духа, чем в политической практике. Во время краковских событий Меттерниху пришлось довольствоваться весьма законспирированными уверениями последнего в непротивлении публично протестовавших французов. Насколько ограниченными были возможности реального политического сотрудничества между Габсбургской империей и Июльской монархией, свидетельствовал швейцарский эпизод, который представлял собой одно из предвестий революционной волны 1848–1849 гг.

Как и Краковская республика, Швейцария вызывала крайнее раздражение австрийского канцлера, потому что в еще большей мере, чем вольный город, стала приютом для европейских революционеров всякого толка. Более всего Меттерних опасался за Италию и Германию, с которыми соседствовала свободлюбивая альпийская республика.

Между тем в ней назревала острая схватка между традиционалистско-консервативными, католическими и либеральными протестантскими кантонами. Семь католических кантонов объединились в Зондербунд, некоторые из них демонстративно распахнули свои границы для иезуитов. Осенью 1847 г. начались военные действия.

Главный архитектор Венской системы опять оказался в трудном положении. Ведь заключительный акт конгресса гарантировал целостность и нейтралитет Швейцарского федеративного государства, состоявшего из 22 кантонов. Ради правового обоснования вмешательства в швейцарские дела Клеменс ссылался на то, что гарантии неприкосновенности нейтралитета имеют силу только при условии соблюдения суверенных прав кантонов. Тот факт, что либеральные кантоны выступили против иезуитов, интерпретировался канцлером как нарушение суверенитета католических кантонов и тем самым давал повод интервенции.

Но, как обычно, Меттерних не торопился. Согласно его планам предполагалась не единоличная австрийская акция, а имелись в виду коллективные действия в защиту акта 1815 г. Князь уже успел успешно «вытеснить» из памяти недавний краковский инцидент. Но и теперь позиция его, мягко говоря, выглядела сомнительной. Хотя он здесь предстал в качестве защитника конституционных прав кантонов, но ценой нарушения целостности и нейтралитета Швейцарии.

И все же послать войска на помощь мятежным консервативным кантонам канцлер не решился. В ответ на просьбу Зондербунда он направил в Швейцарию опытного военного, князя Фридриха Шварценберга, не упускавшего случая сразиться с ненавистными либералами в любой части Европы. В частности, тот успел повоевать за консервативное дело в Испании<sup>89</sup>. Несмотря на явное охлаждение, «старые друзья» Пруссия и Россия безоговорочно поддержали Меттерниха, но новый друг, Гизо, зайти так далеко не мог.

«Французское правительство, — констатировал канцлер, — оказалось в мучительной ситуации. Оно пытается сочетать консерватизм с разрушительными элементами»<sup>90</sup>. Опять идет речь о европейском кризисе. Это слово фигурирует почти в каждой депеше Меттерниха. «Я по своему духу и характеру ни пессимист, ни оптимист, — пишет он Аппоньи в июне 1847 г. в контексте швейцарских событий, — я спокойный и терпеливый наблюдатель за действующими и, в особенности, за движущими силами... Мне ясно, что мир переживает огромные изменения»<sup>91</sup>. В конечном счете все это, по убеждению князя, — плоды Июльской революции. Главная причина кризисной ситуации — абсолютная слабость французского правительства. Луи-Филиппа и Гизо он сравнивает с плохими фонарями, которые не столько светят, сколько искрят. «Невозможно идти вместе с Францией, — жалуется Клеменс, — потому что она не может идти уверенно»<sup>92</sup>.

Пока Меттерних предпринимал усилия с целью организации против швейцарских либералов коллективной акции в стиле Священного союза, Зондербунд



был разбит 23 ноября 1847 г. в сражении при Гисликоне. По инерции канцлер попытался созвать международную конференцию, надеясь смягчить последствия сражения, но в его действиях уже можно уловить ощущение обреченности. «Во Франции привыкли к триумфам либерализма»<sup>93</sup>, — с горечью пишет он в очередной депеше Аппоньи 29 декабря 1847 г. «С другой стороны, — сетует Меттерних, — во Франции настолько убеждены в обскурантизме Австрии и ее абсолютизме, что публике там трудно понять, как французское правительство могло бы сойтись с имперским правительством на какой-то иной почве, чем напряженное моральное противостояние и активное соперничество»<sup>94</sup>.

Клеменс подчеркивает высокие личные качества Гизо, свое доверие к нему: «Я не ставлю под сомнение ни его намерения, ни силу его характера. Он не обманывается насчет зла, которое захватило Швейцарию и неотвратимо распространится по Европе, если оно не будет подавлено консервативными силами, еще сохранившимися в Европе»<sup>95</sup>.

Однако князю вновь пришлось ощутить пределы австро-французского сотрудничества. К большому разочарованию Меттерниха, Гизо уклонился от участия в конференции, которую канцлер планировал для того, чтобы оказать давление на швейцарских либералов. Конечно, появление французских войск вряд ли обрадовало бы князя, опасавшегося за итальянские владения Австрии, но даже просто угроза со стороны государства, в котором европейские либералы по привычке видели своего союзника, могла бы оказать неоценимую морально-политическую поддержку Австрии.

Одной из главных причин сдержанности французского министра Меттерних считал остаточное влияние фактически развалившейся англо-французской антанты в сочетании с искусной дипломатической игрой Пальмерстона. Сказывалась и позиция короля Луи-Филиппа, в данном случае, на взгляд Клеменса, эгоистичная и трусливая<sup>96</sup>.

В конце концов в январе 1848 г. Австрия и Франция все же осуществили дипломатический демарш, но швейцарский сейм его решительно отверг. И почти сразу же разразилась очередная французская революция, а вслед за ней и австрийская. Да и сами дипломатические протесты этих держав носили скорее платонический характер. Еще в начале декабря 1847 г. австрийский канцлер признавал, что ход вещей уже не остановить и «задачей может быть только извлечение из допущенных ошибок максимально полезного урока на будущее»<sup>97</sup>. Клеменс не мог представить себе, что будущего у него как политического лидера империи уже не было.

---

<sup>1</sup> NP. Bd. 6. S. 443.

<sup>2</sup> Ibid. S. 555.

<sup>3</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 409–410.

<sup>4</sup> NP. Bd. 7. S. 80.

<sup>5</sup> Ibid. Bd. 6. S. 511.

<sup>6</sup> Ibid. S. 522.

<sup>7</sup> Ibidem.

<sup>8</sup> Ibid. S. 523.

- <sup>9</sup> Ibid. S. 264.
- <sup>10</sup> Maximen des Fürsten Metternich. S. 33.
- <sup>11</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G., de. Metternich. P. 456.
- <sup>12</sup> NP. Bd. 6. S. 478.
- <sup>13</sup> Ibid. S. 531.
- <sup>14</sup> Ibid. S. 532.
- <sup>15</sup> Ibid. S. 540.
- <sup>16</sup> Ibid. S. 543.
- <sup>17</sup> Ibid. S. 543–544.
- <sup>18</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. Bd. II. S. 88.
- <sup>19</sup> История XIX века. М., 1938. Т. 4. С. 87.
- <sup>20</sup> NP. Bd. 6. S. 677.
- <sup>21</sup> Ibid. Bd. 7. S. 98.
- <sup>22</sup> Ibidem.
- <sup>23</sup> Ibid. S. 133–134.
- <sup>24</sup> Цит. по: История XIX века. Т. 4. С. 87.
- <sup>25</sup> NP. Bd. 7. S. 369.
- <sup>26</sup> Ibid. S. 376.
- <sup>27</sup> Ibid. S. 373.
- <sup>28</sup> Bibl V. Metternich. Der Dämon Österreich. S. 269.
- <sup>29</sup> NP. Bd. 7. S. 374.
- <sup>30</sup> Ibid. S. 371.
- <sup>31</sup> Maximen des Fürsten Metternich. S. 123.
- <sup>32</sup> NP. Bd. 6. S. 545.
- <sup>33</sup> Ibid. S. 597.
- <sup>34</sup> Ibidem.
- <sup>35</sup> Ibidem.
- <sup>36</sup> NP. Bd. 6. S. 547.
- <sup>37</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 414–415.
- <sup>38</sup> Ibid. S. 415.
- <sup>39</sup> Ibid. S. 419.
- <sup>40</sup> Ibid. S. 415.
- <sup>41</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 138.
- <sup>42</sup> NP. Bd. 7. S. 7.
- <sup>43</sup> Цит. по: Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. С. 583.
- <sup>44</sup> Там же. С. 584.
- <sup>45</sup> NP. Bd. 7. S. 83.
- <sup>46</sup> Ibid. S. 84.
- <sup>47</sup> Ibidem.
- <sup>48</sup> Ibid. S. 141.
- <sup>49</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. Op. cit. S. 138–139.
- <sup>50</sup> Ibid. S. 150.
- <sup>51</sup> Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. С. 92.
- <sup>52</sup> Там же. С. 107.
- <sup>53</sup> Там же.
- <sup>54</sup> NP. Bd. 7. S. 143.
- <sup>55</sup> Татищев С. С. Указ. соч. С. 107–108.
- <sup>56</sup> NP. Bd. 7. S. 145.
- <sup>57</sup> Ibid. S. 164.
- <sup>58</sup> Ibid. S. 167.
- <sup>59</sup> Ibid. S. 197.
- <sup>60</sup> История Польши. М., 1955. Т. II. С. 18.
- <sup>61</sup> Цит. по: Bibl V. Op. cit. S. 324–325.
- <sup>62</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 152.
- <sup>63</sup> История Польши. Т. II. С. 17.
- <sup>64</sup> NP. Bd. 7. S. 226.
- <sup>65</sup> Ibid. S. 188.
- <sup>66</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 155.
- <sup>67</sup> Ibid. S. 156.
- <sup>68</sup> Цит. по: Bibl V. Op. cit. S. 326.

- <sup>66</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 139.
- <sup>67</sup> NP. Bd. 6. S. 401–402.
- <sup>68</sup> Ibid. S. 402.
- <sup>69</sup> Ibidem.
- <sup>70</sup> Ibidem.
- <sup>71</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G., de. Metternich et son temps. P. 251.
- <sup>72</sup> Ibid. P. 251–252.
- <sup>73</sup> NP. Bd. 7. S. 160.
- <sup>74</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G., de. Op. cit. P. 260.
- <sup>75</sup> Фарз Э. Политические мыслители и моралисты первой трети XIX века. М., 1900. С. 186.
- <sup>76</sup> Там же. С. 197.
- <sup>77</sup> Там же. С. 196.
- <sup>78</sup> NP. Bd. 7. S. 395–396.
- <sup>79</sup> Ibid. S. 396.
- <sup>80</sup> Ibidem.
- <sup>81</sup> Ibid. S. 397.
- <sup>82</sup> Ibid. S. 398.
- <sup>83</sup> Ibid. S. 399.
- <sup>84</sup> Ibidem.
- <sup>85</sup> Ibid. S. 371.
- <sup>86</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 166.
- <sup>87</sup> NP. Bd. 7. S. 326.
- <sup>88</sup> Ibid. S. 328.
- <sup>89</sup> Ibid. S. 329.
- <sup>90</sup> Ibid. S. 350.
- <sup>91</sup> Ibid. S. 350–351.
- <sup>92</sup> Ibid. S. 351.
- <sup>93</sup> Ibid. S. 458.
- <sup>94</sup> Ibid. S. 506.

## ГЛАВА XI. «ПРОФЕССОР» МЕТТЕРНИХ

### I

Семейство Меттернихов встречало 1848 год в мрачном настроении. «Этот год начинается не очень утешительно»<sup>1</sup>, — такими словами открывается дневник Мелани 1 января 1848 г. «Предстоящий год, — пишет 2 января сам Клеменс, — окажется самым хаотичным из всех, какие мне довелось пережить в качестве наблюдателя и действующего лица на мировой сцене»<sup>2</sup>. Тут же князь излагает свое понимание сложившейся ситуации. На его взгляд, приходится сталкиваться с двумя типами вопросов — социальными и политическими. Различия между ними фундаментальны; хотя и существует много точек соприкосновения. Европа вступила в стадию движения, обусловленного политическими интересами. Ему присущи и социальные ценности. Будучи же социальным, движение не может не стать борьбой, а она в свою очередь порождает жаждущих сразиться. В битве сошлись три лагеря: консервативный, либеральный и радикальный. Но в конечном счете консервативным силам придется иметь дело с радикализмом, поскольку он представляет собой нечто телесное, тогда как либерализм скорее призрак<sup>3</sup>.

Однако сетования на трудные времена, прогнозы насчет грядущих революционных потрясений в той или иной дозе прочно вошли в княжеский обиход, стали ритуальными. И хотя степень обеспокоенности Клеменса гораздо выше обычного, тем не менее его пророчества более напоминают заклинания, нежели политические прогнозы. Вплоть до февральских событий в Париже у него в глубине души, по-видимому, таилась надежда, что и на этот раз пронесет.

22 февраля Париж пришел в движение. Началась манифестация, достигла апогея банкетная кампания за избирательную реформу. На другой день пал отвергавший уступки Гизо. Но Луи-Филиппа это уже не спасло. Под натиском восставших республиканцев в ночь с 23 на 24 февраля он отрекся от престола. Монарху, носившему титул «короля баррикад», на сей раз пришлось капитулировать перед баррикадами.

Революция, начавшаяся во Франции, для остальной Европы сыграла роль мощного детонатора. Но она едва ли могла послужить непосредственным образом: Франция в политическом отношении ушла далеко вперед по сравнению с большинством стран континентальной Европы. Французы довершали то, что начали в 1789 г., тогда как ни Пруссия, ни Германский союз, ни Австрия еще не имели опыта революции. Во Франции уже довольно громко зая-

вило о своих притязаниях четвертое сословие, рабочий класс, который выступил в июне 1848 г. против буржуазии как таковой.

«Взгляните на то, — говорил в своей знаменитой речи 27 января 1848 г. в палате депутатов А. де Токвиль, — что происходит в рабочем классе, который в данный момент спокоен. Правда, политические страсти не терзают его в той же степени, что и в прошлом. Но разве вы не видите, что эти страсти из политических стали социальными?.. Разве вы не слышите участвовавших разговоров, что распределение благ несправедливо и что собственность основана на неверных принципах? Разве вы не понимаете, что когда такие мнения глубоко проникают в массы, то рано или поздно они приведут к грозным революциям»<sup>4</sup>.

Сам Токвиль не ожидал, что его пророчество насчет революции сбудется так скоро. Правда, начали ее не рабочие, а буржуазные либералы и радикалы, интеллигенция, студенчество. Либеральная парламентская система находилась еще в процессе становления, избирательный корпус был ограничен избирательным цензом и в 1847 г. насчитывал всего 240 тыс. человек. Когда же 5 марта 1848 г. вступил в силу декрет о всеобщем избирательном праве, то количество избирателей сразу достигло 9 миллионов.

Но дело было не только в этом. Страна, познавшая великую славу в наполеоновскую эпоху, болезненно воспринимала падение своего престижа на международной арене. По убеждению многих французов, прозаический король-буржуа слишком долго засиделся на троне. Как сказал известный поэт и будущий республиканский министр А. Ламартин: «Франция скучала»<sup>5</sup>. Было бы преувеличением усматривать в этой эффектной фразе ключ к Французской революции 1848 г., но в определенной мере она тоже раскрывает одну причину, и притом немаловажную.

На сей раз самый сильный резонанс парижские события вызвали в консервативных монархиях и Германском союзе. Синхронностью революционных потрясений здесь были во многом обязаны главному борцу против революций австрийскому канцлеру князю Меттерниху. Благодаря его усилиям здесь подерживалось довольно равномерное социально-политическое пространство. Хотя хватка князя ослабла и паутина изрядно прохудилась, но сохранялась сила инерции; Меттерних продолжал оставаться живым символом всего того, что отвергали либерально и националистически настроенные слои населения. Не обошлось и без демонизации его фигуры. Во всяком случае в Австрии ненависть к нему стала, пожалуй, общим знаменателем для всех течений, оппозиционных власти.

Говорить о революции в государстве Габсбургов трудно уже потому, что в каждом из больших владений короны она имела специфический характер. Что же касается непосредственно Австрии или, еще уже, — Вены, то там все выглядело весьма своеобразно. По словам знатока новой истории Австрии Г. Л. Миколецки, «истоки мартовской революции не очень отчетливы, и первоначально она коренилась в идеалах». Ее по праву называли революцией «общественного мнения»<sup>6</sup>. Ведущую роль в ее подготовке сыграли литераторы, которые,

вопреки цензуре, оказывали сильное воздействие на настроения в обществе: от посетителей кафе до завсегдатаев аристократических салонов.

Но наибольшей убойной силой отличались не книги, газетные и журнальные статьи, а прежде всего анекдоты, эпиграммы и просто остроты, распространявшиеся по бесчисленным и неподконтрольным властям каналам «пропаганды шепотом». Среди авторов «крылатых выражений» называли таких крупных поэтов, писателей и публицистов (часто все это совмещалось в одном лице), как Франц Грильпарцер, Николаус Ленау, Анастасиус Грюн (псевдоним графа Антона Ауэрсперга), Генрих Лаубе.

Огромной популярностью пользовался поэт и драматург-комедиограф Эдуард фон Бауэрнфельд. «Бауэрнфельд благодаря своему злому языку в один час успевал сделать больше, чем дюжина запрещенных брошюр в течение года»<sup>7</sup>, — так оценивал влияние этого литератора один из современников.

Чрезвычайно колоритной фигурой был актер-комик и вместе с тем литератор Иоган Нестрой. Незаурядное комедийное мастерство еще больше расцветило его шутки и анекдоты, допекавшие сильных мира сего.

Как и в 1830 г., князь получил известия о революционных событиях в Париже от Ротшильдов, пользовавшихся телеграфом. «Все кончено!» — такова была его первоначальная реакция на весть о падении Луи-Филиппа и Гизо. Шока на сей раз он не испытал, видимо, потому, что известие не было для него столь неожиданным.

Противоречивыми чувствами охвачена и Мелани. Для нее Луи-Филипп оставался нелегитимным монархом. Она не раз демонстрировала свою неприязнь к Орлеанской династии. В ее свержении княгиня видела возмездие, но в то же время испытывала к жертве революции что-то вроде сочувствия: «Божественная справедливость ужасна»<sup>8</sup>.

Клеменс резонерствует, повторяя стандартные обвинения против Луи-Филиппа: своим потворством либералам король способствовал победе радикалов. «Европа вернулась к 1791 и 1792 гг.!» — восклицает он. Затем князь ставит вопрос: «Не дойдет ли дело до 1793 г.?»<sup>9</sup> Об этом речь идет в письме Фикельмону (1 марта). В тот же день в письме прусскому генералу Каницу он несколько заостряет мысль: «Сегодня Европа стоит перед 1793 г., но тогда она была менее восприимчива к болезни, губящей Францию»<sup>10</sup>.

Крах Луи-Филиппа более чем убедительно показал, что политика «золотой середины» не в силах противостоять радикализму. Это широко разветвленный международный заговор против существующего порядка вещей. В свое время многие правительства сумели объединиться против него и одержали над ним немало побед. Теперь же рассчитывать на солидарную международную акцию не приходится.

Не оправдались надежды на Пруссию. 4 марта Меттерних встречался с доверенным посланцем Фридриха Вильгельма IV генералом Радовицем. Переговоры шли о совместных действиях в случае угрозы со стороны революционной Франции. Воспользовавшись ситуацией, Пруссия предложила на переговорах

реформу Германского союза с целью повышения в нем собственного статуса. В конце концов австрийский канцлер был вынужден уступить и согласиться на созыв некоего Союзного собрания.

Для него сейчас главное — как можно скорее провести мобилизацию войск германских государств. Время не терпит, под южно-германскими государствами уже шатаются троны. Канцлер предостерегает их от каких бы то ни было уступок, вдохновляет на противостояние революционной волне.

Меттерних выступает также за проведение конференции послов Австрии, Пруссии, России и Англии вместе с представителем Германского союза, чтобы обсудить возможные меры против угрозы, исходящей от революционной Франции. Клеменс даже согласен на Лондон, лишь бы только конференция состоялась и Пальмерстон пообещал бы не вмешиваться в итальянские дела.

Но британский министр не намерен подыгрывать своему злейшему врагу. Теперь пришел его время отплатить Меттерниху за высокомерные поучения. Бывший тори не без ехидства преподал князю урок консерватизма в британском стиле. Хотя он обращался к австрийскому послу графу Дитрихштейну, но слова его предназначались канцлеру: «Упрямо держась за политический статус-кво в Европе, князь Меттерних считает себя хранителем существующего порядка вещей. Мы же, напротив, осознаем себя консерваторами, вследствие того что мы рекомендуем идти на уступки, реформы и улучшения везде, где общественное мнение требует того и считает это необходимым. Вы же повсюду их отвергаете. Когда у вас покой и порядок, вы объявляете уступки бесполезными. Вы отвергаете их и в моменты возбуждения и возмущения, чтобы не ослаблять власть и не создавать впечатления, что вы отступаете под нажимом. Вы упорно отвергаете все, чего требует общественное мнение вашей страны и стран, на которые распространяется ваше влияние и которые находятся под вашим покровительством... Нет, консерватизм отнюдь не означает неподвижности»<sup>11</sup>.

Прусский король все больше увязает в своих собственных проблемах. Огонь революции подбирается и к Берлину. Фридриху Вильгельму впору самому просить помощи.

Остается только российский император. И он не заставил себя долго ждать. Его «строгая и благородная речь, — пишет Мелани, — подлинный бальзам на наши раны»<sup>12</sup>. Николай I недвусмысленно дал понять лорду Пальмерстону, что он выступает в качестве гаранта статус-кво в Италии. Это означало, что он брал на себя ту же роль и относительно австрийских владений на Апеннинском полуострове. Для Меттерниха это было чрезвычайно важно на случай вмешательства революционной Франции на стороне итальянцев, выступавших за национальную независимость и либеральные преобразования.

Российский император пообещал также займ на 6 млн рублей. Он выразил готовность через три месяца отправить в помощь союзникам 35 тыс. солдат. В свою очередь он потребовал от Фридриха Вильгельма IV мобилизовать силы Пруссии и Германского союза, так как Австрия едва ли способна на что-либо

более, кроме защиты своих итальянских владений, левого фланга альянса северных держав. «Будь спасителем Германии и доброго дела, смело держись на высоте положения и не уклоняйся от задачи, которая предопределена тебе Провидением»<sup>13</sup>, — по-родственному подбадривал Николай I прусского короля. На Австрию российский император не очень рассчитывал.

Между тем в мартовские дни 1848 г. почва уходит из-под ног германских государств. «Вести из Германии, — записывает Мелани, — становятся все хуже; в подлинном смысле слова Германии больше нет, потому что владетельные господа пошли на уступки, а после этого их стали изгонять. Сегодня нервы так напряжены, что требуются сверхчеловеческие моральные силы, чтобы не поддаться крайнему раздражению»<sup>14</sup>. Не оправдал ожиданий Николая I и Фридрих Вильгельм IV. Король все время колеблется между рекомендованными ему царем решительными мерами и готовностью пойти на уступки.

Под мощным прессом оказался и сам Меттерних. Еще 3 марта лидер венгерских радикалов Л. Кошут потребовал конституции для империи и права на создание собственного правительства для Венгрии. 4 марта получило конституцию Сардинское королевство. 11 марта чехи потребовали полного равноправия с немецкой нацией. Пошла настоящая цепная реакция.

Со всех сторон Меттерниху советуют идти на уступки. Старый, правда не любимый, сотрудник барон Вессенберг буквально заклинал канцлера: реформы сверху еще могут предотвратить революцию. Супруг королевы Виктории принц Альберт и бельгийский король Леопольд тоже склоняют князя попытаться снять напряжение с помощью уступок. «Кто в такое время не желает проводить реформы, тот получает революцию»<sup>15</sup>, — изрек убежденный монархист, воспитатель наследного принца Франца Иосифа Ярке.

В Вене началась «петиционная лихорадка». Петиции чаще всего адресовались членам императорского семейства. Активизировались различные объединения, союзы и кружки (ферейны), а также представители сословий. Наряду со свободой слова, печати, преподавания они требуют создания представительных органов. Пришло в движение гражданское общество, развитие которого политика Меттерниха лишь притормозила, но не смогла остановить. Поистине вездесущими оказались венские студенты. Именно их усилиями во многом поддерживался высокий тонус общественной активности.

Клеменс верен себе. Он сохраняет удивительное спокойствие и самообладание. Видимо, еще и потому, что не способен оценить качественно новые черты ситуации. К событиям 1848 г. он подходит, опираясь исключительно на прошлый опыт, на апробированные тактические методы. Несмотря на бурный темп развития событий, он считает, что не следует торопиться; нужно дать ситуации «созреть». В конце концов сами революционеры перегрызутся друг с другом, как это уже не раз бывало в прошлом. Проводить реформы под давлением улицы — это все равно что подбрасывать хворост в огонь.

С Меттернихом солидарен его старый соратник, шеф полиции Седльницкий. Так, утром 12 марта он убеждает Мелани, что ничего не произойдет. Оп-



тимизм излучает «Венская газета»: император, по ее уверениям, может рассчитывать «на доверие и мощное содействие верных сословий своей империи, как всех классов верноподданных, в сердцах которых заложена приверженность к законопорядку и которые даже в столь бурное время сохранили способность учитывать последствия, к коим неизбежно привел бы противоположный путь»<sup>16</sup>. До последнего момента князь был уверен, что «добродушные венцы не способны на серьезную революцию»<sup>17</sup>. Между двенадцатью и часом дня 13 марта Мелани еще шутила насчет «венских мятежников». Полиция и военные были уверены в себе. Тем более что в Вене сконцентрировались значительные силы для отправки в Италию.

Между тем венцы в предчувствии событий, но без каких-то конкретных намерений заполнили улицы. По свидетельствам очевидцев, преобладала «порядочная», элегантно одетая публика. Людские потоки стекались к резиденции канцлера на Бальхаузплац. Хотя толпу подогревали импровизированные ораторы, настроение было довольно миролюбивое. Один из участников событий позже признавался: «Было бы настоящим несчастьем, если бы утром не раздались выстрелы. Если мы хотели покончить с абсолютизмом, нужно было стрелять, иначе все осталось бы по-старому»<sup>18</sup>.

И выстрелы прозвучали. Когда военные попытались очистить от собравшихся Херренгассе, возникла стычка, в которой четыре человека были убиты. Толпа вскипела от возмущения. Из пригородов подтянулись решительно настроенные рабочие. Дело начало принимать нешуточный оборот.

Между тем Меттерних продолжал сохранять полное спокойствие. «Наконец болезнь вышла наружу», — так прокомментировал он происходящее. Выбраться из госканцелярии он смог только под защитой солдат, сопровождаемый возмущенными и насмешливыми возгласами венцев. Князь отправился в Хофбург, где находился эрцгерцог Людвиг.

Императорское семейство, поощряемое графом Коловратом, решило, что пришло время посчитаться с человеком, который причинил его членам так много вреда. Ему припомнили все: сорванные и навязанные браки, вмешательство в решение вопроса о престолонаследии, унижительный для эрцгерцогов и эрцгерцогинь «статут» и многое другое, накопившееся за 39 лет его деятельности.

Наконец представился случай одним махом убить двух зайцев: попытаться улажить народ и избавиться от ненавистного опекуна. К тому же обнадеживающим фактом стало известие о том, что запрудившие улицы горожане, требуя отставки канцлера, радостно приветствовали эрцгерцогиню Софию и ее мужа Франца Карла, который считался наследником престола. Благосклонностью и сочувствием венцев пользовался и слабоумный император Фердинанд. Фаворитом либеральных кругов был эрцгерцог Иоанн, давний и заклятый враг Меттерниха. Именно он и сыграл главную роль в свержении «вечного» канцлера.

На двух семейных советах Габсбурги приняли решение избавиться от рейнландца. Упирался лишь привыкший плыть в меттерниховском фарватере эрцгерцог Людвиг. Однако Иоанну удалось привлечь на свою сторону энергичную

Софию. Ведь это ее мужа Франца Карла Меттерних отстранил от престола. Сейчас ее уже не устраивало даже и согласие канцлера на то, чтобы ее сын Франц Иосиф взошел на императорский трон 18 августа 1848 г. по достижении совершеннолетия.

По обыкновению элегантно одетый, решительно настроенный князь явился в Хофбург под вечер. Его позиция: никаких уступок, в противном случае через несколько месяцев возникнет республика. К чему приводят уступки, можно видеть на примере судьбы Луи-Филиппа. В Вене достаточно военной силы, чтобы разогнать «чернь».

Обстановка в столице тем временем накалялась. Воздвигались баррикады, звучали пламенные речи. Инициатива была у студентов и рабочих из пригородов. Разгрому и грабежу подверглась только что построенная вилла Меттерниха в Реннвеге. Различные депутации требуют отставки канцлера. Эрцгерцог Людвиг по-прежнему на его стороне.

Удостоверившись в этом, Меттерних направляется в императорский дворец, где собрались Габсбурги. Но именно там, а не на улицах Вены, его и подстерегал самый тяжелый удар.

Несмотря на исходившие отовсюду требования о его отставке, Меттерних утверждал, что происходящее не революция, а дело черни и иностранцев. Но, пожалуй, самым весомым аргументом противников канцлера из императорского семейства стал ультиматум только что созданной гражданской гвардии, в котором был четко обусловлен срок отставки Меттерниха. До его истечения оставалось два часа. Это время и предоставили Клеменсу на размышления.

О последних часах канцлерства Меттерниха известно из нескольких источников. Одним из них является письмо, своего рода репортаж, французского посла графа Флао, адресованное княгине Ливен. Если Доротея и хотела насладиться унижением бывшего возлюбленного, то ее постигло разочарование. Клеменс с достоинством покинул сцену, где столько лет играл первые роли.

Через полтора часа из двух, отведенных князю, не выдержали нервы у эрцгерцога Иоанна. Вместе с Коловратом, он стал торопить канцлера: «Князь, у нас остается полчаса, а мы еще не договорились, что ответить народу». «Ваше императорское величество, — вступил Коловрат, — я уже двадцать пять лет заседаю в Конференции с князем Меттернихом, и всегда только слушал, как он говорил, фактически ничего не делая». На это эрцгерцог жестко заявил: «Теперь нельзя медлить. Вы же знаете, князь, народные главари требуют вашего ухода»<sup>19</sup>.

Не теряя спокойствия, Меттерних сослался на присягу, принесенную им кайзеру Францу I. Ведь он обещал покойному не оставлять своим попечением его сына. Но если императорская семья и сам кайзер Фердинанд того пожелают, он подает в отставку. Семейство устами эрцгерцога Иоанна незамедлительно выразило такое желание. К нему присовокупил свой голос и Фердинанд: «В конце концов я суверен и так решил. Скажите народу, что я со всем согласен»<sup>20</sup>. Сам он, правда, отсутствовал. Его слова князю передали. В 9 часов вечера Меттерних объявил о своей отставке.

Наступила разрядка. Все присутствующие, разумеется, кроме одного, испытали невыразимое облегчение. Всем казалось, что с уходом человека, в котором персонафицировался прежний порядок, все само собой образуется. «Теперь наступит покой и порядок», — выразил общее настроение один из присутствовавших. Князь пожелал всем успеха, но усомнился в том, что он будет скоро достигнут. Даже эрцгерцог Иоанн признал, что в столь драматической ситуации Меттерних вел себя в «высшей степени благородно»<sup>21</sup>.

Все наперебой благодарили Клеменса за принесенную им с таким достоинством жертву. На это он холодно ответил: «Исполнение обязанности — это не жертва. Коль скоро мое пребывание на службе стали рассматривать как препятствие к восстановлению покоя, мой долг вернуть мое ведомство в руки Его Величества»<sup>22</sup>.

Вскоре появился боевой генерал князь Альфред Виндишгрец, тот самый, с кем Клеменсу приходилось соперничать из-за Вильгельмины Саган. В отношениях между канцлером и генералом давно уже царили дружба и согласие. Генерал тоже был днем в Хофбурге, но покинул его, чтобы переодеться в военную форму.

Когда же Виндишгрец узнал о том, что произошло за последние несколько часов, он расценил все это как позорную капитуляцию. По его убеждению, толпу нужно было разогнать и силой навести порядок. Виндишгрец просил Меттерниха остаться в госканцелярии. Клеменс поблагодарил верного соратника, но не изменил своего вынужденного решения.

Покидая дворец, Меттерних посоветовал императрице Марии Анне передать всю полноту военной и гражданской власти Виндишгрецу. И действительно, именно ему было суждено сыграть решающую роль в подавлении революции. Пока же он уговорил напуганную императрицу не идти на немедленное отречение ее недееспособного мужа, а дождаться совершеннолетия сына Софии и Франца Карла.

Около 10 часов вечера Мелани узнала, что двор пошел на уступки и главная из них — отставка ее мужа. Вот ее реакция: «В первый момент я сочла это невозможным, умереть — да, но с честью. — Только не уступки! То, что произошло сегодня, кажется мне настолько подлым и низким, что мое первое чувство — стыд за нашу несчастную монархию перед Европой, перед всем миром»<sup>23</sup>. По ее словам, Клеменс после отставки совершенно спокоен и «почти счастлив». Мелани приводит слова мужа: «Слава Богу! Я не имею ничего общего с тем, что творится. Крушение существующего неизбежно. Я бы не мог этому воспрепятствовать, потому что я в одиночестве и никем не поддержан. Я не мог бы избежать уступок, которые привели бы к разрушению, а теперь я свободен от позора одобрять их»<sup>24</sup>.

Отставка Меттерниха, как и следовало ожидать, лишь распалила массы. Революционеры почувствовали свою силу. Оставаться в Вене для князя становилось все более опасно. Отступившийся в конце концов от него 13 марта эрцгерцог Людвиг сказал экс-канцлеру, что не может гарантировать ему безопасность, и посоветовал покинуть Австрию.

Вокруг свергнутого и опального вельможи возникает нечто вроде полосы отчуждения. Лишь немногие из окружения князя отваживаются поддерживать его в это время. «Я не могу сказать, — писала тогда Мелани, — что только в эти дни я узнала неблагоприятность и зло. Я никогда не ставила высоко этих людей, но я не представляла себе, что они настолько низки. Как крысы бегут с тонущего корабля, так и многие напуганные друзья покинули нас»<sup>25</sup>.

Среди немногих сохранивших верность барон Клеменс фон Хюгель (незادачливый жених Мелани) и его брат Карл, а также барон Йошка и граф Рехберг. Пришли на помощь князь Алоиз Лихтенштейн и граф Людвиг Таафе.

Императорское семейство фактически отвернулось от экс-канцлера. Ему было отказано даже в деньгах на путевые расходы. Между тем у привыкшего жить на широкую ногу князя наличности вообще не оказалось. Выручил барон Соломон Ротшильд, быстро передавший через посредника тысячу дукатов<sup>26</sup>.

Почти никто из видных персон дипломатического ведомства не явился на прощальную церемонию в угловой зал госканцелярии. Присутствовали главным образом чиновники среднего уровня и служители. Некоторые из них со слезами целовали руки своему многолетнему патрону.

В тот же день, 14 марта, Клеменс пишет письма императору Николаю I и прусскому королю Фридриху Вильгельму IV. «Сир, Европа охвачена кризисом, который опережает политическое развитие, — писал он царю, — этот кризис имеет место в социальных организмах. Я предчувствовал подобный ход событий; я постоянно противоборствовал ему почти сорок лет в качестве министра. Остановить поток — это не в человеческих силах; все, что я смог сделать, — это сдерживать его»<sup>27</sup>.

Ответ царя последовал 4 апреля. «Ваша страна, — писал Николай I, — потеряла в вашем лице государственного деятеля, сначала вытаскившего ее из пропасти, а затем в течение более тридцати лет удерживавшего ее на том уровне политического величия, на какой ее удалось поднять»<sup>28</sup>.

Российский император не ограничился словами. Вскоре именно он окажет свергнутому канцлеру существенную финансовую помощь. Романтичный прусский король прослезился над посланием князя, но он с головой увяз в собственных проблемах; революция распространилась и на его страну.

Через своего преемника Фикельмона Клеменс передает Нессельроде письмо, где были такие строки: «Я провел жизнь, творя историю, мои последние возможности я использую для сбора материалов, чтобы написать историю такой, какой она была в действительности»<sup>29</sup>.

Кольцо вокруг Клеменса и Мелани все более и более сжималось. Отсиживаться было небезопасно. Свои замки предложили Рехберг и Лихтенштейн. Барон Йошка добыл для четы Меттернихов фальшивые документы. С большими предосторожностями они добрались до владений князя Лихтенштейна в Фельдсберге. Отставному государственному мужу оставалось лишь довольствоваться в своем укрытии известиями о том, что происходит в Вене, писать письма, напоминая о своем существовании.

Чтобы сохранить ориентацию в происходящем, князь просит Клеменса Хюгеля высылать ему из Вены ежедневную бульварную прессу. Особенно интересуют Меттерниха те издания, которые, по его словам, оказывают ему честь своими нападками на его персону и тем самым лишь марают себя. Интересно отметить, что сам Клеменс советует бывшему президенту бундестага графу Мюнх-Биллингхаузену (16 марта 1848 г.) как можно скорее создать ежедневную консервативную газету. Она, по замыслу князя, должна была бы представлять консервативный принцип, а не партию. Приступая к изданию, поучал Меттерних, не нужно помышлять о прибылях; цель такой газеты «чисто моральная»<sup>30</sup>.

Пребывание Меттернихов в гостеприимном замке Лихтенштейнов оказалось недолгим. Когда жители Фельдсберга прознали, кто гостит в княжеском замке, многие из них стали протестовать. Кончилось все требованием местных муниципальных властей, чтобы бывший канцлер покинул округу.

Вновь возникла мысль о Богемии. Крестьяне и рабочие Пласса были готовы защищать своего господина, однако вновь заартачилась местная администрация. Венским властям Меттерних был особенно неугоден. Для них он превратился в обузу.

Едва ли не единственным членом императорского семейства, отнесшимся с сочувствием к отставному канцлеру, был юный эрцгерцог Франц Иосиф, которому через несколько месяцев предстояло стать императором. В свое время Клеменс с удовольствием давал юноше уроки истории и политики. Скорее всего под давлением сына эрцгерцогиня София прислала 23 марта экс-канцлеру письмо со словами утешения. Письмо, правда, до такой степени было наполнено сетованиями эрцгерцогини по поводу собственных бед, что впору беглому семейству Меттернихов посочувствовать ей.

Дочь Клеменса и Элеонора Леонтина Шандор подала идею искать убежища в Англии. Добраться до острова оказалось непросто. Предстояло проехать по железной дороге через несколько стран. Для привыкшего к комфортному бытию князя, который приближался к 75-летию, и тяжело больной Мелани путешествие стало серьезным испытанием. Причем даже не столько из-за непривычных физических нагрузок, сколько из-за постоянного нервного напряжения. На охваченной революцией территории Австрийской империи отставной канцлер мог быть схвачен ненавидевшими его революционерами. Супругам пришлось пережить немало тревожных дней.

Так, 23 марта они, «крадучись подобно ворам» (по выражению Мелани)<sup>31</sup>, сошли с поезда на последней станции перед Прагой, где появляться было весьма рискованно. Затем пришлось платить тройную цену, чтобы продолжить путешествие на конной тяге. Добравшись в конце концов до Ольмюца, княжеская чета не обнаружила там слугу графа Рехберга, который должен был дожидаться их с деньгами.

Клеменс держался стойчески, сохранял спокойствие и доброе расположение духа, что служило утешением как обычно опекавшей его жене. В Теплиц Кле-

менс и Мелани прибыли с паспортами на имя фон Майеров. Тем не менее на вокзале их узнали, но встретили весьма почтительно. Раздался даже чей-то громкий приветственный возглас.

25 марта князь и княгиня добрались до Дрездена. Австрийский посланник снабдил их новыми паспортами на имя господина и госпожи Матье. Здесь же их нашел Клеменс Хюгель с ротшильдовским аккредитивом. До Лейпцига супругов сопровождал английский посланник при саксонском дворе Форбс.

Нетрудно представить настроение Клеменса, когда он в столь жалком качестве беглеца проезжал по местам своих былых триумфов. Слабым утешением мог, пожалуй, послужить эпизод, когда на постоялом дворе вблизи голландской границы его приняли за изгнанного короля<sup>32</sup>.

30 марта Меттернихи прибыли в Голландию. Князь немедленно поставил об этом в известность короля. На сей раз, естественно, не было торжественного приема. Но супруги наконец смогли отдохнуть. А 20 апреля Меттерних в третий раз в своей жизни ступил на берег Британии.

## II

**В**первые Клеменс побывал на острове двадцатилетним фанфаронистым юнцом с непомерными, но весьма неопределенными амбициями. Хотя позже он и уверял, что уже тогда начал изучать политическую жизнь Англии, на самом же деле его гораздо больше привлекали прелести жизни «веселой старой Англии».

Вторично Клеменс высадился на Альбионе в составе венценосновельможного десанта, в качестве «министра иностранных дел Европы», праздновавшей победу над Наполеоном. Тогда он чрезвычайно искусно провел важную дипломатическую партию, навсегда очаровал принца-регента, будущего Георга IV.

На сей раз он оказался в незавидной роли политического изгнанника. По иронии судьбы князь нашел убежище в стране, чьи конституционные порядки, а в особенности парламентскую систему, он считал противоположенными континентальным государствам Европы. Пикантности появлению Меттерниха в Англии придает и то обстоятельство, что незадолго до собственного бегства князь выступал за ограничение права на политическое убежище и, наоборот, за расширение возможности для экстрадиции. В революционной эмиграции он всегда видел своего злейшего врага. Теперь же он сам оказался политэмигрантом, правда, контрреволюционным. Однако, учитывая особенности психологии князя, нетрудно предположить, что подобные параллели на этот счет просто не могли прийти ему в голову.

Если бы не случайная задержка британского судна, Меттернихам пришлось бы приплыть в Англию в компании с графиней Ландсфельд, а проще говоря, со знаменитой фавориткой баварского короля, танцовщицей Лолой Монтез,

тоже ставшей жертвой революции. «Я благодарю Бога, — писал князь, — за то, что он уберег меня от встречи с ней»<sup>33</sup>.

Уже на третий день жизни в британской столице, испытывая чувство облегчения от только что пережитых невзгод, Клеменс пишет очередное послание своей дочери графине Леонтине Шандор: «После 48 часов пребывания здесь у меня такое ощущение, что с тех пор как я вступил на английскую землю, прошло не 34 года, а всего лишь такое же количество дней»<sup>34</sup>.

В Лондоне Меттернихи присоединились к весьма почтенной компании изгнанников. Достаточно назвать Луи-Филиппа, Гизо, принца Вильгельма Прусского. Пальмерстон явно не в восторге от наплыва подобных эмигрантов. Их скопление в британской столице вызывало у него ассоциации с международным конгрессом. В письме лорду Минто Пальмерстон язвительно заметил по поводу прибытия Меттерниха: «Для континентальной Европы было бы счастьем, если бы такое событие свершилось бы несколькими годами раньше. Но лучше поздно, чем никогда»<sup>35</sup>. Все же 30 апреля Пальмерстон нанес визит своему старому недругу. Во время их беседы, как утверждала Мелани, ни слова не было сказано о политике.

Королева Виктория и принц Альберт холодно отнеслись к экс-канцлеру, в частности потому, что возлагали на него ответственность за потрясения в Германии. Ведь это он советовал германским государям не идти на уступки, за что многие из них поплатились изгнанием. Королевская чета «не замечала» Меттерниха. Не пожелал встретиться с ним и поддерживавший либералов умеренный консерватор Р. Пиль.

Зато самый дружественный прием князь нашел у оппозиционных Пилю твердых тори. Свои симпатии продемонстрировали Меттерниху и враждебные Пальмерстону члены королевского клана.

С исключительной теплотой принял князя «железный герцог» Веллингтон. Он, по словам Мелани, бывал у Меттернихов чуть ли не ежедневно. «Эти две благородных души как будто созданы друг для друга»<sup>36</sup>, — растроганно замечает Мелани.

Часто навещали бывшего канцлера и такие торийские лидеры, как лорды Абердин, Лондондерри, Брум. Несколько неожиданно князь близко сходитя с самым экстравагантным консервативным политиком, которому было суждено поистине великое будущее, — Бенджамином Дизраэли, знакомым многим еще под именем лорда Биконсфилда<sup>37</sup>.

Этого выходца из ассимилированной интеллигентской еврейской семьи притягивало к Клеменсу многое. Дизраэли был не столько политическим мыслителем, сколько политическим литератором. Он широко известен как видный представитель специфического жанра политического романа. В одном из них можно встретить персонажа, прототипом для которого послужил Меттерних.

Дизраэли буквально боготворил венского изгнанника. Как пишут биографы британского политика Ф. Монипенни и Дж. Бакл: «Это было вполне естественным, что человек, который домогается быть лидером консервативной

партии в Англии, чувствует влечение к живому воплощению дела консерватизма на континенте Европы»<sup>38</sup>.

Патриарху европейской политики были ведомы самые сокровенные ее тайны. У него был вкус к политическому философствованию. Если в письменном оформленном виде его политическая философия и не отличалась особой глубиной и оригинальностью, то в блестящей словесной подаче она могла производить сильное впечатление.

От общения с Меттернихом Дизраэли испытывал подлинное интеллектуальное наслаждение. Отставной политик тоже был в восторге, найдя столь благодарного собеседника, а точнее сказать, слушателя.

Дизраэли предпочитал восхищенно внимать мэтру европейской политики. «Я никогда не слышал такой божественной речи, — восторгался будущий премьер-министр в письме от 7 января 1849 г., адресованном жене, — он (Меттерних. — П. Р.) развернул передо мною самую мастерскую экспозицию сегодняшнего состояния европейских дел и высказал больше мудрых и остроумных вещей, чем я когда-либо от него слышал»<sup>39</sup>.

Именно во время этой встречи человек, когда-то правивший европейским экипажем, сказал Дизраэли: «Я больше не министр; теперь я профессор Меттерних».

Навеща князя, британский политик сумел подметить, что отношение к нему княгини Мелани совсем иное, чем у ее мужа. Легко догадаться, какие эмоции вызывал у нее экстравагантный британец еврейского происхождения. Антипатия была взаимной. Достаточно сравнить тон Дизраэли, когда речь идет о Мелани, с тем, в каком он говорит о ее муже: «Я застал княгиню... среди ее птиц, и голос ее звучал столь же пронзительно и резко, как у ее попугаев»<sup>40</sup>.

Дизраэли настолько проникся восхищением к мудрости князя, что порой советовался с ним по конкретным делам. Его поражала также исключительная добросовестность и основательность Меттерниха. Для того чтобы дать совет, каким образом отреагировать на выпады противников Дизраэли из лагеря Пилля, Клеменс потребовал, чтобы тот предоставил ему множество материалов, в том числе и конфиденциальных документов.

К бывшему австрийскому канцлеру Дизраэли относился как к непогрешимому оракулу: «Великая драма Европы с каждым днем все более запутывается и, по моему мнению, доставляет все новые и новые доказательства вашей мудрости и несравненного дара проникать в существо дел»<sup>41</sup>.

Почти через пять лет после смерти Меттерниха Дизраэли писал историку лорду Стэнхоупу о Клеменсе: «Глубокий ум и доброе сердце. Если бы он не был князем и первым министром, он был бы великим профессором»<sup>42</sup>.

Меттерних был выведен в романе Дизраэли «Эндимион» под именем барона Сергиуса. Это роман о политическом созревании героя, в котором без труда угадывается сам автор. Причем барон Сергиус предстает в качестве одного из менторов, дававших герою уроки политики.



Клеменс не оставался в долгу. Дизраэли, говорил князь, «один из самых духовно одаренных людей из тех, с кем мне довелось встречаться и, безусловно, лучший на сегодня парламентский оратор»<sup>43</sup>.

Восторгаясь Меттернихом, Дизраэли весьма переоценивал его провидческие дарования, хотя сам Клеменс любил сравнивать себя с Нострадамусом. Его письма и депеши пестрят выражениями типа: «я предвидел», «я предупредил». Его колоссальный опыт и несомненные аналитические способности, конечно, позволяли ему порой давать верные прогнозы. Об этом он трубил как можно громче. Неудачные и несбывшиеся прогнозы он старался немедленно стереть из собственной памяти и памяти других.

Ошибся Клеменс и в прогнозе насчет карьеры своего британского почитателя. Уже по возвращении из изгнания в августе 1852 г. князь анализировал политическую ситуацию в Англии для австрийского министра иностранных дел графа Буоля. Из британских политических деятелей он выделил лидера консерваторов лорда Дерби, подчеркивая его духовные качества. «Мистер Дизраэли, — писал далее Меттерних, — личность того же интеллектуального калибра, но он никогда не сможет достигнуть уровня своего шефа. Препятствием тому является его социальное положение»<sup>44</sup>. Проще говоря, Меттерних имел в виду еврейское происхождение Дизраэли. Тем не менее тот стал лидером британских консерваторов и любимым премьер-министром королевы Виктории.

Довольно часто Меттерних встречается в Лондоне с Гизо и, разумеется, с Доротеей Ливен. Свою бывшую любовницу князь воспринимал со спокойной благожелательностью. Она же не могла удержаться от язвительных высказываний. Мелани княгиня Ливен нашла «толстой и вульгарной». Правда, о ее манере поведения Ливен отзывалась намного мягче. Она оценила бесхитростную прямоту венгерки.

А вот каким предстает в ее описании Клеменс: «Исполненный безмятежно-го спокойствия, внутреннего удовлетворения, поглощенный болтовней, бесконечной, медленной, очень метафизической, занудной, когда он говорит о себе и своей непогрешимости, очаровательной, когда он рассказывает о прошлом, в особенности об императоре Наполеоне»<sup>45</sup>.

Поскольку Мелани давно уже стала дамой политизированной, то общение с Ливен ей было чрезвычайно любопытно. Ведь по степени осведомленности в европейской политике Доротея вполне могла конкурировать с самим Клеменсом. В ее салоне собиралось много интересных людей. Там Мелани между прочим познакомилась со знаменитым историком Маколеем. Он, записала в дневнике княгиня, «рассказал мне множество вещей, которые показали мне по меньшей мере удивительными»<sup>46</sup>.

С особой теплотой Мелани написала о визите Бетти Ротшильд: «Эта достойная женщина сохранила трогательную преданность моему мужу»<sup>47</sup>. Выше похвалы в устах княгини Меттерних, наверное, не было.

Весной 1849 г. перебравшихся из Лондона в Ричмонд Меттернихов посетил

«король венского вальса» Йоганн Штраус. Он пожаловался на плохие времена. В ответ Мелани заявила, «что венцы ничего иного не заслужили, потому что они проявили такую неблагодарность по отношению к человеку, который три десятка лет сохранял для них благосостояние и мир». Венцы, убеждал княгиня великий музыкант, раскаиваются. Но теперь уже поздно<sup>48</sup>.

И в изгнании Клеменса выручало счастливое свойство его характера — находить для себя нечто положительное в любой ситуации. К этому можно добавить непоколебимое самомнение, помогавшее истолковывать почти все происходящее в свою пользу. Раз уж он в силу неблагоприятных обстоятельств оказался в уникальной стране, на острове, не только в географическом, но и в политическом смысле, то из этого нужно извлечь пользу. Политика вошла в его плоть и кровь, стала образом жизни. Кроме того, у него сохранялась исследовательская жилка. В Англии ему представилась великолепная возможность для анализа британской специфики и сопоставления ее с опытом континентальной Европы.

Экс-канцлер Меттерних основательно входит в роль профессора. Постоянные контакты с родственными князю по духу тори помогают ему чувствовать востребованность. Где бы ни жили Меттернихи в Англии, будь то Лондон, Брайтон или Ричмонд, их салон, по словам Србика, превращался в один из центров торийской оппозиции Пальмерстону<sup>49</sup>.

Чтобы держаться на высоте положения, Клеменс вникает в суть и детали британской политики, столь не похожей на весь его предшествующий опыт. Сохранившийся интерес к жизни, абсолютная уверенность в себе поддерживают его силы, позволяют легче переносить немалый возраст. 15 мая 1849 г., в день 76-летия, он так описывал свое состояние: «Сегодня я завершаю первый год после трех четвертей века. К счастью, на меня давит не возраст, но я ощущаю давление шестидесяти лет социальной революции, во время которой я должен был посвятить свою жизнь делу, успех коего зависел не от индивидуальных усилий, а от эпохи». Особенно эффектен заключительный пассаж: «Инстинктивно еще в семнадцатилетнем возрасте я догадывался о том, что позднее как истину или заблуждение мне позволил познать опыт. И участь человека в моем положении была участью пророка, проповедующего в пустыне. Я повседневно вижу людей, удивляющихся моему спокойствию; оно — естественное следствие чистой совести и его не стоит считать заслугой»<sup>50</sup>.

Конечно, и на него находили приступы тоски, но не столько по Вене, сколько по Йоханнисбергу. Вообще в нем парадоксальным образом жизнелюбие, «талант к счастью» сочетались со склонностью к депрессиям.

Здоровье все-таки сдавало. 15 июня 1849 г. Клеменс почувствовал сильнейшее головокружение. Черты его лица настолько изменились, что Мелани стало страшно. Несколько таких приступов пережил он и в июле. Герцог Веллингтон прислал на помощь князю своего испытанного врача. Выздоровлению Меттерниха, видимо, поспособствовало «милостивое» письмо от молодого кайзера Франца Иосифа I.

Тоска по Рейнланду и Вене смягчалась благодаря тому, что в Англии князь чувствовал себя на редкость комфортно как в чисто житейском, так и в политическом смысле. Оказалось, что английский стиль жизни подходит его темпераменту. Да и в британских тори он нашел столь близких по духу людей, что порой чувствовал себя едва ли не одним из них.

«Мой круг, — писал князь своей дочери Леонтине в июле 1848 г., — состоит из людей с прочным моральным характером; партия, к которой они принадлежат, не довольствуется салонами или беседами *tête-à-tête*, а играет свою роль в парламенте»<sup>51</sup>. Видимо, спохватившись, как бы его слова не были истолкованы в пользу парламентаризма, Клеменс подчеркнул, что он не имеет ничего общего с этим полем битвы и теперь его жизнь протекает в той сфере, где решаются главным образом моральные вопросы.

Англия для Меттерниха — «обсерватория, представляющая двойкий интерес: это единственное место, которому всеобщие потрясения не создают непосредственной угрозы, и одновременно оно соединяет в себе элементы, составляющие основанную на *порядке свободы*, т. е. единственно возможную свободу, которая как раз является противоположностью либерализму, тяготеющему над континентом»<sup>52</sup>. Наряду с порядком, одобрительно отметил князь, англичане считают предпосылкой свободы и право.

Главным образом порядком и правом объясняется индустриальный рост, национальное богатство Англии. В этой стране, подчеркивает отставной канцлер в очередном письме Леонтине, «господствует похвальное стремление все сохранять. Такой дух проникает во все слои населения, он дает о себе знать в отношении ко всем установлениям и обычаям и образует основу того, что можно назвать *аристократией* и что представляет собою нечто иное, чем об этом принято думать на континенте»<sup>53</sup>. «Английская аристократия, — делится своими наблюдениями князь, — это не дворянство, но она опирается на консервативный принцип и соответствующий ему дух, воодушевляющий все классы»<sup>54</sup>. Поэтому в Англии аристократов больше, чем дворян, и они упорно сопротивляются всякого рода уравнителям. Приобщиться к аристократии британского типа можно и за те или иные заслуги. Это князь называет «полезным равенством». Его антипод — «равенство в нищете»<sup>55</sup>.

Высокую оценку экс-канцлер дает политическому искусству британского правящего класса, прежде всего его умению справляться с внутренними врагами, в данном конкретном контексте — с чартистами. Британский правящий класс он ставит в пример своим венским преемникам: «Я желал бы, чтобы бездарные венские властители побывали здесь и поучились бы тому, как в этой стране, где господствует полная свобода, подавляют разнузданность, эту полную противоположность свободы»<sup>56</sup>. «В этой стране, — имея в виду Англию, с нескрываемой гордостью констатирует князь, — прекрасно усвоен мой девиз: "Сила в праве"»<sup>57</sup>.

Что же касается континентальной Европы, то там Меттерних видит полную неспособность правительств всех стран, в особенности его собственной, проти-

востоять опустошающей мир «социальной эпидемии». В чем, на взгляд князя, причины сегодняшних бедствий его страны, догадаться не так уж трудно: «Я за время моей долгой министерской карьеры был единственным, кто обладал даром править»<sup>58</sup>. Но беда заключалась еще и в том, объясняет он, «что я не правил империей, а лишь руководил ее политикой»<sup>59</sup>. «Если бы я правил, — уверяет князь, — тогда бы не случилось того, что произошло 13 марта»<sup>60</sup>.

В английский период жизни Меттерниха совершенно неожиданно выяснилось, что в его натуре, казалось бы, окончательно окостеневшей, обнаружился определенный резерв пластичности. Живое воплощение европейской реакции, он весьма органично вписывается в контекст британского торизма, спокойно воспринимает островные конституционно-парламентские порядки. Даже аристократическо-буржуазный синтез в британском варианте не вызывает у него отторжения. Конечно, ему было трудно примириться с огромной ролью в стране «денежной аристократии», конечно, британским газетам, на его взгляд, было разрешено слишком много вольности, но в целом нетрудно представить Клеменса в когорте тори, рядом с его другом Веллингтоном.

Как бы уютно ни было в Англии, Клеменса и особенно Мелани не оставляли мысли о скорейшем возвращении домой. Помимо естественной тяги к домашнему очагу, сказывались и финансовые затруднения. На обширные княжеские владения был наложен секвестр, и Меттернихи были отрезаны от основного источника доходов. 100 тыс. рублей прислал император Николай I; князь принял эту внушительную сумму под залог грядущих доходов с богемских имений. Поступали деньги и от Ротшильдов. Однако жизнь в Англии отличалась дороговизной, и это тоже послужило одним из факторов, побуждавших к смене места жительства.

Вопреки намерению писать историю, Клеменс писал письма, преимущественно в Австрию, более всего тем, от кого зависело решение вопроса о его возвращении. Корреспонденция эта носила в основном односторонний характер. Его письма обычно оставались без ответа. Немногие даже из близкого окружения осмеливались поддерживать с ним переписку. Среди них граф Хартвиг, бароны Прокеш-Остен и Йошка. Молчал Кюбек. Преемник и бывший фаворит князя граф Фикельмон, занявший пост министра иностранных дел, запретил австрийскому послу в Лондоне встречаться с бывшим хозяином госканцелярии. Поэтому такую радость и доставило Клеменсу письмо новопеченного императора Франца Иосифа I. Однако каких-либо реальных последствий для князя оно не возымело.

Меттерних писал и своему злейшему врагу эрцгерцогу Иоанну. И в этом письме (от 10 июля 1848 г.) он не удержался от советов и поучений: «Позвольте мне, Ваше императорское высочество, нарисовать в истинном виде основное зло наших дней. Идет борьба между понятиями **королевского** и **народного суверенитета** или, иными словами, между **монархией** и **республикой**. Массы обманываются, полагая, что она идет между **деспотизмом** и **свободой**. Свобода и порядок — два неразрывно связанных понятия; где утверждается

деспотизм, там возникает беспорядок, там, где царит порядок, свобода является его естественным следствием»<sup>61</sup>.

Беды Австрии бывший канцлер связывает с уступками, «к которым император был принужден начиная с мартовских дней и которые в целом ведут в направлении народного суверенитета»<sup>62</sup>.

«Новейшие события во Франции, — продолжает Меттерних, имея в виду июньское восстание парижского пролетариата, — доказывают, что в стране, являющейся образцом для континента, и понятие народного суверенитета уже перекрывается гораздо далее идущими»<sup>63</sup>. Князь указывает на социалистические и коммунистические учения. «Эта последняя опасность, — по его словам, — содержит угрозу полного разложения человеческого общества»<sup>64</sup>.

«Не думайте, Ваше императорское высочество, — взывает князь к эрцгерцогу, — что в результате трудной победы в Париже у гидры отрублена голова. Зло продолжает жить и имеет глубокие корни в Германии»<sup>65</sup>.

В связи с избранием эрцгерцога Иоанна имперским наместником Меттерних в августе 1848 г. направил ему свою аналитическую разработку, озаглавленную «Германский вопрос. Происхождение, развитие и современное состояние». В этом документе он еще раз подтвердил основные принципы своего подхода к этой проблеме. Во-первых: «единая и неделимая германская республика, как и единая монархия — пустейшая утопия»<sup>66</sup>. Во-вторых: не союзное государство, а союз государств. Первый вариант выгоден только Пруссии. Но и в случае с эрцгерцогом Иоанном Меттерних, как, впрочем, следовало ожидать, натолкнулся на стену молчания.

Клеменс предложил свои услуги сменившему Фикельмона в качестве министра иностранных дел Вессенбергу. Его отношения с этим дипломатом всегда оставляли желать лучшего, но тяга к участию в политике, пусть даже в роли консультанта, была очень сильна. «Я не намереваюсь вмешиваться в дела иначе как в качестве дружески расположенного наблюдателя»<sup>67</sup>, — уверял своего прежнего подчиненного бывший вершитель имперской политики. Но и от этого адресата ответа не последовало.

Очень скоро выяснилось, что Клеменс мог надеяться на сочувствие и поддержку лишь старых вояк: Виндишгреца и Радецкого. 18 августа 1848 г. Меттерних поздравил фельдмаршала Радецкого с победами в Италии и уже 27 августа получил от того ответ.

Для князя это стало приятным событием. «Радецкий написал Клеменсу трогательное письмо, которое пролило бальзам на мою душу; этот старый друг любит его и остается верен ему»<sup>68</sup>, — радовалась Мелани.

Пришло время прощаться с Англией. Кроме финансовых были и иные мотивы. Если к политическому климату Англии, а также к британскому образу жизни Клеменс адаптировался легко и быстро, то островной климат для этого любителя тепла и солнца был не очень приятен. «Совсем не трудно находиться в Англии, — как-то вырвалось у него, — трудно только когда прогуливаешься при солнечном свете. Ведь лондонское солнце подобно неаполитанской луне»<sup>69</sup>.

**Х**отя ни духовно, ни интеллектуально князь не ощущал возраста, но болезни часто допекали его на туманном Альбионе. Что же касается Мелани, то ее здоровье ухудшалось просто катастрофически. Доротея Ливен едва ли преувеличивала, рисуя портрет преждевременно постаревшей (в 1848 г. Мелани было всего 43 года) и растолстевшей женщины. Мелани стремительно превращалась в развалину. Свои болезни она переносила стойчески, стараясь не подавать виду, все ее заботы были исключительно о Клементе. Князь же, со своим гипертрофированным эгоизмом, часто не замечал состояния жены. Однако к отъезду из Англии Мелани побуждали не только финансовые трудности и физические недуги. Был еще и духовно-религиозный мотив. Ревностная католичка, она чувствовала себя не очень уютно в стране, где преобладал протестантский дух.

В конце концов Меттерних уступил настояниям жены, «хотя ему было тяжело расставаться с многочисленными английскими друзьями»<sup>70</sup>. Когда же супруги решились на смену места пребывания, то перед ними был не очень широкий выбор. От имени Николая I убежище в России предложил Бруннов. В ответ князь написал российскому монарху прочувствованное благодарственное письмо (15 сентября 1849 г.), но предпочел России Бельгию. 24 сентября Меттерних получил послание от бельгийского короля Леопольда I, согласившегося принять княжескую чету в своей стране. Сын князя Рихард сразу же взялся за поиски подходящего дома.

Проводить Меттернихов 10 октября прибыли Веллингтон и герцог Кембриджский, а лорд Брум даже сопровождал князя и княгиню до Дувра. Уже 11 октября изгнанники были в Брюсселе. Там они вскоре купили дом, принадлежавший знаменитому скрипачу Шарлю Берио, бывшему мужу еще более знаменитой певицы Малибран.

Опять все по той же иронии истории убежище Меттерниху предоставила одна из самых либеральных стран Европы, появившаяся в результате революционных потрясений 1830 г. Причем именно австрийский канцлер был среди тех, кто упорно противился ее отделению от Нидерландского королевства, поскольку это нарушало установления Венского конгресса.

К моменту появления князя Бельгийское королевство уже прочно стояло на ногах. Леопольд Саксен-Кобургский — родственник почти всех монархических домов — оказался идеальным государем для только что обретшей независимость страны. Ему не только удалось обеспечить ей международный статус, но и установить довольно стабильную парламентскую систему на твердой конституционной основе. Возник напоминавший Англию партийно-политический механизм по модели маятника: католики и либералы периодически меняли друг друга у власти.

Очень скоро князь, по его собственному признанию, почувствовал себя на новом месте совсем как дома<sup>71</sup>. Обозревая политическую жизнь недавно обра-

зовавшегося государства, он приходит к выводу, «что Бельгия со своим демократическим законодательством все еще является страной, пронизанной сильнейшим консервативным духом»<sup>72</sup>. Именно этому духу он склонен приписывать политическую стабильность, не замечая стабилизирующего эффекта острожно сконструированной парламентской системы.

Клемену и в изгнании не изменяет ставшее нормой высокое самомнение: «Мое пребывание в этой стране оказывает на нее благоприятное влияние... Оно внушает ей мужество и уверенность; мужество сопротивляться анархии и уверенность в средствах для достижения этой цели». «Князь Меттерних не оставался бы у нас, — так думает партия порядка в Бельгии, — если бы ему не внушала доверия наша позиция!» Это не плод воображения, а факт, все новые доказательства которому я получаю ежедневно, начиная с тех, что исходят от двора»<sup>73</sup>.

В декабре 1849 г., когда приближалась к концу первая половина XIX в., князь потянуло на подведение итогов собственной жизни: «В течение сорока девяти лет я вел борьбу, не изменяя знамени»<sup>74</sup>. В самый канун нового, 1850 года он пишет: «Я тридцать девять лет играл роль скалы, о которую разбивались волны, пока им не удалось наконец ее размыть и поглотить»<sup>75</sup>.

За четыре дня до своего 77-летия князь, обзревая прошлое, причисляет себя к тем счастливым, на кого оно не давит; у него такое чувство, что, оказавшись он снова в тех же самых обстоятельствах, он поступал бы точно так же.

О политике своих венских преемников Меттерних весьма невысокого мнения. Правда, он оговаривается, что отнюдь не испытывает удовлетворения от их ошибок. Не утешает его и то, что теперь их нельзя приписать ему, что он не несет за них никакой ответственности. Ведь эти ошибки, сетует князь, чреваты серьезными опасностями для государства («я, к сожалению, не вижу никакого выхода») <sup>76</sup>. Он по-прежнему выступает за жесткий курс во внутренних делах Австрийской империи и Германского союза: «Я был и остаюсь твердым сторонником того насилия, которое может спасти империю от опасностей, угрожающих ее существованию буквально со всех сторон»<sup>77</sup>. У него нет сомнений насчет своих провидческих способностей: «Все, что я предвижу, как правило, всегда сбывается»<sup>78</sup>.

Очень ревностно Меттерних следит за всеми публикациями о революционных событиях 1848 г. Он недоволен ими. «Довольно слабый продукт», — так оценил он произведение графа Фикельмона. В нем князь усматривает заблуждение, присущее, на его взгляд, большинству писаний. Их авторы разделяют заблуждение, будто «империя оказалась не в состоянии революции, а вступила на путь реформы»<sup>79</sup>.

Такая трактовка прямой наводкой бьет по экс-канцлеру, и он ее решительно отвергает. При этом Меттерних, как это часто с ним бывает, персонифицирует свою аргументацию: «Реформа не пугала меня, я даже готов был бы возглавить ее проведение. Но от соучастия в революции я отстранился, чтобы не запятнать себя хотя бы одним единственным поступком, который противоре-

чил бы моей совести и направлению моего духа»<sup>80</sup>. И вообще, высказывает князь свое твердое мнение: «Современники не в состоянии писать историю, они лишь доставляют материал для будущих историков»<sup>81</sup>.

Самого себя, как уже не раз говорилось, Клеменс расценивает как живого носителя и хранителя истории, причем уникального. Никто не сравнится с ним по богатству познаний, опыта, по количеству известных ему тайн. На протяжении почти полувека редко какое-либо значительное событие европейской истории свершалось без его участия. Князю, несомненно, льстило, когда к нему обращались как к живому историческому источнику. Так, в августе 1850 г. его посетил в Брюсселе Тьер, который писал принесшую ему славу историю консульства и империи Наполеона Бонапарта. С кем, как не с Меттернихом, было обсуждать историю австрийского брака императора французов? А если князь изредка затруднялся с ответом на некоторые вопросы собеседника, то тут же давал ему советы, к каким источникам следует обратиться.

Еще большее удовлетворение Меттерних получал от общения с представителями родственных ему по духу консервативных кругов. В Лондоне это был Дизраэли. Теперь в бельгийской столице его нашел испанский дипломат Хуан Доносо Кортес, он же маркиз Вальдагамас. Три речи, произнесенные им в 1849–1850 гг. («О диктатуре», «О положении в Испании» и «О положении в Европе»), превратили его в общеевропейскую знаменитость. Его стали сравнивать с Э. Берком.

Если французская революция обратила вига Берка в тори, то революции 1848 г. подтолкнули на стезю консерватизма либерала Доносо Кортеса. Причем в сравнении с его консервативными воззрениями взгляды британских тори могли показаться либеральными. Ему еще предстояло написать свой главный теоретический труд «Опыт исследования о католицизме, либерализме и социализме» (1851 г.), но он уже был замечен Меттернихом, Николаем I, папой Пием IX и Луи-Наполеоном. С Меттернихом его сближало то обстоятельство, что он был дипломатом: испанским посланником в Берлине, а затем в Париже.

Князь особенно высоко оценил его речь о состоянии Европы. В письме Леонтине (3 марта 1850 г.) Меттерних приводил длинные цитаты из речи испанца. Единственное, в чем князь существенно расходился с ним, — это все тот же германский вопрос. Хотя и есть кое-какие различия в подходе к проблемам Европы, но в целом лейтмотив речи Доносо Кортеса в полной гармонии с образом мыслей Меттерниха. По словам экс-канцлера, эта речь несла на себе «определенный отпечаток оригинальности, обязанной испанскому гению, который можно назвать монументальным и примитивным подобно стенам Циклопа»<sup>82</sup>.

Конечно, это было сказано для красного словца. Правильнее было бы оценить все произнесенное и написанное Доносо Кортесом как причудливое сочетание апокалиптических видений и интеллектуальной изощренности. Но интерес князя к испанскому мыслителю и дипломату был неподдельный, и он внимательно вчитывался в речь консерватора нового поколения.



Доносо Кортес, восторгался Клеменс, рукой настоящего мастера нарисовал такую картину, что пересказывать ее нет смысла, лучше предоставить слово ему самому. Чего стоит такой поставленный испанцем вопрос (ответ на него подразумевается уже самой постановкой): «Видел ли когда-либо мир нечто подобное современности, когда армии служат орудием цивилизации, в то время как идеи ведут к варварству»<sup>83</sup>.

Меттерних выделяет и такое высказывание Доносо Кортеса, очень напоминающее де Местра и де Бональда: «Церковь и армия являются сегодня двумя представителями европейской цивилизации, потому что они стремятся сохранить представления о неприкосновенности авторитета, о святости послушания и о божественном характере христианской любви»<sup>84</sup>. Тщетно искать, сетует князь, в речах австрийских парламентских ораторов нечто такое, что хотя бы приближалось к уровню испанца.

Консерваторам разных поколений хотелось встретиться друг с другом. Хотя речи испанца порой могли вызвать ассоциации с проповедями Савонаролы, но в реальной жизни он был, подобно Клеменсу, в высшей степени светским человеком. У них оказалось немало общих знакомых в европейских столицах. Доносо Кортес поддерживал дружеские отношения с Гизо, был завсегдатаем салона Доротеи Ливен.

Испанский дипломат делал ставку на Луи-Наполеона, оказывал ему разнообразную помощь, в том числе финансовую. В племяннике великого Наполеона он видел главную силу в борьбе против европейских революций. Доносо Кортес поддержит переворот в декабре 1851 г. Когда же Луи-Наполеон превратится в императора Наполеона III, испанский посланник окажется среди тех, кто будет вводить свежеепеченного монарха в высшее европейское общество. Кстати, и Доротею Ливен привлекут в качестве наставницы для императрицы Евгении<sup>85</sup>.

29 марта 1851 г. Доносо Кортес приехал в Брюссель, чтобы встретиться с бывшим «первым министром Европы». После двухчасовой беседы с князем испанец вернулся в Париж.

Как и в случае с Дизраэли, Меттерних выступал в роли ментора консерваторов новой формации. Правда, испанец оказался сдержаннее британца. При всем почтении к князю он видел в нем прежде всего величественные руины уходящей эпохи. Тем не менее Меттерних для Доносо Кортеса — «один из самых великих архитекторов политического здания Европы»<sup>86</sup>.

Вот как выглядел почти 78-летний Клеменс в описании испанского дипломата и мыслителя: «Лицо князя приятное и спокойное, его черты еще красивы и их красота — следствие совершенной пропорциональности». Французский Клеменса, по мнению испанца, мог бы быть и лучше. Говорит князь, как все старики, много, «но всегда говорит интересные вещи; порой он говорил о будущем, но почти все время о прошлом»<sup>87</sup>. Изысканная отточенность речи не мешает князю использовать сравнения с вульгарными вещами, если это помогает сделать мысль более точной.

Меттерних развернул перед Доносо Кортесом историю Европы от Венского конгресса до революций 1848 г. «Я, — говорил своему собеседнику князь, — необъятная книга, в которой отложились все великие события этого века; если вы пожелаете, я предоставлю ее в ваше распоряжение, и вы сможете перелистывать ее с первой страницы до последней»<sup>88</sup>. И Доносо Кортес вполне соглашался с Меттернихом: «Только он один владеет историей текущего века во всей ее полноте»<sup>89</sup>.

Князь хотел передать представителю нового поколения не только исторические познания, свое видение истории, но и собственный политический опыт. С врагом, наставлял Меттерних испанца, успешнее борются не те, кто сильнее его ненавидит, а те, кто лучше его знает.

В то же время экс-канцлер предостерегал от ужасных последствий политики уступок. Самого себя он рассматривал как ее жертву. События 13 марта 1848 г. в Вене, по его непоколебимому убеждению, — это не результат силы врага, а следствие слабости защитников монархии. Восстание вполне можно было подавить, но возобладал курс на уступки со всеми вытекавшими отсюда гибельными последствиями.

Уступки Меттерних сравнивает с издержками, разделяя их на два типа: 1) те, что сравнимы с издержками дохода ради спасения капитала; 2) те, которые равносильны растрате капитала. Уступки первого типа князь называет административными, а уступки второго типа — политическими. Именно они грозят банкротством.

В ходе разговора речь зашла о Гизо, с которым у обоих собеседников были дружеские отношения. Французского политика и историка Клеменс охарактеризовал как «человека системы», а не «принципов»<sup>90</sup>. Казалось бы, из уст князя это звучит как комплимент, ведь и его самого принято было считать творцом «системы Меттерниха». Но «система», в сравнении Клеменса, подобна пушке, размещенной в узкой амбразуре крепостной стены; «она стреляет только по одной траектории, прямо перед собой. Тогда как «принципы» соответствуют «пушке, поставленной на лафет... и способной вести огонь по всем направлениям»<sup>91</sup>.

Из этого нетрудно заключить, что же предпочтительнее для князя: система или принцип. Пусть разговор с Доносо Кортесом — только штрих к портрету Меттерниха, но этот штрих не ложится на устоявшийся образ заскорузлого «систематика».

Доносо Кортес оставил не только зарисовки внешнего облика князя, не только передал некоторые высказанные им суждения, но и сумел проникнуть в структуру политической философии собеседника. «Не будучи одним из выдающихся умов, возносящихся выше на крыльях грандиозных и смелых концепций, он достигает такой же высоты наблюдательностью и упорным изучением вещей менее значительных»<sup>92</sup>.

Бесспорно, необходимо сделать поправку на известное преувеличение, явившееся следствием почтительного восхищения своим старшим единомы-

шленником, но нельзя не признать, что Доносо Кортесу удалось уловить особенности мыслительного склада и методологии Меттерниха.

К осени 1849 г. с революцией в Габсбургской империи было покончено. Ее последним актом явилось поражение венгров при Вилагоше (13 августа). Одолеть их австрийская армия смогла лишь при помощи русских войск, сыгравших в разгроме повстанцев решающую роль. До того в борьбе в венграми потерпел поражение старый приятель Меттерниха Виндишгрец. Другой близкий князю военачальник — Радецкий — восстановил позиции Габсбургов в Италии.

Еще в ноябре 1848 г. правительство империи возглавил князь Феликс Шварценберг, член дружественного Меттерниху влиятельного аристократического клана. Это его мать погибла во время пожара на историческом балу в австрийском посольстве по случаю брака Наполеона с Марией Луизой. Послом в Париже был тогда его дядя Карл Шварценберг, позднее командовавший союзными войсками в кампании 1813–1814 гг. против Наполеона.

Сначала Феликс вступил на военную стезю. Затем не без участия Меттерниха он перешел на дипломатическую службу. Однако прославился он не столько успехами по службе, сколько многочисленными любовными похождениями. Человеком он был храбрым и решительным, но в то же время предельно циничным. Приближенный Шварценберга И. Хюбнер называл его человеком холодным, с железным, несгибаемым духом<sup>93</sup>.

Революция застала его в качестве посланника в Неаполе. Вспомнив военную молодость, он встал под знамена Радецкого, успел получить ранение и заслужить большой крест военного Ордена Марии Терезии. После того как его тесть Виндишгрец расправился с революционерами Праги и Вены, он поспособствовал продвижению зятя.

Для императорского семейства подобный человек оказался настоящей находкой. Меттерних тоже был доволен его возвышением: «Князь Шварценберг — воспитанник моей дипломатической школы... он человек твердого характера, неоспоримого мужества и четких взглядов»<sup>94</sup>. Ему ведомо, что такое революция. Правда, Клеменс не удержался от замечания о том, что для Шварценберга «внутренняя жизнь современного государства... книга за семью печатями»<sup>95</sup>.

Зародившиеся было надежды Меттерниха на скорое возвращение домой не оправдались. Хотя юный император Франц Иосиф I был готов вернуть старого князя, но ни его мать София, ни Шварценберг совсем не жаждали видеть бывшего канцлера в Австрии. Видимо, дело было даже не в каких-то личных соображениях, например, чувстве мести у Софии или нежелании выслушивать менторские наставления у Шварценберга. Между Меттернихом и его преемником существовали серьезные разногласия по германскому вопросу, по проблемам федерализма. Сохранялись также опасения, не вызовет ли возвращение изгнанника взрыв недовольства в стране, где еще была сравнительно свежа память о 13 марта 1848 г.

Сын Меттерниха Рихард трижды побывал у Шварценберга и еще чаще

встречался с матерью императора Софией. Посещения госканцелярии давались ему с большим трудом. На собственные воспоминания молодого человека накладывались чувства старых служителей, чья жизнь прошла при его отце. Некоторые из них плакали. Шварценберг отправил сына экс-канцлера в Париж в качестве атташе посольства.

Сестра Мелани княгиня Генриетта Одескальди тоже встречалась с Софией. Та, говоря о выдающихся достоинствах Клеменса, даже ухитрилась проследить. «Князь Меттерних так добр, — умилялась она, — он остался верен и предан Австрии и у него совсем нет чувства зависти»<sup>96</sup>. «Да, конечно, — соглашается Мелани, — эта характеристика благородная и истинная»<sup>97</sup>. Но путь в Австрию Меттернихам по-прежнему оставался закрытым.

Однако в финансовых и имущественных делах начались послабления. Осенью 1850 г. был снят секвестр с имений князя. Благодаря личному вмешательству Шварценберга и императора прекратила деятельность комиссия, расследовавшая финансовую документацию Меттерниха. Экс-канцлеру было назначено годовое содержание в 8000 флоринов. Конечно, эта сумма была мизерной с точки зрения расточительного князя. Но главное — лед тронулся.

Если Клеменс еще мог горделиво ожидать приглашения из Вены, то тяжело больную Мелани просто неудержимо тянуло домой. 27 марта 1850 г. Меттерних направил Шварценбергу письмо, в котором добивался конкретного ответа на вопрос о скорейшем возвращении. Ставить так жестко этот вопрос его побуждает долг главы семейства. Сам он вполне мог бы довольствоваться моральным комфортом заграничного бытия.

Князь давал понять министру, что не собирается вмешиваться в политическую жизнь Австрии. За его плечами более пятидесяти лет политической деятельности, что само по себе достойно музея. Для человека в возрасте 78 лет, писал Меттерних, «в первом ряду из сохранивших для него значение чувств — потребность в покое»<sup>98</sup>.

В письме Шварценбергу бывший канцлер не упустил случая подтвердить свою неизменную приверженность консервативному принципу. За два дня до беседы с Доносо Кортесом он также затрагивает вопрос о «системе Меттерниха». Князь обвиняет «слепых реформаторов», которые в марте 1848 г. под видом свержения его системы на самом деле свергли империю. Понятие «система Меттерниха» — пустой звук, она «превратилась в своего рода знак и как таковой не имеет никакого значения»<sup>99</sup>.

#### IV

Наконец, 6 апреля 1851 г. Франц Иосиф разрешил Меттерниху вернуться в Габсбургскую империю. Сборы заняли более двух месяцев, и только 9 июня княжеское семейство покинуло гостеприимную Бельгию. Князь успел подружиться с королем Леопольдом I; тот предоставил для отъез-

да четы свой вагон. Через два дня Клеменс оказался в своем любимом Йоханнисберге.

Добрый десяток страниц дневника Мелани — сплошное перечисление визитеров. Причем она оговаривается, что «они не все в равной мере интересны, потому речь идет только о выдающихся людях»<sup>100</sup>, что в ее понимании означало главным образом знатных.

«Хотя я и не держу открытый стол, ежедневно прибывают визитеры из Франкфурта и совсем близких и достаточно дальних окрестностей. В Йоханнисберг устремились и консерваторы, и бунтари»<sup>101</sup>, — с нескрываемым удовольствием констатирует Меттерних, которому явно льстит такое повышенное внимание. На какое-то время его возвращение становится центральной темой ежедневных газет. «Из прилагаемых мною газетных вырезок, — пишет Клеменс дочери Леонтина, — ты увидишь, насколько мое пребывание здесь занимает публику»<sup>102</sup>.

Из Франкфурта к Меттернихам приезжал будущий российский канцлер князь Горчаков. Хотя он и не относился к друзьям семейства, но на радостях и его, по словам Мелани, встретили с удовольствием. Особенно польстило экс-канцлеру посещение Йоханнисберга прусским королем.

В этом круговороте общения не затерялся и начинающий прусский дипломат, которому предстояло в недалеком будущем сыграть ключевую роль в деле разрушения тщательно выстроенного Меттернихом европейского эквilibра. Мелани отвела этому персонажу абзац в своем дневнике за август 1851 г., где говорилось следующее: «Прусский посланник господин фон Бисмарк, который заменил в бундестаге генерала фон Рохова, провел у нас день. Он долго разговаривал с Клеменсом, и у него, кажется, самые лучшие политические принципы. Мой муж проявил к нему большой интерес. Он показался нам приятным и чрезвычайно умным»<sup>103</sup>.

Все же не стоит переоценивать значения встречи этих двух незаурядных и столь непохожих друг на друга исторических фигур. Тем более Меттерних был уже, как говорится, вне игры, а Бисмарку еще предстояло проделать большой путь, чтобы стать «железным канцлером», одним из главных вершителей европейской политики. Того и другого сближала мысль о необходимости союза между Австрией и Пруссией. Но каждый из них представлял себе такой союз по-своему, поскольку главную роль в нем отводил своей собственной стране.

Меттерних готов был допустить определенное, строго регламентированное усиление Пруссии в рамках Германского союза. В связи с этим он использовал понравившийся Бисмарку термин «насыщение». Конкретнее имелось в виду усиление прусского влияния, прежде всего военного, в плане защиты северогерманских малых владений. Как позднее выяснилось, Бисмарк понимал термин «насыщение» в буквальном смысле слова и весьма расширительно.

В отличие от Бисмарка, Меттерних был убежденным и последовательным федералистом. Федеративное устройство Германского союза лучше всего обещивало преобладание в нем Австрии и вообще соответствовало структуре са-

мой Габсбургской империи. Да и саму Европу князь видел в идеале как своего рода конфедерацию государств.

Но гораздо важнее в начале 50-х гг. было то обстоятельство, что взгляды экс-канцлера находились в противоречии с политическим курсом его преемника князя Ф. Шварценберга. Возможно, и в этом заключалась одна из причин задержки возвращения Меттерниха домой. Еще в 1849 г. он советовал «дипломату своей школы» обратиться с целью ориентации к докладу, который был написан им еще в 1817 г. для императора Франца I. Меттерних тогда еще не предполагал, насколько далеко расходятся его позиции с подходом человека, которого он считал своим учеником.

Встреча со Шварценбергом состоялась только через три с половиной месяца после возвращения Меттерниха. «25 (сентября. — П. Р.) приходил Феликс Шварценберг и очень долго и дружески беседовал с Клеменсом. Также и по отношению ко мне он держался очень любезно»<sup>104</sup>, — скупко сообщила Мелани. Но за дружеским поведением и любезностью скрывались принципиальные противоречия. Как и Бисмарк, пожалуй, даже раньше, Шварценберг осознал значение национальной идеи и решил оседлать ее. Тем самым он надеялся перехватить инициативу у Пруссии, не допустить, чтобы пруссаки стали знаменосцами германского национализма и благодаря этому лишили Австрию ее доминирующей роли в Германии.

Будучи, как и Меттерних, консерваторм, Шварценберг, с его авантюрным характером и острым политическим чутьем, понимал необходимость обновления империи. Само падение Меттерниха убеждало в необходимости этого. Основными направлениями политики Шварценберга стали централизация и германизация.

После революций 1848 г. Пруссия взялась за перекройку Германского союза, чтобы обеспечить себе лидерство. Мощной притягательной силой были ее тесные и разветвленные экономические связи с малыми и средними германскими государствами.

В этой ситуации Шварценбергу нельзя было терять времени, и он действовал решительно, по-военному, нередко пренебрегая дипломатическими условностями. При поддержке России и Франции ему удалось навязать пруссакам унижающее Ольмюцкое соглашение (29 ноября 1850 г.). В соответствии с его условиями Германский союз вернулся к прежней конфигурации, которую попыталась было изменить в свою пользу Пруссия. Ольмюцкое унижение стало важным импульсом в формировании Бисмарка как политика, он не мог примириться с тем, что отношения между Пруссией и Австрией стали напоминать «отношение Лепорелло к Дон-Жуану»<sup>105</sup>.

Такая политическая манера явно не соответствовала «школе Меттерниха». В действиях Шварценберга изощренный мастер дипломатии усматривал «нечто резкое, солдатское»<sup>106</sup>. Британская королева Виктория, весьма заинтересованная в германских делах, отозвалась в одном из своих писем о главе австрийского правительства как о невыносимом человеке, «австрийском Пальмерстоне»<sup>107</sup>.

Друживший с британским послом герцогом Уэстморлендским, Меттерних показал это письмо Шварценбергу. Тот как будто встревожился и взял более тактичный тон, во всяком случае в отношениях с Англией, за что Уэстморленд благодарил Меттерниха.

Менее удачным было посредничество князя между Шварценбергом и его тестем фельдмаршалом Виндишгрецем. «Князь Виндишгрец, — свидетельствует Мелани, — прибыл и навещает нас ежедневно. Я нашла его выражения умереннее, чем ожидала. Клеменс прилагает много усилий, чтобы добиться сближения между ним и его зятем князем Феликсом Шварценбергом, но безуспешно»<sup>108</sup>.

Конечно, яблоком раздора были не столько личные взаимоотношения князей-родственников, сколько расхождения политические. Виндишгрец был ведущей фигурой аристократической фронды, настроенной против, как пишет Србик, «неисторической централизации и нивелирования»<sup>109</sup>. Если же говорить еще точнее, то централизации и германизации. Венгерские, чешские и польские аристократы опасались чрезмерного усиления немецкого элемента в многонациональной империи.

Кроме того, аристократии, независимо от национальной принадлежности, не нравилось, что их высокородный собрат невысоко ставил ее деловые и политические качества. «У нас совсем нет дельной с политической точки зрения аристократии, и институт, подобный английской палате пэров, был бы для Австрии совершенно неподходящим, бесконечно осложняющим задачи правления»<sup>110</sup>, — так оценивал князь Феликс Шварценберг имперскую аристократию в письме к еще находившемуся в изгнании Меттерниху.

Виндишгрец и его единомышленники ожидали возвращения экс-канцлера с надеждой найти в нем духовного лидера. Но Меттерних благоразумно воздержался от сколько-нибудь заметного участия в общественной жизни, хотя по каналам личного общения, безусловно, оказывал на нее некоторое влияние.

Шварценберговские централизация и германизация были по сути двумя сторонами одной и той же медали. Сам министр предпочитал говорить об унификации, выравнивании. Свою точку зрения он изложил в докладе на имя императора, датированном 6 февраля 1849 г.: «Ваше Величество признали и одобрили в качестве ведущей идеи правительства унификацию всех объединенных под вашим скипетром народов. Посредством последовательного проведения этого принципа необходимо объединить имеющиеся в большой империи часто сталкивающиеся друг с другом элементы в едином гармоническом взаимодействии и тем самым придать новый импульс усилению мощи и расцвету всего государства. Только в том случае, если все народы Австрии будут призваны на основе равного права и равных обязанностей совместными усилиями способствовать величию общего отечества, может быть достигнута та великая цель, к которой стремится Ваше Величество»<sup>111</sup>. Доклад Шварценберга был одобрен Францем Иосифом уже 12 февраля. Эту центральную идею молодой кайзер выразил в девизе *Viribus unitis* (объединенными усилиями).

Все это выглядело в значительной мере как возвращение к централизаторскому курсу Иосифа II («иосифинству»). Такая политика вступала в прямую конфронтацию с федералистской линией кайзера Франца I и Меттерниха.

Как известно, именно в федерализме князь видел своего рода крепкое устройство, способное сохранить империю, подданные которой говорили более чем на десятке языков. Не слишком жестко сковывая развитие самобытной культуры австрийских владений, Меттерних надеялся, что такая культурная автономия послужит амортизатором во взаимоотношениях частей империи с Венной, отвлечет их население от политики.

Шварценберг же усматривал в децентрализации, сопряженной с национально-культурным плюрализмом, угрозу для целостности империи. Самое интересное, что элементы правоты были в обеих этих позициях. Возможно, сдвиг в сторону централизации был уместнее в той послереволюционной ситуации, в какой оказалась Австрия. Но в более долгосрочной перспективе он мог привести к обострению хронических имперских противоречий. Федерализм давал больше возможностей для искусного маневрирования, сглаживания особенно острых углов.

Еще из своего бельгийского убежища Меттерних советовал Шварценбергу: «Там, где требуется уважительное отношение к существующим различиям, правительству следует остерегаться того, чтобы империализация создавала впечатление германизации»<sup>112</sup>. Сказано осторожно, но смысл достаточно ясен: германизация угрожает имперскому духу, скрепляющему Габсбургское государство.

Но Шварценберг твердо придерживался иной стратегии. В его планы входило создание «семидесятимиллионной империи», которая могла бы стать доминирующей силой Центральной Европы. Роль костяка отводилась в ней германскому элементу: немецкой Австрии вкуче с государствами Германского союза. Тем самым князь Шварценберг надеялся перехватить инициативу у Пруссии и «поставить ее на место».

Эти гегемонистские амбиции австрийский политик намеревался подкрепить и экономически. «К самым действенным средствам, какими располагает правительство Вашего Величества, чтобы надолго утвердить и преумножить свое влияние в Германском союзе, — писал Шварценберг Францу Иосифу, — без сомнения, относится повседневное участие Австрии в обеспечении материальных интересов Германии. Все возрастающая важность этой стороны государственной деятельности имеет следствием то, что для Австрии с течением времени становится все труднее задача с достоинством сохранять свое политическое положение первой державы Германского союза и тем самым одной из опор всей европейской системы, если имперское правительство будет безучастно относиться к общегерманским вопросам торговли и транспорта»<sup>113</sup>.

Энергия и решительность Шварценберга существенно оживили политическую и экономическую жизнь империи, но век князя оказался недолгим. Совершенно неожиданно он скончался 5 апреля 1852 г., не дожив до пятидесяти



двух лет. За сравнительно короткий период пребывания у власти Шварценберг преуспел лишь в разрушении того, что было принято называть «системой Меттерниха», ничего фактически не построив взамен. Прав был прусский консервативный политик и мыслитель Ф.-Ю. Шталь, сказавший, что «много легче перечислить грехи меттерниховской системы, нежели заменить ее чем-то лучшим»<sup>114</sup>. В позициях Меттерниха и Шварценберга нашла отражение извечная дилемма Габсбургской империи: федерализм или централизм? Империя была обречена на постоянные колебания между тем и другим.

В предназначенной для императора Франца Иосифа памятной записке (от 31 декабря 1852 г.) Меттерних настоятельно подчеркивал уникальность Австрийской империи, состоящей из исторических областей. Не существует некоего единого австрийского народа, империя — это агломерат народов, которые вместе ее образуют. Поэтому бессмысленно говорить о каком-то «народном суверенитете». Для агломерата народов возможно только монархическое правление, «при котором краеугольным и замковым камнем является личность императора»<sup>115</sup>. В империи необходимо соблюдать «единство» и «многообразие»<sup>116</sup>.

Причем единство (централизация) нужно для административной сферы, принцип же многообразия должен реализовываться в сфере управления, хотя, признает князь, их порой бывает трудно отличить одну от другой. В конечном итоге, не ставя под сомнение необходимость государственного единства, Меттерних все же делает упор на «уважение различий в противоположность принципу абсолютного единства»<sup>117</sup>.

После смерти Шварценберга многие в Вене предполагали, что Франц Иосиф приблизит к себе патриарха австрийского политического мира. Действительно, при дворе несколько чаще стали вспоминать о князе, но все же эпизодически. Одной из причин сохранявшегося отчуждения являлось отношение к князю и особенно к княгине Меттерних матери императора Софии.

Первая встреча бывшего канцлера с императором произошла 3 октября 1851 г. Франц Иосиф сам нанес Меттерниху визит и беседовал с ним более двух часов. Разговор шел за закрытыми дверями и Мелани не могла удовлетворить свое любопытство. До ее слуха доходила лишь очень теплая тональность беседы.

А через два дня Меттерниха пригласила София. Если полагаться на запись Мелани, то мать кайзера «дружелюбно и приветливо» говорила с ее мужем обо всех бедах, пережитых императорской семьей в его отсутствие<sup>118</sup>. На самом же деле София жаловалась князю на его «неисправимую» супругу, которая всегда и всюду давала волю своему острому языку. По поручению Шварценберга приходил и граф Рехберг, посовещавший, чтобы княгиня, выражаясь просто, держала язык за зубами<sup>119</sup>.

6 октября Мелани отправилась в Бург к Софии. По описанию Мелани, эрцгерцогиня бросилась ей на шею, что было воспринято женой Меттерниха как знак примирения. Между тем ведь именно ее отправили извиняться. Уже из

этого видно, с каким настроением она шла на встречу со своим врагом. А ведь от нее ожидали Каноссы.

С одной стороны, княгиня выразила беспредельную преданность Габсбургскому дому, а с другой, принялась защищать мужа от обвинений в том, что он будто бы несет ответственность за неудачи правительства в предреволюционный период, будто бы революция стала следствием его политики. Превознося заслуги Клеменса перед династией, Мелани отвела душу. Но все же ей пришлось хотя бы частично смирить свой нрав, пойти на попятную, принести некое подобие извинения, пообещать вести себя более сдержанно. Было заключено перемирие, но не более.

Натянутые отношения между эрцгерцогиней Софией и семейством Меттернихов были, конечно, не единственной причиной, мешавшей сближению князя с императором. Другую причину скорее всего следует искать в области психологии Франца Йосифа. Меттерних преподавал ему историю и науку политики. Теперь юный кайзер уже успел почувствовать вкус свободы; по отношению к князю он, видимо, испытывал ученический комплекс. Выслушивать многочасовые назидательные монологи прежнего учителя, иметь дело с его «диссертациями» по тем или иным вопросам — такая перспектива не прельщала молодого человека. Кроме того, несмотря на юный возраст, он не мог не помнить о той жесткой опеке, под которой экс-канцлер в свое время держал императорскую семью. Единственная подготовленная по его просьбе памятная записка касалась вопроса об организации полиции<sup>120</sup>.

«Профессору» Меттерниху пришлось довольствоваться ролью добровольно-го консультанта нового министра иностранных дел графа Карла Фердинанда Буоля. Хотя всю свою жизнь тот провел на дипломатическом поприще, представляя интересы Австрии в ряде государств Германского союза, в Петербурге и Лондоне, роль руководителя внешней политики Австрийской империи была ему явно не по плечу. Советы Меттерниха Буоль принимал с дипломатической вежливостью, тем более что столько лет находился под его началом, но далеко не всегда им следовал. За семь лет пребывания на министерском посту (1852–1859) граф успел совершить немало ошибок, в том числе и стратегических.

В канун очередного обострения «проклятого восточного вопроса» (май 1852 г.) Меттернихов навещил российский император Николай I. Трудно сказать, какие мотивы, политические или личные, побудили Николая к встрече с человеком, к которому он едва ли питал добрые чувства. Скорее всего, и те и другие. Даже находясь вне практической политики, бывший канцлер обладал определенным влиянием в Вене. Не исключено, что царь несколько его переоценивал. Возможно, сказывалось также и чувство «консервативной солидарности». Нельзя сбрасывать со счетов и естественное ностальгическое желание повидать человека, с которым так много было связано в недавнем прошлом. Тем более что Николай I проявил себя в высшей степени благородно по отношению к свергнутому канцлеру: оказал ему существенную материальную помощь и предлагал в трудный момент убежище в России.

Мелани, когда-то кокетничавшая с царем, и теперь в восторге от него: «Он по-дружески трогательно держался с нами и много говорил о нашем императоре, которого он, по его словам, любит как собственного сына»<sup>121</sup>.

Вскоре вслед за царем нанес визит великий князь Константин, затем Несельроде. Наконец и сам обольстительный граф Орлов, так расположивший к себе Меттерниха еще в начале 30-х гг. Он был принят, несмотря на то что хозяйку дома мучила лихорадка.

Вскоре Николай I еще раз побывал у Меттернихов, вернувшись с артиллерийских стрельб. «Он говорил намного откровеннее, чем в первый раз»<sup>122</sup>, — заметила Мелани. С князем у императора был долгий разговор. Прощаясь с четой Меттернихов, Николай I сказал, чтобы они всегда считали его своим преданнейшим другом.

Незадолго до визита Николая I Меттернихов достигла весть о смерти маршала Мармона (март 1852 г.), с которым князя связывали давние дружеские отношения. В октябре того же 1852 г. скончался, пожалуй, самый близкий из друзей Меттерниха герцог Веллингтон. Эти люди были особенно дороги Клеменсу тем, что напоминали о самой славной поре его жизни.

Летом 1852 г. в Вене появилась княгиня Екатерина Багратион. Создавалось впечатление, что главной ее целью было оживить воспоминания о ярких годах молодости. Она провела в австрийской столице шесть недель и почти ежедневно бывала у Меттернихов.

Екатерина Павловна не желала считаться с годами. Хотя те и брали свое, она продолжала внутренне оставаться все тем же «обнаженным ангелом», о чем свидетельствовали и экстравагантные туалеты, щедро открывавшие утратившие былую прелесть и изрядно высохшие формы.

У Меттернихов она встретила благожелательный прием. Мелани сделала в своем дневнике довольно деликатную запись о гостье из прошлого: «Ее туалеты отличались невиданной оригинальностью»<sup>123</sup>. Внучка же князя, Полина Меттерних-Шандор, со свойственной юности безжалостностью не удержалась от ехидного описания отчаянно молодящейся, похожей на мумию красавицы былых времен<sup>124</sup>. Сам Клеменс с не лишеной легкой иронии торжественно вел к столу подругу бурной молодости.

Весной 1854 г. князь пережил самую тяжелую утрату. 3 марта скончалась Мелани, которая была младше его на 32 года. Их продолжавшийся 23 года брак оказался на редкость счастливым. Всю себя без остатка Мелани посвятила служению мужу. Для нее он был воплощением совершенства, земным божеством. Всякий, кто осмеливался сказать о ее Клеменсе худое слово, немедленно становился ее смертельным врагом. Своим темпераментом, высокомерием, невоздержанностью на язык она доставила мужу немало неприятностей. Но все это с лихвой искупалось той самоотверженной любовью и заботой, душевным и житейским комфортом, которыми она его окружила. Она родила ему четырех детей, трое из которых успели пожить в XX веке.

Княгиня Мелани стала жертвой целого набора тяжелых болезней, которые

обострились в последний период ее жизни. Но главной из них был рак. Свои страдания она переносила с исключительным мужеством, старалась держаться так, чтобы не доставлять беспокойства Клеменсу. Для того так и оставались тайной ее мучения.

Несмотря на солидную разницу в возрасте, тщательно опекавшая мужа Мелани выступала по отношению к нему в материнской ипостаси. Эгоистичному, привыкшему к поклонению, Клеменсу это было приятно и удобно. В письме к близкому человеку, барону Хюбнеру (сменившему в Париже Аппоньи), князь признавался, что в Мелани он потерял не только спутницу жизни, наделенную благороднейшими духовными качествами, но и, «можно сказать, вторую мать»<sup>125</sup>.

Тем не менее Меттерних полностью оправдал свою репутацию политика до мозга костей. Сразу же за вышеприведенными словами скорби по Мелани следует такая фраза: «Мое подавленное состояние усугубляется и общим положением в мире»<sup>126</sup>.

К этому времени уже началась Крымская война, поставившая Австрийскую империю перед труднейшим выбором. Чтобы выйти из сложной ситуации с наименьшим уроном, требовалось исключительное искусство дипломатического маневрирования, какое в свое время демонстрировал Меттерних. Теперь же достойного преемника у него не нашлось.

Предостережения насчет того, чтобы не впутываться в восточные дела, — лейтмотив писем бывшего канцлера министру иностранных дел Буоло. «Ни на одном из полей Востока, — писал он 9 января 1853 г., — не растут плоды, полезные для нашей империи»<sup>127</sup>. Чтобы отвлечь взоры России от Константинополя, по мнению Меттерниха, можно примириться с ростом ее влияния в Сербии и Черногории.

У императора Николая I, несмотря на все, что он сделал для Габсбургов в лице молодого Франца Иосифа, были определенные опасения по поводу возможного поведения Австрии в случае военных действий на Востоке. В какой-то мере он, видимо, надеялся на Меттерниха, полагая, что старейшина австрийской политики окажет соответствующее влияние на своего ученика-кайзера. В июне 1853 г. Меттернихи получили многозначительный подарок-напоминание из Петербурга — великолепный портрет царя.

Николай I был склонен преувеличивать значение идейно-политического родства российского и габсбургского режимов. Царю казалось, что помощь, оказанная Австрии при подавлении венгерской революции, и проавстрийская позиция в Ольмюце позволяют ему надеяться если не на военную, то уж, во всяком случае, дипломатическую поддержку Франца Иосифа.

Однако то, что позднее стало именоваться геополитическим фактором, противоречило этим расчетам. Не случайно князь Шварценберг, получив столь важную военную и политическую помощь со стороны России, бросил свою исполненную цинизма фразу: «Мы еще удивим Европу своей неблагодарностью»<sup>128</sup>. Эти слова часто приписывают Меттерниху, но он только повторял их.

Как бы ни сближали Австрию и Россию общие консервативные основы, в политике над ними брал верх прагматичный «государственный резон». Рос­сийское продвижение на Балканы и распад Турции представляли для Австрии огромную опасность. В то же время западные державы Англия и Франция имели такой мощный рычаг давления на империю Габсбургов, как угроза поддер­жать борьбу итальянцев за национальное освобождение.

В условиях политической напряженности князь встрепенулся и даже почув­ствовал некий приток жизненных сил. Ситуация напомнила ему его «звездный час» — 1813 год, когда в течение нескольких месяцев Австрия в его лице игра­ла роль общеевропейского арбитра. Безусловно, выгоднее было бы не доводить дело до военного конфликта и достигнуть согласия за столом переговоров. Ра­зумеется, лучшего места, чем Вена, для этого не найти.

В письме Буолу от 27 мая 1854 г. Меттерних сравнивает современную си­туацию с той, которая возникла в результате войны 1812 г. В столкновении Запада и Востока Австрии принадлежит позиция в центре, между противо­борствующими сторонами. Правда, с военно-стратегической точки зрения, полагает бывший канцлер, тогда, в период наполеоновских войн, положение было благоприятнее. Как и в те времена, рекомендует искушенный мастер по­литики графу Буолу, необходимо сохранять свободу маневра и использовать свою силу в самый подходящий момент. Сейчас, когда военные действия только начались, этот момент еще не наступил. Положение слишком запу­танное и неясное. Задача заключается в том, чтобы «сохранять открытым путь к миру»<sup>129</sup>.

Через неделю (3 июня) князь буквально заклинает Буоля воздерживаться от какого бы то ни было участия в Крымской войне. Австрия — «срединное госу­дарство», и ей «не следует идти на поводу ни у Востока, ни у Запада»<sup>130</sup>. Австрийцам следует действовать в направлении мира, а не выступать либо в качестве авангарда Востока против Запада, либо Запада против Востока.

Знаменательна дата написания этого письма Меттерниха Буолу. Именно в этот день Австрия сделала России предупреждение по поводу Дунайских кня­жеств, т. е. фактически потребовала их очистить<sup>131</sup>. Тем самым Австрия заняла недружественную по отношению к своей недавней благодетельнице позицию. Свершилось предсказание Шварценберга.

Князь подверг критике договор от 2 декабря 1854 г. между Австрией и «мор­скими державами», направленный против России. Аргументы его чисто праг­матические: «Договор ослабляет позиции Австрии, вместо того чтобы их уси­лить. Сила Австрии во время всей этой ужасной сумятицы покоится на свобо­де маневра, а не на союзнических отношениях»<sup>132</sup>. Неуклюжей политике Буоля Меттерних противопоставляет собственное искусное маневрирование 1813 г.

Его нельзя причислить к довольно влиятельной русофильской группи­ровке, к которой принадлежали такие его давние друзья, как фельдмаршалы Виндишгрец и Радецкий. Ему понятна циничная логика фразы Шварценбер­га. Для Меттерниха вполне приемлемо воспользоваться моментом и слегка

осадить Николая I, но коренную ломку характера отношений с Россией он считает серьезной ошибкой.

Имелись в Вене и сторонники решительной ориентации на Запад. Среди них очень близкие Меттерниху люди: бароны Прокеш-Остен и Хюбнер. На их взгляд, союз с западными державами — противоядие российской гегемонии в Европе и ее планам раздела Турции. Кроме того, они надеялись, что такой союз поможет Австрии сохранить итальянские владения и нейтрализовать Пруссию.

Как и «западников», Меттерниха не устраивало занятие Россией Дунайских княжеств, но он считал, что русских надо вытеснить из них не силовыми аргументами, а дипломатическим маневрированием. Россию, в частности, следовало бы уверить в том, что австрийские войска на нижнем Дунае прикрывают ее от флангового удара войск западных держав.

В конечном же счете, сокрушался экс-канцлер, Австрия настроила против себя практически всех. Была оскорблена Россия, сохранилось недоверие к Австрии Запада. «Россия стала врагом, а Англия и Франция не стали друзьями»<sup>133</sup>, — таков, по словам Г. фон Србика, плачевный результат отхода от курса Меттерниха. Ситуацией ловко воспользовался сардинский министр, искусный дипломат граф Камилло Бензо Кавур, чтобы посылкой войск в Крым заслужить поддержку в деле объединения Италии.

## V

Завершение Крымской войны, на взгляд Меттерниха, не принесло подлинного умиротворения: «Пушки вернулись в арсеналы, а военные корабли в порты. Политический мир заключен, но это сиюминутный мир, а не мирный порядок и не социальный мир. Подлинного мира Европа не получила»<sup>134</sup>.

Меттерниха страшит возможность сближения между Россией и Францией. Этим двум странам проще иметь дело друг с другом, пишет он в очередном наставлении Булюю: «У обоих государств нет непосредственного соприкосновения друг с другом»<sup>135</sup>.

Особенно князь опасается англо-французской антанты, которая, по его мнению, возникла по вине императора Николая I. Конечно, между союзниками много разногласий, ставящих под сомнение долговечность их альянса, но, к несчастью, по итальянскому вопросу их позиции наиболее близки.

Обозревая перспективы на будущее, князь в конфиденциальном письме сыну Рихарду (от 4 января 1857 г.) позволяет себе критику по адресу императора Франца Иосифа. Результатом его политики явилось то, что «Австрия сегодня находится в одиночестве. Такую позицию не назовешь удобной». Далее следует предостережение сыну: «Все сказанное должно остаться между нами»<sup>136</sup>.

Когда спустя полтора года Меттерних в очередной раз затрагивал тему «одиночества» Австрии в письме Булюю, он во всем винил прежде всего социальную революцию, охватившую Европу с 1789 г. Она привнесла беспорядок во все сфе-

ры общественной жизни, подорвала эквилибр. В таких обстоятельствах даже большому государству не остается ничего другого, как вести себя подобно «капитану корабля, оказавшегося в море, усеянном рифами, посреди густого тумана»<sup>137</sup>. «С кем идти сегодня Австрии?» — риторически вопрошал бывший канцлер. На этот вопрос у него (едва ли не впервые в жизни) нет ответа.

Вообще он не уверен, что в настоящее время возможен какой-либо альянс на основе правильной правовой базы и ясно выраженной воли. Франция, с определенными модификациями, идет по тому же пути, на который она встала 69 лет назад. Французский парламентаризм в духе Монтескье подрывает и разрушает представительную систему в Англии. При этом «морские державы» движутся навстречу друг другу. Россия втягивается на самоубийственный путь; у Пруссии нет настоящего руководства. Правда, Австрийская империя в эпохи всеобщего беспорядка обнаруживала удивительную способность к сопротивлению<sup>138</sup>. Оставалось надеяться только на это.

Примириться с мыслью об «одиночестве» Австрии творцу альянсов и коалиций было трудно.

За несколько месяцев до кончины Меттерних отправляет письмо Дизраэли, где объясняется в любви Англии и проводит свою излюбленную идею: «Великая морская империя... и континентальная центрально-европейская держава, у которой нет интересов на море, всегда кончают тем, что сходятся друг с другом, идет ли дело о вопросах общего характера или же о вопросах, затрагивающих их прямые интересы»<sup>139</sup>.

В то же время страх перед Францией, а точнее, перед революционной угрозой, постоянно, по убеждению князя, исходящей от нее, побуждал его обращать свои взоры и на Восток. Видимо, в глубине души у него теплилась надежда на то, что время поможет смягчить последствия австрийской «неблагодарности», тем более что и восточный консервативный союзник не раз своими односторонними действиями наносил тяжелые удары по интересам Габсбургской империи.

Свое восприятие современности Меттерних выразил английским словом *darkness*<sup>140</sup>, т. е. тьма, мрак. Главное зло, нависшее над миром, резюмируется тоже одним словом — «социальная революция». С ней связано много всяческих «измов».

К числу главных объектов критики князя относится и либерализм. Само это понятие он считает «бессодержательным», неким «общим местом», «пустым орехом»<sup>141</sup>. Но это не умаляет его опасности. Многие государи XVIII и XIX веков пострадали от того, что были чересчур либеральными. Опасность либерализма усугубляется тем, что он органически связан с борьбой за национальные цели народов, стремящихся к независимости. Дипломатию, признающую ценность «национальности», Меттерних квалифицирует как «либеральную»<sup>142</sup>.

Не менее жестким атакам подвергается и другой «изм», а именно «парламентаризм». Поводом для одной из них стала статья Доносо Кортеса, вдохновившая князя. Он оценил ее как подлинный шедевр и счел определение испан-

ца «исчерпывающим»: «Парламентаризм — это революционный дух в парламенте»<sup>143</sup>. Все же князь не удержался от того, чтобы развить мысль испанского консерватора, используя для характеристики того же самого явления слова «подслащенный радикализм»<sup>144</sup>. Он еще готов был кое-как примириться с британским дореформенным парламентаризмом как некой островной экзотикой, но даже применительно к Англии в расширении избирательного корпуса ему уже виделось подобие революции. Дальше сословного представительства уступчивость князя не простиралась.

Могло показаться, что пребывание в Англии и Бельгии смягчило консерватизм Меттерниха. Но, что хорошо для этих стран, не годилось, на его взгляд, для Австрийской империи. Здесь князь оставался прежним Меттернихом. Предпосылкой выживания Габсбургской монархии, по его непоколебимому убеждению, являлась «неизменность консервативных принципов, на которых походят политика и само существование нашей империи»<sup>145</sup>.

Либерализм, парламентаризм, национальный принцип — все это подрывает фундамент австрийского государства. Его структура особенно уязвима для негативных, по оценке Меттерниха, тенденций времени. «Ни в одном политическом организме, — писал он Буолю, — общая ситуация не вызывает столь очевидных трудностей, как в нашей империи, чье существование покоится на различии рас, на последствиях ее географического положения и ее истории. В силу этого она более, чем любой другой политический организм, придерживается определенных условий, жестких и точных»<sup>146</sup>.

Не забывает князь отметить и роль религиозного фактора: «Падение империй всегда находится в прямой связи с распространением неверия»<sup>147</sup>.

Разумом Клеменс был по привычке погружен в анализ текущих политических дел, выступал в качестве пророка и эксперта, но его душа и сердце жили в другом временном измерении, в иной эпохе, самой для него дорогой. Естественно, это было наполеоновское время. Время молодости, великих дел и великой любви. По сути князь продолжал греться в лучах посмертной славы одного из самых великих персонажей мировой истории.

Хотя Меттерних играл первостепенную роль в истории первой половины XIX в., для многих он был гораздо интереснее не этим, не своими делами и мыслями, а тем, что ему довелось общаться с императором французов, вести политическую игру вместе с ним и против него. Не случайно его устные рассказы о Наполеоне пользовались неизменным успехом и приковывали к нему внимание самых взыскательных и капризных завсегдатаев аристократических салонов.

Повествуя о делах давно минувших дней, Клеменс, разумеется, стремился всячески приукрасить свою собственную роль в истории, подать себя в самом выгодном свете. Слушатели охотно прощали ему вполне понятную слабость, пропуская мимо ушей самовосхваления ради того, чтобы насладиться лакомыми кусочками, интересными, только рассказчику ведомыми деталями из жизни Наполеона, уникальными штрихами к его портрету. Еще перед слушателями проходила череда колоритных фигур из наполеоновского окружения, им-



ператрица Жозефина, знаменитая красавица, сестра императора Полина Боргезе, Талейран и многие другие.

Со щемящим чувством ностальгии постаревший «красавец Клеман» вспоминал о балах и празднествах первой империи. В его разговорах, как писал Србик, все сильнее ощущался «культ наполеоновской эпохи»<sup>148</sup>. В письме леди Уэстморленд, жене британского посла, а главное — племяннице Веллингтона — Меттерних характеризовал наполеоновское время как «суровое» и «даже героическое»<sup>149</sup>. Та эпоха настолько превосходила современную, насколько великий Наполеон I превосходил своего племянника Наполеона III.

Период борьбы с Наполеоном князь называл «самой серьезной эпохой» в своей жизни<sup>150</sup>, еще раз невольно признавая, что его собственное место в истории во многом предопределялось величием той фигуры, с которой ему довелось столкнуться.

С самым острым любопытством Меттерних читал все публикации, посвященные людям и событиям славной эпохи. Среди них выделялась многотомная «История консульства и империи» Адольфа Тьера, консультировавшегося с Меттернихом, самым выдающимся из оставшихся в живых деятелей той поры. Наверное, он был и самым вьедливым читателем того тома исследования Тьера, в котором детально рассматривались события с мая 1812 по июнь 1813 г. Этот том увидел свет в начале 1857 г. «Никогда не ожидал, — признавался Меттерних все в том же письме леди Уэстморленд, — что мне доведется найти такой достоверный отчет об австрийской политике между 1812 и 1813 г. именно во французском труде, а тем более вышедшем из-под пера Тьера, с которым у меня были лишь две короткие встречи и который был моим решительным противником в период своих министерств»<sup>151</sup>.

Через несколько дней князь делится своими впечатлениями об этом томе Тьера со столь компетентной особой, как герцогиня Саган, т. е. наследницей Вильгельмины, ее младшей сестрой Доротеей, носившей ранее титул герцогини Дино. По своему содержанию, замечает Клеменс, этот том «вполне справедлив»<sup>152</sup>.

Воспоминания о славном прошлом побудили князя заглянуть в официальные архивные материалы. Среди документов ему попался на глаза номер «Монитора» за 5 октября 1813 г., испещренный его собственными карандашными пометками. Свои впечатления и мысли, начертанные тогда на полях газеты, Клеменс оценил чрезвычайно высоко. «Месье Тьеру, — пишет он герцогине, — чтобы написать политическую и моральную историю первых восьми месяцев того памятного года, безусловно, нет нужды знакомиться с прочими актами для истинности своего повествования»<sup>153</sup>.

Летом 1857 г. в Йоханнисберге состоялась третья и последняя встреча Меттерниха с Тьером. В письме от 4 августа князь искренне благодарит француза за удовольствие, полученное от общения с ним. Тьер — историк наполеоновской эпохи заставил его забыть о вражде с Тьером-политиком. В труде своего бывшего политического противника князь, по словам Э. Корти, «увидел дока-

зательства того, что он, Клеменс, и только он один верно разглядел как великие свойства, так и слабости Наполеона I»<sup>154</sup>.

В последние годы жизни на долю князя выпали и семейные радости. Из шести оставшихся в живых детей от трех браков с ним жили две дочери его и Элеоноры: Эрминия, никогда не вышедшая замуж, и Леонтина, чей муж, «дьявольский наездник» Мориц Шандор, находился в пражском приюте для душевнобольных. Рихард, рождение которого стоило жизни красавице Антуанетте, служил в парижском посольстве. Два сына от Мелани, Пауль и Лотар, проходили военную службу, а Мелани-младшая с 1853 г. была замужем за представителем своего клана — графом Йожефом Зичи.

Вместе с Леонтиной жила ее дочь, внучка князя, Полина Шандор. К изумлению родных, во время своего венского отпуска 1856 г. 26-летний Рихард попросил руки 19-летней Полины. Мать пришла в замешательство, но «дедушка» был в восторге. «Я останусь для тебя дедушкой, — говорил Клеменс внучке, — ты не должна называть меня тестем, как дедушка я тебе гораздо ближе»<sup>155</sup>.

Уже в 1857 г. Полина родила девочку, которую назвали Софией. Так Меттерних стал прадедом. Князь проявил большой интерес к жизни молодых. Они вскоре оказались в Дрездене, где Рихард занял пост имперского министра при саксонском короле. Дрезден был не так уж далеко от меттерниховской резиденции в Кёнигсварте, что позволяло родственникам часто встречаться.

Именно Полина оставила в своих воспоминаниях подробное описание распорядка дня деда в последний период его жизни. Князь по давней привычке подчинялся довольно строгому режиму. Былое сибаритство осталось в далеком прошлом. Теперь режим не был ему в тягость. Вставал он в 8 часов утра, тщательно одевался. Выпив чашку чая, экс-канцлер усаживался за большим столом, читал газеты, писал письма. По словам внучки, он буквально пожирал все книги, которые вызывали у него интерес. Интересы же его были весьма широки. Большое удовольствие находил он и в фельетонах из парижской «Шаривари». Ее доставляли ему по пятницам. Затем прогулка либо по парку, либо по саду. После обеда короткий, не более четверти часа, сон и чтение вечерних газет. Когда наступала усталость от чтения, князь беседовал с родными.

Почти каждый вечер, обычно после окончания театральных спектаклей, появлялись визитеры. Иногда их было много, что создавало для Меттерниха серьезные трудности. К концу жизни он плохо слышал и потому мог говорить лишь с кем-то одним. Причем собеседник был вынужден переходить чуть ли не на крик. По воскресным и праздничным дням князь ходил к мессе.

Меттерниха навещал в те времена литератор Шмидт-Вайзенфельс, который трудился над его биографией. Перу этого литератора принадлежит обстоятельное описание облика князя: «Редко какой старец может произвести столь импозантное впечатление, как этот. Князю было за семьдесят, но он все еще держался прямо; его высокая худощавая фигура все еще выглядела несогбенной под грузом лет, воздействию которого ему все же приходилось уступать. У него белоснежные, поредевшие, но сохранившиеся волосы, рез-

кие складки на лице... Лик князя, просветленный возрастом, сохранил следы той былой красоты, которая восхищала женщин и мужчин. И теперь были красота и благородство во всем, хотя черты его выглядели обострившимися и исхудавшими»<sup>156</sup>. «Ничто не стало некрасивым или неизящным, вся его голова выглядела шедевром стареющей природы»<sup>157</sup>, — так заключил Шмидт-Вайзенфельд свою зарисовку.

«Вышли ли из него с возрастом шлаки эгоизма?» — ставит вопрос один из сравнительно недавних биографов Меттерниха Хумберт Финк. Вряд ли можно дать однозначный ответ. «Добрый и очаровательный старец, исполненный благожелательства к людям, которые пришли ему на смену... сочетающий черты величия и полное отсутствие высокомерия»<sup>158</sup>, — это из описания барона Иосифа Александра Хюбнера, который, правда, был не просто близким князю человеком, но и его незаконнорожденным сыном.

Однако реакция князя на смерть бывшей любовницы, княгини Багратион, еще раз свидетельствовала о его неистребимом эгоизме. «В самом деле, — только и сказал Клеменс, узнав о кончине Екатерины, — удивительно, что она жила так долго... Ее можно было сравнить лишь с передвигающейся, питающейся и говорящей мумией»<sup>159</sup>.

Смерть исправно делала свое дело. За несколько месяцев до Е. П. Багратион в начале 1857 г. умерла Доротея Ливен. Представлявшего в Париже австрийские интересы Хюбнера Меттерних предостерегал: «Общение с этой женщиной очаровательно, но опасно»<sup>160</sup>. В том же году ушла из жизни графиня Флора Врбна, когда-то царившая в салоне Меттерниха, восседая на канаве, как на троне. Получив весть о смерти «верного» Кюбека, князь сказал, что он сам и люди его поколения «подобны монументам в разграбленном врагами городе, окруженные со всех сторон нагромождениями развалин и только что возведенными новыми постройками»<sup>161</sup>.

5 января 1858 г. умер фельдмаршал Радецкий, самый известный и удачливый полководец империи. В его честь звучал популярный «Марш Радецкого», сочиненный Иоганном Штраусом. Его смерть в то время, когда из Парижа и Турина поступали тревожные сигналы, выглядела мрачным предзнаменованием.

Последний год своей жизни Меттерних встречал в подавленном настроении. Европейскую ситуацию в письме леди Уэстморленд (6 февраля 1859 г.), он оценивает как кошмар, оскорбление человеческого разума». Вспоминая о своем друге Веллингтоне, князь пишет: «На свое счастье он до этого не дожил»<sup>162</sup>.

В центре внимания бывшего канцлера император Наполеон III и его итальянская политика. Насколько Меттерних любил итальянское небо и солнце, итальянскую музыку, настолько же пренебрежительно он смотрел на Италию под политическим углом зрения. Как уже говорилось, для него Италия — не политическое, а географическое понятие. Более того, название Италия, писал он еще в 1848 г. британскому дипломату Фредерику Лэму, тщетно искать и на географических картах. Вообще итальянская нация представлялась князю как нечто фантазмагорическое<sup>163</sup>.

Поддерживая идею создания итальянского национального государства, Франция тем самым угрожает не только Австрии, но и всей Европе. Между двумя империями, Австрийской и Французской, делится своими мыслями с Виндишгрецем Меттерних, противоречия носят не только политический, но и социальный характер: Франция, приведенная в расстройство социальной революцией, тщетно пытается в течение полувека возвести солидное правительственное сооружение на революционной базе; Австрия, напротив, апеллирует к «силе вещей» как единственному решающему фактору. «Наша империя консервативна»<sup>164</sup>, — подчеркивал Меттерних.

Он жаждет новостей о возмутителе европейского спокойствия Наполеоне III. К разговорам о нем свелись, например, встречи бывшего канцлера с испанским маршалом Нарваэсом и строителем Суэцкого канала Лессепсом, происходившие в конце февраля 1859 г. Испанец специально заехал в Вену из Парижа по дороге в Венецию, чтобы повидаться с князем. Этот собеседник был чрезвычайно интересен Меттерниху из-за его особых отношений с императором Наполеоном III. Совсем недавно маршал был принят главой французского государства. На вопрос князя о том, какое у него сложилось впечатление о настроении императора, Нарваэс ответил следующим образом: «Чувствуется, что этот человек бесповоротно вступил на свой путь»<sup>165</sup>.

Лессепс, естественно, говорил о своих планах по поводу строительства Суэцкого канала. Однако Меттерниха больше занимало другое. Он попросил француза высказать свои соображения о ситуации во Франции. Сведения оказались неутешительными. «Его (Лессепса. — П. Р.) слова, — констатирует князь в письме к графу Буолю, — совпадают с тем, что говорил маршал Нарваэс»<sup>166</sup>.

В ходе разговора с Лессепсом Меттерних выразил сожаление по поводу того, что не может встретиться с императором Наполеоном III непосредственно, как это было с его дядей. Князь вспомнил о своей многочасовой беседе с Наполеоном в дрезденском дворце Марколини, когда он предостерегал императора французов от неминуемого поражения и предлагал ему мир. Теперь он хотел предостеречь его преемника: «Если бы я сегодня встретился бы лицом к лицу с племянником, я сказал бы ему: "Ситуация, которую вы создали, дойдет до логического завершения. Первый же пушечный выстрел, произведенный вами, вызовет тысячи залпов. По моему убеждению, возникнет столкновение между Францией — сегодня это вы — и Европой"»<sup>167</sup>.

Надежды на благоприятный исход событий невелики. «Мир, дорогой граф, — печально констатирует в своем послании Буолю экс-канцлер, — пребывает в состоянии безумия»<sup>168</sup>. Еще пессимистичнее его апрельское (3.04.1859) письмо тому же адресату. «Ежедневные новости, — жалуется Меттерних, — разрушают мои способности и парализуют мою добрую волю мыслителя и наблюдателя того беспорядка, в котором пребывают самые важные общественные интересы»<sup>169</sup>.

В Европе уже ощущалось приближение новой войны, запахло порохом. Сардинское королевство усиленно вооружалось. Безусловно, сам по себе Турин не мог надеяться на успех, но его действия должны были подтолкнуть Париж.

Ловкими маневрами сардинский министр граф Кавур, с одной стороны, подстегивал нерешительного Наполеона III, а с другой — загонял Австрию в ловушку. Ему было необходимо, чтобы инициатива в развязывании войны исходила от австрийцев. Это обеспечивало не только моральное преимущество сардинцам, но и лишало бы Австрию права обратиться за помощью к Германскому союзу.

Австрия в полной мере пожинала плоды своей неуклюжей внешней политики. Теперь ей не приходилось рассчитывать на помощь бывших союзников: Пруссии, а тем более России. Лишь Англия, не желавшая усиления Франции, пыталась сыграть посредническую роль.

Между тем Буоль сохранял иллюзию насчет поддержки «консервативных держав». Меттерних советовал ему держаться твердо, но сохранять способность к маневру, ни в коем случае не торопить ход событий. В письме от 17 апреля 1859 г. он предостерегал министра иностранных дел от того, чтобы связывать попытки мирного урегулирования с требованием предварительного разоружения Сардинии. Гораздо разумнее, на его взгляд, согласиться с английским предложением о всеобщем разоружении, которое на практике «не идет дальше пустой игры слов»<sup>170</sup>. Важное значение Меттерних придавал налаживанию отношений с Англией, чьи посреднические усилия давали надежду на выход Австрии из изоляции.

А между тем император и правительство Австрии вели себя подобно разъяренному быку на корриде, где в роли искусного тореро выступал Кавур. И все же Франц Иосиф почувствовал необходимость повидаться со своим старым наставником.

Кайзер появился на вилле Реннвег между 5 и 6 часами утра 20 апреля. Во время неспешной прогулки Франц Иосиф и Меттерних обсуждали внешнеполитическую ситуацию, в которой оказалась империя. Кульминацией разговора стали слова князя: «Ради Бога! Не надо никакого ультиматума!» «Он уже отправлен вчера», — ответил на это Франц Иосиф.

Что же тогда привело его к мэтру европейской политики? Скорее всего, чувство неуверенности в своих решениях и действиях. Но он не мог не понимать, что князь вряд ли одобрит предпринятый им демарш. Возможно, Францу Иосифу нужно было просто облегчить душу, выговориться. Тем более что в его окружении после смерти Шварценберга не было сколько-нибудь сильной фигуры, к которой мог бы прислониться еще только набравший опыт монарх.

29 апреля австрийские войска выступили в поход против Сардинии, а тем самым и ее союзницы Франции. Случилось то, чего опасался экс-канцлер: Австрия не только ввязалась в войну, но и предстала в роли ее зачинщицы. 4 мая, по совету Меттерниха, Франц Иосиф заменил продемонстрировавшего полную несостоятельность Буоля графом Рехбергом.

Как ни поглощен князь текущими событиями, он продолжает размышлять и над глобальными и абстрактными проблемами. В письме Рихарду (5 мая) он отмечает, что главное зло эпохи — в «непонимании истинного смысла слов». Даже неполный перечень таких «недоразумений» достаточно красноречив: раз-

деление властей, суверенитет народа, вечные принципы 1789 года, основные права, принцип невмешательства, «золотая середина», взаимное сдерживание властей, общественное мнение, национальность и т. д.<sup>171</sup>

Восьмидесятишестилетие Меттерниха (15 мая) отмечалось в не очень праздничной атмосфере. В напряженной военно-политической ситуации князь тяжело ощущал груз прожитых лет. «15 мая, — писал гостивший тогда на вилле Реннвег Хюбнер, — он (князь. — П. Р.) отмечал свой восемьдесят шестой день рождения. Он был за столом весел и разговорчив, однако неожиданно резкое изменение его внешности было мучительно воспринято нами»<sup>172</sup>. Через десять дней, перед отъездом в Неаполь, барон Хюбнер провел с князем все утро, а на прощание услышал от него: «Я был твердыней порядка». Затем Меттерних еще несколько раз повторил эти слова.

Отвечая 20 мая на поздравительное письмо леди Уэстморленд, Меттерних фактически подводит итоги всей своей жизни, большая часть которой, целых 70 лет, совпала с социальной революцией, развязанной в 1789 г. Францией. Прошло 50 лет с тех пор, как он впервые был назначен министром, 65 лет — с момента его вступления на австрийскую службу. И теперь, полагал князь, продолжается смертельная борьба между принципами 1789 г. и вечным разумом. Поэтому и сегодняшнюю отвратительную ситуацию нельзя объяснять одним лишь появлением искусного жонглера (т. е. Наполеона III), который дурачит людей, используя их слабости. «Как видите, — заключает князь, — я вступаю в восемьдесят седьмой год моей жизни отнюдь не с легким сердцем»<sup>173</sup>.

21 мая состоялась последняя встреча Меттерниха с императором Францем Иосифом. Кайзер обратился к бывшему канцлеру с просьбой составить для него текст политического и частного завещания, в которых были бы наилучшим образом и на неоспоримой правовой основе обеспечены права малолетнего наследника и императрицы в случае гибели Франца Иосифа, намеревавшегося возглавить армию. «Казалось, еще раз, — писал Србик, — судьба Австрии в значительной мере отдавалась в руки старого политика»<sup>174</sup>.

Однако экс-канцлер не смог выполнить это последнее поручение императора. Буквально на глазах окружавших его жизненные силы стали покидать князя. Его уход из жизни совпал с поражениями австрийских войск на полях сражений в Италии. Австрийская армия была, как обычно, плохо подготовлена к военным действиям, полководческие дарования графа Дьюлаи вполне соответствовали дипломатическому искусству графа Буоля. 20 мая австрийцы были разбиты при Монтебелло, 30–31 — при Палестро, 4 июня — при Мадженте.

Появление императора Франца Иосифа не повлияло на ход событий. До следующего тяжелого поражения при Сольферино (24 июня) Меттерних не дожил, хотя еще в письме леди Уэстморленд от 20 мая он сообщал, что собирается перебраться в Богемию и сожалел, что это обстоятельство затруднит их встречу.

11 июня князь тихо и незаметно скончался, а вернее было бы сказать — угас. Умер он так же легко, как и жил. Несмотря на военное время, он удостоился торжественных похорон в Карлсكيرхе. Там собрались эрцгерцоги, имперские

князя, рыцари ордена Марии Терезии. Затем гроб с его останками был доставлен в Пласс, где покоились ранее умершие члены его семьи.

---

<sup>1</sup> NP. Bd. 7. S. 529.

<sup>2</sup> Ibid. S. 547.

<sup>3</sup> Ibid. S. 567–568.

<sup>4</sup> Цит. по: Droz J. *Europe between revolutions, 1815–1848*. N. Y., 1980. P. 252.

<sup>5</sup> Цит. по: Gaxotte P. *Histoire des Français*. P., 1972. P. 696.

<sup>6</sup> Mikoletzky H. L. *Op. cit.* S. 308, 311.

<sup>7</sup> Цит. по: Пристер Е. *Краткая история Австрии*. М., 1952. С. 340.

<sup>8</sup> NP. Bd. 7. S. 533.

<sup>9</sup> Ibid. S. 566.

<sup>10</sup> Ibid. S. 595.

<sup>11</sup> Цит. по: Bibl V. *Metternich. Der Dämon Österreich*. S. 361.

<sup>12</sup> NP. Bd. 7. S. 535.

<sup>13</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. *Op. cit.* Bd. II. S. 251.

<sup>14</sup> NP. Bd. 7. S. 536–537.

<sup>15</sup> Цит. по: Bibl V. *Op. cit.* S. 366.

<sup>16</sup> Ibidem.

<sup>17</sup> Mikoletzky H. L. *Op. cit.* S. 316.

<sup>18</sup> Ibidem.

<sup>19</sup> *Lettres du Prince de Metternich a la Comtesse de Lieven*. P. 378.

<sup>20</sup> Ibidem.

<sup>21</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. *Op. cit.* S. 284.

<sup>22</sup> Ibidem.

<sup>23</sup> NP. Bd. 7. S. 541.

<sup>24</sup> Ibid. S. 542–543.

<sup>25</sup> Ibid. S. 542.

<sup>26</sup> Srbik H. R. von. *Op. cit.* S. 289.

<sup>27</sup> NP. Bd. 7. S. 605.

<sup>28</sup> Ibid. S. 606.

<sup>29</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. *Op. cit.* S. 291.

<sup>30</sup> NP. Bd. 7. S. 610–611.

<sup>31</sup> NP. Bd. 8. S. 6.

<sup>32</sup> Ibid. S. 10.

<sup>33</sup> Ibid. S. 145.

<sup>34</sup> Ibid. S. 148.

<sup>35</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G., de. *Metternich*. P. 478.

<sup>36</sup> NP. Bd. 8. S. 20.

<sup>37</sup> Взгляд на отношения двух государственных деятелей с «английской стороны». См.: В. Г. Трухановский Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М., 1993. С. 205–207, 209.

<sup>38</sup> Цит. по: Трухановский В. Г. *Указ. соч.* С. 206.

<sup>39</sup> Monypenny F. W., Buckle G. E. *The Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield*. L., 1914. Vol. III. P. 130.

<sup>40</sup> Ibid. P. 192.

<sup>41</sup> Ibid. P. 191.

<sup>42</sup> Ibid. P. 194.

<sup>43</sup> *Aus dem Nachlaß des Grafen Prokesch-Osten*. Wien, 1881. Bd. II. S. 374.

<sup>44</sup> NP. Bd. 8. S. 323.

<sup>45</sup> *Lettres du Prince de Metternich a la Comtesse de Lieven*. P. 385–386.

<sup>46</sup> NP. Bd. 8. S. 45.

<sup>47</sup> Ibid. S. 47.

<sup>48</sup> Ibid. S. 50–51.

<sup>49</sup> Srbik H. R. von. *Op. cit.* S. 313.

<sup>50</sup> NP. Bd. 8. S. 218.

<sup>51</sup> Ibid. S. 169.

<sup>52</sup> Ibid. S. 160.

<sup>53</sup> Ibid. S. 180.

<sup>54</sup> Ibidem.

- <sup>55</sup> Ibidem.  
<sup>56</sup> Ibid. S. 162.  
<sup>57</sup> Ibidem.  
<sup>58</sup> Ibidem.  
<sup>59</sup> Ibid. S. 204.  
<sup>60</sup> Ibidem.  
<sup>61</sup> Ibid. S. 442.  
<sup>62</sup> Ibid. S. 443.  
<sup>63</sup> Ibidem.  
<sup>64</sup> Ibidem.  
<sup>65</sup> Ibidem.  
<sup>66</sup> Ibid. S. 451.  
<sup>67</sup> Ibid. S. 459.  
<sup>68</sup> Ibid. S. 32.  
<sup>69</sup> Ibid. S. 216  
<sup>70</sup> Ibid. S. 65.  
<sup>71</sup> Ibid. S. 220.  
<sup>72</sup> Ibid. S. 254.  
<sup>73</sup> Ibid. S. 233.  
<sup>74</sup> Ibid. S. 229.  
<sup>75</sup> Ibid. S. 232.  
<sup>76</sup> Ibid. S. 253.  
<sup>77</sup> Ibid. S. 222.  
<sup>78</sup> Ibid. S. 254.  
<sup>79</sup> Ibid. S. 242–243.  
<sup>80</sup> Ibid. S. 243.  
<sup>81</sup> Ibid. S. 244.  
<sup>82</sup> Цит. по: Graham J. T. Donoso Cortés. Columbia, 1974. P. 141.  
<sup>83</sup> NP. Bd. 8. S. 241.  
<sup>84</sup> Ibid. S. 242.  
<sup>85</sup> Daudet E. Une vie d'ambassadrice. P., 1903. P. 385–386.  
<sup>86</sup> Œuvres de Donoso Cortés. Lyon, 1876. T. II. P. 143.  
<sup>87</sup> Ibidem.  
<sup>88</sup> Цит. по: Graham J. T. Op. cit. P. 245.  
<sup>89</sup> Ibidem.  
<sup>90</sup> Œuvres de Donoso Cortés. T. II. P. 147.  
<sup>91</sup> Ibid. P. 148.  
<sup>92</sup> Ibidem.  
<sup>93</sup> Mikoletzky H. L. Op. cit. S. 349.  
<sup>94</sup> NP. Bd. 8. S. 288.  
<sup>95</sup> Цит. по: Mikoletzky H. L. Op. cit. S. 349.  
<sup>96</sup> NP. Bd. 8. §. 89.  
<sup>97</sup> Ibidem.  
<sup>98</sup> Ibid. S. 515.  
<sup>99</sup> Ibid. S. 517.  
<sup>100</sup> Ibid. S. 101.  
<sup>101</sup> Ibid. S. 260.  
<sup>102</sup> Ibid. S. 262.  
<sup>103</sup> Ibid. S. 102.  
<sup>104</sup> Ibid. S. 111.  
<sup>105</sup> Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. I. С. 82.  
<sup>106</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. Op. cit. S. 412.  
<sup>107</sup> Цит. по: Seward D. Op. cit. P. 258.  
<sup>108</sup> NP. Bd. 8. S. 116.  
<sup>109</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 370.  
<sup>110</sup> Цит. по: Hantsch H. Die Geschichte Österreichs. Graz; Wien; Köln, 1968. Zweiter Band. S. 339.  
<sup>111</sup> Цит. по: Mikoletzky H. L. Op. cit. S. 363.  
<sup>112</sup> NP. Bd. 8. S. 398.  
<sup>113</sup> Цит. по: Engelberg E. Bismarck. Urpreuße und Reichsbegründer. B., 1985. S. 392–393.  
<sup>114</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. Op. cit. S. 409.



- <sup>115</sup> NP. Bd. 8. S. 520–521.  
<sup>116</sup> Ibid. S. 521.  
<sup>117</sup> Ibid. S. 523.  
<sup>118</sup> Ibid. S. 113.  
<sup>119</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 449.  
<sup>120</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 450–451.  
<sup>121</sup> NP. Bd. 8. S. 124.  
<sup>122</sup> Ibid. S. 125.  
<sup>123</sup> Ibid. S. 127.  
<sup>124</sup> Metternich-Sandor P. Geschehenes, Gesehenes, Erlebtes. Wien, 1920. S. 18.  
<sup>125</sup> NP. Bd. 8. S. 356.  
<sup>126</sup> Ibidem.  
<sup>127</sup> Ibid. S. 333.  
<sup>128</sup> Цит. по: Mikoletzky H. L. Op. cit. S. 361.  
<sup>129</sup> NP. Bd. 8. S. 359.  
<sup>130</sup> Ibid. S. 361.  
<sup>131</sup> Ibidem.  
<sup>132</sup> Ibid. S. 369.  
<sup>133</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 491.  
<sup>134</sup> Ibidem.  
<sup>135</sup> NP. Bd. 8. S. 388.  
<sup>136</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 457.  
<sup>137</sup> NP. Bd. 8. S. 418.  
<sup>138</sup> Ibidem.  
<sup>139</sup> Ibid. S. 419.  
<sup>140</sup> Ibid. S. 410.  
<sup>141</sup> Ibid. S. 561.  
<sup>142</sup> Ibid. S. 415.  
<sup>143</sup> Ibid. S. 385.  
<sup>144</sup> Ibidem.  
<sup>145</sup> Ibid. S. 413.  
<sup>146</sup> Ibid. S. 415.  
<sup>147</sup> Ibid. S. 586.  
<sup>148</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 436.  
<sup>149</sup> NP. Bd. 8. S. 398.  
<sup>150</sup> Ibid. S. 400.  
<sup>151</sup> Ibid. S. 401.  
<sup>152</sup> Ibidem.  
<sup>153</sup> Ibid. S. 402.  
<sup>154</sup> Corti E. C. Op. cit. S. 461–462.  
<sup>155</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Metternich. P. 490.  
<sup>156</sup> Цит. по: Fink H. Metternich. Staatsmann, Spieler, Kavalier. Wien, 1989. S. 271.  
<sup>157</sup> Ibidem.  
<sup>158</sup> Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 491.  
<sup>159</sup> Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 460.  
<sup>160</sup> Ibid. S. 458.  
<sup>161</sup> Цит. по: Srbik H. R. von. Op. cit. S. 429.  
<sup>162</sup> NP. Bd. 8. S. 591.  
<sup>163</sup> Ibid. S. 459.  
<sup>164</sup> Ibid. S. 499.  
<sup>165</sup> Ibid. S. 597.  
<sup>166</sup> Ibidem.  
<sup>167</sup> Ibid. S. 598.  
<sup>168</sup> Ibidem.  
<sup>169</sup> Ibid. S. 604.  
<sup>170</sup> Ibid. S. 609.  
<sup>171</sup> Ibid. S. 612–613.  
<sup>172</sup> Ibid. S. 626.  
<sup>173</sup> Ibid. S. 619.  
<sup>174</sup> Srbik H. R. von. Op. cit. S. 513.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ. МЕТТЕРНИХОВСКИЙ РЕНЕССАНС?

С позиции быстро текущего исторического процесса князь Меттерних может кому-то показаться таким музейным экспонатом, реликтом ушедшей европейской аристократической эпохи. Вывод, чаще всего извлекаемый из истории его жизни, сводится к тому, что закономерный общественный прогресс восторжествовал над старым порядком и его защитником.

Было бы нелепо с этим спорить, так как для этого вывода есть достаточно веские основания. Однако в наше время, пожалуй, нельзя обойтись, говоря юридическим языком, без особого мнения.

По причуде истории на рубеже XX–XXI веков в Европе и за ее пределами возникли проблемы, побуждающие вспомнить об опыте давно минувших дней, о «веке Меттерниха». Всякое обращение к прошлому высвечивает в нем какие-то новые грани. Это не обязательно должно повлечь за собой ревизию всех прежних представлений, перемену знаков в оценке событий былых времен. Скорее следует вести речь о выявлении новых нюансов, усложнении образов, об отходе от стереотипов.

Да, князь Меттерних потерпел поражение, уступив натиску либерализма и национализма, отождествлявшихся тогда с социальным прогрессом. Но таким ли уж бессмысленным было сопротивление этого символа реакции «духу времени», таким ли уж тотальным было его поражение? В долгосрочной перспективе, с позиций сегодняшнего дня, ответы на эти вопросы не будут простыми и однозначными, как это представлялось, например, большинству современников канцлера.

Известно, что князь Меттерних являл себя миру в двух ипостасях: австрийского канцлера и «первого министра Европы», австрийца и европейца. Он проиграл в том и другом качестве, но поражение поражению рознь.

Более тяжелым и бесповоротным было для Меттерниха поражение как канцлера Австрийской империи, хотя, защищая ее интересы, он проявил незаурядное дипломатическое искусство. Не зря он стал кавалером ордена Марии Терезии. Выдающаяся государыня, она глубже, чем многие ее предшественники и наследники, понимала сильные стороны и слабости Габсбургской империи. «Дальновидный политик, пожалуй, ясновидица, — писал о ней С. Цвейг, — она знает, как непрочен этот случайный союз многих национальностей, какую остроту, сколько сдержанности, сколько умной пассивности следует проявить, чтобы продлить его существование»<sup>1</sup>. Именно принципу «умной пассивности», насколько это было возможно, следовал канцлер. Но ему приходилось много труднее, чем императрице. Ведь он был не властителем, а слугой, пусть

даже первым, императора, который из принципа своей бабки усвоил лишь существовательное — «пассивность».

Хотя Меттерних и обладал способностью гнать от себя мысли о неприятном, он все же осознал усиливающийся упадок империи. В канун революции, 1 марта 1848 г., он говорил барону Хюбнеру, имея в виду Габсбургскую монархию: «Дом слишком устарел, чтобы можно было пробить в его стенах окна и двери. Нужно строить новый дом. У меня есть для этого идеи, но недостает власти и времени»<sup>2</sup>. Он признался своему собеседнику, что ничего не ждет от будущего. Ради сохранения хоть какой-нибудь надежды он «помышлял только о том, чтобы укрыть от взоров заграницы наши беды и слабости»<sup>3</sup>.

За долгие годы своего канцлерства князь привык отождествлять империю с собой или себя с империей. Поэтому он переносил свое собственное эмоциональное состояние на страну. И самое интересное, что в значительной степени так оно и было. «Мы живем в такое время, — писал князь тому же Хюбнеру в конце 1852 г., — когда господствует *усталость*, которую не следует путать с *покоем*»<sup>4</sup>. Покой же для убежденного консерватора — это самое блаженное состояние, прежде всего политическое и социальное. Практически покой совпадает со статус-кво. Не случайно Меттерних подчеркивал в своем политическом завещании: «Моей главной заботой было сохранение существующего положения вещей»<sup>5</sup>. При этом он имел в виду не только Австрию, но также Германию и Европу.

Бесспорно, он оказался побежденным, говоря его словами, «силой вещей». Но следует прислушаться к суждению швейцарского историка Г. Рибена, который видел большую заслугу австрийского канцлера в том, что ему даже в самый сложный и хаотичный период между революциями 1830 и 1848 г. все-таки удалось уменьшить хаос. Вообще первая половина XIX в. была настолько заполнена революционными событиями, экономическими переменами, что трудно представить, что могло бы еще произойти, если бы «вся эта внутренняя динамика не имела бы противовеса в лице австрийского канцлера, который сдерживал ее, обращал ее вспять, давал континенту время, необходимое, чтобы созреть для перемен»<sup>6</sup>.

Пусть Меттерних был сметен революционным вихрем 1848 г., но элементы меттерниховского порядка как в самой Австрии, так и в Европе сохранялись еще долгое время. Австро-Венгрия сторела 60 лет спустя в самоубийственном пожаре Первой мировой войны вместе с германской и российской империями.

Меттерниху было присуще особое имперское чутье. Он прекрасно понимал опасность националистических тенденций для многонациональной империи, где титульная нация находилась в явном меньшинстве. Но возникали ситуации, когда «умной пассивности» было недостаточно. Требовались смелые, решительные, неординарные действия. А это не соответствовало его натуре, его политическому стилю. Мешала и усиливавшаяся с годами «упертость». Князь не мог перешагнуть через сословно-аристократические принципы, которые прочно вошли в его плоть и кровь.

Между тем в его излюбленном федералистском подходе таилось немало возможностей, которые не были реализованы ни им самим, ни его преемниками. Конечно, на нем есть доля ответственности за падение Габсбургской монархии. Однако практически всегда он отдавал приоритет имперским интересам перед национальными.

Возможно, ему, рейнландцу по рождению и европейцу по духу, было легче выступать в качестве именно имперского политика, чем австрийцам. И судьбу Габсбургской империи он рассматривал в контексте Европы. Австрия и Европа, был убежден князь, нуждаются друг в друге. Кстати, и некоторые видные представители наций, находившихся под габсбургским скипетром, тоже обладали широким европейским кругозором и понимали роль, отведенную Австрии в Европе. Так, знаменитый чешский мыслитель Ф. Палацкий, живший во времена Меттерниха, видел в Австрии «европейскую необходимость». Распад империи в 1918 г. вызвал шок у многих входивших в ее состав народов и национальных элит. А облачка ностальгии по империи не исчезли до сих пор.

Можно согласиться с П. Роденом, что «Меттерних ощущал себя прежде всего европейцем, а потом уже австрийцем»<sup>7</sup>. Действительно, это отличало его от таких крупных, европейского масштаба политиков, как Каслри, Талейран, Бисмарк, для которых понятие «Европа» обычно служило прикрытием особых национальных интересов. Конечно, нельзя не учитывать и того, что интересы Австрии в силу ее специфики могли быть лучше всего соблюдены именно в европейском контексте.

В конце концов идеальной моделью в глазах князя являлась конфедерация или же федерация европейских государств, стержнем которой должна была служить пентархия, ансамбль из пяти великих европейских держав. Такая структура, по мысли Меттерниха, сдерживала бы гегемонистские устремления наиболее могущественных держав, обуздывала бы подрывные националистические и революционные силы, обеспечивала бы равновесие и покой, мирное сосуществование народов под властью их легитимных суверенов. «Равновесие и покой, — изрекал князь, — неотрывны друг от друга; где отсутствует первое, там нет и другого»<sup>8</sup>.

«Покой великой державы, — писал он в июне 1847 г. Гизо, — не может быть изолированным фактом; чтобы он достиг полноты, ему нужно опереться на всеобщий покой»<sup>9</sup>. «Европеизм» Меттерниха ничуть не умаляется тем, что он связан в его представлении с интересами Австрии. Не будь князь «европейцем» по природе и убеждению, он не придерживался бы такого подхода, о чем свидетельствует опыт многих его австрийских предшественников и преемников, не ставших «европейцами».

Вместе с тем вряд ли будет уместным приписывать ему некие идеалистские и даже чуть ли не пацифистские мотивы. Особенно этим грешит интересное исследование американского историка Джеймса Зофки, написавшего диссертацию «Меттерних, Джефферсон и Просвещение» (1995), а также статью о меттерниховской теории европейского порядка. В них находит выражение тен-

денция к более объективному освещению политической деятельности австрийского канцлера. Это вполне естественная реакция на выдержанное и исключительно в черной краске ее изображение, доминировавшее издавна.

Однако Зофка, на наш взгляд, заходит чересчур далеко, сближая реалиста и прагматика Меттерниха с поборником «вечного мира», великим философом-идеалистом И. Кантом<sup>10</sup>. Об этом же, правда значительно более приглушенно, писал в свое время почитатель Меттерниха Г. фон Србик. Между тем сам князь не дает серьезных поводов для таких истолкований. «Я хочу политического мира, — говорил он, — не из-за каких-то абстрактных идей, а по расчету»<sup>11</sup>. Впрочем, и отцы-основатели современной интегрированной Европы также руководствовались не столько идеалами, сколько историческим опытом и политическими соображениями.

Структурно современная Европа, все более обретающая федеративные черты, может быть соотнесена с меттерниховской моделью, хотя канцлер, как известно, имел в виду Европу монархов, призванную упрочить словно-аристократический порядок. В наше время наиболее активными поборниками европейского единства выступают представители тех сил, которые князь считал своими смертельными врагами: социалисты и либералы. Между тем исторические наследники Меттерниха чаще предстают в качестве евроскептиков.

Конечно, для современных евроэнтузиастов австрийский канцлер с репутацией символа европейской реакции совсем не привлекателен в качестве пусть и отдаленного, но все же предтечи. Неловко признавать и то обстоятельство, что не зря он раньше других усматривал в подъеме национализма угрозу не только имперским, но и общеевропейским интересам. Превозносимый прогрессистами национализм довольно скоро устремился в экстремистско-реакционное русло.

Об австрийском канцлере и о Габсбургской империи стали все чаще вспоминать в связи с потрясениями последних лет на Балканах. Причем в одной связке с Меттернихом обычно фигурирует самый авторитетный его интерпретатор и в известной мере поклонник Генри Киссинджер. Характерна в этой связи статья известного американского журналиста, автора нескольких книг по проблемам международной политики Р. Д. Каплана, опубликованная в июньском номере «The Atlantic Monthly» за 1999 г. под заголовком «Киссинджер, Меттерних и реализм». Автор статьи подчеркивает, что реалист Киссинджер брал Меттерниха под защиту от нападок историков, придерживающихся общепринятого взгляда о прогрессивности борьбы за национальную независимость в 1848 г. В интерпретации бывшего американского госсекретаря австрийский канцлер выступал против европейских революций 1848 г. не столько потому, что они были демократическими, сколько потому, что они «провоцировали этнический национализм». Особенно интересен вывод самого Р. Д. Каплана: «С тех пор, как завершилась холодная война и в бывшем Советском Союзе и на Балканах вырвался из узды этнический национализм, Габсбургская монархия, которой служил Меттерних, выглядит в гораздо лучшем свете»<sup>12</sup>.

В наши дни оказался востребованным, пожалуй, важнейший элемент меттерниховского наследия — его концепция европейского порядка, воплощенная в идее «европейского концерта держав», или пентархии. Если четверть века назад Г. Киссинджер пытался на ее основе проводить политику разрядки, то теперь в ней склонны видеть модель многополюсного мира. Эта идея уже «прокручивается» во влиятельных СМИ, начинает входить в широкий оборот.

Так, на страницах германской консервативной газеты «Die Welt» в феврале 2001 г. один из ведущих ее сотрудников Ж. Шустер, подобно Киссинджеру, видит в модели пентархии прообраз нового миропорядка. «„Система Меттерниха“, — пишет Шустер, — состояла из пяти европейских монархий, которые после победы над Наполеоном поставили себе целью сохранение статус-кво и ревностно следили за тем, чтобы ни одна из них не стала слишком могущественной»<sup>13</sup>. Автор из «Die Welt» даже склонен идеализировать эффект пентархии: «Равновесие этой системы обеспечило золотой век безопасности»<sup>14</sup>.

В свое время Г. Киссинджер видел разрядку покоящейся на таких пяти китах: США, Россия, Европа, Япония, Китай. У германского журналиста пентархия выглядит следующим образом: «Америка, Европа, Россия, Китай и Индия будут следить за тем, чтобы никто из них не достиг господства. Они будут сдерживать кризисы и войны... насколько это будет возможно, чтобы сохранить статус-кво»<sup>15</sup>. Итак, рецепт Меттерниха остается в силе.

Надежды героя этой книги, что аналитики будущего лучше поймут его политику, нежели современники, как будто начинают оправдываться. Прошли времена безоглядной веры в прогресс. Становится очевидным, что необходимо некое сдерживающее начало, для того чтобы не утратить связи времен, сохранить нити преемственности, традиции. Консерватизм, одним из виднейших представителей которого являлся князь Меттерних, перестал быть пугалом, синонимом реакции на вызовы со стороны либералов и радикалов. Он органично вписался в контекст современных демократических обществ. Его ценностные и социально-политические установки стали элементами общественного консенсуса в большинстве стран Запада.

Что же касается самого князя, то теперь и он воспринимается иначе, чем прежде. Этот утонченный, изящный аристократ на фоне политических монстров, порожденных XX столетием, «веком масс», «веком-волкодавом», уже не выглядит столь зловещей, паукообразной фигурой, какой он представлялся современникам.

Интересно, что на уровне обыденной житейской культуры отношение к князю намного более благожелательнее, нежели в сфере науки. Образ блестящего знатного кавалера хорошо гармонирует с ностальгической по «славным» имперским временам, придает шарм обыденности. Трудно придумать лучшую рекламу, чем княжеское имя, например, для сорта вина, для названия ресторана, для туристического маршрута по достопримечательным местам. Меттерних стал элементом мифа о «доброй старой Вене», о Габсбургской империи вообще.

Отношение к князю людей, не обремененных историческими познаниями, явно снисходительнее, чем у ученых.

Впрочем, и в мире науки подход к жизни и деятельности князя Меттерниха становится менее предвзятым. Остались в прошлом попытки их идеализации и демонизации. От этого историческая истина только выигрывает.

---

<sup>1</sup> Цвейг С. Мария Антуанетта // Цвейг С. Соб. соч. М., 1992. Т. 7. С. 182–183.

<sup>2</sup> NP. Bd. 8. S. 625.

<sup>3</sup> Ibid. S. 626.

<sup>4</sup> Maximen des Fürsten Metternich. S. 81.

<sup>5</sup> NP. Bd. 7. S. 641.

<sup>6</sup> Rieben H. Prinzipiengrundlage und Diplomatie in Metternichs Europapolitik. 1815–1848. Aurau, 1942. S. 55.

<sup>7</sup> Roden P. R. Die Klassische Diplomatie. Von Kaunitz bis Metternich. Leipzig, 1939. S. 258.

<sup>8</sup> Maximen des Fürsten Metternich. S. 101.

<sup>9</sup> Ibidem.

<sup>10</sup> См.: Sofka J. K. Metternich's Theory of European Order: A Political Agenda for «Perpetual Peace» // Review of Politics. 1998. Vol. 60, № 1.

<sup>11</sup> Maximen des Fürsten Metternich. S. 101.

<sup>12</sup> The Atlantic Monthly. 1999. Vol. 283, № 6. P. 78.

<sup>13</sup> Die Welt. 2001. 21. II.

<sup>14</sup> Ibidem.

<sup>15</sup> Ibidem.

## Содержание

От издателя .....	5
Введение. Человек, давший имя эпохе .....	7
Глава I. Выбор судьбы .....	21
Глава II. Парижские университеты .....	46
Глава III. «...Счастливая Австрия, заключай браки» .....	73
Глава IV. «...В Бонапарта гусиное перо направил Меттерних» .....	101
Глава V. Дуэль с царем .....	133
Глава VI. «Кучер Европы» .....	170
Глава VII. Кучер теряет вожжи .....	212
Глава VIII. Июльский шок .....	247
Глава IX. «Больной полководец» .....	285
Глава X. В круговой обороне .....	329
Глава XI. «Профессор» Меттерних .....	355
Заключение. Меттерниховский ренессанс? .....	401



П. Ю. Рахшмир

# **КНЯЗЬ МЕТТЕРНИХ: ЧЕЛОВЕК И ПОЛИТИК**

*Автор и издатель выражают благодарность компаниям «Уралкалий», «ЛУКОЙЛ-Пермь», «Витус», Пермскому городскому фонду общественных и социальных инициатив «Медведь», а также администрации Пермской области за финансовую поддержку в издании книги.*

*Часть средств для издания этой книги выделена в рамках реализации областной Целевой программы развития политической и правовой культуры.*

Подписано в печать 7.07.2005. Формат 60x80<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Гарнитура Miniature. Печать офсетная. Бумага ВХИ. Усл. печ. л. 22,67.  
Тираж 1000 экз. Заказ № 363.

Отпечатано в типографии «ЗёБРА».  
614990, г. Пермь, ул. Окулова, 80 (корпус 118 «Телур»), 4 этаж.  
[www.xebra.ru](http://www.xebra.ru)

КНЯЗЬ МЕТТЕРНИХ:  
ЧЕЛОВЕК И ПОЛИТИК

П. Ю. Рахшмир